

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АРХЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ (ДОН)

Коллективная монография

Под редакцией А. П. Медведева

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2022

УДК 902(470.32)
ББК 63.4(234.5)
А87

*Утверждено Научно-методическим советом исторического факультета
Воронежского государственного университета*

А в т о р ы :

А. П. Медведев, Д. В. Акимов, В. Д. Березуцкий, А. А. Бессуднов, А. Н. Бессуднов, А. З. Винников,
Е. Ю. Захарова, И. В. Зиньковская, М. В. Цыбин

Р е ц е н з е н т ы :

доктор исторических наук,
профессор *С. Ю. Монахов*;

доктор исторических наук,
доцент *В. Р. Канторович*

Археология Центрального Черноземья (Дон) : коллективная монография /
А87 А. П. Медведев [и др.] ; отв. ред. А. П. Медведев ; ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. — 392 с. + 223 рис. (105 цветных и 117 черно-белых). — ISBN 978-5-4446-1717-5. — Текст : непосредственный.

Коллективная монография посвящена археологии Центральной России, ее памятникам, и нерешенным проблемам. Она охватывает практически все «археологическое время» в истории нашего региона в основном в границах Воронежской области (губернии), которые неоднократно менялись. Впервые на основе новейших раскопок освещается археология Среднего и отчасти Верхнего Дона с момента заселения человеком (ок. 50 тыс. лет. л. н.) и до XV в. — кануна вхождения нашего края в Русское государство. Такой подход позволяет увидеть всю глубину нашей истории, множество народов и культур, которые на протяжении тысячелетий сменяли друг друга. Он дает возможность объективно оценить все богатство нашего археологического наследия.

Для студентов, аспирантов, специалистов, всех, кто интересуется нашим прошлым.

Монография подготовлена на кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета.

УДК 902(470.32)
ББК 63.4(234.5)

Авторы выражают благодарность ООО НПЦ «ДРЕВНОСТИ»
и ООО «Археологический парк «Аргамач»
за финансовую помощь в издании этой книги.

Мы также благодарны Якову Петровичу Мулкиджаняну,
взявшему на себя разработку макета обложки и бескорыстно поделившемуся с нами
своими оригинальными художественными реконструкциями,
которые вошли в книгу в качестве цветных иллюстраций.

ISBN 978-5-4446-1717-5

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 2022
© Медведев А. П., Акимов Д. В., Березуцкий В. Д.,
Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., Винников А. З.,
Захарова Е. Ю., Зиньковская И. В., Цыбин М. В., 2022
© Изд. оформление.
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Часть 1. КАМЕННЫЙ ВЕК	11
РАЗДЕЛ 1. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ	
<i>А. А. БЕССУДНОВ, А. Н. БЕССУДНОВ</i>	14
Глава 1. Каменный век и Костёнки (50—12 тыс. лет назад)	14
Глава 2. Начальная пора верхнего палеолита	18
Глава 3. Ранняя пора верхнего палеолита	22
Глава 4. Средняя пора верхнего палеолита	23
Глава 5. Поздняя пора верхнего палеолита	27
Глава 6. Погребения древних людей в Костёнках	31
Глава 7. «Палеолитические Венеры»	32
РАЗДЕЛ 2. МЕЗОЛИТ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ	
<i>А. Н. БЕССУДНОВ</i>	35
Глава 1. Перемены в жизни людей в начале мезолита	35
Глава 2. Новейшие исследования мезолитических культур	39
РАЗДЕЛ 3. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХИ	
<i>А. Н. БЕССУДНОВ</i>	43
Глава 1. Неолит на Среднем Дону	43
Глава 2. Основные неолитические культуры и памятники	43
Глава 3. Энеолит, или медно-каменный век	48
Глава 4. Находки лодок-однодеревок	51
Часть 2. ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА	53
РАЗДЕЛ 1. БРОНЗОВЫЙ ВЕК	
<i>Е. Ю. ЗАХАРОВА, В. Д. БЕРЕЗУЦКИЙ, А. П. МЕДВЕДЕВ</i>	54
Глава 1. Бронза и достижения в металлургическом производстве	54
Глава 2. Переход к производящей экономике	55
Глава 3. Курганы в степи и лесостепи	56
Глава 4. Изменения в социальной организации	58
Глава 5. Антропология и демография населения эпохи бронзы	60
РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ	
<i>Е. Ю. ЗАХАРОВА, В. Д. БЕРЕЗУЦКИЙ, А. П. МЕДВЕДЕВ</i>	62
Глава 1. Древнеямная (ямная) культура	63
Глава 2. Катакомбная культура	68
Глава 3. Доно-волжская абашевская культура	74
Глава 4. Срубная культура	77
Часть 3. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК	89
РАЗДЕЛ 1. НА РУБЕЖЕ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА	
<i>А. П. МЕДВЕДЕВ</i>	90
Глава 1. Ранний железный век как историческая эпоха	90
Глава 2. На рубеже бронзового и железного веков	94
Глава 3. Наступление железного века в донской лесостепи	95
Глава 4. Предскифский период на Среднем Дону	97

Глава 5. Проблема киммерийцев на Среднем Дону	104
Глава 6. Верхнее Подонье в начале железного века	105
6.1. Памятники с сетчатой керамикой	107
6.2. Памятники с «рогожной» керамикой	109
Глава 7. Реконструкция культурных и этнических процессов в Верхнем Подонье в I тыс. до н. э.	111
Глава 8. Об этнической принадлежности населения Верхнего Дона в раннем железном веке	115
РАЗДЕЛ 2. СКИФСКАЯ ЭПОХА НА СРЕДНЕМ ДОНУ. ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ	
А. П. МЕДВЕДЕВ	117
Глава 1. Среднедонская культура скифского времени.....	117
Глава 2. Территория и основные районы среднедонской культуры.....	118
Глава 3. Система расселения среднедонского населения в Правобережье Дона (на микрорегиональном уровне)	124
Глава 4. Хозяйственно-культурные типы среднедонского населения	127
Глава 5. К оценке численности оседлого населения в скифское время.....	128
Глава 6. Происхождение среднедонской культуры	129
Глава 7. Типы жилищ и планировка Пекшевского городища.....	138
РАЗДЕЛ 3. СКИФСКАЯ ЭПОХА НА ДОНУ. СРЕДНЕДОНСКИЕ КУРГАНЫ	
А. П. МЕДВЕДЕВ	143
Глава 1. История открытия и изучения	143
Глава 2. Среднедонской курганный погребальный обряд.....	144
Глава 3. Сопровождающий инвентарь как показатель социального статуса погребенных в курганах.....	154
Глава 4. О социальном составе и социальной организации среднедонского населения.....	176
Глава 5. Результаты комплексного анализа среднедонских курганных могильников	181
Глава 6. Проблема этнической принадлежности среднедонского населения в скифское время.....	184
6.1. Река Танаис в исторической географии Скифии	184
6.2. Скифы на Среднем Дону («воронежские скифы»)	185
6.3. «Скифы отложившиеся» и меланхлены	187
6.4. Савроматы и сарматы	188
6.5. Тиссагеты и иирки	189
6.6. Будины и гелоны на Среднем Дону	189
6.7. Кто мог населять берега Среднего Дона в скифское время?	193
Глава 7. Финал среднедонской культуры скифского времени.....	196
РАЗДЕЛ 4. САРМАТСКАЯ ЭПОХА	
А. П. МЕДВЕДЕВ	201
Глава 1. Сарматы и их время	201
Глава 2. Начало сарматской эпохи на Среднем Дону	208
Глава 3. Среднесарматская культура на Среднем Дону и Хопре	212
Глава 4. Сарматские могильники на р. Воронеж	215
Глава 5. Сарматы-конееды.....	229
Глава 6. Городища сарматского времени на р. Воронеж	232
Глава 7. Погребение липецкой «царицы»	236
Глава 8. Среднее Подонье в позднесарматское время.....	244

РАЗДЕЛ 5. НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>И. В. Зиньковская, Д. В. Акимов, М. В. Цыбин</i>	249
Глава 1. Памятники с изделиями круга выемчатых эмалей и венеты в бассейне Дона	249
Глава 2. Великое переселение народов в истории лесостепного Подонья	253
2.1. Поселения типа «Каширки — Седелки»	253
2.2. Памятники гуннского времени на Верхнем Дону	256
Глава 3. Ранние славяне и их соседи	260
3.1. Раннеславянские и близкие им древности	260
3.2. Погребения раннесредневековых кочевников	261

Часть 4. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ 265**РАЗДЕЛ 1. ДОНСКИЕ СЛАВЯНЕ VIII—XI вв.**

<i>А. З. Винников</i>	267
Глава 1. История изучения	267
Глава 2. Городища и поселения славян	269
Глава 3. Жилища донских славян	271
Глава 4. Хозяйство донских славян	273
4.1. Земледелие	273
4.2. Животноводство	274
4.3. Охота и рыболовство	274
4.4. Керамическое производство	275
4.5. Металлургия и металлообработка	276
4.6. Торговля	278
Глава 5. Язычество и славянские курганы	280
5.1. Амулеты и святилища	281
5.2. Славянские курганы	282
5.3. Погребальный обряд	284
Глава 6. Исторические судьбы донских славян	287
6.1. О хронологии славянских памятников на Дону и Воронеже	287
6.2. Донские славяне и кочевники	288

РАЗДЕЛ 2. ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ И МАЯЦКАЯ КРЕПОСТЬ

<i>А. З. Винников</i>	293
Глава 1. Письменные и археологические источники о населении Хазарского каганата на Среднем Дону	294
Глава 2. История изучения Маяцкой крепости	296
Глава 3. Маяцкое городище	298
Глава 4. Рисунки и надписи на стенах крепости	302
Глава 5. Жилые и хозяйственные постройки	306
Глава 6. Хозяйство населения Маяцкого селища	308
Глава 7. Языческие верования и культовые постройки	310
Глава 8. Могильники Маяцкого городища	315
Глава 9. О дальнейшей судьбе населения Маяцкой крепости	317

РАЗДЕЛ 3. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПОРУБЕЖЬЕ РУСИ И ПОЛОВЦЫ

<i>М. В. Цыбин</i>	320
Глава 1. Древнерусские городища и поселения на Дону и Воронеже	320
Глава 2. Древнерусские городища и вопрос о летописном Воронеже	327
Глава 3. Половцы на Среднем Дону и в Прихоперье	328

РАЗДЕЛ 4. МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РУСЬ И СИТУАЦИЯ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

<i>М. В. Цыбин</i>	337
Глава 1. Монгольское нашествие в отражении письменных источников.....	337
Глава 2. Русские поселения золотоордынской эпохи на Среднем Дону	340
Глава 3. Оседлое степное население золотоордынской эпохи	346
Глава 4. Золотоордынская элита на Среднем Дону.....	349
Глава 5. Золотоордынский мавзолей в центре Воронежской области	361
Глава 6. Конец владычества Орды на Среднем Дону	367

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

<i>А. П. Медведев</i>	369
-----------------------------	-----

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	372
--	-----

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	391
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

История нашего края насчитывает более 50 000 лет. К этому времени появился человек современного типа *Homo sapiens* — «человек разумный», внешне мало отличимый от наших современников. Сменились тысячи поколений людей, сотни народов и культур. И все они оставили след на нашей земле — *археологические памятники*, которых насчитываются тысячи. Археологический памятник — это объект из прошлого, сохранившийся в земле или воде и несущий в себе информацию о культуре людей той или иной эпохи. Иногда их называют археологическими источниками. Это верно лишь отчасти. Археологические памятники, как правило, не приметны для наших современников. Время и человек почти стерли их с лица земли. Их находят специалисты-археологи. С того момента, как на древний курган или поселение вступила нога профессионального археолога, обнаружившего остатки древней культуры, он становится археологическим памятником. Ученый выполняет необходимые работы по его фиксации и атрибуции, снимает географические координаты, проводит его топосъемку, дает его описание сначала в полевой дневник, затем в научный отчет и сдает его на вечное хранение в архив Института археологии Российской академии наук.

В результате благодаря археологам открытые древности как бы рождаются заново, обретают вторую жизнь уже как «*памятники археологии*» или «*объекты археологического наследия*», что, разумеется, никак не умаляет роли их истинных древних создателей, которые, правда, никогда не думали, что остатки их поселений или погребений кто-то будет изучать. В этом смысле в их появлении на свет велика заслуга археологов. Подлинные названия большинства древних народов нам не известны. Поэтому сами археологи дают названия памятникам, как правило, по ближайшему населенному пункту, старому или современному топониму: горе, реке, озеру, а раньше — по названию народа, который, как тогда казалось, оставил эти древности («татарские могилы», «турецкие валы» и др.). К концу XX в. стало почти всем очевидно, что только первый способ наименования археологических объектов — по географическому пункту — выдержал испытания временем, поскольку он дает возможность избежать той путаницы в их на-

звании и особенно в названиях археологических культур, которой полна наша литература.

Если памятник археологии привлечет особое внимание специалистов, они проводят на нем археологические раскопки. В результате научных раскопок, детального анализа полученных данных с применением современных археологических и естественно-научных методов, полной публикации всех материалов начинается процесс трансформации археологического памятника в добротный *археологический, а затем и исторический источник*, из которого можно получить достоверную информацию о прошлом конкретной группы древних людей. И не только это. Современные палеопочвенные методы позволяют определить природно-климатическую обстановку, в которой жили люди той или иной эпохи, другие методы — их пищевой рацион, заболевания, травмы (боевые и бытовые), причины смерти и т. п. Археология начала XXI в. неизмеримо расширила круг знаний о людях прошлого, важных для сопоставления с нашими современниками, и тем самым позволила узнать, что мы приобрели, а что утратили за многотысячелетнюю историю.

По своей структуре археология — наука двухуровневая. В поле археолог имеет дело с материальными объектами, например курганами, имеющими определенную высоту, диаметр, координаты. Здесь его работа мало отличается от труда представителей естественных наук. А вот кабинетный, теоретический уровень исследований, заключающийся в изучении полученных в поле результатов, в конечном итоге превращает археолога в историка. Но, к сожалению, здесь уже нет общепринятых строгих методов и процедур исследования, как на первом — эмпирическом — уровне. Поэтому в археологических публикациях мы встречаем различные, иногда противоположные интерпретации одних и тех же памятников археологии.

Современная наука накопила огромный фонд археологических источников, которые специально никак не предназначались в качестве хранителей информации о прошлом и поэтому несут в себе лишь «ненамеренные» сообщения. Они представляют остатки той реальной культуры, которая была в прошлом. А главное — при анализе археологических источников мы получаем информацию о про-

шлом *независимо* от источников исторических в традиционном понимании этого слова (и даже при полном их отсутствии). В этом смысле археология обладает *несомненной автономией* познания прошлого, в перспективе неограниченного в сравнении с традиционными письменными источниками. Поэтому далеко не случайно известнейший французский археолог Анри Леруа-Гуран назвал свою статью о первобытной археологии «История без текстов»¹.

Одна этнографическая универсалия гласит: «Человек видим тогда, когда к его телу прилегают вещи»². В прошлом они выполняли не только чисто утилитарные функции, но служили знаком его этнической принадлежности и социального статуса. А окружающий людей мир вещей, *артефактов*³ — *овеществленных остатков человеческой деятельности* — составляет уже систему, в известной мере *подобную тексту и поэтому подлежащую более или менее однозначному прочтению всеми специалистами*. При этом сам набор артефактов в составе археологического комплекса, как правило, далеко не случаен, что наглядно подтверждает его *многократная повторяемость*, например, в качестве сопровождающего погребального инвентаря людей одной и той же археологической культуры. Здесь уместно напомнить, что со времени Иммануила Канта именно повторяемость явлений считается одним из условий познания научной истины. В этом археология существенно отличается от истории, где исторические факты никогда не повторяются в том же самом виде.

Реконструкция прошлого по данным археологии — дело необычайно сложное, громоздкое, но крайне интересное. Археологи уже по самой природе своей профессии — всегда первопроходцы. Они — счастливые люди, хотя бы потому, что делают многократно больше научных открытий, нежели остальные историки. При этом сами по себе раскопки памятника занимают не так уж много времени, обычно 1—2 месяца. А вот камеральная обработка находок (мытьё, шифровка, реставрация, прори-

совка, всевозможные анализы и т. п.) полученных массовых материалов отнимает большую часть времени археолога. Поэтому не случайно выдающийся британский археолог Р. Мортимер Уиллер бросил шуточную фразу, что у археологов серого вещества (т. е. грязи) под ногтями больше, чем в голове, тем самым подчеркнув преимущественно черновой характер работы исследователя с массовыми находками, извлеченными из земли. А далее начинается их анализ, поиск аналогий, датирование, определение культурной принадлежности и историческая интерпретация. Наконец, на выходе мы обычно получаем... один конкретный исторический факт или явление (гибель поселения, время появления боевых колесниц, распространение на данной территории нового народа и т. п.). Выстраивая эти факты во времени и пространстве, археологи получают возможность реконструировать историю отдельного поселения, страны или континента.

Если перейти к археологии изучаемого региона, то в Европейской части России, пожалуй, нет такой другой области, которая бы располагала таким разнообразием археологических памятников и культур. Наша история начинается с Костёнок, которые сто лет назад выдающийся русский археолог Александр Андреевич Спицын не случайно назвал «жемчужиной русского палеолита». На Среднем и Верхнем Дону открыты и успешно исследуются мезолитические, неолитические, энеолитические древности, принадлежащие более чем дюжине археологических культур. Бронзовый век Среднего Дона считается классическим и представлен основными культурами Юга Восточной Европы: ямной, катакомбной, срубной, а также лесостепными — абашевской, бондарихинской и др. В раннем железном веке мы имеем возможность изучать лесные по происхождению, лесостепные и степные культуры, предскифские древности («киммерийцев»), среднедонскую культуру скифского времени с очень яркими памятниками, свидетельствующими о сложном этническом составе и социальной организации населения, ее оставившего, ранне-, средне- и позднесарматские культуры. На рубеже Древности и раннего Средневековья начинается славянский период нашей истории — от загадочных венедов, носителей культуры выемчатых эмалей, до древностей гуннского времени, в которых, судя по всему, преобладал уже праславянский компонент. Средневековье представлено сразу четырь-

¹ Leroi-Gourhan F. L'histoire sans texts: ethnologie et préhistoire // L'histoire et ses methods. Paris, 1961.

² Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии. Москва, 1998. С. 192.

³ Артефакт в археологии — буквально «искусственно изготовленный» объект в отличие от природного.

мя группами различных памятников: боршевской культурой, оставленной донскими славянами, салтово-маяцкой культурой Хазарского каганата и одним из самых ярких ее памятников — Маяцкой крепостью, курганами поздних кочевников и, наконец, памятниками эпохи Золотой Орды, среди которых захоронения монгольской элиты (потомков Чингисхана!) и даже целый мавзолей, возведенный в центре Воронежской области над погребением, скорее всего, правителя татарского улуса. При этом на Среднем Дону продолжало проживать русское население, памятники которого в последнее время успешно изучают археологи Воронежского университета. Таков краткий абрис археологического наследия нашего края к началу XXI в. Его хронологические рамки 45 тыс. лет — XV в. О нижней дате речь пойдет в 1-й главе. Но почему мы остановились на XV в.?

Бурные события в нашем крае, распад Золотой Орды, вассалами которой были великие московские князья до 1480 г., страшное нашествие Тамерлана, видимо, так опустошили нашу землю, что мы пока не смогли найти ни одного памятника XV в. Скорее всего, именно в этот период наш край превратился в «Поле», где не было постоянного русского населения, а время от времени в южные районы заходили кочевые орды — осколки некогда могущественной Золотой Орды. Это не значит, что выше XV в. археологов уже ничего не интересует. Интересует, потому что и о последующем XVI в. сохранилось очень мало письменных свидетельств. Поэтому мы вели раскопки в 2011 г. на так называемом «Старом городище» и впервые обнаружили не только культурный слой, близкий основанию города-крепости Воронеж, но целое жилище с материалами конца XVI—XVII вв., возможно, одного из первых воронежцев. С тех пор археологические раскопки в исторической части Воронежа ведутся ежегодно, поскольку историкам не хватает важной исторической информации не только по XVII, но даже по XVIII в.

О географии изучаемого региона. Прежде всего, это территория Воронежской области (ранее губернии), в которую в разное время входили многие районы, оказавшиеся сейчас в составе других областей, в основном Липецкой и Белгородской. На севере мы старались не заходить за линию Задонск — Липецк, на юге — за границы Ростовской, Волгоградской, Луганской областей. На западе такой границей служит р. Оскол, на востоке — Хопер. По

географической номенклатуре большую часть этой территории занимает типичная средне-русская степь. Здесь дубравы чередовались с разнотравно-луговыми степями. На юге она переходит в южную лесостепь, которая в Правобережье Дона простирается от р. Тихая Сосна до р. Черная Калитва. Здесь преобладали разнотравно-ковыльные степи в комплексе с типчаковыми. Из-за недостатка увлажнения в этой подзоне часты засухи и суховеи.

Гидрографическую основу региона составляет Дон, или, как его называли греки, Танаис. Его многочисленные правобережные притоки текут преимущественно в широтном направлении, тогда как крупные левобережные не подчиняются этому правилу — Воронеж, Битюг, Хопер в целом несут свои воды (до впадения в Дон) в южном направлении. Довольно густая речная сеть играла важную роль в жизни людей всех эпох. Но, безусловно, главной торговой магистралью, по крайней мере, с I тыс. до н. э. стал Дон, связавший наш край с зоной великих древних цивилизаций, наглядным свидетельством чему являются десятки греческих амфор, найденных в воронежских курганах. Да и раньше донские берега постоянно притягивали самое разное население, которое оставило нам в наследство тысячи археологических памятников. Вот на основе их изучения мы и попытаемся познакомить читателя с историей нашего края до кануна его вхождения в состав Русского государства в XVI в.

Внимательный читатель не может не обратить внимание на то, что разделы книги имеют различную структуру и объем, написаны в разной манере и разным стилем. Это не случайно. Во-первых, сам характер изучаемого материала от эпохи к эпохе возрастает и усложняется, требует своего языка описания: одно — это кремневые орудия труда каменного века, другое — это скифский звериный стиль. Поэтому в каждом разделе археологии сформировались свой подход, свои методы, свои традиции подачи материала. Во-вторых, это профессиональный уровень и особенности языка того или иного автора. Ответственный редактор пытался в меру возможности сгладить текст книги, но до конца добиться этого ему не удалось, а может быть, было и не нужно. В самой разнообразии стилей также проявляется специфика той или иной археологической эпохи.

И последнее — об объективных и субъективных предпосылках написания этой кни-

ги. Идея написания обобщающей монографии по археологии лесостепного Подонья носилась в воздухе на кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета давно. Но ее каждый год приходилось отодвигать на задний план из-за более насущных дел — у археологов не так много свободного времени. Основное время они тратят на полевые работы, а затем на ежегодное написание толстых научных отчетов о разведках и раскопках, иногда в нескольких томах. Кроме того, все авторы — университетские преподаватели. Основная наша работа все же не археология как наука, а преподавательская деятельность, за которую мы получаем зарплату. За исключением нескольких недель полевой практики мы занимаемся любимым делом в свободное от занятий время, а его, в силу известных причин, становится все меньше и меньше.

Между тем за более чем столетие развития воронежской археологии накоплен огромный археологический материал, львиную долю которого добыли археологи Воронежского государственного университета и их ученики, работающие в Воронеже, Белгороде, Курске, Липецке, а также археологи Москвы, Санкт-Петербурга и других городов Российской Федерации. В силу занятости большинства нынешнего поколения молодых археологов договорной, «коммерческой» тематикой оно вряд ли сможет «переварить» старые и особенно стремительно накапливающиеся новые материалы, разбросанные по десяткам центров, музеев и фондохранилищ и, в конечном итоге, написать в будущем книгу, подводящую итоги развития воронежской археологии за последние сто лет. По моим наблюдениям, к сожалению, у нового поколения археологов за редким исключением нет ни времени, ни интереса к собственно археологической науке — целенаправленному, постоянному изучению крупных археологических тем или памятников, с которыми со временем могли быть связаны их имена.

Необходимость написания сводного археологического издания я особенно остро ощутил после ухода из жизни профессоров Арсена Тиграновича Синюка и Анатолия Дмитриевича Пряхина, а на заслуженный отдых Анатолия Захаровича Винникова — трех корифеев воронежской археологии, за которыми остались не только научные направления, десятки учеников, но и горы в разной степени изученных и осмысленных археологических материалов. В общем, мы подошли к той «красной черте»,

когда надо было откладывать другие важные дела и садиться за написание книги. Ее авторами стали сотрудники и выпускники кафедры археологии и истории Древнего мира Воронежского университета, специалисты по разным эпохам и культурам. За их плечами десятки исследованных базовых памятников археологии практически всех эпох, представленных в Центральной России.

Признаюсь — написание книги шло трудно, и не только потому, что авторам приходилось часто выходить за рамки своих привычных, «накатанных» тем. Я как инициатор и редактор издания постоянно ощущал «сопротивление материала» и иногда откровенно «понуждал» некоторых коллег по несколько раз переписывать представленные ими разделы, добавлять упущенные важные темы или находки, а иногда просто дописывал те или иные разделы, особенно в их заключительной части. А затем начались мытарства в поисках финансирования издания этой книги, затянувшиеся более чем на два года. В силу известных причин главный спонсор в начале 2022 г. отказался ее финансировать, и мне пришлось по частям искать деньги на ее публикацию. В конце концов, их удалось собрать и мы надеемся, что вскоре книга выйдет из издательства.

Каждый из авторов обращался за помощью и материалами к десяткам коллег и друзей, директорам музеев, которые всегда щедро делились с нами находками для написания монографии. Это: А. Ю. Алексеев, Ю. А. Апальков, Н. Е. Арсенова, В. Д. Березуцкий, А. З. Винников, Е. И. Гак, В. И. Гуляев, А. Е. Дудин, А. В. Жадин, О. Ласынкова, А. А. Казарницкий, Р. Р. Каримова, Е. А. Кашина, А. Н. Кирпичников, А. Ю. Клоков, В. Н. Ковалевский, В. В. Кравец, Ю. П. Матвеев, Е. Н. Мельников, С. Ю. Монахов, Я. П. Мулкиджанян, А. М. Обломский, М. И. Пилипенко, А. И. Пузикова, Ю. Д. Разуваев, Н. Рейндольдс, А. А. Синицын, И. Самоваров, А. М. Скоробогатов, А. В. Сурков, В. И. Такмаков, И. В. Федюнин, В. С. Флеров, А. А. Хреков, А. Г. Яблоков и многие другие. Всем им мы выражаем искреннюю признательность. И, конечно, особая благодарность нашим спонсорам: ООО НПЦ «Древности» (Ю. П. Матвеев, А. Г. Яблоков), «Археологический парк Аргамач» (А. Н. Голотвин) и др., которые так прониклись духом археологии, что взяли на себя благородную миссию профинансировать издание этой книги. Мы надеемся — не напрасно.

А. П. Медведев

Часть 1
КАМЕННЫЙ ВЕК

История человечества начинается с каменного века, который длился более двух миллионов лет. Это был самый первый и самый продолжительный период в истории человечества. Название его обусловлено преобладанием использования каменного сырья для производства орудий труда. Всю эпоху камня разделяют на несколько эпох:

- древний каменный век (палеолит) — 2 млн — 12 тыс. лет назад (далее — л. н.);
- средний каменный век (мезолит) — 12—8 тыс. л. н.;
- новый каменный век (неолит) — 7—4 тыс. лет до н. э.;
- медно-каменный век (энеолит) — 4—3 тыс. лет до н. э.

В свою очередь палеолит подразделяется на ранний (нижний) — более 2 млн — 100 тыс. л. н., средний — 100 000 — 50—45 тыс. л. н. и верхний (поздний) — 45 000 — 12 тыс. л. н. Окончанием каменного века считают время освоения металлургии и металлообработки бронзы, которая постепенно вытесняет камень как основной материал для орудий труда и иных изделий.

Климатические условия плейстоценовой эпохи. Примерно миллион лет назад на-

чинается период, который геологи называют плейстоценом. Это было время неоднократной смены климата, растительности и животного мира. При этом древние люди были не только свидетелями чередования холодных — ледниковых и относительно теплых эпох, но и вынуждены были приспосабливаться к ним, чтобы выжить в непростых условиях. В холодные времена земля в Северном полушарии покрывалась мощными ледниками, которые в период потеплений — межледниковый — таяли и сокращались в размерах, климат становился более теплым и влажным. В целом в плейстоцене наблюдается тенденция усиления похолодания, которое было наиболее выраженным в последнее, так называемое Вюрмское оледенение. Тогда в Восточной Европе ледниковый щит достиг южных границ Валдайской возвышенности, за что это оледенение в нашей стране получило свое второе название — Валдайское.

Другим важнейшим событием, повлиявшим на природно-климатическую обстановку этого периода, а значит, и на жизнь людей, явилось сильнейшее в истории Земли извержение вулканов Флегрейских полей недалеко от г. Неаполя (сейчас находятся под водой).

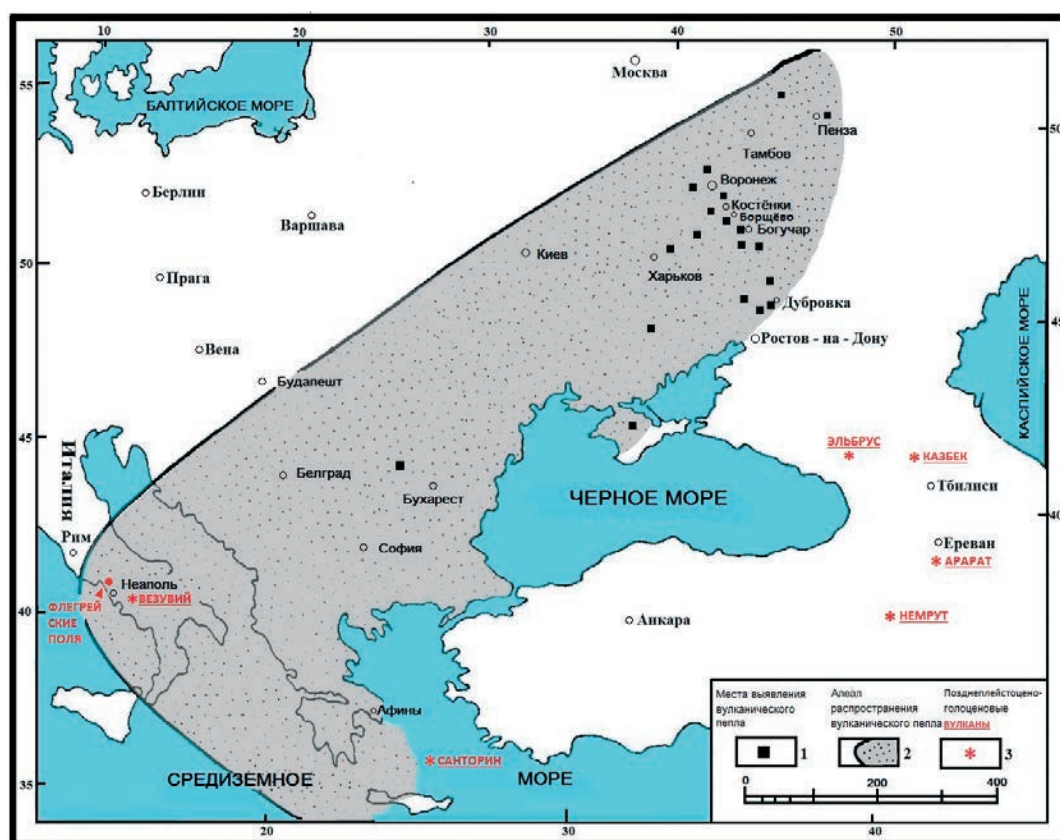

Рис. 1. Карта распространения пепла от извержения вулканов Флегрейских полей ок. 39 тыс. л. н.

В ходе извержения, произошедшего около 39 тыс. л. н., общий объем выброшенных твердых частиц превысил 500 км^3 , а слой вулканического пепла покрыл в Европе более миллиона квадратных километров, протянувшись в форме клина на северо-восток от Южной Италии до Волжского бассейна (рис. 1). Прослойка пепла зафиксирована на многих местонахождениях Воронежской области, при этом его мощность на некоторых стоянках в Костёнках иногда достигает 0,6 м, что лишней раз подчеркивает масштабы катастрофы. Но люди появились здесь раньше — самая ранняя радиоуглеродная дата имеет возраст около 50 тыс. л. н. Укажем, что на стоянке Костёнки 14 в слое, залегающем ниже «горизонта в вулканическом пепле» этого извержения,

найден фрагмент второго левого ребра мамонта с засевшим в нем наконечником, сделанным из бивня мамонта. Это древнейшее неопровержимое доказательство, что уже тогда люди обитали в Костёнках и охотились на мамонтов.

Последствием этого геологического катаклизма стала «вулканическая зима»: температура воздуха из-за повышенного содержания серы, поглощавшей и рассеивавшей солнечный свет, понизилась на 5—10 градусов. Есть версия, что эта «зима» сравнима с последствиями ядерной войны и стала причиной исчезновения неандертальцев от Центральной Европы до Кавказа ввиду общего ухудшения экологической обстановки и массовой гибели животных, на которых они охотились.

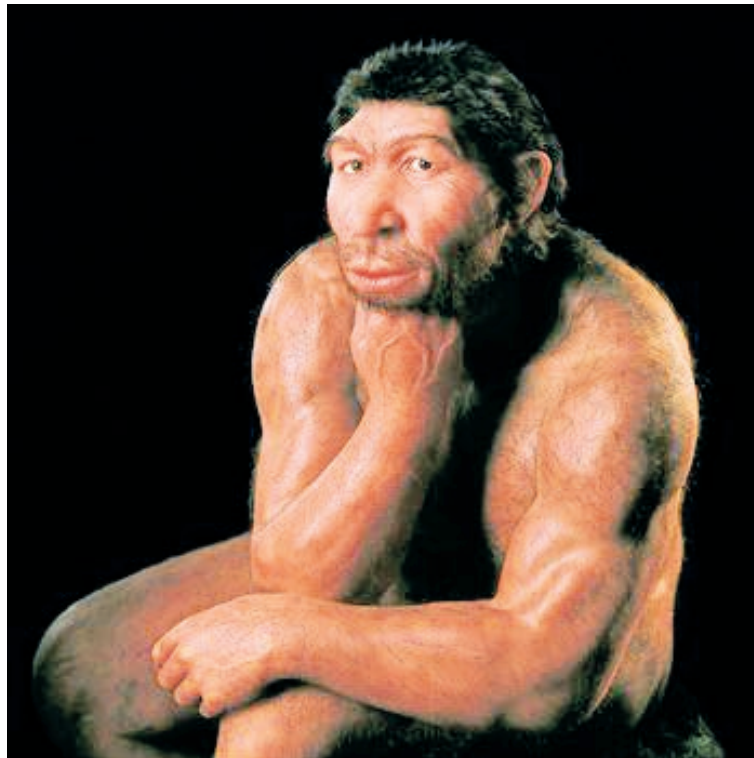

Рис. 2. Неандерталец. Реконструкция.
Государственный музей преистории (Галле, ФРГ)

РАЗДЕЛ 1. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Как мы только что указали, наступлению **верхнего палеолита** (от греч. «палеос» — древний и «литос» — камень) способствовал ряд объективных обстоятельств природно-климатического и геологического характера. К началу верхнего палеолита род человеческий уже далеко ушел от своего изначального животного состояния. Примерно в это же время на арену истории выходит пришедший с юга человек современного физического вида — *Homo sapiens*, который, в отличие от предшественников-неандертальцев, смог лучше приспособиться к новым климатическим условиям. Именно в этот период *Homo sapiens* активно расселяется по территории Северной Евразии, проникает даже за полярный круг.

Таким образом, в процессе антропогенеза сорокатысячелетний рубеж явился временем завершения истории неандертальцев и появления *кроманьонца* — ископаемого типа человека современного вида, названного так по пещере во Франции, где он впервые был найден. В верхнем палеолите стали формироваться основополагающие принципы человеческого общежития. Данные археологии и палеогенетики свидетельствуют о появлении семейных отношений, основанных на запрете инцеста («кровосмешения»). Кроманьонцы явно обладали членораздельной речью и элементами логического мышления. Они научились считать, чему есть прямые археологические подтверждения. С каждым поколением накапливались знания об окружающем мире. Благодаря всему этому перед людьми открывались практически неограниченные возможности преобразования и использования окружающей среды посред-

ством орудий труда, знаний и навыков, а не за счет развития органов. Так появилась *первобытная культура*, которая превращалась в могущественного посредника между человеком и природой. Она же накладывала на человека множество ограничений (*табу*). Зарождались первые религиозно-мифологические представления и ритуалы, связанные с ними искусства (пещерная живопись, скульптура, орнамент). Археология дает все больше свидетельств, что человечество «вырастало» из природы, если так можно сказать, на «плечах» культуры.

Усовершенствовалась технология изготовления каменных орудий, ассортимент которых к концу палеолита исчислялся уже почти сотней различных форм. Переселяясь с одного места на другое, люди несли с собой передаваемые по наследству вещи, знания, традиции. На новом поселении все это овеществлялось в материальных предметах, часто из местного сырья. Совершенствовались одни формы, исчезали другие, появились новые орудия труда как результат прогресса или приспособления к иной среде обитания. Исследование остатков позднепалеолитических поселений позволяет реконструировать развитие того или иного общества древних людей, составить более ясное представление об этой исторической эпохе в целом.

Благодаря развитию способов охоты на крупного зверя, утеплению жилищ их шкурами и шитью одежды человеку удалось перенести самое страшное похолодание 24—20 тыс. лет назад, завершившееся началом таяния и отступления ледникового щита. С уходом последнего ледника началась современная геологическая эпоха — голоцен — и археологическая — мезолит.

Глава 1. КАМЕННЫЙ ВЕК И КОСТЁНКИ (50—12 ТЫС. ЛЕТ НАЗАД)

Зависимость человека от природных процессов находила отражение в особенностях развития человеческих сообществ, их материальной культуры, темпах освоения новых территорий. Судя по имеющимся данным, древние люди стали осваивать будущий Воронежский край достаточно поздно. Имеются пока лишь отдельные разрозненные свидетельства о появлении их в эпоху среднего палеолита (местонахождения Шубное, Белая гора и др.).

Современное состояние изученности верхнего палеолита позволило разработать его

более дробную периодизацию — разделить на археологические периоды, представленные различными хозяйственными укладами и материальной культурой:

Первый период (45—40 тыс. лет назад) — начальный верхний палеолит.

Второй период (40—28 тыс. л. н.) — ранняя пора верхнего палеолита.

Третий период (28—20 тыс. л. н.) — средняя пора, время расцвета верхнепалеолитических культур.

Четвертый период (20—12 тыс. л. н.) — поздняя пора, период финала верхнего палеолита.

На Евразийском континенте к настоящему времени известны сотни верхнепалеолитических поселений этого времени, но, по единому мнению всех археологов, самым представительным как по численности, так и по значимости полученных материалов является Костёнковско-Борщёвский палеолитический район или просто Костёнки (рис. 3). Еще в начале XX в. с легкой руки А. А. Спицы-

на их стали называть «жемчужиной русского палеолита».

Здесь на ограниченной территории чуть более десяти километров по правому берегу Дона у сел Костёнки и Борщёво в Хохольском районе Воронежской области расположены 26 памятников: 21 — в с. Костёнки, 5 — в с. Борщёво. Фактически же стоянок насчитывается более 60, поскольку на одних и тех же местах 45—14 тыс. л. н. люди селились неоднократно, через некоторые промежутки времени, и, судя по всему, могли даже не встречаться во времени.

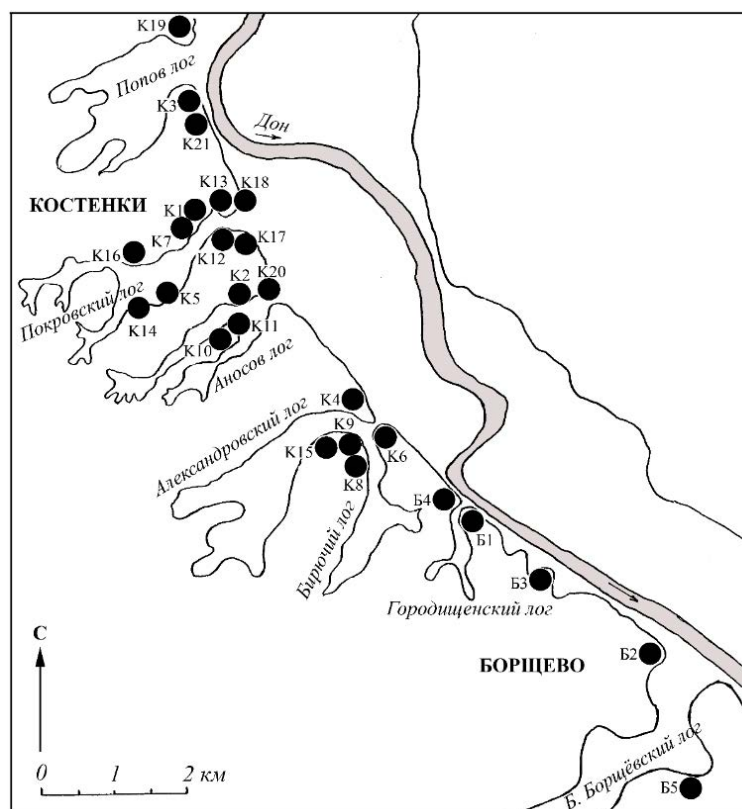

Рис. 3. Расположение палеолитических стоянок в Костёнковско-Борщёвском палеолитическом районе (К — стоянки в с. Костёнки, Б — стоянки в с. Борщёво)

Это особенно удивительно по сравнению с костёнковской округой, где до сих пор известны лишь единичные стоянки этого времени, которых на территории всей Воронежской области насчитывается не более пяти.

Несмотря на многочисленность остатков жизнедеятельности древнего человека в Костёнках, следует всегда помнить, что мы обладаем лишь крупными фрагментами информации о его образе жизни, традициях, представлениях. Найденные на поселениях орудия труда и предметы искусства — всего лишь забытые, потерянные или отслужившие свое вещи, в то время как самое нужное люди всегда уносили с собой. К этому стоит

добавить, что палеолитические поселения зачастую расположены на большой глубине, поэтому изучение таких памятников — долгий, трудоемкий, а порой и весьма опасный процесс (рис. 4).

Для Костёнковско-Борщёвского района лучше всего разработана шкала изменений климата на основе данных естественнонаучных методов. На многослойных костёнковско-борщёвских стоянках изучена стратиграфия — система взаиморасположения разновременных геологических и культурных слоев, получены палеоботанические, палеозоологические данные, представительная серия из более чем трехсот радиоуглеродных дат.

Рис. 4. Работы на палеолитической стоянке Костёнки 14 (Маркина гора). Фото А. А. Синицына

В ходе комплексных исследований выявлены такие свидетельства хозяйственной деятельности, как обработка камня, дерева, кости и бивня мамонта каменными орудиями. Хозяйство носило чисто присваивающий характер — то есть брали то, что давала сама природа. Убитых животных разделявали кремневыми ножами разнообразных форм; снятую шкуру обрабатывали скребками, лощилами, с помощью костяных игл прокалывали и сшивали шкуры, изготавливали одежду; резцами прорезали и сверлили кость и дерево; камень обрабатывали отбойниками и ретушерами, для растирания пищи использовались песты и зернотерки.

Исследования позднепалеолитических поселений Центрального Черноземья свидетельствуют о довольно суровом климате того времени. На территории Восточной Европы преобладала холодная тундростепь, а севернее простирался сплошной ледниковый щит. Тем не менее первобытный человек благодаря созданию искусственной среды обитания — жилища — сумел адаптироваться к неблагоприятным условиям, преодолеть их и выжить.

Жилища строили различных типов и форм: наземные — округлой формы и шалашеобразные, длинные, сходные с родовыми постройками североамериканских индейцев; углубленные

в землю и землянки. Внутри находились очаги, около жилых сооружений — ямы-погребца для хранения запасов пищи. Судя по толщине культурного слоя, некоторые строения использовались много лет. Остатки жилищ являются главным источником знаний о жизни древних людей. Они служат показателем коллективного труда отдельных объединений людей и их культурных традиций домостроительства. Долговременные жилые конструкции и поселения характерны для относительно оседлых общностей. Следствием появления жилищ стало половозрастное разделение труда. Необходимость поддерживать огонь в очаге, заготавливать топливо, готовить пищу, выполнять обязанности матери вынуждала женщин, а также детей быть дома и освобождала их от охоты на зверей, требующей длительного отсутствия и большой физической силы. Это было основным занятием мужчин.

Помимо удовлетворения насущных потребностей люди того времени изготавливали, казалось бы, бесполезные для них вещи — на некоторых поселениях ученые находят многочисленные предметы искусства. В их числе женские статуэтки («палеолитические веныры»), фигурки животных, изделия со сложными орнаментальными мотивами, гравировки на камнях, украшения. Многие произведения отличает ма-

стерство изготовления. Эти шедевры древнейшего в мире искусства раскрывают перед нами частицу сложного духовного мира верхнепалеолитического человека.

Как уже было сказано выше, многообразие разновременных и разнокультурных стоянок эпохи верхнего палеолита в Костёнках является бесценным источником для реконструкции жизни древнего населения нашего края. Скопление стоянок открытого типа (т. е. расположенных не в пещерах и скальных навесах, а на открытых пространствах) в Костёнковско-Борщёвском районе является уникальным и не имеет аналогов в мире.

После того как И. С. Поляков открыл в Костёнках первую стоянку, с 1922 года здесь проводятся систематические изыскания. В течение XX в. на этих памятниках работали практически все знаменитые ученые-палеолитики нашей страны (рис. 5), здесь закладывались основы изучения палеолитических поселений и разрабатывались передовые методики изучения верхнего палеолита в целом¹. Раскопки в Костёнках и Борщёво проводятся каждый полевой сезон санкт-петербургскими и воронежскими археологами и приносят новые, порой сенсационные открытия, о которых речь пойдет ниже.

Рис. 5. Ведущие исследователи палеолита Костёнок: 1 — И. С. Поляков, 2 — П. П. Ефименко, 3 — С. Н. Замятин, 4 — П. И. Борисковский, 5 — А. Н. Рогачев, 6 — Н. Д. Праслов

К середине XX в. в Костёнках был накоплен материал для разработки культурно-хронологической шкалы стоянок Костёнковско-Борщёвского района. Изучение геолого-геоморфологических условий залегания культурных слоев различных стоянок позволило **Александру Николаевичу Рогачёву** построить обоснованную стратиграфическую шкалу

для этого региона. Им была выработана *классическая трехчленная костёнковская схема*,

¹ Праслов Н. Д. История изучения палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сложение костёнковской школы // Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879—1979. Некоторые итоги полевых исследований. Ленинград, 1982. С. 8—17.

в которой все стоянки разделены на три хронологические группы в зависимости от характера отложений, в которых они залежали: самая древняя из них приурочена к отложениям нижней гумусированной толщи под слоем пепла, следующая за ней — средняя — над слоем пепла в отложениях верхней гумусированной толщи, а самая поздняя — в покровных лессовидных суглинках². Анализ каменного и костяного инвентаря привел исследователя к выводу о своеобразии развития палеолита Русской равнины и невозможности использования для

Костёнок французской стадильной схемы, которая использовалась его предшественниками. А. Н. Рогачёв пришел к важному заключению о неравномерности развития культуры в палеолите и сформулировал представление о существовании различных позднепалеолитических культур, имеющих существенные особенности, которые он уже считал этнографическими³. Новый подход, получивший название «конкретно-исторического», с некоторыми уточнениями остается основополагающим в отечественном палеолитоведении до настоящего времени⁴.

Глава 2. НАЧАЛЬНАЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

На основании данных радиоуглеродного датирования древнейшее появление человека в Костёнках произошло около 50 тыс. л. н.⁵ — именно такой возраст имеет самая древняя из имеющихся радиоуглеродных дат, полученная недавно по материалам стоянки Костёнки 6. До сих пор не установлено, какому именно подвиду человека принадлежат эти самые древние следы пребывания. Самое раннее достоверное присутствие его в регионе приходится на время 42—40 тыс. л. н., где существует сразу две, сильно отличающиеся друг от друга, культурные традиции — *стрелецкая* и *спицынская* археологические культуры.

Стрелецкая культура впервые была выделена А. Н. Рогачёвым на материалах сто-

янок Костёнки 6⁶, Костёнки 1(V), Костёнки 12(III). Первая из них и стала эпонимной для названия культуры, поскольку расположена на мысе Стрелец южной оконечности села, откуда и пошло второе название стоянки — Стрелецкая. Находки, относящиеся к этой культуре, залегают как в нижней гумусированной толще под вулканическим пеплом, так и выше него. То есть эта культура, по данным стратиграфии и различных методов датирования, могла существовать на протяжении 20 тысяч лет, а ее носители постепенно расселялись по Русской равнине. По современным представлениям, длительность существования стрелецкой культуры собственно в Костёнках была значительно короче — ее расцвет приходился на время 42—40 тыс. л. н.⁷ Тем не менее уже сейчас ясно, что эта культура не присутствует в Костёнках позже выпадения флегрейского пепла — возможно, именно это катастрофическое событие стало причиной для поиска человеком новых пригодных для обитания мест.

Исследователи обращают внимание на сравнительную примитивность техники обработки камня стрелецкой культуры, уходящую корнями в предшествующее время — средний палеолит. Об этом свидетельствует, в частно-

² Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59. С. 9—134.

³ Рогачев А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону // МИА. № 45. 1955. С. 32.

⁴ Сеницын А. А. Конкретно-исторический подход А. Н. Рогачёва. Современное состояние // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур: мат. Междунар. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А. Н. Рогачёва. Санкт-Петербург, 2002. С. 33—41; Праслов Н. Д. А. Н. Рогачёв и костёнковская модель развития верхнего палеолита // Там же. С. 26—29.

⁵ Dinnis R. Eastern Europe's „Transitional Industry“?: Deconstructing the Early Streletskian // Journal of Paleolithic Archaeology. 2021. Vol. 4, Is. 1. No. 6.

⁶ Рогачёв А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Боршевского района на Дону. С. 9—134.

⁷ Dinnis R. Op cit.; Бессуднов. А. А. Древнейший «верхний» палеолит Русской равнины: возраст и длительность существования стрелецкой культуры в Костёнках // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. 1. Самара: СГСПУ, 2020. С. 13—14.

сти, форма нуклеусов⁸ с примитивным плоскостным расщеплением. Ударные площадки неровные, скошенные. Эта техника скалывания с нуклеуса, как и вторичная обработка заготовок, типично мустьерская, то есть более древняя и более примитивная.

Достаточно примитивен и набор орудий, представленный, главным образом, остроко-

нечниками, скреблами, массивными орудиями с лезвием, скребками, орудиями листовидной формы. Практически полностью отсутствуют изделия из кости и украшения. В то же время встречаются и характерные только для этой культуры орудия — изящные треугольные наконечники с вогнутым основанием (рис. 6).

Рис. 6. Треугольные наконечники стрелецкой культуры. Фото И. Самилова

Проблема происхождения стрелецкой культуры остается нерешенной. Некоторые исследователи палеолита считают, что она связана с населением южных районов — Кубани, Крыма, Поднестровья⁹. Там известны памятники периода межледникового со схожими формами каменных орудий труда и техникой их обработки. Это население и продвинулось в северные районы — сначала на Средний Дон, затем в бассейн Оки. Там, на притоке Оки — Клязьме — находится известная стоянка Сунгирь с богатыми погребальным инвентарем человеческими захоронениями и с более развитым, чем в стоянках стрелецкой культуры,

набором инвентаря, однако имеющая с ней много общего в технике обработки камня и наборе выявленных орудий.

До сих пор остается неизвестен и антропологический тип носителей стрелецкой культуры. Если богатые погребальным инвентарем захоронения Сунгирьской стоянки однозначно принадлежат человеку современного физического типа, то антропологические данные для стрелецких памятников в Костёнках отсутствуют. Чем жили люди стрелецкой культуры? Данных мало, но больше всего костей на стоянках принадлежит дикой лошади, которая являлась основным объектом охоты. Орудия охоты — копье или дротик с кремневым наконечником. Сунгирцы применяли, кроме того, и копья из распряженных костей бивней мамонта, ударную силу которых усиливали кремневыми вкладышами. На некоторых стоянках имеются свидетельства массового загона стада диких лошадей и последующей разделки их туш.

⁸ Нуклеус — от лат. «ядро» — специально обработанный камень, от которого откалывались отщепы-пластины для изготовления орудий.

⁹ Аникивич М. В. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. Санкт-Петербург, 2007.

В это же время в Костёнках обитали люди совершенно иной культурной традиции — *спицынской*, названной по материалам нижнего культурного слоя Спицынской стоянки (Костёнки 17). Стратиграфически поселения этой культуры залегают в нижней гумусированной толще и имеют возраст 42—41 тыс. л. н., то есть существует вероятность, что носители спицынской и стрелецкой культур могли контактировать. В отличие от стрелецких памятников, антропологический тип людей этой культуры известен — в нижнем слое Костёнок 17 обнаружен зуб *Homo sapiens*.

Облик материальной культуры спицынской индустрии отличается своей «прогрессивностью». В коллекциях полностью отсутствуют архаические приемы обработки камня и примитивные типы изделий, присущие стрелецкой культуре. Для получения орудийных заготовок использовались более совершенные нуклеусы в форме усеченной призмы — при помощи такой техники получалось скалывать широкие пластины длиной до 13 см. В орудийном наборе представлены типично верхнепалеолитические формы — резцы, скребки, долотовидные изделия. Специфические микроорудия — микропластинки с альтернативной ретушью снимали посредством особой техники расщепления ретушных резцов¹⁰.

Особенно поражает совершенство и разнообразие украшений, обнаруженных при раскопках нижнего слоя стоянки Костёнки 17. Здесь серийно присутствуют просверленные зубы песка, каменные и песчаниковые гальки, членики морских лилий и даже белемниты мелового периода (рис. 7, а). А самое главное, что все подвески были изготовлены посредством сверления — техники, которая до недавнего времени считалась изобретением эпохи неолита. В свое время исключительность этой коллекции подвесок и достаточно развитая техника выполнения отверстий даже стали для П. И. Борисковского аргументом в пользу того, что «этот комплекс не от-

носится к самому началу» верхнего палеолита¹¹.

Третья культурная традиция начального верхнего палеолита представлена специфической индустрией нижних слоев Костёнок 14. Здесь на различных участках мыса в одних стратиграфических условиях обнаружены остатки двух предположительно одновременных культурных слоев — IVб и IVw. Вопрос о том, являются ли эти культурные остатки частями единого поселения или принадлежат разным группам населения, оставивших их в разное время, пока остается открытым¹².

В материалах этих слоев есть определенное сходство с памятниками спицынской культуры: развитое пластинчатое расщепление, изготовление микропластинок с ретушью, типично верхнепалеолитический набор орудий. Здесь же встречены изделия из кости и бивня: проколки, мотыги, ложила и остря. На западном участке стоянки (культурный слой IVw) обнаружена серия подвесок из раковин, возможно, происходящая из одного ожерелья (рис. 7, б). Среди этих раковин имеются черноморские моллюски, принесенные в Костёнки как минимум за 800 км. Уже в то время люди могли преодолевать такие расстояния или заниматься обменом.

Особый интерес представляет обнаруженное в слое IVб скульптурное изображение, изготовленное из бивня мамонта (рис. 8). По мнению А. А. Сеницына, этот предмет представляет собой, возможно, стилизованное изображение головы человека и является древнейшей антропоморфной скульптурой в Восточной Европе¹³.

¹¹ Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Москва — Ленинград, 1963. С. 104.

¹² Сеницын А. А. Раскопки нижнего культурного слоя Костёнок 14 (Маркина гора) на западном участке памятника. Москва, 2015. С. 194—197.

¹³ Сеницын А. А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. Санкт-Петербург, 2016. С. 320—337.

¹⁰ Бессуднов А. А. Костёнки 17 (ст. Спицына): новые данные о стратиграфии, хронологии и условиях залегания культурных слоев // *Stratum plus*. 2021. 1. С. 163—198.

Рис. 7. Костёнки. Верхнепалеолитические украшения:
а — Костёнки 17, нижний слой; б — Костёнки 14, участок IVw

Рис. 8. Древнейшая в Восточной Европе антропоморфная скульптура из культурного слоя IVb Костёнок 14 (по А. А. Синицыну)

Почему же люди в одно и то же время, при сходных климатических условиях и одинаковом наборе животных для охоты использовали разную технику обработки камня? Одни «владели» наследие неандертальцев и долго его изживали, а другие как-то сразу совершили скачок к более совершенным орудиям и способам

их обработки? Причины этого явления неясны. По мнению А. Н. Рогачёва и М. В. Аниковича, это связано с разными вариантами перехода от мустьерской эпохи к позднему палеолиту¹⁴. На этом пути могли стоять (или отсутствовали), например, традиции, привычки, а также происхождение людей и их образ жизни.

Глава 3. РАННЯЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Ранняя пора верхнего палеолита представлена в Костёнках двумя традициями: ориньякской (названной так по пещере Ориньяк во Франции, где обнаружены ее яркие следы), которая является частью общеевропейского культурного явления, и местной городцовой культурой, не имеющей аналогий за пределами ближайшей округи.

К *ориньякской культуре* в Костёнках относятся две стоянки: Костёнки 1 (III слой) и Костёнки 14 (слой в вулканическом пепле). Материалы обоих памятников близки, имеют весьма развитый облик и содержат прямые аналогии с коллекциями ряда европейских и ближневосточных стоянок этого же времени. Считается, что прародинной ориньякской культуры был Ближний Восток, с территории которого люди современного физического типа постепенно расселялись в двух направлениях: в горы Алтая через Среднюю Азию и в Европу по берегам Средиземного и Черного морей. Путь в Центральную Европу пролегал через Костёнки, где, по-видимому, мигрирующим племенам пришлось на некоторое время задержаться. Эта остановка была вызвана уже упоминавшимся выше извержением вулканов на Флегрейских полях, произошедшим около 39 тыс. л. н. В ходе исследований А. А. Синицына в Костёнках 14 были обнаружены остатки культурного слоя, погребенного пеплом: поселение было в буквальном смысле брошено перед лицом надвигающейся катастрофы. Удивительно, но эти катастрофические события не заставили людей навсегда покинуть это место: имеются свидетельства, что носители той же культуры вернулись на обжитое ранее пространство уже после выпадения пепла.

Вторая традиция ранней поры верхнего палеолита — *городцовская культура* — выделена только на материалах костёнковых стоянок и за пределами их ареала не

представлена. К ней причисляются несколько стоянок, среди которых наиболее известны Костёнки 14 (II слой), Костёнки 15 и Костёнки 12 (I слой), датирующиеся в пределах 33—30 тыс. л. н. Как ни странно, городцовская культура выделяется более архаичным обликом каменного инвентаря, чем ей предшествовавшая. В этой культуре, так же, как и в стрелецкой, сохраняются традиции мустьерской эпохи, получившей название от стоянки во Франции, при этом техника обработки камня в обеих культурах хотя и схожа, но не идентична. Некоторые исследователи полагают, что эти отличия обусловлены происхождением культур от разных мустьерских групп¹⁵. Носители городцовской культуры были в большей степени охотниками на лошадей и в меньшей — на мамонтов. В это время впервые появляются свидетельства сооружения жилищ, которые выглядели наподобие легких переносных чумов с очагом в центре.

На фоне чрезвычайно архаичного облика каменного инвентаря изделия из кости, рога и бивня на стоянках городцовской культуры впечатляют своим разнообразием и сложной техникой исполнения. Здесь представлены всевозможные проколки, иглы, ложила, миниатюрные острия, пуговицы, заколки с зооморфным навершием и др. (рис. 9). Многие изделия орнаментированы. Особо выделяются так называемые «лопаточки», изготовленные из больших трубчатых костей мамонта, которые встречены на всех поселениях городцовской культуры и являются культуроопределяющими для данной традиции.

¹⁴ Рогачёв А. Н. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Москва, 1984. С. 162—271.

¹⁵ Там же. С. 183.

Рис. 9. Изделия из бивня и кости городцовой культуры. Коллекция II культурного слоя стоянки Костёнки 14. Фото И. Самоварова

В самом конце ранней поры верхнего палеолита появляется новая культурная традиция, связанная с распространением племен из Европы в восточном направлении — так называемый *ранний граветт*. Первопроходцами это-

го явления были люди, чьи остатки жизнедеятельности обнаружены во втором культурном слое Костёнок 8, с которого здесь и начинается расцвет этой культуры, продолжавшийся немногим менее 10 тыс. лет.

Глава 4. СРЕДНЯЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Судя по исследованным поселениям, в период 28—20 тыс. л. н. происходит резкое увеличение численности населения в Костёнках и усложнение его социальной организации. Парадоксально, что это было связано с усиливавшимся похолоданием и максимальным распространением ледника на юг. Постепенно основным объектом охоты становится хладолюбивый мамонт и другие представители так называемого «мамонтового териокомплекса»: северные олени, шерстистые носороги, а также песцы. Н. Д. Прасловым было найдено шестое левое ребро мамонта с застрявшей в нем острой частью кремневого наконечника. Именно в это время люди становятся специализированными охотниками на мамонтов, используя метод загонной охоты. Мамонт — животное достаточно сильное (рис. 10). Коллектив охотников огнем и шумом загонял его к обрыву или в вязкое болотистое место, где он становился более легкой добычей. На мамонта охотились не только ради мяса, его кости и бивни использовались в качестве строительного и отопительного

материала, бивни — для изготовления поделок, шкуры и жилы — для различных домашних хозяйственных целей¹⁶. Весьма показательно, что на стоянках найдены целые скелеты *волка* и *песца*, указывающие на то, что древние охотники снимали шкуры и меха животных для изготовления одежды¹⁷. Это подтверждают и костяные орудия для обработки шкур и выделки размягченной кожи: ложила, струги, шилья и разного рода острия, предметы для разглаживания швов одежды. В качестве ниток использовались сухожилия животных¹⁸. С другой стороны, находки целых скелетов пушных животных свидетельствуют о том, что в пищу их мясо не употребляли, то есть о достатке привычной мясной пищи.

¹⁶ Аникович М. В. Человек и мамонт в палеолите Европы. Ч. II. Днепро-донская историко-культурная область. Санкт-Петербург, 2019.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Демещенко С. Венера из Костёнок: загадки палеолита // National Geographic. 2009. № 66.

Рис. 10. Мамонты зимой. Реконструкция О. Ласынковой

Весь этот период характеризуется присутствием и сменой различных вариантов культуры *граветт*, общим для которых является наличие каменных изделий с притупленным краем, преимущественно использовавшихся в составном охотничьем снаряжении. Кроме расширения ассортимента каменных орудий, стала широко применяться кость, появляются фигурки животных, вырезанные из бивня и мергеля: мамонты, медведи, носороги, пещерный лев. Именно в этот период получают распространение долговременные жилища с использованием костей мамонтов. И еще одно уникальное явление — появление статуэток с изображением женщин. Широкое распространение получает орнаментация изделий сложными мотивами — зигзагами, «елочкой», ромбами.

Наивысшего расцвета материальная культура в Костёнках достигла в период 28—26 тыс. л. н. — во время бытования *костёнковско-авдеевской* культуры. Она относится к виллендорфско-костёнковскому культурному единству, то есть группе памятников и культур верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы, объединенных рядом общих черт материальной и духовной культур.

В Костёнках этой культуре принадлежат четыре стоянки, расположенные в пределах одного лога, что свидетельствует об активном освоении людьми окружающего пространства. Наибольшую известность имеет стоянка Костёнки 1 (I слой), где исследовано два жилых комплекса, представляющие собой открытые по длинной оси площадки с рядом очагов, окруженные спальными полужемлянками (рис. 11, 12), а также ямами-хранилищами. Для отопления полужемлянок использовали богатый жиром костный уголь, который нагревался костром и отдавал тепло по-

мещению, как камни в бане. Здесь же найдены остатки осветительных «приборов». Они представляли собой бедренные кости мамонтов со следами горения в месте искусственного углубления, куда, как полагают, и наливали жир. Возможно, что при этом применялись и фитили.

Характерные каменные орудия, произведения искусства, жилые и хозяйственные сооружения, построенные с использованием большого количества крупных костей мамонта, свидетельствуют о сложной социально-хозяйственной деятельности населения костёнковско-авдеевской культуры. Коллекция каменного инвентаря, полученная в ходе раскопок верхнего слоя стоянки Костёнки 1, насчитывает более 60 тыс. экземпляров (рис. 13).

Иной принцип постройки жилищ был у обитателей III культурного слоя стоянки Костёнки 21 (Гмелинская). Здесь обнаружено несколько округлых наземных жилищ, конструкции которых легко можно было переносить на другое место. Вероятно, они были сезонными и использовались только в теплое время года. В ходе раскопок этих жилищ были обнаружены миниатюрные кремневые наконечники с боковой выемкой от дротиков (рис. 14). Ряд исследователей видят в них наконечники стрел, тогда как ранее их появление относили к более позднему времени — эпохе мезолита¹⁹. С помощью лука и стрел охотились на животных среднего размера, отличающихся развитым чутьем и стремительностью.

¹⁹ Праслов Н. Д. О времени появления лука и стрел // Археологическое изучение Центральной России : тез. Межд. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (г. Липецк, 13—16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006. С. 39—41.

Рис. 11. Полуземлянка костёнковско-авдеевского типа на стоянке Костёнки 1(I).
Фото А. А. Сеницына

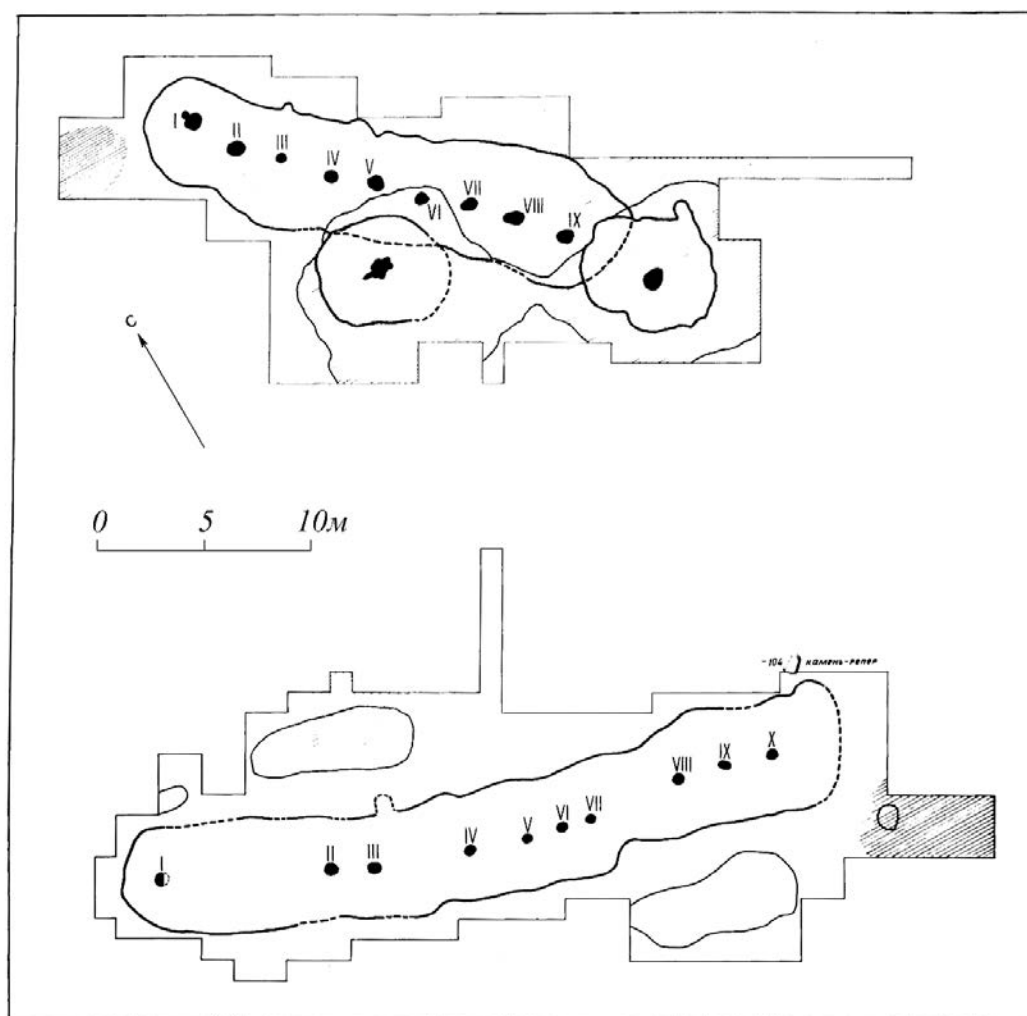

Рис. 12. Расположение длинных жилищ стоянки Костёнки 4 (по А. Н. Рогачёву)

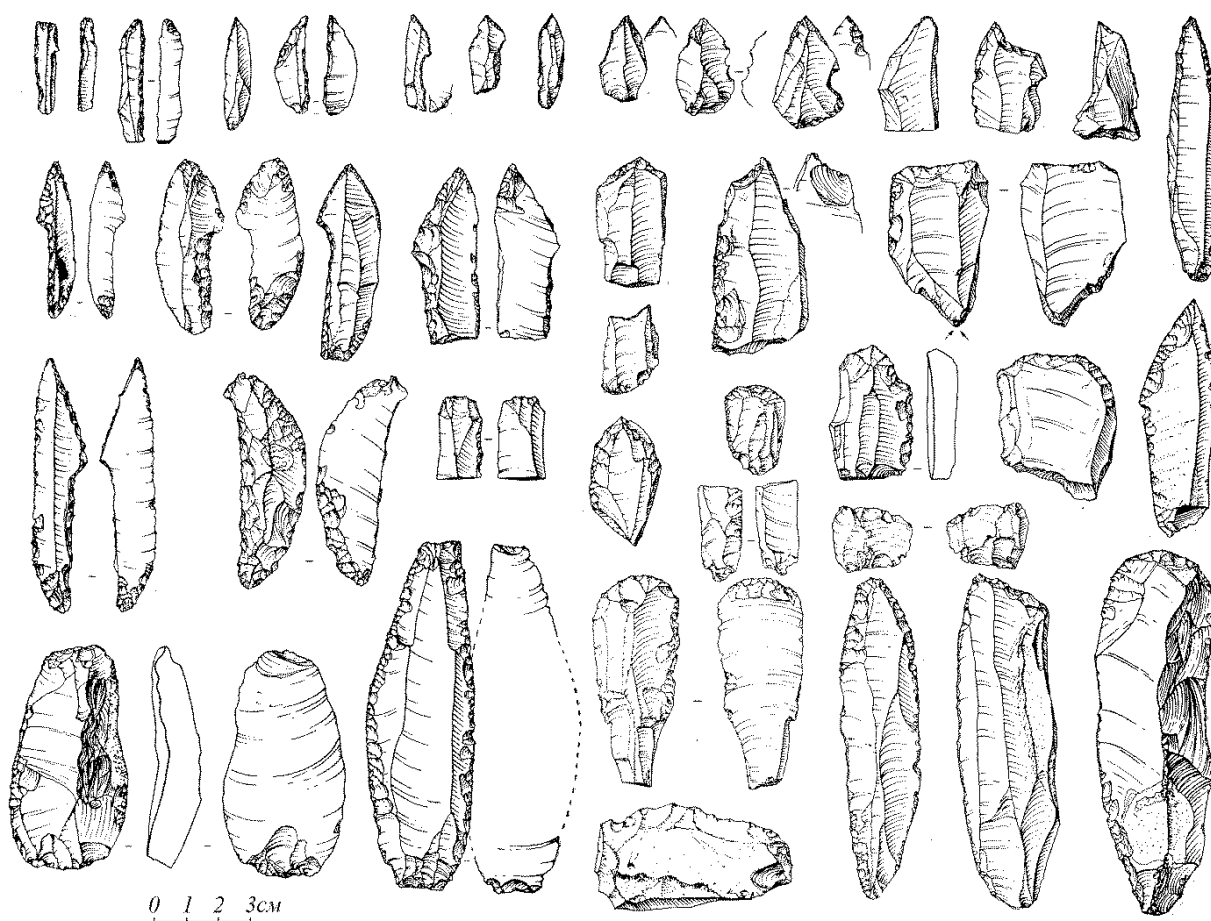

Рис. 13. Стоянка Костёнки 1(I). Характерные каменные орудия костёнковско-авдеевской культуры (по Н. Д. Праслову)

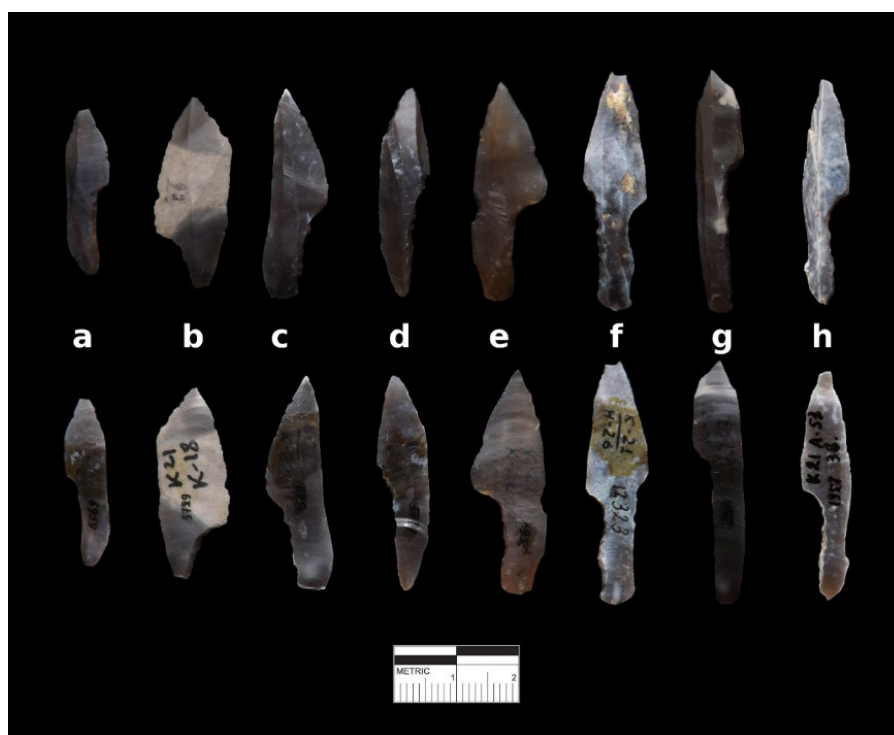

Рис. 14. Миниатюрные наконечники с боковой выемкой III культурного слоя стоянки Костёнки 21 (Гмелинская). Фото Н. Рейнольдс

Глава 5. ПОЗДНЯЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Начало заключительного периода верхнего палеолита совпадает с наступлением последнего крупного ледника — Валдайского оледенения. Максимум похолодания приходится на время 25—19 тыс. л. н. Оно вновь принесло на территорию нашего края крайне суровые климатические условия. К югу от ледника, в так называемой тундростепи, были распространены кустарничковые растения с участками степной и редкими «островами» лесной растительности. Здесь обитали в основном субарктические млекопитающие, прежде всего мамонты, а также и некоторые степные виды. Из последних в это время есть только лошадь, которой очень мало.

Похолодание повлияло на все стороны жизни и деятельности палеолитических коллективов: от необходимости постройки долговременных костно-земляных жилищ до новых приемов обработки кремневого сырья, которое стали экономить.

Ярким примером палеолитических жилищ этого времени являются три комплекса верхнего культурного слоя стоянки Костёнки 11. Над одним из них, благодаря героическим усилиям в борьбе с местными властями по инициативе А. Н. Рогачёва, в 1979 г. построено здание музея ради сохранения экспозиции остатков жилища кольцевой конструкции из костей мамонта диаметром 9 м. Скопление окружено пятью ямами-кладовыми, также заполненными костями. Всего при строительстве жилого комплекса использовано 573 крупные кости от 40 мамонтов. Культурный слой сооружения имеет мощность 0,6 м и насыщен мелкими обломками костей — до 700 и расщепленным кремнем — до 2000 экз. на 1 м². Кости в конструкции жилища скрепляли земляную насыпь. Высота ее составляла около 70 см. В ней же под наклоном укреплялись деревянные шесты, соединявшиеся над центром (очагом) постройки. Этот каркас покрывался шкурами животных; получалось сооружение, аналогичное чуме или яранге жителей тундры и лесотундры.

В 200 м к северу от Костёнок 11 расположена стоянка Костёнки 2, где исследовано аналогичное по структуре жилище округлой формы, диаметром около 8 м. Оно построено из костей 28 особей мамонта.

К постройке примыкало погребальное сооружение, в нем был захоронен в сидячем положении мужчина 50—55 лет. Каменный инвентарь здесь такой же. Очевидно, в этом месте находилось поселение, состоявшее как минимум из четырех жилищ. Такой же каменный инвентарь есть также на Костёнках 3 и Костёнках 19, что позволяет объединить их в замятнинскую археологическую культуру²⁰.

Аналогичная конструкция обнаружена за зданием музея. Она была открыта в 2014 г. на небольшой глубине и исследована А. Е. Дудиным и И. В. Федюниным²¹. На сегодняшний день это жилище — самое крупное из всех известных жилищ этого типа: его диаметр достигает 12 м (рис. 15). В ходе археологических работ внутри сооружения были найдены многочисленные изделия из кремня и предметы искусства. Изучение этого жилища продолжается и приносит новые открытия.

Последующее отступление ледника повлекло за собой кардинальные изменения в ландшафте и фаунистическом наборе. Исчезновение мамонтового фаунистического комплекса, который являлся основой жизнеобеспечения населения ледниковой эпохи, в значительной мере повлияло на хозяйственный уклад племен, что непосредственно выразилось в облике материальной культуры. Главным объектом охоты снова становятся дикие лошади, а также северные олени, зайцы, лось. Впервые появляются палеолитические стоянки за пределами Костёнок (рис. 16).

²⁰ Бессуднов А. А. Замятнинская археологическая культура поздней поры верхнего палеолита — миф или реальность? // *Camera Praehistorica* // Археология и антропология. Санкт-Петербург, 2019. № 1 (2). С. 36—69.

²¹ Дудин А. Е. Третий костно-земляной жилой комплекс стоянки Костёнки 11/1а // Человек и мамонт в палеолите Европы / Аникович М. В., Лисицын С. Н., Платонова Н. И., Попов В. В., Дудин А. Е., Федюнин И. В. Ч. II. Днепродонская историко-культурная область. Санкт-Петербург, 2019. С. 221—235.

Рис. 15. Третье костно-земляное жилище аносовско-мезинского типа в верхнем культурном слое стоянки Костёнки 11 (по А. Е. Дудину)

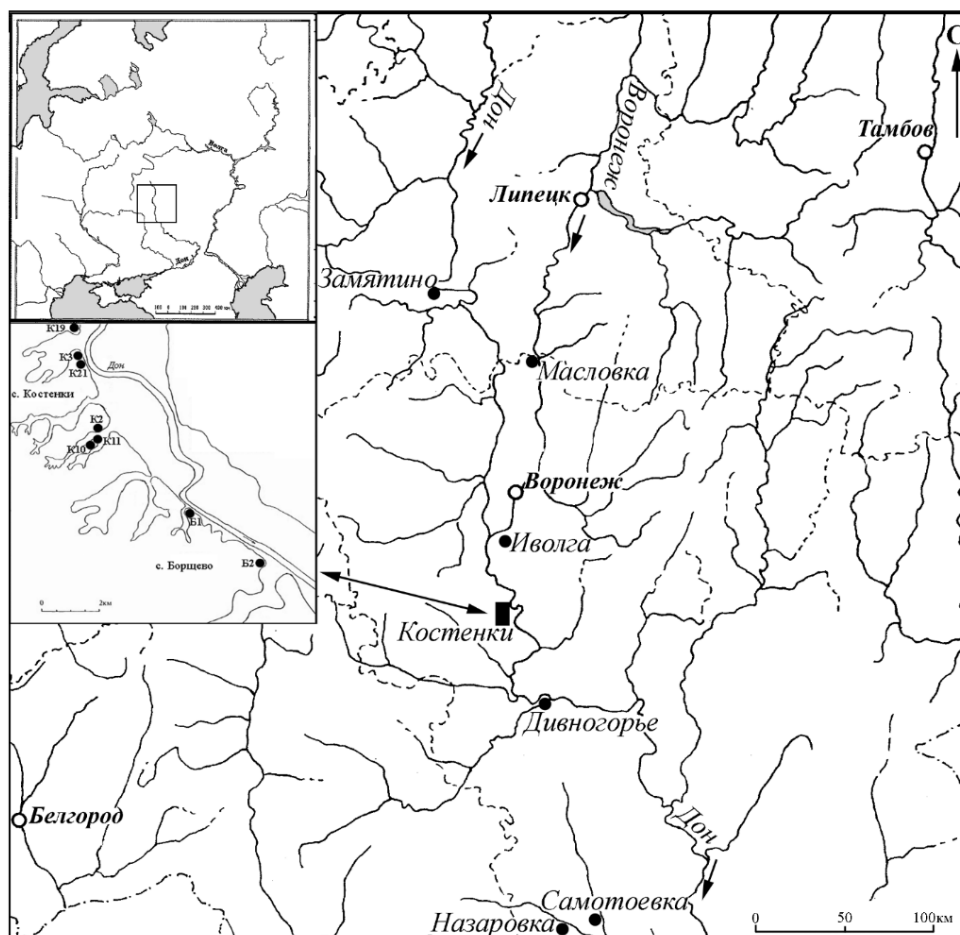

Рис. 16. Стоянки поздней поры верхнего палеолита в Центральном Черноземье

Интерес представляет стоянка Самотоевка, расположенная в Ольховатском районе Воронежской области. Это долговременное поселение с округлым в плане жилищем с очагом в центре. Расположенные по окружности ямы сближают это жилище с ановско-мезинскими, однако оно значительно уступает в размерах и сконструировано без использования костей мамонта²². Среди фаунистических остатков преобладают кости дикой лошади, но также присутствуют лось, тур, бобр, заяц. В инструментарии ведущее место занимают резцы, среди которых особо отме-

чаются многофасеточные, имеются также миниатюрные округлые скребки и небольшая серия изделий с притупленным краем. Отдельные аналогии в каменном инвентаре можно проследить с материалами замятнинской культуры (рис. 17).

Наиболее позднюю группу палеолитических стоянок составляют Дивногорские памятники в Лискинском районе и, предположительно, верхний слой Борщёво 2, при этом возраст первых составляет порядка 18—16 тыс. л. н., а существование второй соотносится с началом потепления *беллинг*.

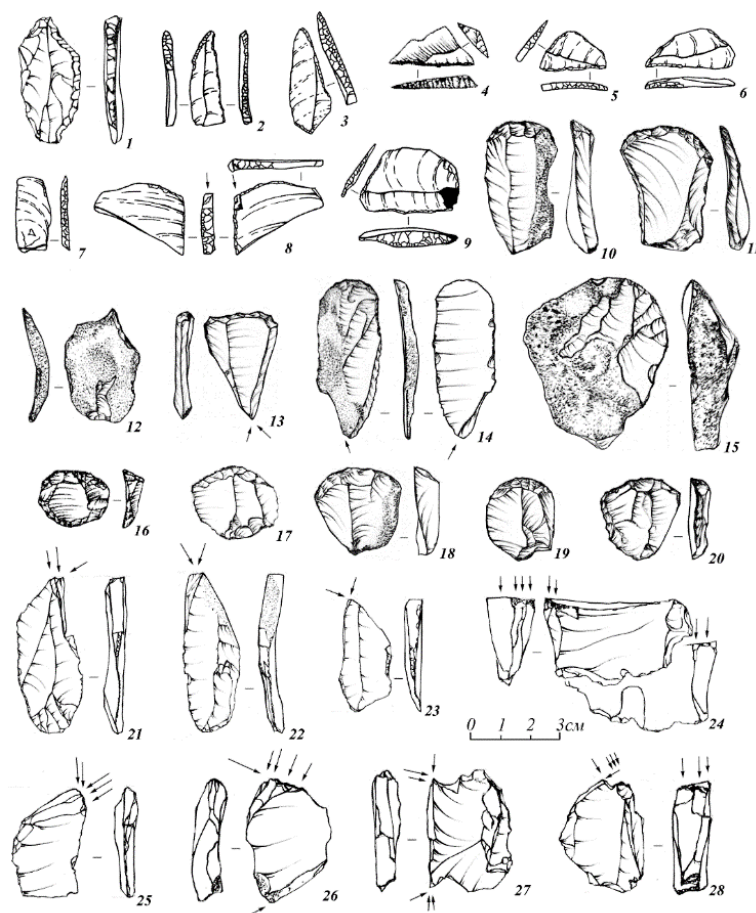

Рис. 17. Стоянки Самотоевка. Каменный инвентарь (по А. Н. и А. А. Бессудновым)

Для этого времени характерны кратковременные стоянки без следов жилых конструкций. На Дивногорских стоянках представлена специфическая форма хозяйства, выраженная в массовой охоте на дикую лошадь. Отличительной особенностью является связь памятников с местом забоя животных и первичной разделки добычи (рис. 18). Дивного-

рье 9 представляет собой редкий тип памятника, где на одном месте неоднократно загоняли и забивали стада диких лошадей. Люди здесь не жили, поэтому при раскопках обнаружены кости лошадей, иногда почти целые скелеты, и совсем небольшое число каменных орудий: скребки простых форм, ретушные резцы, и другие орудия (рис. 19)²³.

²² Бессуднов А. Н. К вопросу о переходе от палеолита к мезолиту на Верхнем и Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2019а. Т. 8, № 3 (28). С. 99—112.

²³ Бессуднов А. Н. Некоторые результаты исследований палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону (2007—2011 гг.) // КСИА. 2012. № 227. С. 144—154.

Рис. 18. Дивногорье 9. Скелеты диких лошадей на памятнике типа «место забоя».
Фото А. Н. Бессуднова

Рис. 19. Дивногорье 9. Каменный инвентарь.
Фото А. А. Бессуднова

Отдельную проблему составляет значительная хронологическая лакуна между позднепалеолитическими и мезолитическими памятниками. Она приходится на время существования финальнопалеолитических культур. Присутствие таковых в регионе не подтверждается имеющимися коллекциями, хотя единичные свидетельства отмечены на более поздних мезолитических стоянках²⁴. Во-

прос о генезисе мезолита на Верхнем и Среднем Дону на данный момент остается нерешенным. До момента обнаружения стоянок финального палеолита в этом регионе наиболее предпочтительной является миграционная модель, согласно которой в голоценовое время²⁵ на территорию лесостепного Подонья приходит пришлое население с иными культурными традициями.

Глава 6. ПОГРЕБЕНИЯ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ В КОСТЁНКАХ

На территории европейской части России известно не более десятка захоронений палеолитического времени, из них пять открыты в Костёнках²⁶. Палеолитические погребения — ценный и редкий исторический источник, в какой-то мере отражающий духовную жизнь людей этой эпохи. Они свидетельствуют о появлении заботы об умерших родственниках — чувстве, свойственном человеку, но не животным.

На стоянке Костёнки 2 открыто погребение, устроенное в жилище, в овальной яме, обложенной костями мамонта. Здесь нахо-

дился скелет в связанном виде. Предметов погребального инвентаря при нем не оказалось. В результате антропологической реконструкции было установлено, что умерший относится к европеоидной расе (рис. 20, 1). Реконструкция его лица по черепу **Михаилом Михайловичем Герасимовым** показала, что это — типичный *кроманьонец* — ископаемый вид человека современного типа. Скелет принадлежал мужчине возрастом около 50 лет. Среди наших современников на него бы никто даже не обратил особого внимания.

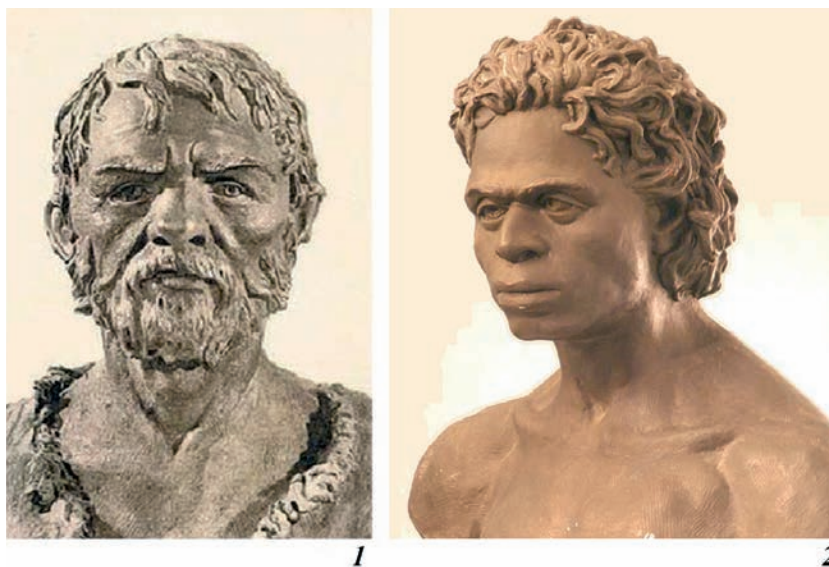

Рис. 20. Реконструкция лиц по черепам из погребений в Костёнках:
1 — европеоид из Костёнок 2; 2 — «негроид» из Костёнок 14 (по М. М. Герасимову)

²⁴ Бессуднов А. Н. К вопросу о свидерских и аренбургских традициях в охотничьем вооружении населения каменного века лесостепного Подонья // Елец и его окрестности : тез. научной конференции. Елец, 1991. С. 83—85.

²⁵ Голоцен — современная геологическая эпоха, начавшаяся примерно 12 тыс. л. н. с таяния ледника и продолжающаяся по настоящее время.

²⁶ Герасимова М. М. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания (иллюстрированный каталог палеоантропологических находок в России и на смежных территориях). Санкт-Петербург, 2007.

Наиболее известное захоронение в Костёнках было обнаружено на стоянке Костёнки 14 (Маркина гора). Здесь под остатками III культурного слоя была найдена яма, в которой лежал связанный мужчина возрастом около 25 лет. Руки его притянуты к груди, колени к животу, пятки к тазу, при этом указательный палец был прикушен зубами. Его положили в яму, посыпанную красной охрой. Знаменитый реконструктор лиц по черепу М. М. Герасимов восстановил облик умершего и отнес его к австрало-негроидному антропологическому типу (рис. 20, 2), хотя современные генетические исследования костей скелета опровергли эту гипотезу²⁷. Другое погребение было обнаружено на окраине округлого жилища в Костёнках 15. Мальчик 5—6 лет захоронен в овальной могиле, устроенной в полу жилища. Дно посыпано красной охрой, и на нее уложена кучка желтой глины. На глину в связанном виде был посажен умерший. В яме находились: костяная лопатка, 55 кремневых изделий, костяная игла с ушком, костяное лекало. У мальчика была одежда, а на его головной убор в виде шапочки были нашиты рядами 153 просверленных зуба песка. Могила была перекрыта сверху лопаткой мамонта и засыпана землей.

Еще два погребения принадлежат детям. Одно из них — мальчика в возрасте 7—8 лет — обнаружено на стоянке Костёнки 18, относящейся к костёнковско-авдеевской культуре²⁸. Могильная яма была перекрыта тремя слоями костей мамонта. Датирование костей ребенка показало, что возраст погребения составляет порядка 27—28 тыс. л. н. Это погребение из Костёнок 18, как и могила младенца в первом культурном слое Костёнок 12, не сохранила погребального инвентаря. Отметим, что до сих пор в Костёнках не обнаружено ни одного женского захоронения, хотя в верхнем палеолите они известны (Сунгирь).

Возникает закономерный вопрос: почему для такого района с высокой концентрацией палеолитических поселений известно мало преднамеренных захоронений? Ответ достаточно прост: несмотря на длительную историю изучения палеолита в нашей стране, ученым пока не известны все способы погребений умерших в палеолитическую эпоху. Каждое захоронение в Костёнках обнаружено случайно, в ходе раскопок древних поселений. Все они погребены по-разному с учетом обычаев той или иной группы. Традиций захоронений на специальных местах-кладбищах еще не возникало.

Глава 7. «ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕНЕРЫ»

Костёнки знамениты, прежде всего, находками женских статуэток, получивших обобщенное название «верхнепалеолитических венер». Здесь их найдено многократно больше, чем на любом другом памятнике Европы. Впервые женскую статуэтку нашел в 1923 г. в Костёнках П. П. Ефименко. Петр Петрович и поставил вопрос: что это и зачем?²⁹

²⁷ Krause J. A Complete mtDNA Genome of an Early Modern Human from Kostenki, Russia // Current Biology. 2010. Vol. 20. P. 231—236.

²⁸ Васильев С. В. Особенности строения скелета ребенка из погребения на стоянке Костёнки 18 // Древнейший палеолит Костёнок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костёнковско-Борщёвском районе) : мат. межрег. научн.-практ. конф. Воронеж, 2019. С. 97—102.

²⁹ Ефименко П. П. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия ГАИМК. Т. XI. Вып. 3—4, Ленинград, 1931.

Статуэтки женщин характерны для костёнковских поселений средней поры верхнего палеолита (рис. 21). Они представляют собой небольшие по размерам (высота 6—16 см) скульптурные изображения обнаженной женщины: стоящая фигура, голова чуть наклонена к груди, руки тонкие и непропорциональные туловищу. Лицо никак не выделено, и это, заметим, было, видимо, неважно. И дело здесь не в возможностях охотника-художника, который не мог изобразить ее лицо. Мог, конечно, как это он сделал на некоторых фигурках, правда, опять-таки весьма небрежно. Глядя на реалистично выполненные изображения животных на стенах пещер, трудно предполагать, что у художников того времени возникали бы какие-то трудности при изображении женского лица.

Возможно, прав А. Д. Столяр, который утверждал, что «распознал» назначение безликих фигурок. Это для нас они «странно без-

лики», так как мы подходим к ним со своими нынешними эстетическими взглядами, в соответствии с которыми каждая женщина индивидуальна и красива, и это необходимо выразить художественным способом³⁰. Но для палеолитического художника важна была, видимо, совсем другая идея. Не реальная женщина, а символ женщины! А часто символ женщины-матери! Женская скульптура, таким образом, была не предметом личных переживаний художника, а отражением взгляда коллектива на женщину и ее роль в жизни сородичей. Но вряд ли женский образ «венер» был только таковым, чисто символическим. «Венеры» могли вызывать и чувственное, эротическое начало, что как раз не особо требовало изображения личных, индивидуальных черт лица. Зато полнота женщины, наличие у нее жиро-

вых запасов было практически необходимо в те суровые годы, когда обилие мяса после удачной охоты мужчин на мамонта или другое крупное животное сменялось периодами недоедания, что особенно сказывалось на беременных женщинах. Поэтому для объяснения тучности «венер» необходимо учесть суровость климата верхнего палеолита. Они получили наиболее широкое распространение во время самого сильного оледенения. В таких условиях лишний вес защищал женщину, позволял ей с большей вероятностью выкормить ребенка. Любопытно, что у редких мужских фигурок признаков полноты никогда не наблюдается — они вытянутые и стройные, что, возможно, отражает их образ жизни охотников, проводящих значительную часть времени в поиске и погоне за зверем.

Рис. 21. Женская статуэтка из верхнего слоя Костёнок 1

³⁰ Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. Москва, 1985. С. 250—252.

Находят статуэтки и в ямах-хранилищах, и в культурном слое без привязки к какому-либо объекту. Часто фигурки разбиты. Полагают, это связано с тем, что они не представляли большой ценности, не хранились в капищах, а использовались в каких-то кратковременных ритуалах, после чего утрачивали свою ценность.

«Венеры» разные: тучные и стройные, низкорослые и высокорослые, старые и молодые. Исследователи женской скульптуры выделяют в связи с этим пожилых женщин («бабушки»), женщин среднего возраста («матери») и молодых женщин («девушки»). Это разделение не только по возрасту, положению, но и по хозяйственным занятиям женщин в коллективе. На стоянке Гагарино в Липецкой области С. Н. Замятниным в жилище были обнаружены в хорошей сохранности три разновозрастные статуэтки. Причем размещались у его стен, «в головах» у спавших здесь когда-то людей³¹. Это было, по мнению А. Д. Столяра, постоянное место каждой половозрастной группы женщин коллектива. Фигурки «бабушки» и «матери» располагались у восточного края жилища в 2 м друг от друга, а худощавая фигурка — у западной стенки, на своеобразной «девичьей» половине³².

Вопрос о назначении статуэток женщин остается неясным, прежде всего, потому,

что они дошли до нас вырванными из культурного контекста. Это открывает широкое поле для интерпретаций. Первооткрыватель «палеолитических венер» П. П. Ефименко доказывал, что это образ прародительницы рода, который дает этому роду благополучие³³. Причем он находил в женских статуэтках археологическое подтверждение существования в палеолите *матриархата* — времени господства женщины. Но в условиях, когда жизнь коллектива зависела от успешной охоты мужчин, женщина не могла занимать главенствующее положение. Она могла быть «хранительницей домашнего очага», растила детей. Но от нее велся счет родства из-за невозможности тогда установить отца детей. В этом и состоит «уважение» к женщине, почитание ее, но не доминирование в коллективе. Некоторые исследователи допускают равенство полов в жизни верхнепалеолитической эпохи. Существование его подтверждается наиболее архаичными (древними) условиями жизни народов Австралии и Океании³⁴, хотя там же можно найти и противоположные примеры. Но пока никаких конкретных данных, подтверждающих ту или иную гипотезу, на материалах Костёнок и других верхнепалеолитических памятников не выявлено.

³¹ Замятнин С. Н. Раскопки у села Гагарино (верховья Дона, ЦЧО). Палеолит СССР // Известия ГАИМК. Москва — Ленинград, 1935. Вып. 118. С. 63.

³² Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. С. 257.

³³ Ефименко П. П. Первобытное общество (очерки по истории палеолитического времени). Киев, 1953. С. 308, 400—404.

³⁴ Столяр А. Д. Указ. соч. С. 257; Народы Австралии и Океании. Москва, 1956. С. 169.

РАЗДЕЛ 2. МЕЗОЛИТ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

В конце палеолитической эпохи, примерно с 17 тысяч лет назад на всей Земле началось потепление, благодаря которому 12 тысяч лет назад европейский ледник окончательно растаял. В результате образуются русла многих современных рек, существенно изменяется конфигурация материков за счет подъема уровня морей примерно на 35 м.

С отступлением ледника изменяется ландшафт, появляются степи и леса, сменяется животный и растительный мир. Мамонты и шерстистые носороги вымирают

(или их выбивают охотники), северные олени уходят на север, к более привычным условиям обитания, значительно уменьшается численность бизонов, лошадей, овцебыков, а вместе с ними исчезают и навыки загонной охоты. На первых порах это вызвало пищевой кризис, затронувший большинство культур региона, что привело к сокращению численности населения. Наступила новая археологическая эпоха — **мезолит** (от греч. «мезос» — *средний* и «литос» — *камень*).

Глава 1. ПЕРЕМЕНЫ В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ В НАЧАЛЕ МЕЗОЛИТА

Столь радикальное изменение окружающей среды и животного мира привели человека к поиску неизвестных ранее форм адаптации, в ходе которого он вынужден был искать новые источники жизнеобеспечения. Происходит переход от коллективной загонной охоты, характерной для «эпохи мамонта», к индивидуальной. Для этого человек совершенствует способы охоты на одиночных животных, чутких, быстроногих, обитавших мелкими группами — лосей, оленей, косуль, зайцев, лисиц. Значительно активизируется охота на птиц, развивается рыболовство, возрастает роль собирательства.

В мезолите изменился образ жизни людей. Сложившиеся обстоятельства приводят к распаду больших родовых коллективов, численность которых, по археологическим и этнографическим свидетельствам, теперь не превышала 25—30 человек. Такой коллектив был оптимальным для мобильного перемещения с места на место с целью поиска новых охотничьих угодий. В создавшихся условиях резко возросла роль индивидуальных охотничьих средств: лука и стрел, разного рода силков, ловушек, капканов, начало изобретению которых уже было положено в эпоху палеолита. На охоте стала широко использоваться собака, первое одомашненное животное, без которой было бы невозможно найти и достать зверя из-под земли или воды.

Стал другим тип поселений, на которых из-за кратковременности пребывания людей отлагался более тонкий культурный слой (рис. 22, 1, 2).

Необходимость в теплых стационарных жилищах, характерных для предыдущей эпохи, отпадала. На смену им приходят недолговременные легкие постройки (рис. 23, а). Исключением явились лишь те племена, у которых ведущей хозяйственной отраслью стало рыболовство, ввиду отсутствия у них потребности в смене места своего проживания. Но кроме охоты и рыболовства дополнительный объем продуктов питания для человека давало собирательство, о чем наглядно свидетельствуют выявленные в процессе раскопок стоянок скопления раковинных створок моллюсков.

Вкладышевая техника. В связи с названными переменами в южной части Восточной Европы, включая территорию и Воронежской области, при изготовлении орудий получила широкое распространение так называемая вкладышевая, или составная, техника (рис. 23, 1—3). В качестве вкладышей использовались *микролиты* — мелкие кремневые и кварцевые пластинки. Нередко они были в форме геометрических фигур: трапеций, сегментов, треугольников. В мезолитическую эпоху, когда стал ощущаться дефицит кремня, они оказались как нельзя кстати, особенно в процессе охоты на средних и мелких животных, в качестве наконечников стрел. Их также вставляли в косяную или деревянную основу и получали наконечники копий, ножи, позднее серпы с острым режущим лезвием. В случае поломки вкладыша его можно было легко заменить на другой.

Рис. 22. Стоянки эпохи мезолита: 1 — Плаутино в процессе раскопок;
2 — Каменка, скопление каменных орудий после расчистки. Фото И. В. Федюнина

Рис. 23. а — мезолитическая хижина (современная реконструкция);
1—3 — вкладышевая техника

В это же время далеко на юге, в местах бу-
дущих цивилизаций активный поиск ресурсов
жизнеобеспечения приводит к возрастанию
роли собирательства продукции злаковых
растений, а охота — к приручению первых до-
машних животных. На этой основе на рубеже
мезолита и неолита начинают формироваться
хозяйственные уклады производящей эконо-
мики — земледелия и скотоводства, которые
в ряде южных регионов приведут к зарожде-
нию цивилизации. Но наш край слишком да-
леко отстоял от этих центров. Поэтому втяги-
вание его населения в цивилизационный про-
цесс затянулось на тысячелетия. Тем не менее
на Русской равнине глубокий экономический
кризис, вызванный радикальным изменени-
ем природно-климатических условий рубежа
плейстоцена-голоцена, в конце концов был
преодолен, может быть, не так успешно, как на
юге. Люди послеледниковья смогли приспособ-
иться к новым для них условиям и выжить,
хотя, по данным археологии, численность на-
селения по сравнению с верхним палеолитом
сильно сократилась.

История изучения мезолитических па-
мятников в Подонье весьма показательна,
хотя и краткая. Впервые этой проблемы кос-
нулся С. Н. Замятнин, выделив «докерами-
ческий неолит». Затем их охарактеризовал
В. П. Левенок в контексте оценки всего ком-
плекса мезолитических древностей Днепро-
Донского междуречья. Все известные здесь
стоянки разделены им были на две большие
группы, различаемые как в хронологическом,
так и в этническом отношении. К первой груп-
пе В. П. Левенок отнес все кремневые ком-
плексы с общим признаком макролитойдно-
сти инвентаря (верхний горизонт Боршево II).
А с завершающим временем существования
макролитойдного этапа он синхронизировал
вторую группу памятников, в которую объе-
динены дюнные стоянки со своеобразным ми-
кролитическим кремневым инвентарем (По-
гоново озеро). В качестве одного из основных
аргументов в пользу отнесения памятников
к раннему мезолиту В. П. Левенок приводит
отсутствие в их слоях костей мамонта, а также
меньшую степень патинизации кремня в срав-
нении с инвентарем нижележащих слоев¹.

¹ Левенок В. П. Мезолит среднерусского Днепро-
Донского междуречья и его роль в сложении местной
неолитической культуры // МИА. № 126. С. 89.

Большой интерес с позиций межкультур-
ных контактов представляют построения
В. П. Левенка по определению ареала распро-
странения культур с микролитическим инвен-
тарем. Их северную границу он проводил по
линии Могилев — Воронеж, а южную, следуя
за Г. Чайлдом и другими исследователями, от-
носил далеко на юг — на территорию Север-
ной Африки, откуда они и проникали на более
северные территории в виде разновременных
волн переселений.

В. П. Левенок из мезолита выводил и исто-
ки местных неолитических культур. Он счи-
тал, что существование на одной и той же тер-
ритории пришло и местной макролитойдных
групп постепенно нивелировало их различия
и в конце концов привело к полной взаимной
ассимиляции, совпавшей с исчезновением ме-
золитической и возникновением качественно
новой, неолитической культуры.

К рассмотрению проблемы мезолита в По-
донье неоднократно обращался А. Т. Синюк
в связи с поиском генетических корней сред-
недонской неолитической культуры (рис. 24).
В качестве опорного памятника он привлекал
материалы неплохо стратифицированной ме-
зо-неолитической стоянки Монастырская 1
в бассейне реки Битюг, исследованной им
в 1982—1983 гг.² При ее изучении было обра-
щено внимание на наличие в основании чет-
вертого (нижнего) слоя клиновидных нукле-
усов с ровной ударной площадкой, скобелей,
орудий со скошенным концом на обломках
пластин, сегментовидного вкладыша, сверла
и «рогатой» трапеции при отсутствии керами-
ческого материала, что дало основание автору
определить выявленную группу кремневого
инвентаря как наиболее раннюю. Анализируя
кремневые находки, сопутствующие керами-
ческому комплексу памятника, А. Т. Синюк
отмечает их сходство, в целом, с индустрией
нижнего (раннего) слоя, что и позволило ему
сделать вывод о генетическом родстве насе-
ления, оставившего на стоянке два разноре-
менных комплекса материалов: ранний из них
соотносится с материалами позднемезолити-
ческого облика, более поздний — с первым
этапом местного неолита³.

² Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху
неолита. Воронеж, 1986.

³ Синюк А. Т. Исследование памятников неолита-энеолита на Среднем Дону // АО. 1982. Москва :
Наука. С. 84.

Рис. 24. Арсен Тигранович Синюк

Следует отметить, что А. Т. Синюк выделял аналогичные материалы и на ряде других памятников лесостепного Подонья, таких как бескерамические комплексы по рекам Савала и Толучеевка в Воронежской области. При этом исследователь сделал интересное наблюдение, что наличие характерных бескерамических кремневых комплексов совпадает с ареалом распространения материалов среднедонской неолитической культуры, что представляется особенно интересным с позиций оценки взаимодействия и взаимовлияния на рубеже двух археологических эпох⁴.

А. Т. Синюк обратил внимание на то, что на Среднем Дону отсутствуют орудия с двусторонней обработкой изделий и на наличие только крутой краевой ретуши в качестве приема вторичной обработки. Проведенный подробный анализ кремневой индустрии дал ему основание отрицать предполагаемую ранее близость её с позднемезолитическими комплексами Поднепровья. Ни в Азово-Черноморской позднемезолитической культурной области, ни в области более северных микро-макролитических культур не найдено безусловных прототипов микролитических комплексов Среднего Дона.

В поисках аналогий им А. Т. Синюк обращался к восточным и юго-восточным от Дона территориям, исключая такие регионы, как Среднее Поволжье и Южный Урал, где сохраняются традиции изготовления резцов. Наличие же микролитических комплексов без резцов и геометрических орудий отмечено в кельтеминарской культурно-исторической общности. В качестве связующего звена А. Т. Синюк определяет территорию Северо-Восточного Прикаспия, где выявлен ряд памятников с преобладанием микроиндустрии, в которой отсутствуют резцы, единичны геометрические вкладыши, но в то же время хорошо представлены концевые скребки.

Анализируя ареал распространения «рогатых» трапеций, характерных для ряда районов Средней Азии. А. Т. Синюк вслед за А. В. Виноградовым определил маршрут продвижения древних переселенцев Средней Азии на северо-запад. Такое переселение могло иметь место в конце мезолита⁵. Все это дало основания считать, что ранние микролитические комплексы лесостепного Дона принадлежат культуре населения, проникшего сюда вследствие миграционной волны из среднеазиатских областей в самом конце мезолита (конец VII — первая половина VI тыс. до н. э.).

⁴ Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 57—152.

⁵ Там же. С. 74—75.

Глава 2. НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В последние десятилетия продолжены исследования по расширению источниковой базы мезолита и неолита Воронежского края под руководством А. Н. Бессуднова, А. В. Суркова, А. М. Скоробогатова, И. В. Федюнина. В ходе полевых исследований было выявлено и раскопано более десятка мезолитических стоянок.

С конца 1990-х гг. большой вклад в изучение мезолита лесостепного Подонья осуществляет И. В. Федюнин. Им или при его участии были исследованы ставшие опорными такие мезолитические стоянки, как Плаутино-2, Назаровка, Четвериково, Ильинка и ряд других (рис. 25).

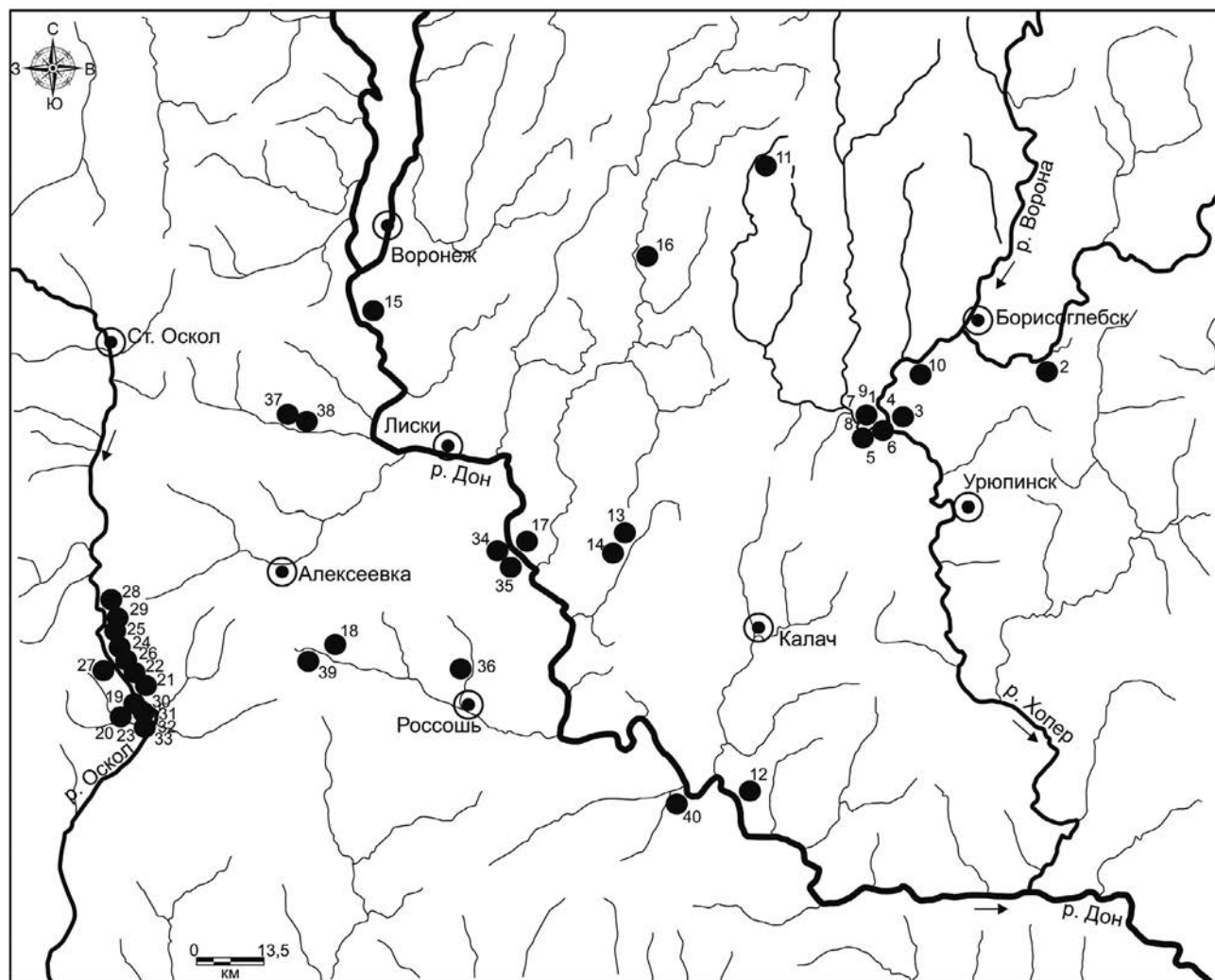

Рис. 25. Карта мезолитических памятников лесостепного Подонья
(по И. В. Федюнину и А. Н. Бессуднову):

1 — Мельгуново-3, 6 и 7; 2 — Бутырки-1, 2; 3 — Монастырщина-2Б; 4 — Журишки; 5 — Устье; 6 — Заборовка; 7 — Малое Нелядино; 8 — Белая Гора; 9 — Никольское; 10 — Пионерлагерь «Солнечный»-1—6; 11 — Барановка-1—4; 12 — Данков; 13 — Селище; 14 — Ольховец; 15 — Лебедянь; 16 — Каширка-1; 17 — Писарево-1; 18 — Студеновка-3; 19 — Ракша; 20 — Красное Поле; 21 — Дедов Бугор; 22 — Серповое; 23 — Аклушинские Борки; 24 — Крюковско-Кужновский могильник; 25 — Цигуров Хутор; 26 — Карельская; 27 — Мокрый Залив; 28 — Воргол; 29 — Дружба-2; 30 — Кузьминка-1 и 2; 31 — Свободный Сокол; 32 — Сырское городище; 33 — Каменка; 34 — Большой Самовец — 1 и 2; 35 — Яблоново-4; 36 — Замятино-1, 14 и 16; 37 — Плотина-3; 38 — Лобановка; 39 — Конь-Колодезь; 40 — Масловка; 41 — Ямное; 42 — Чернышова Гора; 43 — Тавровка; 44 — Иволга; 45 — Погоново Озеро; 46 — Рудкино; 47 — Борщёво-2; 48 — Шапкино-1; 49 — Чуриловка; 50 — Рождественское; 51 — Самодуровка; 52 — Ильмень-Голова; 53 — Кочерга; 54 — Пыховка-2; 55 — Пыховка; 56 — Дубки-1; 57 — Плаутино-2; 58 — мастерская у с. Плаутино; 59 — Дубки-2; 60 — Дубки-3; 61 — Каменка-3; 62 — Каменка-1 и 2; 63 — Устье Савалы; 64 — Стрелка; 65 — Потудань-1—10; 66 — Дивноегорье 1, 2 и 9

И. В. Федюниным по данным археологических и естественнонаучных исследований эпоха мезолита в границах лесостепного Подонья разделена на два периода: ранний (первая половина бореала⁶) и поздний (начало атлантического периода⁷). Последний отличался самым теплым и влажным климатом в эпоху голоцена Северной Европы. Исходя из этих сведений, в начале атлантического периода здесь сосуществовали группы населения, с одной стороны, уже имевшие навыки керамического производства, а с другой — не знавшие такового.

К раннему мезолиту относятся памятники зимовниковской культуры⁸. В нашем крае она представлена нижним слоем стоянки Плаутино-2 в Среднем Прихопье. Коллекция из нижнего слоя стоянки насчитывает 5449 предметов (рис. 26). Технику расщепления кварцита автор разделил на три варианта. Результатом применения этих приемов было получение пластин с двускатной и реже трехскатной спинкой (рис. 26, 3, 4). Каменная индустрия определена как отщепово-пластинчатая с выраженной долей целых пластин в качестве заготовок для изготовления орудий (25,5 %). В орудийном наборе равномерно представлены основные типы: резцы на сломанных заготовках или боковые (рис. 26, 13—19), скребки (рис. 26, 6—12), рубящие орудия — топоры, тесла и долота (рис. 26, 20—21), пластины с краевой ретушью, провертки. Многочисленна коллекция симметричных и асимметричных обушковых острий и геометрических микролитов (рис. 26, 22—68).

Исходя из данных радиоуглеродного датирования (9950 ± 100 л. н.) и соответствующих результатов палинологического анализа нижнего слоя стоянки Плаутино-2, автор исследования предполагает, что она может быть одним из древнейших памятников зимовниковской культуры⁹.

⁶ Бореальный период — климатический период, охватывающий время примерно от начала IX до конца VIII тыс. до н. э.

⁷ Атлантический период — от конца VIII до конца IV тыс. до н. э.

⁸ Федюнин И. В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж, 2010.

⁹ Федюнин И. В. Мезолит лесостепного Подонья в ретроспективе и перспективе исследования // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, № 1. С. 21.

Заметным своеобразием отличается мезолитическая стоянка Ямное недалеко от г. Воронежа¹⁰. Каменная индустрия базировалась на отщеповой технологии. Она усложняет картину раннего мезолита лесостепного Подонья, которая, видимо, не ограничивается одной культурой¹¹.

Характеристика особенностей **позднего мезолита** в Воронежском крае, как и во всем лесостепном Подонье, сопряжена с целым рядом проблем, что обусловлено отсутствием «чистых» комплексов без инокультурной примеси. В этой же связи затруднено выделение типичной для позднего мезолита кремневой индустрии из смешанных коллекций многослойных памятников. К этому периоду относятся стоянки Назаровка (верхний слой), Четвериково, Ильинка и ряд местонахождений¹². Индустрия мезолитического слоя Назаровки основывалась на использовании одноплощадочных нуклеусов для получения правильных призматических пластин, из которых изготавливались орудия. Во вторичной обработке использовалась ретушь разных видов. В орудийном наборе представлены резцы и боковые, пластины с краевой ретушью, скребки, острия, обломки черешковых наконечников и трапеции. Назаровка в настоящее время представляет восточный пункт ареала распространения донецкой культуры¹³. Материалы Ильинки хотя и выделяются определенным своеобразием, имеют существенные черты сходства с донецкой культурой.

Особое внимание И. В. Федюнин обращает на стоянку Каменка 1 в Новохоперском районе, выявленные комплексы которой дают эталонный образец для характеристики позднего мезолита региона (рис. 27). В совокупности с исследованными ранее стоянками изученная коллекция включена им в состав единой археологической культуры, ареал которой занимает лесостепную зону

¹⁰ Сурков А. В. Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований). Воронеж, 2012.

¹¹ Федюнин И. В. Указ. соч. С. 21.

¹² Федюнин И. В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2007.

¹³ Горелик А. Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. Киев, 1984. С. 4—23.

донского Левобережья. Техника расщепления камня базируется на использовании пирамидального или карандашевидного нуклеуса с целью получения пластин, но в качестве основной заготовки преобладает отщеп. Каменная индустрия имеет ярко выраженный микролитический облик. Колющие наконечники стрел чаще всего представлены обломками, но среди них нет предметов с ха-

рактерной для неолита плоской подтеской. В то же время находки шлифованных орудий из сланца и других «мягких» пород камня придают данным комплексам определенные черты следующей неолитической эпохи. Дальнейшее изучение этого круга памятников позволит вплотную подойти к решению вопросов начального этапа неолитизации региона.

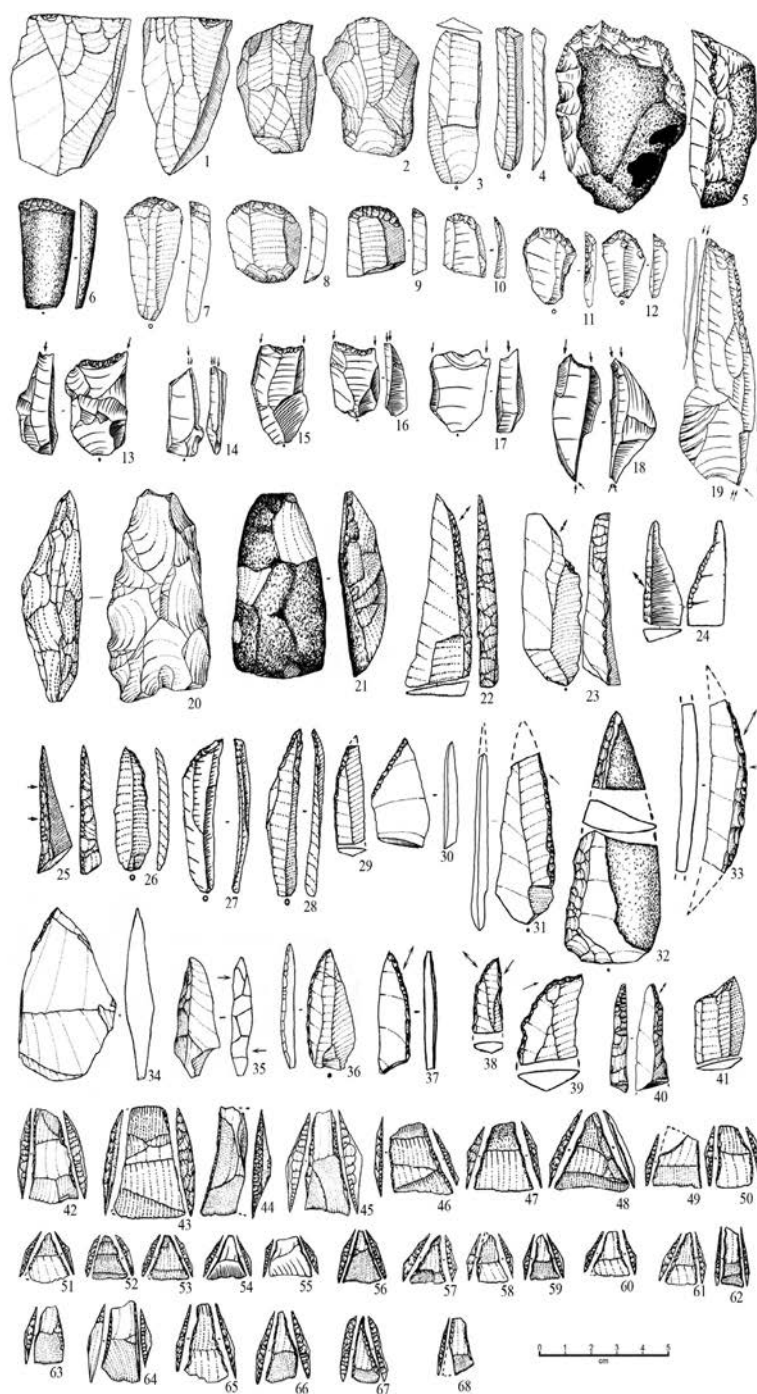

Рис. 26. Раннемезолитическая стоянка Плаутино 2 (нижний слой). Кремневый инвентарь раннемезолитический: 1, 2 — нуклеусы; 3, 4 — сколы; 5—12 — скребки и скребла; 13—19 — резцы; 20, 21 — рубящие орудия; 22—68 — острия и геометрические микролиты (по И. В. Федюнину)

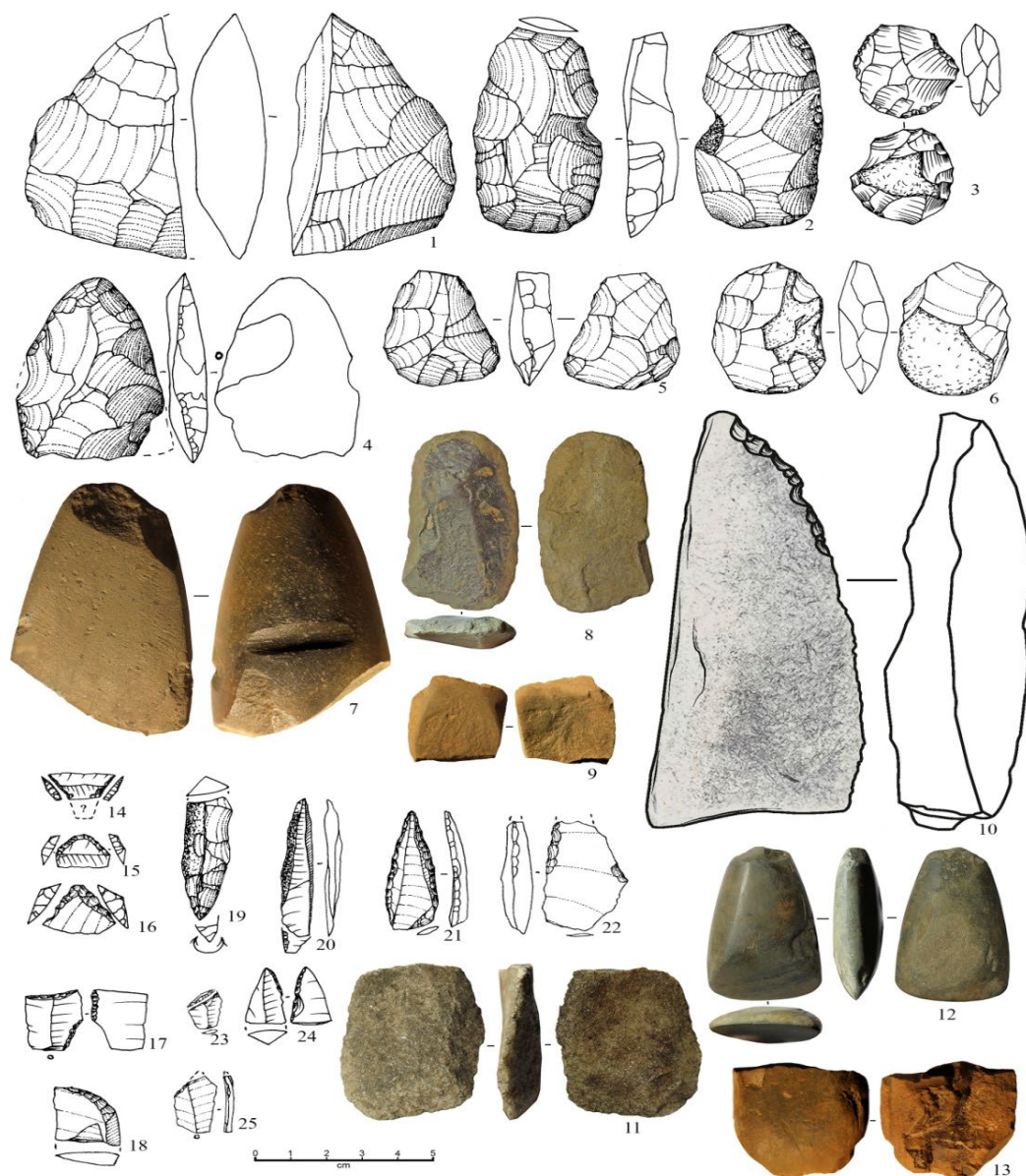

Рис. 27. Стоянки позднего мезолита Каменка.
Каменный инвентарь (по И. В. Федюнину)

Подводя итог результатам исследований мезолитических памятников последних десятилетий, складывается убеждение, что за фактом присутствия зимовниковских древностей на территории Воронежского края скрывается достаточно кратковременный по историческим масштабам эпизод, не позволяющий выделить здесь более одного этапа культуры. Да и разработки периодизации донецкой культуры отличаются гипотетичностью, поскольку ограничены единичными стратифицированными памятниками и требуют новых материалов.

Полученные в последние годы материалы свидетельствуют о том, что последующий процесс неолитизации лесостепного Подонья происходил не поступательно, а, напротив, в виде резкой смены одной материальной культуры другой, исключаящей какие-либо «переходные формы» и, как следствие, не дающей никаких оснований говорить о преемственности между мезолитическими и ранненеолитическими культурами.

РАЗДЕЛ 3. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХИ

Глава 1. НЕОЛИТ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Неолит (от греч «неос» — новый и «литос» — камень) начался на Среднем и Верхнем Дону в последней четверти VII тыс. до н. э. Природно-климатические условия атлантического периода приблизились к современным. Основным археологическим признаком начала новой эпохи является появление, а затем повсеместное использование керамической посуды для хранения и приготовления пищи. С этого времени керамика, в первую очередь лепная, становится основным массовым источником при изучении археологических культур вплоть до Нового времени. В ней ярче всего проявляются этнографические особенности различных групп населения. Встает вопрос: почему? Ответ прост. Керамическая посуда в основном изготавливалась для кухни. Ее лепили сами женщины, придавая ей ту форму и украшая таким орнаментом, как научила их мать. По этой причине керамика стала самым массовым передатчиком культурных традиций внутри отдельной этнографической группы. В ее форме и орнаментации иногда подсознательно, а иногда намеренно проявлялись отличия от соседей. Изучение лепной керамики позволяет проследить развитие технологии ее производства от эпохи к эпохе.

С неолитическим периодом связано увеличение общего количества памятников, появление стоянок с культурными слоями, насыщенными находками не только в виде

обломков керамической посуды, но и орудий труда из камня и кости. Большинство стоянок расположено в поймах рек на заметно возвышающихся местах или по берегам озер поближе к воде (рис. 28). Это не случайно. В неолите на Среднем Дону еще не произошел переход от присваивающего хозяйства — охоты, рыболовства, собирательства — к производящему земледелию и скотоводству. Признаков «неолитической революции» — перехода к земледелию и скотоводству — в среднедонском неолите не просматривается.

Ранний неолит начинается с последней четверти VII тыс. до н. э. и продолжается около тысячи лет. Наиболее древней в лесостепном Подонье является керамика типа Черкасской 5 (нижний слой), по материалам которой получена серия радиоуглеродных дат, указывающих на существование памятника от 6250 до 5800 л. н.¹

В неолите наблюдается некоторый прогресс в развитии технологий. Отдельные каменные орудия еще несут в себе мезолитические традиции, поскольку продолжала играть значимую роль охота на мелких животных. Но при этом все более внедряются типично неолитические приемы их изготовления, такие как шлифование, пиление, сверление, а также двусторонняя обработка кремневых наконечников, рубящих орудий.

Глава 2. ОСНОВНЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ПАМЯТНИКИ

Памятники неолита-энеолита в лесостепном Подонье планомерно изучаются с середины прошлого века. В 60-х годах В. П. Левенок на основе результатов исследования материалов стоянки Долгое (рис. 29) и других выделил на Верхнем Дону рязанско-долговскую и рыбоозерскую культуры. Он положил начало изучения неолита на Верхнем Дону и попытался определить его место

в системе неолитических культур Восточной Европы².

¹ Скоробогатов А. М. Стоянка Черкасская-5 и ее место в раннем неолите Среднего Дона // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 176—189.

² Левенок В. П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР : автореф. канд. дис. Ленинград : ЛОИА, 1969.

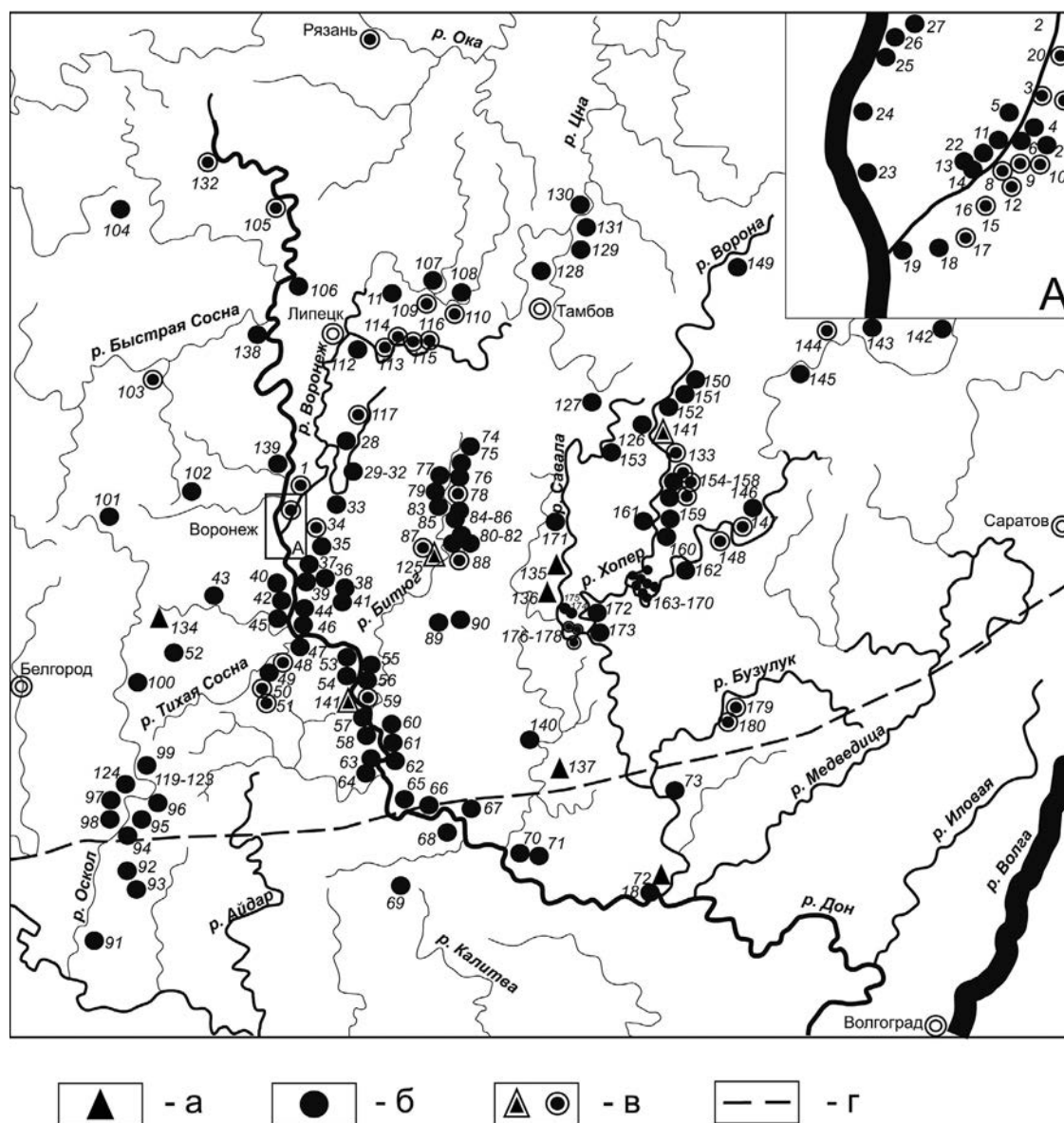

Рис. 28. Карта распространения мезолитических и неолитических стоянок в бассейне Верхнего и Среднего Дона (по А. Т. Синюку, А. В. Суркову):

а — мезолитические стоянки; б — неолитические стоянки; в — стоянки, подвергнутые раскопкам; г — южная граница лесостепи.

1 — Чертовичская; 2 — Отрожка; 3 — Северовосточная 1; 4 — Северовосточная 2; 5 — Коммунарская; 6 — Яхтклуб; 7 — Чернавская; 8 — Университетская 3; 9 — Университетская 1; 10 — Университетская 2; 11 — Университетская 4; 12 — Стрельбище 1; 14 — Стрельбище 2; 15 — Шилевская 1; 16 — Шилевская 2; 17 — Скотный Двор; 18 — Тавровская; 19 — Устье; 20—22 — места находок кремневых орудий; 23 — Орловская; 24 — Устье Девыцы; 25 — Подклетнинская; 26 — Подгорная 1; 27 — Подгорная 2; 28 — Угленец; 29—32 — места находок неолитической керамики; 33 — Боровое 1; 34 — Боровое 2; 35 — Забужская; 36—38 — Погоново Озеро; 39 — Каменка; 40 — Костёнки; 41 — Нововоронежская; 42 — Урывская; 43 — Платава; 44 — Троицкая; 45 — Аверинская; 46 — Устье Нижней Девыцы; 47 — Устье Тихой Сосны; 48 — Дармодехинская 1; 49 — Дармодехинская 2; 50 — Копанице 1; 51 — Копанице 2; 52 — Шубное; 53, 54 — Щучье; 55 — Колодежное; 56 — Покровка; 57 — Верхнекарабутовская 1; 58 — Верхнекарабутовская 3; 59 — Черкасская; 60 — Перебой; 61 — Павловск; 62 — Русская Буйловка; 63 — Нижний Карабут; 64 — Кулаковка; 65, 66 — Гороховка; 67 — Журавка; 68 — Филоново; 69 — Титаревка; 70 — Тулчевка; 71 — Березняки; 72 — Подпешное Озеро; 73 — Ендовская; 74, 75 — Борщево; 76 — Малые Ясырки; 77 — Мосоловка 2; 78 — Мосоловка 1; 79 — Сухое Веретье; 80—82 — Бродовое, Попово Озеро, Гороховка; 83 — Анна; 84 — Новый Курлак; 85 — Черное Озеро; 86, 87 — Кушелево; 88 — Дрониха; 89, 90 — Новая Чигла; 91 — Пески; 92 — Герасимовка; 93 — Ярост; 94 — Уразово; 95 — Шелаевская 1; 96 — Шелаевская 2; 97 — Ново-Изрожное; 98 — Колосково; 99 — Принцевка; 100 — Новый Оскол; 101 — Никольское — Правороть; 102 — Касторное; 103 — Лобовская; 104 — Ефремов; 105 — Долговская; 106 — Лебедянь; 107 — Грамушки; 108 — Устье; 109, 110 — Подзорно I, Подзорно 2; 111 — Стеньшино; 112 — Липецк; 113 — Рыбное Озеро 1; 114 — Рыбное Озеро 2; 115, 116 — Ярлуково; 117 — Савицкая; 118 — Кривоборье; 119 — Раздолье; 120 — Подмонастырка; 121 — Новосимоновка; 122 — Терехово; 123 — Масловка; 124 — Лавы; 125 — Монастырская 1; 126 — Уварово; 127 — Княжино; 128 — Тихий Угол; 129 — Дедов Бугор; 130 — Серповое; 131 — Елизавето-Михайловское; 132 — Монастырщина 2; 133 — Шапкино 1; 134 — Аксеновка; 135 — Савала 1; 136 — Савала 2; 137 — Тулчевка 29; 138 — Устье Быстрой Сосны; 139 — Новоживотинное; 140 — Ширяево; 141 — Шапкино 2; 142 — Логовое; 143 — Секретарка; 144 — Софьино; 145 — Вертуновка; 146 — Подгорное; 147 — Инясево; 148 — Рассказань 3; 149 — Чернышево; 150 — Кипец; 151 — Ильмень; 152 — Можаровка; 153 — Зареченская; 154—158 — Шапкинские дюны; 159 — Сисев-озеро; 160 — Затон 2; 161 — Посевкино 5; 162 — Самодуровка 1; 163—170 — Борисоглебские 1—3, Ловчак 7—8, Стрельбище 4—5, Стела; 171 — Поляна; 172 — Новохоперск 1; 173 — Новохоперск 3; 174 — Русаново; 175 — Пыховка 2; 176—178 — Плаутино 1, 2, 4; 179 — Староаннинская; 180 — Козлиновская; 181 — Подпешное озеро

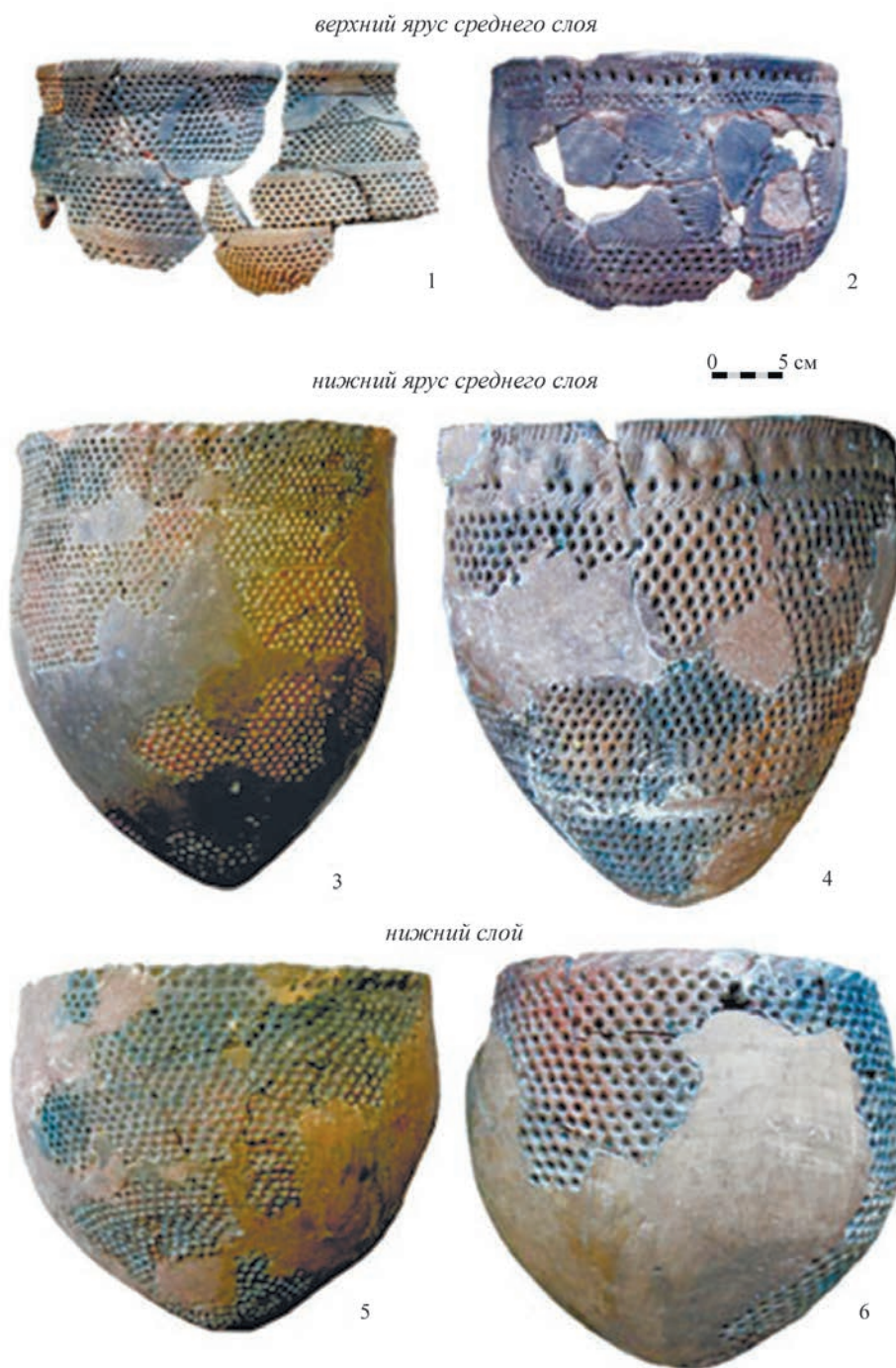

Рис. 29. Стоянка Долгое. Ямочно-гребенчатая керамика
(по В. П. Левенку)

Основным исследователем неолитических культур Среднего Дона был А. С. Синюк. Ему принадлежит ведущая роль в раскопках и систематизации памятников по неолиту Среднего Дона³. На карту исследователем был нанесен 141 неолитический объект, основное число которых приурочено

но к среднему течению р. Дон, включая Побитюжье.

А. Т. Синюк обосновал выделение среднедонской неолитической культуры, имеющей наибольшее распространение в воронежском крае (рис. 30). Развитие этой культуры он разделил на три этапа — ранний, средний и поздний, которые получили еще и название от раскопанных памятников: соответственно — монастырский, черкасский и дронихинский.

³ Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

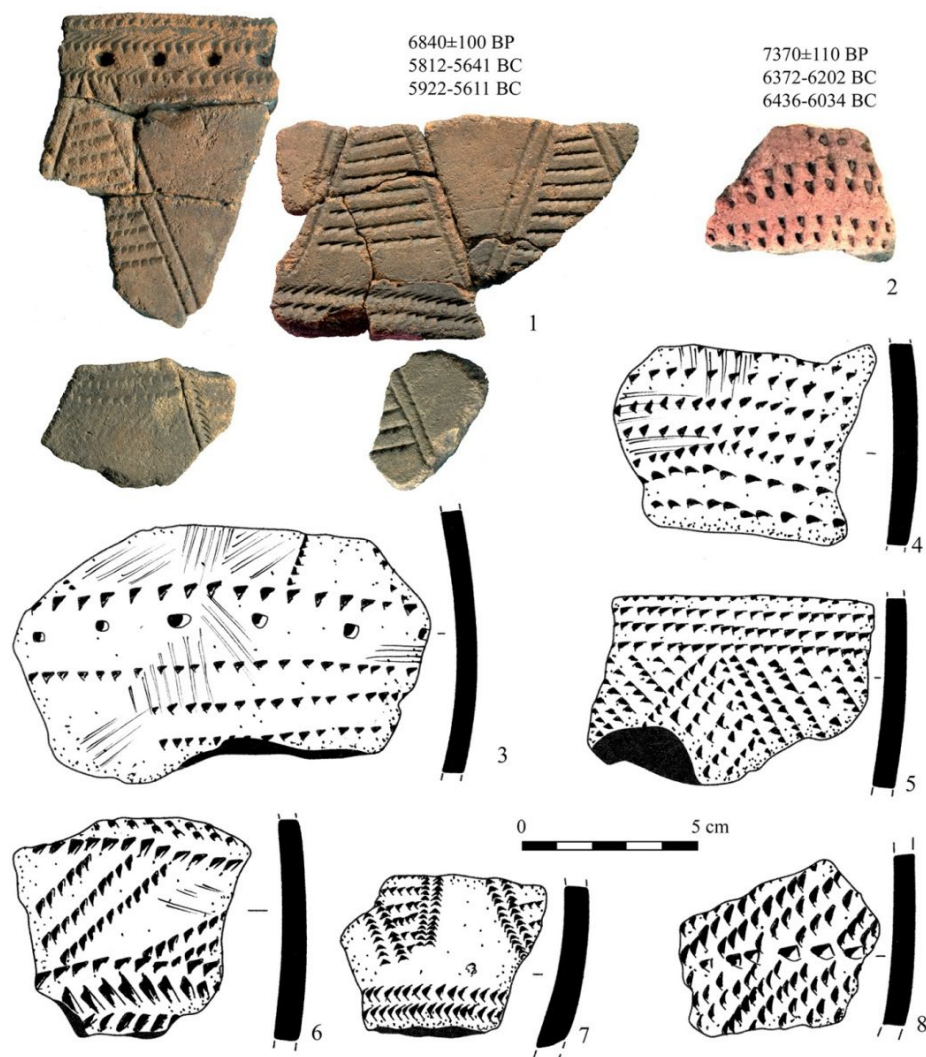

Рис. 30. Керамика среднедонской неолитической культуры:
1 — Монастырская I, 2 — Щучье II, 3—8 — Университетская III (по А. В. Суркову)

Для первого ее этапа характерны прямостенные остродонные горшки с примесью травы или песка, орнаментированные преимущественно подтреугольными наколами (рис. 31).

В среднем этапе распространяется воротничковая (черкасская) и так называемая «нижнедонская» керамика, появившаяся здесь под влиянием более южной (ракушечной) культуры, характерной для Нижнего Дона.

Поздний этап среднедонской неолитической культуры характеризуется появлением так называемая дронихинской керамики, имеющей прочерченную и гребенчатую орнаментацию, появившуюся под влиянием проникших на Средний Дон носителей рыбноозерской керамики (рис. 32). При этом памятники третьего этапа доживают до распространения на Дону энеолитического населения, оставившего памятники репинского типа.

В свете новейших данных ранний неолит на Среднем Дону начался с последней четверти VII тыс. до н. э. и продолжался около тысячи лет⁴. Наиболее древней в лесостепном Подонье является керамика типа Черкасской 5 (нижний слой), по материалам которой получена серия дат, указывающих на существование памятника от 6250 до 5800 л. н. (рис. 32)⁵.

⁴ Скоробогатов А. М. Хронология неолитических памятников лесостепного Подонья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII—III тыс. до н. э. : кол. моногр. Смоленск, 2016. С. 244—260.

⁵ Скоробогатов А. М. Стоянка Черкасская-5 и ее место в раннем неолите Среднего Дона // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 176—189.

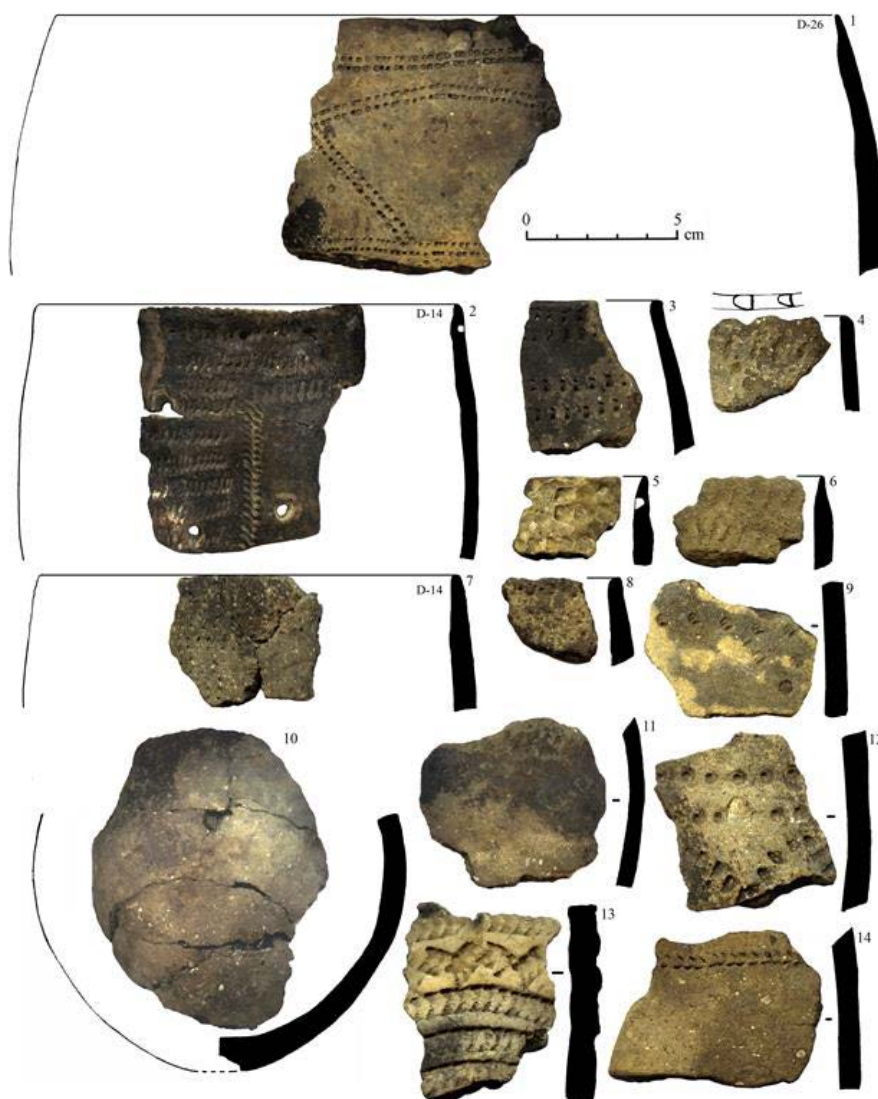

Рис. 31. Керамика раннего неолита, стоянка Черкасская 5

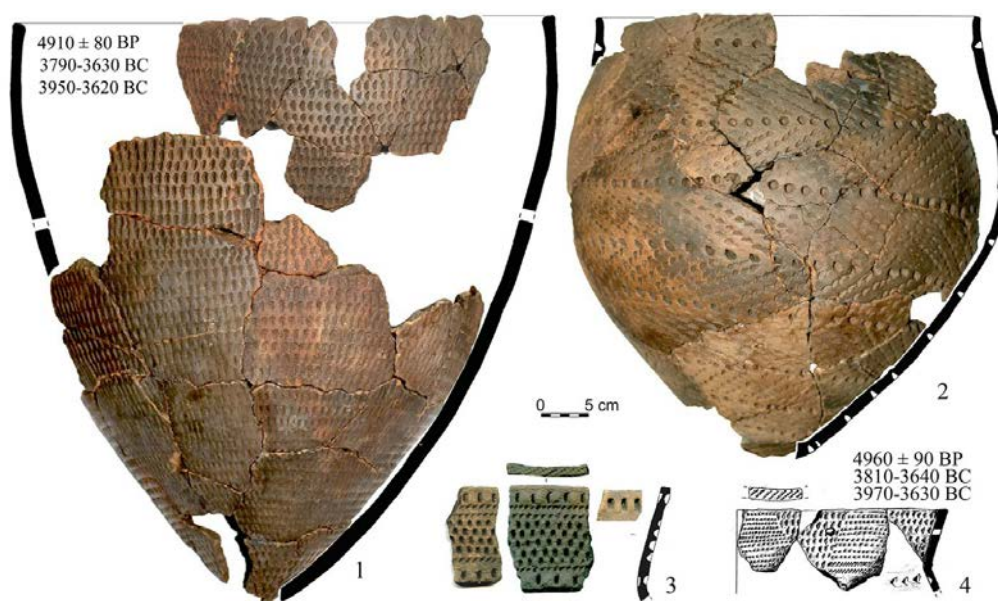

Рис. 32. Керамика позднего этапа среднедонской культуры: 1—4 — стоянка Ямное (по А. В. Суркову)

Хозяйственный уклад носителей среднедонской неолитической культуры в целом носил присваивающий характер. Преобладала охота на мелких животных, поскольку набор каменных орудий еще близок мезолитическому. Тяжелых типов охотничьего снаряжения: наконечников дротиков и копий, а также крупных скребков для выделки шкур крупных животных было еще крайне мало. Сезонный характер большинства известных стоянок указывает на относительную подвижность ранне-неолитических групп населения. Продолжает более активно развиваться и зародившаяся в мезолите новая отрасль хозяйства — рыболовство. На Черкасской стоянке были обнаружены кости крупных рыб, гарпуны и каменные грузила для сетевого лова. Добывались и шли в пищу пре-

сноводные моллюски. Широкое же распространение крупных наконечников стрел, дротиков, копий, разнообразных типов стандартного рыболовецкого снаряжения связано с первой волной переселенцев из лесных областей. Прекрасная коллекция изделий собрана А. Ю. Клоковым на месте разрушенной стоянки Липецкое Озеро (Липецкая область), в составе которой имеются десятки костяных рыболовных крючков, гарпунов, крючки для вязания сетей, каменные грузила и др. (рис. 33). С появлением новых групп лесного по происхождению населения в позднем неолите рыболовство становится ведущим в экономике. С этой отраслью хозяйства, возможно, связаны находки некоторых дубовых долбленых челнов (с. Щучье) на Дону и др.

Рис. 33. Липецкое Озеро. Костяные гарпуны и рыболовные крючки (по А. Ю. Клокову)

Собственно, неолитический (вернее ранне-неолитический) период укладывается в рамки последней четверти VII — VI тыс. до н. э.

и ассоциируется с первым этапом среднедонской, а развитие среднедонской и других культур, соотносится с рамками нео-энеолита.

Глава 3. ЭНЕОЛИТ ИЛИ МЕДНО-КАМЕННЫЙ ВЕК

Энеолит (от лат. «энеус» — медь и греч. «литос» — камень), как самостоятельная археологическая эпоха, является крайне важным временем в истории развития древнего населения нашего края, временем перехода от из-

готовления орудий из камня к изделиям из металла — меди, началом перехода к производящему хозяйству. Термином «энеолит» в археологии принято обозначать первоначальный период, связанный с появлением бронзы.

В исторической перспективе он открывает более широкую эпоху *палеометалла*, включающую и бронзовый век (до появления железа).

В энеолите сосуществуют и конкурируют два вида сырья — камень и металл, хотя еще абсолютно преобладают изделия из минералов. Более того, каменная индустрия не вытесняется сразу металлом и еще долго будет сохранять свое значение. Причина проста. Медь — металл мягкий, с низкими рабочими качествами, да и месторождения ее встречаются гораздо реже источников кремня, обсидиана, кварцита (на Среднем Дону их нет). Вначале использовалась самородная медь, которую обрабатывали холодной ковкой, и лишь позднее люди научились выплавлять ее из руды и изготавливать орудия путем литья в формах с последующей доработкой горячей ковкой.

Начало эпохи палеометалла в степных и лесостепных пространствах нашего края знаменуется переменами во многих сферах жизни древних людей, связанными с усилившейся подвижностью населения, вызванной, прежде всего, кардинальным изменением экономической основы хозяйства — переходом к скотоводству. На смену присваивающей пришла производящая экономика (на нашей территории пока еще без земледелия).

Увеличение возможностей передвижения древних племен за сравнительно короткие сроки привело к распространению на обширных пространствах Восточно-Европейской степной и лесостепной зон ряда материальных и духовных новаций, определивших своеобразие энеолитического населения на фоне местного, остаточного неолитического. В результате в энеолите в степи и лесостепи появляются обширные историко-культурные области, охватывающие территории в сотни тысяч квадратных километров.

Распространение скотоводства не было единственной причиной для стимулирования миграционных процессов в энеолите. Немаловажную роль в древней истории Восточной Европы играли природно-климатические перемены, иногда перераставшие в климатические кризисы. Неоднократные изменения климата в период голоцена являлись одной из важнейших причин для смены места обитания скотоводов, охотников, рыболовов.

Ведущий вклад в систематизацию источников по неолиту-энеолиту и их публикацию, бесспорно, принадлежит А.Т.Синюку. Основная часть изученных им памятников приурочена к среднему течению р. Дон, включая Поби-

тюжье, т. е. там же, где ранее располагались неолитические стоянки. К середине 1980-х годов И. Б. Васильевым и А. Т. Синюком были выделены основные признаки культур степи-лесостепи, по которым их можно было относить к раннему энеолиту⁶. Признаки эти — неравнозначны (от воротничковой керамики до украшений из золота и чистой меди балканского происхождения). Они неравномерно встречаются даже на соседних памятниках одной культуры и в основном распространены в материалах «закрытых» погребальных комплексов — могильниках *мариупольского типа*. Для выделения ранних энеолитических культур почти универсальным признаком является воротничковая керамика в рамках мариупольской историко-культурной общности Днепро-Дона-Волжского междуречья.

Первый этап нео-энеолитического времени начинается с появления в донской лесостепи керамики нижнедонской культуры в конце VI тыс. до н. э. и связан с населением, оставившим грунтовые могильники мариупольского типа. Основой экономики носителей этой культуры являлось скотоводство с коневодческой специализацией. Придя из степей Нижнего Дона в лесостепь, они и в новых условиях обитания продолжали сохранять относительно подвижный образ жизни. Можно предполагать мирные формы отношений с местным неолитическим населением, основанные на развитии обмена.

Медно-каменный век был временем встреч носителей различных культур и хозяйственных укладов. Пришлое население степной нижнедонской культуры оказывает определенное влияние на керамические традиции среднедонской неолитической культуры второй четверти V тыс. до н. э. Она расширяет свой ареал на все течение реки Воронеж. Первая половина V тыс. до н. э. становится переломной для донского неолита — здесь формируется дронихинская культура, центром которой становится Похоперье, а на Дону появляется керамика, аналогичная архаичной льяловской, истоки которой тесно связаны с лесной зоной. В это же время сюда проникает население, соотносимое с долговской культурой бассейна Верхнего Дона, сформированное, вероятнее всего, также при участии льяловского населения раннего и развитого этапов.

С концом первого этапа во второй четверти V тыс. до н. э. связано начало проникнове-

⁶ Васильев И. Б. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985. С. 30—31.

ния в донскую лесостепь из левобережной Украины племен среднестоговской культуры, принесшей сюда свои традиции.

Второй этап связан с памятниками поздней *среднестоговской* (дереивской) культуры, появление которых в лесостепном Подонье можно отнести к последней четверти V тыс. до н. э. По каким-то причинам из всех энеолитических культур только у них встречается обряд погребения собак в специально устроенных для этого ямах. Наиболее вероятно, что они играли значимую роль как охранники стад, отар, табунов.

В энеолите среднедонская неолитическая культура продолжает проявляться в виде поздней напольчатой и ямочно-напольчатой керамики. Долговская посуда приобретает среднестоговские черты в форме сосудов, особенно в оформлении венчиков, общие орнаментальные приемы становятся схожими с ямочно-гребенчатым неолитом Украины. В Подонье проникают из Подесенья носители ромбоямочной традиции в орнаментации керамики. Завершается этот этап и в целом нео-энеолитическое время в начале IV тыс. до н. э., когда здесь появляются из лесной зоны носители позднелесовских традиций керамического производства, что приводит к формированию рыбоозерского типа керамики. С этими же процессами, вероятно, связано и появление ксизовского типа керамики, недавно выделенного на Дону в Западном районе Липецкой области.

Что касается погребального обряда населения лесостепного Дона в нео-энеолите, то отметим, что грунтовые захоронения, относимые исследователями ко времени неолита-энеолита, встречаются в лесостепном Подонье на 16 памятниках. Несмотря на весьма широкий культурно-хронологический диапазон, отражающий проживание на Среднем Дону носителей разных культурных традиций, в погребальных памятниках выделяются основные признаки, такие как положение умерших на спине и ориентировка головой на север. Скорченность ног, как и положение умерших на боку, является, вероятнее всего, чертой обряда энеолитических групп более восточных районов рассматриваемой территории.

А. М. Скоробогатовым в Россошанском районе был изучен грунтовый могильник Голубая Криница, при раскопках которого в 2015—2016 гг. обнаружено 16 вытянутых, лежащих на спине погребений, ориентированных головой преимущественно на юг (рис. 34). У всех отмечается тенденция к сведению ступней ног, которые, возможно, связывали. Некоторые скелеты имели следы охры. По планиграфии каких-либо половозрастных групп не выделено. Захоронение умерших осуществлялось ориентированными с северо-запада на юго-восток рядами по 3—5 погребений в каждом. Четыре могильных ямы обильно посыпаны охрой.

Рис. 34. Голубая Криница. Коллективное погребение из грунтового могильника (по А. М. Скоробогатову)

Погребальный инвентарь немногочислен. Он представлен дисковидной пронизкой из стенки раковины *Unio*, резцом сурка, кремневым отщепом, несколькими костяными наконечниками и остриями.

Антропологический анализ, проведенный более чем для половины погребений, показывает преобладание умерших во взрослом возрасте — 33 захоронения и всего семь — детских. Пол определен только в 25 случаях — 15 мужчин и 10 женщин. Мужчины при этом отличались высоким ростом — до 185—200 см. Все захоронения антропологически близки европеоидам нео-энеолитических могильников Днепровского Левобережья.

Аналогии выявленному материалу найдутся в погребениях позднего этапа сред-

невожских грунтовых могильников мариупольского типа — Съезженского и Екатериновского. Радиоуглеродная дата выявленных погребений — 4350—3900 лет до н. э.⁷

Вблизи Черкасской стоянки был раскопан небольшой курган Иванов Бугор, где обнаружено 35 погребений с останками 42 умерших, из них 18 вытянутых на спине⁸. И. Б. Васильев и А. Т. Синюк датировали погребения финалом III тыс. до н. э. Открытие могильника на Ивановом Бугре впоследствии привело А. Т. Синюка к выделению иванобугорской пережиточной энеолитической культуры. Другие исследователи рассматривают памятники иванобугорского типа уже в рамках эпохи ранней бронзы и датируют более поздним временем.

Глава 4. НАХОДКИ ЛОДОК-ОДНОДЕРЕВОК

Очень интересными археологическими находками на Дону, традиционно соотносимыми с эпохами нео-энеолита, являются лодки-однодеревки, то есть выдолбленные из цельного куска дерева. На Верхнем и Среднем Дону известно шесть подобных находок: три хорошо сохранившиеся челна, найденные на участке Дона от с. Урыв Острогожского района до с. Щучье Лискинского района. Два из них были подняты в 1911 г. со дна реки — по одному у сел Урыв и Щучье⁹. В действительности же определить время создания их не так просто ввиду того, что изготавливали их примерно так же, как и в XX в.

Еще одному челну, найденному у с. Щучье в 1954 г. работниками местного пароходства, повезло больше. Он имеет длину 7,55 м, ширину чуть более полуметра (рис. 35). Его извлечением и изучением занималась известный археолог

М. Е. Фосс. Эта уникальная находка и сейчас является частью экспозиции ГИМа, привлекающей внимание посетителей музея (рис. 36).

Эта уникальная находка изначально была соотнесена с эпохой позднего неолита (III—II тыс. до н. э.) и неизменно вызывала повышенный интерес у исследователей. А недавно полученные результаты радиоуглеродного датирования стали настоящей сенсацией. Они показали, что в действительности лодка была изготовлена в позднем бронзовом веке — в XVIII—XVII вв. до н. э. Но и значительно «помолодев», тем не менее, она продолжает оставаться самой древней на территории России¹⁰.

В 1956 г. В. А. Афонюшкин с сотрудниками Воронежского краеведческого музея обнаружил неподалеку от находки 1954 г. еще один челн. Этот был сильно поврежден, но удалось установить его длину в 6,23 м. Он был изготовлен из дубовой колоды диаметром 60—70 см. Геолог М. Н. Грищенко определил время челна по геологическому слою, в котором он был обнаружен, концом III — началом II тыс. до н. э. Этот челн хранится сегодня в Воронежском краеведческом музее. Фрагмент древесины челна был подвер-

⁷ Скоробогатов А. М. Исследование грунтового могильника мариупольского типа на юге Воронежской области // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. Липецк, Воронеж, 2017. С. 70—71.

⁸ Васильев И. Б. Указ. соч. С. 53—54.

⁹ Золотарев П. М. Находки долбленых лодок на территории Верхнего и Среднего Дона // Археологические памятники Восточной Европы : Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2005. С. 81—88 ; Кашина Е. А. Археологические находки долбленых лодок на территории Восточной Европы (иллюстрированный каталог) // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т. 1. Москва, 2021.

¹⁰ Кашина Е. А. Долбленная лодка с Дона в экспозиции Государственного исторического музея: история находки и проблема датировки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 76—82 ; Кашина Е. А. Указ. соч. С. 61—109.

гнут радиоуглеродному анализу в лаборатории Института археологии РАН, где получена дата 286—206 гг. до н. э.¹¹ Вполне вероятно, что все лабораторные даты отражают реальные ситу-

ации, так как оптимальная конструкция лодки была выработана в глубокой древности и могла передаваться из поколения в поколение, от эпохи к эпохе вплоть до недавнего времени.

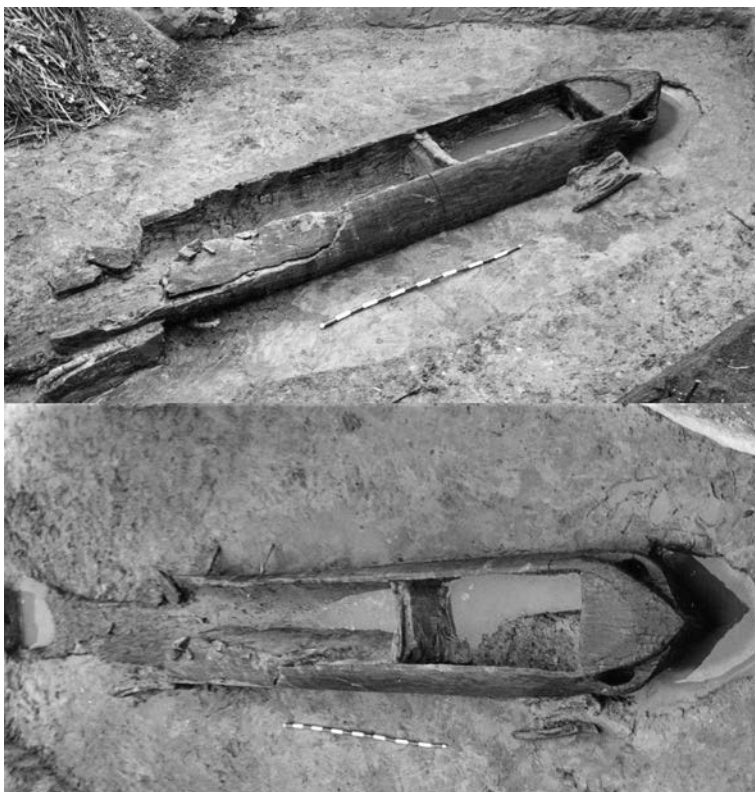

Рис. 35. Село Щучье. Лодка на месте ее выявления в 1954 году

Рис. 36. Лодка из с. Щучье Лискинского района (1954 г.). Современная экспозиция в Государственном историческом музее (обе фотографии Е. А. Кашиной)

В 1992 г. сотрудники Лискинского пароходства во время чистки фарватера Дона нашли еще один челн, изготовленный из ствола дуба диаметром до 110 см и длиной до 9,5 м.

В настоящее время его поместили в металлическую трубу, герметично заварили сваркой и до лучших времен затопили в Тихой Сосне у г. Острогожска. Этот челн ждет своего исследователя. Остаются пока неясными технология изготовления судна и то, к какому времени оно относится.

¹¹ Золотарев П. М. Находки долбленых лодок на территории Верхнего и Среднего Дона. С. 81—88.

Часть 2
ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА

РАЗДЕЛ 1. БРОНЗОВЫЙ ВЕК

В III тыс. до н. э. наступила качественно новая эпоха в истории человечества. Окончательно произошла смена материала для изготовления орудий труда и оружия. На смену камню пришла бронза. В зоне древних речных цивилизаций использование бронзовых орудий труда позволяло одному земледельцу получать такой урожай, что он мог прокормить еще 5-6 человек. В результате появляются поселения, где проживали тысячи жителей, они быстро перерастают в города. Высокий прибавочный продукт от ирригационного земледелия приводит к имущественному и социальному неравенству. Появляют-

ся люди (военные вожди, верховные жрецы), управляющие общиной, городом, и люди, управляемые и эксплуатируемые. Постепенно складывается жестко стратифицированное общество, построенное по принципу иерархической пирамиды. Так в наиболее благоприятных местах для жизни возникают первые цивилизации.

По другому пути пошли степные и лесостепные общества эпохи бронзы Северной Евразии, где были совсем иные природно-климатические условия. Но и их жизнь весьма радикально изменилась в бронзовом веке.

Глава 1. БРОНЗА И ДОСТИЖЕНИЯ В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Эпоха бронзы (III—II тыс. до н. э.) представляла собой новый этап в истории человечества, характеризующийся дальнейшим развитием металлургии, появлением бронзового оружия и орудий труда. Бронза (сплав меди с оловом, а иногда — свинцом, цинком, мышьяком) была *первым металлом, искусственно созданным человеком*. Она имела преимущества перед медью: была тверже, плавилась при более низкой температуре (медь — 1083 градуса по Цельсию, бронза — 700—900°). Получить бронзу можно было даже на костре и достаточно быстро. Кроме того, расплавленная медь плохо растекается по приготовленной для нее форме, бронза же легко занимает место в полости литейной формы из камня или глины, в которых отливали ножи, серпы, наконечники копий, шилья, украшения. Поэтому изделия из меди *ковали*, а из бронзы *отливали*. Разница технологий изготовления не могла не сказаться на форме и качестве изделий.

Кому же впервые удалось получить новый металл? Уверенно на этот вопрос сегодня вряд ли кто ответит. Ясно лишь то, что в Европе бронза появилась после того, как она стала известна на Древнем Востоке и в Средиземноморье. Но при всем преимуществе перед камнем бронза не могла его полностью вытеснить из-за недостатка металла. Поэтому некоторые изделия из камня в эпоху бронзы продолжали использоваться — наконечники стрел, ножи, скребки, кузнечные молоты и пр.

Литье бронзы требовало профессиональных знаний и навыков, поэтому выделяются мастера, которые занимались выплавкой и обработкой металла. Но значение освоения металлургии бронзы состояло не только в увеличении производительности труда. Оно существенно повлияло на развитие социальных отношений и торгово-экономических связей древнего населения. Медная руда встречается не везде. Владение рудниками поставило одни племена в более выгодное положение по сравнению с другими. Начинается торговый обмен, иногда на далекие расстояния.

Большинство территорий степной и лесостепной Евразии не имели своих источников меди и олова. Они были на Кавказе, Урале, Алтае. Из этих регионов сырье поступало в самые удаленные степные и лесостепные области Евразии. В результате в эпоху бронзы сложились, по терминологии **Евгения Николаевича Черных**, «металлургические провинции» — огромные хозяйственно-производственные округа с единой производственной системой, охватывавшие территории в сотни тысяч, а то и миллионы квадратных километров¹. Такие провинции, объединенные сходными традициями развития металлургии, как правило, возникали на основе активных торгово-обменных контактов между народами, владевшими рудными богатствами, и народами

¹ Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53—82.

ми, лишенными их. Потребители металла получали от его производителей не только сырье, стимулировавшее зарождение собственной металлообработки, но и технические идеи для ее развития. В результате на территории металлургической провинции возникали многочисленные центры металлопроизводства, именуемые «очагами». *Очаг металлообработки* — локальная система, в рамках которой осуществляются действия с готовым металлом. Конгломерат очагов обработки и составлял металлургическую провинцию, которая включала свои «очаги металлургии» и «очаги металлообработки».

Наш край не имел доступных в то время человеку источников этого металла, потому в начале бронзового века он вошел в Циркумпонтийскую (то есть окружающую Черное море в широком смысле этого понятия) металлургическую провинцию, а с эпохи поздней бронзы стал частью колоссальной по своим размерам Евразийской провинции. В период расцвета ее территория простиралась от левобережной Украины на западе до Саяно-Алтая и Среднего Енисея на востоке, от Причерноморья, Северного Кавказа и Средней Азии на юге до глубинных таежных районов Сибири на севере.

Глава 2. ПЕРЕХОД К ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ЭКОНОМИКЕ

Эпоха бронзы характеризуется дальнейшим развитием скотоводства и земледелия, появившихся еще в медно-каменном веке. Скотоводческие народы с самого начала шли по адаптационному пути развития — максимального приспособления хозяйства и быта к суровым степным условиям. К началу бронзового века произошло окончательное отделение скотоводства от земледелия. Появились первые скотоводческие общества, которые по типу хозяйства, быта, мировоззрению существенно отличались от более поздних степных кочевников. Чтобы отличать их от последних, мы будем называть их пастушескими скотоводами². В бронзовом веке человек научился управлять конем. Конные отряды быстро распространяли новые изделия и традиции по обширным просторам степной и лесостепной Евразии. Но что заставило население сняться с обжитых мест и пускаться в далекие странствия?

Сейчас исследователи сходятся на том, что основной причиной перехода к пастушеской деятельности стало резкое изменение климатических условий. Бронзовый век соотносится с суббореальным периодом голоцена. Для него характерны колебания климата: выделяется несколько этапов похолоданий и потеплений, которые сопровождались увеличением и понижением увлажненности. В связи с этим он разделяется на несколько подпериодов: ранний суббореальный период (5000—4000 л. н.), средний

(4000—3000 л. н.) и поздний (3000—2500 л. н.). На последний и приходится эпоха бронзы.

В начале бронзового века (III тыс. до н. э.), по данным палеопочвоведения, фиксируется аридизация (понижение увлажненности) и повышение температуры воздуха, что привело к ухудшению экологических условий обитания человека. Возможно, это и послужило главной причиной вынужденного перемещения степных скотоводческих племен в северном направлении, в том числе по Дону на территорию Воронежской области, где в поймах рек располагались высокопродуктивные пастбища.

Эти процессы продолжались в среднем бронзовом веке (середина III — начало II тыс. до н. э.) на территории Русской равнины, что нашло отражение в почти полном исчезновении поселений с выраженным культурным слоем, с одной стороны, и расцвете скотоводческих культур катакомбной историко-культурной общности, а позже доно-волжской абашевской культуры, с другой. Продвигаясь на север в поисках богатых пастбищ, они оставили в степи и южной части лесостепи курганы, насыпанные над погребениями сородичей.

Конечно, переход к скотоводству мог произойти не только при изменении климата, но и при условии достижения обществом определенной ступени развития. Ведь для успешного перехода к скотоводству требовались большой опыт, знания по выращиванию скота, умение его сохранять и лечить. В итоге на отделение скотоводства от земледелия повлияла не одна причина, а комплекс причин. Не все из них мы можем установить при помощи археологии, но главные мы указали.

² Медведев А. П. «Степная цивилизация» или «степная альтернатива цивилизации»? // Исторические записки. Воронеж : изд-во ВГУ, 2003. Вып. 9. С. 101—114.

Глава 3. КУРГАНЫ В СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ

Бронзовый век степной и лесостепной Евразии, как и последующие эпохи невозможно представить без курганов. До сих пор они являются неотъемлемой частью ландшафта Воронежской и других областей и самой многочисленной группой археологических объектов (рис. 37). По своему происхождению этот тип погребальных памятников напрямую связан с подвижным образом жизни древних степных скотоводов. Их появление было обусловлено необходимостью как-то отмечать могилы предков в открытых степных и лесостепных ландшафтах, покрытых густой травой, где в древности не было естественных ориентиров³.

Сооружение курганной насыпи, хорошо заметной издали в монотонном степном ландшафте, завершало обряд погребения степняка. Курган мог быть последним местом пристанища одного человека, но чаще являлся целым кладбищем людей, погребенных в разное время. Обычно курганы встречаются скоплениями, иногда их насыпи образуют целые архитектурные ансамбли самой различной планировки⁴. При этом даже погребения в одном кургане часто совершались не одновременно, а с разрывом, иногда в столетия и даже тысячелетия. За последними закрепилось не очень удачное название «могильники длительного накопления», которым до сих пор пользуются археологи.

Рис. 37. Ивановка 7. Курган 4. Фото А. П. Медведева 2014 г.

Некоторые из курганов были своего рода степными храмами под чистым небом вроде описанного Геродотом грандиозного скифского «святилища бога войны Ареса» (Геродот. История: IV, 62). Одновременно они служили искусственными географическими ориентирами в бескрайних степных просторах, маркирующими границы владений тех или иных групп неоседлого населения и маршруты се-

зонных перекочевок. Очень долго, вплоть до XVIII в., курганы использовались в качестве сигнальных пунктов для наблюдения за тревожной степью⁵.

⁴ Чернопицкий М. П. Курганная группа как архитектурный ансамбль // Скифо-сибирское культурно-историческое единство : мат. конференции. Кемерово, 1980. С. 176—186.

⁵ Кенпен П. И. О курганах // Изв. Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь, 1908. № 42. С. 1—41.

³ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. Москва, 1974. С. 131.

За тысячелетия, и особенно за последние полстолетия из-за регулярной распашки многие из них настолько слились с современным ландшафтом, что распознать их может лишь опытный глаз специалиста-археолога. В настоящее время курганы смотрятся как естественные всхолмления правильной округлой формы. В народном сознании смысл и истинное назначение курганов давно утрачены. На деле в них нашли отражение древние представления о зарождении мира, о его устройстве. Для современной археологии курганы являются одним из основных источников для изучения далекого прошлого.

Как правило, в наше время их появление местные жители связывают с могилами татар, турок, погребениями храбрых казаков или местами, где прятали свои награбленные сокровища разбойники вроде Кудеяра. На самом деле курганы — это искусственные насыпи, в глубокой древности возведенные людьми над захоронениями своих сородичей. Да и насыпями-то их называть не совсем правильно. Археологическими раскопками последних лет установлено, что курганы не насыпались (в степи, покрытой твердой дерниной, при том уровне землеройной техники, какой был в древности, это сделать было просто невозможно), а складывались из нарезанных кусков дерна, как из кирпичей.

При сооружении древних курганов помимо грунта для укрепления насыпи использовались глина, речной ил, дерево, а в ряде случаев и камень. Изначально это были весьма сложные дерево-земляные (или каменно-земляные) архитектурные сооружения⁶. Помимо древних могил они включали окружавшие их рвы, валы, крепиды и кромлехи из каменных плит и столбов, препятствовавшие оплыванию насыпи. Археологи находят в курганных насыпях следы их досыпок, связанные с последующими подзахоронениями, остатки тризн, жертвоприношений, поминок, отражающих весьма сложные религиозные представления и обряды древних скотоводов. По свидетельствам русских путешественников XVIII—XIX вв., раньше на самых заметных курганах возвыша-

лись каменные изваяния, которые сейчас лишь изредка встречаются при раскопках, как правило, в поверженном виде, обычно уже в курганных насыпях. Русские называли их по-разному: «человек камен», «девка камен», «болваны», «бабы» (искаженное тюрк. «балбал» — «пращур», «праотец»). Народная память о некогда стоявших на курганах величественных изваяниях сохранилась в их названиях — «Каменная баба», «Каменные бабы» и т. п. Любопытно свидетельство путешественника И. П. Фалька: в XVIII в. «Бабыми курганами» (Babi Kurgani) называли большие насыпи высотой от 5 до 8 сажен.

Давно установлено, что размеры курганной насыпи во многом определялись социальным статусом усопшего, а число курганов в могильнике — масштабами социума, их оставившего. Содержащиеся в курганах разновременные погребения, совершенные различными народами со своими самобытными культурными традициями, позволяют изучить древнюю историю того или иного региона на протяжении столетий и даже тысячелетий дописьменного периода. Для археологов это главный источник информации по истории населения степной и отчасти лесостепной зоны (помимо курганов в лесостепи известны еще и поселения) Восточной Европы в эпоху бронзы, раннем железном веке и Средневековье. По результатам комплексного изучения курганных могильников можно судить о степени заселенности того или иного региона, о видах деятельности конкретных групп населения, относимых археологами к различным археологическим культурам и хозяйственно-культурным типам, характере социальной организации и степени социальной стратификации населения, а иногда и этнической принадлежности и т. п.

Но немалый интерес древние курганы представляют и для ученых-естественников — погребенная под насыпями почва содержит объективные данные о палеоклиматической обстановке в ту или иную историческую эпоху, о характере растительного покрова; скелеты погребенных позволяют сделать заключения о смене антропологических типов древнего населения, его питания, заболеваниях, причинах смерти и многом другом. Древние курганы — не только наше историко-культурное достояние, но и своего рода контейнер самой разнообразной информации о прошлом, в том числе и об эколо-

⁶ Грязнов М. П. Курганы как архитектурные памятники // Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1960 г. Москва, 1961. С. 22—25.

гической ситуации до начала активного воздействия человека на степные и лесостепные ландшафты. И сейчас величественные курганы представляют характерную особенность природы Южной России. В них органически сочетаются природные и искусственные (антропогенные) элементы ландшафта. О древних степных курганах с восторгом писали многие ученые, путешествовавшие по Югу России⁷.

Однако к началу XXI века человек и время во многом изменили облик древних курганов. За прошедшие тысячелетия в результате процесса «археологизации» из сложных архитектурных наземных сооружений, каковыми они были изначально, большинство курганов превратилось в неприметные для взгляда обывателя холмики, еле заметные на современной дневной поверхности. К сожалению, как и повсюду, в нашем крае подавля-

ющее большинство курганов расположено на территории сельскохозяйственных угодий. Их насыпи ежегодно распахиваются, отчего они становятся все ниже и шире, а впускные погребения разрушаются плугом. Археологи единодушны в том, что древние курганы — наиболее уязвимая часть нашего великого археологического наследия. Ежегодно, подобно шагреновой коже, их число неуклонно сокращается в результате повседневной деятельности человека⁸.

В то же время в эпоху бронзы на нашей территории продолжал изредка практиковаться и бескурганный обряд захоронений. Немногочисленные грунтовые погребения мало чем отличаются от подкурганных могил⁹. Различия между курганными погребениями и грунтовыми, безусловно, имеются, но они не лежат на поверхности и пока объяснить мы их не можем, хотя попытки известны¹⁰.

Глава 4. ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

С эпохи средней бронзы наблюдаются изменения в социальном строе скотоводческих обществ. Появляются погребения воинов с оружием (каменные булавы, бронзовые наконечники копий, кинжалы, кремневые наконечники стрел), специально изготовленным для сражений. Все это указывает на начало процесса выделения военно-аристократической элиты, погребаемой под большими курганами. На нашей территории этот процесс достигает апогея на рубеже среднего и позднего бронзового веков в абашевской культуре XIX—XX в. до н. э. В ней впервые появляются *колесницы*, представляющие главную ударную силу скотоводческих воинств. Неслучайно именно абашевские погребения колесничих выделяются полным набором вооружения, включавшим копья, булавы, лук и стрелы, предназначавшиеся для ведения разных видов боя. Лошадь стала главным транспортным животным, необходимым для парной колесничной запряжки.

В позднем бронзовом веке (XVII—XII вв. до н. э.) палеопочвоведы отмечают существенные климатические изменения, что проявилось в увеличении количества атмосферных осадков и повышении среднегодовой температуры. Гумидизация климата

привела к наступлению леса на степь и увеличению площади лесов. Большую часть Воронежской области в это время занимала зона лесостепи, в которой степные пространства чередовались со значительными лесными массивами. Леса располагались не только по долинам рек, но поднимались и на водоразделы. До вмешательства человека они занимали не менее 50 % площади края. Безлесная часть территории была покрыта луговыми и типчаково-полынными степями. Лесостепь отличается плодородными почвами, достаточным количеством тепла и большими запасами воды, что создавало благоприятные условия для развития растительности и животного мира (биомас-

⁸ Медведев А. П. Курганы в лесостепи: итоги и перспективы исследования (по материалам Среднего Подонья) // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. 2014. № 2. С. 12—19.

⁹ Матвеев Ю. П. Таганский грунтовый могильник. Воронеж, 2004.

¹⁰ Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С. 292 ; Пустовалов С. Ж. Деякі близькосхідні елементи в ідеології катакомбного населення Північного Причорномор'я // Археологія. 1993. № 1. С. 30, 31 ; Моргунова Н. Л. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994. С. 107 и др.

⁷ Кеннен П. И. О курганах. С. 1—41.

са лесостепи в два-три раза больше таковой в степи)¹¹.

Все это привело к увеличению численности населения на территории Донской лесостепи в период распространения срубной культурно-исторической общности позднего бронзового века (об этом речь подробно пойдет в главе о срубной культуре). По берегам рек появляются небольшие поселения с выраженным культурным слоем и остатками больших жилищ, явно рассчитанных на три семейных поколения. Таким типичным поселением было Мосоловское на р. Битюг. На нем открыты остатки металлургического производства. Это еще одно свидетельство возросшей оседлости населения в позднем бронзовом веке. Наряду с распространением поселений резко увеличивается число погребенных в кургане (до 70 и более). Благополучие срубных коллективов в первую очередь зависело от количества скота и корма для него при практически полном отсутствии следов земледелия.

Что собой представляли общественные отношения в эпоху бронзы? Исследователи считают, что, в общем, это еще был родо-племенной строй, но на последней стадии развития. Судя по погребениям, в раннем и особенно среднем бронзовом веке в обществе появляется деление на вождей, воинов, простых пастухов. Некоторые исследователи допускают существование и жречества, хотя это и не бесспорно. Безусловно, какие-то служители культа вроде шаманов у них были, но они не составляли замкнутой корпорации, чтобы называть их жречеством. Господствующее положение в коллективе занимал тот, кто владел скотом, ухаживал за ним, умел пользоваться арканом, оружием, мог защитить себя и свою семью — мужчина. Это хорошо видно по погребениям эпохи бронзы: в курганах главенствующее положение занимают мужчины, которым в жертву приносят животных, людей, богатые дары. Такое общество было классическим патриархальным.

Иная ситуация наблюдается в степных и лесостепных обществах позднего бронзового века. По результатам палеоантропологического анализа какие-либо данные о распростране-

нии агрессии и насилия в скотоводческих обществах этой эпохи отсутствуют. В курганных могильниках развитой срубной культуры исследованы погребения практически одного социального статуса (если не считать различия в количестве горшков, наличия/отсутствия на них орнаментации, длине ножей и т. п.). В классической срубной культуре нет сколь-нибудь выразительных захоронений «вождей», выделяющихся размерами погребальных сооружений и особо престижным инвентарем.

По данным археологии, общество, оставившее срубную культуру, несмотря на гигантские размеры занятой территории, производит впечатление почти эгалитарного социума. Оно состояло из весьма однотипных пастушеских общин, по уровню развития не выше простых вожеств, что особенно бросается в глаза по сравнению с выраженной иерархией обществ рубежа среднего и позднего бронзового века, но особенно раннего железного века. Оно базировалось, прежде всего, на принципах социального эгалитаризма, что нашло отражение в однотипности их погребальных сооружений, простоте и стандартизации набора сопровождающего инвентаря. По-видимому, небольшие срубные поселения и курганные могильники отражают так называемый *сегментарный тип социальной организации*, характерный для позднепервобытного общества накануне стадии его разложения, для которого характерно повторение подобных одинаковых социальных сегментов¹². В степи и в лесостепи для них характерен однотипный хозяйственный уклад и основное богатство — скот, которым обладали и их соседи. Эта черта срубного общества особенно бросается в глаза на фоне последующей скифо-сарматской эпохи, где сосуществовали как минимум два уклада: оседло-земледельческого населения городищ в лесостепи и степняков-кочевников в степи. Разумеется, какие-то конфликты из-за скота между общинами были, но они не играли существенной роли в жизни срубных общин. Однако решить вопрос о социальном строе народов эпохи бронзы можно будет лишь после максимально полного изучения не только курганных могильников, но и расположенных по соседству с ними поселений. Их целенаправленные раскопки широкими площадями — дело будущего.

¹¹ Медведев А. П. О направлениях миграций древнего населения в Подонье в раннем железном веке (в связи с изменением природно-климатических условий) // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке : тез. науч. конф. Тула, 1993. С. 47—49.

¹² Медведев А. П. «Степная цивилизация» или «степная альтернатива цивилизации»?

Глава 5. АНТРОПОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Один из наиболее часто возникающих вопросов: как выглядели люди эпохи бронзы? Что это был за народ? Палеоантропологи реконструируют разные по физической конституции типы¹³. Описывать каждый не имеет смысла. В целом можно сказать, что население на Среднем Дону в эпоху бронзы по росту не превышало характеристики современных европейцев. В среднем мужчины имели рост около 170 см, а женщины — 160 см. Очень высокие люди, ростом 185—190 см, крайне редки. Неизвестны скелеты взрослых людей, имевших очень маленький рост, ниже 150 см. О мышечном развитии можно с точностью сказать, что оно было на достаточно высоком уровне. Размеры и рельеф костей, особенно у «ямников» и «катакомбников», зачастую очень выразительны. Проживание в природных условиях, где благополучие человека зависело, прежде всего, от собственных и коллективных физических усилий, формировало соответствующий биологический облик. Черты лица людей в эпоху бронзы не отличались единообразием, но доминировал облик с относительно узким и высоким, резко профилированным лицом и с сильно выступающим носом. Люди бронзового века впитали в себя физические черты многих проживавших до этого времени в регионе групп населения.

Для населения эпохи бронзы антропологами в целом установлена средняя продолжительность жизни. Она составляла для мужчин — 40 лет, для женщин — 37. Видимо, подвижный образ жизни первых скотоводов степного и лесостепного Подонья относительно небольшими изолированными коллективами снижал риск распространения эпидемий, что благоприятно сказывалось на общей продолжительности жизни.

Однако по материалам раннего этапа срубной культуры прослеживается ситуация, свидетельствующая о не очень благоприятной санитарной обстановке. В некоторых могильниках срубной культуры отмеча-

ется высокий уровень детской смертности. В период развитой срубной культуры несколько падает детская смертность, увеличивается вероятность доживания до пожилого возраста, увеличиваются средние сроки жизни мужчин. Вероятно, на этом этапе население максимально приспосабливается к местным условиям среды, используя для своего жизнеобеспечения все возможные природные ресурсы. Как указывалось, антропологи практически не фиксируют у срубников следов ранений, как прижизненных, так и приведших к смерти, что объясняется отсутствием крупных военных столкновений, имевших место в последующую эпоху.

В бронзовом веке у людей был такой же рацион питания, что и у современных народов, занимающихся преимущественно скотоводством. Хозяйство в эпоху бронзы основывалось на разведении мелкого и крупного рогатого скота. Судя по изношенности зубочелюстного аппарата подавляющего большинства изученных индивидов, растительная пища в их диете занимала подчиненное место. Практически полное отсутствие кариеса на зубах свидетельствует о том, что предпочиталась пища животного происхождения, скорее всего мясо, молоко и производная от молока продукция. Во время и после похорон осуществлялись поминальные тризны, для проведения которых также забивались животные, кости которых попадали в насыпи.

Провожая человека в последний путь, соплеменники старались снабдить его всем необходимым для жизни в потустороннем мире. В могилу ставились сосуды с пищей, молочными продуктами, водой. А в некоторые погребения еще клали и куски мяса. В погребения детей и подростков, особенно в среднем бронзовом веке, часто помещали наборы астрагалов овцы и свиньи, иногда фаланги лошади. Астрагалы — это суставные кости задней конечности, а фаланги — кости пальцев. Их количество в одном погребении колеблется от одного до нескольких десятков. Считается, что такие наборы использовались для игр, гаданий и как апотропеи-обереги.

¹³ Алексеев В. П. Некоторые вопросы антропологической динамики древнего населения среднего течения Дона // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989. С. 172—197.

Так, по данным археологии, в общих чертах выглядит картина жизни людей в бронзовом веке в лесостепном Подонье и соседних степных территориях. Помимо собственно археологических исследований, она опирается на работы антропологов, палеоботаников, палеозоологов и представителей других естественных наук. К сожалению, отсутствие письменности не дает нам возможности выяснить, какие племена обитали тогда в нашем крае, как себя называли, хотя, опираясь на данные языкознания, В. И. Абаев, а за ним большинство российских археологов (В. Ф. Генинг¹⁴, Н. Л. Членова¹⁵, Е. Е. Кузьмина¹⁶ и др.) с 70-х годов прошлого века склонялись к мысли, что это были древние арии еще до ухода в Индию и Иран. Есть прямые свидетельства евразийского наследия даже в культуре современной Индии, правда, их еще недостаточно для бесспорного заключения об арийской, по языку индоиранской принадлежности некоторых культур степной и лесостепной бронзы¹⁷. Поэтому археологи пользуются в своих исследованиях условным понятием «археологическая культура, оставленная тем или иным социумом» (отдельным человеческим сообществом).

на¹⁶ и др.) с 70-х годов прошлого века склонялись к мысли, что это были древние арии еще до ухода в Индию и Иран. Есть прямые свидетельства евразийского наследия даже в культуре современной Индии, правда, их еще недостаточно для бесспорного заключения об арийской, по языку индоиранской принадлежности некоторых культур степной и лесостепной бронзы¹⁷. Поэтому археологи пользуются в своих исследованиях условным понятием «археологическая культура, оставленная тем или иным социумом» (отдельным человеческим сообществом).

¹⁴ Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4.

¹⁵ Членова Н. Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология. Москва, 1984. С. 259—267.

¹⁶ Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг. Москва, 2008.

¹⁷ Медведев А. П. К проблеме этнокультурной принадлежности населения срубной общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000. С. 35—39.

РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Выше мы не раз употребляли широко распространенное в науке понятие «археологическая культура». В упрощенном виде под археологической культурой понимают совокупность однотипных, относительно одновременных археологических памятников (поселений, погребений и т. п.), обладающих рядом одинаковых существенных признаков, занимающих

определенную территорию. Археологическая культура представляет внутренне связанную систему памятников, объективно отражающих жизнедеятельность определенной группы людей. Но вопрос: какой группы, какого уровня — племени, соплеменности, народности? И вот здесь мнения археологов сильно расходятся, в чем мы убедимся, читая эту книгу.

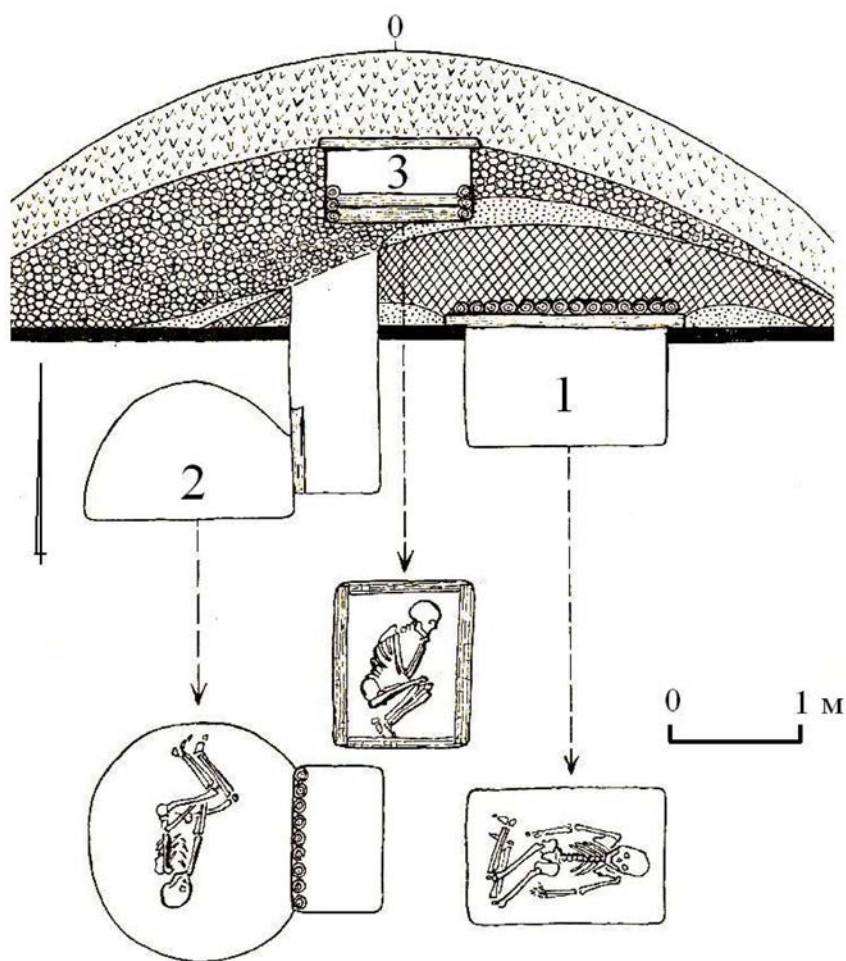

Рис. 38. Схема кургана эпохи бронзы в разрезе (по А. Т. Синюку):
1 — древнеямное погребение; 2 — катакомбное погребение; 3 — срубное погребение

Выделение культур эпохи бронзы в степях Восточной Европы в начале XX в. произвел один из основоположников российской археологии **Василий Алексеевич Городцов**. Исследуя степные курганы бронзового века на Украине, он обратил внимание на различия в погребальных сооружениях, залегающих на разных уровнях (рис. 38). Используя типологический метод и стратиграфию,

В. А. Городцов впоследствии выделил три классические степные культуры: ямную, катакомбную, срубную, сменявшие друг друга во времени¹. Все они присутствуют на Среднем Дону.

¹ Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского исторического музея в Москве за 1914 г. Москва, 1915.

Глава 1. ДРЕВНЕЯМНАЯ (ЯМНАЯ) КУЛЬТУРА

Начало бронзового века на территории современной Воронежской области связано с расселением здесь в III тысячелетии до н. э. племен — носителей древнеямной (ямной) культуры. Название происходит от типа погребального сооружения этого населения — обширной прямоугольной ямы, нередко перекрытой бревнами. Мы знаем об их обитании в воронежском крае по курганам, которые они оставили после себя. По хозяйственно-культурному типу ямные племена были первыми настоящими степными скотоводами. Именно они сооружали древнейшие курганы в Донской лесостепи.

Ямные племена освоили гигантские пространства Каспийско-Причерноморских степей. Их памятники известны от Южного Приуралья на востоке до Среднего Подунавья на западе. Сразу скажем, что это было бы невозможно без четырехколесных повозок, которые появились в наших степях в ямное время. На них они перевозили свои семьи и весьма скромный скарб на далекие расстояния. В результате расселения по бескрайним степям постепенно формируется общность скотоводческих культур с близким погребальным обрядом и типами лепной керамики. Но разброс по огромной территории не способствовал полной унификации культуры. Поэтому по некоторым локальным особенностям выделяется более десяти вариантов ямной историко-культурной общности, один из которых локализуется на Среднем Дону. Наиболее предпочтительной у исследователей сейчас является точка зрения о продвижении этого населения в наши края с территории Нижнего Подонья.

Главное занятие ямных племен — подвижное пастушеское скотоводство. В стаде преобладали овцы, козы, скромное место принадлежало лошади. Крупный рогатый скот использовался и как тягловая сила — они влекли тяжелые повозки со сплошными деревянными колесами. О конкретных формах скотоводства у «ямников» идут споры, но кажется наиболее вероятным, что ямное скотоводство было основано на недалеких сезонных перемещениях населения вместе со стадами в пределах определенных территорий, тяготеющих к речным долинам.

Такой тип хозяйства оставил мало следов пребывания этого населения в нашем крае. Материалы этой культуры зафиксированы на ряде многослойных стоянок, расположенных на приустьевых участках притоков реки Дон. Среди них наиболее известны Копанищенские, Дармодехинские, Черкасская, Дрониха и другие стоянки. Как правило, здесь были найдены отдельные фрагменты керамических сосудов яйцевидной формы, орнаментированных гребенчатым штампом, шнуровыми оттисками, ямочными и накольчатыми вдавлениями².

Информацию о носителях ямной культуры археологи получают преимущественно в процессе раскопок курганных могильников (Павловский, Власовский, Ильменский, Сасовский, Еланские, Колоновские курганы и др.)³. В лесостепном Подонье — это древнейшие курганы, где основными были ямные захоронения. Но под одной курганной насыпью могли располагаться несколько захоронений, из которых центральное место, как правило, занимало мужское. Погребения совершались в довольно больших прямоугольных ямах (рис. 39). Скелеты лежат вытянуто на спине, ноги умерших располагаются вверх коленями (со временем они распадались вправо или влево, иногда образуя «ромб»). Головой погребенных чаще всего укладывали на восток. В могилах иногда находят следы огня в виде углей, краску-охру, мел, остатки органических подстилок, следы жертвоприношений (рис. 39, 1).

В некоторых могильниках основные погребения окружали кромлехи — круги округлой формы из поставленных вертикально в землю больших камней (рис. 40), в других они были окружены выкопанными кольцевыми ровиками.

² Березуцкий В. Д. Новые материалы древнеямной культурно-исторической общности в Нижнем Побитюжье // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. 2018. № 1. С. 51—62.

³ Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983 ; Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996 ; Медведев А. П. Курганы в низовьях реки Елань. Воронеж, 2020.

Рис. 39. Древняя культура:

1 — погр. у хут. им. Карла Маркса, к. 1, п. 1; 2—4 — Гаврильские Сады, к. 1, инвентарь погр. 1 и 5;
(2 — бронзовые шилья, 3 — бронзовый нож, 4 — роговая втулка (раскопки В. Д. Березуцкого)

Так, в кургане 4 могильника Елка вокруг основного погребения подростка был выкопан кольцевой ровик, к которому с севера и юга были позднее «пристроены» полуровики, один из которых содержал еще и впускное погребение⁴.

Их сооружение указывает на определенную мировоззренческую систему, в частности, стремление отделить некоторые погребения кромлехами и ровиками от «мира живых». Основной ровик в кургане 4 могильника Елка 5 имел два разрыва. При этом основное ямное погребение, принадлежащее юноше, располагалось по центру кургана, точно по ли-

⁴ Медведев А. П. Курганы в низовьях реки Елань. С. 107, рис. 63.

нии «восток — запад», обозначенной разрывами ровика с восточной и западной сторон. Как и многие ранние ямные (репинские) погребения, оно не сопровождалось вещами, но череп был окрашен яркой охрой. Все это в со-

вокупности указывает на необычный статус подростка. Помимо подкурганных на Среднем Дону известно небольшое число грунтовых ямных захоронений (в Терешковском Валу, в Таганском могильнике и др.).

1

2

Рис. 40. Коленовские курганы. Погребения эпохи ранней бронзы в кромлеках:
1 — к. 7, п. 3; 2 — к. 11, п. 8. (раскопки А. П. Медведева)

В последней четверти III тысячелетия до н. э. лесостепные древнеямные племена начинают взаимодействовать с продвинувшимся с юга более активным населением катакомбной культуры. Происходит их частичная ассимиляция с сохранением ямных погребальных традиций (рис. 41), когда наряду со старыми

(кремневое сырье (рис. 42, 6, 13), бронзовые булавки и др.) появляются новые категории катакомбного инвентаря: выпрямители древков стрел (рис. 42, 8, 9), кремневые наконечники стрел с выемкой у основания (рис. 42, 14), бронзовые ножи, в том числе манычского типа (рис. 42, 15).

Рис. 41. Курганная группа Елка 5. Курган 1: 1 — п. 6; 2 — п. 8 (раскопки А. П. Медведева)

В кургане № 1 могильника Елка 5 в больших квадратных ямах открыто два коллективных погребения этого времени (рис. 41, 1, 2). Все они — мужчины, женщины и дети — похоронены по одному и тому же обряду и явно одновременно. Умершие уложены на спине с разворотом туловища направо, согнутые в коленях ноги также завалились направо, руки опущены вниз.

В одной могиле все погребенные ориентированы головой на восток, в другой — на северо-восток. Но у всех, даже у ребенка, ноги ниже щиколоток окрашены красной охрой. Интересно, что в Индии подобный обычай — красить ноги погребаемому — дожил до современности.

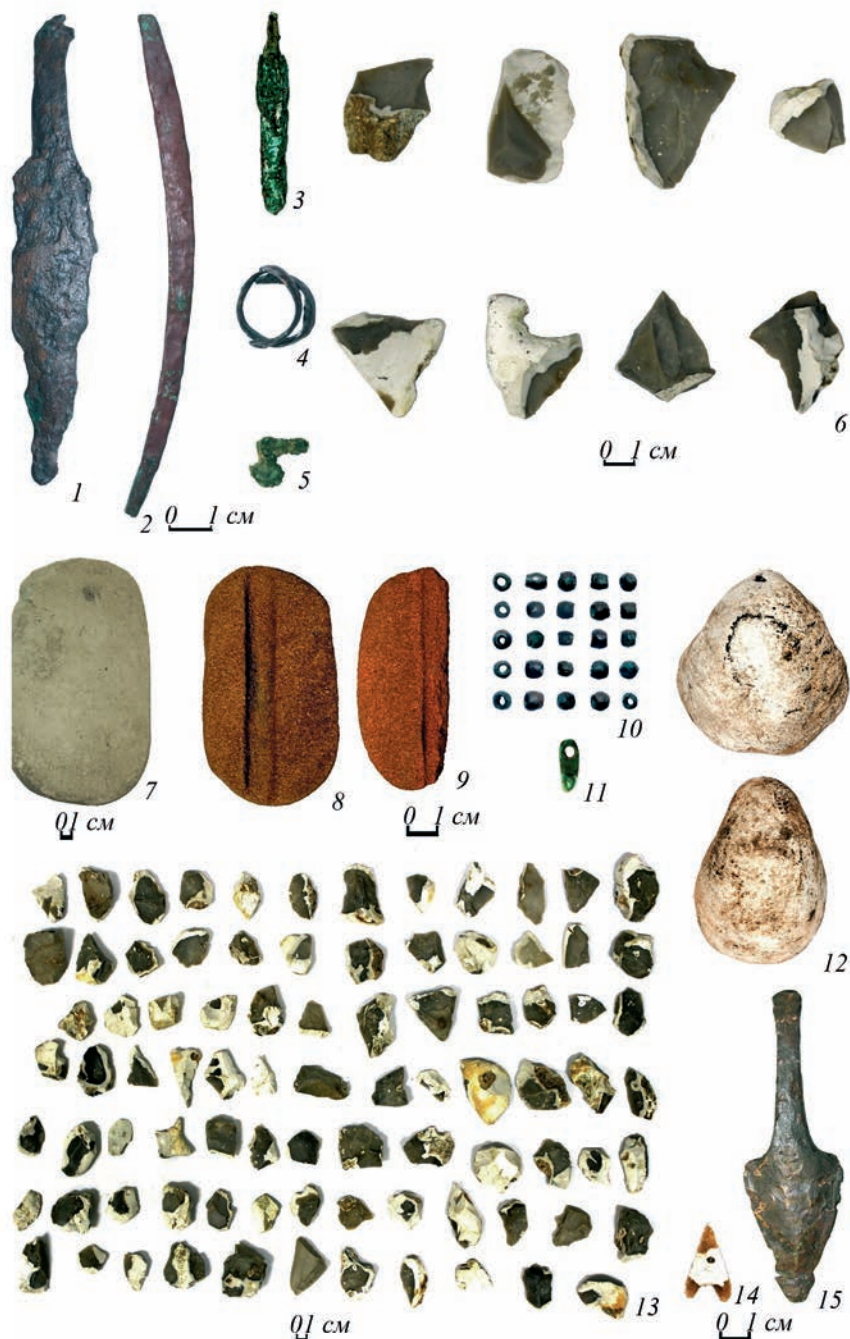

Рис. 42. Курганная группа Елка 5. Курган 1 — сопровождающий инвентарь погребений 6 (1—6) и 8 (7—15):

- 1 — бронзовый нож; 2 — бронзовая булава; 3 — бронзовое шило; 4, 5 — бронзовые подвески;
6, 13 — кремневые отщепы; 7 — абразив из песчаника; 8, 9 — выпрямители древков стрел;
10 — бронзовые бусины; 11 — подвеска из змеевика; 12 — раковины;
14 — кремневый наконечник стрелы; 15 — бронзовый нож (раскопки А. П. Медведева)

Глава 2. КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА

Катакомбная культура получила название по особой конструкции погребального сооружения: вначале выкапывали вертикальную входную шахту, в одной из стенок которой в плотном материке вырубали подобие пещеры, где и располагали умершего. Ранние катакомбные племена появляются в степях Восточной Европы около середины III и доживают до нач. II тыс. до н. э.⁵ Со временем они занимают места, служившие пастбищами для носителей ямной культуры. Вероятно, не обошлось без военных столкновений (найлены черепа ямников с пробитыми крышками — следы удара каменными булавами или топорами). Но в конечном итоге уцелевшие ямники и их потомки влились в состав катакомбной общности.

Происхождение катакомбных племен во многом не ясно. Одно время полагали, что ямные племена «переросли» в катакомбные. Сейчас эта точка зрения опровергнута антропологами: физический тип носителей ямной и катакомбной традиций различаются существенно.

Однако не вызывает сомнений точка зрения о пришлое характере этих племен. Гораздо больше дискуссий вызывает вопрос: «Откуда они появились на Среднем Дону?» Если не углубляться в детали научных споров, то можно указать на южное их происхождение: Предкавказье, Нижний Дон, Северский Донец...

Долговременных поселений у катакомбных племен даже в лесостепи практически не было, но отличительной чертой этого населения является наличие кратковременных стоянок (Боршево IV, Белогорские I и II, Рыбное Озеро, Рыкань 2 и 3, Северовосточное, Семилукское, Университетские 2 и 3, Ярлуковские Протоки, Мостище I и др.)⁶. Они располагаются небольшими группами в поймах рек, непосредственно у воды, на дюнах и мысах.

Гораздо реже встречаются высоко расположенные поселки. Как правило, они очень небольшие по площади. Люди проживали в них, по-видимому, недолго и использовали эти места в качестве недолговременных сезонных стоянок (рис. 43).

Рис. 43. Поселение Рыкань-3: а — западная площадка поселения; б — участки раскопа. Вид с запада и юго-запада (раскопки Е. И. Гака)

⁵ Следует отметить, что в современной российской археологии благодаря датам, полученным радиоуглеродным методом, время бытования археологических культур пересматривается в сторону удревнения.

⁶ Матвеев Ю. П. Поселение эпохи бронзы Рыкань-2 // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 94—102 ; Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С. 79—92 ; Гак Е. И. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н. э. в лесостепном Подонье. Москва, 2019 и др.

Бытовые памятники свидетельствуют о господстве скотоводства и соответствующем ему подвижном образе жизни населения. При этом в степи преобладало отгонное скотоводство, в лесостепи состав стада был более разнообразен. Катакомбные племена лесостепи знали земледелие, которое играло второстепенную роль. В глиняных сосудах иногда встречаются зерна злаковых культур. С земледелием связаны и находки серпов, обломки зернотерок и пестов. Поскольку племена катакомбной культуры были преимущественно скотоводами, для проживания они использовали легкие наземные каркасные постройки. Слои поселений насыщены ко-

стями домашних животных и керамикой, орудиями труда из камня и кости (рис. 44).

Более яркий и представительный материал, связанный с катакомбной культурой, получен в ходе раскопок курганных могильников (Павловского, Караяшник, Стояновского, Подгорненского, Архиповского, I—III Власовских, I—II Ольховатского и др.)⁷. В последние годы серию катакомбных погребений, причем в основном не среднедонской катакомбной культуры, а донецкого и манычского облика, дали раскопки могильников Елка 1 и Елка 5 на р. Елани⁸. Сейчас в нашем крае число катакомбных захоронений приближается к 1000.

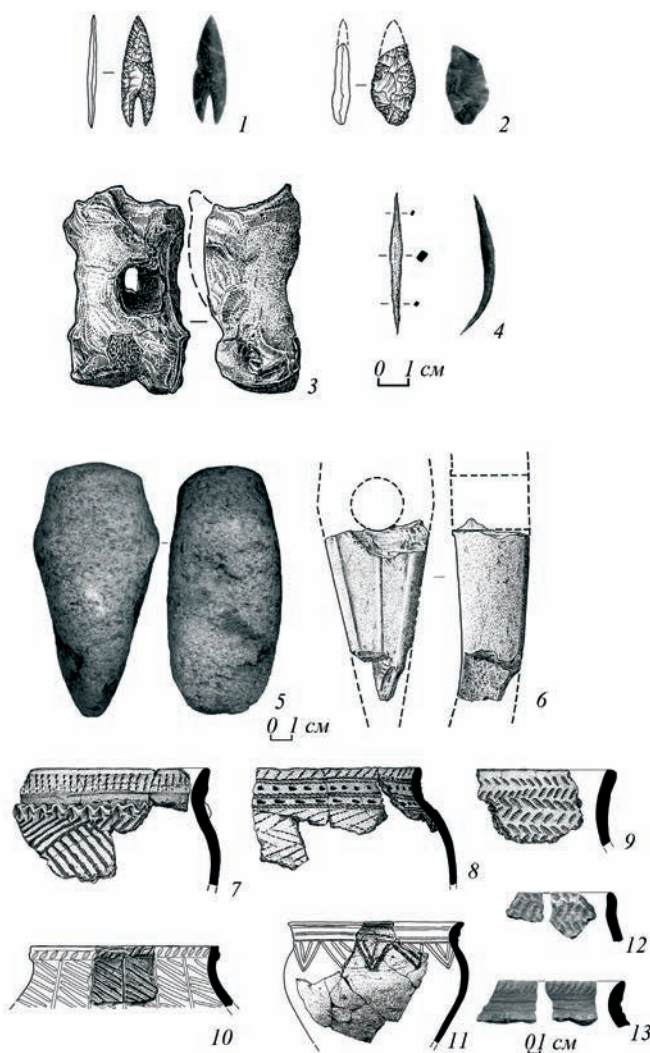

Рис. 44. Поселение Рыкань-3. Предметы орудийного инвентаря и керамика:

- 1, 2 — кремневые наконечники стрел; 3 — упор на фаланге КРС; 4 — медное скорняжное шильце;
5 — каменный топор-молоток; 6 — фрагмент базальтового топора;
7—13 — фрагменты глиняных сосудов (по: Гак Е. И., 2019, с. 85, рис. 127; с. 87, рис. 128)

⁷ Матвеев Ю. П. История населения среднедонской катакомбной культуры. Москва, 1982 ; Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983 ; Березуцкий В. Д. Россошанские курганы. Воронеж, 2008.

⁸ Медведев А. П. Курганы в низовьях реки Елань. С. 21—246.

Основным типом погребального сооружения были катакомбы Т- или Н-образной формы (рис. 45, 1). Их погребальные камеры имели прямоугольную и овальную форму. Умершие «катакомбники» часто ориентированы головой на юг, туда, где располагалась, по их представлениям, «страна мертвых»

и «царство бога Ямы», хотя полного единообразия обряда не было. Нередко покойник повернут лицом к восходу солнца. Их укладывали на органические подстилки скорченно на правом боку, руки располагались вдоль туловища.

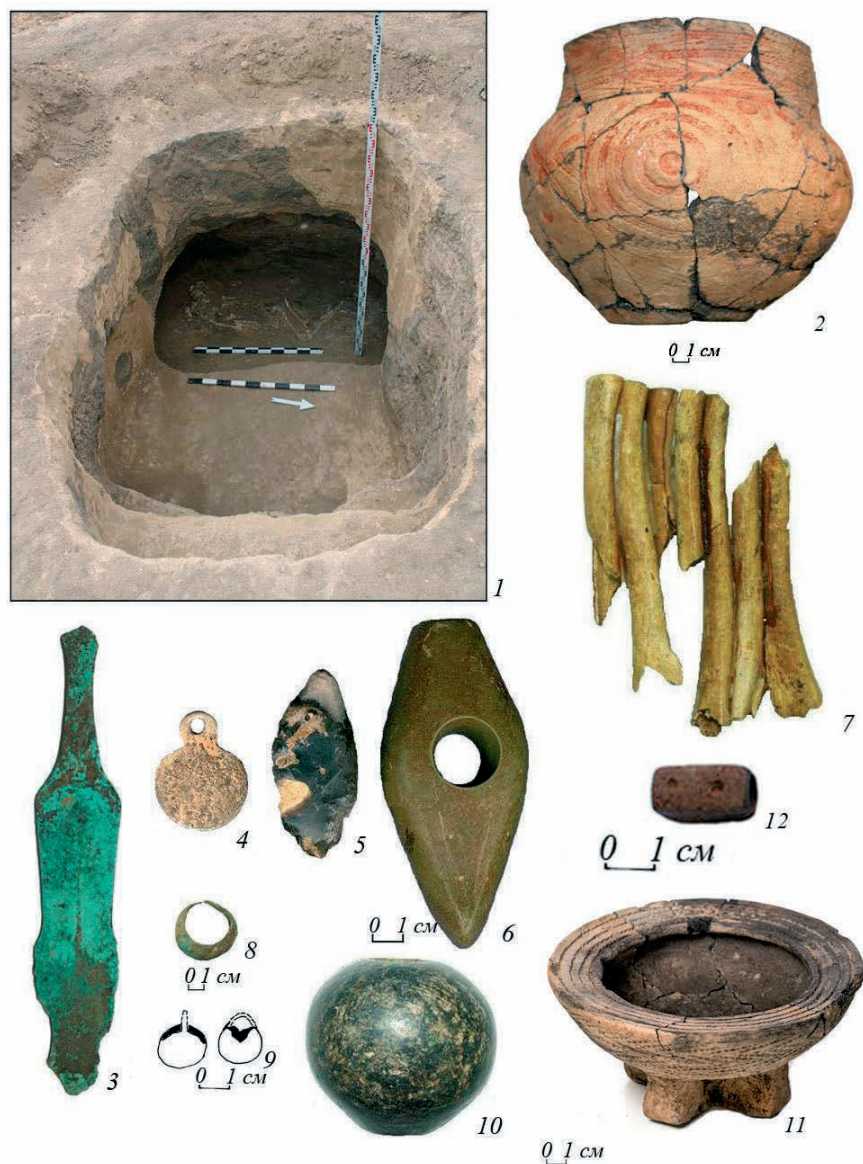

Рис. 45. Катакомбная культура:

- 1 — хут. Крицкий, катакомба, к. 1, п. 1; 2 — Елка 5, к. 5, п. 1;
3 — I Власовский, к. 20, п. 2; 4 — Архиповский, к. 3, п. 6;
5—6 — Вerveковка, к. 6, п. 2; 7 — I Власовский, к. 1, п. 4;
8 — Зареченский, к. 6, п. 1; 9 — к. 3 на северной окраине г. Россось, п. 4;
10 — I Богучарский, к. 2, п. 9 (раскопки А. Т. Синюка и В. Д. Березуцкого);
11 — Елка 5, к. 6, п. 2;
12 — Елка 5, к. 2 п. 2 (2, 11, 12 — раскопки А. П. Медведева)

В науке существует несколько точек зрения, объясняющих позу погребенных. Возможно, она имитировала положение спящего

человека, поскольку смерть воспринималась как вечный сон. Другая точка зрения основана на том, что скорченное положение умер-

шему придавали из-за представления о том, что он находится в утробе Матери-Земли — она должна была способствовать его возрождению после смерти. Это объяснение подкрепляется тем, что «катакомбники» имели обычай посыпать погребаемых красной охрой, символизирующей жизнь и последующее возрождение. Некоторые исследователи усматривают в скорченном положении позу молящегося человека: на коленях, руки смиренно вытянуты вдоль тела, а иногда правая рука располагается у лица. В настоящее время ни одна из версий не исключает существования других.

В катакомбной культуре нередко коллективные захоронения, чаще всего парные — мужчины и женщины. Но совершались и коллективные семейные погребения, например, погребение 1 кургана 5 могильника Елка 5. В большой катакомбе погребена женщина-мать и шесть ее детей-погодков⁹. При этом они сопровождалась инвентарем, иногда довольно богатым. Это свидетельство какого-то катастрофического события в жизни семейно-родовой группы, скорее всего, эпидемии. Часть черепов погребенных носят следы прижизненной искусственной деформации («удлинение головы») — мода, которая в наших степях появляется впервые, но в последующем будет появляться неоднократно у разных народов.

Катакомбные захоронения сопровождалась разнообразным инвентарем: бронзовыми украшениями, в том числе калачиковидными серебряными серьгами (рис. 45, 8), бубенчиками (рис. 45, 9), орудиями труда, каменными сверлеными боевыми топорами (рис. 45, 6) и булавами (рис. 45, 11), кремневыми наконечниками стрел и др. Интересна лепная богато орнаментированная посуда из глины, резко выделяющаяся среди других культур бронзового века Среднего Дона¹⁰. Преобладают сильнопрофилированные горшки, украшенные оттисками шнура, гребенчатого штампа, налепными валиками, прочерченными линиями, ногтевыми вдавлениями и защипами. Основные элементы орнамента — «елочка» (горизонталь-

ная и вертикальная), «жемчужины» под венчиком, треугольники и фестоны основанием вниз, концентрические окружности, спирали, нанесенные оттисками шнура или тесьмы (рис. 45, 2).

Специфической категорией катакомбной ритуальной керамики являются курильницы (рис. 45, 11). Это круглые чашечки на четырех ножках, своего рода миниатюрные алтарики, всегда украшенные орнаментом, некоторые с отверстиями для подвешивания. Их найдено более 60 экз. В них сжигались ароматические вещества, дымом которых окуривали могилу и умершего. Наряду с курильницами в погребальном обряде использовались и «жаровни», представлявшие собой придонные и боковые части старых сосудов. В них находят угли — остатки сжжения растений.

К «катакомбникам» основной металл — бронза с примесью мышьяка или сурьмы — поступал в основном с Северного Кавказа. Металлообработка и другие ремесла достигли высокого уровня¹¹, о чем свидетельствуют находки бронзовых вещей: листовидных ножей с раскованной нижней частью лезвия (рис. 45, 3); топоров; тесел; посоховидных орнаментированных булавок; украшений; браслетов и пр. Встречаются обломки ошлакованных тиглей, льячек, абразивных камней с окислами меди и сопла. Известны катакомбные погребения мастеров-литейщиков с наборами характерного инвентаря, изготовителей наконечников и древков стрел. Орудия труда представлены мотыгообразными орудиями, так называемыми «выпрямителями стрел». Костяного инвентаря немного. В основном это наконечники стрел и мотыги, применявшиеся, очевидно, при рытье могил.

В числе единичных находок следует отметить и древнейшие музыкальные инструменты, получившие с легкой руки И. С. Сяницына условное название «флейты Пана».

⁹ Медведев А. П. Курганы в низовьях реки Елань. С. 110—113, рис. 68.

¹⁰ Березуцкая Т. Ю. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж, 2003.

¹¹ Гак Е. И. Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и на юго-востоке Русской равнины. Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V—II тыс. до н. э.) // Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14—15 ноября 2016 г.) : мат. Санкт-Петербург. С. 74—79.

Они представляют собой набор трубчатых костей крупных птиц (обычно восемь костей), отполированных до блеска. Во Власовских курганах найдено две флейты. Одна сохранилась полностью, и сейчас это, наверное, лучшая по сохранности флейта в Восточной Европе (рис. 45, 7). Легенда о Панае, как полагают исследователи, появилась в Греции во II тыс. до н. э., а в степях Восточной Европы могла существовать и раньше — в III тыс. до н. э.

Сегодня некоторые археологи полагают, что флейты — инструменты не простых пастухов, а служителей культа, жрецов. Музыка не столько должна была доставлять радость, сколько служить средством привлечения людей к исполнению необходимого религиозного действия. По мнению А. Т. Синюка, в этом ритуале особенно важную роль играла многоствольная флейта из 7—8 полых костей крупных птиц¹². Так флейта под пером ученых превратилась в важнейший атрибут жреца среднего бронзового века и, таким образом, стала сугубо культовой категорией находок. Однако А. П. Медведев полагает, что в Древней Греции на флейтах играли многие музыканты, но не жрецы, поскольку они закрывали бы им уста и затрудняли исполнение гимнов в честь богов¹³. Отсюда вывод: «флейта Пана» — не жреческий инструмент, поскольку игра на ней закрывала уста жреца и тем самым делала невозможным обращение к божеству.

В защиту мнения А. Т. Синюка выступил В. В. Отрощенко, указав, что общества эпохи бронзы и древнегреческое государство — это не одно и то же. Да, это верно. Но напомним, что греческая горная Аркадия, являвшаяся родиной Пана, — это не государство, а область, где процветало пастушество. Да и жители ее являлись потомками коренного населения Эллады (пеласгов), а не пришлыми индоевропейцами из степей Восточной Европы. Так что вопрос об отношении «флейты Пана» к жречеству остается открытым.

Кроме флейт во Власовских курганах найдены и другие вещи, которые, возможно, связаны с музыкой. Среди них — костяной молоток. С одного края он имеет следы стертости. В. В. Килейников, специалист по трасологии, установил, что следы оставлены в результате контакта молотка с мягким материалом, возможно, кожей. Может, при ударе по бубну или чему-то похожему на него? Этнография дает массу примеров того, как религиозные обряды связаны с музыкой, танцами.

Еще одна интересная группа находок из катакомбных захоронений — игральные (гадальные) кубики. Например, в одном из погребений Власовских курганов были найдены два кубика из кости (рога)¹⁴. В погребении 2 кургана 2 могильника Елка 5 найден необычный «кубик» в виде параллелепипеда (рис. 45, 12). У него, как и большинства кубиков, четыре грани. На одной ничего не обозначено (пусто). На другой нанесена продольная линия — «реза», на третьей — одно круглое как в домино углубление, а на четвертой стороне их оказалось два. Сейчас известны десятки погребений катакомбной культуры с наборами кубиков. Находки эти являются гадальными и игральными костями. У древних ариев была игра «чатурашра», в названии которой звучит числительное, родственное древнеславянскому «четыре»¹⁵. В «Ригведе» (Мандава Х, 34) сохранился «Гимн игрока» в кости, который из-за этой пагубной страсти потерял жену, детей, родных. Укажем, что ни у одного древнего народа мы не знаем такого массового увлечения игрой в кости, как у ариев «Ригведы». С другой стороны, в степях Восточной Европы помимо катакомбной не известно ни одной археологической культуры, где бы в таком количестве встречались подобные кубики.

В погребениях часто находят кости животных, которых приносили в жертву. В их числе овцы, лошади, козы, быки, гораздо реже дикие животные (во Власовских курганах найдены кости сайгака). Исследование костей животных позволяет не только уста-

¹² Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. С. 294—295.

¹³ Медведев А. П. Об атрибуции «жреческих» погребений у ираноязычных кочевников II—I тысячелетия до н. э. // Исторические записки. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 165—171.

¹⁴ Березуцкий В. Д. Очерки по археологии и древней истории Подонья. Воронеж, 2003. С. 54, рисунок.

¹⁵ Клейн Л. С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. Санкт-Петербург, 2010. С. 325—333.

новить состав стада, но и реконструировать некоторые черты мировоззрения катакомбного общества. Известно, что у индоевропейских народов каждому животному было отведено свое место в погребальном обряде. Так, конь связывался с небом, солнцем. Боги, согласно этим взглядам, разъезжали по небу в запряженных лошадьми колесницах. Особую роль в обряде погребения играл козел. В священной книге древних ариев «Ригведе» он соответствовал Пушану («расцветающему») — покровителю достатка. Там он «знает счастливых путей», в том числе в мир иной.

Быку отводилась огромная роль в обрядах потому, что его значение в скотоводческом хозяйстве было очень велико — он тянул повозку со всем добром «катакомбника». Лошадь научились запрягать позже быка, так что он был основным тягловым животным. Почти не встречаются у ямных и катакомбных племен кости свиньи. Их хозяйство было мало приспособлено для оседлой жизни, при которой можно выращивать это животное.

Социальная организация катакомбного общества представляла весьма сложную структуру. Преобладающее число курганных погребений принадлежит мужчинам, что свидетельствует о патриархальной системе организации общества, связанной с ростом значения скотоводства. К социально престижным следует относить парные и коллективные погребения в катакомбах и захоронения, сопровождавшиеся набором шило—нож с двумя-тремя сосудами. Известны погребения вождей или воинов, вооруженных идеально шлифованными топорами и булавами. В то же время в шахтах и катакомбах иногда встречаются как будто брошенные скелеты людей без инвентаря, являвшихся, скорее всего, рабами или зависимыми людьми.

В первой трети II тысячелетия до н. э. наблюдается отток населения катакомбной культуры из лесостепи в более южные районы, где оно приняло участие в сложении культуры многоваликовой керамики. Не менее активным было участие катакомбных племен в формировании воронежской археологической культуры¹⁶. Сейчас насчитывает-

ся свыше 100 памятников этой культуры, локализующихся преимущественно в бассейне реки Воронеж.

Поселения воронежской культуры располагались на высоких мысах больших рек преимущественно в Правобережье Дона: Воргольское, Малое Боршевское, Сенное, Аверинское, Мостище I, Чертовицкое II, Шиловское и др. Постройки были каркасно-столбовой конструкции, наземные или слабо углубленные в грунт. Для обмазки стен использовали глину. Внутри жилища располагались один-два очага.

Погребений воронежской культуры, совершенных в курганах (Сасовском, Хохольском, Павловском, Подклетненском, Сосновый Бор и др.), выявлено немного. Умерших хоронили в ямах, вытянуто на спине или в слабо скорченном положении на боку. Иногда фиксируются следы органической подстилки, использование охры, перекрытия могильных ям бревнами. Основной погребальный инвентарь — керамика.

Керамика воронежской культуры своеобразна. Это сосуды удлинённых пропорций, горшковидной формы с невысокой шейкой. Орнаментирована большая часть поверхности посуды разнообразными вдавлениями, защипами, прочерчиванием¹⁷.

Каменные изделия включают в себя наконечники дротиков и стрел, скребки, серпы, строгальные ножи и некоторые другие вещи, сделанные из кремня, а также сверленные топоры усеченно-конической формы. Немногочисленны свидетельства металлообработки у населения воронежской культуры. Помимо небольшого числа бронзовых украшений имеются находки обломков литейных форм, льячек, тиглей и т. д.

Ко второй четверти II тысячелетия до н. э. часть племен воронежской культуры была ассимилирована абашевским населением, а другая продвинулась в районы, занятые родственными племенами сосницкой культуры на территории Украины.

гия. 1988. С. 21—36 ; Беседин В. И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984. С. 60—77.

¹⁷ Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Рис. 185—188.

¹⁶ Пряхин А. Д. О выделении воронежской археологической культуры // Советская археоло-

Глава 3. ДОНО-ВОЛЖСКАЯ АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Уход катакомбного населения сопровождался усилением экспансии их северо-восточного соседа — племен абашевской культуры. Она была открыта в 1925 г. профессором Казанского университета В. Ф. Смолиным

при раскопках курганов у села Абашево в Чувашии. Большой вклад в изучение абашевских памятников внес **Анатолий Дмитриевич Пряхин**, посвятивший этой культуре немало своих работ (рис. 46)¹⁸.

Рис. 46. Анатолий Дмитриевич Пряхин

В отличие от ямной и катакомбной степных культур абашевская культура получила распространение в лесостепных районах Подонья, Поволжья, Южного Приуралья. Спорным до сих пор является вопрос о происхождении этой культуры. Часть исследователей полагает, что абашевцы сформировались в северной части лесостепной зоны, другие — на Средней Волге, третьи — в лесостепном Подонье. И везде в основе этой культуры заметны элементы культур предыдущего времени. Кроме того, на каком-то этапе развития на нее оказала влияние ямная культура, население которой обитало в лесостепи как минимум до конца III тыс. до н. э. Не исключено, что на формирование абашевцев определенное влияние оказало лесное население (балановская культура).

В абашевской культуре Среднего Дона выделены ранний и поздний этапы. На раннем этапе в ней отчетливо проявляются традиции энеолита (вытянутое на спине положение умершего и др.). На позднем этапе заметны черты, сближающие ее с одной из самых распространенных культур позднего бронзового века — срубной. Возможно, под воздействием идеологии срубников меняется и мировоззрение абашевцев, что отразилось, в частности, на положении покойников, которые лежат уже скорченно на левом боку, как срубники. Споры вызывает датировка абашевской культуры. В настоящее время ее существование уклады-

вается в период между последним этапом существования катакомбной культуры и появлением срубной культуры (XX—XVII вв. до н. э.).

Древности абашевской культуры в воронежском крае найдены как на поселениях (Шиловском, Масловском, Левобережном у плотины, Сокольском, Северо-восточном, Волковском, Чижовском и др.), так и в курганных могильниках (Подклетненском, Введенском, Кондрашкинском, Первом Власовском, Хохольском и др.). Особое место среди них занимают практически полностью исследованные Шиловское поселение и Подклетненский могильник, расположенные в черте современного города Воронежа.

Поселения раннего периода абашевской культуры тяготеют к дюнам. Они небольшие с единичными, мало углубленными в материк соединяющимися жилищами. Встречаются и наземные постройки. Поздние поселения занимают гораздо большую площадь и располагаются преимущественно на надпойменных террасах. Жилища однокамерные с прилегающей тамбурной частью, кровля двухскатная. На ряде поселений имеются жертвенные места-святилища, представляющие собой округлые, слегка углу-

¹⁸ Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976; Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977; Пряхин А. Д. Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1980 и др.

бленные в материк, подмазанные глиной площадки с навесом. В центре находились кострища.

Анализ сведений об абашевской культуре позволил восстановить хозяйство этого населения. На первом месте стояло скотоводство. Основными животными в стаде были коровы, быки, лошади, а также мелкий рогатый скот и даже свиньи. Иногда находят ритуальные погребения собак на территории поселка. Данные споропыльцевого анализа свидетельствуют о культивировании проса и пшеницы. Очень мало на поселениях костей диких животных. Видимо, это занятие не привлекало абашевцев, а скотоводство давало необходимые продукты в достаточном количестве. Отметим, что дикие животные, добываемые абашевскими племенами (бобр, лисица), — звери, на которых охотились ради меха. Очень мало свидетельств рыболовства.

Следы металлургической деятельности обнаружены примерно на четверти поселений абашевской культуры. В целом ассортимент бронзовых изделий более богат по сравнению с другими культурами эпохи бронзы. Оружие представлено различными типами ножей, кинжалов с характерной особенностью — расковкой окончания черенка в виде «змеиной головы», топоров,

копий. Появление такого вооружения увеличило военный потенциал абашевского населения. Орудия труда (шилья, рыболовные крючки, долота) и украшения (браслеты, подвески в полтора оборота) встречаются значительно реже.

Среди каменных изделий найдены не только массивные наковальни, зернотерки, молоты, но и тщательно выполненные шлифованные топоры, булавы, наконечники стрел листовидной формы и другие предметы. Кость использовалась для изготовления разнообразных орудий труда (струги, тупики, наконечники стрел и т. п.). На Среднем Дону абашевской культуре принадлежали великолепные комплексы предметов конской упряжи и отдельных украшений из кости и рога.

Видимо, абашевцы одними из первых стали использовать коня для колесничной запряжки. Следы колесниц обнаружены пока только в нескольких курганах на Южном Урале. Зато в нашем крае найдено едва ли не самое большое число погребений колесничных. Их отличали наборы щитковых псалиев круглой, прямоугольной и более сложной формы со вставными шипами для управления конями, влекущими колесницу (рис. 47, 4—5).

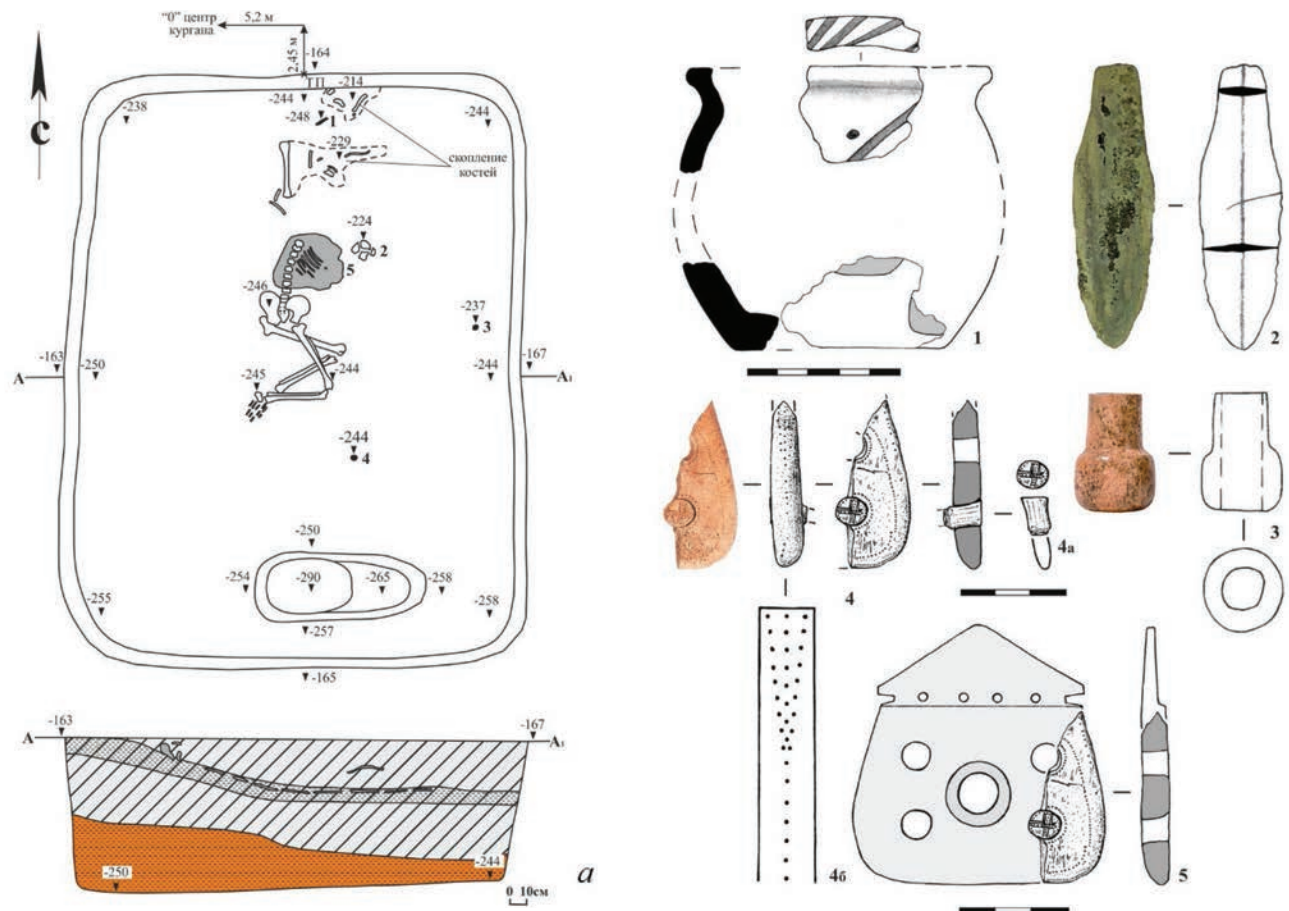

Рис. 47. Курганная группа Елка 1. Курган 2: а — погребение 1; 1 — глина; 2 — бронза; 3 — кость; 4, 5 — рог

Как могла выглядеть боевая колесница абашевцев и какое значение сыграло ее появление в войсках? В нее запрягали двух коней, которые влекли легкую двухколесную повозку. В отличие от катакомбных повозок со сплошными деревянными колесами, у колесниц они уже были со спицами, что сильно

их облегчало. Кузова колесниц обычно были плетеными из прутьев, что еще более облегчало это транспортное средство. Колесница несла обычно двух человек — воина и возницу, управлявшего повозкой во время боя (рис. 48).

Рис. 48. Степная колесница эпохи бронзы.
Реконструкция Я. П. Мулкиджаняна

А что же верховая лошадь? Была ли оседлана лошадь человеком в эпоху абашевцев? Не исключено. По «Ригведе», где абсолютно преобладают упоминания колесниц, иногда устраивали состязания скаковых лошадей. Боги-маруты изображаются как всадники. Так что верховая езда была знакома племенам в развитом бронзовом веке, но, вероятно, не получила широкого распространения из-за преимущества колесниц. Исследователи считают, что человек смог оседлать лошадь под верх ближе к концу бронзового века.

Для погребального обряда абашевской культуры характерны захоронения в ямах

прямоугольной, реже квадратной формы, как правило, индивидуальные, но в исключительных случаях и коллективные (рис. 49). Над могильными ямами сооружали деревянные перекрытия, на которые насыпалась небольшая насыпь.

Большинство умерших положено на спину и ориентировано головой на восток или запад. Изредка встречаются расчлененные скелеты, трупосожжения. Особая черта погребального обряда — помещение сосудов не только в могильные ямы, но и на перекрытия могил и около них. После совершения погребения над ним возводилась невысокая земляная насыпь.

Рис. 49. Липецкий могильник. Курган 2. Коллективное абашевское погребение 1. Реконструкция обряда погребения Е. Н. Мельникова

Абашевская керамика имеет отличающиеся от других культур устойчивые признаки. Многие сосуды напоминают перевернутый колокол. Встречаются небольшие острореберные сосудики, часто с отверстиями под венчиком для подвешивания. В тесте абашевской керамики преобладает примесь толченой раковины в глине. Сосуды украшены широкими горизонтальными прочерченными линиями в сочетании с бахромой. В орнаментации встречаются ромбические композиции, зигзаг, крестообразные знаки, горизонтальная «елочка». Часть керамики из погребений, видимо, изготавливалась специально для ритуальных целей¹⁹.

Анализ изделий из металла с абашевских памятников Подонья показал, что сделаны они из медной руды, добываемой к востоку от Дона.

У абашевцев нет ни одного изделия, изготовленного из кавказской меди, которую использовали катакомбные племена. А у последних нет абашевской меди. Никак не связаны между собой погребальные обряды двух народов, керамика, орнаментация, технология изготовления и даже форма бронзовых ножей. Отчасти это можно объяснить временным фактором: катакомбники представляли классическую культуру среднего бронзового века, тогда как абашевцы — ее финал. Но очевидно другое — это явно были два разных народа, имевших разное происхождение. В конце концов территория лесостепного Подонья осталась за абашевцами, тогда как катакомбные племена вынуждены были ее оставить. Возможно, какие-то их группы дошли до далекого Индостана и стали там известны под именем ариев.

Глава 4. СРУБНАЯ КУЛЬТУРА

Срубная культура относится к позднему бронзовому веку. Основная масса ее памятников датируется серединой — второй

половиной II тыс. до н. э. (последние находки этой культуры еще встречаются в XII в. до н. э.). Срубная культура — одно из крупнейших древних образований на территории нашей страны. Поэтому ее сейчас предпочитают называть «срубной историко-культурной

¹⁹ Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С. 69—75.

общностью». Территория, занятая срубными племенами, протянулась по степи и лесостепи от Урала до Днепра! В нашем регионе выделяют один из ее вариантов — лесостепную срубную культуру.

Впервые срубную культуру выделил В. А. Городцов, назвавший ее так по внутримогильным конструкциям — в могильную яму вставлялся деревянный сруб в 2—3 венца. Однако к настоящему времени установлено, что подавляющее большинство могил этой культуры вовсе не имеют срубов, но название прижилось, и им пользуются до сих пор.

Большинство поселений бронзового века, обнаруженных на территории воронежского края, принадлежит именно срубной культуре. Обломки глиняных срубных сосудов находят по берегам почти каждой речки или ручья. Число поселений этой культуры в Воронежской области на сегодняшний день превышает 1000. Большая их часть, изученная благодаря археологическим раскопкам, находится в нижнем течении реки Воронеж и среднем течении реки Битюг (Шиловское, у Вогрэсовской дамбы, Масловское, Боровское, Мосоловское, Тавровское, Садовое VI и др.)²⁰. Поселения располагаются по берегам малых и больших рек, на расстоянии 0,1—1 км от воды. Они различаются по площади и мощности культурного слоя.

Срубные поселения небольшие, состоящие из нескольких построек без всякой планировки. На них одновременно могло проживать несколько десятков, редко более ста человек. На раскопанных значительными площадями поселениях археологи обнаружили жилища площадью до 100 м² и более. В них обитали большие семьи, скорее всего, из трех поколений, здесь же находились хозяйственные постройки. Для срубной культуры характерны жилища каркасной конструкции. Но в эпоху поздней бронзы уже умели строить не только каркасные, но и срубные дома.

До сих пор в научной среде не сформировалось единой точки зрения по вопросу о происхождении срубной культуры на Дону. Так, А. Т. Синюк традиционно аргументировал ее пришлый характер, указав в качестве пра-

родины на Нижнее Поволжье. Оттуда, по его мнению, срубники попали и на территорию лесостепного Дона. Проникновение срубных племен в зону обитания абашевцев привело к появлению ранних погребений, в которых смешались элементы двух культур — абашевской и срубной. Так, например, если в могиле скелет лежит скорченно на левом боку с руками у лица (срубная традиция), а рядом с погребением находится типичный абашевский колоколовидный сосуд с примесью раковины, то налицо смешение традиций разных культур. Однако из этих фактов не видно постепенного перерастания одной традиции в другую как в обряде, так и в керамике. Но это привело к появлению многочисленных погребений так называемого «синкретического» (смешанного) облика.

Вместе с тем А. Д. Пряхин и Ю. П. Матвеев признают не только указанное выше смешение традиций, но и не меньшую роль отводят процессу постепенного «перерастания» местных абашевцев в срубников. По их схеме развитие этого явления шло по пути постепенной потери абашевцами своих этнографических черт в обряде и инвентаре²¹. Как в действительности происходили события, еще предстоит выяснить.

Археологические данные показывают быстрый рост численности срубного населения по сравнению с предыдущими эпохами. За счет чего удалось людям уменьшить смертность и увеличить численность населения? Численность социумов в древности определялась возможностями их хозяйства, в данном случае скотоводства, а последние зависели от размеров и качества доступных пастбищ. Но рост поголовья скота стал рано или поздно ограничиваться кормовым потенциалом пастбищ. Они могли себе позволить иметь столько поголовья, сколько его можно прокормить на ближних к поселению лугах.

Представляется, что немаловажную роль в резком приросте численности степного и лесостепного населения в эпоху поздней бронзы сыграли изменения природно-климатической обстановки. Наступила вторая половина третьего суббореального периода, которая для нашей территории характеризуется повышением температуры воздуха и усилением влажности. Все это приводит к увеличе-

²⁰ Поселения срубной общности : сб. науч. тр. Воронеж, 1989 ; Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи : мат. межд. науч. конф. Воронеж, 2000 ; Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. С. 219—254.

²¹ Пряхин А. Д. Курганы Побитюжья. Воронеж, 1988 и др.

нию биомассы степной и луговой растительности, продолжительности вегетативного периода. Степь и отчасти лесостепь покрываются прекрасными пастбищами, которыми не преминули воспользоваться срубные скотоводы. Судя по остеологическим данным, обилию домашних костей в культурном слое поселений, в жизни людей наступил период изобилия мясо-молочной пищи. Это подтверждает и антропология — отсутствие признаков кариеса и следов воспалительных заболеваний околозубного пространства может указывать на доминирование в диете населения срубной культуры мясо-молочного комплекса²². В этом мы видим главную причину демографического взрыва в срубном обществе начиная с середины II тыс. до н. э. Весьма показательно, что хотя поселения срубников стоят по берегам рек, в их культурном слое почти не встречаются кости рыб.

Возможно, память об этом благодатном времени сохранилась в священной книге иранцев-ариев «Авесте», где речь идет о мифологическом времени царствования первозаря Йимы в легендарной прародине арьев Айрийанэм-Ваэджа («страна арьев»): *«И тогда эта земля наполнилась мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными горящими огнями. Не находилось места для мелкого и крупного скота и людей»*²³. Из-за роста степного населения Йима чудесным образом вынужден был трижды расширять землю Айрийанэм-Ваэджа.

Таким образом, развитое скотоводство в благоприятных природно-климатических условиях было, видимо, той экономической причиной, которая вызвала демографический взрыв в срубном обществе позднего бронзового века. По данным палеозоологии, в стаде на первом месте был крупный рогатый скот, на втором — мелкий рогатый скот, далее лошадь и на последнем месте свинья. В скотоводстве срубников выделилось несколько направлений. Прежде всего это придомное скотоводство,

когда скот пасли на пойменных лугах вблизи поселков. В засушливые годы, когда травы выгорали, теряя свою питательную ценность, пастухи отгоняли стада на некоторое расстояние от поселков, чтобы воспользоваться новыми лугами — это отгонное скотоводство. Если же засуха продолжалась долго, пастухи вынуждены были заниматься перекочевкой в поисках новых пастбищ. Но они не были кочевниками, так как были привязаны к своим поселениям.

В зимнее время прокормить животных было нелегко. Снежный покров не давал возможности скоту добывать корм из-под снега, поэтому срубные племена устраивали зимники там, где круглый год камыши и осока возвышались над уровнем снежного покрова. Помимо того, судя по находкам массивных бронзовых серпов-секачей (рис. 50, 3), они могли заготавливать сено и веточный корм. Зима заставляла производить забой скота и заботиться о сохранении мяса. Срубники, безусловно, знали много способов его сохранения. Погребба, где могли хранить и мясо, найдены археологами на поселениях вместе с большими (тарными) глиняными сосудами. Другие отрасли хозяйства — земледелие, собирательство, рыболовство — играли лишь вспомогательную роль.

4.1. Керамика. У срубников получило дальнейшее развитие керамическое производство — удел женщин. Глиняные сосуды, как целые, так и обломки, — самые распространенные находки в срубных погребениях и на поселениях. Женщины лепили горшки вручную, когда возникала такая потребность. Среди сырья преобладали различные сорта глин. При изготовлении посуды в глину добавляли шамот (толченые обломки старых сосудов). Срубные сосуды обычно стандартных, довольно простых форм. Для хранения продуктов и приготовления пищи использовали крупные сосуды с толстыми стенками типа так называемых банок (рис. 50, 8) и горшков (рис. 50, 10), редко орнаментированных. В качестве столовой посуды употребляли красиво украшенные остросереберные сосуды с ребром в верхней части тулова (рис. 50, 9)²⁴. Нельзя не упомянуть необычный сосуд с боковыми вертикальными ушками, имевшими отверстия для подвешивания, найденный в погр. 8 курганного могильника Елка 5 в 2017 г.

²² Перерва Е. В. Палеопатологические особенности населения срубной культуры эпохи поздней бронзы, происходящего из погребений курганной группы Арчедино-Чернушенская // Исторический журнал : научные исследования. 2020. № 6. С. 1—14.

²³ Авеста: Избранные гимны ; Из Видевдата / Пер. И. Стеблин-Каменского. Москва, 1993. С. 176—180, 196—197.

²⁴ Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Рис. 59—65.

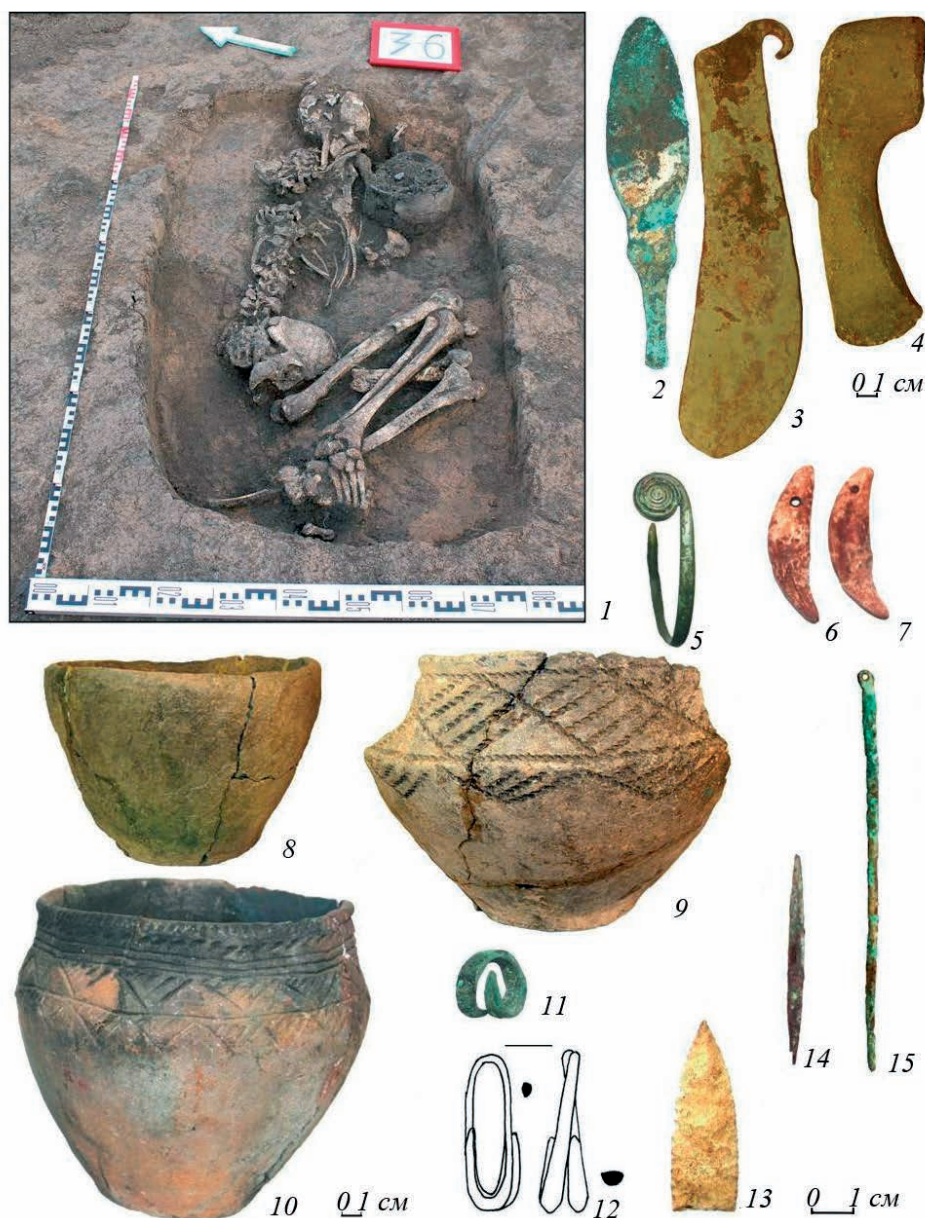

Рис. 50. Срубная культура:

- 1 — Лосево 5, к. 3, п. 6; 2 — Малеванный, к. 2, п. 1; 3—4 — Новогеоргиевский клад; 5 — Дубрава II, к. 2, п. 14;
6—7 — Лосево 5, к. 3, п. 6; 8 — Лосево 5, к. 1, п. 8; 9 — Рассвет, к. 3, п. 1; 10 — Верхнехавский, к. 7, п. 4;
11 — Лосево 5, к. 1, п. 2; 12 — Дубрава II, к. 2, п. 11; 13 — Верхнехавский, к. 4, п. 1; 14 — Лосево 5, к. 2, п. 1;
15 — Верхнехавский, к. 5, п. 8 (раскопки В. Д. Березуцкого и случайные находки)

Орнамент наносили зубчатым штампом, гребенкой, острой палочкой или костью, иногда шнуром по сырой глине. Основные мотивы: зигзаги, горизонтальные линии, треугольники, ромбы, крестообразные знаки.

Орнаментация срубной культуры несет глубокое смысловое содержание, часто недоступное нашему пониманию²⁵. Особый интерес представляют некоторые элементы орнамента в виде рамок, крестообразных

знаков, знаков-«букв» и некоторых других знаков, интерпретируемых рядом исследователей как зачатки письма. Выделяются орнаментальные композиции, возможно, отражающие определенные календарные и мифологические представления срубных племен (рис. 51, 2а, 3а, 4а). Но есть и исключения, где смысл изображения абсолютно понятен. Так, на поселении у с. Шилово под Воронежем на сосуде изображен лыжник (рис. 51, 1, 1а). Хорошо видны лыжи, палки с кольцами. Лыжник одет в куртку, а на голове что-то вроде капюшона.

²⁵ Захарова Е. Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж, 2000.

Рис. 51. Сосуды с рисунками и знаками эпохи средней-поздней бронзы:
 1, 1а — Шиловское поселение; 2, 2а — Подгоренский могильник, к. 7, п. 7;
 3, 3а — кург. гр. 2 у с. Озерки, к. 4, п. 43;
 4, 4а — Советское, 1, к. 2, п. 4 (раскопки А. Д. Пряхина, Ю. П. Матвеева, А. В. Суркова)

Нет сомнения, что в ремесле срубников уже появились отдельные специалисты. Вещи, изготовленные из кости (тупики, двуручные струги, скребки, шилья и проколки), в своем большинстве связаны с кожевенным

производством. Изделия из камня в погребальных комплексах связаны, как правило, с производственной деятельностью (каменные плиты для растирания руды, молоты, песты).

Население донской лесостепной срубной культуры достигло наивысшего уровня в эпоху бронзы в организации производственной деятельности — в некоторых областях она имела характер производственного цикла. Ярче всего это проявилось в металлургии. В это время возникают уже целые поселения, жители которых специализировались на металлургии и металлообработке изделий не только для собственного потребления, но и для обмена с соседними поселениями.

4.2. Мосоловка. В начале 70-х гг. прошлого века сельский учитель Г. И. Корнюшин обнаружил в обрыве реки Битюг напротив с. Мосоловка Аннинского района древние литейные формы (рис. 52). Вместе с директором местного музея В. И. Сагайдаком он приступил к исследованию этого памятника. Историческая ценность находок была оче-

видна. Так возникла Мосоловская экспедиция ВГУ под руководством А. Д. Пряхина. Она полностью изучила в 1970—80-х годах это поселение металлургов-литейщиков²⁶.

На поселении найдено более 2000 обломков целых и частей глиняных форм для отливки топоров, серпов, ножей, тесел, наконечников копий. Открыты остатки плавильных печей, капли металла на сосудах, шлаки, каменные молоты для дробления руды и проковки металлических изделий. Внутри поселка существовала специализация: в одной мастерской делали только топоры и серпы, в другой — иные изделия. Археологи полагают, что на поселении действовал ремесленный клан мастеров (рис. 53). Учитывая производственный потенциал Мосоловки, можно предположить, что она обслуживала металлом определенную округу.

Рис. 52. Мосоловское поселение.
Глиняные литейные формы металлургов эпохи поздней бронзы
в экспозиции Археологического музея ВГУ

²⁶ Пряхин А. Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Кн. 1. Воронеж, 1993 ; Пряхин А. Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 2. Воронеж, 1996.

Рис. 53. Мастера-литейщики эпохи поздней бронзы. Реконструкция Я. П. Мулкиджаняна

Такие специализированные поселки, как Мосоловский, — явление пока редкое. Производством же небольшого количества необходимых изделий из металла занимались, по всей вероятности, на большинстве долговременных поселков. Так, прямо напротив исследованного кургана срубной культуры у села Верхний Карачан, у речки расположено поселение той же культуры. Оно распаивается, и на поверхности К. Ю. Ефимов нашел два обломка литейных форм. В одной форме отливали ножи, в другой — топоры²⁷. На многослойном поселении Чертовицкое VI на р. Воронеж И. Е. Бирюков обнаружил обломок формы для литья наконечников копий. Подобных примеров можно назвать десятки. Складывается впечатление, что при достаточно вскрытой площади культурного слоя едва ли не каждое поселение лесостепной срубной культуры даст свидетельства металлургии и металлообработки.

4.3. Феномен поселения «Хлебороб». Возможно, с древней металлургией связа-

но еще одно уникальное открытие. В 2000 г. Скифо-Сарматской экспедицией под руководством А. П. Медведева проводились охранные раскопки срубного поселения Хлебороб в Таловском районе Воронежской области.

Была открыта обычная срубная постройка, правда, очень больших размеров — 7×19 м (рис. 54, 1). Судя по рядам столбовых ямок вдоль стен и по центру, жилище было двускатным, каркасно-столбовой конструкции. В заполнении постройки собраны фрагменты не менее чем от 90 срубных сосудов (рис. 54, 4, 5). Но главная находка скрывалась в юго-восточном ее углу.

Здесь встречено скопление кусков породы, первоначально принятых за шлаки. Они представляли собой плотные, но довольно легкие комки грязно-серого цвета, сильно оплавленные, имевшие характерные вздутия и углубления от воздействия высокой температуры (рис. 54, 2). По этим признакам они легко выделялись на фоне темного заполнения постройки. Наиболее крупные их скопления обнаружены у юго-восточной стены жилища, где они шли сплошным завалом весом не менее 100 кг. Ранее такое явление на поселениях эпохи бронзы не встречалось.

²⁷ Березуцкий В. Д. Очерки по археологии и древней истории Подонья. С. 81, рисунок.

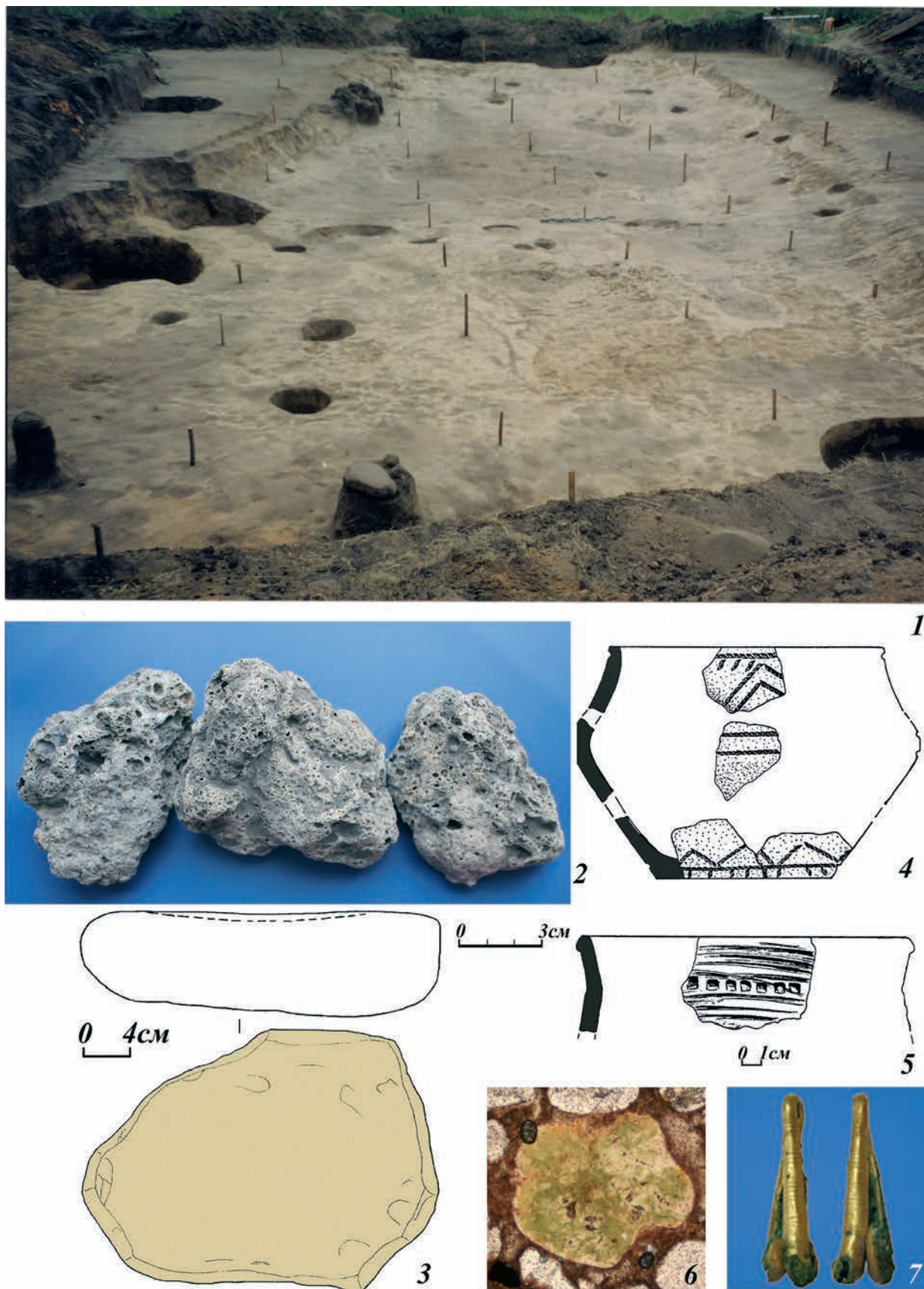

Рис. 54. Поселение Хлебороб (раскопки А. П. Медведева):

1 — остатки постройки; 2 — импактиты; 3 — каменная плита;

4, 5 — керамика; 6 — фото шлифа импактита с включением золота (в 200-кратном увеличении);

7 — бронзовые подвески срубной культуры, плакированные золотом (Музей П. В. Алабина в г. Самара)

В 2019 г. образцы этой породы были переданы для анализа на кафедру общей геологии и геодинамики Воронежского университета. Результат оказался сенсационным. По единодушному заключению геологов, это *импактиты* — породы, возникшие при столкновении метеорита с поверхностью земли в результате ударно-взрывного пороодообразования при давлении в сотни атмосфер и температуре в 2000—3000 °С. Они включали остатки минералов, принесенных метеоритом. В первый же шлиф, сделанный в лаборатории, попало зерно золота размером до 0,2 мм (рис. 54, 6). Микрозондовый анализ на электронном микроскопе также выявил другие микрочерта

золота. При этом на поверхности некоторых импактитов видны небольшие каверны, в которых тоже мог быть небесный металл, извлеченный жителями поселка.

Можно сделать некоторые выводы о происхождении импактитов, точнее, как они попали в жилище. Метеоритное тело упало недалеко от древнего поселения, произведя на его жителей соответствующее впечатление (рис. 55). От высокой температуры, вызванной его столкновением с поверхностью, как «небесные», так и земные породы расплавились. Жители поселения нашли место падения метеорита и, когда импактиты остыли, собрали для своих нужд остывшие обломки с включениями золота.

Рис. 55. Художественная реконструкция возможной ситуации с происхождением импактитов, оказавшихся в постройке поселения Хлебороб (реконструкция Я. П. Мулкиджаняна)

В жилище обнаружены орудия переработки импактитов, прежде всего массивная каменная плита, которая использовалась для растирания минералов (рис. 54, 3)²⁸. Найдено и каменное орудие весом более 3 кг, которое могло служить для разбива-

ния импактитов для получения драгоценного металла²⁹.

Вопрос об использовании золота в срубной культурно-исторической области — наименее золотоносной среди культур бронзового века — изучался специально Н. М. Мало-

²⁸ Авторы выражают благодарность В. В. Килейникову за трасологический анализ орудия из постройки в с. Хлебороб.

²⁹ Медведев А. П. Об одном из источников золотодобычи на р. Елани в позднем бронзовом веке (импактиты) // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. 2019. № 3. С. 5—20.

вым³⁰. В его сводке оказалось всего 32 находки на тысячи срубных погребений Волго-Уралья, где были свои месторождения золота. Среди них преобладали бронзовые украшения (грушевидные подвески), плакированные тонким золотым листом, типа представленных на рисунке 54, 7.

В связи с открытием искусственного скопления импактитов в постройке на поселении Хлебобороб и орудий их переработки можно высказать гипотезу, что они могли служить источником золота для местного населения. Разумеется, в импактитах его было очень мало, но жители поселения искали свой источник блестящего металла и нашли его. Судя по срубным украшениям, его и требовалось немного — грушевидные серьги имели бронзовую основу, а золотое покрытие их исчислялось миллиграммами.

Это открытие заставляет вспомнить старую скифскую легенду о падении с неба чудесных золотых даров, которые оказались символами царской власти (Геродот, История: IV: 5, 3). При приближении к нему старших сыновей, Липоксая и Арпоксая, «золото загоралось». При приближении же младшего Колаксая оно погасло, и он овладел им, став царем Скифии. Эту легенду пытались объяснить многие исследователи. Может быть, спустя тысячу лет у ираноязычных народов южно-русских степей в такой форме сохранилась память о некоем чудесном явлении, связанном с падением «золотого» метеорита. По данным лингвистики, доскифскому населению Евразии было известно слово *заранья* («золото»)³¹.

4.4. Погребальный обряд. Среди погребальных памятников эпохи бронзы абсолютное преобладают срубные. Раскопаны более тысячи захоронений донской лесостепной срубной культуры (Сады, Березовка, Богучар, Пасеково, Шишовка, Подгоренское, Губари, Дубрава I и II, Елка 1 и Елка 5 и др.)³². Курганные группы,

как правило, состоят из нескольких насыпей. Под насыпью находятся захоронения умерших людей (от 1 до 70), так что некоторые курганы представляли целые кладбища. Они располагались в 1—1,5 км от поселений.

Как правило, умершего хоронили в небольшой прямоугольной или овальной могиле, при этом могилы взрослых отличаются от детских лишь размерами. Его укладывали на левый бок, в скорченном положении, с согнутыми в коленях и подтянутыми к спине ногами (рис. 50, 1). Руки обычно согнуты в локтях, подняты вверх, ладони сложены и поднесены к лицу («поза адорации»). Для погребального обряда срубной культуры характерно положение умершего головой на северо-восток. В могильной яме обычно хоронили одного человека, но известны и исключения. На ней изредка сохраняются остатки деревянных конструкций в виде перекрытия из бревен или плах. Совсем редко встречаются погребения в «срубках», о чем речь шла выше.

В погребальном обряде срубников известны следы применения огня, но редко. Костры разводили еще до возведения насыпи кургана, около могилы, а иногда уже на ее перекрытии. В единичных случаях сжигали умерших на стороне и обожженные кости складывали в могилу. Причина выделения такого покойника для сожжения не ясна на фоне более чем тысячи ингумаций.

Сопровождающий инвентарь беден: один-два, редко три глиняных сосуда (рис. 50, 8—10), истлевшие остатки деревянных чаш, от которых остались лишь медные пластины-накладки, в женских погребениях — бронзовые грушевидные серьги (рис. 50, 12), изредка браслеты.

Весьма показательно, что в развитой срубной культуре серийно не встречается оружие, кроме коротких обоюдоострых бронзовых ножей (рис. 50, 2) и изредка кремневых наконечников стрел (рис. 50, 13). Оружие ближнего боя есть только в погребениях покровской культуры, которую большинство археологов выделяют в отдельную культуру и помещают между абашевской и ранней срубной. В то же время на Мосоловском поселении найдены литейные формы для отливки наконечников копий, вислообушенных топоров, коротких ножей-кинжалов. Вряд ли эта продукция шла только на заказ, на сторону — ею, безусловно, умели пользоваться и сами производители.

На фоне других культур бронзового века срубные могильники поражают стандартизации-

³⁰ Малов Н. М. Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Проблемы истории и археологии саратовского Поволжья. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 27—53.

³¹ Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. Москва, 1979. С. 310.

³² Березуцкий В. Д. Курганы на юге Воронежской области (курганный могильник II у пос. Дубрава). Воронеж, 2015 ; Матвеев Ю. П. Курганы у с. Губари // Археологические исследования высшей педагогической школы (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). Воронеж, 1996. С. 130—147 и др.

ей погребального обряда и бедностью инвентаря. Даже малых детей хоронили по тому же обряду, что и взрослых. С другой стороны, совершенные погребения, видимо, могли не сразу покрывать насыпью. Ее возводили тогда, когда накапливалось достаточное количество погребенных, как это показал курган 15 могильника Елка или совсем небольшой курган, раскопанный А. М. Скоробогатовым у моста через р. Савалу в 2014 г., в котором уместилось целое кладбище — 71 срубное погребение. Таким образом, срубные могильники также отражали ту почти эгалитарную структуру древнего общества, о которой речь шла выше. В позднем бронзовом веке Восточной Европы в силу каких-то неизвестных причин не наблюдается сколь-нибудь выраженной социальной иерархии погребенных. Парадокс срубной историко-культурной общности — отсутствие материальных признаков социального неравенства, обычно проявляющегося в появлении среди массы бедных могил погребений с наборами богатого сопровождающего инвентаря и престижных вещей, — требует специального исследования. Сейчас мы можем только констатировать явный социальный регресс срубного общества по сравнению с предшествовавшим ему абашевским.

В курганах у с. Власовка было замечено, что катакомбные захоронения размещались на вершине высокого останца, а срубные — только у его подножия. Срубники почему-то избегали устраивать курганы там, где их создавали катакомбники, хотя для других памятников такие случаи обычны. Они, конечно же, видели катакомбные курганы, которые, видимо, имели какие-то отличительные признаки, и поэтому опасались хоронить сородичей рядом.

4.5. Финал бронзового века. К концу третьей четверти II тыс. до н. э. на Юге Восточной Европы закончился период благоприятных природно-климатических условий, обеспечивший расцвет скотоводческих культур Евразии — «время Йимы». Начинается общее похолодание климата, сопровождаемое усилением засушливости. Видимо, эти изменения природно-климатических условий привели к кризису срубной культуры. Возможно, свою негативную роль сыграло и истощение важнейших природных ресурсов — пастбищ, вызванное пастбищной дигрессией — перевыпасом скота на пастбищах, расположенных в доступной близости от поселений. Недостаток травы привел к необходимости постоянного поиска новых пастбищ. В новых условиях все большее значение приобрета-

ет более подвижное скотоводство. Но отгонять срубное стадо от поселения на большие расстояния, где в степи сохранялись пастбища, было невозможно из-за его состава, где преобладал крупный рогатый скот. Разрушилось комплексное хозяйство — основа благополучия срубных племен. К концу II тыс. до н. э. долговременные поселки и другие следы пребывания срубников исчезают даже в лесостепи.

Что произошло с некогда многочисленным срубным «народом», остается загадкой. Явно не обошлось без сокращения численности взрослого населения, вызванного вышеуказанными негативными причинами. По данным археологии, возрастает детская смертность. Не исключены переселения в более благоприятные районы, где не так резко сказались негативные природно-климатические перемены. Вместе с тем исчезновение «срубных следов» вовсе не свидетельствует об исчезновении всего населения в лесостепи и полного запустения этой территории.

В это время на смену срубникам приходят отдельные группы носителей бондарихинской (скорее всего, из северо-восточных районов Левобережного Поднепровья), валиковой культуры из Поволжья и белозерской культуры, характерной для Северного Причерноморья. Материальных свидетельств, оставленных этими культурами, пока известно немного. Это, прежде всего, керамика, найденная на ряде поселений (Шиловском, Терешковский Вал, Рыкань 2, Гудовском, Журавка 1, поселения 2, 3 у г. Бобров и др.), и многочисленные погребальные комплексы.

Присутствие в Донской лесостепи бондарихинцев стало совершенно очевидно после раскопок Ю. П. Матвеевым в конце 70-х годов прошлого века поселения Рыкань 2 в Новоусманском районе Воронежской области. Помимо характерной бондарихинской керамики с раздутым туловом, резко сужающимся ко дну, и других находок он открыл постройку финальной бронзы. Для бондарихинской культуры характерны сосуды с сильно раздутым туловом и небольшим дном, украшенные по тулову ямками в форме кружка, овала, лопаточки и т. п. На стоянке Копанице 2, расположенной на правом берегу р. Тихая Сосна, А. Т. Синюк раскопал еще одну постройку бондарихинской культуры с односкатной кровлей. Она отапливалась очагом, от которого осталась круглая линза прокаленного песка с золой и углем. Недалеко от входа в постройку открыт жертвенник в круглой яме, в которой лежали три челюсти коров и коровья лопатка. Интересно, что на

полу постройки найдено шесть кремневых серпов — археологический показатель дефицита бронзы³³. Исследователи датируют памятники бондарихинской культуры на среднем Дону концом II — началом I тыс. до н. э.

В 80-х годах прошлого века А. Т. Синюк в Терешковском Валу открыл две медеплавильные печи, в которых находились развалы полутора десятков сосудов, ранее на Среднем Дону не встречавшиеся. Их культурную принадлежность определил украинский исследователь В. В. Отрощенко, хорошо знако-

мый с белозерскими материалами Северного Причерноморья³⁴. Сосуды белозерской культуры имеют плотный, с примесью песка состав глиняной массы. Основные формы — высокогорлые кубковидные сосуды, кубки и корчаги (рис. 56, 9). Недавно А. В. Сурков раскопал широкой площадью поселение финальной бронзы Журавка 1, давшее новые материалы по культурам финальной бронзы — валиковой (рис. 56, 8) и белозерской (рис. 56, 9)³⁵.

Эти культуры завершают эпоху бронзы в нашем крае. На пороге стоял железный век.

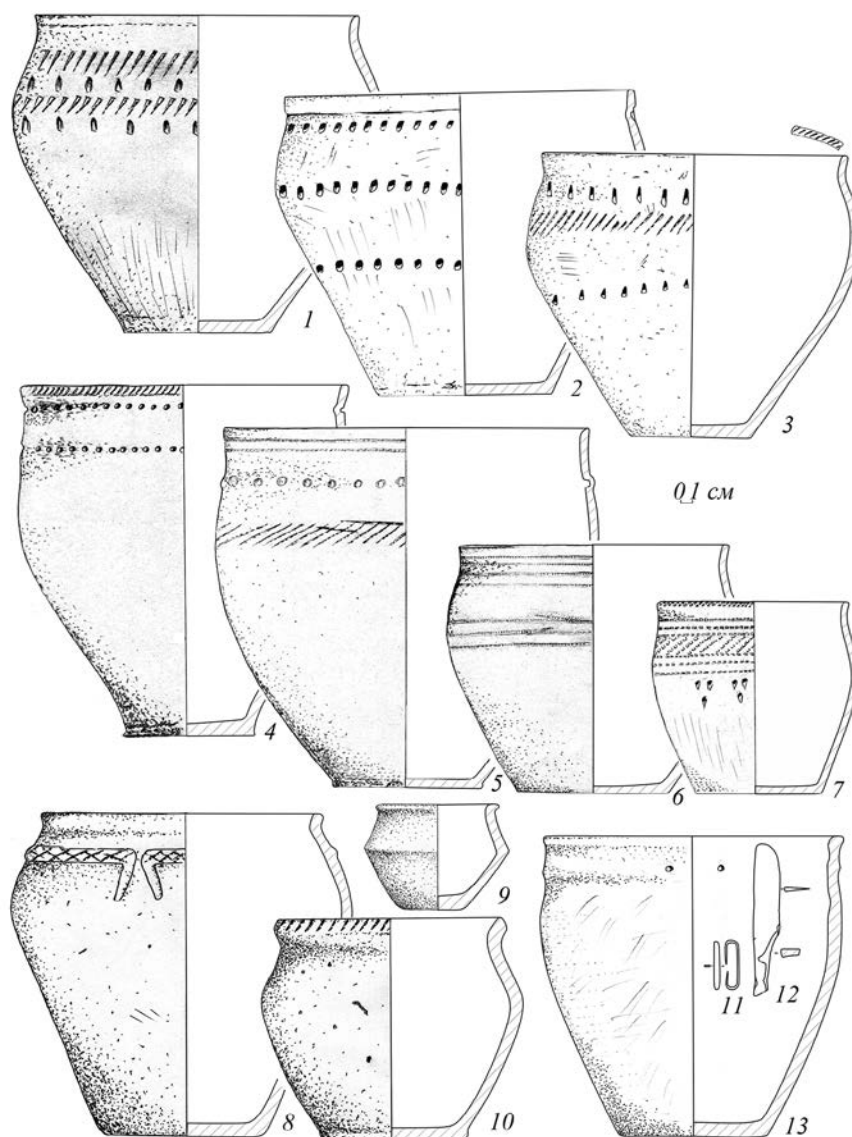

Рис. 56. Материалы финальной бронзы: 1—3 — поселение 2 у г. Бобров, постр. 1; 4—7 — поселение 3 у г. Бобров, постр. 1, 2; 8—10 — поселение Журавка 1; 11—13 — кург. гр. 2 у с. Озерки, к. 1, п. 5 (11—12 — бронза, остальное — керамика) (по: Сурков А. В., Сафонов И. Е., 2020)

³³ Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. С. 255—266, рис. 67, 11—15.

³⁴ Там же. С. 257, рис. 68, 69.

³⁵ Сурков А. В. Памятники финальной бронзы в среднем Подонье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара, 2020. Т. 1. С. 348, рис.

ЧАСТЬ 3
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

РАЗДЕЛ 1. НА РУБЕЖЕ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Глава 1. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА

В начале I тыс. до н. э. на Юге Восточной Европы наступила новая эпоха — железный век. Начальный его период (VIII в. до н. э. — IV в. н. э.) археологи называют ранним железным веком. Использование этого металла, на первых порах вынужденное из-за возникшего дефицита бронзы, со временем привело к весьма радикальным переменам в жизни людей, их материальной и духовной культуре. Изменения в технологии металлургического производства (бронзовые изделия отливали в формах, железные — ковали) привело к заметным морфологическим модификациям большинства вещей и их размеров. Появилась возможность производить крупные и прочные металлические изделия типа мечей длиной до 1 м. Но главное — орудия из железа можно было изготавливать почти повсеместно без наличия горных выработок, так как железная руда встречается в Восточной Европе на дне болот и озер повсюду, в отличие от медных и оловянных рудников, расположенных за тысячи километров от нашего региона. Это имело далеко идущие социальные последствия — оружие и орудия труда из железа были более дешевыми, чем бронзовые, а значит — и более доступными основной массе населения. По этой причине даже в рядовых погребениях почти всегда встречаются изделия из железа.

С наступлением железного века производительные силы древних обществ поднимаются на качественно новую ступень развития. В восточноевропейской лесостепи, как никогда ранее, получает развитие пашенное земледелие. Об этом прямо свидетельствуют античные источники, например Геродот упоминает «скифов-пахарей» (История: IV, 17). Известны археологические находки деревянных плугов, а также их глиняные модели вместе с ярмом для быков. Занятие пашенным земледелием приводит к росту численности населения в лесостепи. Появляются очень крупные, хорошо укрепленные поселения — городища, где постоянно проживали сотни, тысячи, а в некоторых — десятки тысяч жи-

телей (Бельское городище)¹. Археологические находки свидетельствуют о росте благосостояния оседлого земледельческого населения.

В степной полосе Юга Восточной Европы исторические перемены, вызванные наступлением железного века, проявились, прежде всего, в форме распространения кочевничества². Его основу составляло экстенсивное скотоводство в условиях постоянных сезонных перекочевок. Нужно отметить, что в I тыс. до н. э. кочевое скотоводство оказалось весьма прогрессивным типом хозяйства, оптимально приспособленным к природно-климатическим условиям степной зоны Северного Причерноморья. Оно позволило освоить глубинные степные и отчасти лесостепные районы, тем самым многократно увеличить площадь пастбищ. С VII—VI вв. до н. э. в силу ряда причин кочевники (греки называли их «номадами») оказывались доминирующими этносами не только в военно-политической, но и культурной жизни этого обширного региона, что проявилось и в традиционной археологической периодизации его истории: *скифская эпоха*, *сарматский период* и т. п. Сейчас становится все более очевидным, что их политическое и культурное влияние распространялось далеко за пределы собственно степной зоны, в том числе на всю лесостепь. Следует обратить внимание на то, что в раннем железном веке, в отличие от более поздних эпох, элементы культуры и цивилизации распространялись в направлении с юга на север в глубинные районы Восточной Европы. Они исходили из античных городов Северного Причерноморья, попадали к скифам и сарматам и вместе с некоторыми достижениями культур последних доходили до отдаленных племен лесной зоны.

¹ Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

² Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии : монография. Воронеж, 2004. С. 3.

Население европейской степи и лесостепи в бронзовом веке известно только по условным названиям археологических культур («ямники», «катакомбники», «срубники» и др.). В раннем железном веке появляется другой, независимый от археологии источник — сочинения античных авторов. Они донесли до нас названия («этнонимы») и иную историческую информацию о многих народах раннего железного века Восточной Европы. Это далеко не случайно, так как именно тогда народы нашей страны впервые выходят, а точнее — врываются, на арену всемирной истории и вступают в прямые контакты с ассирийцами и вавилонянами, греками и римлянами, обращая на себя внимание. Благодаря их хронистам и историкам до нас дошли имена *киммерийцев, скифов, савроматов, сарматов* и многих других степных этносов. Наличие двух видов разноприродных, независимых друг от друга источников позволяет верифицировать их информацию, сопоставлять результаты анализа тех и других и тем самым приблизиться к пониманию сущности исторических событий и процессов.

К северу от скифов и сарматов, в восточно-европейской лесостепи обитали земледельцы и скотоводы, о которых греки тоже сохранили кое-какие сведения: *будины, гелоны, меланхлены, невры, андрофаги*. Сведения о них часто носят мифологический характер, но они более достоверны о тех народах, через земли которых проходили торговые пути (Геродот, История: IV, 24). В этом смысле нам повезло, что торговый путь из Гавани борисфенитов (Ольвии) к далеким приуральским аргиппеям проходил частично по берегам Среднего Дона, свидетельством чему являются десятки греческих амфор, оставшиеся в среднедонских курганах.

Скифы и сарматы были ираноязычными народами, как и некоторые их соседи³. Сохранились сотни слов и личных имен, однозначно указывающих на их ираноязычие, несмотря на давние попытки связать их со славянами или современные потуги — с тюркоязычными народами. Сейчас их ближайшими родственниками по языку в Европе можно назвать лишь осетин. А вот этническая и языковая принадлежность их северных соседей далеко не всегда может быть надежно установлена из-за скудности исторических свидетельств, имеющих в распоряжении историков и лингвистов.

В раннем железном веке ход истории неизмеримо ускорился. Археология позволяет проследить в степи и отчасти лесостепи смену населения с регулярностью примерно в два-три века (6—9 поколений). Начиная со скифского времени история все более приобретает *событийный характер*. Мы знаем о важнейших событиях истории Скифии, привязанных к абсолютной временной шкале, имена царей, например, «скифской династии» VII—V вв., не говоря уж о деяниях последнего великого скифского царя Атея IV в. до н. э. Знаем о конкретных сражениях скифов с персами, греками, а сарматов — с римлянами и парфянами, а также о их междоусобных войнах. По существу, в раннем железном веке на Юге нашей страны произошел переход от «доистории», где мы оперировали условными названиями археологических культур, к истории в полном смысле этого слова.

Широкое распространение в начале железного века строгой конской упряжи (в первую очередь — металлических удилов), железного меча, копий и дротиков, боевых топоров-секир и другого оружия ознаменовало в истории Юго-Восточной Европы начало «*героической эпохи*». И античная традиция, и археология свидетельствуют, что война и организация для войны теперь становятся почти повседневным атрибутом жизни не только номадов, но и значительной части лесостепного населения. «*У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ или добычи...*» — так оценивал повседневную жизнь номадов их современник — скифский мудрец Токсарис в трактате писателя Лукиана (Токсарис: 36).

В археологии ранних кочевников «героическая эпоха» нашла отражение в целом ряде принципиально новых явлений. Сразу бросается в глаза резкая военизация многих сторон жизни и быта, особенно при сравнении с археологическими памятниками предшествующего периода поздней бронзы, где археологи редко находят оружие, а антропологи почти не фиксируют следов военного травматизма. С наступлением раннего железного века в курганные погребения попадает очень много предметов вооружения, причем не только наступательного, но и оборонительного. Впервые появляется полная паноплия, защищавшая воина с головы до ног (шлем, пластинчатый доспех, поножи и др.). Вместе с оружием часто встречаются детали

³ Кулланда С. В. Скифы: язык и этногенез. Москва, 2016.

снаряжения коня — бронзовые, а затем железные удила, псалии и пр., свидетельствующие о том, что в раннем железном веке лошадь стала доступна практически каждому рядовому номаду, а не одной лишь колесничной знати, как это было в эпоху бронзы. Последнее нововведение не только позволило

скотоводам совершать со стадами далекие сезонные перекочевки, но и явилось одной из объективных технических предпосылок военного превосходства кочевников над соседним оседло-земледельческим населением как в лесостепи, так и на юге — в зоне древних цивилизаций.

Рис. 57. Конный стрелок из лука (реконструкция Я. П. Мулкиджаняна)

К тому же в отличие от ассирийцев, вавилонян, греков скифы умели стрелять из луков на скаку, даже повернувшись к противнику спиной (рис. 57)⁴, на что не мог не обратить внимания Геродот, назвав их «гиппотоксотами» — то есть «конными стрелками» (История: IV, 46, 3).

Эпохальные перемены наблюдаются с IX—VIII вв. до н. э. и в восточноевропейской лесостепи. Постоянная угроза с юга, со стороны воинственных кочевников порождает в VIII—VI вв. до н. э. массовое строительство городищ. К середине I тыс. до н. э. не только лесостепная полоса, но и лесные области в центре Восточной Европы покрываются сотнями городищ разных размеров. До наступления железного века этого типа поселений Восточная Европа практически не знала. К середине I тыс. до н. э. за стенами хорошо укрепленных городищ, да и вокруг них наблюдается несравненно большая концентрация населения, нежели

на самых крупных поселениях предшествующей эпохи бронзы. В лесостепи большие и малые городища, связанные с ними открытые поселения и курганные могильники со временем составляли локальные микрорайоны памятников, обычно занимающие долину или берега той или иной реки. Новые явления наблюдаются в планировочных структурах поселений, которые приобретают двух-, а то и трехуровневый характер (городище — поселение — стоянки). Как известно, последние уже больше свойственны эпохе цивилизации.

Как бы мы сейчас ни оценивали памятники скифского времени с позиций формационного или цивилизационного подхода, следует признать, что объективно они свидетельствуют о качественно ином уровне развития степных и лесостепных обществ по сравнению с эпохой бронзы. Не вызывает сомнений наличие в лесостепных обществах раннего железного века сильных властных структур, способных подвигнуть их к выполнению титанических по

⁴ Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.

объему строительных работ по сооружению больших, а то и просто гигантских городищ. По-видимому, прямым археологическим отражением этих новых властных структур являются расположенные поблизости от лесостепных городищ большие аристократические могильники, иногда содержащие курганы «царского» ранга с инвентарем, аналогичным скифскому (позднее — сарматскому). Они служат наглядным показателем концентрации власти и богатства в руках «царей» и их «номархов» (букв. «начальников областей»), как их назвал Геродот. Некоторые курганные некрополи вокруг лесостепных городищ скифского времени по размерам погребальных сооружений и роскоши сопровождающего инвентаря не имеют аналогов в памятниках более поздних «кочевых империй» Средневековья.

Комплексный анализ массовых археологических источников в последнее время позволяет выявить еще одно принципиально новое явление в жизни населения Юга Восточной Европы в раннем железном веке. Оно проявляется в характере разделения общественного труда между подвижными скотоводами и оседлым земледельческо-пастушеским населением. В эпоху бронзы между ними не ощущалось сколь-нибудь заметной обособленности этнокультурного и социального плана. Видимо, тогда разделение труда осуществлялось *внутри общины*, проживавшей на одном поселении: одна часть жила оседло, другая, сопровождая стада, могла вести более подвижный образ жизни.

Иная ситуация складывалась на Юге Восточной Европы в раннем железном веке с появлением номадов. Специализированное кочевое хозяйство уже по самой его природе не могло обеспечить их всем необходимым, и прежде всего — продуктами земледелия и ремесел. Поэтому кочевники стремились подчинить себе оседлое, как правило, иноэтничное население, а затем насильственно включали его в свою хозяйственную систему. Со временем на Юге Восточной Европы сложилось межзональное разделение труда. Видимо, на этой основе возник феномен ранней скифской государственности, где доминировали даннические и так называемые дистанционные (война, грабеж, вымогательство «подарков») формы эксплуатации воинственными кочевниками оседлоземледельческого населения не только в степи, но и в лесостепи. Привыкший выпасать свой скот кочевник легко становился, по выражению Арнольда Тойнби, «пастырем» местного «чело-

веческого стада». На мой взгляд, наглядным археологическим свидетельством существования в раннем железном веке именно такого *экзополитарного* (направленного «вовне»), или, по терминологии Н. Н. Крадина, *ксенократического* («*владычество над иноплеменниками*»), способа производства могут служить уже упоминавшиеся большие курганные могильники номадов (или «бывших номадов») в лесостепи типа посульских или среднедонских курганов, сооружавшиеся по соседству с городищами, где проживало оседлое земледельческо-скотоводческое население.

Вся совокупность имеющихся в распоряжении современных исследователей данных указывает на то, что в начале железного века на юге Восточно-Европейской равнины появляются первые раннеклассовые общества и государства. Древнейшим из них было Скифское царство, надежно засвидетельствованное как письменными, так и археологическими источниками⁵. В отличие от синхронных ему греческих полисов Причерноморья, куда классовое общество и государство были принесены эллинами в форме полисного строя, скифская государственность возникает самостоятельно, на местной основе в результате сложного, скорее всего, вынужденного симбиоза номадов и оседло-земледельческого населения. Именно наличие относительно устойчивой военно-политической организации объясняет ту значительную роль, которую скифы играли в экономической, политической и культурной жизни Древнего мира. Скифы и сарматы оказали сильнейшее влияние на историю, культуру и судьбы не только степного, но и лесостепного населения Восточной Европы, в том числе и на племена Среднего и Верхнего Дона. Они составляли отдаленную, но отнюдь не глухую периферию скифо-сарматского мира. Об этом прямо свидетельствуют яркие находки из среднедонских курганов типа Частых, получившие всемирную известность и вошедшие практически во все издания шедевров скифской культуры, или погребение липецкой «царицы» сарматского времени.

В раннем железном веке наш край представлял крайнюю восточную окраину лесостепной Скифии. Вопрос о том, входил ли он в состав Скифского государства или представлял самостоятельное образование, до сих пор остается

⁵ Хазанов А. М. Социальная история скифов. Москва, 1975. С. 223—251.

дискуссионным. На нем мы остановимся особо. По этой причине нам иногда придется выходить за обозначенные границы Дона, так как его население и культура представляли лишь часть целого — огромной страны, которую греки называли Скифией, а затем Сарматией. Автор уверен, что познание любого явления возможно лишь на широком сравнительно-исто-

рическом фоне. Успешное археологическое изучение истории нашего края в скифо-сарматское время может обеспечить только комплексный подход, базирующийся на привлечении результатов анализа всех доступных исследователю видов источников: свидетельств античных авторов, данных археологии, антропологии, лингвистики, а в перспективе и палеогенетики.

Глава 2. НА РУБЕЖЕ БРОНЗОВОГО И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

В нашем крае процесс культурогенеза на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века имел много общего, но и свою специфику в сравнении с другими регионами восточноевропейской лесостепи. Не в последнюю очередь она была обусловлена большей открытостью донских ландшафтов. По Доно-Оскольскому водоразделу и особенно по Окско-Донской низменности степные языки глубоко вклинивались в лесостепь и достигали верховий Дона и берегов Оки. В начале I тыс. до н. э. они сделали доступными кочевникам большую часть этой территории.

На рубеже II—I тыс. до н. э. в Донской лесостепи, как, впрочем, и в других регионах степной и лесостепной полосы Евразии, происходят во многом еще неясные процессы, необратимо нарушившие сложившийся уклад жизни населения эпохи поздней бронзы. Наиболее зримо они проявились в сокращении, а затем и в полном исчезновении стационарных поселений, в резком уменьшении численности населения, в явной деградации его материальной культуры, в распаде сложившихся хозяйственно-культурных типов и «металлургических провинций», на которых базировались общности бронзового века. Во многом сходные явления наблюдались в это время по всей периферии древних евразийских цивилизаций. Некоторые из них (Микенская, Хеттская) погибают в результате вторжений разнотнического воинственного населения («народы моря», дорийцы, арии и др.). Именно для этой эпохи исследователи предполагают перемещение больших масс населения из Великой Евразийской степи и прилегающих к ней районов на юг, в зону древних цивилизаций⁶.

Конкретно-исторические проявления этих деструктивных процессов могли быть различными в разных регионах северной части Евразии. Однако практически повсеместный их характер и совпадение во времени заставляют задуматься о каких-то более универсальных причинах этого по существу всемирно-исторического явления в масштабах тогдашнего Древнего мира. По мнению большинства современных ученых, таковые следует искать, прежде всего, среди природно-климатических и производственно-технических причин.

Переходная эпоха от бронзы к железнному веку по времени совпала с завершением суббореального климатического периода. В настоящее время почти ни у кого не вызывает сомнений факт довольно резких изменений климата в сторону его ухудшения, достигших апогея на рубеже II—I тыс. до н. э.⁷ Эти изменения были обусловлены наступлением нового большого климатического цикла (примерно XII—VIII вв. до н. э.), который начался с общего похолодания при понижении увлажненности. На территории Восточной Европы на рубеже II—I тыс. до н. э. граница лесостепи отодвигается к югу почти на ползоны, южнее формируются ландшафты так называемых «холодных степей».

Ухудшение привычных природно-климатических условий не могло не сказаться на хозяйстве и жизни различных племен. Судя по имеющимся данным, оно сильно затронуло и территорию нашего края. Даже на Верхнем Дону палеопочвоведы обнаружили свидетельства резкого иссушения почв в самом

⁶ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Москва, 1970 ; Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. Москва, 1994.

⁷ Хотинский Н. А. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. Москва, 1982. С. 142—148 ; Борисенков Е. П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. Москва, 1988. С. 42—49 ; Веклич М. Ф. Основы палеоландшафтоведения. Киев, 1990. С. 15, рис. 5.

начале I тыс. до н. э.⁸ Палеогеографами установлено, что в переломные природно-климатические рубежи природная обстановка находилась в крайне неустойчивом состоянии⁹. Участвовавшие засухи в сочетании с сокращением вегетативного периода из-за наступившего похолодания привели к существенному уменьшению естественной кормовой базы для пастушеского скотоводства. С природно-климатическими переменами связывают финал степных культур эпохи поздней бронзы, в частности срубной, не пережившей конца климатического оптимума. Люди были вынуждены или покинуть родные края, или адаптироваться к новым суровым условиям.

В настоящее время благодаря новым раскопкам стали приобретать большую ясность этнокультурные процессы в лесостепном Подонье в эпоху, непосредственно предшествующую наступлению железного века¹⁰. Об этом кратко шла речь в предшествующем разделе,

где упоминались такие культуры финальной бронзы, как постсрубная с валиковой орнаментацией, бондарихинская и недавно открытая культура, близкая белозерской. Однако в них еще нет никаких признаков наступления железного века.

С другой стороны, самый ранний горизонт памятников начала железного века, выделенный на Среднем Дону, не обнаруживает генетических истоков в указанных культурах финальной бронзы. Это курганные погребения позднейшего предскифского периода, предшествующие распространению здесь курганных могильников и городищ среднедонской культуры скифского времени. Некоторые из них были раскопаны еще П. Д. Либеровым в конце 50-х — начале 60-х годов прошлого века (отдельные погребения в Частых и Мастюгинских курганах), но тогда он включил их в Свод памятников среднедонской культуры скифского времени и датировал VIII—VII вв. до н. э.¹¹

Глава 3. НАСТУПЛЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Вопрос о начале раннего железного века помимо общеисторического имеет региональный аспект, хотя бы в силу того, что в различных районах он наступает в разное время. В результате взаимодействия перечисленных природно-климатических факторов весьма существенно сужается естественная база для традиционного комплексного хозяйства лесостепных племен эпохи поздней бронзы, возрастает подвижность населения. Эти явления сейчас хорошо фиксируются археологами в Донской лесостепи. С конца II тыс. до н. э. здесь прослеживается явная тенденция к резкому сокращению количества стационарных поселений. Если для срубной культуры XVI—XII вв. до н. э. в лесостепном Подонье известно более тысячи поселений, то стоянок финальной бронзы конца II — начала I тыс. до н. э. учтено около полусотни, а позднее они здесь вообще неизвестны. Не менее разительная кар-

тина выявляется и по погребальным памятникам: на более чем тысячу исследованных погребений срубной культуры на нашей территории приходится едва ли более трех десятков захоронений и кладов переходного времени.

Сейчас эти перемены трудно квалифицировать иначе, как экологическую и экономическую катастрофу. Одним из важнейших ее последствий была вынужденная перестройка экономики, завершившаяся распространением не только в степи, но и в лесостепи нового хозяйственно-культурного типа — *кочевничества*. Нужно заметить, что с этого времени и на протяжении всего раннего железного века оно играло определяющую роль в хозяйстве и жизни всего или части населения изучаемого региона.

Кризисные явления в жизни лесостепных племен на рубеже II—I тыс. до н. э., видимо, не в последнюю очередь были обусловлены и производственно-техническими причинами, прежде всего упадком бронзовой индустрии¹². Из-за особенностей ее сырьевой базы она мог-

⁸ Александровский А. Л. Палеоэкология восточноевропейской лесостепи в голоцене по данным междисциплинарного анализа новых археологических памятников // Тез. докл. науч. конф., посвящ. М. П. Трунову. Липецк, 1995. С. 34.

⁹ Хотинский Н. А. Указ. соч. С. 144.

¹⁰ Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. Москва, 1999. С. 18—19.

¹¹ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1—31. Москва, 1965. С. 24, 28, табл. 2, 206—209, 215.

¹² Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. Москва, 1976. С. 198—202.

ла успешно существовать лишь при наличии доступных источников металлов и стабильных связей с горно-металлургическими центрами, производившими медь и олово. Уменьшение объема поставок металла в результате нарушения традиционных связей приводило к чрезвычайно серьезным последствиям, которые в первую очередь затрагивали уровень производительных сил и обороноспособность древних обществ. В этих условиях люди вынуждены были экономно относиться к металлу, что проявлялось в заметном сокращении ассортимента изделий из бронзы, уменьшении их размеров и даже частичной замене костью и камнем¹³.

Именно эти явления наблюдались в культурах заключительного этапа эпохи бронзы Донской лесостепи, не обладавших собственными рудными источниками, — финальной срубной (так называемой «валиковой керамики») и бондарихинской. Поэтому в них полностью отсутствуют крупные изделия из бронзы и в то же время получают довольно широкое распространение каменные изделия, в частности кремневые серпы и даже кремневые наконечники копий¹⁴. В предшествующее срубное время и те, и другие отливали из бронзы.

В условиях резкого сокращения и деградации металлургии бронзы люди рано или поздно должны были перейти к использованию другого металла — железа, известного на Юге Восточной Европы с середины II тыс. до н. э. Видимо, племена срубной культурно-исторической общности первыми приступили к плавке железной руды. В настоящее время насчитывается не менее восьми находок мелких железных изделий или следов их производства на поселениях лесостепной срубной культуры. Так, на Мосоловском поселении, где вскрыта площадь более 10 тыс. м², найдено всего два железных шила.

Известно, что по сравнению с бронзой первое железо обладало более низкими рабочими качествами. К тому же сама технология изготовления железных изделий путем горячей

ковки требовала более трудоемких операций, нежели бронзовое литье. Поэтому при наличии необходимого количества бронзы железо крайне редко использовалось населением для практических целей. Скорее всего, внедрение нового металла было связано не с расцветом бронзолитейного производства, а, напротив, с его кризисом¹⁵. Одна из причин столь медленного внедрения железа в хозяйство и культуру лесостепного населения рубежа II—I тыс. до н. э., вероятно, кроется в особенностях традиционной психологии людей той эпохи. Им не было свойственно стремление к улучшению хозяйства и орудий труда до тех пор, пока к этому не вынуждали суровые обстоятельства, прежде всего, изменения окружающей среды. Другая причина состояла в невысоких рабочих качествах первых железных изделий. По твердости кричное железо в два раза мягче оловянистой бронзы. Поэтому изделия из него обладают худшими рабочими качествами. Поэтому только после открытия способов карбонизации («науглероживания») железа, то есть искусственного повышения содержания углерода в металле, изделия из него в результате соответствующей обработки приобретали неоспоримые преимущества перед бронзой.

Как показали специальные металлографические исследования, период первичного освоения железа закончился на Юге Восточной Европы лишь к концу IX — VIII вв. до н. э.¹⁶ Именно в это время здесь появились первые изделия не только из железа, но и стали. Они быстро изменили практически всю материальную культуру и в конечном итоге обусловили многие принципиально важные отличия археологических культур железного века от культур эпохи бронзы. Новый металл в первую очередь стал использоваться для изготовления оружия, прежде всего мечей и кинжалов. Появление меча открыло на Юге Восточной Европы «героическую» эпоху: «Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»¹⁷. Судя по имеющимся данным, эта эпоха наступила в нашем крае к VIII в. до н. э.

¹³ Бочкарев В. С. Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве // Преемственность и инновации в развитии древних культур: мат. методологического семинара Ленинградского отделения Института археологии. Ленинград, 1981. С. 22—27.

¹⁴ Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. С. 256, рис. 67, 11—19.

¹⁵ Бочкарев В. С. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ Шрамко Б. А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе: доскифский период // СА. 1977. № 1. С. 72.

¹⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. Изд. 2. Москва, 1961. С. 164.

Глава 4. ПРЕДСКИФСКИЙ ПЕРИОД НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Решающий шаг в открытии погребений предскифского времени сделал Ю. П. Матвеев в 80-х гг. прошлого века. В погребении 1 кургана 2 у с. Чурилово он обнаружил впускное захоронение с серолощенной корчагой, а в погребении 2 кургана 4 — бронзовый нож так называемого камышевахского типа. Изучение этих материалов позволило выделить серию погребений позднейшего предскифского времени на Среднем Дону (рис. 58)¹⁸.

Погребения позднейшего предскифского времени встречены не только на Среднем, но и отчасти Верхнем Дону. Все они, за исклю-

чением одного (Засосенки), впущены в курганы эпохи бронзы. Этим они существенно отличаются от погребений среднедонской культуры более позднего времени, которые, как правило, были основными в курганах. Предскифские захоронения поодиночке рассеяны в степи и лесостепи и нигде не образуют курганных могильников. Их малочисленность и рассредоточенность по большой территории, как и отсутствие следов поселений, указывает на очень подвижный образ жизни, свойственныйномадам степи на начальной стадии кочевания¹⁹.

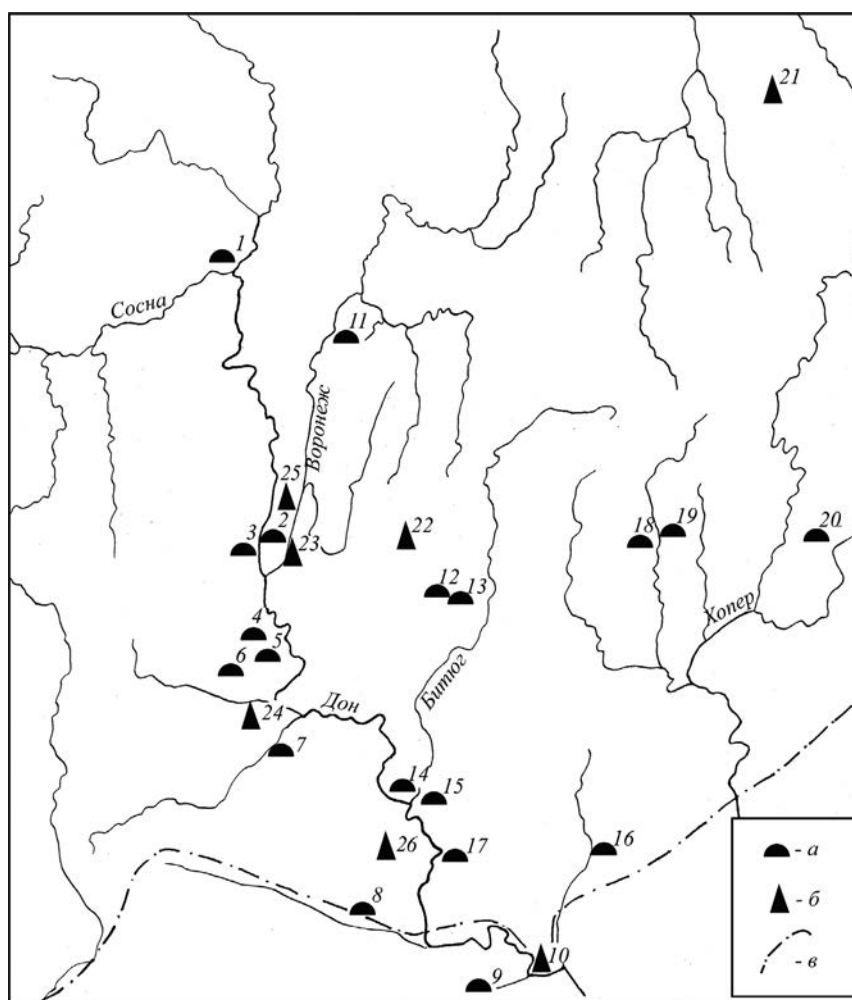

Рис. 58. Карта основных памятников предскифского периода на Среднем Дону:

а — погребение, б — случайная находка, в — граница лесостепи

1 — Засосенки; 2 — Частые Курганы; 3 — Подклетное; 4 — Мاستюгино; 5 — Болдыревка; 6 — Заречье; 7 — Ближнее Стояново; 8 — Архиповка; 9 — Вerveковка; 10 — Ст. Толучеева; 11 — Филатовка; 12 — Левашовка; 13 — Старая Тойда; 14 — Иванов Бугор; 15 — Таганский; 16 — Пески; 17 — Александровка-Донская; 18 — Чурилово; 19 — Власовка; 20 — Губари; 21 — Навки; 22 — Хлебное; 23 — Воронеж; 24 — Ездоцкое; 25 — пос. Чертовицкое VI; 26 — Саприно.

¹⁸ Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. Москва, 1999. С. 18—19.

¹⁹ Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Москва, 1982. С. 14—17.

Господствующий обряд захоронения — трупоположение. Лишь в курганах у сел Левашовка и Пески открыты неполные трупосожжения на месте. Единственный тип погребального сооружения — грунтовая могила, как правило, впущенная в курганный насыпь. Для большинства погребений характерно захоронение на спине, вытянуто, но встречаются погребения в слабо скорченном положении с завалом на левый или правый бок. Подавляющее большинство погребений отличается западной ориентировкой погребенных с отклонениями. Другие особенности обряда не фиксировались, если не считать каменную забутовку погребения (Пески) и обкладку дна (Засосенки) или стенок могилы (II Богучарский могиль-

ник) плоскими камнями. Эти признаки погребального ритуала свидетельствуют об их близости погребальной обрядности степного населения позднейшего предскифского периода. При этом абсолютное большинство захоронений по обряду соответствует традициям погребений новочеркасского типа VIII — начала VII в. до н. э. Лишь скорченное погребение на левом боку с восточной ориентировкой из Таганского могильника обнаруживает определенную близость черногоровскому ритуалу.

Для определения культурно-хронологической принадлежности предскифских погребений больше информации дает сопровождающий инвентарь и, прежде всего, лепная глиняная посуда (рис. 59).

Рис. 59. Образцы керамики предскифского времени

4.1. Керамика. Среди нее встречаются единичные сосуды, в которых прослеживаются традиции эпохи поздней бронзы. Некоторые из них практически не отличаются от срубных банок. Подобные сосуды довольно часто входили в комплексы предскифского времени Нижнего Дона. В Частых курганах (кург. 21 п. 1) небольшой сосуд типа банки встречен вместе с большой хорошо профилированной корчагой (рис. 60, 1, 2). Некоторые сосуды, возможно, представляют так называемые переходные типы к керамике раннего железного века (рис. 59, 1; 60, 3, 4).

Традиции эпохи поздней бронзы проявляются в орнаментации отдельных сосудов гребенчатым штампом, образующим ряд из треугольников, например, у кувшина из Ивановбурского могильника (рис. 60, 9). Но особенно интересна серолощенная корчага из Чурилово, украшенная по плечикам поясом геометрического орнамента, нанесенного гребенчатым штампом (рис. 59, 2; 60, 6). По углам треугольников имеются характерные вдавления трубочки небольшого диаметра. Подобные сосуды известны в предскифских погребениях Причерноморья²⁰ и Центрального Предкавказья²¹.

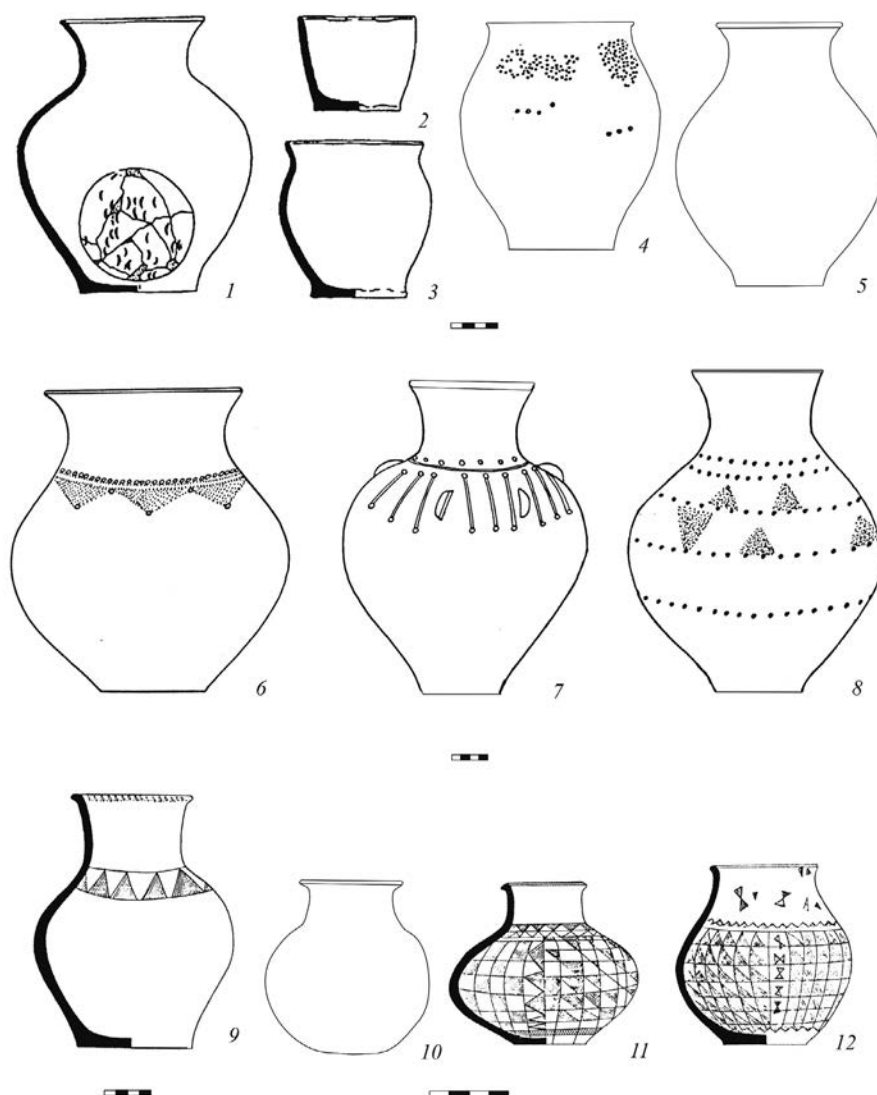

Рис. 60. Керамический комплекс погребений предскифского периода на Среднем Дону:
1, 2 — Частые курганы к. 21 п. 1; 3 — Старая Тойда к. 3 п. 6; 4 — Мاستюгино к. 7/28 п. 1;
5 — Левашовка к. 1. п. 4; 6 — Чурилово к. 2. п. 1; 7 — Мастюгино к. 12/14 п. 1; 8 — Засосенки к. 2;
9 — Иванов Бугор п. 23; 10 — Богучарский II к. 1. п. 3—4; 11 — Подклетное к. 18 п. 2;
12 — Губари к. 3. п. 6

²⁰ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. Рис. 2, 4; 3, 13; 27, 5.

²¹ Махортых С. В. Культура та історія киммерійців Північного Причерномор'я. Киев, 2008. Рис. 52, 3, 4.

Однако в среднедонских погребениях предскифского времени абсолютно преобладали другие сосуды, отличающиеся сложной профилировкой. Прежде всего, это высокие вазообразные сосуды с округлым туловом, характерным блоковидным горлом и узким дном (рис. 59, 3; 60, 7—8), а также кувшины без ручек (рис. 60, 9). По форме и геометрическому орнаменту, а также вертикальным налпам, вазы близки керамическому инвентарю из погребений предскифского времени на Нижнем Дону²².

В четырех погребениях встречены лощенные кубки с округлым (рис. 60, 10), но чаще уже с плоским дном (рис. 60, 11—12). Последние украшены по тулову врезным «шахматным» орнаментом (рис. 59, 4; 60, 11, 12). Если неорнаментированные кубки более характерны для черnogоровских погребений, то остальные близки кубкам новочеркасского типа. Основными элементами орнамента являются заштрихованные и незаштрихованные квадраты и треугольники, чередующиеся в шахматном порядке. Расцвет такой орнаментальной традиции наблюдается в памятниках «жаботинского горизонта» Днепровского правобережья²³.

Абсолютное доминирование среди погребального инвентаря сосудов для напитков весьма сложной профилировки резко отличает керамический комплекс позднейших предскифских погребений от захоронений лесостепных культур предшествующей эпохи. Скорее всего, за указанным явлением скрывается не просто смена моды, а принципиально важные изменения хозяйственно-культурного типа этого населения, связанные с переходом к кочевому скотоводству. Для последнего характерно увеличение в пищевом рационе доли жидких, в первую очередь, молочных продуктов. С этого времени и вплоть до конца раннего железного века в курганных погребениях Среднего Дона посуда для питья будет занимать исключительно важное место.

4.2. Металлический инвентарь немногочислен и представлен главным образом случайными находками (рис. 61, 1, 3, 5, 7—15). Тем не менее он служит весьма надежным

показателем наличия на Среднем Дону предскифского комплекса. Бронзовый однолезвийный нож с горбатой спинкой и пластинчатым черешком для рукояти из кургана 4 у хут. Чурилово принадлежит так называемому камышевахскому типу (рис. 61, 4). Он характерен для погребений черnogоровской ступени Северного Причерноморья IX — 1-й пол. VIII в. до н. э.²⁴

Другой бронзовый нож найден у с. Дубрава Богучарского района Воронежской области — также однолезвийный с горбатой спинкой, отличается заметным уступом при переходе от лезвия к черешку прямоугольной формы и по этому признаку близок второму варианту протомеотских ножей (рис. 61, 5)²⁵. Третий нож сибиро-казахстанского типа длиной 17 см найден в погребении у с. Монастырщина (рис. 61, 6). У него большой пластинчатый черешок с отверстием для подвешивания; конец лезвия характерно изогнут. Истоки этого типа ножей ищут в культурах финальной бронзы Южной Сибири IX—VIII вв. до н. э. Нельзя не обратить внимание на то, что, в отличие от двухлезвийных ножей эпохи бронзы, все ножи раннего железного века однолезвийные.

Оружие представлено единичными находками бронзовых двулопастных наконечников стрел. Наконечник стрелы из погребения в Песках (рис. 61, 2) близок килевидным с длинной втулкой, найденным в погребении 34 у Кисловодской фабрики. По комплексу В. Б. Виноградов датировал его не позже первой половины VII в. до н. э. Двулопастной наконечник стрелы с ромбической головкой и длинной втулкой из с. Хлебное (рис. 61, 3) принадлежит хорошо известному новочеркасскому типу наконечников.

Из окрестностей с. Ездоцкое происходят бронзовые двукольчатые удила с подвесками кобанского типа (рис. 61, 7). Принято считать, что этот тип удил попал в Северное Причерноморье с территории Кавказа одновременно с киммерийцами или как результат экспансии кавказцев периода ранних «киммерийских» походов²⁶.

²² Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 24, рис. 7, 10.

²³ Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. Киев, 2011. С. 411.

²⁴ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 161, рис. 19, 1.

²⁵ Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Москва, 2007. С. 152, рис. 213, 1, 3.

²⁶ Там же. С. 117.

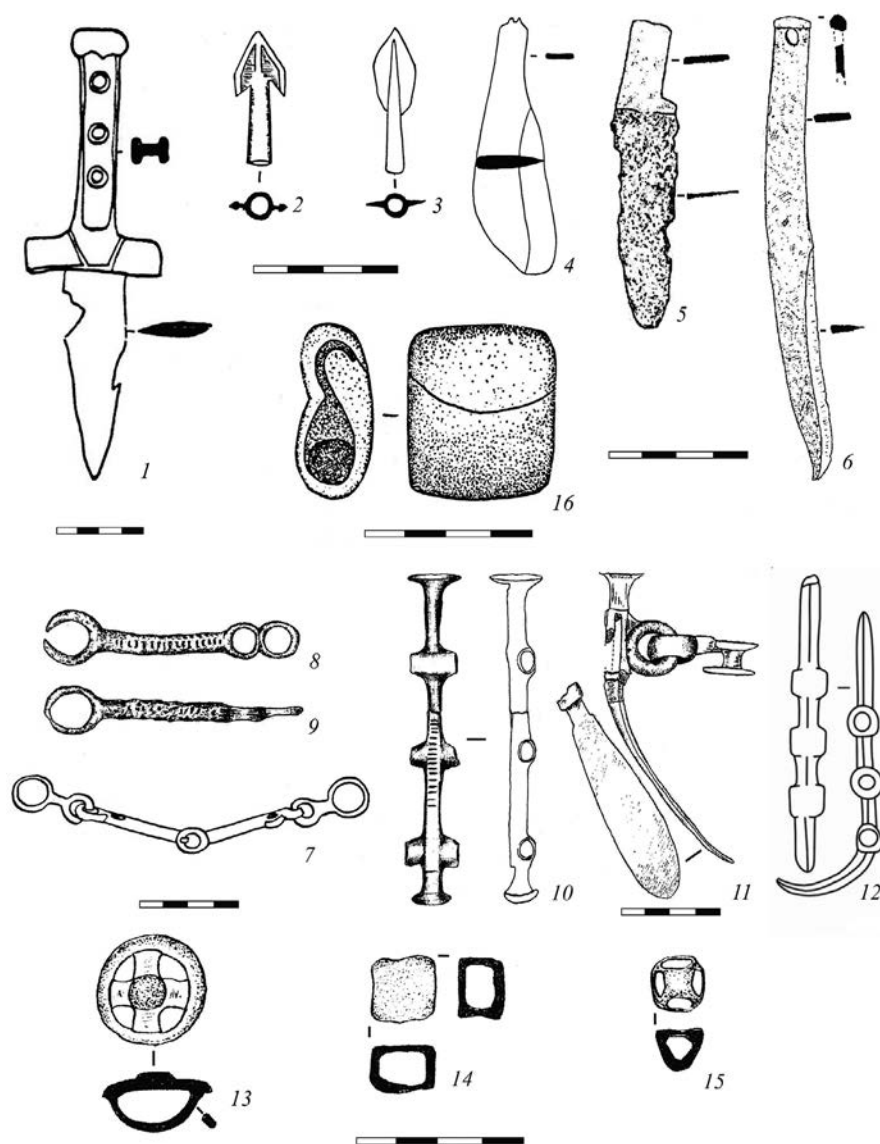

Рис. 61. Металлический и иной инвентарь предскифского периода на Среднем Дону:
1 — с. Навки; 2, 16 — Пески к. 1 п. 1; 3 — с. Хлебное; 4 — Чурилово к. 4 п. 2; 5 — Дубрава;
6 — Монастырщина к. 3; 7 — с. Ездоцкое; 8, 9, 11, 13—15 — находки у с. Мастюгино; 10 — пос. Красный;
12 — сл. Старая Толучеева. 1 — бронза, железо, 2—15 — бронза; 16 — кость

К конской упряжи относятся случайные находки звеньев бронзовых удиц (рис. 61, 8—9), а также бронзовые бляхи и подвески, в том числе в виде колесиков (рис. 61, 13). Псалии представлены тремя случайными находками. Бронзовый стержневидный трехдырчатый псалий найден на поле у пос. Красный Бобровского района (рис. 61, 10). По характерному оформлению его окончаний и отверстий с муфтообразными выступами он принадлежит так называемому цимбальскому типу. Другой бронзовый псалий найден вместе с фрагментом бронзовых удиц в окрестностях с. Мастюгино (рис. 61, 11). Верх его стержня имеет шляпку, нижний конец изогнут и раскован в виде лопасти. Он относится к псалиям типа 4 Енджа-Константиновка, не-

подвижно скрепленным со звеньями удиц²⁷. Их датируют концом VIII — первой половиной VII в. до н. э.²⁸ Третий бронзовый псалий с тремя круглыми отверстиями, оформленными утолщениями-муфтами, происходит из сборов у сл. Ст. Толучеева (рис. 61, 12). Он принадлежит переходному типу от классических новочеркасских к раннескифским и датируется первой половиной VII в. до н. э.²⁹

²⁷ Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. С. 120—121, рис. 180.

²⁸ Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. Москва, 2009. С. 72.

²⁹ Эрлих В. Р. Указ. соч. С. 129—130, рис. 192, 6, 9.

4.3. Изделия из других материалов встречались крайне редко. Из погребения в Мاستюгино (к. 7/28, п. 1) происходят блюдо или тщательно изготовленный растиральник из песчаника. Вместе с ним найден железный предмет, от которого сохранилась часть стержня. Оружие представлено лишь массивным железным наконечником копья из Подгоренского клада (рис. 62, 9). Среди инвентаря погребения в Песках было изделие, вырезанное из кости в форме сумки (рис. 61, 16).

Таким образом, большинство ранних погребений предскифского времени определено относится к новочеркасскому типу. Их можно датировать VIII — началом VII в. до н. э. Более ранние комплексы с инвентарем черноговровского типа единичны (Чурилово, Пески). К ним, скорее всего, принадлежат и погребения с керамикой переходных типов от эпохи бронзы к железнному веку.

4.4. Подгоренский клад (рис. 62). Весьма существенное дополнение к характеристике культуры населения Среднего Дона предскифского времени дал клад металлических вещей, открытый в 2016 г. жителем Подгоренского района Воронежской области³⁰. По словам находчика, все вещи обнаружены на правом берегу Дона в лесу между селами Саприно и Семейка (рис. 58, 26). В состав клада входят 10 предметов из бронзы.

1. *Псалии* — 2 экз. (рис. 62, 1, 2). Они практически идентичны и относятся к типу классических трехпетельчатых псалиев стержневидной формы с нижним концом в виде изогнутой лопасти и верхним, оканчивающимся круглой плоской шляпкой. Они всегда сочетались с двукольчатыми удилами (рис. 61, 7). Как один из основных типов конского снаряжения, трехпетельчатые псалии сложились на Северном Кавказе, пройдя длительный эволюционный путь. Датируются стержневидные трехпетельчатые псалии в основном в пределах второй половиной VIII — начала VII в. до н. э.³¹

2. *Кольца* — 2 экз. (рис. 62, 3, 4). Их можно отнести к браслетообразным кольцам без привесок, квадратным в сечении. Они хорошо известны по находкам в степи и лесостепи Восточной Европы, но особенно на Северном Кавказе. Од-

нако последующие находки «браслетов», часто в комплексе с предметами конской упряжи, позволили считать их предметами конского снаряжения. Это полностью подтвердили раскопки кургана Уашхиту в Адыгее в 1988 г., где в погребении металлические детали узды, в том числе браслетоподобные кольца, обнаружены *in situ* на костях четырех коней³². Они располагались на пристяжных лошадях и были связаны ремнями постромков. Это открытие впервые зафиксировало использование ранними кочевниками Северо-Западного Кавказа боевых колесниц ближневосточного типа. Они могли быть заимствованы киммерийцами во время их походов на Ближний Восток.

3. *Прорезные бронзовые круглые бляхи-колесики* с «мальтийским» крестом — 4 экз. (рис. 62, 5—8). Они выпуклые и имеют с оборотной стороны петлю для крепления на оголовье. Круг их находок в культурах предскифского времени в степи и лесостепи Восточной Европы весьма широк³³. Они синхронны вышеуказанным удилам и псалиям новочеркасского типа.

4. *Бронзовое колечко* с обломанными концами — 1 экз. Возможно, является фрагментом петли псалия или кольца псалия.

5. *Железный наконечник копья* (рис. 62, 9). Наконечник с высокой длинной втулкой, перо довольно короткое, лавролистной формы. По нему проходит выраженное ребро, как бы являющееся продолжением втулки. В последней ее трети имеются два круглых отверстия, находящихся напротив друг друга. Длина наконечника вместе с втулкой — 21 см. Наконечники копий редко встречаются в степных предскифских погребениях. Но они хорошо известны на Северо-Западном Кавказе, в частности в Старшем протомеотском могильнике у с. Николаевское в Адыгее, соответствующем черноговровским памятникам в степи.

В целом Подгоренский клад по составу близок предскифским погребениям лесостепной Украины у сел Бутенки и Квитки, хотя и не настолько полон. С. А. Скорый датирует подобные комплексы в рамках VIII в. до н. э., ближе к его концу, и связывает с первыми походами киммерийцев в Переднюю Азию в 714—700 гг. до н. э.³⁴ С ним солидарен С. В. Махортых, да-

³⁰ Медведев А. П. О начале раннего железного века на Среднем Дону // Археологія і давня історія України. Київ, 2019. Вып. 2. С. 92—101.

³¹ Махортых С. В. Культура та історія киммерійців Північного Причорномор'я. С. 9—23.

³² Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. С. 59—61.

³³ Махортых С. В. Указ. соч. С. 413, рис. 28, 17.

³⁴ Скорый С. А. Киммерийцы в украинской лесостепи. Киев, 1999. С. 61.

тирующий появление колесниц к северу от Главного Кавказского хребта временем после переднеазиатских походов. Видимо, и анализируемый комплекс с большой долей вероятности можно отнести ко времени, близкому к концу VIII в. до н. э. Очевидно, на территорию Среднего Подонья воин, оставивший клад,

проник из степей к северо-западу от Кавказа — региона формирования новочеркасской культуры. На сегодняшний день это наиболее представительный клад новочеркасского типа на Среднем Дону и первое свидетельство использования колесниц ранними кочевниками в нашем регионе.

Рис. 62. Находки предскифского времени:
1—9 — Подгоренский клад 2016 г.; 10 — подвеска-бубенец с поселения Чертовикское 6

Помимо Подгоренского клада следует отметить одну уникальную находку — бронзовый ажурный бубенец, происходящий с поселения Чертовицкое VI 1990 г. (рис. 62, 10). Он имеет обломанное в древности ушко для подвешивания, снизу — коническое окончание. Такие прорезные бубенцы появляются из Закавказья ближе к концу IX в., распространяются через причерноморские степи, но уже в первой половине VIII в. до н. э. выходят из употребления. Нашей находке наиболее близки, хотя полностью и не идентичны бубенцы круга «фрако-киммерийских» бронз типа Раданья в Македонии³⁵. Это еще одно свидетельство появления ранних кочевников,

осваивавших лесостепное Подонье в начале железного века.

Итак, проведенный выше анализ древнейших свидетельств о первых кочевниках на Среднем Дону позволяет сделать вывод, что по характеру памятников (отдельные впускные погребения в более ранние курганы, не образующие могильников), инвентарю они в большей степени близки новочеркасским и в единичных случаях погребениям черноговровского типа степной зоны. Они непосредственно предшествовали раннескифским памятникам. Все это в контексте третьего рассказа Геродота о происхождении скифов позволяет рассматривать их в рамках киммерийской проблемы.

Глава 5. ПРОБЛЕМА КИММЕРИЙЦЕВ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

К сожалению, сведения о народе киммерийцев в ближневосточных и античных источниках крайне скудны. Впервые их имя упоминает Гомер в «Одиссее» еще во второй половине VIII в. до н. э.: где-то у «предела глубоководного Океана. Там народ и полис людей киммерийских» (XI, 14). С этого же времени отрывочные сведения о киммерийцах появляются в клинописных ассирийских источниках времени Саргона II (около 714 г. до н. э.), когда они уже совершали грабительские походы в Переднюю Азию. Там их этноним писцы записали как «*гиммира*», где слышится та же основа, что и в греческом этнониме «*киммерия*». Скорее всего, это название киммерийцы получили в Малой Азии как производное от хеттского слова *гиммарас* — «степь». В таком случае получается, что киммерийцы — это прозвище, и означает оно что-то вроде «*степняки*», что хорошо согласуется с внешним обликом конных воинов и их тактикой во время походов на Ближнем Востоке.

В свое же время крупнейший советский востоковед И. М. Дьяконов, проанализировав упоминания киммерийцев в ближневосточных источниках, пришел к заключению, что «киммерийцы»-*гиммираи* — это историческая фикция³⁶. В клинописных текстах этим сло-

вом обозначался просто «*конный подвижный отряд*» без уточнения его этнического содержания. По его мнению, в этническом отношении они были близки или идентичны ранним скифам. Эту точку зрения недавно приняли и развили некоторые российские специалисты (А. Ю. Алексеев, А. И. Иванчик и др.)³⁷. Взамен традиционной концепции, связывающей с киммерийцами памятники черноговровского и новочеркасского типа причерноморских степей, они попытались увязать с последними два открытых в Турции погребения с инвентарем раннескифского облика середины VII в. до н. э. (Норшунтепе и Имирлер)³⁸. Этим, по существу, и ограничилась археологическая база новой гипотезы. Она не объясняет факта раз-

личные проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). Москва, 1981. С. 90—100.

³⁷ Более подробный критический анализ «новой» концепции киммерийской проблемы см.: Медведев А. П. О некоторых источниковедческих проблемах начала скифской истории // Археологія і давня історія України. Київ, 2018. Вып. 2. С. 409—416.

³⁸ Алексеев А. Ю. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. Санкт-Петербург, 1993 ; Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. Москва, 2001.

³⁵ Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Москва, 2001. С. 226, рис. 110, 1.

³⁶ Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Эт-

личного наименования киммерийцев и скифов в ассирийских и вавилонских источниках — те их хорошо различали. Но главное, она оставляет без этнонима сотни погребений позднейшего предскифского периода на Юге Восточной Европы черноговровского и новочеркасского типов, хотя решение напрашивается само — в Северном Причерноморье предскифские древности не позже середины VII в. до н. э. исчезли, зато появились курганы с раннескифским культурным комплексом.

Наиболее подробные сведения о киммерийцах оставил «отец истории» Геродот. В третьем рассказе о происхождении скифов он излагает общее для эллинов и варваров предание: *«Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю (именно ее теперь и населяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам...)»* (История: IV, 11). Для подтверждения древности обитания этого народа в северопонтийском регионе «отец истории» приводит так называемую «киммерийскую топонимию». Он называет здесь *Киммерийские стены, Ким-*

мерийские переправы, страну Киммерия, Боспор Киммерийский (История: IV, 12).

Таким образом, древнейшая локализация киммерийцев в Северном Причерноморье принадлежит «отцу истории», опирается на скифское предание об «обретении родины» и киммерийскую топонимию, хотя следует помнить, что историк жил спустя три века после описываемых событий. Но у него киммерийцы выглядят вполне реальным, живым народом, вытесненным из Причерноморья пришельцами-скифами.

Ученые спорят об этнической принадлежности киммерийцев, но лингвистических данных для заключения о языке этого народа крайне мало. Установлен лишь факт их генетического отличия от срубников и наличия признаков восточного происхождения из Центральной Азии (карасукская культура). Большинство российских археологов традиционно считают киммерийцев ираноязычными, хотя есть сторонники и фракийской принадлежности этого народа. Как бы то ни было, на Среднем Дону сейчас известна серия погребений, оставленных древнейшим народом нашей страны, имя которых сохранила история — *киммерийцы*.

Глава 6. ВЕРХНЕЕ ПОДОНЬЕ В НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Иные процессы проходили в начале I тыс. до н. э. на Верхнем Дону. Постепенно завершался засушливый период, его сменила эпоха, начальная фаза которой сопровождалась повышенной увлажненностью и понижением температуры воздуха, что нашло отражение в «Истории» Геродота. Он утверждает, что *«эта страна (то есть Скифия — А. М.) отличается необычайно холодными зимами; здесь в течение восьми месяцев мороз такой нестерпимый, что если в это время разлить воду, то грязи не получишь»* (История: IV, 28). Разумеется, здесь явно сказывается преувеличение суровости климата Скифии, его восприятие человеком из теплой южной страны. Но, несомненно, большая доля истины в этой оценке есть.

В результате природно-климатических перемен поднялся уровень воды в реках и повысилась влажность, расширились лес-

ные массивы не только в долинах, но и на водоразделах. Свидетельство Геродота подкрепляет тот факт, что холодоустойчивые леса, включавшие даже ель, продвинулись на юг по долинам больших рек — Дона, Воронежа, Хопра³⁹.

Эти изменения природно-климатической обстановки создали естественные предпосылки для расселения в Подонье в начале железного века групп населения, хозяйственный уклад которых соответствовал новым природным условиям. Сейчас здесь выявляется не менее двух последовательных волн миграций на юг северных лесных племен.

³⁹ Грищенко М. Н. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. Москва, 1976. С. 212.

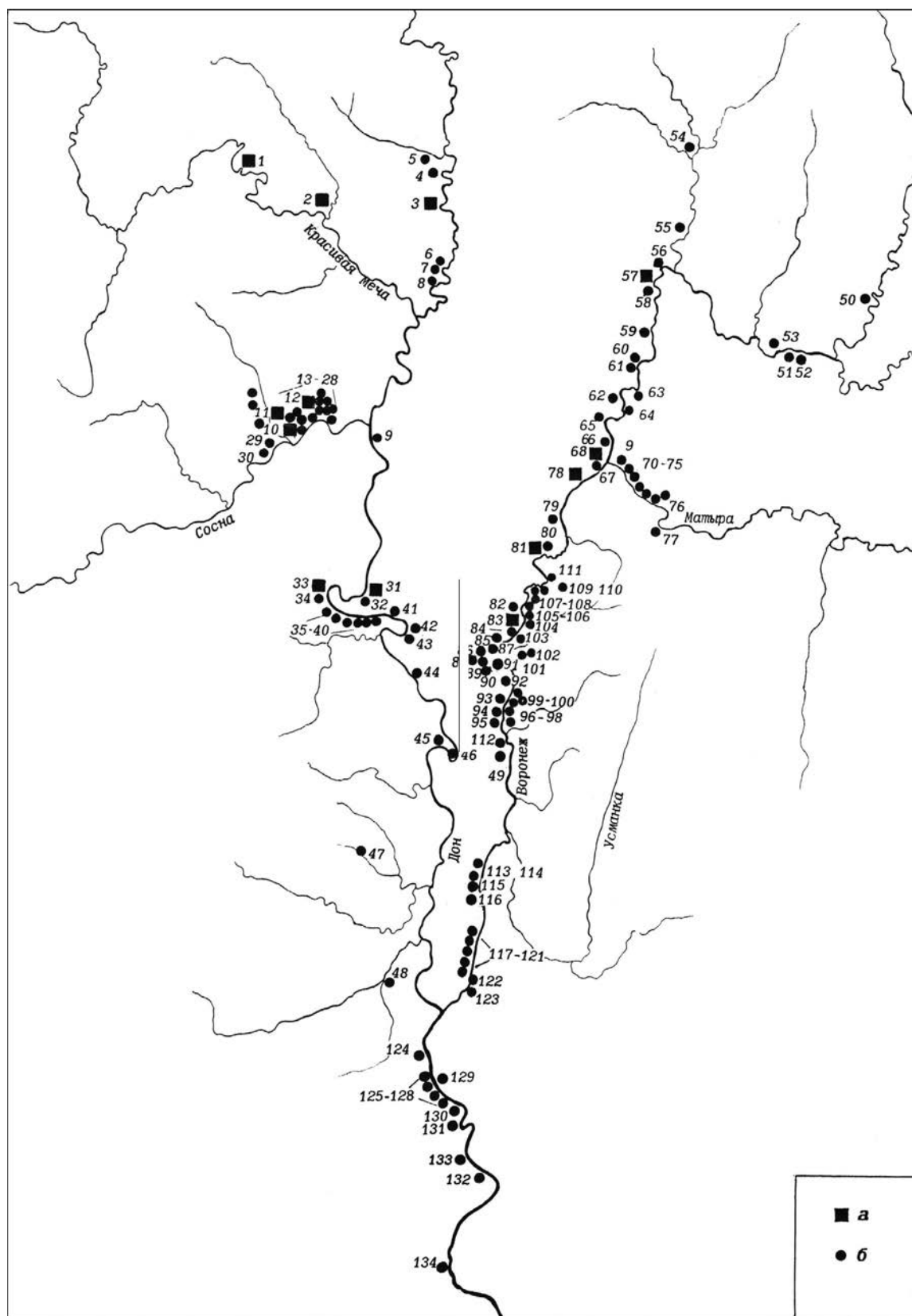

Рис. 63. Карта памятников с сетчатой и «рогожной» керамикой на Дону и Воронеже:

a — городища; *b* — поселения: 1 — Дубики; 2 — Скородное; 3 — Перехваль; 4 — Ново-Никольское; 5 — Солнечный 2; 6 — Лебедянская птицефабрика; 7 — Покрово-Инвалидная 5; 8 — Покрова-Казачья; 9 — Каменка Верховская; 10 — Воргол; 11 — Рябинки; 12 — Александровское; 13–28 — поселения в Ельце и его окрестностях; 29 — Нижний Воргол; 30 — Глушица; 31 — Верхнее Казачье (гор.); 32 — Верхнее Казачье (пос.); 33 — Каменка («курган»); 34 — Каменка Задонская; 35–40 — Замятина: пос. 3, 5, 7, 10, 11, 13; 41 — Казачья Сторона; 42 — Даньшино 4; 43 — Даньшино 10; 44 — Елецкое Маланино; 45 — Донская Негачевка 1; 46 — Кривоборье; 47 — Губарева; 48 — Чаусовка; 49 — Пекшево; 50 — Изосимовское; 51–52 — Старое Торбево: пос. 1 и 2; 53 — Большое Лаврово; 54 — Кли-

мово; 55 — Колыбельское; 56 — Студеновка 3; 57 — Гудовское (гор.); 58 — Делеховое 2; 59 — Доброе; 60—61 — Богородицкое: пос. 1 и 2; 62 — Кузьминка; 63 — Горица; 64 — Желтые Пески; 65 — Никольское; 66—67 — Липецк, пос.; 68 — Липецк (гор.); 69 — Мелкий Брод; 70—75 — поселения в устье р. Матыры: Рыбное Озеро 1 и 2, Сокольское, Бугор, Наташа; 76 — Егупов Хутор; 77 — Грязи; 78 — Сырское (гор.); 79 — Пады 4; 80 — Крутогорье; 81 — «Малый Липяг» (гор.); 82 — Бригантина 2; 83 — Вербилово (гор.); 84 — Вербилово, пос. 8; 85 — Малинина 5; 86 — Мечковская Балка 2; 87 — Стерляговка 7; 88 — Малый Мечек; 89 — Вертячье 1; 90 — Вертячье 2; 91 — Вертячье (гор.); 92 — Курино 1; 93 — Подгорное 1; 94 — Плещеево 1; 95 — Синдякино 2; 96—98 — Излегоще: пос. 10, 21, 29; 99—100 — Савицкое: пос. 1 и 8; 101—102 — Лесохимический участок: пос. 17, 18; 103 — Первомайский кордон 4; 104 — Малининский кордон 5; 105—106 — Вербиловский кордон: пос. 2 и 5; 107—108 — устье Кривки: пос. 4 и 5; 109—110 — Колодецкое лесничество: пос. 3 и 7; 111 — Гудовское лесничество 6; 112 — Глушицы 2; 113—114 — Чертовицкое: пос. 3 и 6; 115 — Чертовицкая стоянка; 116 — Рыбачий кордон (гор.); 117—121 — поселения в черте г. Воронежа; 122 — Шиловое; 123 — Таврово; 124 — Рудкино; 125—128 — Костёнки: пос. IV, VI, VIII, XIII; 129 — Погоново Озеро; 130 — Боршевское III; 131 — Боршевское VI; 132 — Титчиха; 133 — Нижнесторжевская стоянка; 134 — Мостище (гор.)

6.1. Памятники с сетчатой керамикой

С первой волной связано распространение в Верхнем Подонье и Воронеже поселений с «текстильной», или сетчатой, керамикой.

Наиболее изученное поселение этой новой группы населения было открыто в ниж-

нем слое Пекшевского городища на р. Воронеж (рис. 64, а). Основную массу находок составляет лепная керамика. Поверхность сосудов серая, иногда почти черная с коричневатым оттенком (рис. 65).

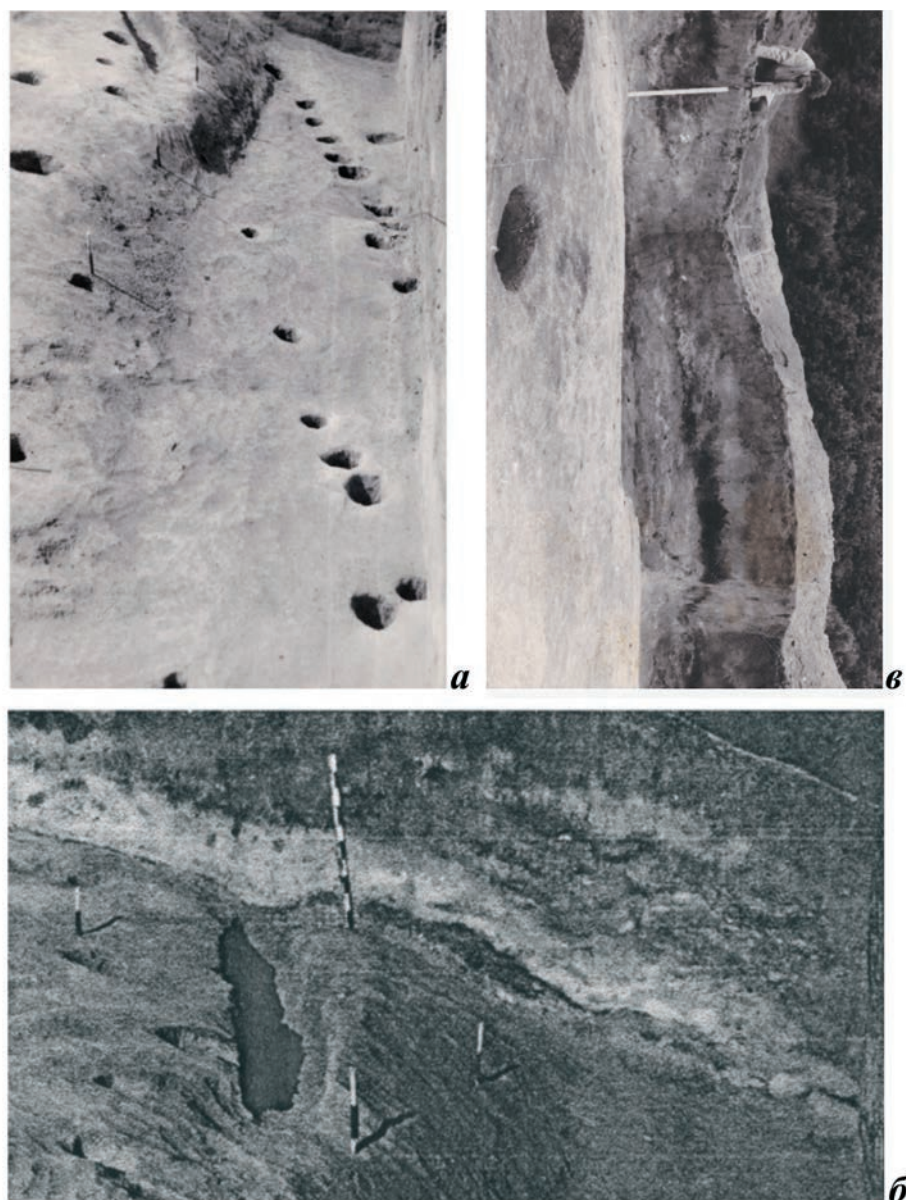

Рис. 64. Городище Пекшево. Следы древнейшего поселения (а) и разрезы его культурного слоя (б. в)

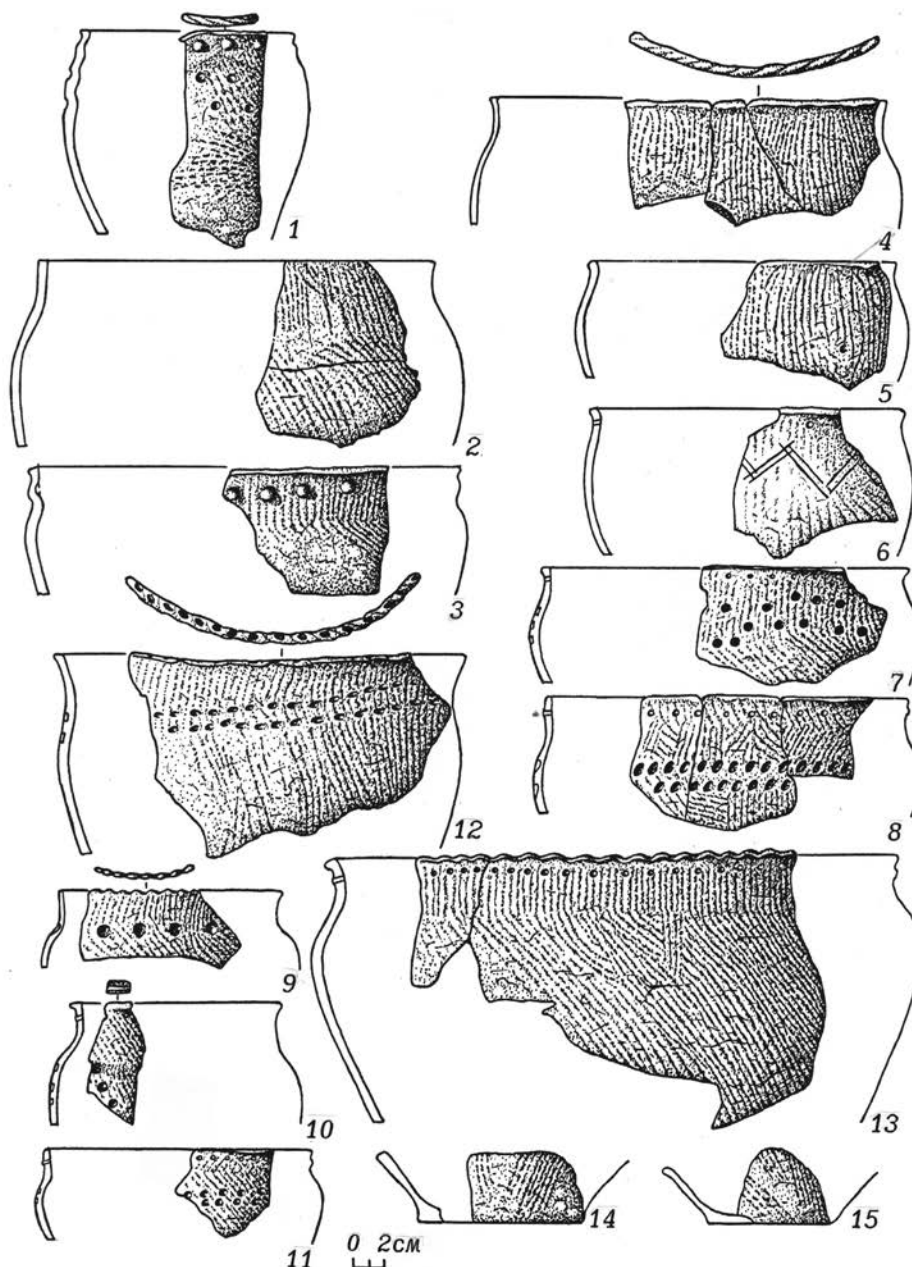

Рис. 65. Городище Пекшево. «Текстильная» сетчатая керамика из нижнего слоя

Отличительной особенностью этой посуды являются оттиски ткани, иногда покрывающие всю поверхность сосуда (рис. 65). Большинство из них слабопрофилированные, хотя встречаются и горшки. По плоскому срезу венчика почти всегда имеются оттиски той же ткани, ниже орнамент представлен рядом «жемчужин» в результате вдавления изнутри палочкой по сырой глине (рис. 65, 3), круглых вдавлений и сквозных и несквозных проколов, нанесенных как снаружи, так и изнутри (рис. 65, 7—13). У некоторых сосудов по венчику появляется защитной орнамент, характерный для лесостепных скифоидных культур (рис. 65, 13).

Среди костяных изделий преобладают проколки крупных размеров (рис. 66, 1—2), кочедыки для плетения сетей (рис. 66, 4—7). Скорее всего, для той же цели применялись крупные иглы с тупым или слегка загнутым концом (рис. 66, 3). Костяные наконечники копий или дротиков изготовлены из расколотых пополам костей диких животных (рис. 66, 8—9). Особо следует отметить находку костяного гарпуна с муфтой и обломанным в древности острием (рис. 66, 10). Им добывали крупную рыбу или зверя, живущего в воде. Находки подобных гарпунов известны в нижних слоях дьяковских городищ лесной зоны. Костяные иглы применялись для шитья одежды (рис. 66, 16—17).

Рис. 66. Городище Пекшево. Костяной инвентарий из нижнего слоя

По своему набору весьма любопытны костяные наконечники стрел: черешковые однокрылые (рис. 66, 13), трехгранные с шипами на концах (рис. 66, 11) и тупые цилиндрические, довольно массивные, с отверстием для насаживания на древко (рис. 66, 12). Такие стрелы служили для охоты на пушного зверя. В целом костяной инвентарь из нижнего слоя Пекшевского городища отлича-

ется исключительно архаическим обликом, как и в древнейших слоях дьяковских городищ. Найденные орудия, в основном для плетения сетей, гарпун, а также встреченная в основании слоя рыба чешуя указывают на занятие рыболовством, а некоторые типы костяных наконечников стрел допускают занятие охотой, прежде всего, на пушного зверя.

6.2. Памятники с «рогожной» керамикой

Не позже VI в. до н. э. на Верхнем Дону появляются поселения, а затем и небольшие городища с характерной «рогожной» керамикой, которая резко отличается от сетчатой.

Свое название она получила от орнаментации поверхности сосудов в виде сплошных квадратных углублений, как будто бы оставленных вдавлением ткани типа грубой ро-

жи. На самом деле они наносились оттисками специального штампа. Результаты новых раскопок не подтвердили мнение В. П. Левенка и В. Г. Миронова о местных истоках донского варианта городецкой культуры⁴⁰. Весь известный на сегодняшний день материал однозначно свидетельствует, что «рогожная» посуда не развивается из более ранней местной «текстильной» керамики. Очевидно, и та, и другая традиция сформировались за пределами территории Подонья и были принесены сюда с севера уже в сложившемся виде.

Наиболее изученными городецкими памятниками с «рогожной» керамикой являются поселение Студеновка 3, раскопанное экспедицией Липецкого пединститута под руководством А. Н. Бессуднова, и Сырское городище в черте г. Липецка, исследованное под руководством И. Е. Бирюкова. Стоянка расположена в среднем течении р. Воронеж и занимает небольшую площадь в речной пойме. В керамическом комплексе преобладает гладкостенная посуда, но велика доля и «рогожной» керамики (рис. 67, 1—5).

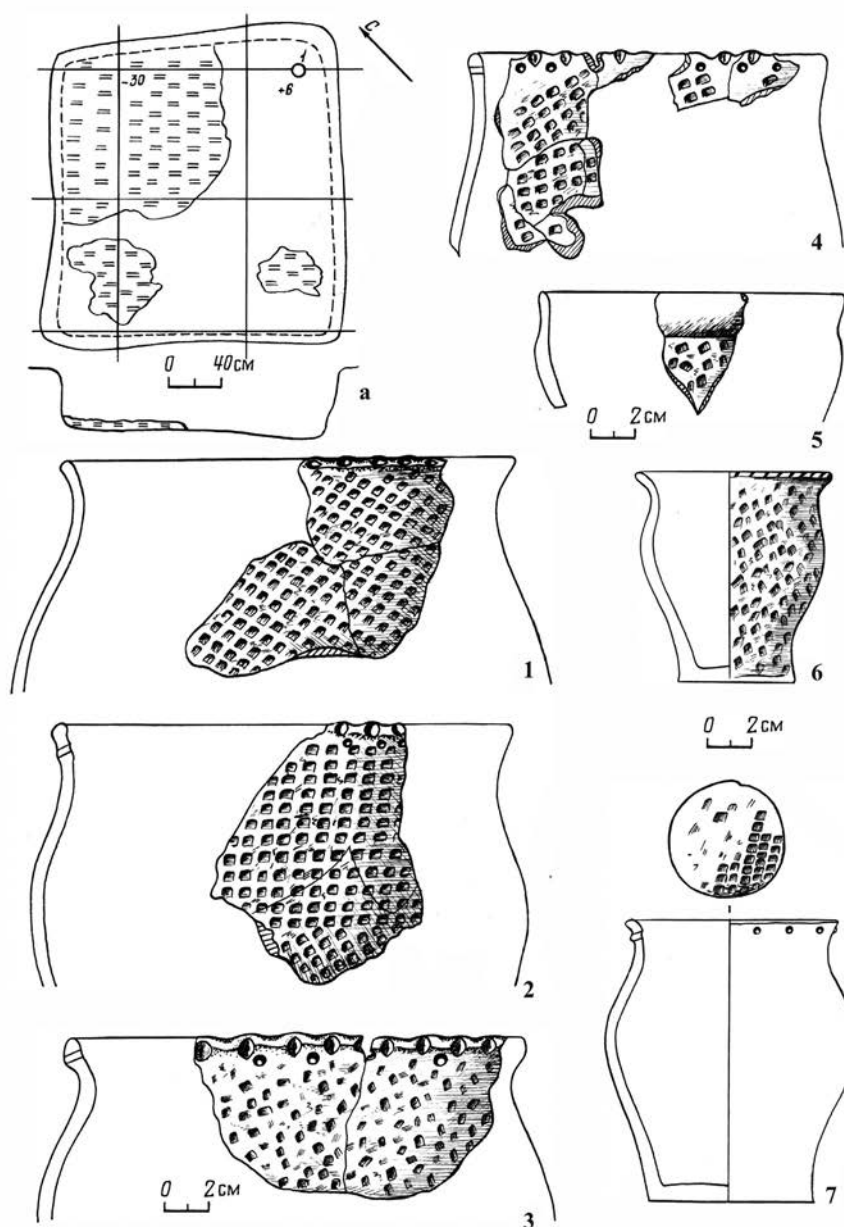

Рис. 67. Стоянка Студеновка 3
а — постройка № 7; 1—7 — керамика из постройки, культурного слоя и колодца (6—7)

⁴⁰ Левенок В. П. К вопросу о новом районе городецкой культуры // СА. 1976. № 2. С. 22.

На этой стоянке впервые обнаружена серия жилых и хозяйственных построек. Постройка № 7 квадратной формы 5,5×6,5 м, углублена всего на 0,35 м (рис. 67, а). Она интересна сочетанием гладкостенной скифоидной керамики с городецкой при практически полном отсутствии сетчатой. На ее полу найдено большое количество обугленных злаков.

В Студеновке 3 открыт уникальный объект — колодец глубиной почти 4 м, облицованный деревянными плахами. Любопытно, что у края колодца стояло два лепных сосуда: один чисто городецкий, полностью

покрыт «рогожным» орнаментом (рис. 67, б), другой — гладкостенный скифоидный с защипами по венчику и проколами под ним (рис. 67, 7). Самое интересное заключается в том, что на дне и этого сосуда изнутри имелись отпечатки крупного «рогожного» штампа. На стоянке Студеновка 3, как и на многих других верхнедонских памятниках, совместно проживало как пришлое с севера городецкое население, так и начавшее осваивать в VI в. до н. э. глубинные районы Подонья скифоидное население из лесостепного левобережья Днепра.

Глава 7. РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВЕРХНЕМ ПОДОНЬЕ В I ТЫС. ДО Н. Э.

Опираясь на результаты проведенного выше анализа археологических памятников, можно попытаться реконструировать основную линию историко-культурного процесса в изучаемом регионе в VIII—III вв. до н. э. (рис. 68). Выделяются три этапа в истории Верхнего Подонья в раннем железном веке.

Наиболее ранний этап представлен поселением в нижнем слое Пекшевского городища VIII—VII вв. до н. э. (рис. 68, а). Его керамический комплекс характеризуется сочетанием «текстильной» (сетчатой) и гладкостенной керамики (примерно 1:3).

Видимо, к концу этапа на «текстильной» посуде появляются проколы и накалы под венчиком, а также крупные пальцевые защипы, свойственные архаической скифоидной керамике. Орудия труда исключительно костяные, тех же типов, что и в древнейших слоях дьяковских городищ. Железные изделия полностью отсутствуют. О жилищах трудно составить представление, так как от них осталось несколько канав и множество небольших столбовых ямок (рис. 68, а). Скорее всего, это были легкие каркасные сооружения, занимавшие лишь северную часть мыса.

Второй этап — VI—V вв. до н. э. — характеризуют памятники типа Студеновки 3 (рис. 68, б). Они представлены как стоянками, так и городищами (Дубики, Перехваль II, Сырское). Этот этап выделяется по широкому распространению классической «рогожной» посуды с четким крупноячеистым штампом в комплексе с гладкостенной скифоидной керамикой архаического облика. И ту, и другую отличает высокий показатель посуды с проколами и накалами под венчиком — от 20 до 76,7 %, свойственный лесостеп-

ной скифоидной посуде. На поселениях встречаются «гибридные» типы сосудов, соединяющие в себе городецкие и скифоидные признаки. По-прежнему доминируют костяные орудия труда и оружие, хотя появляются уже и первые железные вещи (топор и обломок серпа с городища Дубики, фрагмент ножа с городища Перехваль II и др.). Жилища — квадратные и прямоугольные полуземлянки площадью 5—16 м², видимо, с плетневыми, обмазанными глиной стенами.

Третий этап — IV—III вв. до н. э. — включает не менее сотни верхнедонских поселений раннего железного века (рис. 68, в). Памятники представлены как городищами, так и стоянками при абсолютном преобладании последних. Этот этап отличает присутствие «рогожной» керамики с неглубокими, смазанными оттисками мелкозубчатого штампа, часто в сочетании с гладкостенной скифоидной посудой, украшенной защипами и насечками под венчиком, но уже без проколов и наколов. При этом последняя, как правило, преобладает на большинстве верхнедонских поселений.

Постепенно выходит из употребления «рогожная» керамика — этот по существу единственный диагностический признак городецкой культуры. Орудия труда изготавливались как из кости, так и из железа, но последних немного. Они встречаются редко, особенно в сравнении с железным инструментарием синхронных скифоидных городищ. Появляются слабо углубленные жилища столбовой конструкции удлиненно-прямоугольной формы того же типа, который был широко распространен на соседних среднедонских городищах IV — нач. III в. до н. э.

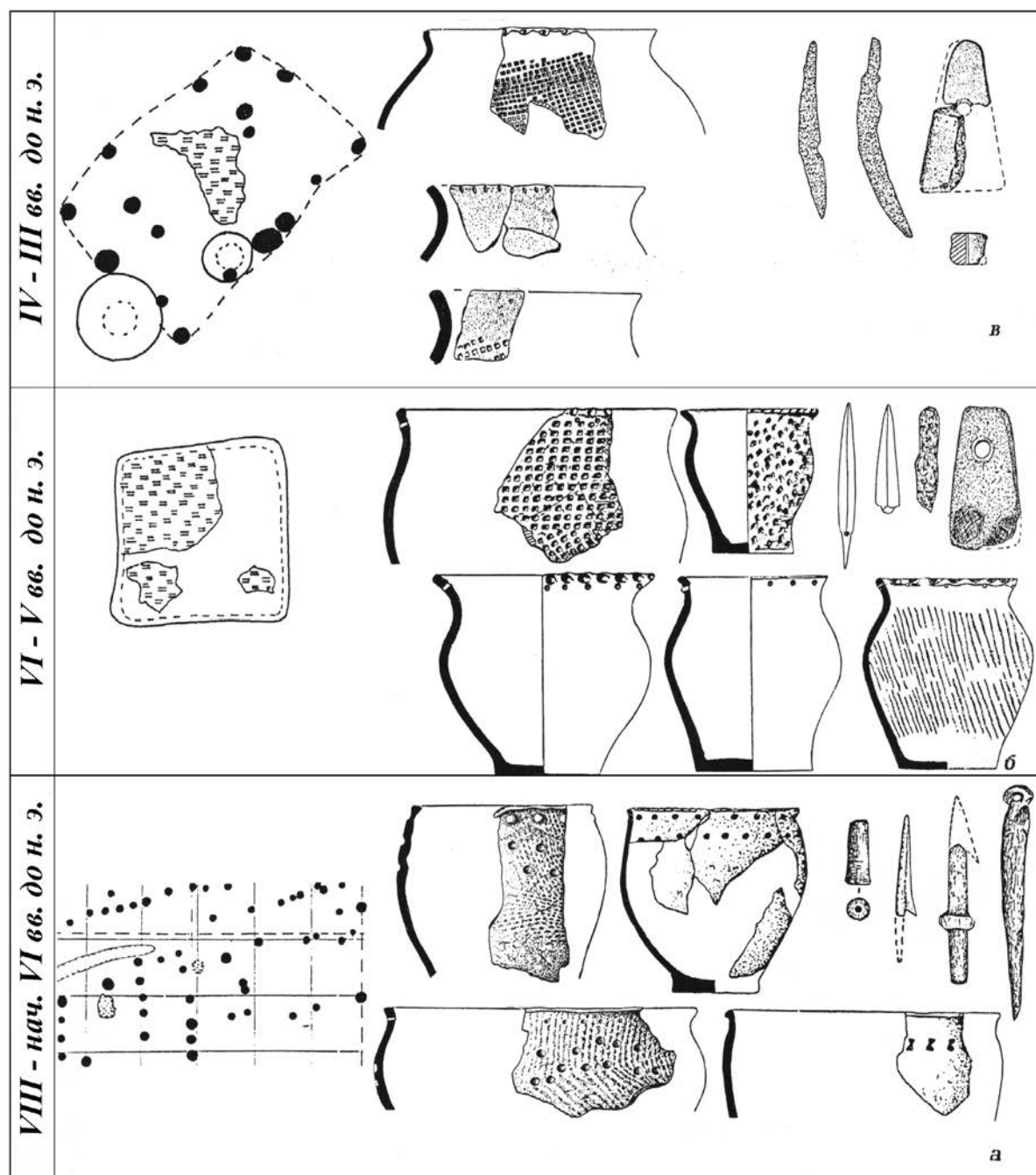

Рис. 68. Этапы развития сетчатой и городецкой культур на Верхнем Дону

Ввиду отсутствия надежного датирующего материала верхний рубеж существования городецких памятников на Верхнем Дону пока точно установить не удалось. Но уже к концу I тыс. до н. э. присутствие этого населения здесь никак не ощущается.

На основе выделенных этапов складывается впечатление, что в начале железного века на Верхнем Дону протекали сложные и противоречивые этнические и культурные процессы, обусловленные неоднократными вторжениями в этот регион разноэтнических групп населения с различными хозяйственно-культурными

типами, не в последнюю очередь обусловленные природно-климатическими факторами.

В начале раннего железного века из более северных лесных районов Подмосковья и Среднего Поочья на Верхний Дон и Воронеж начинают проникать отдельные группы лесного по происхождению и типу хозяйства населения. Скорее всего, этому способствовали природно-климатические изменения, связанные с наступившим похолоданием и увлажнением, вызвавшие в свою очередь смещение границы леса к югу. Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют выделить не ме-

нее двух последовательных волн их распространения.

Первая волна носителей сетчатой керамики VIII—VII вв. до н. э. лучше всего зафиксирована на поселении, оставившем нижний слой Пекшевского городища. Вопрос ее происхождения не вызывает особых затруднений в силу сразу же бросающейся в глаза особенности обработки поверхности керамики. Да и по остальным признакам, включая орнаментацию, она очень близка лепной посуде культуры сетчатой керамики лесной полосы Восточной Европы конца эпохи бронзы — начала железного века⁴¹. Полностью соответствует ей и весьма характерный костяной инструментарий из нижнего слоя Пекшевского городища.

По единодушному мнению исследователей, культура сетчатой керамики принадлежала древнейшим волжским финнам или западной группе древних финно-угорских племен⁴². Она рассматривается сейчас как важнейший этнический показатель древнего финноязычного населения. Насколько известно, иные ее этнокультурные интерпретации отсутствуют.

Судя по небольшому числу памятников и их характеру, проникновение носителей сетчатой керамики осуществлялось отдельными, весьма немногочисленными группами по Дону и Воронежу. Они оставили поселения типа кратковременных стоянок, в большинстве своем без значительного культурного слоя, выделяемые по единичным находкам сетчатой керамики. Недавно в окрестностях г. Задонска на городище Верхнее Казачье Ю. Д. Разуваев раскопал поселение, в нижнем слое которого была точно такая же сетчатая керамика, близкий костяной инструментарий и скопление небольших ямок в материке⁴³. Видимо, эти два поселения имели более стационарный характер.

Картографирование стоянок с сетчатой керамикой показало, что в начале железного

века ее носители сумели освоить практически всю долину р. Воронеж, а также верховья Дона до Задонска. Однако отдельные находки подобной керамики на поселениях Среднего Дона указывают на то, что какие-то небольшие их группы могли спускаться по реке и ниже. Но нигде сезонные стоянки не выходили далеко за пределы речных долин Дона и Воронежа. Видимо, по своему хозяйственному укладу это население было связано с большими реками и пойменными лесами.

Вторая волна уже собственно городецких племен с классической «рогожной» керамикой распространяется на Верхнем Дону не ранее VI в. до н. э. Именно с ней было связано практически полное заселение верхнедонского региона. В VI—IV вв. до н. э. количество городецких поселений с «рогожной» керамикой превышает сотню, что чуть ли не в пять раз больше числа ранних стоянок с сетчатой посудой. Подавляющее большинство из них составляют поселения и сезонные стоянки, но уже в это время появляются первые городища. Однако по сравнению с другими локальными вариантами городецкой культуры, например окским, на Верхнем Дону их немного.

Как и их предшественники, племена с «рогожной» керамикой осваивали почти исключительно облесенные долины больших рек, а не просто лесные массивы. По долине Дона отдельные городецкие группы спускались довольно далеко на юг, о чем свидетельствуют стоянки Погоново Озеро, Червлёный Яр, Нижнесторожевская и др.⁴⁴

Не позднее первой половины VI в. до н. э. практически одновременно с городецкими племенами в верхнедонской регион с запада из бассейнов Сейма и верховий Оки начинают проникать группы лесостепного скифоидного населения. Их следы фиксируются сейчас в слоях городищ по всему Верхнему Подонью (Дубики, Сырское, Верхнее Казачье, Пекшево, Животинное, I и III Чертовицкие и др.). Видимо, именно они вместе с переселенцами из бассейна Северского Донца составили основное этническое ядро среднедонских племен V—IV вв. до н. э.⁴⁵ В этом историче-

⁴¹ Чернай И. Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4. С. 70—85.

⁴² Патрушев В. С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола, 1989. С. 45.

⁴³ Разуваев Ю. Д. Городище у села Верхнее Казачье: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону // Археологическое наследие. Воронеж, 2020. № 1 (3): Античность. Скифы. Сарматы. Номер журнала посвящен 70-летию юбилею профессора Александра Павловича Медведева. С. 210—211, рис. 2; 4.

⁴⁴ Левенок В. П. К вопросу о новом районе городецкой культуры. С. 23.

⁴⁵ Медведев А. П. К предистории среднедонской культуры скифского времени // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989. С. 85.

ском контексте приведенные выше материалы Пекшевского городища и Студеновки 3 отражают результаты встречи двух разнотипных групп населения, имевшие различные последствия. В Верхнем Подонье племена с сетчатой керамикой были частично уничтожены, частично вытеснены, частично ассимилированы и подчинены пришельцами.

В более южных районах произошло их смешение. В VI—V вв. до н. э. здесь возникло этнокультурное новообразование, в котором органично соединялись элементы лесостепной скифоидной и лесной по происхождению городищской культуры. Но именно этот скифоидный компонент придал верхнедонским памятникам с «рогожной» посудой ту специфическую окраску, которая позволила выделить здесь особый донской вариант городищской культуры. Скорее всего, на поселениях типа Студеновки 3 осуществлялся не только культурный, но и этнолингвистический контакт финноязычных и ираноязычных групп населения. Как известно, последние оставили заметный след в культурной лексике западно-волжских финнов. Лингвисты выделяют в ней целый пласт иранских заимствований, связанных со скотоводством, земледелием, военным делом раннего железного века⁴⁶.

Подчеркнем, что изначально эти группы принадлежали не только к различным этносам, но и к разным хозяйственно-культурным типам. Скифоидные племена являли собой различные варианты хозяйственно-культурного типа лесостепных земледельцев и скотоводов⁴⁷. Скорее всего, именно с ними связана находка большого количества обугленных злаков в постройке № 7 Студеновки 3. Иной тип хозяйства принесли на Верхний Дон северные, лесные племена с сетчатой и городищской («рогожной») керамикой. В нем по-прежнему большую роль продолжали играть лесные традиции присваивающего хозяйства, в первую очередь — охоты и рыболовства.

Практически весь костяной инструментальный нижнего слоя Пекшевского городища связан именно с этими видами хозяйственной деятельности. На такую хозяйственную ориен-

тацию указывает и топография большинства верхнедонских поселений, привязанная к долинам крупных рек, ближе к воде. В то же время на городищских поселениях Верхнего Дона практически отсутствуют орудия труда, связанные с земледелием, в большом количестве представленные на поселениях и городищах среднедонских племен скифского времени. Использование естественнонаучных методов для определения роли земледелия у населения Верхнего Дона дает весьма противоречивые данные. Специальные палеопочвенные исследования не выявили каких-либо следов занятия земледелием у обитателей собственно городищских городищ Верхнего Подонья⁴⁸. Однако недавно С. А. Горбаненко обнаружил отпечатки зерновок на фрагментах некоторых верхнедонских городищских сосудов.

Думается, что все эти данные далеко не случайны. В силу каких-то еще во многом неясных причин в начале железного века в южной части лесной полосы наблюдался явный регресс производящего хозяйства по сравнению с предшествующей эпохой поздней бронзы⁴⁹. В результате мы наблюдаем своего рода явление возрождения таких видов хозяйственной деятельности, которые сложились здесь за много тысячелетий до наступления железного века. Не исключено, что все это не в последнюю очередь было обусловлено опять же природно-климатическими изменениями на рубеже бронзового и железного веков, о чем уже говорилось выше.

Как бы то ни было, в свете имеющихся на сегодняшний день данных представляется, что городищские племена середины I тыс. до н. э. были, прежде всего, охотниками и рыболовами. Знали они и скотоводство, а возможно, и какие-то простейшие формы земледелия. На весьма слабое развитие подсечного земледелия даже в более позднее время указывают данные этнографии и лингвистики⁵⁰. Вряд ли оно доставляло им основное пропитание.

⁴⁶ Серебрянников Б. А. История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 251—252.

⁴⁷ Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // МИА. 1971. № 177. С. 92.

⁴⁸ Александровский А. Л. Палеоэкология восточноевропейской лесостепи в голоцене по данным междисциплинарного анализа и новых археологических памятников. Пушино, 1995. С. 34.

⁴⁹ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство лесной полосы Восточной Европы. Москва, 1971. С. 44, 112.

⁵⁰ Серебрянников Б. А. Указ. соч. С. 252.

Глава 8. ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ДОНА В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Большинство современных исследователей видят в городецких племенах *тиссагетов*, упомянутых Геродотом. Существуют разные точки зрения на местоположение этого древнего народа, которые подробно рассмотрены автором⁵¹. После открытий на Верхнем Дону не остается никаких сомнений, что племена с сетчатой и «рогожной» керамикой могли быть только геродотовыми тиссагетами.

По рассказу «отца истории», в Левобережье Танаиса (Дона) живут савроматы, выше их на 15 дней пути — будины — *«большой и многочисленный народ»*, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом. *«Выше будинов идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой»* (История: IV, 22),

Казалось бы, эти данные «отца истории» не совпадают с локализацией тиссагетов на Верхнем Дону. Но у того же Геродота есть уникальное свидетельство: *«Выше этой пустыни живут тиссагеты, а из их [земли] берут начало четыре большие реки, протекающие через землю меотов...»* (История: IV, 123). И среди этих четырех рек называется Танаис, то есть Дон! Таким образом, по представлениям «отца истории», верховья Танаиса находились где-то в пределах земли тиссагетов.

Практически полное соответствие наблюдается в культурно-хозяйственной характеристике тиссагетов в описании Геродота — *«живут они охотой»* — и в хозяйственном укладе верхнедонских племен начала железного века по данным археологии. Как представляется, Геродот не случайно обратил внимание на занятие тиссагетов охотой. Тем более не случаен его рассказ об экзотической охоте соседнего народа — *иирков*, проживавшего в тех же самых местах, что и тиссагеты. *«Они также живут охотой, занимаясь ею следующим образом: охотник*

сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревья там в изобилии растут по всей стране. У каждого наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем, чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука и сев на коня, устремляется в погоню, а собака следует за ним...» (История: IV, 22).

Это сообщение целиком находится в русле интересов «отца истории», которого в занятиях разных народов занимало, прежде всего, все необычное и экзотическое с точки зрения эллинов.

Как это ни удивительно, такой способ охоты нашел полное подтверждение в изображении на золотых ажурных поясных пряжках, украшенных бирюзовыми вставками, из Сибирской коллекции Петра I⁵². Их обнаружили «бугровщики» (предшественники «черных копателей» нашего времени) в начале XVIII в. за тысячи километров от Воронежского края, где-то в Южной Сибири. Пряжки содержат впечатляющую картину одной и той же сцены лесной охоты, но как бы в зеркальном отображении (рис. 69). Объектом охоты является крупный вепрь, стремительно убегающий от охотника, преследующего его на коне. Он уже натянул лук и готов выпустить смертоносную стрелу. На втором плане на дереве сидит другой охотник, удерживающий за повод вздыбившегося коня (у левого края пряжки). Судя по его позе, он уже изготовился прыгнуть на свою лошадь. На третьем плане на скале стоит избежавший преследования горный козел, наблюдающий сцену охоты.

Для нашей темы существенно, что изображения из Сибирской коллекции указывают на то, что такая конная охота была возможна не в густом дремучем лесу, а в южной лесостепной полосе или северной лесостепи, где дубравы чередовались с открытыми полянами. Косвенно на это указывает и объект охоты — дикий кабан, основной пищей которого были дубовые желуди.

⁵¹ Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. С. 47.

⁵² Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. ДЗ-9. Москва — Ленинград, 1962. Табл. IV, 5.

Рис. 69. «Охота иириков». Золотая поясная застёжка с вставками бирюзы из Сибирской коллекции Петра I (Эрмитаж)

Но остается главная загадка — как и почему сюжет лесной охоты, приписанный Геродотом иирикам, локализованный им где-то недалеко от верховий Дона, оказался воплощен в произведении прикладного искусства, изготовленном далеко на востоке, да еще как минимум века на два позже. Подобный характерный стиль изделий из золота, украшенных бирюзой, не может датироваться ранее III — II вв. до н. э. Невозможно допустить, что источником для мастера послужил рассказ Геродота, который стал столь популярным, что дошел до варваров, живших в Южной Сибири или даже в китайском Синьзяне, где изготавливали пряжки в подобном стиле. Остается второе — Геродот записал рассказ какого-то купца, ходившего далеким путем из Ольвии на восток (История: IV, 24), видевшего или слышавшего об этой необычной охоте иириков. Но вряд ли бы он распространился так далеко на восток, да еще имел какое-то значение (может быть, сакральное?)

для владельца этих золотых пряжек, жившего, как указывалось, много поколений спустя тех охотников-ириков, которых описал «отец истории». А может быть, все было проще — такой способ охоты широко распространился у полукочевых племен, живших в пограничье леса и степи?

М. Н. Погребова и Д. С. Раевский обратили внимание исследователей на то, что нет никаких оснований выделять иирикам отдельную территорию и приписывать особую, лежащую вне городецкого ареала археологическую культуру⁵³. Следуя Геродоту, этот народ нужно искать в пределах территории, не слишком удаленной от Верхнего Дона, только восточнее. В таком случае не отражают ли ранние городецкие памятники с текстильной (сетчатой) и «рогожной» керамикой как раз те племенные различия, которые подметили информаторы Геродота, сообщая ему о двух лесных народах, обитающих в одних и тех же местах к северо-востоку от будинов?

⁵³ Погребова М. Н. Ранние скифы и Древний Восток. Москва, 1992. С. 203.

РАЗДЕЛ 2. СКИФСКАЯ ЭПОХА НА СРЕДНЕМ ДОНУ. ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ

Глава 1. СРЕДНЕДОНСКАЯ КУЛЬТУРА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

К середине I тыс. до н. э. в евразийских степях наступил период расцвета культур раннего железного века. К этому времени в лесостепном Подонье сложилась одна из наиболее ярких археологических культур Восточной Европы, получившая название среднедонская. Она представляла лишь часть большой историко-культурной общности лесостепных племен и занимала край-

нюю восточную периферию Лесостепной Скифии (рис. 70). Большинство ее памятников оказалось на территории современной Воронежской области, хотя некоторое их число известно в Белгородской и Липецкой областях. Среднедонские племена играли определяющую роль в этнополитической и культурной истории нашего региона в V—IV вв. до н. э.

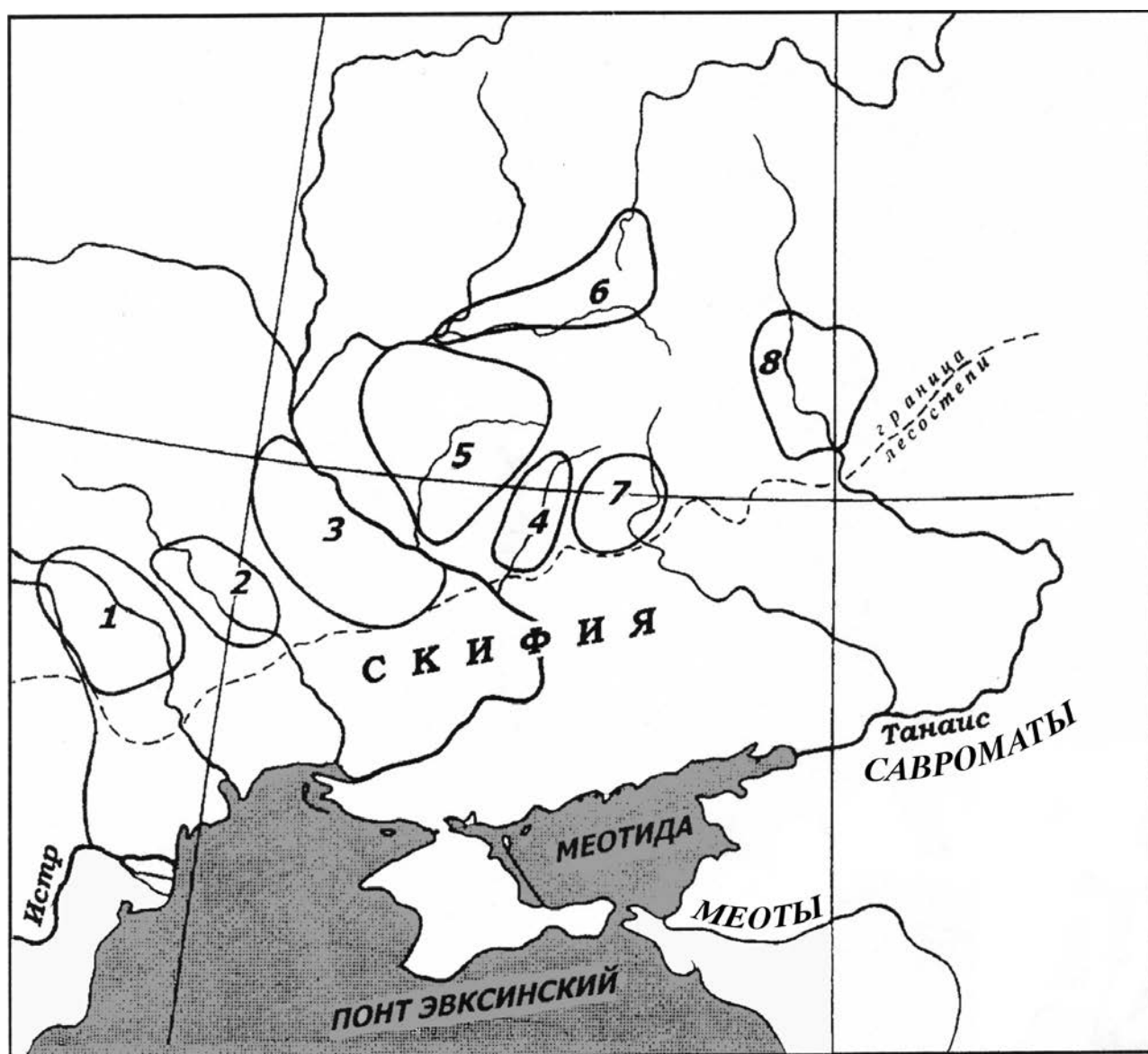

Рис. 70. Скифия и локальные варианты лесостепной скифоидной культуры: 1 — западноподольский; 2 — восточноподольский; 3 — правобережный среднечереповский; 4 — ворсклинский; 5 — посульский; 6 — сейминский; 7 — северскодонецкий; 8 — ареал среднедонской культуры

Среднедонские памятники попали в поле зрения российских археологов в самом начале XX в. после сенсационных результатов раскопок Мاستюгинских и Частых курганов (А. А. Спицын, Н. Е. Макаренко, ВУАК)¹. Однако лишь в результате многолетних целенаправленных работ Петра Дмитриевича Либерова (рис. 71, а)² и Анны Ивановны Пузиковой (рис. 71, б)³ из-

учены не только курганные некрополи, но также городища, позволившие выделить здесь среднедонскую культуру скифского времени. Она являлась основным объектом исследования А. П. Медведева⁴. С рубежа XX—XXI вв. среднедонские курганы активно раскапываются Валерием Ивановичем Гуляевым (рис. 71, в), открывшим ряд ярких курганных комплексов⁵.

а

б

в

Рис. 71. Археологи, внесшие основной вклад в изучение памятников скифского времени на Среднем Дону: а — П. Д. Либеров; б — А. И. Пузикова; в — В. И. Гуляев

Глава 2. ТЕРРИТОРИЯ И ОСНОВНЫЕ РАЙОНЫ СРЕДНЕДОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Для изучения исторической географии населения лесостепного Подонья в скифское время мы располагаем данными не менее 60 городищ, 300 поселений и десятком больших курганных могильников.

Полвека назад П. Д. Либеров отвел среднедонским племенам скифского времени обширные пространства от Оскола на западе до междуречья Хопра и Медведицы на востоке, от верховьев Воронежа и Хопра на севере до низовий Северского Донца на юге. Однако наши многолетние разведки и картографирование всех достоверных памятников скифского времени заставили существенно уменьшить территорию, освоенную

среднедонскими племенами⁶. Она в основном ограничивалась лесостепным Правобережьем Среднего Дона, где сосредоточено почти 200 (71 %) городищ и поселений скифского времени и почти все курганные некрополи (рис. 72). В Левобережье Дона, несмотря на интенсивные археологические разведки, не выявлено сколь-нибудь значительного массива памятников скифского времени. Скорее всего, по Битюгу проходил восточный рубеж земли, занятой среднедонскими племенами. Здесь он отмечен всего четырьмя городищами без культурного слоя: Кудеярово и Тромбаки выше г. Анна (рис. 72, 63, 64), а также Шелаево (рис. 72, 61) и Липовка (рис. 72, 62) в низовьях реки. Дальше на восток простиралась полоса «ничейной земли» без каких-либо следов стационарных поселений. Лишь на Елани в одном из курганов у с. Абрамовка открыто

¹ Спицын А. А. ОАК за 1905 г. ; Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. // ИАК. Пг. 1911. Вып. 43. С. 52—56.

² Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Д1-31. 1965.

³ Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151 ; Она же. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). Москва, 2001.

⁴ Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. Москва, 1999.

⁵ Гуляев В. И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). Москва, 2010.

⁶ Медведев А. П. Указ. соч. С. 51.

погребение со скифским инвентарем⁷. Сюда уже могли проникать отдельные группы кочевников, на что указывает разрушенное по-

гребение у г. Павловска, от которого остался только каменный савроматский жертвенник на четырех ножках⁸.

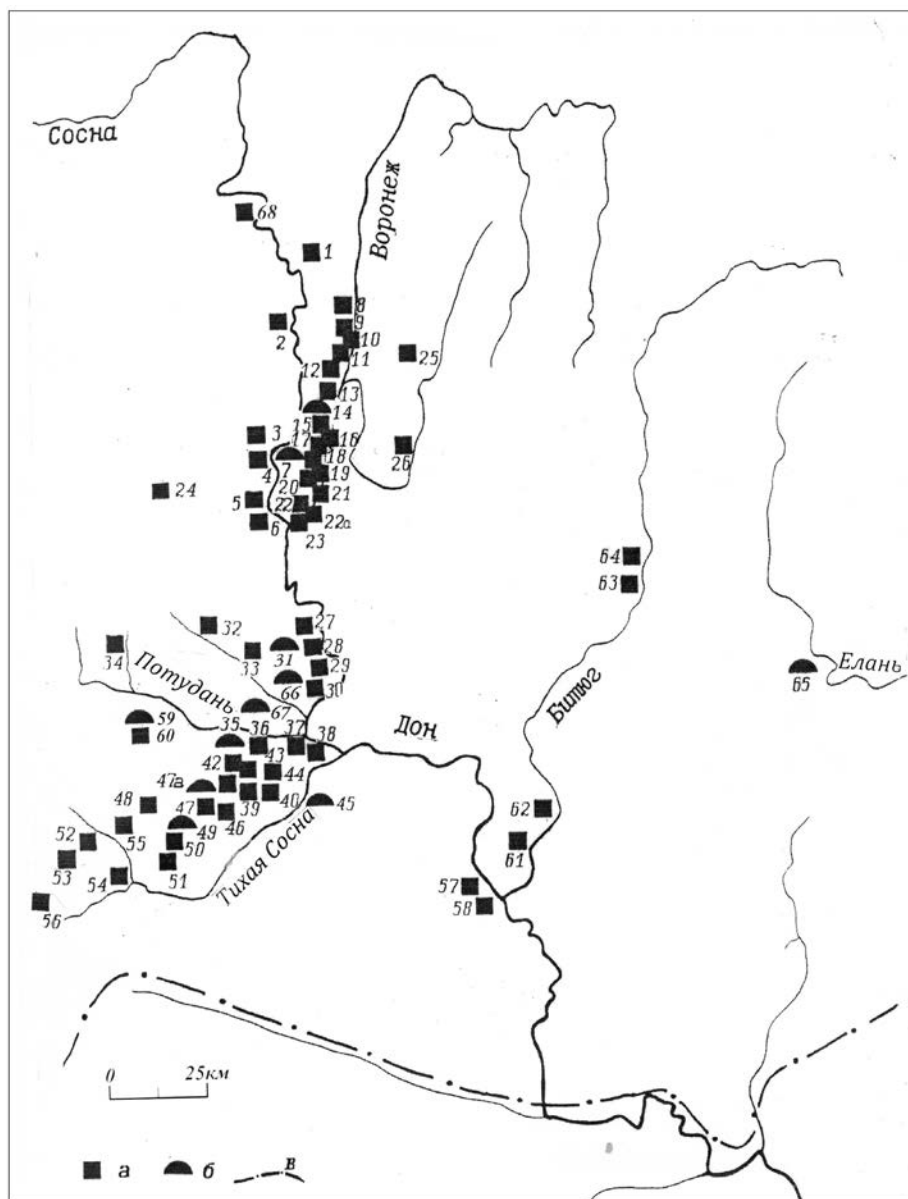

Рис. 72. Карта городищ и курганных могильников скифского времени лесостепного Подонья:
а — городища; б — курганные могильники; в — границы лесостепи.

1 — Конь-Колодезь; 2 — Отскочное; 3 — Губарево; 4 — Семилуки; 5 — Устье I; 6 — Устье II; 7 — Частые Курганы; 8 — Сенное; 9 — Ситное; 10 — Пекшево; 11 — Ивницы; 12 — Рамонь II; 13 — Животинное (гор.); 14 — Староживотинное (кург.); 15 — Чертовицкое III; 16 — Чертовицкое II; 17 — Чертовицкое I; 18 — Белогорское II; 19 — Егоровский Кордон; 20 — Михайловский кордон; 21 — Кузнецовское; 22 — Чижовское; 22а — Шиловское; 23 — Сады; 24 — Верхнее Турово; 25 — Беляево; 26 — Орлово; 27 — Архангельское; 28 — Малое Сторожевое; 29 — Большое Сторожевое; 30 — Титчиха; 31 — Мастюгино; 32 — Ново-Солдатка («Крутцы»); 33 — Гора Белая 1; 34 — Скупая Потудань; 35 — Терновое I; 36 — Солдатское; 37 — Мостище; 38 — Авериное; 39—44 — Волошино, гор. I—VI; 45 — Ближнее Стояново; 46 — Шубное; 47 — Русская Тростянка (гор.); 47а — Русская Тростянка (кург.); 48 — Круглое; 49 — Дуровка; 50 — Кировское; 51 — Городище; 52—53 — Верхняя Покровка, гор. 1 и 2; 54 — Стрелецкое; 55 — Прудки; 56 — Филипповское; 57 — Малое Костомарово; 58 — Большое Костомарово; 59 — Горки (кург.); 60 — Репьевка; 61 — Шелаево; 62 — Липовка; 63 — Кудеярово; 64 — Тромбаки; 65 — Абрамовка; 66 — Дубовое; 67 — Девица V

⁷ Медведев А. П. Курган скифского времени у с. Абрамовка // Археология Среднего Дона в скифское время : Тр. Потуданской археол. экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг. Москва, 2001. С. 202—210.

⁸ Медведев А. П. Новые находки скифо-сарматского времени на Среднем Дону // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998. С. 64—69.

Основным южным рубежом среднедонских племен была р. Тихая Сосна. К северу от этой реки до р. Девица сейчас известно 25 городища, 150 открытых поселений и восемь крупных курганных некрополей. К югу, где начинаются остепненные ландшафты, поселения скифского времени не известны. Здесь расположены лишь два городища по высокому правому берегу Дона: Большое и Малое Костомаровские (рис. 72, 57—58). Оба практически без культурного слоя и выявлены по отдельным находкам керамики.

На Дону крайними северными крепостями среднедонского населения считались городища Конь-Колодезь и Отскочное (рис. 72, 1, 2), но недавно скифоидный слой был открыт В. Д. Разуваевым на городище Верхнее Казачье в окрестностях г. Задонска (рис. 72, 68)⁹. На р. Воронеж небольшое городище с тремя линиями рвов и валов известно у с. Сенное Рамонского района (рис. 72, 8), чуть ниже располагалось хорошо укрепленное Пекшевское городище (рис. 72, 10). Самым северным курганным могильником остаются Староживотинные курганы (рис. 72, 14), сильно ограбленные, но содержащие бесспорный материал скифского времени¹⁰.

Остается не совсем ясным вопрос о западных пределах среднедонских племен. Хотя по р. Оскол сейчас открыт ряд городищ со слоями скифского времени, они явно не составляют единой линии обороны, подобной городищам по Среднему Дону и Тихой Сосне¹¹. К тому же большинство из них располагалось по правому берегу Оскола, что делает крайне маловероятным их вхождение в общую линию обороны среднедонского населения. По-видимому, они представляют относительно самостоятельное образование, хотя по керамическому комплексу ничем особым не отличаются от среднедонского.

Для уточнения наших наблюдений дополнительную информацию дают случайные на-

ходки скифских акинаков. Сейчас их число приближается к сотне. Весьма показательно, что на основной правобережной территории они практически не встречаются. Здесь мечи найдены в основном в курганных погребениях. Зато нанесенные на карту места случайных находок акинаков образуют широкую подковообразную полосу, как бы окаймляющую основную территорию обитания среднедонских племен.

Какая-то часть наиболее ранних мечей и кинжалов, в том числе биметаллических (рис. 73, 1—11), могла относиться к эпохе первоначального освоения ранними кочевниками Левобережья Дона под пастбища с VII в. до н. э. Но основная масса находок датируется V—IV вв. до н. э., то есть временем расцвета среднедонской культуры (рис. 73, 13—22). Большинство из них не связано с курганами. Не являются ли подобные находки свидетельством столкновений с воинственными южными и юго-восточными соседями?

В целом результаты новых исследований заставляют существенно сократить территорию, отведенную П. Д. Либеровым среднедонским племенам. По своим масштабам она оказалась сопоставима с другими локальными вариантами лесостепной скифоидной культуры (рис. 70). Судя по всему, среднедонские памятники, несмотря на все их безусловное своеобразие, составляли не отдельную археологическую культуру, а лишь крайнюю восточную группу или локальный вариант историко-культурной общности Лесостепной Скифии.

Пространственный анализ позволяет существенно детализировать систему расселения и внутреннюю организацию среднедонских племен скифского времени. На их территории выделяется пять больших районов.

1. Правобережье Среднего Дона от Тихой Сосны на юге до устья р. Воронеж на Севере (рис. 74). Здесь сосредоточено большинство городищ (25), поселений (150) и восемь курганных некрополей. Среди них такие известные памятники, как Волошинские I—VI, Большое и Малое Сторожевое, Архангельское городища, а также могильники у с. Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровка, Терновое 1-Колбино 1. Это наиболее плотно заселенный район Донской лесостепи, который являлся своего рода ядром того этнополитического образования, которое оставило среднедонские памятники скифского времени.

⁹ Разуваев Ю. Д. Городище у села Верхнее Казачье: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону.

¹⁰ Медведев А. П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 4—14.

¹¹ Сарапулкина Т. В. Поосколье в скифское время // Археологическое наследие. Воронеж. 2020. № 1 (3) : Античность. Скифы. Сарматы. С. 234—248.

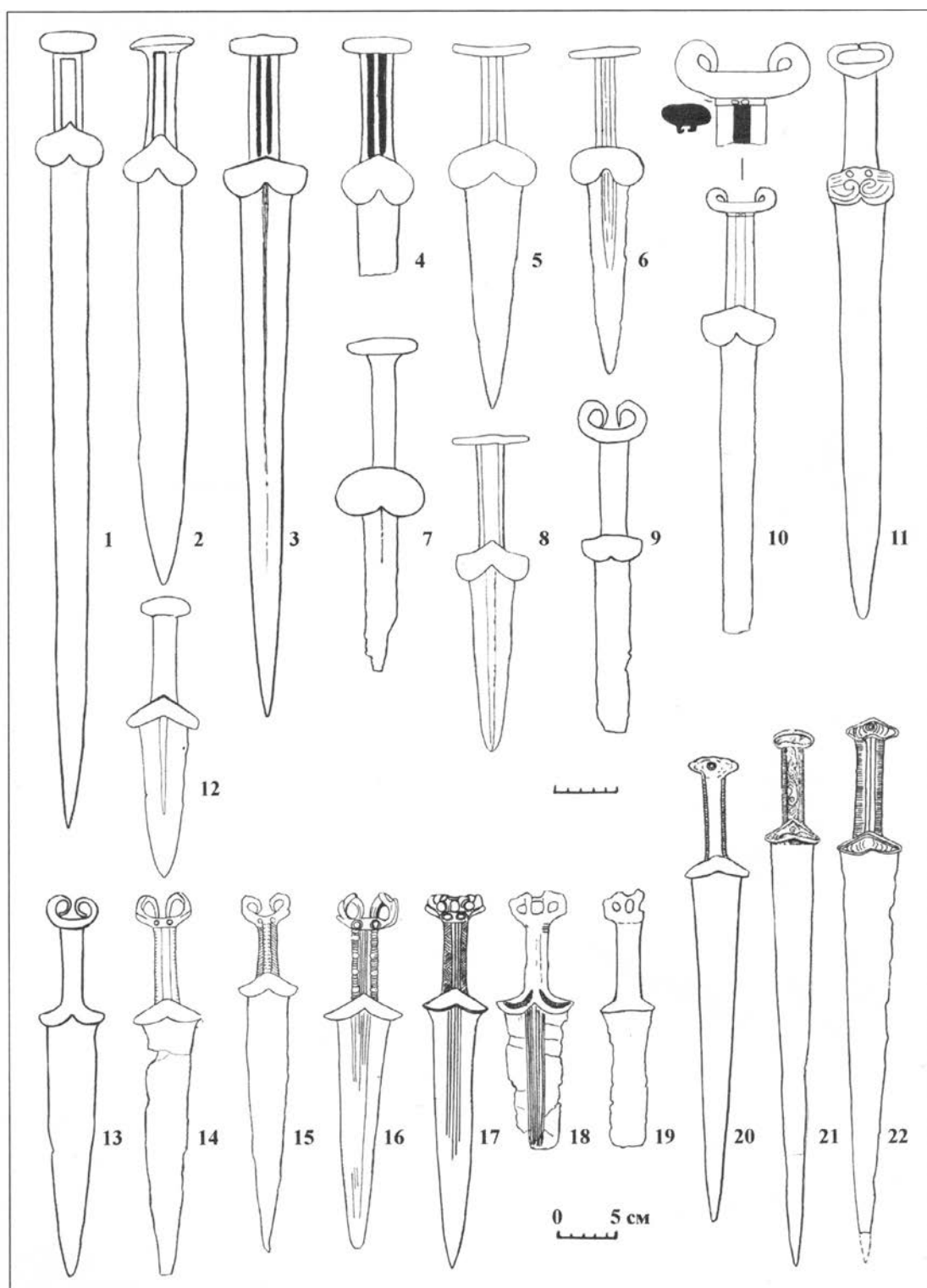

Рис. 73. Случайные находки акинаков по периферии среднедонской культуры

2. Южная часть Верхнего Подонья до границы Воронежской и Липецкой областей (рис. 75). Здесь учтено семь городищ, 36 открытых поселений, один курганный могильник (Частые курганы).

3. Нижнее течение р. Воронеж (рис. 75). Здесь известно не менее двух десятков городищ со слоем скифского времени, 47 неукре-

пленных поселений и два курганных могильника: Староживотинное и Чижовское.

4. Левобережье Дона до р. Битюг. В него входят четыре городища практически без слоя и около 30 сезонных поселений (рис. 60). Скорее всего, в скифское время здесь не было постоянного населения, причем не только оседлого, но и кочевого. В противном случае оно оставило бы

какой-то массив хотя бы впускных погребений. А их известно всего пять на более чем две сотни раскопанных здесь более ранних курганов. Все они открыты в низовьях Битюга (рис. 72).

5. Среднедонское Правобережье к югу от Тихой Сосны. Здесь известны два городища почти без слоя и более 30 сезонных кратковременных стоянок (рис. 72).

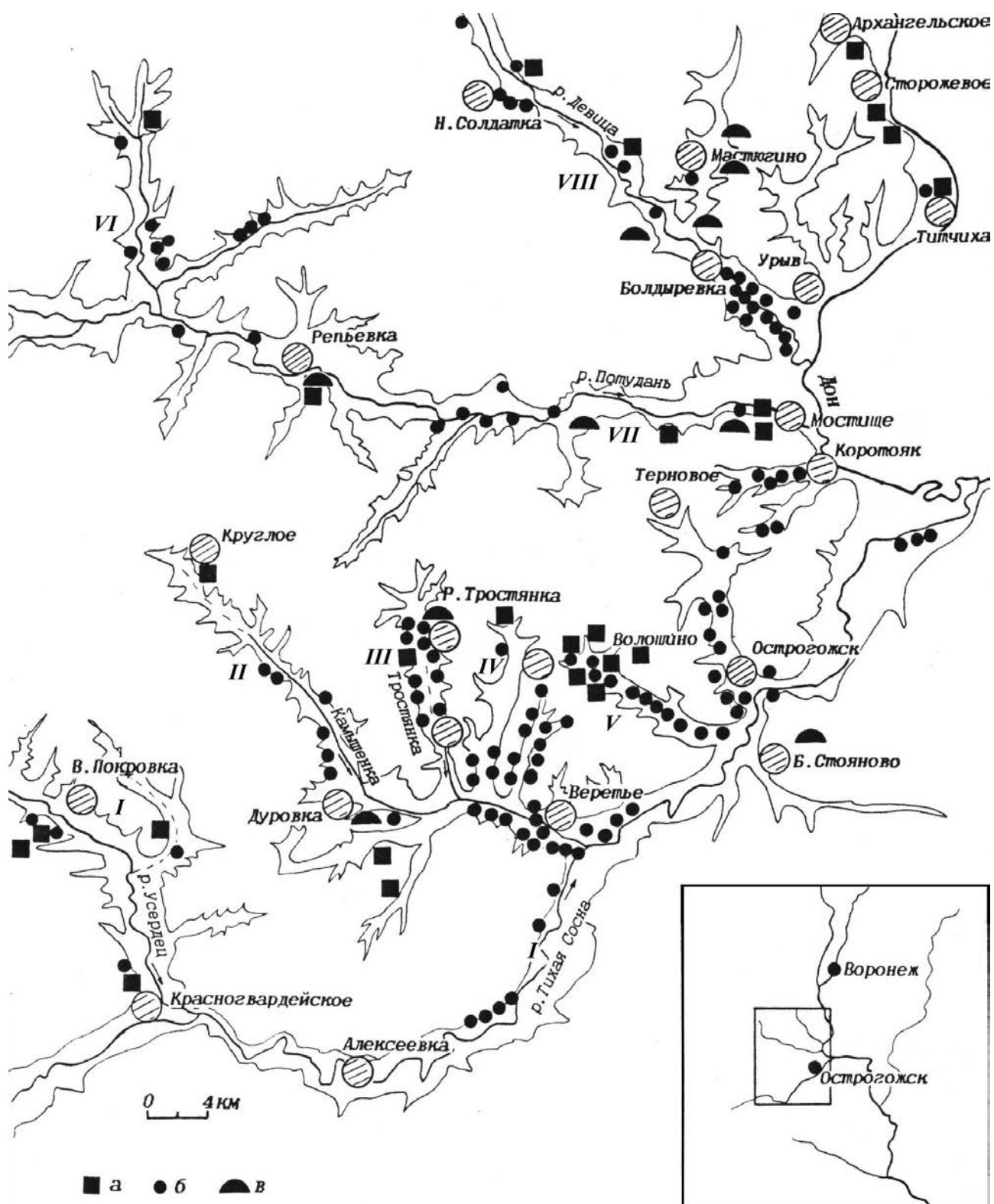

Рис. 74. Основной район памятников скифского времени в Правобережье Среднего Дона:
а — городища; б — поселения; в — курганные могильники

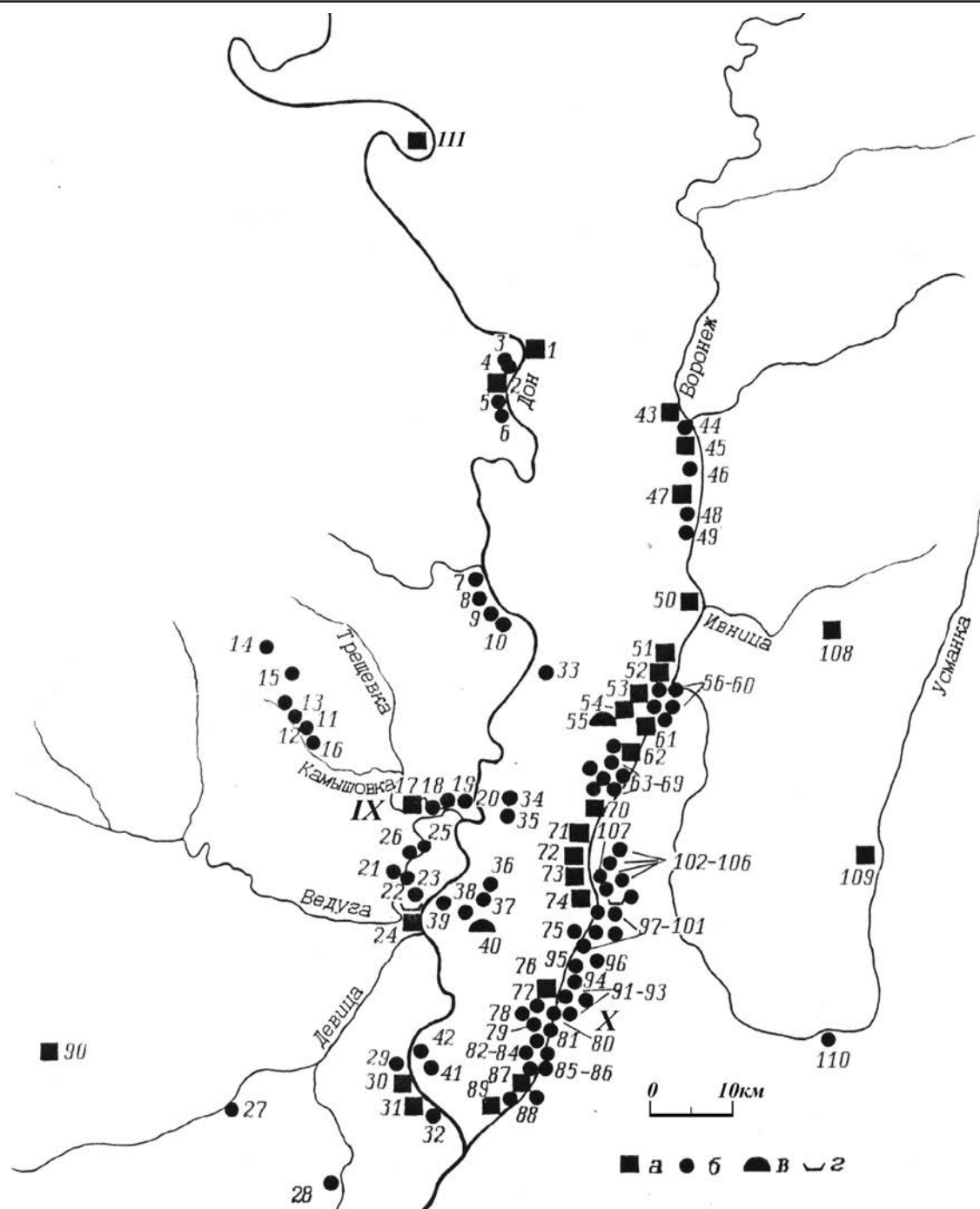

Рис. 75. Скифоидные памятники на Верхнем Дону и в низовьях р. Воронеж:
а — городища; б — поселения; в — курганные могильники; г — грунтовые могильники.

1 — Конь-Колодезь (гор.); 2 — Отскочное 1; 3 — Отскочное 2; 4 — Отскочное (гор.); 5 — Отскочное 3; 6 — Отскочное 4; 7 — Верилонка; 8—10 — Гнездилово: пос. 1, 2, 3; 11—16 — Чистая Поляна: пос. 1, 2, 3, 5, 6, 11а; 17 — Губарево (гор.); 18 — Губарево 1; 19 — Губарево 2; 20 — Благовещенка; 21—22 — Ендовище: пос. 1 и 2; 23 — Семилуки (пос.); 24 — Семилуки (гор.); 25 — Терновка; 26 — Гудовка; 27 — Сосновка; 28 — Никольское-на-Еманче; 29 — Петино; 30 — Устье 1 (гор.); 31 — Устье 2 (гор.); 32 — Устье (пос.); 33 — Ново-Животинное; 34 — Ямное; 35 — Ново-Подклетное; 36—38 — Подгорное: пос. 1, 3, 5; 40 — Частые Курганы; 41—42 — Малышево: пос. 1 и 2; 43 — Сенное; 44 — Писаревка; 45 — Ситное; 46 — Глушицы; 47 — Пекшево (гор.); 48 — Пекшево (пос.); 49 — Карачун; 50 — Ивнищ; 51 — Рамонь I; 52 — Рамонь II; 53 — Животинное (гор.); 54 — Староживотинное (гор.); 55 — Староживотинное (мог.); 56—60 — Староживотинное: пос. 1—5; 61 — Чертовицкое III (гор.); 62 — Чертовицкое II (гор.); 63—69 — Чертовицкое: пос. 1—7; 70 — Чертовицкое I (гор.); 71 — Белогорское II (гор.); 72 — Егеровский кордон; 73 — Михайловский кордон; 74 — Кузнецовское; 75 — пос. 118 на правом берегу р. Воронеж; 76 — Дальняя Чижовка (гор.); 77 — пос. 83 на правом берегу р. Воронеж; 78 — пос. 84 на правом берегу р. Воронеж; 79 — пос. 85 на правом берегу р. Воронеж; 80, 82—84 — Чижовское: пос. 1—3, 5; 81 — пос. 4 у южной окраины Воронежа; 85—86 — поселения 1 и 2 у южной окраины Воронежа; 87 — Сады (гор.); 88 — Шилово 3; 89 — Шилово (гор.); 90 — Верхнее Турово (гор.); 91—93 — пос. 57, 62, 73 на р. Песчанка; 94 — поселение 45 на левом берегу р. Воронеж; 95 — пос. 44 на ул. Щорса; 96 — пос. 40 у с. Монастырченка; 97—101 — пос. 16, 18, 23, 24, 27 на левом берегу р. Воронеж; 102—106 — пос. 1, 2, 8—11 на левом берегу р. Инютинки; 107 — пос. 5 в ур. Попова Дача; 108 — Беляево (гор.); 109 — Орлово; 110 — Орлиное Болото; 111 — Верхнее Казачье

Среди выделенных районов только первые три соответствовали крупным территориальным подразделениям среднедонского населения скифского времени. При этом обращает на себя внимание большой разрыв в цепочке правобережных городищ от с. Устье (рис. 72, 5—6) до с. Архангельское

(рис. 72, 27), хотя эта территория неоднократно подвергалась разведкам. Четвертый и пятый районы, судя по отсутствию в них следов прочной оседлости, скорее всего, служили для хозяйственной деятельности в форме отгонного или полукочевого скотоводства.

Глава 3. СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ СРЕДНЕДОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ДОНА (НА МИКРОРЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ)

Наибольшие возможности для изучения этой темы дает район Среднедонского Правобережья, подвергнутый сплошным археологическим разведкам Скифо-Сарматской экспедиции ВГУ в 1984—1992 гг. (рис. 74). При этом обследовались не только долины рек и водоразделы, но суходолы и большие балки. В ландшафтном отношении это типичная среднерусская лесостепь с преобладанием склонового типа местности, который занимает 50—55 % ее площади¹². Она входит в среднедонской меловой лесостепной физико-географический район.

Сплошное археологическое обследование Среднедонского Правобережья позволило не только выделить отдельные микрорайоны памятников, но и выявить одну важную закономерность во взаиморасположении городищ, поселений и курганных могильников внутри микрорайонов в пределах небольших рек или суходолов. Она может пролить свет на характер отношений групп населения, проживавших на городищах и поселениях, с одной стороны, и хоронивших своих сородичей в среднедонских курганах — с другой.

Если внимательно присмотреться к картам на рисунках 72, 74, то можно заметить одну закономерность — в большинстве микрорайонов памятников скифского времени городища часто располагались в верховьях и низовьях небольших рек и были соединены цепочкой поселений и стоянок.

I. На р. Усердец (левый приток Тихой Сосны) в верховьях находилось два городища у с. Верхняя Покровка (рис. 72, 52—53), а в низовьях — Стрелецкое городище (рис. 72, 54).

II. На р. Камышенка в верховьях расположено городище у с. Круглое (рис. 72, 48), а недалеко от ее низовий — Кировское городище

(рис. 72, 50). Между ними открыты шесть поселений, синхронных городищам. С этой группой поселений, скорее всего, связан курганный могильник Дуровка (рис. 72, 49).

III. Близкий по структуре микрорайон выявлен в 1990 г. нашей разведкой по р. Тростянке. Ранее здесь были известны городище и могильник у с. Русская Тростянка, исследованные А. И. Пузиковой (рис. 72, 47—47а). В результате разведки открыто девять поселений и стоянок, расположенных в окрестностях городища и ниже по течению реки.

IV. Остатки еще одного микрорайона находились в Городецком Яру, в верховьях которого известно большое городище у с. Шубное (рис. 72, 46), с востока к нему примыкал Жалин Яр. По их берегам удалось зафиксировать 15 поселений и стоянок. Курганный могильник не обнаружен.

V. Самый насыщенный городищами микрорайон известен по берегам и в русле ныне пересохшей речки Острогоща. В ее верховьях известно шесть городищ скифского времени у с. Волошино, изученных Лесостепной экспедицией П. Д. Либерова (рис. 72, 39—44). В 1991 г. в ходе нашей разведки в пойме этой речки ниже городищ открыто 11 поселений и стоянок, что заставило существенно изменить представление о расселении в окрестностях с. Волошино (рис. 74). Курганные могильники в этом микрорайоне не обнаружены, но одним из них могли быть курганы у с. Ближнее Стояново, расположенные на противоположном берегу р. Тихая Сосна недалеко от устья Острогощи (рис. 72, 45). Там открыты погребения скифского времени.

По Правобережью Тихой Сосны ниже г. Алексеевка открыта цепочка неукрепленных поселений скифского времени. 12 поселений находились в логу к северу от г. Острогожска, семь — на дне балок к востоку от с. Коротаяк. Названные памятники не образовывали

¹² Мильков Ф. Н. Среднерусское Белогорье. Воронеж, 1985. С. 127—134.

планиграфических структур, подобных описанным выше.

VI—VII. Большой район, а может быть, два отдельных микрорайона расселения среднедонского населения существовали по берегам р. Потудань. В верховьях ее притока — р. Скупая Потудань в 1992 г. нами открыто небольшое городище со скифским слоем (рис. 72, 34), а ниже — шесть поселений и стоянок, а также еще три поселения в левобережной балке. Возможно, с юга этот микрорайон на противоположном берегу Потудани замыкало большое, но полностью распаханное городище у с. Репьевка (рис. 72, 60). Недалеко от него располагался могильник Горки, где открыты скифоидные погребения (рис. 72, 59).

Ниже по течению Потудани шла группа неукрепленных поселений, а затем у с. Колбино, видимо, начиналась территория другого микрорайона VII. Здесь располагался большой курганный могильник Терновое 1 — Колбино 1 (рис. 72, 35), полностью исследованный В. И. Гуляевым. Еще ниже по течению известно городище у с. Солдатское (рис. 72, 36), а в устье реки два укрепленных поселения — небольшое городище Мостище с культурным слоем и жилыми постройками (полностью исследовано А. Т. Синюком и В. Д. Березуцким) и более крупное Аверинское городище практически без культурного слоя (рис. 76, 2). Поблизости находился Аверинский курган, разрушенный при распашке. Из него происходит фрагментированная гераклейская амфора IV в. до н. э., указывающая на то, что курган насыпан в скифское время, а также «странный комплекс» раннесарматского времени.

VIII. Крупный микрорайон занимал практически всю долину р. Девица. В ее верховьях находились городище «Крутцы» (рис. 72, 32) и окружающие его вниз и вверх по течению реки пять поселений, в среднем течении — городище Белая Гора (рис. 72, 33) и два расположенных поблизости поселения. В низовьях реки зафиксировано 15 пойменных поселений. Сохранились сведения о существовании при устье реки какого-то городища¹³. Скорее всего, в этот микрорайон входил Мастюгинский могильник (рис. 72, 31) и недавно открытые могильники Урыв-Дубовое (частично раскопанные А. П. Медведевым и В. Д. Березуцким),

а также Девица V, исследования которого продолжались под руководством В. И. Гуляева до 2021 г. (рис. 72, 67).

IX. Самый северный микрорайон Донского Правобережья, видимо, составляют памятники по р. Ведуга и ее притокам. Здесь известны не менее 14 поселений и два городища: Губаревское (рис. 72, 3) в среднем течении и Семилукское (рис. 72, 4) на правом берегу Дона в месте максимального сближения с Ведугой. Возможно, с этим микрорайоном памятников связан знаменитый могильник Частые курганы, расположенный на противоположном левом берегу напротив городища.

X. По нижнему течению р. Воронеж, выше и ниже города существовала серия городищ скифского времени, а также многочисленные поселения, известные в основном по старым сборам и архивным материалам. Из-за затопления низовий реки Воронежским водохранилищем здесь трудно выявить какие-либо структуры, хотя по уцелевшим памятникам и довоенным разведкам создается впечатление, что ранее они здесь шли чуть ли не сплошной полосой вплоть до устья реки. Возможно, центром микрорайона являлось Чижовское городище (рис. 72, 22) и сопутствующий ему курганный могильник со столбовыми гробницами и инвентарем скифского времени. К сожалению, сохранилась лишь краткая газетная заметка о раскопках этих курганов¹⁴. Оба памятника поглотил г. Воронеж.

Помимо выделенных микрорайонов памятников в Донском Правобережье открыты серии поселений по суходолам, которые фиксировались только по распространению подъемного материала на свежей распашке. Они являлись остатками сезонных стойбищ или кочевий. На некоторых из них удалось собрать и нанести на планы подъемный материал, прежде всего керамику, которая залегала отдельными «пятнами» овальной формы размерами до 40×70 м (рис. 76, 6). Они, скорее всего, маркируют местоположение легких сезонных жилищ типа юрт или кибиток.

С другой стороны, следует отметить, что даже крупные городища (Большое Сторожевое, Архангельское, Устье 1 и др.), расположенные на донских мысах, не имели примыкающих к ним «кустов» синхронных поселений. Видимо, эти городища выполняли иную, оборонительную функцию — от нападения с востока.

¹³ Савелов Л. М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Тр. XII Археологического съезда. 1902 г. Москва, 1905. Т. 1. С. 157.

¹⁴ Воронежский телеграф. 1911. № 76.

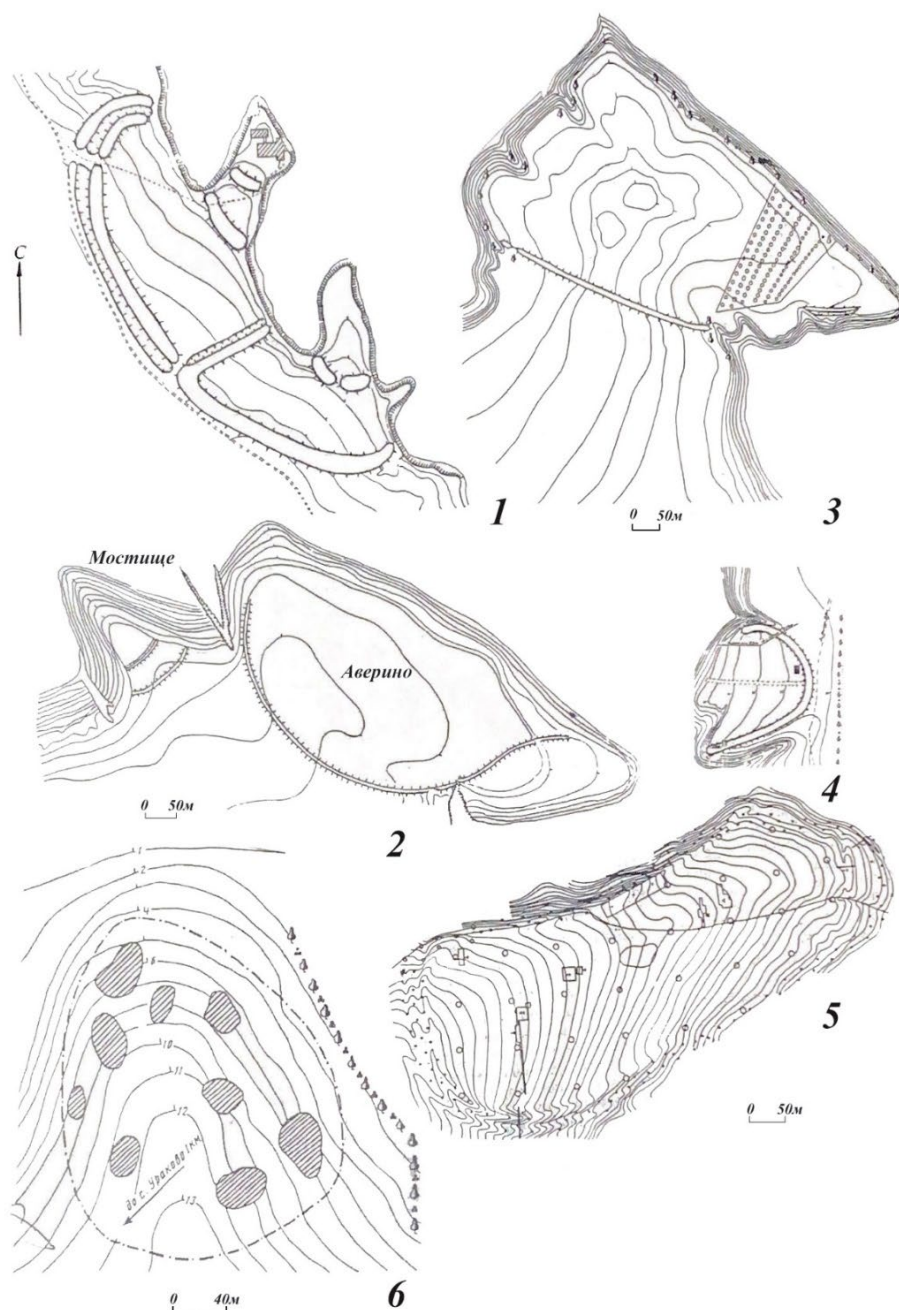

Рис. 76. Городища и поселение Среднедонского Правобережья:

1 — Архангельское; 2 — Мостище и Авериино; 3 — Большое Костомаровское; 4 — Круглое; 5 — Волошинское I; 6 — Ураково пос.

Скорее всего, выделенные выше микро-районы памятников представляют остаточные схемы расселения и хозяйственной деятельности отдельных групп населения скифского времени. Территорией обитания каждой из них являлся бассейн той или иной малой реки. Размеры освоенной ею территории, значительное количество городищ (от 1 до 6) и неукрепленных поселений (от 6 до 23) позволяют думать, что, скорее всего, она была больше отдельной общины (или патриимии), но вряд ли достигала размеров пле-

мени — основной надобщинной структуры той эпохи¹⁵. Последнему, видимо, могло соответствовать население нескольких соседних микрорайонов, охватывающих весь бассейн более крупной реки. В таком случае их могло быть не менее пяти (Тихая Сосна с притоками, Потудань с истоками, Девица, Верхний Дон в пределах Воронежской области, нижнее

¹⁵ Семенов Ю. И. О стадияльной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. Москва, 1979. С. 7—86.

течение Воронежа). В совокупности они могли составлять высший уровень объединения древних обществ переходной эпохи — «соплеменность» или «метаплемя»¹⁶. Возможно, их

было два, учитывая разрыв между массивами памятников в Среднедонском Правобережье и верхнедонскими и воронежскими памятниками.

Глава 4. ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ СРЕДНЕДОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

На наш взгляд, городища и связанные с ними стационарные поселения с культурным слоем, с одной стороны, и цепочки сезонных стоянок и курганных могильников — с другой, в той или иной мере отражали два основных хозяйственно-культурных типа (ХКТ), сосуществовавших в Донской лесостепи на протяжении скифской эпохи:

1. ХКТ оседлых лесостепных земледельцев и скотоводов с пастушеским придомным видом животноводства. Основной тип их постоянного местообитания — хорошо укрепленные городища с выраженным культурным слоем (рис. 76, 1, 3, 5), стационарными жилищами, реже — открытые поселения. Этот тип хорошо изучен скифологами, в том числе на Среднем Дону (Волошинское I, Большое Сторожеево) и Воронеже (Пекшево и др.).

2. ХКТ подвижных скотоводов-полукочевников. Скорее всего, именно они оставили курганные могильники и большинство сезонных стоянок, а также городища-убежища практически без культурных остатков. Определение полукочевого типа хозяйства для более позднего периода в ландшафтно-климатических условиях среднедонской лесостепи дал А. А. Шенников¹⁷. Его наличие на Среднем Дону в скифское время подтверждают специальные исследования палеозоологов и палеоботаников, использующих современные естественнонаучные методы¹⁸.

¹⁶ Попов В. А. Концепт племени, или этничность и потестарность «в одном флаконе» // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. № 2. С. 14—15.

¹⁷ Шенников А. А. Червлёный Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. Ленинград, 1987. С. 81—87.

¹⁸ Антипина Е. Е. Археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : Тр. Донской (Потуданской) археол. экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг. Москва, 2004. С. 157—170 ; Лебедева Е. Ю. Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпо-

Это проявляется, прежде всего, в различии остеологического материала городищ и курганных могильников, отражающих состав стада. Если на большинстве среднедонских городищ в стаде преобладал крупный рогатый скот, затем шли лошади при довольно высоком проценте свиней, которые по численности почти не уступали мелкому рогатому скоту¹⁹, то по курганным материалам определенно устанавливается абсолютное доминирование в стаде лошади при почти одинаковой доле крупного и мелкого рогатого скота и практически полном отсутствии свиней²⁰. Укажем, что в раскопанных курганах могильника Терновое 1 — Колбино 1 среди жертвенной пищи доля лошади достигала по тушам свыше 60 %²¹.

Скотоводческое население Среднего Дона вряд ли было кочевниками в полном смысле этого слова. Регулярные длительные перекочевки на большие расстояния, как в степи, здесь были не нужны в силу того, что продуктивность зеленой массы в лесостепи в два-три раза превышает таковую в злаковой степи²². О том же свидетельствует остеологический материал из среднедонских курганов, где преобладал не обычный для степных кочевников мелкий рогатый скот, а лошадь. Как уже отмечалось, в качестве весенних пастбищ среднедонские номады могли использовать обширные остепненные пространства Левобережья Дона вплоть до Хопра на востоке, а также подзону южной правобережной лесостепи ниже Тихой Сосны. Но к зиме они возвращались вместе со стадами в окрестно-

ху : Тр. Донской (Потуданской) археол. экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг. Москва, 2004. С. 188—195.

¹⁹ Цалкин В. И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону // МИА. Москва, 1969. № 151. С. 135—136, табл. 6.

²⁰ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 14, табл. 3.

²¹ Антипина Е. Е. Указ. соч. С. 182, табл. 1.

²² Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР. Москва, 1977. С. 125—128, табл. 5.

сти городищ. Без этого неоседлые скотоводы просто не могли выжить в условиях среднедонской лесостепи, так как значительная толщина снежного покрова (на открытых пространствах в среднем 12—14 см, но иногда и до полуметра) делала зачастую невозможной тебеневку — зимний выпас лошадей, не говоря уже о других видах домашнего скота. Необходимо было на время нередких зимних бескормиц подкармливать животных сеном или другими грубыми кормами, заранее заготовленными в определенных местах. Поэтому скотоводам нужны были длительные, практически на все холодное время года остановки у городищ, где могли иметься запасы сена и прочих кормов. Именно население городищ могло обеспечить необходимыми кормами стада кочевников. Напомним, что такой тип отношений русского и кочевого татарского населения был на Среднем Дону в эпоху Золотой Орды²³.

С ХКТ кочевников, скорее всего, связаны большие городища без признаков постоян-

ного обитания и крайне слабыми проявлениями культурного слоя типа Шубного, Аверинского и некоторых Волошинских городищ (рис. 76, 2, 3). По-видимому, близка к истине догадка П. Д. Либера, что такие городища использовались как загон и укрытия для скота²⁴. Весьма показательно, что они могли находиться в глубине территории, занятой оседлым населением. В этом плане весьма показательна пара городищ между хуторами Мостище и Аверино (рис. 76, 2). Первое представляло обычное небольшое мысовое городище с насыщенным находками слоем, остатками жилищ и большого количества хозяйственных ям. Нет сомнений в его принадлежности к первому ХКТ. В 200 м к востоку от него находилось большое Аверинское городище, обведенное одним валом, сооруженным в скифское время, и по площади раз в десять превосходящее Мостище. Эти явно синхронные памятники трудно интерпретировать иначе как жилое городище и его большой укрепленный загон для скота.

Глава 5. К ОЦЕНКЕ ЧИСЛЕННОСТИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет в самом первом приближении оценить заселенность нашего края в скифское время. Из 60 городищ половина находится на Среднем Дону. Но если мы примем во внимание такой объективный показатель, как жилая площадь городищ (без городищ-загонов), то окажется, что в этом районе сосредоточен 71 % городищ, на р. Воронеж — 25 %, на Верхнем Дону — 4 %.

Для получения более конкретных демографических данных о населении лесостепного Подонья в скифское время можно использовать количественные характеристики жилых сооружений, в частности их площадь. Удалось собрать сведения о более чем 60 жилищах IV в. до н. э. Из всего массива выбраны только постройки четырех наиболее полно исследованных городищ (Волошино I, Мостище, Семилуки, Пекшево). По каждому из них вычислена средняя площадь жилища и коэффициент плотности застройки — отношение числа от-

крытых жилых построек к исследованной площади городища.

В целом по лесостепному Подонью средняя площадь построек для IV в. до н. э. составила 14,4 м². Она более соответствует размерам жилища, которое исследователи отводят малой «нуклеарной» семье, а ее численность определяют от трех до семи членов²⁵. Принимая во внимание то обстоятельство, что большинство изученных жилищ относится ко времени расцвета среднедонской культуры и резкого увеличения населения в Подонье, вряд ли будет преувеличением, если мы сочтем за среднюю семью из пяти членов.

Исходя из полученных результатов анализа, минимальная расчетная численность оседлого населения Среднедонского Правобережья может быть оценена в пределах 7800—11 711 человек, по среднему коэффициенту — в 12 460 человек. Минимальная численность обитателей городищ Верхнего Подонья — 767 человек, по

²³ Шенников А. А. Червлёный Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. С. 96—97.

²⁴ Либера П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 10.

²⁵ Хазанов А. М. Социальная история скифов. Москва, 1975. С. 72—76.

среднему коэффициенту — 679 человек. В низовьях Воронежа, плотно застроенного городищами, она определяется в 9732 человека, по среднему коэффициенту — 4353 человека. Общая

численность оседлого населения лесостепного Подонья IV в. до н. э. определяется в пределах 18 000—22 000 человек, по среднему коэффициенту — в 17 000—18 000 человек.

Т а б л и ц а

Некоторые демографические характеристики донских лесостепных городищ

Городище	Общая площадь (га)	Исследованная площадь (м ²)	Число жилищ	Средняя площадь жилищ (м ²)	Коэффициент плотности	Расчетное число жилищ	Вероятная численность жителей
Волошино I	16	4000	8	14,6	1/500	320	1600
Мостище	1,3	3000	10	13,8	1/333	39	195
Семилуки	0,9	3600	13	9,2	1/277	33	162
Пекшево	0,5	2680	19	20	1/140	36	180
<i>По индивидуальным коэффициентам плотности</i>							
Средний Дон	78				1/500	1560	7800
					1/333	2342	11711
Верхний Дон	4,25				1/277	153	767
Воронеж	27,25				1/140	1946	9732
Всего	109,5	—	—	—		3659–4441	18299–22210
<i>По усредненному коэффициенту</i>					1/313		
Средний Дон						2492	12460
Верхний Дон						136	679
Воронеж						870	4353
Всего						3498	17492

Еще раз заметим, что это не реальная, а минимальная расчетная численность населения, проживавшего на сохранившихся городищах Донской лесостепи. В действительности она

была значительно выше, поскольку не учитывались площади поселений с культурным слоем и не менее десятка несохранившихся городищ, известных еще в конце XIX в.

Глава 6. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СРЕДНЕДОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 60-е годы П. Д. Либеров, опираясь на полученные им археологические материалы и господствовавшие еще в то время идеи автохтонизма в изучении проблем этногенеза, предложил оригинальную гипотезу происхождения среднедонской культуры. Он связывал ее генезис с местными племенами эпохи бронзы катакомбной и абашевской культур²⁶. Однако его гипотеза оказалась весьма слабо аргументирована, особенно в области хронологии. Достаточно указать, что по современным представлениям ни катакомбная, ни абашевская культура не доживают даже до середины II тыс. до н. э. В общем, автохтонная гипотеза П. Д. Либера не выдержала испытания временем.

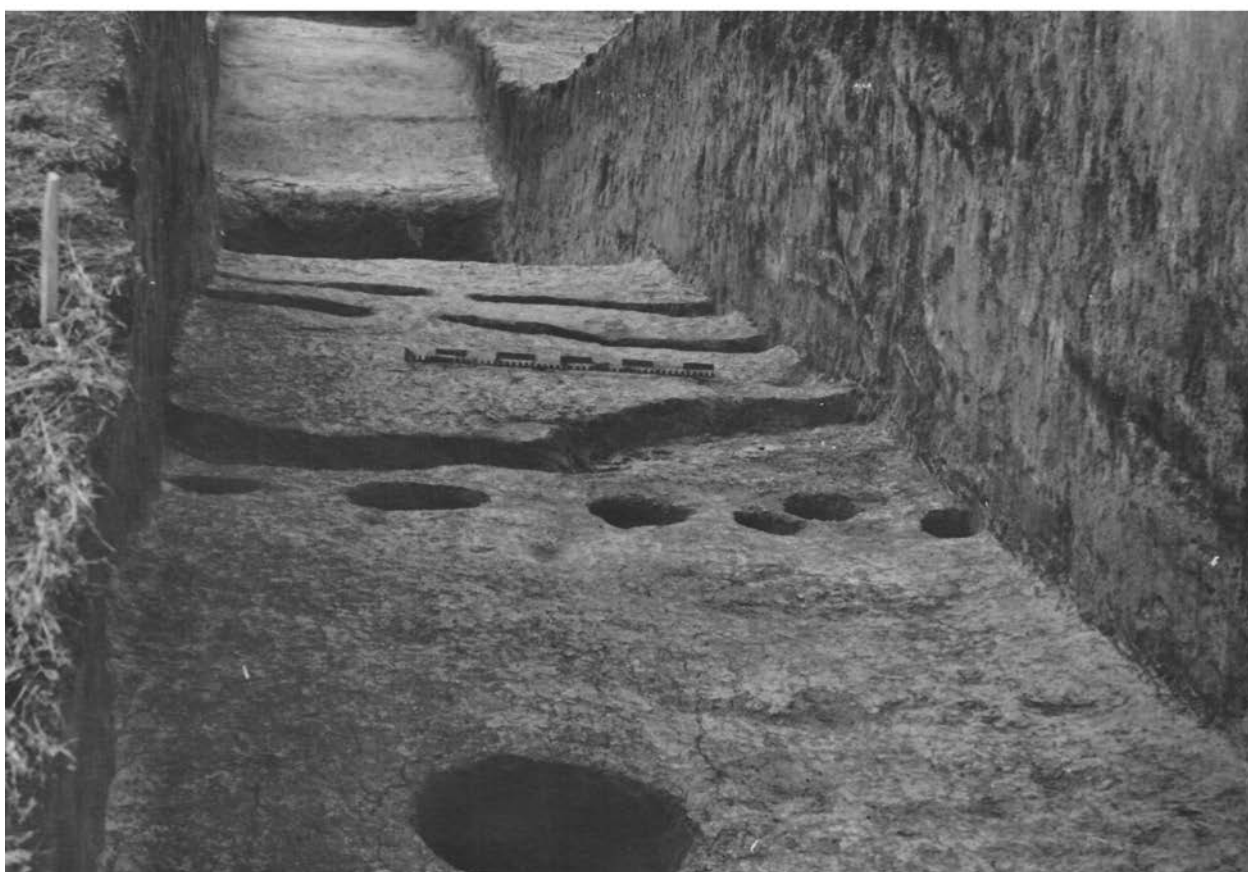
Как уже указывалось, Скифо-Сарматский отряд экспедиции ВГУ в 1985—1988 гг. про-

вел широкомасштабные раскопки Пекшевского городища (рис. 77, а; 78, а). Оно занимало оконечность правого берега р. Воронеж. На памятнике полностью исследована внутренняя жилая площадка (примерно половина его площади — 2700 м²), разрезаны обе линии укреплений. Под внешним валом высотой до 2 м открыты следы его деревянных конструкций в виде ряда глубоких столбовых ям (рис. 77, б). За ними ближе ко рву шла сплошная канавка глубиной более 1 м, а у внутреннего края рва — еще две параллельные канавки, в которых когда-то стояли деревянные конструкции. По всему периметру городищенской площадки прослежены те же две параллельные канавки, уходящие под внешний вал. Они служили основанием стенам, состоящим из вертикально вкопанных столбов. С сооружения параллельных канавок вокруг жилой площадки начиналось возведение большинства лесостепных городищ.

²⁶ Либеров П. Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время // МИА. 1971. № 177. С. 107—109, рис. 2.

а

б

*Рис. 77. Пекшевское городище:
а — вид с востока со стороны р. Воронеж;
б — остатки укреплений под внешним валом*

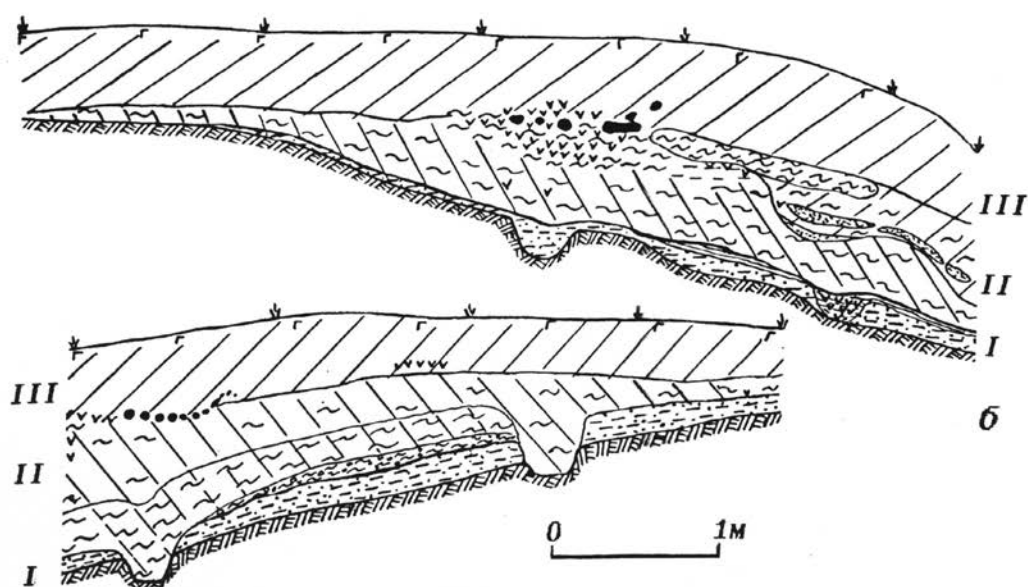
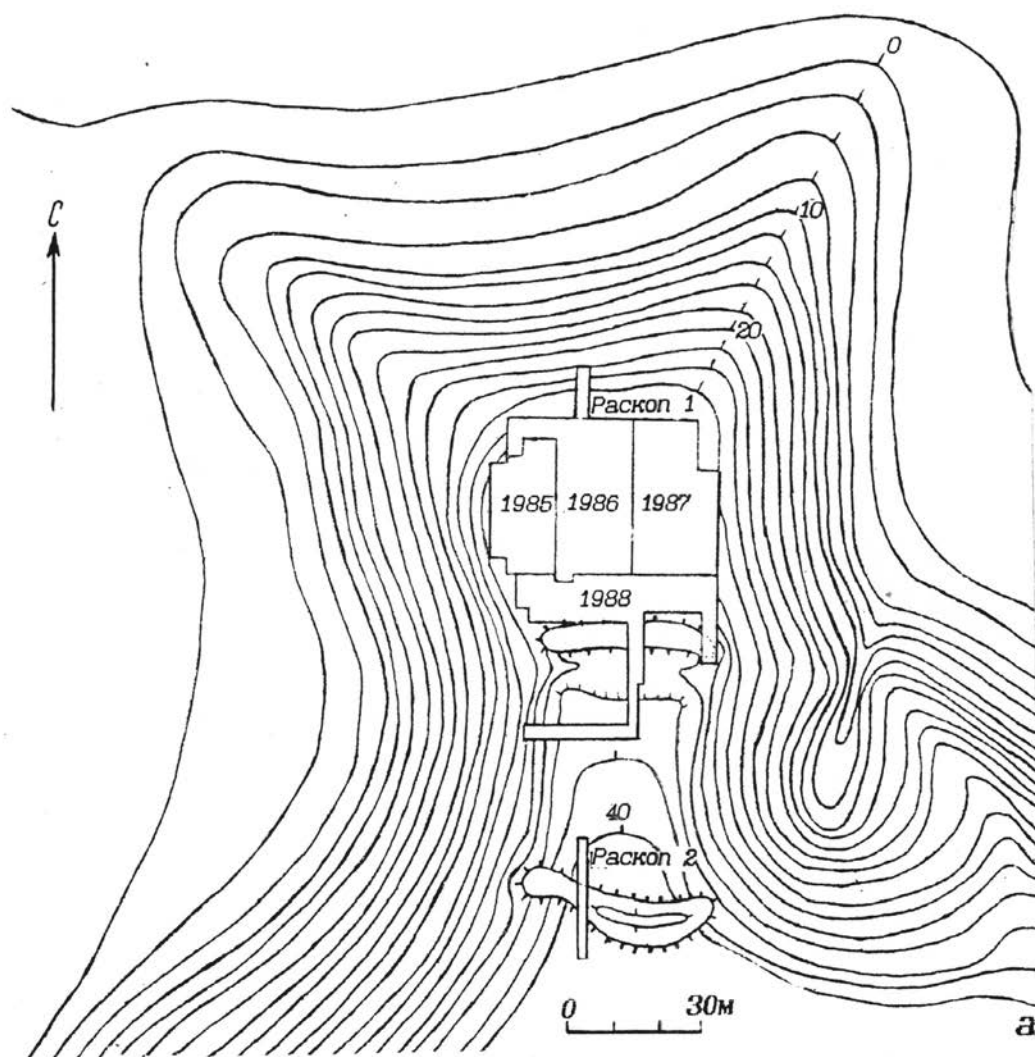

Рис. 78. Пекшевское городище: а — план; б — профили бровок у северного склона:
 I — нижний слой с сетчатой керамикой; II — средний золистый слой раннескифского времени;
 III — верхний слой среднедонской культуры

В ходе раскопок установлено, что деревоземляные укрепления по склонам мыса были сооружены после пожара, уничтожившего древнейшее поселение с сетчатой керамикой. При этом параллельные канавки неоднократно прорезали остатки его слоя и светлую золисто-углистую прослойку пожара (рис. 64, б). Скорее всего, с этими трагическими событиями связаны находки черепов и разрозненных человеческих костяков, встреченных на склонах мыса и даже между канавками в основании их заполнения. При этом первые укрепления были сооружены не сразу после гибели первопоселенцев — у краев городищенской площадки успел накопиться золистый культурный слой с керамикой раннескифского облика. Более того, на месте будущей оборонительной линии было построено жилище № 20 с архаическими материалами, датируемое первой половиной VI в. до н. э. (рис. 84, а). Позже жилище было заброшено, а его пол прорезан канавкой от деревянной стены. При этом с самого начала пространство между стенами стало заполняться счищенным слоем древнейшего поселения, затем мусором, оставленным новыми хозяевами, состоящим из битой посуды, крупных костей животных и золы (рис. 78, II)²⁷. В результате край площадки приподнялся примерно на 2 м от материка, что наблюдается и на ряде других лесостепных городищ.

Раскопки этого городища впервые дали массовый материал, столь необходимый для решения проблемы происхождения среднедонской культуры. Он залегал по краям городищенской площадки в среднем золистом слое на глубине от 0,4 до 1,6 м и перекрывал ранний слой поселения с сетчатой керамикой. Как указывалось, от этого слоя он был отделен прослойкой пожара. В центральной части городищенской площадки слой был счищен — здесь встречались материалы только среднедонской культуры.

Наличие четкой стратиграфии при значительной мощности культурных напласто-

ваний позволило провести детальное исследование этого памятника по «штыкам» толщиной в 20 см. В результате весь полученный материал был разделен на 11 пластов, отражающих историю населения этого городища с VIII в. до н. э. до первых веков н. э. Из них пять пластов (4—8-й «штыки») принадлежали среднему золистому слою. В нем найдено почти две тысячи единиц сосудов (по венчикам) и целые формы. Лепная керамика из среднего слоя Пекшевского городища по форме, обработке поверхности, орнаментации и составу теста заметно отличается от хорошо известной посуды среднедонской культуры (рис. 79). Большинство горшков слабо профилированные, приземистые, хотя встречаются и довольно высокие. Многие сосуды — толстостенные, тесто рыхлое с примесью крупной дресвы, отчего поверхность у них неровная, бугристая. Морфологический анализ самой распространенной формы — горшков позволил выделить восемь типов²⁸. Большинство из них орнаментировано по венчику крупными пальцевыми защипами, иногда образующими оттянутый валик (рис. 79, 3—4). Ниже венчика обычно идет ряд сквозных проколов, наколов или «жемчужин». Помимо горшков в среднем слое встречались в небольшом количестве миски, в том числе с проколами (рис. 79, 8), чашки, кувшины и дуршлаги. Изучение этой керамики и ее сравнение с посудой соседних вариантов лесостепной историко-культурной общности Днепро-Донского междуречья позволило решить проблему происхождения среднедонской культуры.

Установлено, что в основании второго слоя керамика со сквозными проколами, наколами, «жемчужинами» встречается наиболее часто. Чем выше, тем ее доля меньше. В верхнем слое на керамике среднедонской культуры эта орнаментальная традиция практически затухает — сохраняются только более мелкие защипы по венчику.

По всем перечисленным признакам керамика среднего слоя Пекшевского городища обнаруживает близость, вплоть до полной идентичности, архаической посуде скифоидных городищ лесостепного междуречья Днепра и Дона (рис. 80).

²⁷ Такая же стратиграфия со средним золистым слоем, насыщенным бытовыми отходами, недавно открыта на городище Верхнее Казачье в районе Задонска. См.: Разуваев Ю. Д. Городище у села Верхнее Казачье: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону. С. 209.

²⁸ Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. С. 67—69.

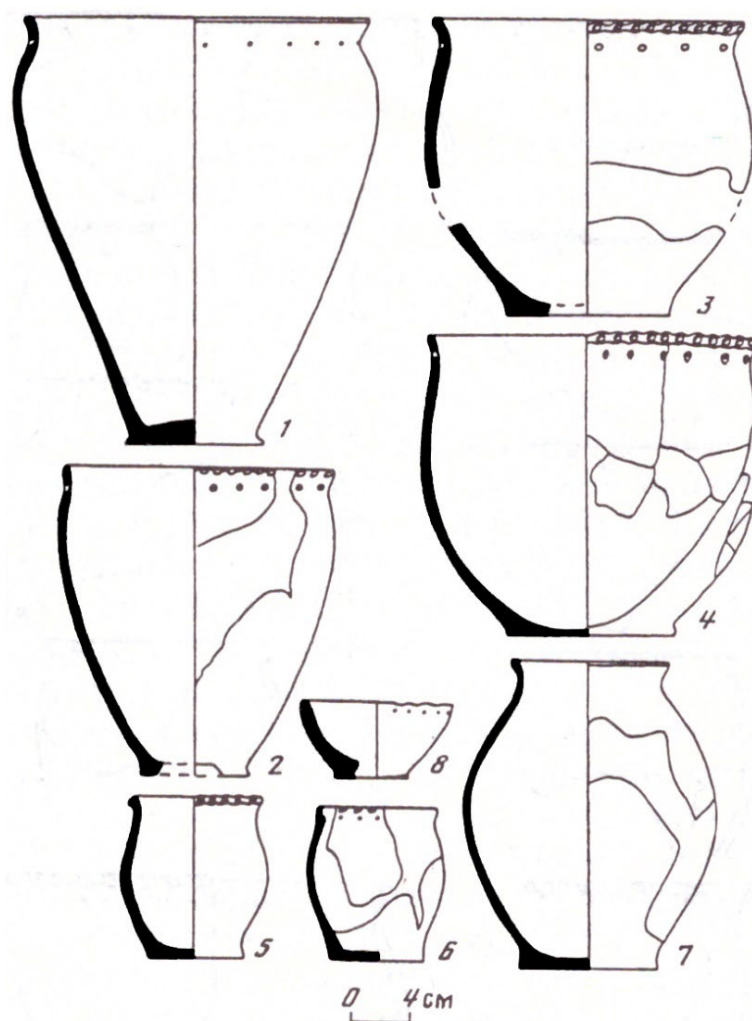

Рис. 79. Пекшевовское городище. Основные типы сосудов из среднего слоя

Итак, сравнительный анализ керамического комплекса среднего слоя Пекшевовского городища и лесостепных городищ Днепро-Донского междуречья однозначно свидетельствует о том, что первый является производным от более раннего керамического комплекса населения Днепровского Левобережья и Северского Донца. Из него развивается тот набор лепной керамики, который характерен для среднедонской культуры конца V — IV в. до н. э. (рис. 81).

Однако на Пекшевовском городище свидетельства появления в раннескифское время нового населения не исчерпываются только керамикой. В среднем слое обнаружен ряд находок, определенно указывающих на их происхождение из более западных и северо-западных районов лесостепи (рис. 82).

1. Три бронзовые булавки: две с навершиями в виде многовитковой спирали (рис. 82, 1—2), третья — посоховидная (рис. 82, 4). Многочисленные аналогии им известны в раннескифских комплексах Днепровского Правобе-

режья, где их датируют от конца VII до начала V в. до н. э.²⁹

2. Булавка с ажурным бронзовым навершием листовидной формы и железной иглой (рис. 82, 3). Найдена на полу постройки № 3, относящейся к наиболее архаичному типу жилища. Начиная с раннескифского времени такие украшения были довольно широко распространены в Верхнем Поднепровье, Подесенье и особенно на Верхней Оке.

3. В основании среднего слоя найдено бронзовое кольцо с несомкнутыми концами, внешняя поверхность которого покрыта группами рубчиков. Близкое украшение встречено на Пастырском городище в землянке, надежно датируемой по античной керамике VI в. до н. э.³⁰

²⁹ Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д4-5. Москва, 1978. С. 17—19, табл. 13, 18.

³⁰ Там же. С. 34, табл. 22, 27.

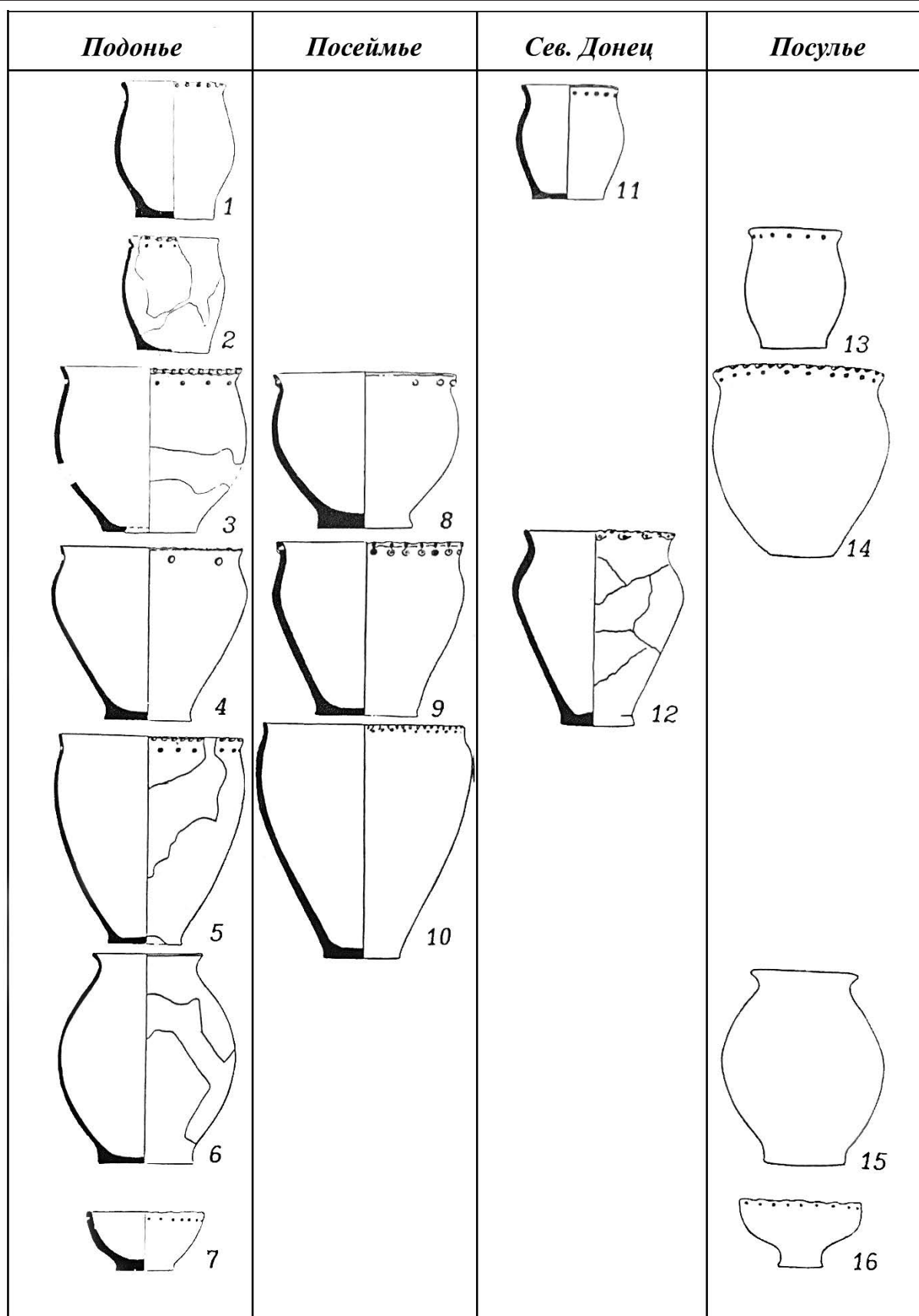

Рис. 80. Ранние формы лепной посуды с городищ лесостепного Подонья в сравнении с керамикой Днепро-Донского междуречья: 1—3, 5—7 — Пекшево; 4 — Большое Сторожевое; 8 — Кудеярова Гора; 9—10 — Марица; 11 — Черемушны; 12 — Островерховка; 13 — Броварки, кург. 504; 14 — Лука (кург.); 15 — Лубны; 16 — Стайкин Верх

Рис. 81. Пекшевское городище. Керамика среднедонской культуры V—IV вв. до н. э.

4. К числу ранних находок относятся изделия из кости, украшенные в зверином стиле. В углистой прослойке древнейшего пожара найден фрагмент костяного изделия, возможно, ручки ложки, украшенной резным изображением хищного животного, скорее всего, медведя (рис. 82, 6).

5. Из ранней постройки № 17 происходят два изделия в зверином стиле. Одно из них изготовлено из рога и имеет посередине круглое отверстие для продевания ремня (рис. 82, 7).

В верхней его части вырезано изображение головы травоядного животного с подчеркнутыми большими прямостоящими ушами. Возможно, это конский налобник. По ряду стилистических особенностей обе находки близки произведениям архаического скифского звериного стиля.

6. В той же постройке найден фрагмент изделия из трубчатой кости с круглым отверстием посередине. Оно украшено резной головой животного, возможно, медведя.

Рис. 82. Пекшевское городище. Находки из среднего слоя и построек:
1—4 — булавки из бронзы (3 — из бронзы с железной иглой); 5 — костяная ложечка;
6—7 — изделия из кости в зверином стиле; 8 — глиняная фигурка человека;
9 — глиняная погремушка; 10 — глиняная фигурка лошади

7. Также из кости была изготовлена ложка с ручкой, завершающейся закруглением с отверстием (рис. 82, 5). Она обнаруживает аналогии в архаических скифских погребениях, в частности в погребении Ново-Александровка на Нижнем Дону, датируемом по амфоре первой половины VI в. до н. э.³¹ Таким образом, перечисленные изделия также позволя-

ют отнести средний слой к эпохе скифской архаики и датировать не позже VI — начала V в. до н. э.

В среднем слое и ранних жилищах найдена весьма выразительная серия поделок из глины, которые указывают на районы, откуда вышли предки среднедонских племен. Среди них особый интерес представляют изделия культового назначения, в определенной степени отражающие особенности мировоззрения этого населения и их занятия.

³¹ Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. С. 39, рис. 24, 8.

8. На полу ранней постройки № 18 лежали фрагментированные антропоморфные фигурки (рис. 82, 8; 83, 6—7).

9. В ямах № 9 и 19, связанных с ранней постройкой № 3, найдены разбитые в древности фигурки лошадей (рис. 82, 10), быка, свиньи. Подобные антропоморфные и зооморфные фигурки являлись важным элементом культуры обитателей лесостепных городищ, начиная с раннескифского времени³². Кроме Пекшевского они встречались и на других памятниках лесостепного Подонья (Волошинском I, Большом Сторожевом, Кировском, III Чертовицком городищах и др.).

10. С земледельческими культами связаны другие находки: лепешки и хлебцы из глины, глиняные модели злаков и даже желудей. Они также имеют многочисленные аналогии на городищах Лесостепной Скифии.

11. В основании среднего слоя встречены глиняные яйцевидные блоки, известные по находкам и на других городищах, в частности на II Чертовицком городище, где они лежали вокруг кострища IV в. до н. э. На их поверхности почти всегда имеются глубокие вдавления пальцев. На Среднем Дону их находки не известны. Большинство исследователей считают наличие глиняных яйцевидных блоков одним из признаков юхновской культуры бассейнов Десны и Сейма³³. Скорее всего, от юхновцев они и попали к обитателям городищ Посеймья, а уже через последних — на городища по р. Воронеж.

12. С начальным этапом истории Пекшевского городища связаны находки глиняных детских погремушек разных размеров. Две из них в форме матрешек найдены в слое (рис. 82, 9), третья — биконической формы — на полу ранней постройки № 17. Внутри их находятся мелкие камешки или глиняные шарики, издающие при встряхивании характерный глухой звук. До раскопок Пекшевского городища такие погремушки на памятниках Донской лесостепи не встречались. Но они хорошо известны на городищах Посеймья³⁴, на Верхней

Оке³⁵ и на Северском Донце, в частности в составе жертвенного комплекса на городище Караван³⁶.

13. В среднем слое Пекшевского городища появляются так называемые «рогатые кирпичи», которые, скорее всего, служили очажными подставками. В обломках их найдено 88 экземпляров. Они имеют вид широкой, постепенно утолщающейся книзу трапеции с круглым отверстием в центре, скорее всего, для вертела. Их плоское основание напоминает подошву, верхняя часть скруглена, иногда имеет неглубокую выемку. Находки «рогатых кирпичей» известны на юхновских, скифоидных городищах Посеймья и лесных городищах³⁷. Скорее всего, на Верхний Дон они попали из района Посеймья вместе с архаическим скифоидным комплексом. Наконец, следует отметить находки глиняных льячек для изготовления бронзовых украшений (рис. 84, 4).

14. Начиная с нижних штыков среднего слоя на Пекшевском городище встречались глиняные пряслица и грузики — около 130 экз. Это свидетельства распространения ткачества в раннем железном веке. По форме и орнаментации пряслица чрезвычайно разнообразны. Большинство из них находят точные соответствия на городищах бассейнов Северского Донца, Ворсклы и Сейма. В верхнем слое количество пряслиц увеличивается в разы (не менее 600). Из орудий труда следует отметить находки железных серпов в слое и в одной из ранних построек. Это прямое свидетельство развития зернового земледелия у первых обитателей укрепленного поселения у с. Пекшево. Оно подтверждается и отпечатками зерновок на поверхности многих пекшевских сосудов, зернотерками и пестами, большими зерновыми ямами и свидетельствами земледельческих культов³⁸.

³⁵ Никольская Т. И. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. // МИА. 1959. № 72. С. 22—27, рис. 2, 11; 7, 5.

³⁶ Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С. 299, рис. 77, 11.

³⁷ Воеводский М. В. Городища Верхней Десны // КСИИМК. Москва, 1949. Вып. XXIV. С. 41, рис. 17, 15.

³⁸ Меркулов А. Н. Хозяйственная деятельность скифоидного населения Пекшевского городища // Археологическое наследие. Воронеж. 2020. № 1 (3) : Античность. Скифы. Сарматы. Номер журнала посвящен 70-летию юбилею профессора Александра Павловича Медведева. С. 224—227.

³² Шрамко Б. А. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 3—39.

³³ Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. 1962. № 113. С. 109.

³⁴ Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье VI—V вв. до н. э. Москва, 1981. С. 87, рис. 43, 42.

Глава 7. ТИПЫ ЖИЛИЩ И ПЛАНИРОВКА ПЕКШЕВСКОГО ГОРОДИЩА

На Пекшевском городище исследована 31 постройка, из которых 25 можно определенно отнести к жилым. Главным критерием для их выделения считается наличие отопительного устройства в виде открытых очагов на полу построек, дополнительным — повышенная концентрация хозяйственных ям и находок. По планировке постройки Пекшевского городища делятся на два типа.

Тип 1 — наземные постройки столбовой конструкции округлой или эллипсоидной в плане формы — 6 (рис. 83а, 84а). Их минимальные размеры 3,5×4,8 м, максимальные — 6×9 м. Средняя площадь — около 36 м². Отопительные устройства — открытые очаги от одного до трех в зависимости от размеров жилища.

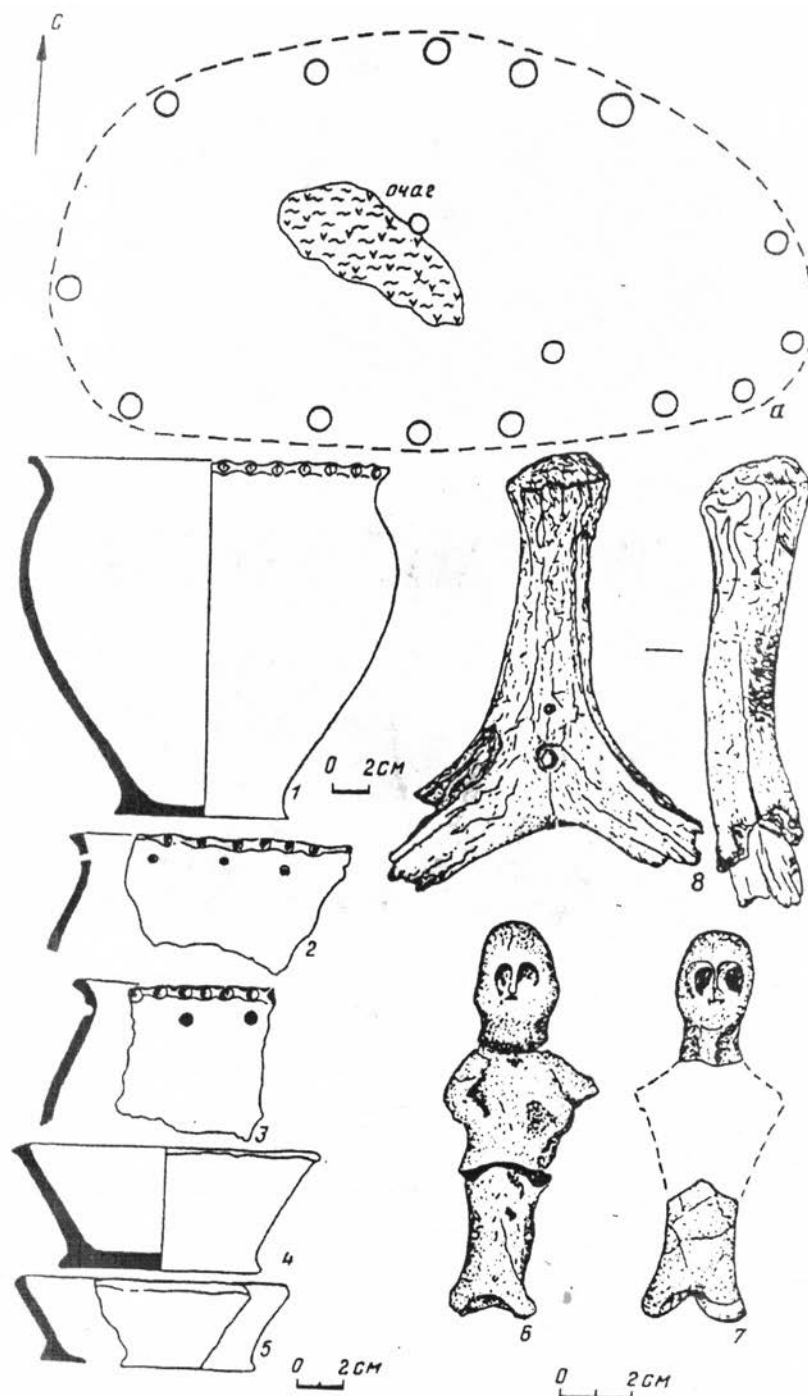

Рис. 83. Пекшевское городище. Постройка № 18

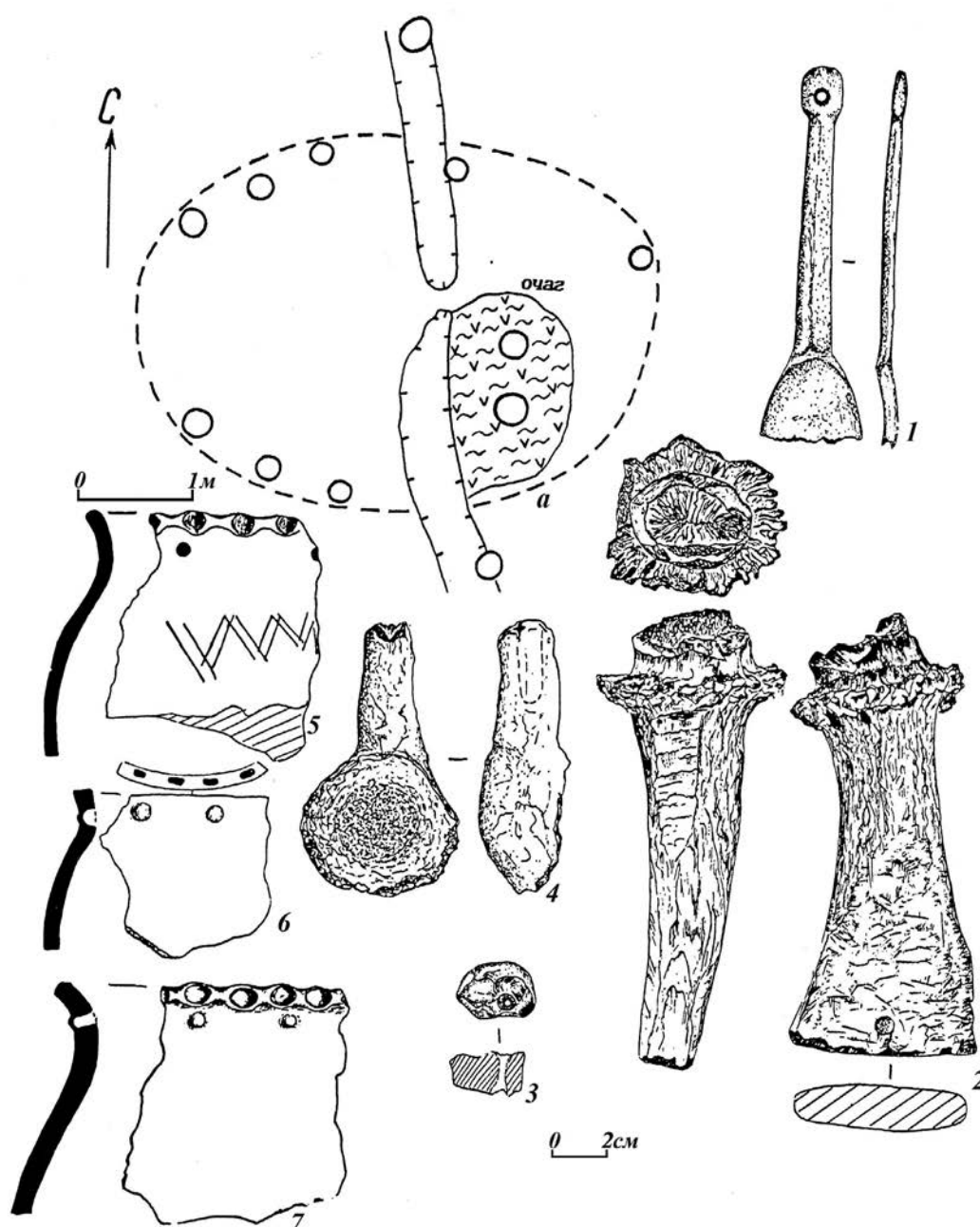

Рис. 84. Пекшевское городище. Постройка № 20

Тип 2 — наземные или слабоуглубленные постройки также столбовой конструкции, но прямоугольной формы — 17 (рис. 85). Минимальные размеры жилищ — $2,6 \times 3,1$ м, максимальные — $4,05 \times 6,9$ м. Средняя площадь этих построек — 20 м^2 . На полу обычно один-три открытых очага, у большинства имелись хозяйственные ямы. В некоторых постройках обнаружены скопления обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев от плетневых стен на столбовом каркасе. В них встречались керамика и другие находки среднедонской культуры конца V — IV в. до н. э.

Первый тип жилищ обнаруживает многочисленные аналогии на городищах и поселениях Лесостепной Скифии, где появляется значительно раньше. Наземные жилища округлой формы известны в Среднем Поднепровье еще в предскифское время, но получают наиболее широкое распространение в эпоху скифской архаики VII—VI вв. до н. э. Их открытие на Пекшевском городище прямо указывает на перенос домостроительных традиций из украинской лесостепи на территорию Подонья. Стратиграфически все они связаны со средним слоем городища, а некоторые им перекрыты.

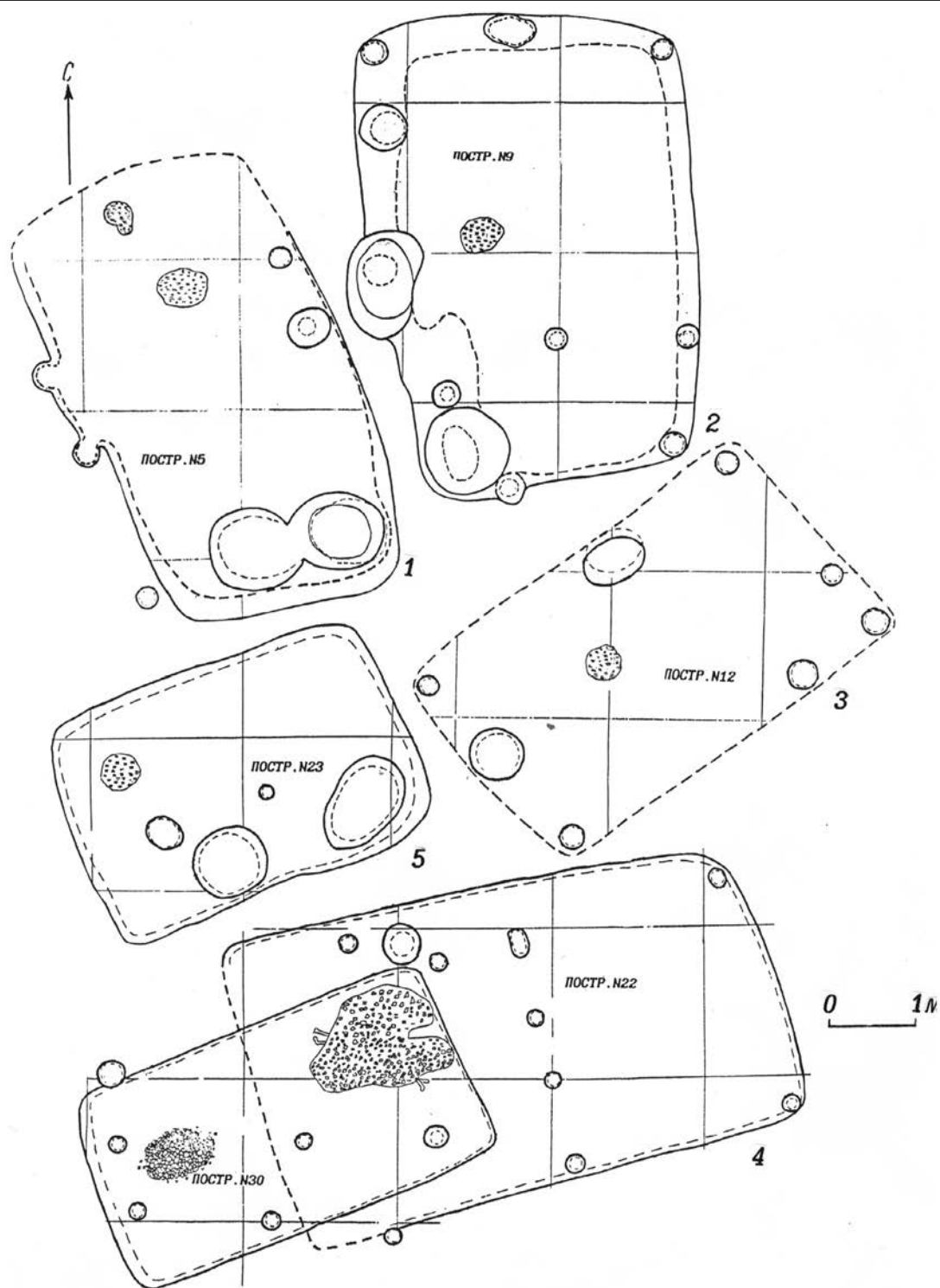

Рис. 85. Пекшевское городище. Постройки 2-го типа конца V — IV в. до н. э.

Наземные жилища второго типа также получили широкое распространение в лесостепном Днепро-Донском междуречье с раннескифского времени. На Дону прямоугольные жилища известны на Семилюкском и I Волошинском городищах³⁹. Ряд лег-

ких наземных построек открыт на городище Мостище⁴⁰. В Подонье все постройки 2-го типа происходят с городищ конца V — IV в. до н. э.

³⁹ Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона. С. 47.

⁴⁰ Синюк А. Т. Мостищенский комплекс древних археологических памятников (эпоха бронзы — ранний железный век). Воронеж, 2001.

Планиграфический анализ показал, что более ранние жилища первого типа располагались ближе к склону и шли по кругу, тогда как жилища второго типа уже сооружались по всей городищенской площадке, иногда перекрывая более древние постройки (рис. 86). Лишь центральная часть городища оставалась незастроенной — здесь располагались две огромные ямы, скорее всего, предназначенные для хранения семенного фонда. Материалы раскопок Пекшевского городища позволяют реконструировать жизнь его обитателей (рис. 87).

Итак, исследование Пекшевского городища показало, что его население по культуре очень близко племенам Днепровского лесостепного Левобережья, в особенности Посеймья. Их появление в Подонье следует связывать с расселением скифоидного земледельческо-скотоводческого населения. Их миграция осуществлялась путем освоения новых территорий, прежде всего, по причине относительного перенаселения лесостепного Поднепровья, где скопилась основная масса оседлого населения, сконцентрированного к началу VI в. до н. э. на городищах-гигантах типа Бельского или Трахтемировского.

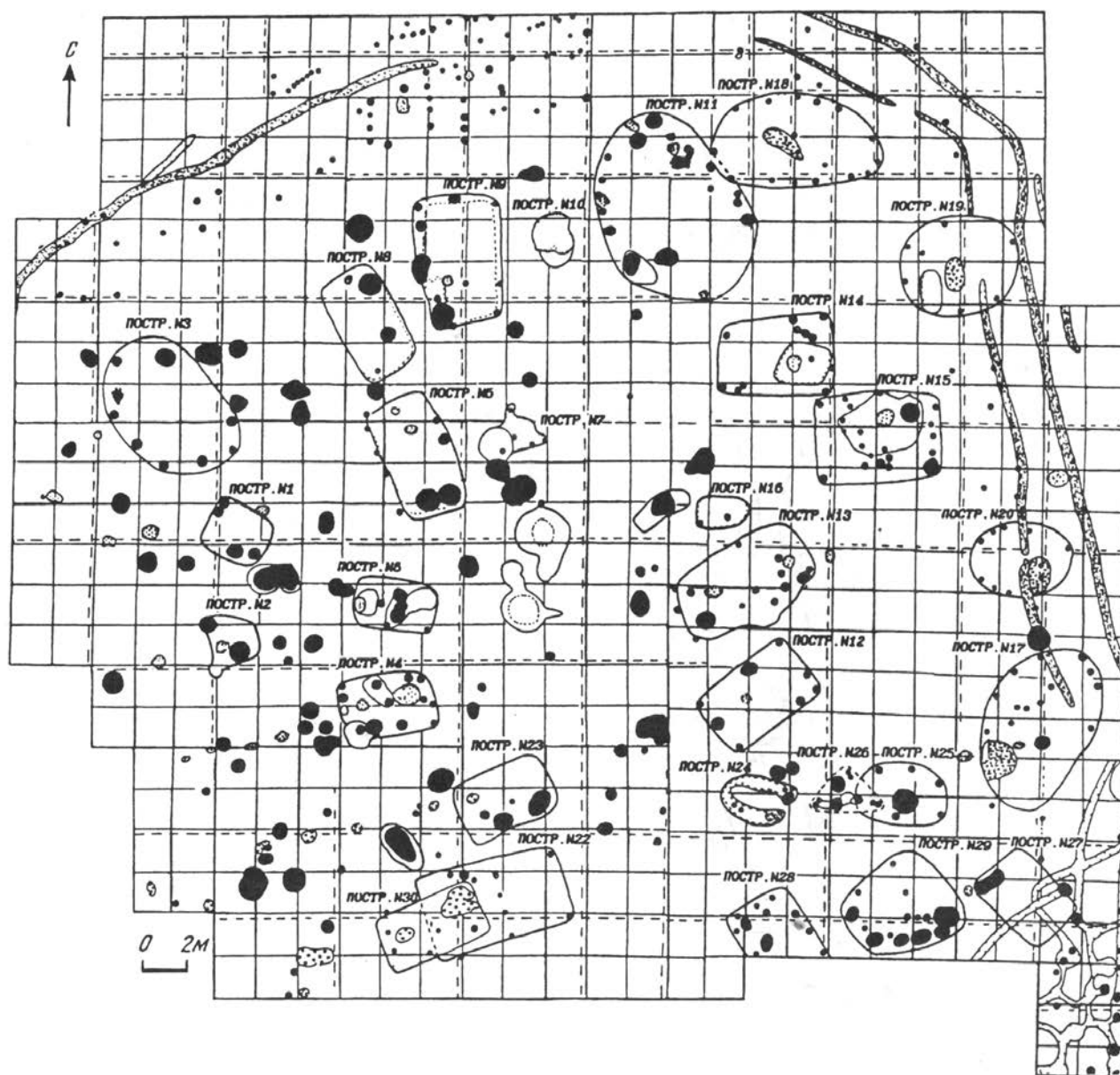

Рис. 86. Пекшевское городище.
План застройки внутренней площадки

Рис. 87. Повседневная жизнь на Пекшевском городище в IV в. до н. э.
(реконструкция Я. П. Мулкиджаняна)

Судя по имеющимся на сегодняшний день данным, к освоению Донского региона они приступили не ранее начала VI в. до н. э. На это время указывают не только керамический комплекс и не только характерные индивидуальные находки, но и фрагменты античных амфор. Под валом найден фрагмент амфоры светло-коричневой глины, орнаментированной волнообразной полосой красной краски. По определению С. Ю. Монахова, она изготовлена в одном из ионийских центров не позже второй половины VI в. до н. э. Верх другой ионийской амфоры, украшенной по горлу кругом с точкой, найден в 5-м штыке среднего слоя. Она датируется тем же временем. Однако следует отметить, что ко времени поступления этих амфор на городище уже накопился полуметровый культурный слой с материалами раннескифского облика.

Освоению новых территорий вплоть до Дона способствовало как относительное смягчение климата ближе к середине I тыс. до н. э., так и отсутствие здесь сколь-нибудь воинственного автохтонного населения. На Верхнем Дону расселение скифоидных племен сопровождалось столкновениями с населением, оставившим нижний слой Пекшевского городища. На Среднем Дону никаких следов автохтонного населения до появления городищ не фиксируется. Колонизация этого региона носила мирный характер — путем постепенного продвижения земледельцев и скотоводов из бассейна Донца, верховьев левых притоков Днепра на Средний Дон. По пути они сооружали городища, материалы которых убедительно свидетельствуют о том, что Правобережье Дона стало конечным пунктом этого переселения только ближе к концу VI в. до н. э.

РАЗДЕЛ 3. СКИФСКАЯ ЭПОХА НА ДОНУ. СРЕДНЕДОНСКИЕ КУРГАНЫ

Историю населения Донской лесостепи в скифское время невозможно понять без изучения другого типа памятников — курганных могильников. Ранее их называли воронежскими, теперь чаще употребляют название «среднедонские курганы», хотя некоторые из них (Частые, Староживотинные) расположены несколько выше устья Воронежа, который

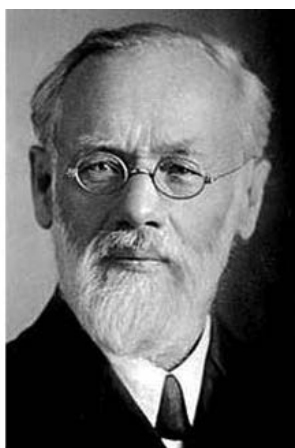
географами принимается за рубеж Среднего и Верхнего Дона.

Среднедонские курганы содержат ценную информацию, представляющую второй, независимый от городищ источник для изучения этнокультурных и социальных процессов на Среднем Дону в скифское время. Они дают материалы о жизни той части населения, которая осталась лежать под курганами.

Глава 1. ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Раскопки курганов скифского времени в начале XX в. сразу привлекли внимание российской общественности. Они не только дали сенсационные находки, но благодаря **Александру Андреевичу Спицыну** (рис. 88, а) и особенно

Михаилу Ивановичу Ростовцеву (рис. 88, б), сделавшему блестящий доклад о Воронежском серебряном сосуде на Международном археологическом съезде в Лондоне в 1915 г., стали достоянием мировой культуры.

а

б

Рис. 88. а — А. А. Спицын, б — М. И. Ростовцев

Позднее материалы раскопок 1910—1915 гг. были опубликованы одним из их участников С. Н. Замятниным¹.

Принципиально новый этап в изучении курганов скифского времени на Дону наступил в начале второй половины XX в. благодаря раскопкам Лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР во главе с П. Д. Либеровым и А. И. Пузиковой. П. Д. Либеров доисследовал Мастюгинские и Частые курганы, А. И. Пузикова провела раскопки курганов у сел

Русская Тростянка и Дуровка, последние дали наиболее яркие результаты. За 20 лет работы эти исследователи раскопали около сотни курганов. С середины 90-х годов прошлого века их успешно изучает Потуданская экспедиция Института археологии РАН под руководством В. И. Гуляева. Им полностью раскопан могильник Терновое 1 — Колбино 1, частично — курганы у сел Горки и Девица. Несколько курганов у с. Дубовое раскопал В. И. Березуцкий, дюжину разграбленных курганов доисследовал А. П. Медведев в самом северном из среднедонских — Староживотинном — могильнике. В результате мы располагаем более чем двумя сотнями курганных комплексов конца VI — IV в. до н. э.

¹ Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910—1915 гг.) // Советская археология. 1946. Вып. VIII. С. 9—50.

Глава 2. СРЕДНЕДОНСКОЙ КУРГАННЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Как известно, курганный обряд погребения зародился среди степных скотоводческих культур за несколько тысячелетий до скифской эпохи². Но это не означает, что в скифское время он был принесен на Средний Дон непосредственно из степи. Лишь с VIII—VII вв. до н. э. он получил широкое распространение сначала в украинской, а позднее в донской лесостепи.

Сейчас на территории нашего края известно не менее десяти курганных могильников, в которых исследовано около 200 погребений скифского времени. Они всегда располагались по высоким берегам рек и суходолов, занимая господствующие участки местности (рис. 89). По данным палеопочвоведения, ко времени сооружения среднедонских курганов на водоразделах существовали степные ландшафты, более засушливые, чем современные³.

Могильники насчитывают от 25 (Дуровка) до 57 насыпей (Терновое 1 — Колбино 1) различной величины (рис. 89). Большинство из них сформировались вокруг одного или нескольких более древних курганов эпохи бронзы. Пространственный микроанализ памятников скифского времени на Среднем Дону позволил установить одну закономерность взаиморасположения курганных некрополей и синхронных им ближайших городищ. Оказалось, что практически всегда курганные могильники находились на значительном удалении (от 2,5 до 8 км) от ближайшего городища. Но что еще более существенно, они практически всегда располагались на противоположных берегах рек или суходолов.

Такую топографию дают могильник и городище у с. Русская Тростянка, Мاستюгинский могильник и городища «Гора Белая» на р. Девица, Частые курганы и расположенное на противоположном берегу Дона Семилукское городище, в окрестностях которого имелось несколько бродов; могильник Дуровка и Кировское городище; Староживотинные курганы, отделенные глубоким Мокрым ло-

гом от Животинного городища, сооруженного в скифское время. Пока не совсем понятна ситуация с большим могильником Терновое 1 — Колбино 1, но к западу от него через лог известно городище Солдатское. Обычно древние поселения и могильники одного и того же населения располагаются поблизости друг от друга. Здесь же создается впечатление явно-го *отчуждения* населения, хоронившего своих сородичей в курганах, от обитателей городищ. Это явление требует объяснения.

К настоящему времени курганы в могильниках скифского времени имеют небольшие насыпи из-за постоянной распашки: высота до 1 м при диаметре 10—20 м. Лишь некоторые достигают высоты 2 м при диаметре до 50 м. Даже самые крупные и богатые курганы из старых раскопок не превышали в высоту 3,5 м (Мастюгино, кург. 1, 1905 г.). Насыпи однородные, что указывает на их сооружение в один прием. Но в них встречаются остатки прокалов от кострищ и тризн в виде костей животных и разбитой посуды, амфор.

На Среднем Дону курганы сооружались, как правило, для одного погребенного, в единичных случаях в них открыты впускные захоронения. Под насыпью в ряде курганов на уровне древнего горизонта прослежен могильный выкид, специально уложенный вокруг могилы в виде невысокого вала высотой до 1 м (рис. 90, 1). Обычно он замкнут в виде кольца, но иногда имеет разрыв с юго-запада или северо-востока. Такие валы служили не только утилитарным целям, но и выполняли определенные сакральные функции, отделяя «мир мертвых» от «мира живых». *«Эту преграду я устанавливаю для живых. Пусть же никто другой среди них не отправится к этой цели!»* — сказано в священной книге индоариев «Ригведе» (X, 18, 4)⁴. Той же цели служили кольцевые ровики вокруг могилы, выявленные в ряде курганов с разрывом-перемычкой, видимо, для внесения усопшего в погребальный пространство⁵.

² Медведев А. П. Курганы в низовьях р. Елань. Воронеж, 2020.

³ Чендев Ю. Г. Погребенные почвы курганов и климат голоцена южной окраины Среднерусской возвышенности // Археология Среднего Дона в скифское время : Тр. Потуданской археол. экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг. Москва, 2001. С. 168—169.

⁴ Ригведа. Мандалы IX—X / Пер. Т. Я. Елизаренковой. Москва, 1995.

⁵ Савченко Е. И. Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1» (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифское время : Тр. Потуданской археол. экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг. Москва, 2001. С. 63, 118, рис. 9, 1.

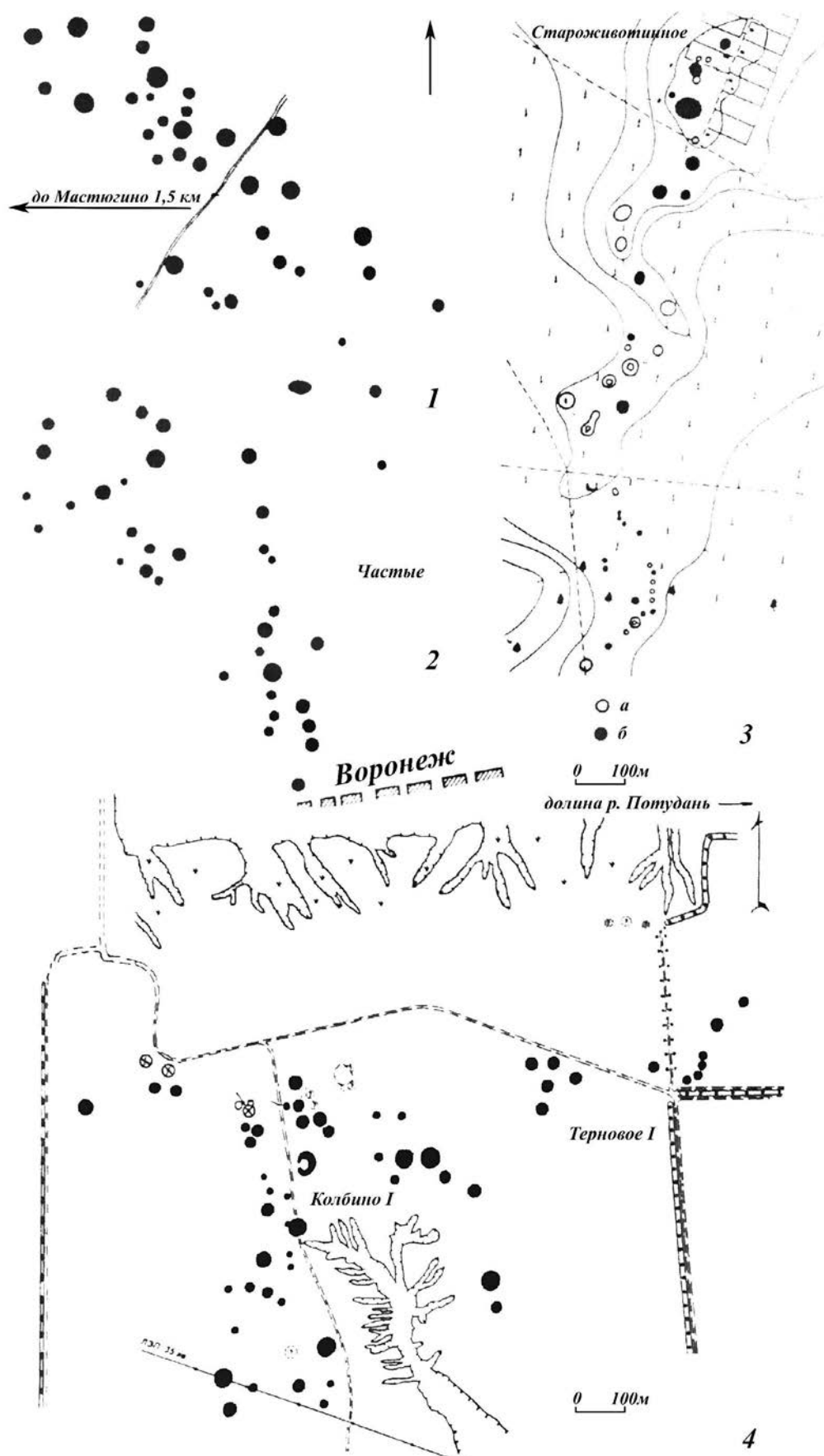

Рис. 89. Курганные могильники лесостепного Подонья:
 а — нераскопанные курганы; б — раскопанные курганы.
 Планы: 1 — Мастюгинские; 2 — Частые; 3 — Староживотинные; 4 — Терновое 1 — Колбино 1

П. Д. Либеров рассматривал кольцевые рвы как своеобразную черту погребального обряда населения Среднего Дона в скифское время⁶. Однако этот обычай был распространен очень широко — не только в Степной и Лесостепной Скифии, но и у савроматов за

Доном, а также у кочевников Самаро-Уральского междуречья, не говоря уж о причерноморских скифах. Это не специфически среднедонская, а весьма универсальная традиция, распространенная у кочевников I тыс. до н. э.⁷

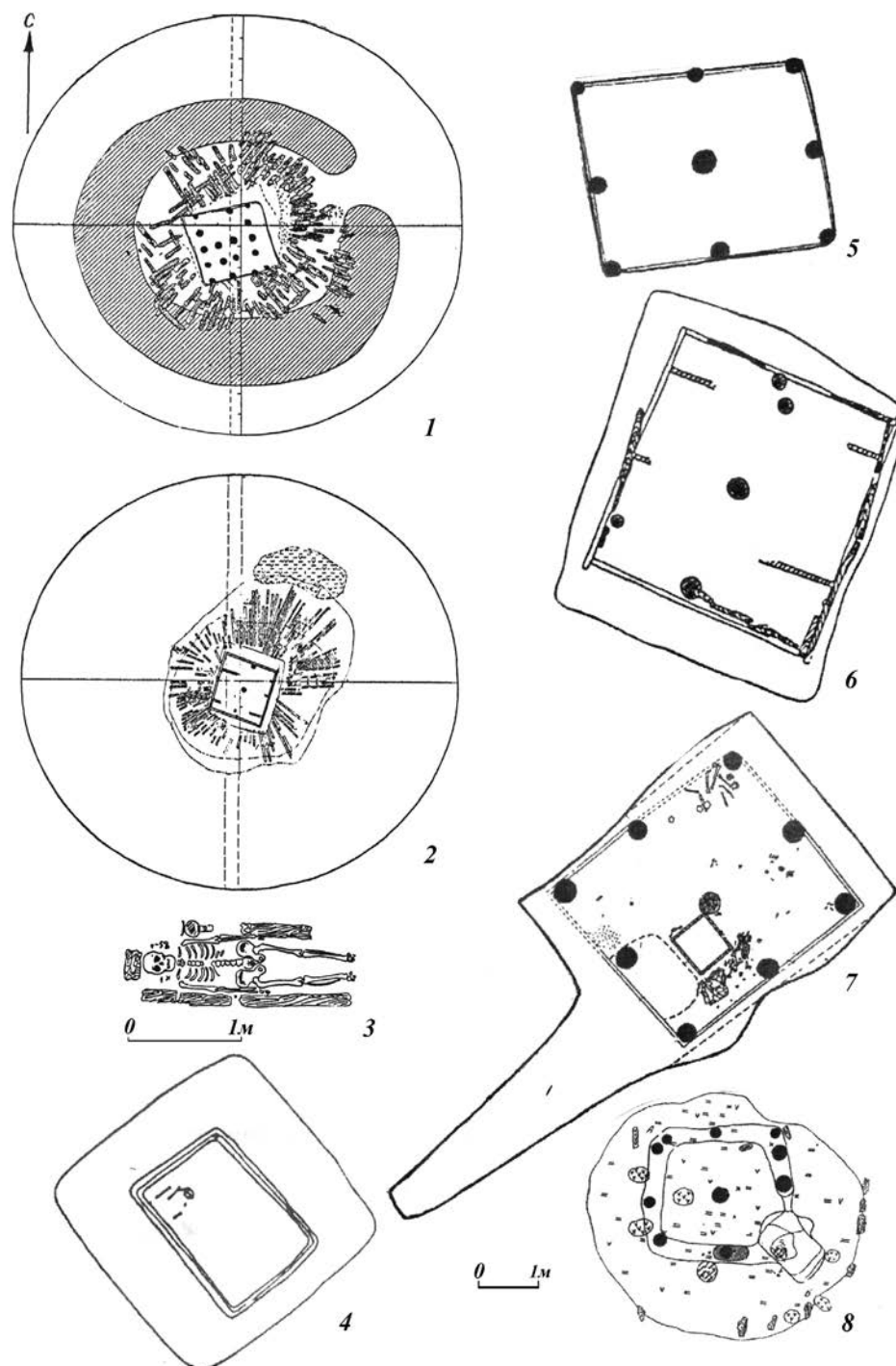

Рис. 90. Основные типы погребальных сооружений в среднедонских курганах

⁶ Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. 1969. № 151. С. 18.

⁷ Ковпаненко Г. Т. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. 1988. № 2. С. 75—76.

Подавляющее большинство погребений в курганах скифского времени Среднего Дона являлись основными и единственными. Абсолютное преобладание основных погребений (94 %), сконцентрированных в довольно больших могильниках, явно свидетельствует о прочном военно-политическом положении оставившего их населения в Среднедонской лесостепи. Наоборот, в Левобережье Среднего Дона открыты, главным образом, единичные впускные захоронения, что уже само по себе отражает принципиально иную хозяйственно-культурную и военно-политическую обстановку.

В среднедонских курганах выделяется четыре типа погребальных сооружений, что свидетельствует о неоднородности социума, их оставившего.

I тип — погребения в насыпи и на древнем горизонте — 8 % (рис. 90, 3)⁸. Большинство из них впускные, поэтому тип могил и их размеры фиксировались редко. Но судя по сохранившимся захоронениям, они имели удлиненно-прямоугольную форму и отличались небольшими размерами — в среднем 2,5 м² и редко 6—8 м², хотя известны и наземные склепы. Иногда на древнем горизонте сооружались и большие склепы, но по устройству мы их относим к иному типу.

II тип — простые грунтовые могилы — 27 % (рис. 90, 4). Столбовые конструкции в них отсутствовали. Преобладали ямы небольших и средних размеров, очень редко встречались крупные — до 22,5 м². У большинства форма прямоугольная с соотношением сторон 2:3. Над некоторыми сохранились остатки деревянных перекрытий в виде наката. Изредка в могилах этого типа погребения совершались на деревянном настиле на полу или на так называемом «столе», ограниченном канавками и покрытом войлоком (рис. 90, 4).

III тип — каркасно-столбовые склепы — более 50 % (рис. 90, 5—6). Главную их особенность составляет наличие следов вертикальных столбов в виде круглых ямок вдоль стен и по центру, поддерживающих перекрытие и закрепляющих деревянную обшивку могилы (рис. 91, а). Число столбов варьирует от одного до 20, но чаще всего в могилах встреча-

ется пять (четыре по углам и один в центре) или восемь-девять (восемь по углам и вдоль стенок и один в центре). Такое устройство склепов на 8—9 столбах прослежено почти в 70 % погребальных сооружений этого типа. Погребальные камеры III типа имели прямоугольную, а иногда почти правильную квадратную форму. Их площадь варьировала в пределах от 7 до 49 м² (кург. 29/21 Мастюгинского могильника 1905 г.), но почти половина превышала 20 м².

Большинство столбовых склепов перекрыто деревянными накатами в один-два ряда, некоторые имели монументальные шатровые перекрытия, опирающиеся на центральный опорный столб (рис. 90, 1, 2). От обшивки стен иногда сохранялись остатки горизонтально уложенных или вертикально поставленных плах, а чаще канавки вдоль стен с остатками древесного тлена, в которые вставлялись плахи облицовки. У некоторых склепов на материковом полу лежали остатки или фиксировались отпечатки деревянных настилов, сплошных или только под погребенными.

Тип IV — каркасно-столбовые склепы с дромосами — 15 %. По размерам и устройству погребальной камеры они ничем существенно не отличались от III типа, за исключением наличия с одной из сторон специального входа — дромоса (рис. 90, 7; 91, б). У большинства могил они невелики — шириной 0,8—1 м, длиной 2—3 м. Но известны и более длинные дромосы: в кург. 5 Терновое I длиной около 7 м, в кург. 12 Колбино 1 — 9,4 м⁹. В 1995 г. могила с дромосом длиной 4,3 м была открыта в самом северном Староживотинном могильнике¹⁰. На дне дромосных могил чаще сохранялись деревянные настилы, чем в других погребальных сооружениях. Иногда у перехода из дромоса в могилу была пара ямок от столбов перекрытия. В некоторых дромосах встречались остатки мясной пищи в виде костей животных, обычно лошади, а также лепные кувшинообразные сосуды.

⁹ Савченко Е. И. Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1». С. 100—101, рис. 34, 1.

¹⁰ Медведев А. П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. С. 4, рис. 2, 2.

⁸ Все процентные соотношения типов погребальных сооружений даны по нашим подсчетам на 1996 г. Новые раскопки не внесли принципиальных изменений в соотношение их типов.

Рис. 91. Среднедонские каркасно-столбовые склепы могильника Девица V:
а — каркасно-столбовой склеп; б — склеп с дромосом после расчистки (раскопки В. И. Гуляева)

Как правило, погребальные сооружения этого типа имели обычные перекрытия в виде наката в один-два ряда из положенных крест-накрест бревен, хотя встречаются и более мощные перекрытия, как, например, в кург. 1 Дуровки — в виде огромного шатра, состоящего из радиально уложенных бревен. Шатровые перекрытия из бревен, которые лучами сходились к погребению, обнаружены еще в нескольких насыпях (Дуровка, кург. 9, Терновое 1, кург. 8 и др.). Главное

функциональное назначение дромоса — возможность проникать в могилу для последовательного подзахоронения в погребальном помещении членов одной семьи. Именно по этой причине среднедонские курганы с дромосами обычно содержали парные или коллективные захоронения. Поэтому дромосы часто начинались ближе к краю насыпи, где располагался вход.

Размеры дромосных могил в среднем такие же, как и столбовых склепов. Но самые

большие из них — сожженные гробницы с количеством столбов от 24 до 48. Своими размерами и устройством выделяется сожженная наземная каркасная гробница в кург. 1 Колбино 1¹¹. Ее площадь почти 67 м². Судя по количеству ямок в ее конструкции, использовалось 36 столбов, вкопанных попарно. Пространство между столбами было заложено связками камыша. Остальные столбы делили гробницу на несколько «помещений». Вход в склеп находился в южной части восточной стены, где сохранились следы наземного коридора. Судя по всему, это погребальное сооружение также имело шатровое перекрытие. На остатках деревянного помоста в северном «зале» найдены два скелета: мужчины и женщины. Из инвентаря уцелели две амфоры, десяток железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел и один бронзовый со скрытой втулкой, фрагменты железного ножа, несколько золотых нашивных бляшек и украшений и другие обычные находки. Судя по следам характерных окислов на костях овцы, в погребение был поставлен бронзовый котел.

Если распространение в Донской лесостепи в VI—IV вв. до н. э. четырех описанных выше типов погребальных сооружений сомнений не вызывает, то этого никак нельзя сказать о выделенном П. Д. Либеровым V типе — катакомбах¹². До сих пор, несмотря на то, что за последние полвека раскопано еще более 100 среднедонских погребений, скифских катакомб не встречено. А в IV в. до н. э. именно катакомбный обряд захоронения был наиболее характерен для скифов Северного Причерноморья. Это одно из принципиальных отличий погребальных традиций среднедонского населения от классических скифов.

Итак, наиболее характерными типами среднедонских погребальных сооружений являлись столбовые деревянные гробницы, нередко с дромосом, в которых было совершено большинство захоронений — в совокупности более 70 %. Следует отметить, что раскопки В. И. Гуляевым большого некрополя Терновое 1 — Колбино 1 не только подтвердили этот вывод, но и существенно

превзошли долю этих типов погребальных сооружений по сравнению со старыми раскопками.

Не вызывает сомнений тот факт, что они получили распространение с самого начала функционирования воронежских могильников, то есть с конца VI в. до н. э. Но никаких их местных корней в предшествующее время на Среднем Дону не прослеживается — столбовые гробницы появляются в нашем крае в полностью сформировавшемся виде. Об этом свидетельствует деревянная гробница на пяти столбах кург. 8 Частых с парой жертвенных бронзовых ножей, характерных для скифской архаики, железной, плакированной золотом застежкой (аналогия — из погребения VI в. до н. э. у с. Огородное) и бронзовыми наконечниками стрел («базисными» 5-го типа¹³). Несколько более позднему времени принадлежал мастюгинский курган 29/21 с огромным склепом на 17 столбах, датируемый набором инвентаря и античного импорта V в. до н. э.

Сейчас достаточно надежно установлено, что курганы с деревянными гробницами были довольно широко распространены у различных ираноязычных кочевых народов Евразии с начала I тыс. до н. э. Обширные могилы с деревянными конструкциями известны у кочевников, заселявших степи к востоку от Дона, в Южном Приуралье и Южном Приаралье, где могилы нередко имели дромосы. Но признавая как бесспорный факт то, что обычай хоронить покойников в обширных деревянных склепах изначально сложился в раннекочевнической среде, следует указать, что типологически наиболее близки среднедонские столбовые гробницы все же погребальным сооружениям Среднего Поднепровья. На это сходство впервые обратил внимание М. И. Ростовцев¹⁴. Весьма существенно, что в лесостепном Правобережье Днепра погребальные сооружения в виде различных вариантов столбовых гробниц получают довольно широкое распространение с VII в. до н. э. и бытуют на протяжении всей скифской эпохи.

Большинство ученых связывают распространение деревянных столбовых гробниц в украинской лесостепи с проникновением

¹¹ Савченко Е. И. Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1». С. 70—82, рис. 18; 19.

¹² Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 11.

¹³ Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1.4. Москва, 1964. С. 21.

¹⁴ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Ленинград, 1925. С. 534.

сюда раннескифского кочевого этнического компонента не позже VII в. до н. э.¹⁵ По-видимому, здесь привнесенный ираноязычными кочевниками тип погребального сооружения наложился на местную традицию, связанную с развитым деревянным домостроительством, придавшую столбовым гробницам локальную специфику. Еще больше признаков сходства наблюдается между IV типом среднедонских погребальных сооружений и известными в лесостепном Поднепровье с раннескифского времени деревянными склепами с дромосами.

Обширные столбовые дромосные гробницы известны и в Днепровском лесостепном Левобережье. Прямоугольные деревянные столбовые склепы больших размеров открыты в могильнике у с. Гладковщина. В Посулье дромосная деревянная гробница раскопана в 1 Мгарском кургане, несколько дромосных гробниц VI—V вв. до н. э. исследованы в курганах у с. Васильевка в междуречье Псла и Ворсклы. Там они датируются VI—V вв. до н. э., то есть несколько более ранним временем, нежели среднедонские.

Весьма существенно и то, что на Среднем Дону все большие дромосы вели в столбовые гробницы весьма специфичного именно для лесостепи устройства, не имеющего сколько-нибудь близких аналогов у «савроматов». Говоря о последних, не следует забывать, что дромосные могилы более характерны для кочевников Южного Приуралья, нежели для погребальных сооружений исторических савроматов степного междуречья Волги и Дона, где их доля ничтожно мала — всего 0,6 %¹⁶.

Исследователи среднедонских курганов давно обратили внимание на некоторые особенности оборудования внутримогильных сооружений. Это наличие на полу могил разного рода органических подстилок, глиняных подмазок, а также своеобразных глиняных «столов» — прямоугольных площадок, окруженных по краям канавками¹⁷. Такая погребальная

площадка открыта в 1995 г. в Староживотинном могильнике (рис. 90, 4). Известны подобные «ложа» и в Северном Причерноморье, где их распространение прослеживается еще с предскифского периода¹⁸. Возможно, в этой особенности оборудования могил отразилось влияние погребальной обрядности степных кочевников. Но, судя по небольшому числу погребений на «столах», это новшество не получило сколько-нибудь широкого распространения на Среднем Дону. Тоже следует сказать и о применении меловой подсыпки и реалгара, характерных для савроматских погребений.

В могилах III и IV типов захоронения нередко совершались не на земляном полу, а на специальном деревянном помосте. Стремление надежно изолировать труп от земли путем погребения на настиле свойственно различным народам степной и лесостепной Евразии. Скорее всего, своими корнями оно уходит к древним религиозным представлениям ираноязычных племен, не допускавших осквернения чистых стихий, особенно земли, прикосновением мертвого тела¹⁹. На Среднем Дону встречается весьма своеобразный тип деревянного настила, уложенного на продольные или чаще поперечные опоры. От них на дне могилы иногда оставались характерные канавки (рис. 90, 6). Традиция погребения на подобном настиле зарождается в курганных могильниках Днепровского лесостепного Правобережья и Ворсклы в самом начале архаической эпохи²⁰. В могильнике Скоробор близ Бельского городища погребальные настилы почти всегда опирались на брусья, уложенные в специальные поперечные канавки²¹. В лесостепном Подонье эта традиция распространяется с V в. до н. э. Но в отличие от других регионов, здесь она надолго переживает скифскую эпоху и неожиданно вновь возрождается в верхнедонских могильниках II—III вв. н. э.²²

¹⁸ Ольховский В. С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4. С. 92—93, рис. 4, 4—5.

¹⁹ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». Москва, 1972. С. 136.

²⁰ Ильинская В. А. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 278.

²¹ Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С. 145.

²² Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. Москва, 2008. С. 92—93.

¹⁵ Скорий С. А. Про скифский этнокультурный компонент у населения Днепровского лесостепного Правобережья // Археологія. Киев, 1987. № 60. С. 36—47.

¹⁶ Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии (савроматская эпоха). Москва, 1994. С. 130.

¹⁷ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 13.

Как известно, одной из специфических особенностей среднедонских курганов V—IV вв. до н. э. считалось наличие в полу могил специальных жертвенных ям-бофров²³. Изредка в них клали мясо жертвенных животных, иногда сосуды для напитков, в одном случае — «ритуальный сосудик», заполненный белым веществом. Наиболее характерны бофры для Частых курганов. Но сейчас их никак нельзя рассматривать в качестве локальной особенности среднедонских погребельных сооружений. Они известны у разных кочевников Восточной Европы: степных скифов, савроматов, сарматов и др.

Для среднедонских курганов характерно сосуществование двух обрядов погребения: трупоположения и трупосожжения на месте. Первый являлся господствующим, второй засвидетельствован лишь в 10 % курганов. Как правило, это трупосожжения в погребальном сооружении с деревянными конструкциями, от которых обычно сохранялись прокалы глины, угли, скопления глиняной обмазки с отпечатками прутьев и деревянных деталей облицовки. Иногда в насыпи фиксировались остатки сожженного столбового склепа (рис. 90, 8), чаще имеющего шатровые перекрытия. Засвидетельствован ряд случаев поджигания деревянной гробницы, но она сразу начинала засыпаться землей, и погребенные оставались практически непотревоженными.

Скорее всего, среднедонские трупосожжения на месте, в гробнице, как полные, так и неполные, уходит своими корнями в погребальные традиции населения лесостепного Левобережья Днепра. Здесь с эпохи скифской архаики наблюдается ярко выраженный бипитуализм захоронений, причем доля сожженных VII—VI вв. до н. э. составляет 36 %, постепенно снижаясь до 7 % в IV в. до н. э.²⁴ Так, в курганах Посулья доля трупосожжений составляет 13,2 %, что близко среднедонскому показателю²⁵. В то же время среднедонские трупосожжения весьма существенно отличались от «савроматских»²⁶. Здесь уместно на-

помнить, что трупосожжения известны лишь в восточных районах Южного Приуралья (не более 7 %) и практически не встречаются в соседнем степном Волго-Донском междуречье, то есть у савроматов Геродота²⁷.

Положение погребенных удалось определить в 82 случаях. Из них большинство уложены вытянуто, на спине, с прямыми ногами и руками. Такая поза полностью соответствует погребальной обрядности степной и лесостепной зон Восточной Европы в начале раннего железного века²⁸. Лишь в нескольких случаях погребенным была придана «поза всадника», причем в кургане 32/32 Мастюгинского могильника это был человек, погребенный в дромосе. На Среднем Дону преобладает ориентировка головой на юго-запад, запад, но встречается и южная, хотя и реже. Вместе с юго-западной она прослежена у более 60 % погребенных. В то же время, хотя и в меньшем количестве, известны погребения с противоположной северо-восточной ориентировкой (18). Вместе с восточной они составляют 32 % погребений.

Представляется, что характерный для среднедонских курганов спектр ориентаций связан со временем захоронений в холодную пору года. При традиционной ориентации по заходу солнца преобладающая ориентировка в юго-западный сектор окажется сезонным отклонением от господствующей в скифском мире западной. То же самое следует сказать и о группе погребений с ориентацией в северо-восточный сектор, которые могли появиться при исходной традиции восточной ориентировки только в осенне-зимнее время.

Изучение ориентировок погребенных затрудняет традиция укладывать их параллельно длинным стенкам, чаще головой в одну сторону, хотя в одной камере склепа известны парные захоронения с противоположной ориентировкой. Еще более сложное положение наблюдалось в сохранившихся коллективных погребениях. Так в кург. 5 Мастюгинского могильника костяки сопровождающих лиц лежали перпендикулярно двум основным. Разные ориентировки были и у женщин, погребенных в склепе кург. 19 могильника Девица V (рис. 92).

²³ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 13

²⁴ Ковпаненко Г. Т. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье С. 39, 47.

²⁵ Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968. С. 65.

²⁶ Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. Москва, 1984. С. 27.

²⁷ Статистическая обработка. С. 130.

²⁸ Граков Б. Н. Скифы. Москва, 1971. С. 64.

1

2

3

Рис. 92. Могильник Девица V:
1 — склеп погребения в к. 9;
2 — погребение женщины в калафе с золотыми украшениями (раскопки В. И. Гуляева);
3 — скифский калаф (реконструкция К. В. Окорокова)

В курганах Среднего Дона совершались одиночные, парные и коллективные погребения. Численно преобладали первые (46 %), доля двух последних в среднем по региону составляет около 25 %, достигая 40 % в Мاستюгине²⁹. В действительности их было, видимо, гораздо больше, так как разрушенные погребальные сооружения III и IV типов многократно превышали площадь, необходимую для одного погребенного. Высокая степень разграбления могил затрудняет определение точного числа погребенных в большинстве из раскопанных курганов. Однако достоверно установлено, что в некоторых из могил находились по три скелета (Мастюгино, к. 16/36, к. 32/32, к. 46/26, Бл. Стояново, к. 8), а в большом столбовом склепе кург. 5 у с. Мاستюгино и склепе кург. 19 Девичья V лежали по четыре костяка³⁰.

Судя по антропологическим определениям и характерному инвентарю, в среднедонских курганных некрополях преобладают мужские воинские погребения. В могильнике Колбино их оказалось 63 %³¹. Среди них антропологи отмечают высокий процент смертности в третье-четвертое десятилетие, указывающий на активный образ жизни мужчин, связанный с повышенным риском. Их предельный возраст составлял 40—50 лет и лишь в нескольких случаях слегка старше. Такие возрастные структуры связаны с подвижным образом жизни военизированных обществ. Количество основных женских захоронений — около 30 %, предельный возраст жизни женщин — 50—60 лет³². Детских захоронений существенно меньше. В коллективных и парных погребениях, где остатки погребенных и инвентаря сохранились *in situ*, мужские погребения преобладали над женскими, при этом доминирующее положение обычно занимали мужчины-воины, хотя известны отдельные случаи, где главным было

захоронение женщин с оружием. В. И. Гуляев последние были интерпретированы как донские «амазонки», а их открытие подано как сенсация³³.

Действительно, некоторые открытые склепы с женскими захоронениями выделяются масштабностью погребальных сооружений и составом сопутствующего инвентаря, в который входили и предметы вооружения. Так в кургане 9 могильника Девичья V в 2019 г. открыта дромосная гробница на десяти мощных дубовых столбах с четырьмя женскими захоронениями (рис. 92, 1).

Наиболее интересным оказалось захоронение второй женщины — лет 45—50: для скифского времени это был уже почтенный возраст, так как средняя продолжительность жизни женщин составляла 30—35 лет. На голове у нее сохранились остатки головного убора — калафа из золотых пластин, лент и ободков с подвесками-амфорками (рис. 92, 2, 3). Скорее всего, он был изготовлен в мастерских Пантикапея, которые специализировались на производстве престижных вещей из драгоценных металлов для скифов и их соседей. В Скифии в калафах хоронили женщин высокого социального положения.

В то же время антропологические исследования показали, что эта женщина была тяжело больна, вряд ли сама могла передвигаться и требовала за собой ухода. Но, несмотря на это, благодаря своему высокому статусу дожила до преклонных по тем временам годов.

Сейчас стало очевидным широкое распространение традиции погребений женщин-воительниц в скифо-савроматском мире³⁴. Так, только в Скифии Е. Е. Фиалко учтено более 130 таких захоронений. Справедливости ради надо напомнить, что задолго до открытия донских «амазонок» — лет 40 назад С. А. Плетнева написала прозорливую статью о «средневековых» амазонках и дала убедительное объяснение этому феномену как древности, так

²⁹ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 15.

³⁰ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. // ИАК. Пг. 1911. Вып. 43.

³¹ Добровольская М. В. К антропологии Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: тр. Донской (Потуданской) археол. экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг. Москва, 2004. С. 71, 83.

³² Савченко Е. И. Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1». С. 121.

³³ Гуляев В. И. «Амазонки» на Среднем Дону (новые находки в скифских курганах Воронежщины) // Природа. 1995. № 5; *Его же*. «Амазонки» на Среднем Дону // Проблемы археологии Евразии (к 80-летию Н. Я. Мерперта). Москва, 2002. С. 200; *Его же*. На восточных рубежах Скифии. С. 88—102.

³⁴ Мурзин В. Ю. Девичьи дружины у савроматов и скифов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.

и Средневековья³⁵. Такие всадницы-воительницы охраняли летники и зимники, а также скот, когда мужчины уходили в далекие военные походы. В отличие от мифических амазонок, их потомки, савроматские воительницы, о которых писал Геродот, были замужними женщинами. Они вместе с мужьями выезжают на охоту, выступают в поход и одеваются по-мужски (История: IV, 116). Судя по данным археологии, и погребали их часто вместе.

Недавно Е. Е. Фиалко на очень большом материале показала широкое распространение «амазонства» в самых различных культурах³⁶. В конечном итоге В. И. Гуляев вынужден

был признать, что Средний Дон в скифское время в этом аспекте ничем не отличался от остальных областей Скифо-Сибирского мира. На сегодняшний день известно не более 5 % среднедонских погребений женщин с оружием, некоторые имели травмы от боевых столкновений. Но сути дела это не меняет. В целом мужской, подчеркнуто воинский и всаднический характер большинства погребений открывает новые перспективы для использования их в качестве важного источника по социальной и этнокультурной истории населения нашего края в скифское время.

Глава 3. СОПРОВОЖДАЮЩИЙ ИНВЕНТАРЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПОГРЕБЕННЫХ В КУРГАНАХ

Мы уже цитировали одну этнографическую универсалию: «Человек видим тогда, когда к его телу прилегают вещи»³⁷. В прошлом они выполняли не только чисто утилитарные функции, но и служили знаком его этнической принадлежности и социального статуса. Судя по разнообразию инвентаря, лица, погребенные в среднедонских курганах, представляли потустороннюю жизнь по аналогии с «миром живых». Они оставляли усопшему все, что было необходимо для жизни: еду, напитки, чаще всего амфоры с греческим вином, оружие, украшения, очень редко орудия труда и др. Заметим, что в скифское время у населения степи и лесостепи уже произошло почти полное разделение наборов мужского и женского сопровождающего инвентаря. Для мужских погребений обязателен характерный набор наступательного и защитного вооружения. В его состав входили мечи, копья, дротики, железные чешуйчатые панцири, боевые пояса, изредка поножи, остатки горитов со стрелами.

3.1. Железные мечи (рис. 93). Найдены в 20 курганных погребениях — 25 экз.

(12,5 % погребений), в том числе в двух — по два экземпляра (Дуровка, к. 9 и к. 15). Их клали как слева, так и справа от погребенных. Преобладают мечи средних размеров длиной от 55 до 70 см, но примерно треть экземпляров длинные — от 80 до 100 см. Последние явно предназначались для рубки с коня. У большинства клинки имеют форму вытянутого к острию треугольника, что ясно указывает на их предназначение — нанесение колющего удара между пластинами панциря. Почти половина мечей из курганных погребений имеет уплощенно-овальное навершие и ложнотреугольное перекрестие (рис. 93, 1—4). У некоторых из них сохранились тисненые обкладки из толстой золотой фольги, украшенные в зверином стиле — по рукояти фигурами бегущих травоядных, на навершии — травоядных в геральдической позе (рис. 93, 1). При этом древние кузнецы обладали техникой вырезания по железу зооморфных композиций, на которые набивались и прочеканивались золотые пластины. Несмотря на индивидуальные особенности декора рукоятей, их следует отнести к 3-му типу мечей I отдела³⁸. Такие мечи наиболее характерны для Скифии IV в. до н. э. и редко встречаются за ее пределами. Три меча имели ажурный клинок и рукоять, а также овальное навершие, близкое мечу из Чертомлыкского кургана.

³⁵ Плетнева С. А. Средневековые «амазонки» в европейских степях // Археологические памятники степного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. Воронеж, 1983. С. 9—12.

³⁶ Фиалко Е. Е. Амазонки во времени и пространстве // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 4 (17). С. 46—99.

³⁷ Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии. Москва, 1998. С. 192.

³⁸ Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. Москва, 1964. С. 51, табл. 3, 6, 9, 18.

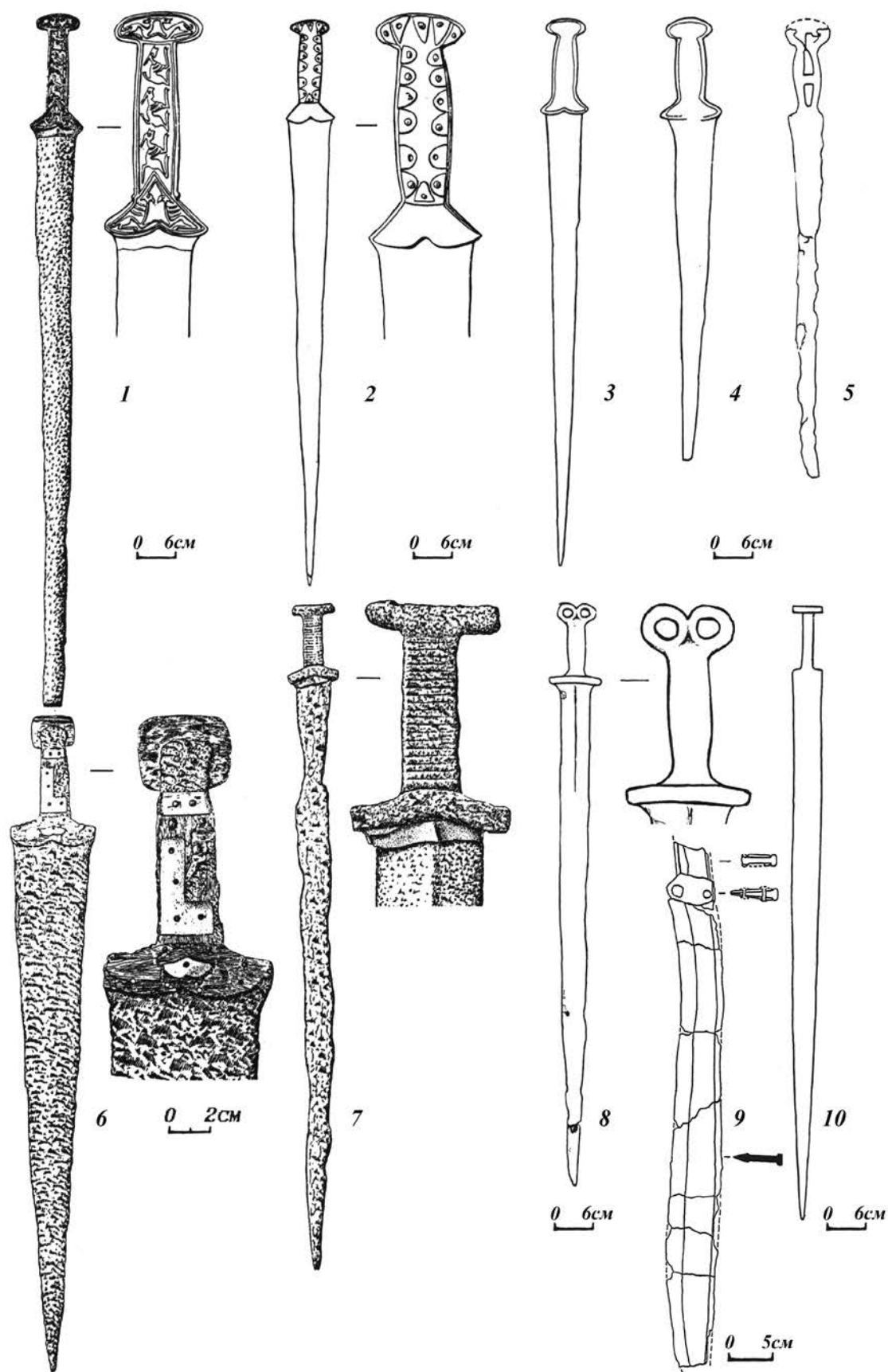

Рис. 93. Мечи из среднедонских курганов скифского времени:

1 — Частые, к. 3; 2—3 — Дуровка, к. 9; 4 — Дуровка, к. 10; 5 — Ближнее Стояново, к. 8, п. 1; 6 — Русская Тростянка, к. 17; 7 — Русская Тростянка, к. 7; 8 — Староживотинное, к. 38; 9 — Абрамовка, к. 1; 10 — Дуровка, к. 15

Скорее всего, местным дериватом мечей 3-го типа является экземпляр из кург. 17 Русской Тростянки с рукоятью, обложенной берестой, деревянным навершием подпрямоугольной формы и деревянным же ложнобачковидным перекрестием (рис. 93, 6). По конструкции рукояти длинный меч из кург. 7 того же могильника (рис. 93, 7) близок наиболее ранним прохоровским мечам с прямым навершием и изломанным под углом перекрестием. Сейчас ему известна близкая аналогия — парадный меч из Филипповского 1 кургана (дромос), отличающийся более роскошным оформлением рукояти, также обмотанной золотой проволокой³⁹. Оригинален меч из кургана № 38 Староживотинного могильника (рис. 93, 8). Его рукоять имела волютообразное навершие и практически прямое с еле заметным изломом перекрестие⁴⁰. По этому признаку он также сближается с мечами ранней прохоровской культуры.

Находки этих мечей подтвердили предположение П. Д. Либерова о существовании на Среднем Дону местного центра оружейного производства⁴¹. Раскопки А. И. Пузиковой показали, что к концу IV в. до н. э., появляются мечи синдо-меотского типа, найденные в кургане 15 Дуровского могильника (рис. 93, 10). Наконец, следует особо отметить находку фрагментированного однолезвийного меча — греческой махайры в кургане 1 у с. Абрамовка (рис. 93, 9). В Скифии они встречаются очень редко, у нас — это первый случай.

Интересно, что ни в одном из курганов Донского Правобережья пока не найдены кинжалы, хорошо известные по случайным находкам (рис. 73, 5, 6, 8, 12). Однако они широко представлены в пограничных районах находками, главным образом в Левобережье, причем среди них есть довольно многочисленная серия кинжалов конца V — IV в. до н. э. с навершием в виде пары когтей хищной птицы. Большинство из них принадлежало типам, более характерным для савроматов и кочевников

Приуралья⁴². Типологическое отличие мечей из среднедонских курганов и большинства случайных находок из Левобережья, возможно, отражает весьма существенные особенности в оружии их владельцев. Они могли быть обусловлены разнокультурными традициями, проявившимися в декоре оружия.

3.2. Копья — сохранилось не менее 50 экз. их наконечников — почти 25 % (рис. 94, 1—5). В некоторых погребениях находилось по два копья. В более ранних погребениях еще встречались экземпляры со следами продольного ребра. В основной же массе погребений V—IV вв. до н. э. обнаружены наконечники с характерным остролистым пером уже без продольного ребра. Копья с такими наконечниками предназначены для пробивания пластинчатого доспеха. Большинство втулок копий имеют в основании невысокий валик, у некоторых — над валиком отверстие для крепления наконечника к древку. Отличительной особенностью среднедонских наконечников копий является более длинная, чем у скифских втулка, которая иногда равна длине пера или даже превышает ее. В одном из курганов могильника Терновое В. И. Гуляеву удалось установить длину всего копья — 3,32 м⁴³. Это явно штурмовое копье, предназначенное для тяжеловооруженного всадника.

3.3. Дротики — более 90 экз. (рис. 94, 6—12). На Среднем Дону наряду с копьями как нигде широко использовались метательные дротики⁴⁴. Более чем в половине погребений дротики встречались по два и более экземпляров, максимально до девяти. Судя по наконечникам, почти все они принадлежали одному типу с узким жаловидным пером и очень длинной тонкой втулкой. Этот тип преобладал в скифских погребениях V—IV вв. до н. э.⁴⁵ Более ранний тип наконечников дротиков с короткой втулкой и массивным жалообразным пером найден только в кургане 1 у с. Абрамовка (рис. 94, 6)⁴⁶.

³⁹ Коллекция Филипповских курганов из фондов музея археологии и этнографии ИЭУ УФИЦ РАН. Уфа: Китап, 2018. С. 276, кат. № 833.

⁴⁰ Медведев А. П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 5, рис. 4, 1.

⁴¹ Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов. С. 20.

⁴² Горбунов В. С. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 240—242, рис. 1, 9—11.

⁴³ Гуляев В. И. На восточных рубежах Скифии. С. 192.

⁴⁴ Либеров П. Д. Указ. соч. С. 16.

⁴⁵ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. С. 45.

⁴⁶ Медведев А. П. Курганы скифского времени у с. Абрамовка. С. 209, рис. 4, 2.

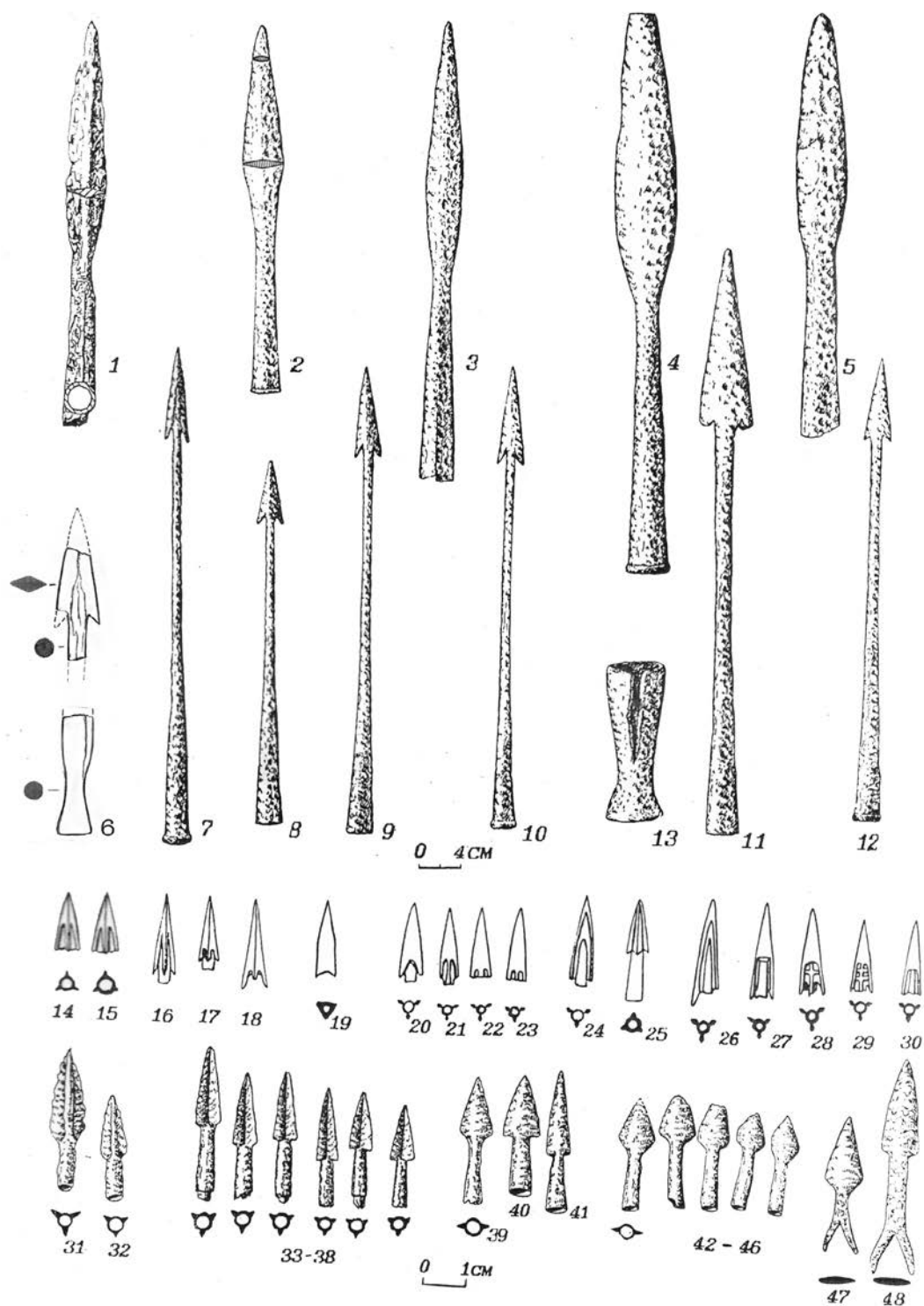

Рис. 94. Наконечники копий, дротиков и стрел из среднедонских курганов

Среднедонские дротики имели характерные рюмкообразные подтоки, встречающиеся гораздо реже в других регионах (рис. 94, 6, 13). Исследователи видят в этой детали еще одну особенность вооружения населения Среднего Дона в скифское время.

Дротики, как и копья, обычно лежали вдоль стен могильных ям. Их длина достигала 2,3—2,5 м. Очень широкое использование

железных дротиков на Среднем Дону, возможно, свидетельствует о возросшей потребности именно в этом виде оружия дальнего боя в связи с неизбежными конфликтами с щитоносной пехотой, возможно, с обитателями городищ.

3.4. Лук и стрелы. И все же, как и везде в Скифском мире, наиболее распространенным видом вооружения был лук и стрелы. Поэтому греки не зря называли скифов *γυντοκσота-*

ми» — «конными стрелками из лука». На Среднем Дону остатки луков скифского времени пока не обнаружены. Зато колчаные наборы, точнее, наконечники стрел встречаются в 128 погребениях (65 %). Их имел на вооружении практически каждый мужчина и некоторые женщины. Бронзовых и железных наконечников стрел встречено более четырех тысяч. Они включали как бронзовые втульчатые наконечники стрел наиболее распространенных скифских типов конца VI — IV в. до н. э. — 764 экз. (рис. 94, 14—30), так и железные втульчатые местного производства V—IV вв. до н. э. — 3520 экз.⁴⁷ По форме головки железные наконечники представлены двумя основными видами: трехлопастными — 2579 экз. (рис. 94, 31—38) и двухлопастными, плоскими — 606 экз. (рис. 94, 39—46). Последние более нигде не встречаются, кроме Среднего Дона. Следует отметить пару необычных железных ланцетовидных наконечников с лавролистной головкой и длинным черешком (длина 10,5 и 11 см), найденных в кург. 1 у с. Абрамовка⁴⁸. Иногда попадались плоские наконечники с черешком, расщепленным в виде «ласточкина хвоста» (рис. 94, 47, 48). Крайне редко в состав колчаных наборов входили костяные наконечники стрел.

В погребениях содержалось от нескольких штук до несколько сот экземпляров стрел (в трех курганах — более чем по 300 экз.), причем и бронзовые, и железные наконечники часто входили в состав одних и тех же колчаных наборов. Абсолютное преобладание железных втульчатых наконечников стрел (80,3 %) составляет локальную особенность вооружения населения Среднего Дона V—IV вв. до н. э., хотя в это время последние известны на Нижнем Дону, Кубани, в Поволжье, но в гораздо меньшем числе. Плоские втульчатые железные наконечники, безусловно, представляют местный тип.

В скифское время на Дону впервые появляется металлическое защитное вооружение, включавшее шлемы, панцири, боевые пояса, щиты и поножи.

3.5. Бронзовый шлем (рис. 95, 1). В кургане 2 1908 г. Н. Е. Макаренко обнаружил бронзовые пластины с остатками кожаной подкладки. Позднее А. П. Манцевич реконструировала из этих фрагментов шлем фракийского типа

в виде островерхой шапки на кожаной подкладке с нащечниками. Лицевая сторона украшена чеканным растительным орнаментом, ниже которого рельефно выделено изображение лба с выступающими надбровными дугами⁴⁹.

3.6. Пластинчатые панцири и отдельные панцирные пластины найдены в 38 среднедонских погребениях (17 %). Но по некоторым памятникам этот показатель еще внушительнее. Так, в Частых курганах на 33 погребения скифского времени приходится не менее 11 захоронений с панцирями или отдельными панцирными пластинами, то есть каждое третье. По этому показателю курганы Среднего Дона занимают самое высокое место в Скифском мире, превышая этот показатель в Скифии в 2—3 раза.

Следует отметить, что панцири появляются уже в наиболее ранних погребениях воронежских могильников конца VI — начала V в. до н. э. (Частые, кург. 7 и 8 ВУАК). Они состояли из кожаной рубахи-основы с длинными рукавами и невысоким воротом, на которую внахлест нашивались прямоугольные, иногда закругленные снизу железные пластины (рис. 95, 2). Замечено, что в курганах Среднего Дона, в отличие от Скифии, воинов не хоронили в панцирях и не подстилали их под погребенных на полу могилы, а вешали на специальные крюки, вбитые в деревянную обшивку склепа.

Изучение среднедонских панцирей убедило П. Д. Либерова, что они имеют полную типологическую связь со скифскими. Некоторые из них отличались особо роскошным декором. Так, например, у доспеха из кургана 11/16 Мастюгинского могильника каждая панцирная чешуйка была плакирована золотом (рис. 95, 2).

3.7. Бронзовые поножи — три пары. Две происходят из Мастюгинских курганов 2 и 3 1908 г., причем одна оказалась позолоченной⁵⁰. Они предназначались для защиты ног воина от колена до ступни. Их высота от 31—32 до 42—43 см. На правой поножи из кург. 3 Мастюгино пунктиром нанесено граффито — ΛΕ, на левой [Λ]ΕΥ — начало имени первого владельца поножей, грека по имени Левкон⁵¹. Третья пара поножей найдена в могильнике Горки I (рис. 95, 3).

⁴⁷ Савченко Е. И. Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1». С. 178, 195, 203.

⁴⁸ Медведев А. П. Кургan скифского времени у с. Абрамовка. С. 205, 209, рис. 5, 4, 5.

⁴⁹ Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 1973. № 15. С. 18, рис. 8.

⁵⁰ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. С. 52—56.

⁵¹ Манцевич А. П. Указ. соч. С. 32.

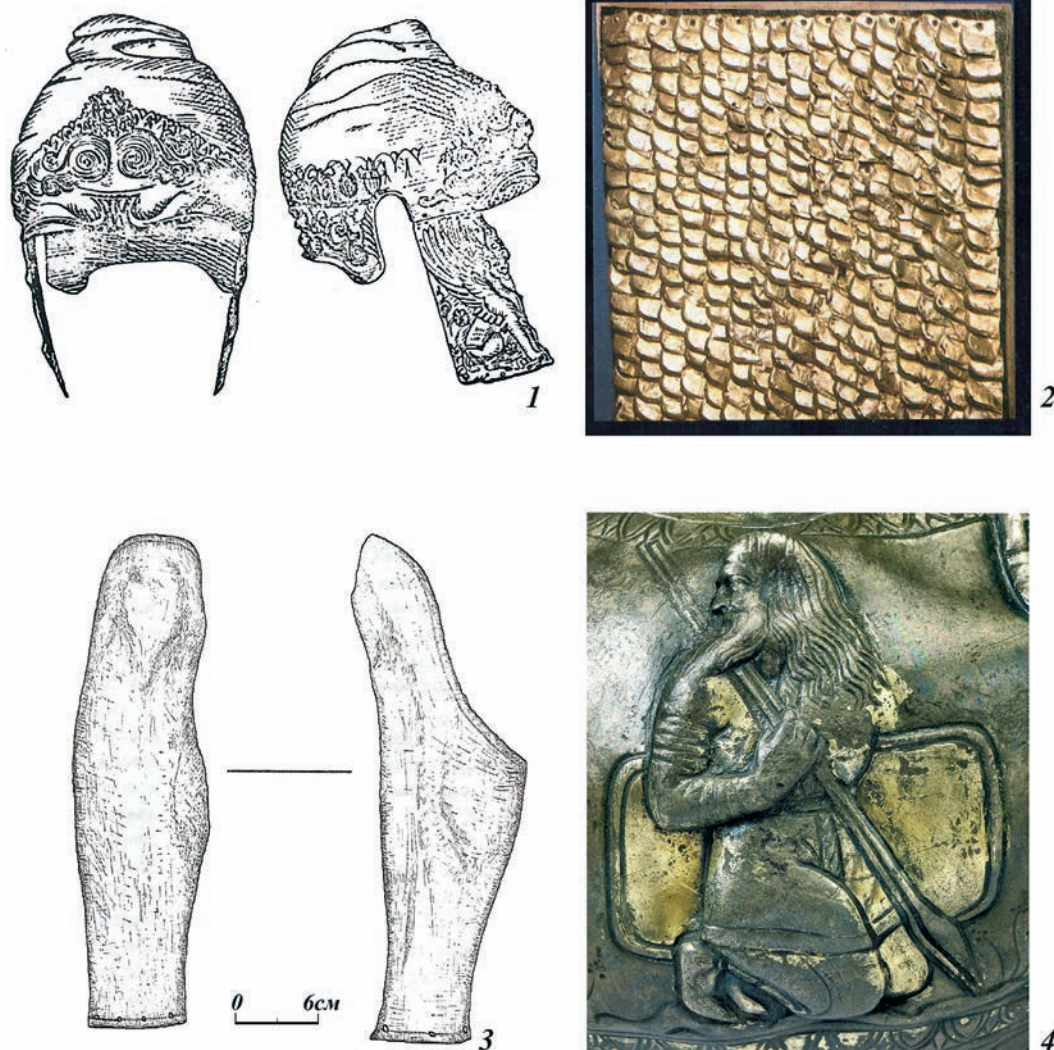

Рис. 95. Защитное вооружение: 1 — Мастюгино, к. 2; 2 — Мастюгино к. 11/16; 3 — Горки, к. 13; 4 — Частые, к. 3. (деталь изображения на серебряном сосуде)

Известно, что панцири, поножи, как и вообще защитный доспех, встречались преимущественно в аристократических погребениях скифов (не более 5—6 %), реже савроматов и у кочевниковой Южного Урала.

3.8. Щиты во фрагментах найдены в двух среднедонских погребениях (Мастюгино, к. 3 1908 г.; Частые, к. 23). Оба с полосчатым металлическим покрытием, но форма их не восстанавливается. Скорее всего, они были прямоугольные, как у уходящего в поход воина на воронежском сосуде (рис. 95, 4). Прочие виды доспеха представлены значительно реже.

В целом предметы вооружения найдены более чем в 135 среднедонских курганных комплексах (67,5 % погребений). Это очень высокий показатель, сопоставимый только с дружинными некрополями Посу-

ля⁵². Скорее всего, обилие предметов вооружения отражает весьма напряженную обстановку, сложившуюся в нашем регионе в скифское время. Палеоантропологический анализ уровня травматизма населения определяется как умеренно высокий⁵³. При этом, заметим, следы ранений, сохранившиеся на скелетах, получены главным образом в ближнем бою, а не от стрел врага.

Реконструкция вооружения конных и пеших воинов из воронежских курганов представлена на рисунке 96.

⁵² Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. С. 84.

⁵³ Добровольская М. В. Травматические повреждения на скелетах людей из курганных некрополей Среднего Дона // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : Тр. Донской археол. экспед. ИА РАН, 2004—2008 гг. Москва, 2009. С. 194.

Рис. 96. Конный и пеший воин в полном боевом снаряжении (все детали амуниции происходят из среднедонских курганов — реконструкция Я. П. Мулкиджаняна)

3.9. Снаряжение коня. По недавним подсчетам А. Д. Могилова, из среднедонских погребений происходит 1211 различных деталей снаряжения коня, с поселений — всего 7⁵⁴. Мы учитывали снаряжение боевых коней по удилам и псалиям в погребениях, где они встречены не менее чем 87 раз (43,5 %). Для наших курганов не характерны захоронения верховых коней, хотя в старой литературе такие упоминаются⁵⁵. Существование такого обычая все же подтвердилось после открытия в насыпи кург. 10 могильника Девица V захоронения пары лошадей. Обычно же на Среднем Дону коней заменяли символическим положением узды по характерному для архаических культур принципу *pars pro toto* — «часть вместо целого» (рис. 97).

Среди деталей снаряжения коня — железные удила с железными и бронзовыми псали-

ями (некоторые в зверином стиле), бронзовые и серебряные налобники, наносники, нащечники, различные бляхи и подвески, ворварки, колокольчики и прочие украшения уздечки, а также подпружные пряжки. А. И. Пузикова убедительно доказала сходство декоративных деталей местной узды с конским снаряжением Днепровского лесостепного Право- и Левобережья⁵⁶. В то же время ею отмечено появление местных среднедонских форм уздечных наборов с конца V — IV в. до н. э. В некоторых погребениях встречалось не по одному экземпляру, а по две-три и даже по четыре пары удил.

В экипировку знатных конных воинов входили нагайки, украшенные золотыми спиральными лентами (рис. 97, 14) и золотым навершием (рис. 97, 15). Судя по легенде, переданной Геродотом, о войне скифов с сыновьями «слепых» рабов (История: IV, 3, 4), последние служили у царских скифов символом социального господства. Обязательное положение в могилу конской упряжи, а иногда и нагаек является надежным свидетельством принадлежности погребенных к всадничеству.

⁵⁴ Могилев О. Д. Спорядження коня скіфської доби у лесостепу Східної Європи. Київ — Кам'янець Подільський, 2008. С. 13.

⁵⁵ Зверев С. Е. Рукописный отчет о дослідженні кургана с. Мазурки // Архив ЛОИА. Фонд ИАК, д№ 66, 1899 ; Зямятин С. Н. Скифський могильник «Частые курганы» под Воронежем. С. 23.

⁵⁶ Пузикова А. И. Вуздеккові набори в Воронезьких курганів // Археологія. 1980. С. 38—52.

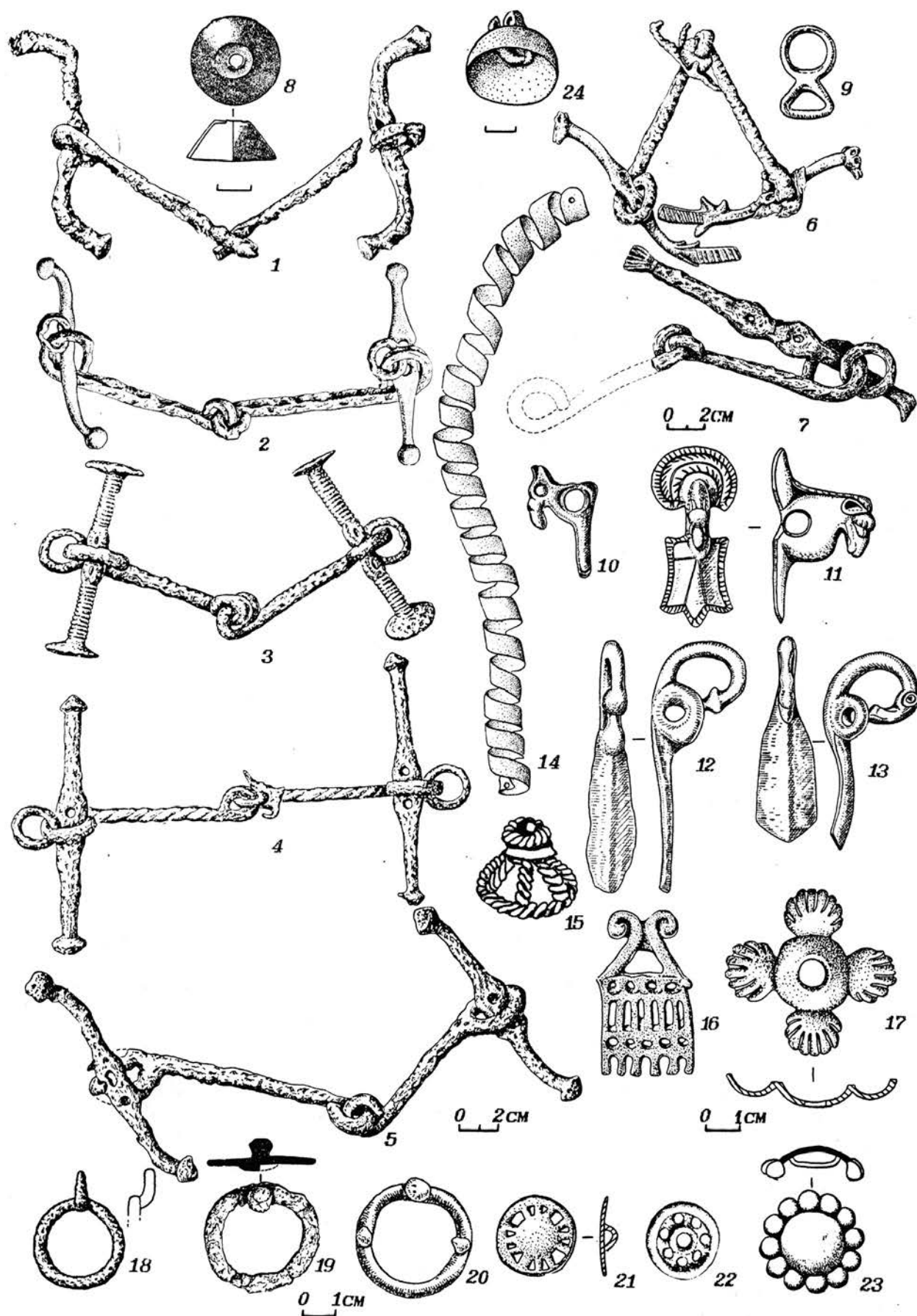

Рис. 97. Детали снаряжения коня из среднедонских курганных погребений (по П. Д. Либерову)

3.10. Звериный стиль. Среднедонские курганы отличает довольно высокий процент погребений с изделиями звериного сти-

ля (рис. 98). Как установлено, он представлял своеобразную знаковую систему евразийских степей⁵⁷.

Рис. 98. Образцы звериного стиля из среднедонских курганов

1, 3 — Частые, к. 1 ВУАК; 2 — Дуровка, к. 14; 4 — Ст. Животинное, к. 22; 5 — Дуровка к. 9; 6 — Масюгино, к. 11/16; 7 — Частые, к. 10 ВУАК 1911; 8 — Русская Тростянка, к. 14; 9 — Частые, 1981; 10 — Мастюгино, сборы А. А. Спицына 1905 г.; 11 — Частые, к. 3 ВУАК 1911 г.

На Среднем Дону встречены почти все образы звериного стиля. Это хищные животные, свернувшиеся в кольцо или изготовившиеся к прыжку, ставшие на задние лапы, головы кошачьих хищников в фас (рис. 98, 4) и профиль (98, 7), а также лапы и головы хищных животных и птиц. Из Частых курганов происходит серия крупных блях от конской узды в виде орла в кольце, клюющего неясный объект (рис. 98, 3). Это местный

дериват хорошо известного на Кубани образа орла, клюющего рыбу. Однако среднедонские мастера этого не поняли и «заставили» орла клевать некий изогнутый предмет. Любопытна серебряная подвеска в виде грифончика (рис. 98, 9). Известны бляшки в виде голов кабанчиков.

⁵⁷ Раевский Д. С. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. Москва, 2013.

Травоядные животные представлены реже. Прежде всего, это олени, выполненные уже в «затухающем» зверином стиле (рис. 98, 1), а также олени в кольце (рис. 98, 2). Не вызывает сомнений принадлежность основной массы изделий среднедонского звериного стиля к продукции профессионально-ремесленного искусства. Из местной традиции искусства резко выделяется костяная фигурка собачки из кург. 11/16 у с. Мастюгино (рис. 98, б)⁵⁸. Она выполнена настолько реалистично, что можно определить ее породу.

А. И. Шкурко убедительно удалось доказать производный характер наиболее ранних изделий звериного стиля из курганов Среднего Дона от образцов VI—V вв. до н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. Его обособление начинает проявляться не ранее конца V в. до н. э. А в IV в. до н. э. здесь складывается оригинальное местное искусство, тогда как в Среднем Поднепровье происходит явный упадок собственного художественного творчества⁵⁹.

Исследователи давно обратили внимание на теснейшую связь находок скифского звериного стиля с погребениями воинов, в основном воинской аристократии. Это заключение в полной мере можно распространить и на Средний Дон, где наблюдается высокая степень встречаемости находок звериного стиля с предметами наступательного и оборонительного вооружения, а также конской упряжи. Безусловно, это один из видов престижного искусства, произведения которого созданы для демонстрации, ориентированы на зрителя.

Особую категорию изделий в зверином стиле составляют так называемые колчаные крючки, служившие для прикрепления горита (футляра для лука и стрел) к поясу воина — свыше 30 экз. (рис. 98, 10—11). Большая их часть имеет основание в виде фигурки медведя, реже открытой пасти волка (рис. 98, 11), хищной птицы или стилизованной фигурки оленя (рис. 98, 10). Колчаные крючки найдены практически во всех среднедонских могильниках, подвергавшихся раскопкам. Хоро-

шо известно, что ни один регион не дал такого обилия поясных крючков, как среднедонской, хотя они встречались единично на Нижнем Дону, Нижней Волге, в верховьях Хопра, в Степной Скифии, Прикубанье, Прикамье и Южном Приуралье⁶⁰. Почти все они отличаются характерным декоративным оформлением: на широком конце имеется зооморфное изображение; узкий, загнутый в собственно крючок стержень обычно украшен стилизованной головкой хищной птицы или представляет собой загнутый конец хвоста или же иногда заднюю часть туловища зверя. Среднедонские крючки демонстрируют наибольшее разнообразие так называемых зооморфных превращений, когда фигура одного животного переходит в изображение другого. И все же среди образов животных на Среднем Дону наблюдается абсолютное преобладание одного мотива — стилизованной фигурки медведя. До сих пор этот феномен не получил объяснения.

Вслед за П. Д. Либеровым и другими исследователями следует признать в зооморфных колчаных крючках еще один, весьма своеобразный элемент престижной культуры населения, хоронившего соплеменников в среднедонских курганах. На поселениях они пока не найдены ни разу.

Завершая «звериную» тему, отметим необычную находку в знаменитом кургане I могильника у с. Мастюгино 1906 г. — навершие из нижней челюсти кабана-секача с могучими клыками⁶¹. Челюсть отпиlena, обтянута листовым серебром, а клыки — золотом. Навершие насаживалось на железный четырехгранный стержень (обломан). Скорее всего, оно выполняло роль «варварского» штандарта. Особую приверженность к культу этого животного демонстрирует и находка в кург. 36 Колбинского могильника разрубленных верхней и нижней челюстей кабана, положенных в могилу⁶².

⁶⁰ Гуляев В. И. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. Москва, 2016.

⁶¹ Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 1973. № 15. С. 9. рис. 1, а — 1, б.

⁶² Шевченко А. А. Новые материалы к изучению могильника скифского времени Колбино I // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Донской археол. экспедиции РАН 2004—2008 гг. Москва, 2009. С. 46, рис. 44.

⁵⁸ Либеров П. Д. Статуэтка собаки из кургана у с. Мастюгино // КСИА. 1962. № 89. С. 60—65.

⁵⁹ Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Москва, 1976. С. 99.

3.11. Антропоморфное искусство. Помимо зооморфного стиля в культуре среднедонской элиты важное место занимали произведения антропоморфного искусства, как

античного, так и местного производства. Прекрасным образцом последнего является уникальная золотая бляха диаметром 7,5 см из кургана № 1 могильника Дуровка (рис. 99).

а

б

Рис. 99. Дуровка. Золотая бляха из кургана № 1

На ней техникой тиснения изображен сложный сюжет: мужской персонаж сидит верхом на грифоне, подняв вверх правую руку. Волосы у всадника длинные прямые до шеи, на шее видна гривна в два витка — признак высокого статуса. Грифон с раскрытой пастью и с характерным рогом за ушами терзает оленю. Вся сцена заключена в круг, окаймленный рубчатым бордюром. На бляхе видны четыре симметрично расположенных отверстия

для крепления золотой накладки на твердую основу. Изображение явно варварское, грубое, хотя в деталях чувствуется влияние античного искусства (всадник изображен обнаженным, бляху ограничивает бордюр). Ему имеется довольно близкая аналогия — навершие из кургана Слоновская Близница.

К сожалению, ни тот, ни другой сюжет не получил однозначной интерпретации. Одни исследователи видят на бляхе из Дуровки сцену

борьбы прародителя скифов Таргитая с чудовищем-грифоном⁶³, другие — Аполлона Гиперборейского⁶⁴. В любом случае, изображен божественный или героический персонаж, который занимал важное место в религиозном культе высших слоев среднедонского населения.

В погребальном инвентаре среднедонских курганов особое место играли серебряные

круглодонные кубки для питья, найденные в трех погребениях (рис. 100; 102, 1). Их относят к произведениям греко-скифского искусства, поскольку изготавливали их греческие мастера, скорее всего, на Боспоре, но по заказу варварской знати Северного Причерноморья. Поэтому на некоторых из них изображены сюжетные сцены, приятные глазу их заказчиков.

а

б

Рис. 100. Воронежский серебряный сосуд

3.12. Воронежский серебряный сосуд. Среди серебряных сосудов по богатству ан-

⁶³ Пузикова А. И. Скифы Среднего Дона (Воронежская и Белгородская области). Москва, 1995. С. 9.

⁶⁴ Онайко Н. А. Аполлон Гиперборейский // История и культура Античного мира. Москва, 1977. С. 153—159.

тропоморфных сцен выделяется воронежский кубок с позолоченным рельефным изображением скифов — один из выдающихся шедевров греко-скифского искусства IV в. до н. э. (рис. 100). Следует напомнить, что он происходит из воронежского могильника Частые курганы, до 80-х годов прошлого века нахо-

дившегося на месте современного Северного микрорайона г. Воронежа. Сосуд найден при раскопках ВУАК 1911 г. в кургане № 3 (хранится в «Золотой кладовой» Эрмитажа). В 1914 г. академик М. И. Ростовцев опубликовал статью, а затем выступил с докладом об этой находке на Всемирном археологическом съезде в Лондоне⁶⁵. С этого времени воронежский кубок приобрел всемирную известность. В составе эрмитажных выставок он «объездил» буквально весь мир. Таким образом, он прославил наш город в тех странах, где название «Воронеж» никто даже и не слышал.

Долгое время считалось, что на серебряном сосуде из Частых курганов, как и на золотом кубке их кургана Куль-Оба в Керчи, изображены сцены из повседневной жизни скифов. Так, М. И. Ростовцев увидел в кульобском сосуде «скифский лагерь после боя». И только в 1970 г. **Дмитрию Сергеевичу Раевскому** удалось доказать несомненную связь между отдельными сценами, а затем убедительно дешифровать весь сюжет, наглядно передающий скифскую легенду о происхождении их царей, пересказанную Геродотом (История: IV, 9—11)⁶⁶.

На воронежском сосуде, как и на кубке из Куль-Обы, по кругу изображены три пары мужчин (рис. 101). Но они имеют важные отличия от кульобских. Если следовать интерпретации Д. С. Раевского, на сосуде из Куль-Обы изображены последствия испытания сыновей Геракла и Ехидны — прародителей скифов и родственных им народов — при помощи натягивания (точнее — надевания) тетивы на лук (История: IV, 10). На воронежском сосуде запечатлены последующие эпизоды этой же легенды — *изгнание сыновей-неудачников* Гелона и Агафирса, не выдержавших испытания, за пределы Скифии. Ключевая сцена — вручение Гераклом лука — символа царской власти у скифов — младшему сыну Скифу (рис. 101, а). В отличие от остальных взрослых персонажей он изображен безусым и безбородым юношей.

Для понимания смысла изображения важное значение имеет сцена, где старый скиф

(«Геракл») показывает два пальца («двое должны покинуть Скифию») уходящему воину, так как у него в правой руке зажаты два копья (рис. 101, б). В греческом изобразительном искусстве это был знак того, что воин отправляется в поход. Третья сцена — нейтральная: два скифа сидят и о чем-то мирно беседуют. Обращает на себя внимание то, что во всех трех сценах присутствует один и тот же персонаж: в двух случаях он сидит на подушке, в третьем — передает лук Скифу. Несомненно, это — образ прародителя «Геракла» — у скифов, конечно, он носил другое имя, скорее всего, Таргитая (История: IV, 5). Как этот драгоценный сосуд с сюжетом скифской легенды мог попасть в наши края — ответ в последней главе раздела.

3.13. Металлическая престижная посуда. Кроме серебряных кубков в среднедонских курганах встречалась и другая металлическая посуда. Это два серебряных *ритона* — рога для питья: один найден в Мастюгине, кург. 29/21, другой в кург. 1 могильника Дуровка (рис. 102, 2). Из сборов в окрестностях с. Мастюгино происходит серебряный позолоченный кувшин, украшенный тремя женскими ликами (рис. 102, 4)⁶⁷. Скорее всего, он фракийского производства, на что указывает татуировка на лицах женщин — обычай, характерный для фракийских племен. О фракийцах Геродот (V, 6) сообщает: «*Татуировка [на теле] считается у них [признаком] благородства*».

О культовом значении сосудов из драгоценных металлов у скифов и их соседей имеются многочисленные иконографические и археологические материалы в иранском мире⁶⁸. Присутствие таких сосудов в могилах указывало на особый прижизненный статус владельцев. Поэтому, возможно, не случайно оба серебряных ритона, считавшиеся у скифов одним из символов верховной власти, найдены в наиболее грандиозных погребальных сооружениях с шатровыми конструкциями (к. 29/21 Мастюгина и к. 1 Дуровки). В то же время знаменитый воронежский сосуд из кург. 3 группы Частых найден в ничем особо не примечательном погребальном склепе небольших размеров в сопровождении весьма скромного инвентаря.

⁶⁵ Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд // МАР. 1914. Вып. 32. С. 79—93.

⁶⁶ Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. 1970. № 3. С. 70—83 ; Более подробно см.: Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Москва, 1977. С. 30—34.

⁶⁷ Манцевич А. П. Мастюгинские курганы. С. 13, рис. 5, 1.

⁶⁸ Рябова В. А. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 147—149.

Рис. 101. Воронежский серебряный сосуд (прорисовка)

Рис. 102. Металлическая и деревянная посуда из среднедонских курганов:

1 — Дуровка, к. 14; 2 — Дуровка, к. 1; 3 — Частые, к. 11/15;
4 — Мاستюгино, сборы А. А. Спицина; 5 — Колбино 1, к. 8 (масштаб разный)

3.14. Прочие изделия из драгоценных металлов. О высоком социальном статусе погребенных в среднедонских курганах, несмотря на их почти полное ограбление, свидетельствуют находки изделий из драгоценных металлов. Но даже после ограбления в могилах оставались мелкие золотые предметы, их фрагменты, кусочки золотой фольги, из которой было сделано большинство погребальных аксессуаров. Остатки изделий из золота и серебра встречены не менее чем в половине курганных погребений. Среди уцелевших находок абсолютно преобладают золотые нашивные

бляшки на одежду или погребальные пологи, сохранившиеся в 50 погребениях (25 %), иногда насчитывающие сотни экземпляров (от 600 в кург. 1 у с. Дуровка и до 800 в кург. 11 Частых из раскопок ВУАК). Большинство из них обнаруживают прямые аналогии в погребениях скифской знати, в том числе в курганах ранга «царских».

3.15. Античный импорт. Помимо посуды из драгоценных металлов среднедонская элита пользовалась бронзовыми сосудами античного производства. Это гидрия с атташем в виде сирены (рис. 103, 2, 2а; 104, 7), чаша,

украшенная головкой «Медузы» (рис. 103, 3), бронзовая миска (рис. 104, 8).

В ходу у местной элиты была и античная столовая керамика: кувшины, канфары, блюда (рис. 103, 4). Но больше всего сюда поступало глиняных амфор с греческим вином

(рис. 103, 1). Их найдено не менее 50 экз., примерно в каждом четвертом кургане. На некоторых сохранились имена гончаров или чиновников (астиномов), удостоверявших соответствие объема амфоры принятому в греческом полисе стандарту (рис. 103, 1а).

Рис. 103. Античный импорт в курганах скифского времени Среднего Дона:
1 — Мастюгино, к. 16/36; 2 — Мастюгино, к. 29/21; 3 — Частые, ВУАК, к. 1;
4 — Частые, ВУАК, к. 11; 5, 7 — Русская Тростянка, к. 14; 6 — Мастюгино, к. 5 1908 г.

Амфоры преобладают над местной посудой, которая сама по себе в ряде случаев подражала античным формам. Как и у скифов, амфора с вином с V в. до н. э. стала на Среднем Дону почти неизменным атрибутом погребального обряда. Кроме того, амфорный бой часто встречался в насыпях в составе тризн, в траурный ритуал которых также входил скифский обычай винопития. Среди амфор половину составляли гераклейские, отдельными экземплярами представлены фасосские и псевдофасосские, синопские, колхидские, типа Пепарет II, Солохи и Менды. Пять гераклейских амфор были клеймены городскими магистратами (астиномы: Архестрат, Эвридам, Писистрат, Агатон, Аристипп), удостоверяющими их объем. Самая северная находка гераклейской амфоры с клеймом Архестрата и фабриканта Писистрата обнаружена в погребении воина кургана № 38 Староживотинного могильника на р. Воронеж. Севернее на городищах встречался только амфорный бой в очень небольшом количестве. Помимо керамики из античного мира поступали разнообразные украшения: бусы (рис. 103, 5, 7), перстни, золотые серьги, в том числе с изображением богини Кибелы со спутниками-львами (рис. 103, 6).

3.16. Деревянная посуда. Носители курганной традиции на Среднем Дону широко использовали и деревянную посуду, от которой сохранились истлевшие фрагменты. Это могли быть простые деревянные чашечки или черпаки типа найденного в кург. № 8 у с. Кобино (рис. 102, 5)⁶⁹. Но были и престижные деревянные сосуды с золотыми и серебряными оковками — более 30 находок. Среди них выделяется деревянная чаша из кургана 11 группы Частых (рис. 102, 3). Ее ручкой служила золотая фигура сидящей хищной птицы — ворона, а на противоположной стороне чаши имелась золотая накладка с изображением оленя. Хотя эта находка уникальна, она не оставляет сомнений в популярности в среде среднедонской аристократии образов, близких иранскому Фарну. Его воплощением в сакском и скифском искусстве выступала хищная птица Варагн, связанная с представлениями о могуществе, обилии, военной победе⁷⁰. После открытия А. Х. Пшеничнюком в царском Филипповском кургане тайника с более чем сотней священных

сосудов с золотыми накладками оказалось, что один черпак имел ручку, оформленную золотом в виде хищного грифона⁷¹. Его фигура не аналогична золотому ворону из Частых курганов, более роскошно оформлена, но явно они передают одну и ту же идею.

3.17. Бронзовые котлы. Престижную часть сопровождающего инвентаря погребенных в курганах составляли литые бронзовые котлы (рис. 104). Котлы, их фрагменты и выброшенные из них грабителями кости животных со следами бронзовых окислов зафиксированы не менее чем в 30 погребениях (15 %). Эта чисто кочевническая традиция — варить мясо в специальном котле — подробно описана «отцом истории» (История: IV, 61). Из всех лесостепных регионов она наиболее ярко проявилась на Среднем Дону.

Типологический анализ бронзовых котлов позволил объединить в один тип котлы Среднего Поднепровья, Посулья и Среднего Дона, что подтверждает их генетическую близость⁷². Как и скифские, среднедонские котлы имели полусферическое тулово и вертикальные ручки с тремя выступами (рис. 104, 1—3), и лишь один помимо вертикальных еще имел горизонтальные ручки под венчиком (рис. 104, 1). Но в отличие от скифских почти у всех среднедонских экземпляров под ручками располагались рельефные «усики» в виде волют (рис. 104, 2—4). Причем они присутствуют на самом архаичном бронзовом котле из с. Мазурки, где имеют еще угловатую форму (рис. 104, 6). Это важная декоративная деталь, изредка встречаемая в других регионах, но нигде в такой концентрации, как на Среднем Дону. Она свидетельствует не только о локальном своеобразии среднедонских котлов, но и о их местном производстве.

Единственным экземпляром представлен в среднедонских курганах бронзовый котел с одним выступом на ручке и рельефным «веревочным» орнаментом посередине тулова (рис. 104, 5). Подобные котлы характерны для более восточных и юго-восточных регионов, занятых савроматами⁷³.

⁷¹ Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале // Документы и материалы по истории башкирского народа. Уфа, 2012. Рис. 16, 1; 159.

⁷² Боковенко Н. А. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 171.

⁷³ Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. Рис. 54, 8.

⁶⁹ Шевченко А. А. Новые материалы к изучению могильника скифского времени Колбино I. С. 29, рис. 9, 2.

⁷⁰ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». С. 94.

Рис. 104. Бронзовые литые котлы и другая посуда из среднедонских курганов:
1 — Мاستюгино, к. 4; 2 — Частые, к. 3 1927 г.; 3—4 — Частые, к. 11/2; 5 — Дуровка, к. 11; 6 — Мазурки

Хорошо известно, что как у ранних, так и у поздних кочевников котлы использовались не только по их прямому утилитарному назначению — для варки мяса, но и несли важную смысловую нагрузку. По весьма аргументированному мнению С. А. Плетневой, у номадов котлы были символами единства, сплоченности коллектива, окружавшего вождя, его свиты, дружины⁷⁴. На такое их назначение ука-

зывает известный рассказ Геродота о скифском царе Арианте (История: IV, 81), приказавшем отлить гигантский котел вместимостью в 600 амфор из наконечников стрел, принесенных каждым скифов. Так он определил число своих подданных. С другой стороны, данные археологии свидетельствуют, что котлы преимущественно встречаются в погребениях царей, знати, номархов⁷⁵. В потустороннем

⁷⁴ Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. С. 22—23.

⁷⁵ Кузнецова Т. М. Скифские цари и номархи — «держатели котлов» // Stratum plus. 2018. № 3. С. 17—56.

мире они выполняли свою сакральную функцию, продолжая служить главе социума.

3.18. Орудия труда. В отличие от оружия орудия труда являются редкой категорией погребального инвентаря. Среди них серийно представлены только железные ножи с горбатой спинкой, насчитывающие более ста экземпляров (рис. 105, 1—4). Это было универсальное орудие каждого мужчины, но в погребениях они почти всегда встречаются вместе с остатками мясной заупокойной пищи, а значит, служили частью «столового прибора». Иные орудия труда попадали в погребальные сооружения крайне редко — не более шести случаев (Мастюгино, к. 2 А. А. Спицына; Частые, к. 7 ВУАК;

к. 34 П. Д. Либерова и к. 28 Ю. П. Матвеева). Весьма показателен набор железных изделий из кург. 7 группы Частых — топор (рис. 105, 6), тесло (рис. 105, 7), стамеска (рис. 105, 8), железное острие (рис. 105, 9), то есть инструменты, связанные с процессом строительства дерево-земляного склепа, и после его сооружения оставленные. Видимо, для тех же целей использовались железный кельт из кург. 5 группы Частых 1927 г. (рис. 105, 10) и железное орудие из кург. 2 Мастюгинского могильника 1908 г. (рис. 105, 13). К тому же из трех найденных в курганах топоров два обладали слишком узкими и прогнутыми лезвиями (рис. 105, 11—12). Они могли служить и в качестве боевых.

Рис. 105. Орудия труда из среднедонских курганов скифского времени:
1 — Мастюгино, к. 27/4; 2 — Мастюгино, к. 46/29; 3 — Мастюгино, к. 3; 4 — Мастюгино, к. 5;
5 — Частые, к. 8; 6—9 — Частые, к. 7; 10 — Частые, к. 5 1927 г.; 11 — Частые, к. 33/12;
12 — Частые, к. 28 1981 г. (по П. Д. Либерову); 13 — к. 2. 1908 г.

Явно нехозяйственное назначение имели два длинных бронзовых ножа специфической формы из кург. 8 группы Частых (рис. 105, 5). Не вызывает сомнений их принадлежность к так называемым «жертвенным» ножам, обычно встречаемых парами в сакских, скифских и лесостепных правобережных курганах. Укажем, что большинство таких бронзовых ножей найдены в архаических погребениях и очень редко заходят в V в. до н. э.

Для воссоздания социокультурного облика среднедонского населения весьма важно то, что в курганах полностью отсутствуют специализированные орудия земледельческого труда. Здесь не найдено никаких свидетельств употребления растительной пищи, нет следов каких-либо земледельческих культов, хорошо известных по курганам Днепровского Правобережья и Поворскля. В общем, нет никаких данных, что среднедонские курганы сооружались для захоронений оседло-земледельческого населения.

3.19. Лепная керамика. Одну из отличительных черт среднедонской культуры представляет керамический комплекс из курганных погребений. Он своеобразен и состоит из двух основных групп сосудов (рис. 106).

В первую входят аккуратно вылепленные от руки и тщательно подлощенные снаружи кувшины и большие «вазы» без ручек (рис. 106, 1), одноручные (рис. 106, 2, 3) и даже двуручные (рис. 106, 4). По числу керамических находок (20 сосудов в 18 погребениях) последние уступали лишь амфорам. Безусловно, именно они придали специфическую окраску среднедонскому курганному керамическому комплексу. Их фрагменты встречаются и на городищах, но не так часто, как в курганах. Не исключено, что этот тип керамики восходит к местным предскифским «вазам»⁷⁶. В V—IV вв. до н. э. у большинства из них появляется по одной ручке. А в кургане 3 Частых В. А. Городцовым найдена «ваза» с двумя ручками, возможно, подражающая античной амфоре. Широкое использование в курганных погребениях различных кувшинообразных высокогорлых сосудов, видимо, отражает важную роль жидкой, в первую очередь молочной, пищи в рационе питания этого населения.

Горшкообразные сосудики найдены всего в нескольких погребениях (Колбино, к. 1; Бл. Стояново, к. 9, п. 2). В отличие от городищенских горшков они имеют плоско сре�анный и не орнаментированный венчик, а также хорошо залощенную поверхность, то есть признаки, свойственные кувшинам и «вазам».

Специфической категорией керамического инвентаря среднедонских курганов являются так называемые «ритуальные» сосудики (рис. 106, 7—12)⁷⁷. Они найдены в 12 погребениях (6 %). Сосудики имеют вид небольших толстостенных чашечек на поддоне с характерными парными сквозными проколами на уплощенном венчике. Скорее всего, это местный вариант светильников, применявшихся как в быту (их находки известны и на городищах), так и в погребальном ритуале для освещения последнего «жилища» усопшего. На такое назначение указывают следы закопченности на их внутренней поверхности и парные сквозные отверстия на венчике для подвешивания. В то же время в одном случае зафиксировано употребление такого сосудика как вместилища белого вещества (Частые, к. 11 П. Д. Либерова). Не исключено использование некоторых из них и в качестве курильниц. Правда, по форме они существенно отличались от позднескифских, но так же, как и те, часто имели парные отверстия на венчике.

В последнее время выявляется еще одна интересная деталь погребальной обрядности среднедонских курганов, до сих пор не привлекавшая должного внимания исследователей. *В их погребениях практически отсутствовала местная посуда наиболее распространенных городищенских типов.* В курганах Терновое 1 — Колбино 1 найдена всего одна миска, характерная для городищенской керамики. А вот наиболее распространенных типов горшков с защипами или насечками по венчику в погребениях не встречено ни разу. В отличие от других лесостепных районов Восточной Европы, где местная керамика являлась важной составляющей погребального инвентаря, на Среднем Дону ни горшки, ни миски по каким-то причинам не ставились в могилы, даже в самые бедные.

⁷⁶ Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // МИА. Москва, 1969. С. 18.

⁷⁷ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. С. 19.

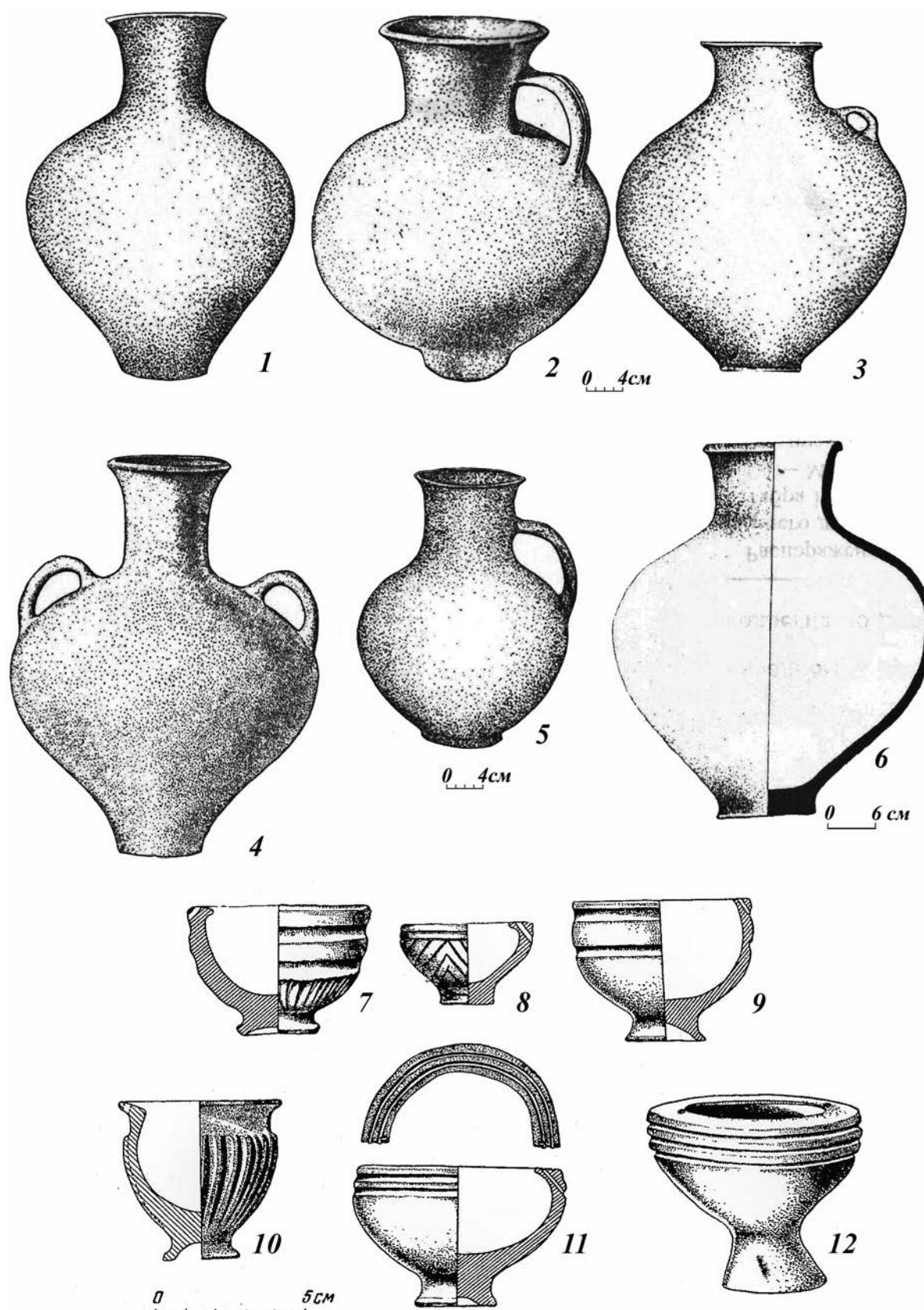

Рис. 106. Лепная керамика местного производства из среднедонских курганов:

- 1 — Дуровка, к. 9; 2 — Русская Тростянка, к. 1; 3 — Бл. Стояново, к. 9, п. 2;
 4 — Частые, к. 3. 1927 г.; 5 — Русская Тростянка, к. 14; 6 — Колбино; к. 10;
 7 — Частые, к. 13 ВУАК; 8 — Мастюгино, к. 18/38, 9 — Частые, к. 11/12;
 10 — Русская Тростянка, к. 12; 11 — Частые, к. 13/2; 12 — Мастюгино, к. 2 1908 г.

Отказ от употребления в погребальном ритуале среднедонских курганов самых распространенных типов лепной керамики, характерных для обитателей синхронных городищ, требует самого пристального внимания. Подобное, явно намеренное, «избегание» трудно объяснить, если исходить из утвердившегося взгляда на принадлежность курганов и городищ одному и тому же населению — местным племенам среднедонской культуры⁷⁸. Но уже полвека назад такой подход наталкивал на ряд непреодолимых трудностей. Так, обратив внимание на очень высокую частоту встречаемости в среднедонских курганах железных панцирей, П. Д. Либеров усомнился в надежности этого общепризнанного социального критерия воинских и аристократических погребений и допускал, что на Среднем Дону они были доступны «воинам более простых сословий»⁷⁹. И действительно, таких захоронений в среднедонских курганах оказалось слишком много, если последние рассматривать как обычные некрополи всего среднедонского населения.

3.20. Напутственная пища. В решении этого вопроса важную информацию дает изучение напутственной пищи, которую оставляли умершим в курганах. Она встречена более чем в ста среднедонских погребениях. В мясо почти всегда втыкали железный нож. Эта традиция была широко распространена у различных кочевых народов Юга Восточной Европы на протяжении всего раннего железного века и была связана со способом поедания мясной пищи: в одной руке едок держал кусок мяса, в другой — нож, которым отрезал необходимую порцию говядины или баранины.

В качестве жертвенного животного на Среднем Дону использовали, прежде всего,

лошадь — 102 погребения (51 %), мелкий рогатый скот — 26 погребений (13 %), чуть реже крупный рогатый скот — 23 погребения (11,5 %), очень редко свиней — два погребения (2,8 %)⁸⁰ и совсем редко диких животных. На основе преобладания костей лошади вполне очевидна ее роль в погребальных комплексах как главного ритуального животного, на что обращали внимание все исследователи. В целом, видовой состав животных, используемых для тризн и в качестве напутственной пищи погребенным, косвенно свидетельствует если не о весьма подвижном образе жизни этого населения, то по крайней мере о сохранении им некоторых номадических традиций, в частности о предпочтении для этих целей конины.

М. В. Добровольская отмечает относительно высокий уровень жизни населения, оставившего могильник Колбино 1, особенно в сравнении с жизнью обитателей Семилюкского городища⁸¹. Рацион питания первых в основном состоял из белковой пищи животного происхождения, хотя растительный компонент также присутствует. По заключению М. В. Добровольской, жители городищ отличались от «курганного» населения даже рационом питания. На городище Семилуки люди больше употребляли растительную пищу. Демографические особенности этого населения указывают на оседлый образ жизни.

Таким образом, антропология полностью подтверждает сосуществование в Донской лесостепи двух разных укладов жизни: полукочевого, свойственного части населения, которая погребала соплеменников в курганах, и оседлого земледельческо-скотоводческого на городищах.

⁷⁸ Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов... С. 45 ; Гуляев В. И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифское время : Тр. Потуданской археол. экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг. Москва, 2001. С. 23.

⁷⁹ Либеров П. Д. Древняя история населения Подонья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1971. С. 28.

⁸⁰ В раскопках В. И. Гуляева кости свиньи не встречены ни разу.

⁸¹ Добровольская М. В. К антропологии Среднего Дона в скифское время. С. 79.

Глава 4. О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕДОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Комплексный анализ курганов Средне-го Дона по частоте встречаемости престижных типов погребальных сооружений (деревянных столбовых гробниц, иногда с дромосами и шатровыми перекрытиями), количеству наступательного и оборонительного вооружения, социально значимых категорий инвентаря, парадных вещей и античного импорта однозначно показал, что среди них свыше 75 % содержали погребения, которые по применяемым в скифологии критериям следует признать не рядовыми, а принадлежащими военно-аристократической верхушке⁸². В отличие от Степной Скифии анализ среднедонских курганных некрополей не позволил выделить в них не только «бедной, преобладающей численно массы населения»⁸³, но и сколько-нибудь значительной группы рядовых захоронений, погребаемых в простых по устройству могилах. Между тем, по подсчетам В. Ф. Генинга, у скифов IV в. до н. э. «трудовой народ» составлял основную массу населения (95 %), по Е. П. Бунятян, несколько меньше, но все же свыше 60 %, плюс еще 7 % бедноты, находившейся на положении полурабов⁸⁴. На Среднем Дону к таковым даже нельзя отнести оставшиеся 25 % курганных комплексов, включавшие сильно разрушенные и разграбленные труположения и сожжения, социальный ранг которых по этим причинам почти невозможно определить, хотя среди них определенно были и бедные погребения (рис. 90, 3). По курганным некрополям можно в какой-то мере судить лишь о положении высших слоев общества, для которых только и был характерен курганный обряд погребения.

Об этом свидетельствуют и другие данные, в частности количественное соотношение анализируемых погребальных и бытовых

памятников скифского времени. Относительно небольшое число среднедонских курганных некрополей в сравнении с количеством (около 60) и площадью городищ, а также сопутствующих им стационарных поселений, указывает на то, что в скифское время под курганными насыпями могли погребаться далеко не все представители местного населения, а лишь какая-то, явно меньшая, его часть.

В самом первом приближении можно попытаться оценить численность неоседлого населения, оставившего в Донской лесостепи курганные могильники, хотя следует признать, что надежных эмпирических данных для этого еще меньше, чем при количественной оценке оседлых обитателей городищ. Численность социума определяется количеством курганов, составляющих могильник⁸⁵. К настоящему времени в среднедонских курганных некрополях исследовано не менее 200 курганов. С учетом не раскопанных полностью могильников Правобережья (Горки I, Дубовой, Россось II, Бл. Стояново, Русская Тростянка, Чижовка, Девица V, Ст. Животинное) их общая численность составит более 300. При этом надо принять во внимание, что курганные насыпи в основном возводились над погребениями взрослых — детские погребения, как правило, входили в состав коллективных погребений вместе с последними. Среди исследованных погребений большинство (свыше 90 %) совершены во второй половине IV в. до н. э. То есть каждый некрополь наиболее активно использовался и отражал жизнь и смерть отдельной популяции примерно из одного-двух поколений. Средняя продолжительность жизни среднедонских кочевников установлена по материалам наиболее исследованного могильника Колбино I — мужчины и женщины умирали в среднем в возрасте 35—36 лет⁸⁶. Последнее условие — количество погребенных в среднедон-

⁸² Медведев А. П. Посульские и среднедонские курганы скифского времени // Историко-культурная спадщина Глухівщини. Глухів, 1992. 1. С. 72.

⁸³ Либеров П. Д. Древняя история населения Подонья. С. 45.

⁸⁴ Генинг В. Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV—III вв. до н. э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 124—152; Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев, 1985. С. 32—44.

⁸⁵ Кузнецова Т. М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии: сб. памяти Владимира Александровича Башилова. Москва, 2008. С. 181. Прим.

⁸⁶ Добровольская М. В. Травматические повреждения на скелетах людей из курганных некрополей Среднего Дона // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Донской археол. экспед. ИА РАН, 2004—2008 гг. Москва, 2009. С. 177.

ских могилах колеблется от одного до четырех. Проведя расчет числа установленных погребенных, получаем в среднем 1,6 человека на один курган — всего 450 условных индивидуумов, хотя на самом деле, учитывая почти начисто ограбленные пустые большие склепы, их было существенно больше.

После изложенных выше условий для определения численности неоседлого населения Среднего Дона используем формулу С. С. Сорокина⁸⁷. В результате с учетом демографических данных по раскопанным в XXI в. могильникам (Терновое 1 — Колбино 1, Россошь, Девица V, Дубовое) получаем всего 173 взрослых индивида. На первый взгляд, эта цифра кажется слишком малой для среднегодовой численности этой группы. Но здесь речь идет преимущественно о военно-аристократической элите, которая всегда по численности многократно уступала рядовому населению.

В данном случае полученный результат — это не среднее число всего одновременно проживавшего неоседлого населения, а скорее только тех, кого погребали при зимниках в холодное время (не менее трети года). Поэтому для определения численности популяции среднедонских номадов эту цифру, надо утроить и довести, как минимум, до 520 человек.

Безусловно, в реальной жизни группы неоседлого населения были гораздо многочисленнее, так как вряд ли удалось учесть все их могильники (некоторые не сохранились), а также за счет включения в их состав простых пастухов, слуг и зависимых людей, входивших в окружение господина, но далеко не всегда погребавшихся вместе с ним под курганом. Однако даже при этих поправках в IV в. до н. э. все же их было на порядок меньше, чем зависимого населения городищ, минимальная численность которого определена выше в пределах 18 000—22 000 человек.

Судя по сложным монументальным погребальным сооружениям, следам пышного погребального ритуала, составу и богатству сопровождающего инвентаря, в среднедонских курганах хоронили почти исключительно военно-аристократическую верхушку. По частоте встречаемости находок вооружения и снаряжения коня воронежские курганы оказались наиболее сопоставимыми с погребальными

памятниками Днепровского лесостепного Левобережья VI в. до н. э., затем Днепровского лесостепного Правобережья конца VI — V в. до н. э. и Степной Скифии V в. до н. э. Получается, что по уровню «милитаризации» среднедонские номады стояли выше северопрichernоморских скифов IV в. до н. э., в особенности по находкам защитного доспеха и конской упряжи. По частоте встречаемости престижных вещей (амфоры, бронзовые котлы, изделия в зверином стиле, золотые и серебряные сосуды, а также деревянные сосуды с накладками из драгоценных металлов) курганы Среднего Дона превосходили Посулье, за исключением только такого показателя, как звериный стиль (соответственно 42 и 50 %) и Степную Скифию V в. до н. э., уступая ей лишь по амфорам (соответственно 25 и 39 %). По этим критериям они оказались весьма близки курганам Днепровского Правобережья конца VI — V в. до н. э., но по сравнению с последними в них найдено намного больше бронзовых котлов.

В связи с этим обращает на себя внимание одна интересная хронологическая деталь. Большинство курганов Среднего Дона датируются концом V — началом III в. до н. э., когда в Скифии утвердился катакомбный обряд погребения. Наоборот, на Среднем Дону мы не знаем ни одной катакомбы, а наблюдаем расцвет более архаических типов погребальных сооружений — деревянных столбовых гробниц. Весьма показательно, что в Скифии IV в. до н. э. столбовые склепы с дромосами не использовались совсем, если не считать единственного погребения Цыганка на границе лесостепи.

В курганах Среднего Дона просматривается некоторая архаизация в типах погребальных сооружений, обряде, отдельных категориях инвентаря (рис. 107). Она проявляется в местном зверином стиле, в частности в резной кости, где налицо своего рода консервация архаических художественных традиций вплоть до конца IV в. до н. э. Явное запаздывание наблюдается и в довольно широком распространении на Среднем Дону деревянных сосудов с золотыми и серебряными накладками. Почти 70 % их находок связаны с комплексами второй половины IV в. до н. э., тогда как в Скифии они наиболее характерны для курганов V в. до н. э.⁸⁸ То же самое следует ска-

⁸⁷ Сорокин С. С. О хронологических формулах и значении термина «могильник» // Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград, 1975. Вып. 3. С. 20.

⁸⁸ Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). Москва, 1991. С. 72.

зять и о находке блюда из песчаника в ровике кургана 5 у с. Терновое, датируемом IV в. до н. э.⁸⁹ Его типологическая близость раннескифским каменным блюдам-жертвенни-

кам сомнений не вызывает. В целом же, судя по остальному инвентарю, среднедонская культура развивалась в том же ритме, что и скифская.

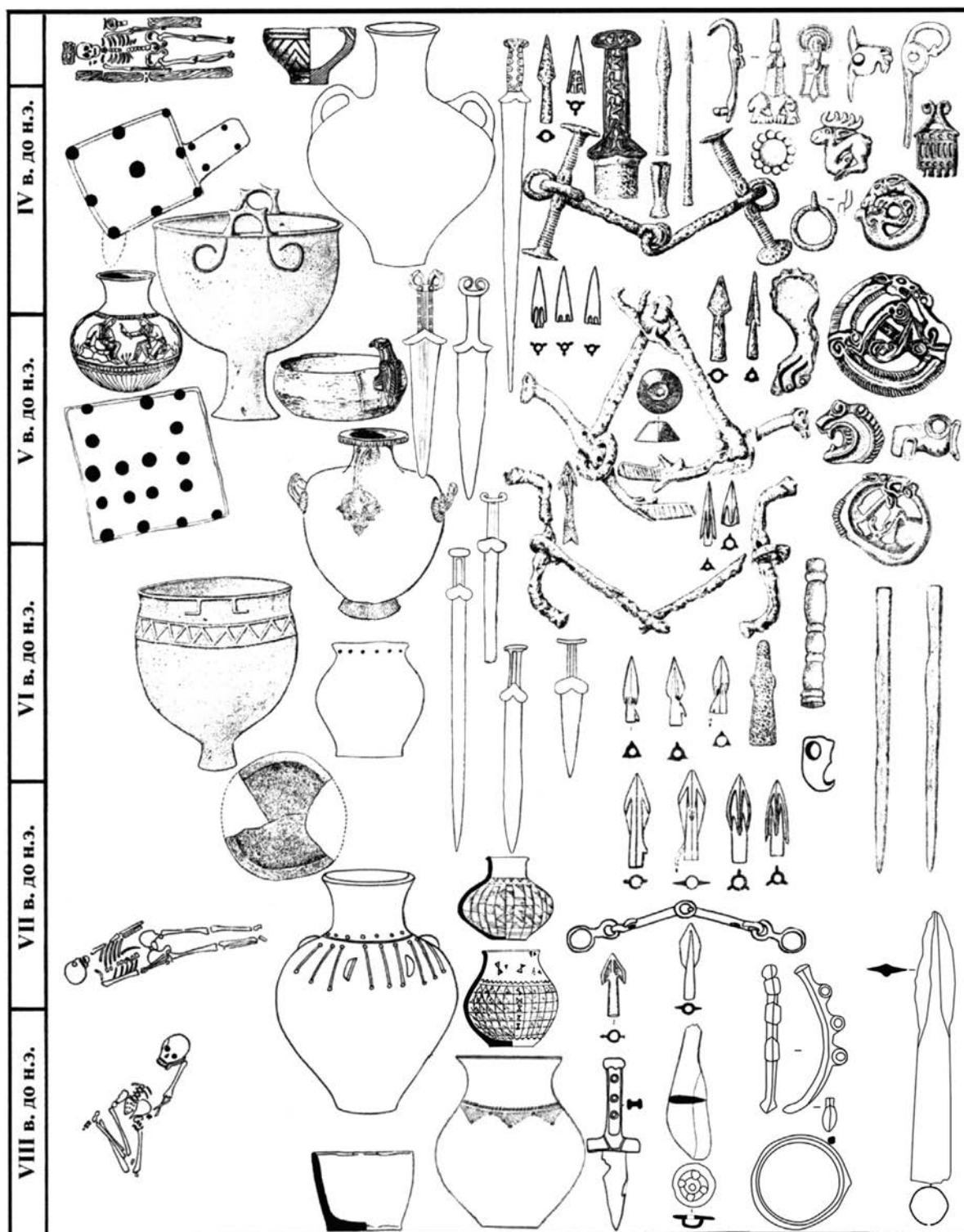

Рис. 107. Основные этапы развития культуры номадов в Донской лесостепи в предскифское и скифское время

⁸⁹ Гуляев В. И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // РА. 1995. № 1. С. 93, рис. 5, 23.

Подобно лучше известной скифской знати господствующая верхушка среднедонского общества вряд ли представляла сколь-нибудь единый и тем более однородный слой. Среди нее были и настоящие аристократы, такие, как погребенные в кург. 29/21 Мастюгинского могильника или в кург. 1 у с. Дуровки. Возможно, среди них были потомки тех самых «царей» гелонов и будинов, которые участвовали в военном совете скифов в самый напряженный момент войны с Дарием (Геродот: IV, 102, 119). Были среди них и простые воины-дружинники, такие, как погребенный в к. 38 Староживотинного могильника, которому кроме оружия оставили лишь амфору.

Путем изучения взаимовстречаемости признаков различной социальной значимости с размерами могил можно выявить зависимость между частотой встречаемости определенных категорий инвентаря, типами погребальных сооружений и их размерами⁹⁰. В итоге по материалам некрополей выделились три группы различного социального статуса:

1-я группа — 25 % погребений, малых размеров, площадью от 1,5 до 8 м². Из оружия в них чаще представлены только наконечники стрел, реже дротиков и копий, встречаются остатки конской упряжи, но нет мечей и защитного доспеха. Весьма показательно, что в могилах этой размерной группы ни разу не найдены бронзовые котлы, «ритуальные» сосудики, деревянная посуда с металлическими накладками, золотые нашивные бляшки, хотя мелкие украшения из золота встречались. Первая группа включала главным образом погребальные сооружения I и II типов.

2-я группа — 61 % погребений, средних размеров, площадью от 9 до 22,5 м². В отличие от первой в ней присутствовали все социально значимые категории инвентаря и виды вооружения. В эту группу входили почти все погребальные сооружения III и IV типов и лишь отдельные II типа.

3-я группа — 14 % погребений, совершенных в наиболее грандиозных погребальных сооружениях размерами 22,5—67 м². Почти на всех графиках она отделялась от могил второй группы разрывом до 22,5—28,75 м². Могилы этой группы содержали все социально значимые признаки 2-й группы плюс престижные серебряные ритоны и кубки, указывающие

на особый статус их владельцев. Их хоронили в погребальных сооружениях только III и IV типов.

Из выявленных зависимостей обращает на себя внимание одна — золотые нашивные бляшки проявили вполне определенную тенденцию попадания в могилы средних и больших размеров преимущественно III и IV типов. В более или менее полно сохранившихся комплексах они обнаружили повышенную встречаемость с особо престижными вещами: серебряными ритонами и кубками, деревянными сосудами с металлическими накладками, котлами, изделиями звериного стиля. Все это позволяет рассматривать данную категорию находок в качестве надежного признака аристократических погребений. По-видимому, как и в Скифии, на Среднем Дону высокий социальный статус знати подчеркивался богатым декором верхней одежды, расшитой золотыми бляшками. Именно такие одеяния имели аристократы, изображенные на Воронежском сосуде (рис. 101).

Неграбленных аристократических курганов на Среднем Дону пока известно не более одного-двух. Нетронутые воинские погребения встречались чаще. Для них был характерен полный или почти полный набор вооружения (мечи, копья, дротики, стрелы, иногда пластинчатый доспех), находили в них амфоры, изделия в зверином стиле, изредка котлы и даже украшения из золота, но не золотые нашивные бляшки. Однако все же большинство среднедонских курганных погребений нельзя надежно дифференцировать на воинские и аристократические. Да это и не столь существенно для нашей темы. Главная социальная особенность среднедонских могильников заключалась не в наличии высоко- или низкоранжированных погребений, а в явном количественном преобладании среди них лиц, принадлежавших к наиболее многочисленному и хорошо вооруженному «среднему слою» (свыше 60 %).

Если по материалам среднедонских курганов отчетливо выявляется довольно высокий социальный статус большинства погребенных, то этого нельзя сказать об оседлом населении городищ. К сожалению, сейчас нет возможности провести сравнительный социальный анализ среднедонских курганных некрополей и синхронных могильников рядового оседлого населения из-за отсутствия таковых на изучаемой территории. Но целый ряд

⁹⁰ Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. С. 121—123.

существенных признаков (жилища небольших размеров, наличие большой общинно-ритуальной постройки на Волошинском I городище и общественных зернохранилищ на Пекшевском городище, в целом весьма невысокий уровень материальной культуры и благосостояния) указывает на то, что основная масса оседлого населения фактически продолжала существовать в условиях позднего первобытно-общинного строя практически с еще во многом сохранившейся эгалитарной внутренней структурой. Во всяком случае, ни на одном из широко исследованных среднедонских городищ до сих пор не известны более или менее монументальные постройки с материальными остатками, позволяющими видеть в них постоянные резиденции местных вождей. Не выявлено каких-либо признаков имущественного неравенства и внутриобщинной эксплуатации. Как установила М. В. Добровольская, они отличались от «курганного» населения даже рационом питания. И в этом смысле бытовые памятники представляют полный контраст расположенным поблизости курганным некрополям.

Системный анализ всей совокупности археологических памятников скифского времени Среднего Подонья свидетельствует о том, что они, скорее всего, отражают так называемый военно-аристократический путь политогенеза⁹¹. Наиболее ярким его показателем являются обширные гробницы знати и воинов с большим количеством оружия и престижных вещей. В то же время в Донской лесостепи пока не известны курганы так называемых «суперлидеров», сопоставимые по масштабам и богатству инвентаря со скифскими «царскими».

Как известно, противопоставление численно незначительной элитарной прослойки основной массе общинников свойственно большинству так называемых сложных вожеств⁹². По материалам среднедонских могильников налицо три основных археологических фиксируемых признака этой переходной формы социально-политической организации от тради-

ционных общинно-родовых структур к раннеклассовому обществу и государству:

- 1) развитая социальная стратификация;
- 2) создание специальных погребальных комплексов для знати;
- 3) монументальность погребальных сооружений, пышность обряда погребения, разнообразие и богатство инвентаря, вещей престижа.

Среднедонские курганные могильники можно было бы рассматривать как проявления зарождающегося культа местной знати или ее героев, хорошо известного у разных народов на последней ступени позднепервобытного строя и формирования раннеклассового общества. Но такому толкованию препятствуют некоторые весьма существенные особенности изучаемых могильников. Каждая из них в отдельности мало что дает для понимания феномена воронежских курганов. Однако взятые вместе они образуют весьма жесткий семантический пучок, который существенно сужает возможные варианты их историко-культурной интерпретации. Еще раз назовем наиболее важные из них: небольшое число курганных могильников относительно городищ и поселений оседлого населения, доминирование склепов, в том числе с дромосами, выраженный «кочевнический» облик сопровождающего инвентаря, отказ от использования в курганных погребениях самых распространенных типов городищенской керамики при наличии преимущественно сосудов для питья, как импортных античных, так и местных «ваз» и кувшинов, различия в пищевом рационе по сравнению с городищенским населением, наконец, явная территориальная обособленность курганных некрополей от городищ.

Последнее обстоятельство представляется далеко не случайным. Его изучение может дать ключ к пониманию этносоциальной ситуации, сложившейся на Среднем Дону в скифское время. Как уже указывалось, все курганные могильники находились здесь на значительном удалении от ближайших городищ и, что для нас наиболее существенно, почти всегда на противоположных берегах рек или суходолов. Явно намеренная их территориальная обособленность, возможно, объясняется отчуждением среднедонской военно-аристократической верхушки от постоянных обитателей городищ. Это заставляет допустить мысль о принадлежности их различным, хотя тесно взаимосвязанным, группам лесостепного населения.

⁹¹ Массон В. М. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии. Санкт-Петербург, 1994. С. 1.

⁹² Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. Москва, 1995. С. 39.

Глава 5. РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА СРЕДНЕДОНСКИХ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ

Комплексный анализ среднедонских курганных могильников скифского времени позволяет сделать ряд заключений, проливающих некоторый свет на природу этого культурно-исторического феномена.

1. Курганные могильники, скорее всего, являлись некрополями не всего среднедонского населения, а лишь его части — военно-аристократической верхушки. В других локальных вариантах лесостепной скифидной культуры также наблюдается далеко не «нормальное» соотношение курганных могильников и городищ. Первые преобладают в Посулье, тогда как в Посеймье на не менее чем 50 городищ не известно ни одного курганного могильника скифского времени. Если считать курганный обряд основным способом захоронения в лесостепи, то, несмотря на свои очень большие размеры, явно не соответствует огромному Бельскому городищу даже могильник Скоробор, накопивший за четыре столетия существования около 1000 насыпей, тогда как население городища могло достигать 40—50 тыс. человек⁹³.

2. Сравнительный анализ материалов городищ и курганных некрополей свидетельствует о сосуществовании на Среднем Дону с конца VI по IV в. до н. э. в рамках единого этнополитического организма двух различных социальных и этнокультурных комплексов: массовой культуры рядового населения городищ и элитарной субкультуры военно-аристократической верхушки, погребаемой в курганах. Первые представлял ХКТ лесостепных земледельцев и скотоводов, скорее всего, находившихся в определенной зависимости от последних. Знать же вела образ жизни, близкий степным ираноязычнымномадам. Она ориентировалась на престижные скифские и античные образцы.

3. Выявляется ряд существенных признаков, как будто бы указывающих на то, что различия между двумя группами среднедонского населения были не только социальными, но, возможно, изначально и этни-

ческими: топографическая обособленность курганных могильников от ближайших городищ, отказ знати и воинов от употребления наиболее распространенных типов местной посуды, а скорее всего, и местной пищи, разительные различия в их материальной и духовной культуре (звериный стиль и высокохудожественные изделия с атропоморфными сюжетами в курганах и грубая глиняная антропо- и зооморфная пластика на городищах). История знает множество примеров возникновения разноэтничных позднепотестарных структур с последующей трансформацией этнических противоречий в сословно-классовые. Особенно часто они наблюдались у номадов, завоевавших и эксплуатировавших земледельцев, с последующим почти неизбежным установлением так называемой суперстратификации⁹⁴.

4. Основное ядро этнокультурного комплекса среднедонских могильников (ведущие типы погребальных сооружений, особенности их внутримогильных конструкций и обряда, почти весь ранний вещевой инвентарь, древнейшие образцы местного звериного стиля) появилось в лесостепном Подонье в уже сложившемся виде не позже конца VI — V в. до н. э. Складывается впечатление, что оно было принесено сюда из более западных лесостепных районов. Именно в курганных могильниках Днепровского Право- и Левобережья обнаруживаются не только истоки его отдельных элементов, но и целые взаимосвязанные блоки, сформировавшиеся там еще в VII—VI вв. до н. э. в результате проникновения в Украинскую лесостепь иранцев-номадов, покоривших часть местного населения и создавших скотоводческо-земледельческое объединение под эгидой военно-кочевой знати («ранние скифы»)⁹⁵.

5. Этой гипотезе в целом не противоречит и антропологический материал, правда, очень немногочисленный. В свое время Г. Ф. Дебец отмечал близость черепов из курганов Среднего Дона скифским черепам не только Нижнего, но и Среднего Подне-

⁹³ Шрамко Б. А. Фридрих Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 218—229.

⁹⁴ Крадин Н. Н. Вождество : современное состояние и проблемы изучения. С. 20—21.

⁹⁵ Скорий С. А. Курган Пере'пятиха. Київ, 1990. С. 92.

провья⁹⁶. Его вывод подтвердило исследование Т. В. Томашевич новой коллекции черепов из могильника Ближнее Стояново. По ее заключению, некоторые из них также близки «среднеднепровской серии». Однако исследование М. В. Добровольской антропологических материалов могильника Терновое 1 — Колбино 1 позволило ей охарактеризовать «курганное» население как степное или скорее степное с демографическими особенностями, типичными для кочевого населения, и даже — правда, не очень уверенно — назвать его скифским⁹⁷. Из ее работ не видно, что она проводила самостоятельный сравнительный анализ с популяциями классических скифов, оставивших степные курганы IV в. до н. э.⁹⁸ Тем более что по результатам исследования целого ряда антропологических серий А. Г. Козинцев пришел к заключению, что сами скифы Северного Причерноморья были весьма неоднородны в антропологическом отношении⁹⁹. Нам представляется, что точку в этом споре окончательно смогут поставить сравнительные палеогенетические исследования среднедонских материалов с собственно скифскими из могильников Причерноморья IV в. до н. э.

6. Переселение на Средний Дон части днепровского населения, сохранившего традиции погребений в столбовых гробницах, видимо, как-то было связано с событиями рубежа VI—V вв. до н. э., коренным образом изменившими этнополитическую ситуацию в Причерноморье. Кажется далеко не случайным практически полное совпадение по времени первых курганных захоронений в Частых и Мастюгинских курганах и начала затухания военно-аристократических некрополей Днепровского Левобережья. Не исключено, что уход части старой знати далеко на восток был обусловлен ее нежеланием признать владычество новых

хозяев степи — «скифов царских»¹⁰⁰. Переселению на Дон благоприятствовали и позитивные природно-климатические изменения середины I тыс. до н. э., о которых речь шла выше. Наконец, немаловажную роль, видимо, сыграло и наличие здесь привычного для мигрировавшей полукочевой элиты земледельческо-скотоводческого населения городищ, которое уже успело обжиться на «новой родине».

7. Вплоть до конца скифской эпохи военно-аристократическая верхушка Среднего Дона во многом придерживалась старых традиций, в частности сохранила обычаи погребения в деревянных столбовых склепах, как с дромосами, так и без них, биритуализм захоронений при преобладании ингумации, обычай поджигать деревянный склеп или его перекрытие и тому подобное. На Среднем Дону ее расцвет приходится на IV в. до н. э., когда в Украинской лесостепи этот старый тип погребальных сооружений и связанная с ним обрядность начинают затухать и приходят в упадок, а в Степной Скифии к этому времени всецело возобладали катакомбные захоронения.

Все сказанное выше позволяет допустить, что с конца VI в. до начала III в. до н. э. на Среднем Дону наряду с численно преобладающим рядовым земледельческо-скотоводческим населением городищ проживали отдельные группы (роды) потомков иранцев-номадов, проникших в украинскую лесостепь еще в VII—VI вв. до н. э., культурно, а скорее всего, и этнически как-то связанные с «ранними»¹⁰¹, или «старыми»¹⁰², скифами. Вероятнее всего, их верхушка составила здесь своего рода властвующую элиту, процветающую, судя по обилию античного импорта и дорогих изделий, за счет эксплуатации основной массы населения городищ.

С V в. до н. э. в среде среднедонской военно-аристократической верхушки, уже явно оторвавшейся от исходной территории в лесостепном Поднепровье, интенсивно идут процессы культурной дифференциации. По-

⁹⁶ Дебец Г. Ф. Череп из курганов Среднего Подонья // МИА. 1969. № 151. С. 39.

⁹⁷ Добровольская М. В. К антропологии Среднего Дона в скифское время. С. 81, 89.

⁹⁸ Там же. С. 71.

⁹⁹ Козинцев А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 154.

¹⁰⁰ Алексеев А. Ю. Скифская хроника. Санкт-Петербург, 1992. С. 103—113.

¹⁰¹ Погребова М. Н. Ранние скифы и Древний Восток. Москва, 1992. С. 223.

¹⁰² Скорый С. А. К истории взаимоотношений населения степи и лесостепи в V—IV вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992. С. 89.

являются локальные особенности в погребальном обряде (сложные склепы при отсутствии катакомб), развиваются местные формы керамики («вазы», «ритуальные сосудики») и бронзовых котлов «с усами», складывается своеобразный комплекс вооружения, в котором наряду с преобладающими общескифскими типами существенное место занимают местные образцы оружия (некоторые типы акинаков, железные плоские наконечники стрел, дротики с рюмкообразными подтоками, зооморфные крючки), оформляется среднедонской вариант звериного стиля.

Культурному обособлению этой части населения способствовали различные факторы, из которых определенно можно назвать следующие: ослабление связей с лесостепным Поднепровьем, особенно после заселения территории Посеймья в V в. до н. э. балтоязычными юхновскими племенами, появление местных производственных центров, усилившейся Причерноморской Скифии, переживавшей именно в это время наивысший культурный подъем, а также активное функционирование торговых путей из Ольвии в Приуралье и с Елизаветовского городища в дельте Дона вверх по реке. Оба проходили через среднедонскую территорию. Наконец, среди действенных факторов не последнюю роль играли процессы социального и культурного обособления воинов и знати от основной массы оседлого населения городищ.

В то же время в рамках сложившегося единого этносоциального организма это обособление не могло быть абсолютным. Сравнительный этнографический материал по типологически близким обществам демонстрирует картину разнообразных связей между господствующей степной элитой и рядовым зависимым населением¹⁰³. Скорее всего, здесь они осуществлялись в холодное время года, когда кочующая знать и воины вместе со стадами возвращались на зимники, расположенные в окрестностях городищ. Возможно, свидетельствами ее пребывания на городищах является амфорный бой, обломки тщательно изготовленных «ваз», «ритуальные сосудики», редкие находки изделий в зверином стиле и более дорогих вещей

типа Семилукскогоклада, содержавшего набор серебряных украшений, по стилю принадлежащий явно не жителю городища¹⁰⁴. Во всяком случае, они значительно чаще встречаются на городищах, по соседству с которыми располагался курганный могильник.

Мы не знаем, а может быть, и никогда не узнаем, как осуществлялась эксплуатация военно-аристократической верхушкой местного населения. Вероятнее всего, она могла включать сбор регулярной дани продуктами земледелия, ремесла, металлургии, различные формы «кормления», «дары», неэквивалентную торговлю, как это практиковали скифы¹⁰⁵. Скорее всего, оседлое население выполняло и прямые трудовые повинности, в частности по сооружению монументальных курганных усыпальниц знати, но особенно по заготовке сена, столь необходимого лесостепнымномадам в зимнее время из-за высокого снежного покрова. Античный импорт и высокохудожественные изделия из драгоценных металлов, довольно часто встречавшиеся в среднедонских курганах, по существу представляли овеществленную часть прибавочного продукта, изымаемого у местного оседлого населения и превращаемого в престижный атрибут господствующего слоя.

Такая форма эксплуатации имела корпоративный характер — каждый знатный «род», основавший некрополь на высоком престижном месте, владел определенной подвластной ему территорией (одним из микрорайонов) с населением в несколько сот, а то и тысяч «подданных». В социальном плане такое локальное образование, вероятно, соответствовало вождеству. Каждое из них представляло собой вынужденное социально-экономическое единство двух различных хозяйственных укладов: степного полукочевого, правда, уже существенно трансформировавшегося в лесостепи, и лесостепного оседло-земледельческого, также, несомненно, деформировавшегося в результате его включения в это вынужденное объединение.

¹⁰⁴ Пряхин А. Д. Клад скифского времени с Семилукского городища на р. Дон // РА. 1994. № 4. С. 185—190.

¹⁰⁵ Хазанов А. М. Социальная история скифов. С. 158—164.

¹⁰³ Хазанов А. М. Кочевники и окружающий мир. Санкт-Петербург, 2008. С. 245—249.

Глава 6. ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СРЕДНЕДОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Стараясь максимально придерживаться принятой в современной науке методических принципов анализа и интерпретации археологических источников, проанализируем существующие в науке точки зрения на этническую принадлежность среднедонских племен скифского времени. Но для этого, прежде всего, необходимо определить географические реперы, к которым можно будет «привязать» известные из рассказа Геродота этносы. «Отец истории» соединил в «скифском рассказе» более раннюю ионийскую

традицию и картину расселения в Скифии современных ему племен, а также обширный фольклорный материал, полученный им от скифов во время путешествия в Ольвию¹⁰⁶. В результате использования «отцом истории» разнородных источников получились некоторые весьма существенные расхождения в локализации и характеристике народов, которые проживали на периферии Скифии. Их можно хотя бы частично преодолеть, опираясь на комплексный метод анализа источников.

6.1. Река Танаис в исторической географии Скифии

Начать исследование целесообразно с вопроса о р. Танаис. Дело заключается в том, что в трудах античных авторов реки заменяли современную географическую систему координат. У Геродота почти все племена Скифии «привязаны» к конкретным рекам. Поэтому непереносимым условием реконструкции этнической карты Скифии является правильная идентификация античных гидронимов с современными реками. В полной мере это относится и к р. Танаис, так как по вопросу его идентификации у современных исследователей нет единой точки зрения. Сейчас в науке конкурируют два основных варианта отождествления Танаиса Геродота с современными названиями рек:

1. Танаис соответствует современному Дону;

2. Танаис — это Северский Донец вместе с нижним течением Дона.

Первую точку зрения можно считать традиционной, восходящей к трудам западноевропейских географов эпохи Возрождения. До недавнего времени она господствовала в науке. Точка зрения о соответствии античного Танаиса не Дону, а Северскому Донцу также не нова¹⁰⁷.

Ее реанимировали в нашей науке М. И. Артамонов, а затем Б. А. Рыбаков¹⁰⁸. Без особой критики ее поспешили принять некоторые антиковеды, лингвисты и археологи. Но никто не проводил проверку ее основания на источниковом уровне. В качестве ключевого аргумента Б. А. Рыбаков использовал *координаты истоков* Танаиса у александрийского географа II в. н. э. Клавдия Птолемея (География: III, 5, 4). Академику показалось, что они более соответствуют истокам Донца, нежели Дона.

Но в том же источнике можно найти более надежные данные для решения поставленной задачи, если учесть, что античные авторы знали более или менее достоверно лишь низовья восточноевропейских рек. Это указанные Птолемею координаты поворота р. Танаис — 72°30' в. д. и 56° с. ш. Выполненные по ним расчеты от западного устья Танаиса однозначно показали, что, сообщая о повороте этой реки, Птолемей имел в виду Донскую излучину, но никак не устье Северского Донца. Это заключение находит надежное подтверждение в другом сообщении Птолемея о повороте реки Ра (Волги) в том месте, где она сближается с Танаисом (География: V, 8, 13). Его координаты — 74° в. д. и 56° с. ш. — неопровержимо указывают на то, что здесь речь идет о той же излучине Волги в районе Волгограда. Полученные результаты весьма точно соответствуют расстоянию между Волгой и Доном в месте их максимального сближения. В то же время

¹⁰⁶ Лелеков Л. А. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность // Народы Азии и Африки. 1979. № 6. С. 70—76.

¹⁰⁷ Историю вопроса см.: Медведев А. П. К вопросу об идентификации р. Танаис по данным Птолемея // Историческая география Черноземного Центра России. Воронеж, 1989. С. 149—156.

¹⁰⁸ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Москва, 1979. С. 50—55.

они находятся в разительном противоречии с гипотезой, отождествляющей Танаис с Северским Донцом и нижним течением Дона, так как расстояние от излучины Волги в несколько раз превышает расстояние между поворотами Танаиса и Ра у Птолемея.

Если мы обратимся к более ранним сведениям о интересующей нас реке, то и там найдем подтверждения для отождествления Танаиса и Дона¹⁰⁹. Геродот знает единственный приток Танаиса, который называет то Гиргис (IV, 57), то Сиргис (IV, 123). При этом «отец истории» замечает: *«Вот какие примечательные реки имеются у скифов»* (IV, 58). В таком случае Сиргис-Гиргис может быть только правым «скифским» притоком Танаиса, ибо для Геродота, если перейти эту реку, *«то там уже не скифская земля, но в начале область савроматов»* (История: IV, 21).

Итак, осуществленная выше верификация гипотез о р. Танаис полностью подтверждает его совпадение с Доном. Это дает нам основание использовать течение этой реки в качестве надежного географического репера при локализации древних народов.

Ученые давно обратили внимание на то, что в основе Геродотова представления о местах обитания древних народов по Танаису лежит перэгеса — описание торгового пути из гавани Борисфена (Ольвии) к далеким приуральским народам — аргиппеям и исседонам. На это указывает и сам Геродот, замечая: *«Вот до этих плешивых (аргиппеев — А. М.) о земле и племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются при помощи семи переводчиков на семи языках»* (IV, 24). Естественно, Геродот располагал более подробной информацией о тех народах, через земли которых проходили торговые пути.

Иную природу обнаруживают сведения Геродота о соседях скифов, обитавших на северных рубежах Скифии. Д. С. Раевский убедительно доказал в основном фольклорную, эпическую природу «Скифского логоса», восходившую к собственно скифским представлениям об обитаемом мире¹¹⁰. Но при этом обращает на себя внимание устойчивая последовательность перечисления Геродотом племен, обитающих по скифской периферии (IV, 100, 102—110, 119, 123—125). Он всегда строго выдерживает порядок их размещения даже при обратном перечислении с востока на запад. Поэтому она служит своего рода лакмусовой бумажкой при проверке правильности размещения исследователями нескифских этносов по окраинам Скифии.

Таким образом, при разработке вопросов исторической географии Воронежского края в скифское время есть возможность использовать три независимых источника информации:

1. Перечень народов по Танаису-Дону с юга на север и далее на северо-восток, восходящий к античной торговой перэгесе и рассказам греческих купцов.
2. Перечень народов вдоль северной и восточной сторон Скифии, восходящий к устойчивой эпической формуле самих скифов об их соседях.
3. Данные археологии, проанализированные выше.

Именно наличие таких разноприродных письменных источников, переданных Геродотом, и данных современной археологии дает возможность более основательно рассмотреть вопрос о том, кто же обитал на Среднем Дону в скифское время? Однако изучение исторической и археологической литературы показало достаточно широкий спектр мнений по этому вопросу. Здесь мы рассмотрим только наиболее известные из предложенных версий.

6.2. Скифы на Среднем Дону («воронежские скифы»)

С самого начала изучения Мастюгинские и Частые курганы рассматривались отечественными учеными в одном ряду с вы-

дающимися памятниками скифской культуры, естественно, в том ее понимании, которое сложилось в России в начале XX в. Впервые такую оценку им дал М. И. Ростов-

¹⁰⁹ Медведев А. П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993. С. 154.

¹¹⁰ Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. Москва, 1995. С. 69—70.

цев¹¹¹. Правда, напомним, что под скифской культурой он понимал не культуру, свойственную скифам как народу, а лишь культуру верхних, господствующих слоев — «царей и высшей феодальной аристократии». Но при этом именно М. И. Ростовцев впервые отметил особую близость Воронежской группы Киевским и Полтавским курганам¹¹².

Почти одновременно с М. И. Ростовцевым оценку среднедонским курганам дал другой выдающийся отечественный археолог А. А. Спицын. Он включил их в условную сводку курганов скифов-пахарей¹¹³. Именно в этой его работе впервые появляется термин «воронежские скифы». Но следует заметить, что А. А. Спицын упомянул их всего один раз, к тому же походя, без какого-либо археологического и исторического обоснования. По существу, его «воронежские скифы» — чисто условное, искусственное название, производное от понятия «скифская культура», к которой тогда относили и воронежские курганы. Тем не менее ему была суждена долгая жизнь.

В силу известных причин советские археологи 30—40-х годов почти не затрагивали этнокультурной проблематики. Лишь Г. В. Подгаецкий в соответствии со сложившейся традицией считал воронежские курганы скифскими¹¹⁴. При этом исследователь рассматривал их как инородное явление, связанное с появлением мощной скифской волны, захлестнувшей среднедонскую лесостепь в конце IV — начале III в. до н. э. Однако в отличие от М. И. Ростовцева и А. А. Спицына Г. В. Подгаецкому уже были известны синхронные поселения оседлого населения. От их конкретной этнической оценки Г. В. Подгаецкий воздержался. В середине XX в. скифам Среднего Дона посвятил кандидатскую диссертацию, а затем популярную книжку А. Ф. Шоков¹¹⁵. Но ни в диссертации, ни в книге читатель не найдет ка-

кого-либо обоснования именно скифской принадлежности среднедонских памятников. Она выступает уже как своего рода данность.

Со второй половины 50-х и до середины 90-х годов о скифах на Среднем Дону никто из исследователей даже не упоминал. Скорее всего, вытеснение из науки этого некогда общепринятого названия было результатом плодотворной полевой и научной деятельности П. Д. Либерова, сумевшего более аргументированно доказать иную этническую принадлежность среднедонских памятников¹¹⁶. Об этом речь пойдет ниже. Но весьма неожиданно в 1995 г. выходят сразу две публикации, в которых вновь «оживает» старое название. В популярном предисловии А. И. Пузиковой к альбому вряд ли можно было бы ожидать какой-либо развернутой аргументации отнесения среднедонских памятников к скифам¹¹⁷. Однако непонятно ее отсутствие в статье В. И. Гуляева и Е. И. Савченко¹¹⁸, открывшей в дальнейшем целую серию публикаций на тему о скифской принадлежности населения Среднего Дона. Напомним, что до того и В. И. Гуляев, и А. И. Пузикова твердо придерживались концепции П. Д. Либерова, затем резко изменили точку зрения.

Авторы в публикации 1995 г. не только называют раскопанный ими могильник у с. Терновое скифским, но и утверждают, что на Среднем Дону в V—IV вв. до н. э. проживали «именно скифы», а не какие-нибудь будины, меланхлены, невры или андрофаги. Основанием для такого заключения, по их мнению, послужила «поразительная близость среднедонских археологических комплексов со скифскими памятниками Левобережной лесостепной Украины... конца VI — V в. до н. э.». Но, как уже указывалось, это сходство ранее отмечали практически все скифологи, начиная с М. И. Ростовцева и А. А. Спицына. Однако признать их погребениями именно скифов V—IV вв. до н. э. мешают как минимум два обстоятельства.

¹¹¹ Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд // МАР. 1914. Вып. № 34. С. 79—93.

¹¹² Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Ленинград, 1925. С. 538.

¹¹³ Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 132—133.

¹¹⁴ Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // КСИИМК. 1946. Вып. XIII. С. 137.

¹¹⁵ Шоков А. Ф. Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952.

¹¹⁶ Либеров П. Д. Проблема будинов и гелоннов.

¹¹⁷ Пузикова А. И. Скифы Среднего Дона. 1995.

¹¹⁸ Гуляев В. И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // РА. 1995. № 1. С. 115—132.

Во-первых, ни на Среднем Дону, ни в Среднем Поднепровье пребывание скифов ни разу не засвидетельствовано античными авторами, в то время как на этих территориях Геродот все же знает другие народы. Во-вторых, среднедонские и левобережные среднеднепровские курганы при всем несомненном сходстве инвентаря во многом принципиально отличаются от синхронных степных скифских памятников конца V — IV в. до н. э. Достаточно еще раз напомнить общеизвестный факт: основным типом погребальных сооружений собственно скифов со второй половины V — IV в. до н. э. были катакомбы, тогда как в лесостепи захоронения по-прежнему совершали в грунтовых ямах, но главным образом в столбовых склепах, дромосных гробницах. Гипотеза В. И. Гуляева никак не объясняет этот феномен. В его публикациях это принципиальное различие как-то замалчивается.

Вообще, если строго последовательно придерживаться этнонимии Геродота и достаточно хорошо изученных археологами культурных индикаторов причерноморских скифов конца V — IV в. до н. э. (а дру-

гих скифов для этого времени мы просто не знаем), то не остается никаких серьезных научных оснований распространять их владения вплоть до Воронежа. По моим наблюдениям, скифы периодически «появлялись» на Среднем Дону в работах тех ученых, которые или не различали два разных значения этого этника (широкий географический и узкий этнический) в античной традиции, или же по разным причинам недостаточно учитывали локальную специфику изучаемых памятников. Кажется, блеск инвентаря воронежских курганов часто настолько притуплял зрение некоторых археологов¹¹⁹, что они становились невосприимчивыми к подчас неброским, а то и еле заметным проявлениям действительной этнокультурной специфики оставшего их населения. Письменные свидетельства и данные археологии указывают на то, что сложившаяся здесь этнокультурная ситуация была гораздо более сложной, чтобы всю ее можно было без насилия над источниками непротиворечиво объяснить с помощью старой гипотезы «Скифы на Среднем Дону»¹²⁰.

6.3. «Скифы отложившиеся» и меланхлены

Вопрос о возможной локализации на Среднем Дону не скифов вообще, а одной из их групп — так называемых «скифов отложившихся» — по ряду причин следует рассмотреть особо. При описании народов, проживавших к востоку и северо-востоку от Скифии, за р. Танаис Геродот первыми называет кочевников задонских степей — область савроматов, к северу от них — живущих в лесистой местности будинов, а еще дальше на северо-восток, за «пустыней», уже в лесной зоне охотников — тиссагетов и иирков, о которых подробно говорилось в первой главе. *«Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся»* (гр. *ἀποστάντες*, букв. «отщепенцы» — А. М.) *от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну»* (IV, 22). Таким весьма кратким сообщением ограничивается вся информация об этом особом скифском народе.

Следуя тексту Геродота, большинство ученых искали «скифов отложившихся» вне пределов Скифии на далеком северо-востоке, где-

то между Средней Волгой и Уральскими горами¹²¹. Однако Б. А. Рыбаков попытался обосновать совсем иную локализацию этого этноса. После весьма радикального пересмотра этногеографии Скифии он предложил отождествлять со «скифами отложившимися» (в его книге «особыми») группу, оставившую воронежские курганы¹²². Скорее всего, к этому его подтолкнул все тот же выраженный «скифский» облик инвентаря, близкий классическим скифским курганам. Отметим, что в аргументации Б. А. Рыбакова немаловажную роль сыграл серебряный ку-

¹¹⁹ Гуляев В. И. «Золотой» курган скифского времени на Среднем Дону // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 157—164.

¹²⁰ Медведев А. П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону: проблемы этнокультурной интерпретации // ВДИ. 2002. № 3. С. 154—167.

¹²¹ Доватур А. И. [и др.] Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Москва, 1982. С. 248.

¹²² Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 116—122.

бок из Частых курганов с изображением скифов, которое незадолго до этого удачно было дешифровано Д. С. Раевским как своего рода иллюстрация основного скифского мифа о происхождении их царской династии.

И тем не менее это, казалось бы, весьма эффектное решение проблемы «апостантов» практически не получило поддержки среди большинства скифологов. Детальный анализ аргументации Б. А. Рыбакова недавно проделан М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским, которые в конце концов вынуждены были все же от нее отказаться¹²³.

Дело в том, что при обосновании воронежской локализации «особых скифов» Б. А. Рыбаков отступил от провозглашенного им самим исследовательского принципа — руководствоваться системой взглядов Геродота, а не какими-то случайными признаками, вырванными из контекста и сильно обработанными бесконтрольным воображением¹²⁴. Но если строго следовать перечню народов в рассказе Геродота по затанаисскому участку пути к аргиппеям, то «скифы отложившиеся» никак не могут быть локализованы в среднем течении Танаиса. Поэтому Б. А. Рыбаков произвольно, без какой-либо аргументации просто изъясил сообщение о «скифах-апостантах» из текста Геродотовой перизгесы и поместил его в другое место, ограничившись оговоркой, что оно явно должно было находиться в конце не 22-го, а 21-го параграфа, то есть сразу за будинами! В результате такой «хирургической» операции над текстом первоисточника «скифы отложившиеся» сместились на юго-запад — за «пустыню», за леса тиссагетов и иирков — и наложился на область воронежской группы.

И уж совсем противоречит данным письменных и археологических источников дополнительный аргумент Б. А. Рыбакова — размещение в Левобережье Среднего Дона Геродотовых меланхленов. Геродот локализует их достаточно определенно «*выше земли царских скифов*» (IV, 20). Академик отождествил их с племенами среднедонской культуры П. Д. Либера, правда, почему-то ограничив ее территорию лишь Левобережьем, где практически нет памятников скифского времени¹²⁵. Такая локализация народа, «*одетого в черное*» (так буквально переводится этот этноним с греческого), опять же осуществлена не без насилия как над текстом Геродота, так и над археологическим материалом: путем простой замены «скифов отложившихся» на «скифов царских», севернее которых «отец истории» и размещает меланхленов, всего в 20 днях пути от берега Понта (Черного моря), то есть раза в три ближе, чем их локализовал Б. А. Рыбаков. Более того, на его карте они оказались не севернее, а даже восточнее его «скифов особых». В результате сразу же нарушилась устойчивая последовательность племен, ограничивавших Скифию по Геродоту с севера и северо-востока. Между будинами и савроматами вклинились теперь «скифы отложившиеся» и меланхлены. При их локализации в Левобережье Среднего Дона последние вообще оказываются практически целиком в зоне археологической пустоты. В целом анализ этногеографии Скифии по Б. А. Рыбакову, реконструированной с нарушением всех принципов сравнительного анализа письменных и археологических источников, при всей ее заманчивости не позволяет принять локализацию «скифов отложившихся» на Среднем Дону.

6.4. Савроматы и сарматы

В работах крупнейшего сарматолога К. Ф. Смирнова вначале осторожно, а затем более уверенно проводилась мысль о проникновении савроматов в лесостепные районы Среднего Дона. В последней книге он допускал, что савроматы могли сливаться здесь с местным среднедонским населением или жить с ним по

соседству¹²⁶. Основанием для такого заключения послужили некоторые археологические материалы среднедонских курганов, в которых он усматривал признаки савроматской культуры. Однако большинство из них (дромосные могилы, шатровые перекрытия, проявления культа огня, бронзовые подвески-колесики и т. п.) сейчас никак не могут рассматриваться в качестве специфических признаков только

¹²³ Погребова М. Н. Ранние скифы и Древний Восток. С. 44—47.

¹²⁴ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 12.

¹²⁵ Там же. С. 118—122.

¹²⁶ Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. Москва, 1984. С. 26—27.

культуры савроматов. Точку зрения К. Ф. Смирнова о проникновении савроматов на Средний Дон поддержал В. Е. Максименко. Если раньше он допускал возможность отождествления только населения степной зоны Среднего Дона с ираноязычными сарматами, то в одном из его последних выступлений речь шла уже о принадлежности савроматам воронежских могильников и даже о формировании на основе среднедонской культуры этнополитического объединения ранних сарматов (сирматов)¹²⁷! Естественно, это противоречащее источникам фантастическое заключение вызвало возражения со стороны некоторых археологов.

Ни текст «Истории» Геродота, ни сообщения более поздних авторов (Псевдо-Гиппо-

крата, Псевдо-Скилака и Эвдокса), ни тем более данные археологии не дают каких-либо оснований для подобных заключений¹²⁸. Степень близости среднедонских и нижнедонских памятников здесь явно завышена. Как уже отмечалось, присутствие отдельных, весьма немногочисленных элементов культуры нижнедонских кочевников фиксируется в Дуровке и других южных могильниках, да и то преимущественно лишь к финалу скифской эпохи. Скорее всего, они могли появиться здесь в результате начавшегося ближе к концу IV в. до н. э. процесса политической и культурной дезинтеграции Скифии и тесно связанного с ней этнополитического образования на Среднем Дону.

6.5. Тиссагеты и иирки

Хотя этот вопрос мы рассматривали в 1-м разделе, в 1983 г. в статье об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии В. П. Яйленко предложил свою этническую интерпретацию населения Среднего Подонья в скифское время¹²⁹. В Правобережье с «культурой воронежских курганов» он отождествил геродотовых тиссагетов, а в Левобережье — их соседей иирков. Но подобная идентификация противоречит не только тексту Геродота (вновь нарушается устойчивый перечень этносов по северо-восточной

периферии Скифии) и археологическим памятникам Среднего Подонья, которые никак не соответствуют современным представлениям о культурах лесных охотников-тиссагетов, но и палеогеографии изучаемого региона. Достаточно обратить внимание на то, что племя лесных охотников иирков помещено В. П. Яйленко в Среднедонском Левобережье с его остепненными ландшафтами. Насколько известно, такая локализация тиссагетов и иирков какой-либо поддержки в науке не получила.

6.6. Будины и гелоны на Среднем Дону

«Отец истории» в своем труде неоднократно упоминает будинов и гелонов. Впервые он называет будинов при описании торгового пути от гавани борисфенитов (Ольвии) к племенам далекого северо-востока — аргиппеям и исседонам. Он сообщает лишь то, что на левом берегу Танаиса на 15 дней пути выше

савроматов живут будины, занимающие другую область (IV, 21). Более подробную этнографическую характеристику будинам Геродот дает при описании союзников скифов в войне с царем Дарием в конце VI в. (IV, 108): *«Будины — племя большое и многочисленное; все они светлоглазые и рыжие. В их области выстроен деревянный город; название этого города — Гелон. Длина стены с каждой стороны 30 стадиев (около 5 км! — А. М.); она высокая и целиком из дерева; и дома у них деревянные, и храмы [2]. Там есть храмы эллинских богов, украшенные по-эллинически деревянными статуями, алтарями и наосами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны в древности — это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском»*.

¹²⁷ Максименко В. Е. Сирматы: античная традиция и археологические данные : доклад, прочитанный на I Смирновских чтениях 27.11.1995 г. Москва : ИА РАН.

¹²⁸ Медведев А. П. К оценке савромато-сарматских элементов в среднедонской культуре скифского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : I Международная Нижневолжская археологическая конференция, Волгоград, 1—5 ноября 2004 г. : тез. докладов. Волгоград, 2004. С. 159—163.

¹²⁹ Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1. С. 64.

Далее Геродот пишет: «Будины же говорят не на том языке, что гелоны, и образ жизни у них не один и тот же. Ведь будины, будучи исконными жителями, — кочевники, они единственные из тех, кто здесь (живет), питаются шишками; гелоны же — земледельцы, питаются хлебом и имеют сады. Они нисколько не похожи ни внешним видом, ни цветом кожи. Эллины, однако и будинов называют гелонами, называют неправильно [2]. Вся их страна густо поросла разнообразными лесами. В самом большом лесу есть большое и широкое озеро и вокруг него болото и тростник. В этом озере ловят выдр, бобров и других животных с квадратной мордой; их шкурами оторачивают по краям меховые одежды, а тестикулы этих животных служат [у будинов] для лечения болезни матки».

Как мы видим, сведения Геродота о будинах и гелонах противоречивы. Через их землю проходил знаменитый торговый путь, откуда шла столь разнообразная и не согласующаяся между собой информация, записанная Геродотом от греческих купцов. Геродот подчеркивает, что это — большой и многочисленный народ, описывает их необычный антропологический тип («светло-голубоглазые и огненно-рыжие») и называет язык, отличный от других народов. Если понимать Геродота буквально, будины — кочевники, но какие-то странные, так как, по его словам, питаются шишками¹³⁰. В то же время в их стране есть большой деревянный город, принадлежащий другому народу — гелонам, в которых он видит потомков переселенцев-эллинов. Более того, обширная земля будинов была очень притягательной — сюда, на окраину Лесостепной Скифии, за одно поколение до войны с Дарием переселился с запада третий народ — невры (IV, 105). Вот такой «интернационал», по Геродоту, сложился в нашем крае 2,5 тыс. лет назад. По его рассказу, царь будинов (историк его просто называет «Будин») участвовал в знаменитом совете царей союзников скифов для отпора войску Дария (IV, 119). В дальнейшем будины принимали активное участие в этой войне в качестве верных союзников скифов под руководством царя Токсаси-

са (IV, 120). «Отец истории» сообщает, что персы сожгли в стране будинов деревянную крепость, скорее всего, тот единственный город, имя которого Гелон (IV, 23). И еще одно наблюдение — при описании скифской периферии Геродот всегда точно указывает местоположение страны будинов где-то на Среднем Дону между нижнедонскими савроматами и тиссагетами, обитавшими в верховьях Танаиса.

Большинство ученых так или иначе связывали и связывают сейчас среднедонское население скифского времени с Геродотовыми будинами и переселившимися в их землю гелонами (История: IV, 21—22, 108—109). Наличие добротных историографических обзоров, содержащих различные оценки возможных вариантов их локализации¹³¹, а также почти исчерпывающего по своей полноте комментария¹³² позволяет сосредоточить основное внимание на современном состоянии гелонобудинской проблемы. Если раньше все поиски ее решения опирались исключительно на толкование античной письменной традиции, то современный этап характеризуется попытками комплексного исследования данных различных источников, среди которых неуклонно возрастает удельный вес источников археологических.

Несомненный научный прогресс, в котором все заметнее отрезвляющий вклад археологических исследований, к концу XX в. заставил многократно сузить район поиска «земли будинов». Сейчас уже никто не ищет ее далеко к западу от Днепра, вплоть до Центральной Европы и Прибалтики. Не осталось сторонников локализации будинов в Поволжье и далее на восток, вплоть до Уральских гор. Не получили поддержки и ученые, склонявшиеся к кавказской ориентации будинов и гелонов, опиравшиеся на позднюю античную традицию. В результате район поиска «земли будинов» сузился до лесостепного Днепро-Донского междуречья с прилегающим к нему Донским Левобережьем.

Но и эта территория оказалась столь обширной, что при известной неопределенности сведений «отца истории», а также неод-

¹³⁰ В равной мере в переводе с греческого можно прочесть слово, характеризующее будинов, как «вшееды». Скорее всего, уничижительные прозвища «шишкоеды», «вшееды» они могли получить от своих соседей. Такой способ образования иноназваний хорошо известен этнографам. Для греков они — будины.

¹³¹ Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов. С. 5—26 ; Нейхард А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Ленинград, 1982. С. 120—131.

¹³² Доватур А. И. [и др.] Народы нашей страны в «Истории» Геродота. С. 352—354.

нозначности толкования данных археологии исследователи так и не смогли прийти к сколь-нибудь близким взглядам о «земле будинов». Сейчас в науке существуют различные мнения по этому вопросу. Их можно свести к двум основным подходам, которые условно обозначим как «широкий» (все Днепро-Донское междуречье) и «узкий» (соответственно лишь какая-то его часть).

Первый подход был предложен и наиболее полно разработан Б. Н. Граковым¹³³. В результате комплексного анализа всех этногеографических сведений Геродота о будинах и их ближайшем племенном окружении он пришел к хорошо обоснованному выводу: «Будины занимали очень обширные пространства от воронежских до полтавских лесостепей». Исследователь уверенно указал и археологический эквивалент «земле будинов» — обширную область лесостепного Днепро-Донского междуречья, занятую довольно однородной скифообразной культурой. По мнению Б. Н. Гракова, среднее воронежское Подонье с его памятниками являлось лишь восточной территорией многочисленного народа будинов.

В дальнейшем точку зрения Б. Н. Гракова, иногда с небольшими уточнениями, приняли многие скифологи¹³⁴. Правда, и она не сняла всех противоречий и даже породила новые. Пожалуй, наиболее серьезное из них состоит в том, что если строго следовать изложенному выше широкому пониманию «земли будинов», то к северу от Скифии — в Днепро-Донской лесостепи не остается места для размещения других племен, которые перечислял Геродот. В частности, появляются затруднения в археологической идентификации меланхленов, которые недавно мы предложили разрешить, опираясь на сообщение Аристотеля¹³⁵.

¹³³ Граков Б. Н. Скифы. С. 131—151, 160—161.

¹³⁴ Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир. Киев, 1975. С. 120 ; Моруженко А. А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днестра и Дона скифского времени // СА. 1989. № 4. С. 37 ; Погребова М. Н. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod. IV. 22) // ВДИ. 1989. № 1. С. 47.

¹³⁵ Медведев А. П. Новый аспект этногеографии Древней Скифии (меланхлены и будины) // Исторические записки. Воронеж, 2005. Вып. 11. С. 92—103.

Другой подход — более узкой локализации «земли будинов» — представлен в науке тремя сильно различающимися между собой и в разной степени обоснованными гипотезами: на Среднем Днестре, в Посеймье и на Среднем Дону. Среднеднепровская гипотеза была впервые изложена М. И. Артамоновым в конце 40-х годов и получила развитие в его последующих работах¹³⁶. По его мнению, «землю будинов» следует искать рядом с изначальной Невридой, откуда, по рассказу Геродота, невры вынуждены были переселиться к будинам. Поэтому и «земля» последних не могла находиться нигде, кроме как в Среднем Поднепровье. Археологически она соответствовала области распространения погребений среднеднепровского типа как на правом, так и на левом берегу Днестра, причем в этой же области вместе с будинами М. И. Артамонов размещает не только родственных скифам гелонов, но и андрофагов и меланхленов, полагая, что последние не выделялись какими-либо особыми этнографическими признаками.

Если сопоставить точки зрения Б. Н. Гракова и М. И. Артамонова по степени аргументированности, то складывается впечатление, что вторая опирается далеко не на всю совокупность данных письменных и археологических источников. К тому же М. И. Артамонов использовал ошибочное отождествление р. Танаис и низовий Северского Донца. В результате вся территория Среднего Подонья в скифское время оказалась на его карте свободной от какого-либо населения, хотя воронежские курганы давно были уже известны.

В настоящее время среди историков и археологов нет последователей точки зрения М. И. Артамонова, хотя отдельные лингвисты пытаются ее дополнительно аргументировать данными топонимии¹³⁷, но крайне неубедительно, а то и просто наивно. Многие положения статьи М. И. Артамонова в 70-е годы использовал Б. А. Рыбаков при разработке «новой» этногеографии Скифии¹³⁸. На его карте будины оказались локализованы в бассейне Сейма и Десны, где в середине I тыс. до н. э. обитали племена юхновской культуры. Юж-

¹³⁶ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы: (от появления на исторической арене до IV в. до н. э.). Ленинград, 1974. С. 129—171.

¹³⁷ Стрижак О. С. Етнонімія Геродотової Скіфії. Київ, 1988. С. 96—132.

¹³⁸ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 152—166, карта на с. 191.

нее последних на смежной, но (все же вопреки Геродоту) отдельной территории Б. А. Рыбаковым были размещены гелоны, в которых он видел ираноязычное скифоидное население Левобережья Днестра и Северского Донца.

Нетрудно заметить, что такая локализация будинов во многом противоречит сведениям Геродота, в частности все той же последовательности размещения племен по северной стороне Скифии. Плохо согласуется она и со всей совокупностью археологических данных. С характеристикой будинов как кочевников никак не увязывается оседлый облик юхновцев, проживавших на стационарных городищах с мощным культурным слоем. Явно не согласуются с указаниями Геродота и слишком небольшие размеры территории, занимаемой в V в. до н. э. юхновскими племенами, чтобы там мог разместиться весь «*большой и многочисленный народ будинов*» (История: IV, 108).

Есть еще один факт, не учтенный Б. А. Рыбаковым, но делающий его локализацию будинов более чем проблематичной. Дело заключается в том, что в VI — середине V в. до н. э., то есть до времени Геродота, в Посеймье проживали не балты-юхновцы, а скифоидные племена, по культуре близкие обитателям городищ Посулья, Северского Донца и лесостепного Подонья. Собственно юхновские племена заселили бассейн Сейма позже — лишь к IV в. до н. э.¹³⁹

Большинство скифологов не приняли локализацию будинов у Б. А. Рыбакова, прежде всего, из-за большого числа откровенных натяжек, с помощью которых будины оказались в Посеймье и Подесенье.

Третий, среднедонской вариант «узкой» локализации «земли будинов» разработан в 60-е годы П. Д. Либеровым¹⁴⁰. Исследователь привел ряд доказательств обитания будинов исключительно на Среднем Дону. На мой взгляд, такая локализация наиболее точно соответствовала географическим представлениям Геродота о местоположении этого народа: где-то в северо-восточном углу Лесостепной Скифии, между меланхленами и савроматами, а за Танаисом — между кочевавшими в его низовьях теми же савроматами и жившими выше их, в верховьях реки лесными охотниками-тиссагетами.

¹³⁹ Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье VI—V вв. до н. э. С. 100.

¹⁴⁰ Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. С. 5—6.

Для обоснования среднедонского местоположения будинов П. Д. Либеров широко использовал археологические данные, происходящие преимущественно с изучаемой им территории. Он первый обратил внимание на хозяйственно-бытовые различия памятников скифского времени Среднедонского Левобережья и Правобережья, увязав первые с кочевниками-будинами, а вторые — с оседлым смешанным гелоно-будинским населением. Нужно признать, что если поле научного исследования ограничить только территорией Среднего Подонья, то точка зрения П. Д. Либера отличается несомненной внутренней логикой и кажется вполне обоснованной, что уже отмечалось в литературе.

Гораздо менее убедительными сейчас представляются археологические основания «земли будинов», по мнению П. Д. Либера, целиком совпадающей со среднедонской культурой. Я уже отмечал, что размеры ее территории оказались сильно преувеличенными. В действительности по этому показателю она мало соответствует всей области будинов, на многочисленность которых Геродот специально обратил внимание (История: IV, 108). Попутно отмечу, что явно не выдерживает критики неудачная попытка П. Д. Либера связать с Геродотовым Гелом комплекс Волошинских городищ, которые никак не отвечают той характеристике, которую этому городу дал греческий историк.

Как сейчас стало совершенно очевидным, не имеет под собой надежных оснований мнение П. Д. Либера о местных истоках среднедонской культуры, ее происхождении от катакомбной и абашевской культур эпохи бронзы, а значит, и об автохтонизме будинов. К тому же в его исследованиях были существенно завышены ранг среднедонских памятников, размеры занятой ими территории и степень их своеобразия по сравнению с другими группами лесостепной скифоидной культуры. При всей несомненной местной специфике среднедонская культура, а по сути — локальный вариант, имела намного больше общих черт с другими локальными группами лесостепного Днепро-Донского междуречья и Причерноморской Скифией. Проведенный выше сравнительный анализ среднедонских курганных могильников и городищ с другими синхронными памятниками достаточно однозначно указывает на производный характер первых от более ранних этнокультурных образований, прежде всего, Среднеднепровского Левобережья.

6.7. Кто мог населять берега Среднего Дона в скифское время?

Подведем итоги критическому обзору существующих в науке точек зрения на этническую принадлежность среднедонского населения VI—IV вв. до н. э. Сопоставление сведений Геродота и данных археологии не оставляет сомнения в том, что в скифское время на Среднем Дону могли обитать будины. Но данные археологии убедительно свидетельствуют и о том, о чем практически молчат письменные источники, — «земля будинов» отнюдь не ограничивалась только Средним Подоньем. Она простиралась далеко на запад — вплоть до Днепра. Об этом полвека назад впервые заявил Б. Н. Граков. Его точка зрения о локализации будинов от Левобережья Среднего Поднепровья до лесостепного воронежского течения Дона как никакая другая вполне логично согласует и сведения Геродота, восходящие к разным источникам, и совокупность современных данных об археологических памятниках скифского времени Днепро-Донского междуречья.

Как представляется, проведенный выше анализ основного письменного источника позволяет ответить на вопрос, почему Геродот знает будинов лишь на Танаисе и не упоминает в перечне племен по Левобережью Борисфена (IV, 18). Скорее всего, все сведения о будинах и переселившихся к ним гелонах «отец истории» получил из рассказов купцов, ходивших по торговому пути из Ольвии в Приуралье. А этот путь пересекал лишь восточную область «земли будинов» за Танаисом¹⁴¹. По этой причине о населении ее западной, приднепровской части у Геродота просто не было этногеографической информации. Его взор не проникал дальше северных соседей «царских скифов» — меланхленов (История: IV, 20).

В современной науке наметились некоторые подходы для выделения в «земле буди-

нов» археологических памятников собственно будинов и переселенцев-гелонов. Геродот характеризует их как два разных этноса, весьма отличных друг от друга по типу хозяйства, культуре и языку, да и внешне (IV, 108—109). Для него будины — номады, по отношению к ним он употребляет глагол обитания *петоται* с основными значениями «бродить», «пастись», «жить неоседло»¹⁴². Если буквально воспринимать геродотову характеристику будинов, то по этому признаку она исключает принадлежность этому народу основной массы скифоидных памятников Днепро-Донской лесостепи — городищ с выраженным культурным слоем. Но в то же время совершенно очевидно, что только на этих городищах (а их известно уже более двухсот) мог проживать тот «многочисленный и великий народ будинов», как характеризует его Геродот.

На наш взгляд, верный путь выхода из этой коллизии был указан Б. Н. Граковым¹⁴³. Скорее всего, чужой этноним «будины» (*бодиной*) эллинами воспринимался как производный от двух слов их языка: *bous* — «бык» и *dineo* — «кружиться», «скитаться». Очень важно, что первым на это обратил внимание не современный исследователь, а носитель эллинской речи — византийский лексикограф VI в. Стефан Византийский¹⁴⁴. В его «Этнике» отмечается, что «будины — скифское племя, называемое так потому, что кочуют на телегах, влекомых быками». По-видимому, из этой «народной» этимологии у Геродота и родилась их характеристика как кочевников. Но никаких конкретных сведений о кочевом образе жизни будинов он не сообщает. Подобный «метод» добывания информации из самого этнонима «отец истории» практиковал очень часто.

Не исключено, что и этнокультурная характеристика гелонов как весьма цивилизованных земледельцев также в конечном итоге восходит у Геродота к народной этимологии, основанной на простом созвучии этнонимов «эллыны» и «гелоны», на что ученые обрати-

¹⁴¹ В научной литературе ее иногда именуют «Будинией». См.: Мароньский С. Гелоны Геродота — не прусско-литовский народ // Семенкович В. Н. Гелоны и мордва. Москва, 1913. С. 158; Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. С. 6; Стрижак О. С. Указ. соч. С. 17. Недавно к ним примкнул В. И. Гуляев. См.: Гуляев В. И. Будиния или Скифия на Среднем Дону // Археологія і давня історія України. 2019. Вип. 2 (31). С. 33—66. Однако ни Геродот, ни другие античные авторы такого ойконима не знают. Геродот лишь дважды упоминает «землю будинов» (IV, 109, 123). Этого названия и следует придерживаться в дальнейшем.

¹⁴² Гиндин Л. А. Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Москва, 1984. С. 36—41.

¹⁴³ Граков Б. Н. Скифы. С. 163.

¹⁴⁴ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 3. С. 585.

ли внимание довольно давно¹⁴⁵. Это старое предположение подкрепляет сообщение «отца истории» о двуязычии гелонов: «Говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском», а также рассказ о их происхождении (IV, 108). По рассказу Геродота, *гелоны в древности — это «эллыны, которые покинули гавани и поселились у будинов»*. При таком подходе к источнику становятся во многом понятными и другие культурно-бытовые характеристики этого необычного для Скифии народа, которые дает им Геродот: не только их земледелие, но и садоводство, городской образ жизни, храмы, статуи, алтари и даже регулярные празднества в честь Диониса. Для грека все это — непереносимые атрибуты нормального, цивилизованного образа жизни. Искать им прямые соответствия в скифоидных лесостепных культурах — дело малоперспективное.

Только что рассмотренный пассаж Геродота о гелонах разительно противоречит изложенной им второй («эллинской») легенде о происхождении скифов (IV, 9—10), уже рассмотренной раньше. Согласно ей, гелоны являются потомками мифического прародителя Гелона, а тот, в свою очередь, сыном Геракла и нимфы Ехидны, дочери реки Борисфен. Как мы уже знаем, проиграв состязание за царскую власть младшему брату, Гелон и его старший брат Агафирс вынуждены были покинуть будущую Скифию, которая досталась младшему Скифу. Эта легенда не только утверждала идею изначально близкого родства скифов и гелонов (откуда и их частичное скифоязычие), но, возможно, в такой форме отражала память о каком-то переломном событии в жизни ираноязычных nomadов, в результате которого скифы утвердили свою власть в Северном Причерноморье, а гелоны оказались за его пределами — в лесостепи.

Такое толкование «эллинской» версии скифской этногонической легенды хорошо согласуется с современными реконструкциями истории «ранних скифов» после их возвращения из Передней Азии¹⁴⁶. Для данной темы весьма важен вывод исследователей о том, что окончательное обособление «скифов Геродота» из массы так называемых «ранних скифов», среди которых могли быть и предки гелонов, произошло не позже рубежа VI—V вв. до н. э., то есть

в то самое время, когда на Среднем Дону появились первые воронежские курганы. Этническое родство скифов с гелонами признавали многие исследователи¹⁴⁷. Гипотеза о принадлежности воронежских курганов ираноязычным гелонам — потомкам одной из групп расселившихся в восточноевропейской лесостепи «ранних» или «старших» скифов — во многом объясняет своеобразие этнокультурного облика этого населения, в том числе его близость и отличие от классических скифов Причерноморья. В среднедонских курганах органически сочетались раннескифские традиции (доминирующие типы погребальных сооружений в виде склепов), как бы «отставшие» в развитии погребальных сооружений от причерноморских скифов, с многочисленными престижными вещами скифской элитарной субкультуры V—IV вв. до н. э., но при сохранении своего своеобразного керамического комплекса и специфических местных изделий.

Принадлежность среднедонских некрополей Геродотовым гелонам дополнительно подтверждает и находка в кургане 3 группы Частых знаменитого серебряного сосуда с изображением уходящего из Скифии Гелона (рис. 95, 4).

Как убедительно доказал Д. С. Раевский, одна из запечатленных на нем сцен основной скифской легенды — уход проигравшего состязание героя-эпонима Гелона¹⁴⁸. Маловероятно, чтобы столь редкое изделие случайно оказалось в одном из курганов именно той области, где «отец истории» разместил гелонов. Эта находка дает основание утверждать, что местная военно-аристократическая элита была не только знакома с основным скифским генеалогическим преданием, но и осознавала свою причастность к нему, потому что в предании фигурировал ее мифологический прародитель — Гелон. Язык искусства скифов-иранцев был понятен среднедонскому населению, погребавшему в курганах.

Возможно, пребывание в Подонье ираноязычных гелонов оставило определенный след в местной топонимии. Здесь помимо названия Дона (др. иран. *Дану*, греч. — *Танаис*) до нашего времени сохранилось около десятка иранских гидронимов, таких, как Потудань

¹⁴⁵ Шафарик П. И. Славянские древности. Москва: Унив. тип., 1848. Т. 1. С. 318.

¹⁴⁶ Погребова М. Н. Ранние скифы и Древний Восток. С. 219—223.

¹⁴⁷ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 93; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 154, 163; Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). С. 158—159.

¹⁴⁸ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. С. 30—34.

(в XVI в. писалась как *Потудон*), Хворостань (в XVII в. — *Форосан*), Усмань (в XVII в. — *Усман*), Хава (в XVII в. — *Гава*) и др.¹⁴⁹ Их картографирование и позволяет очертить ареал, достаточно близко совпадающий с основной территорией среднедонской культуры.

Среди сохранившихся в нашем крае древних иранских гидронимов особый интерес представляет название р. Хворостань (левый приток Дона). Вероятнее всего, это русифицированное древнеиранское *Hu-vara-stana* — «огражденное стенами (валами) пространство»¹⁵⁰. Такое название местности в Левобережье Среднего Дона могло быть обусловлено тем, что здесь находились лишь городища — укрытия и загоны для скота. Возможно, со скотоводческим бытом этого населения связан и другой левобережный гидроним Хава (*Гава*), производный от древнеиранского *gau* — «скот» и значащий «место для скота». Бытование в скифском языке этой основы засвидетельствовано в Левобережье Днепра в этнониме *skuthai georgoi-gauwarga* — «почитающие скот»¹⁵¹.

Поэтому сейчас нет никаких оснований считать среднедонское население финно-угорским по языку и этносу, на чем настаивал П. Д. Либеров¹⁵². Из весьма обширного списка топонимов, приведенным им, в границах нашего края остается 5—6 названий, причем большинство из них оказались тюркскими или обязаны своим происхождением позднейшим антропонимам, как, например, Пекшево — не от финского *пекша* — «липа», а от фамилии помещика: в «Дозорной книге» начала XVII в. оно называлось «деревня Пекишева»¹⁵³. Достоверные финно-угорские гидронимы известны только на Верхнем Дону и Воронеже, которые в скифское время были заселены преимущественно племенами городечной культуры — Геродотовыми тиссагетами и иирками. Их принадлежность к одной из групп древних волжских финнов весьма вероятна.

¹⁴⁹ Соболевский А. И. Некоторые местные названия Воронежской губернии // Изв. Воронежского краевед. о-ва. Воронеж, 1927. № 3—5.

¹⁵⁰ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Москва, 1970. С. 273.

¹⁵¹ Абаев В. И. Геродотовские *skythai-georgoi* // ВЯ. 1981. № 2. С. 74—76.

¹⁵² Либеров П. Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время. С. 109—115.

¹⁵³ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1891 г. Т. 2. С. 85.

В отличие от частично ираноязычных гелонов и финноязычных тиссагетов язык и этническая принадлежность Геродотовых будинов продолжают оставаться неизвестными. Все имеющиеся гипотезы о славянской, балтийской, финно-угорской, германской, кельтской и какой-либо еще принадлежности будинов представляются необоснованными, а то и просто фантастическими.

Возможно, «большой и многочисленный народ будинов» принадлежал к какому-то особому этносу, исчезнувшему или ассимилированному в ходе последующих бурных событий рубежа скифской и сарматской эпох. Не следует забывать, что индоевропейские народы, существование которых позволяет предположить сравнительное языкознание, и дожившие до исторической эпохи лишь часть из числа тех, которые действительно существовали в древности. Так ли дело обстоит с Геродотовыми будинами, покажут дальнейшие исследования. Особую надежду мы здесь возлагаем на палеогенетику.

По сообщению Геродота, кроме гелонов за одно поколение до похода Дария, то есть ближе к середине VI в. до н. э., из Невриды в Правобережье Днепра (выше «скифов-пахарей») переселился в «землю будинов» еще один народ — невры (IV, 17, 105). На археологическом материале решение проблемы невров обычно сводится к поискам следов правобережных культур на территории Днепропетровского Левобережья. Б. Н. Граков предложил считать таковыми памятники Поворскля, по своему происхождению связанные с культурой населения Киевско-Черкасского района¹⁵⁴. В последнее время это отождествление поддерживали и другие исследователи. Но при такой идентификации Гелон, обычно локализуемый на месте Бельского городища, оказался бы не в «земле будинов», а в земле невров, ибо с Правобережья это население переселилось на Ворсклу не позднее VIII—VII вв. до н. э. При такой локализации невров появляются и другие затруднения, в частности с последовательностью перечисления племен у Геродота по северной периферии Скифии.

О. Н. Мельниковской указана иная локализация геродотовых невров на территории милоградской культуры¹⁵⁵. Гипотезу о милоградцах-неврах сейчас в той или иной степени разделяют и другие исследователи¹⁵⁶. Каждая из

¹⁵⁴ Граков Б. Н. Скифы. С. 151—152.

¹⁵⁵ Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. Москва, 1967. С. 167—171.

рассмотренных гипотез имеет свои сильные и слабые стороны. На наш взгляд, милоградская гипотеза все же больше соответствует взглядам Геродота на изначальное местоположение неуров среди периферийных племен Скифии. В связи с этим определенный интерес представляют находки украшений верхнеднепровских типов в среднем слое Пекшевского городища. Исследователей всегда смущала удаленность последнего от области Невриды. Но примеры дальних миграций племен в лесной зоне хорошо известны в бронзовом (фатьяновцы) и раннем железном веках (расселение восточных балтов вплоть до Волго-Клязьминского междуречья).

Таким образом, среднедонская культура скифского времени не была моноэтническим образованием. Кроме будинов, гелон, возможно, неуров на Среднем Дону вели полукочевой образ жизни потомки «ранних ски-

фов» — гелоны, считавшие своим прародителем Гелона. Именно они чувствовали себя владыками воронежской лесостепи. Они сохранили отеческие традиции в погребальном обряде, так разительно отличавшемся от погребений их современников — степных скифов. Безусловно, культурное своеобразие просматривается в их керамическом комплексе, не имеющем аналогий в той же Скифии, в амуниции (поясные крючки, крупные пряжки-сюльгамы и т. п.). В то же время их элитарная субкультура практически не отличалась от скифской, поскольку и та, и другая элита использовала продукцию одних и тех же греческих, скорее всего, боспорских центров. В древней истории и культуре нашего края это был, пожалуй, наиболее яркий период, который по уровню развития культуры и искусства не был превзойден почти два тысячелетия.

Глава 7. ФИНАЛ СРЕДНЕДОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Поступательное развитие среднедонских племен неожиданно прервалось в начале III в. до н. э. К этому времени прекращают использоваться среднедонские курганные некрополи — погребений позже начала III в. до н. э. в них уже нет. В погребальной традиции донской лесостепи наступает лакуна, продолжавшаяся не менее века. Ту же самую картину мы наблюдаем по всей Скифии, за исключением одного района на Среднем Днестре (Тираспольская группа), которому каким-то образом удалось избежать гибели.

Причины запустения Скифии и всех связанных с ней регионов ученые объясняют по-разному. Украинские археологи пытались найти их в негативных природно-климатических изменениях III в. до н. э.¹⁵⁷ или в экологическом кризисе, вызванном чрезмерным развитием кочевого скотоводства у скифов, что привело к пастбищной дигрессии — перевыпасу и сокращению продуктивности степных

пастбищ¹⁵⁸. Однако вряд ли последние столь же радикально могли сказаться в более благоприятных условиях лесостепи, на Дону, так, что сделали бы невозможным дальнейшее существование даже той части населения, которая занималась полукочевым скотоводством, если бы лесостепь превратилась в степь.

Ключ разгадке тайны гибели Скифии и среднедонской культуры в частности могут дать памятники типа Семилукского городища на Дону. С 1984 по 1993 г. оно исследовалось широкой площадью экспедицией Воронежского университета¹⁵⁹. Это небольшое укрепленное поселение среднедонской культуры V—IV вв. до н. э. В конце скифской эпохи оно прекратило существование в результате какого-то катастрофического события и превратилось в один большой могильник, содержащий останки не менее 70 человек (рис. 108).

¹⁵⁶ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. С. 147 ; Рассадин С. Е. Геродотовы неуровы в позднеантичной традиции // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989. С. 128.

¹⁵⁷ Полин С. В. Про «сарматське» завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. Київ, 1984. Вип. 75. С. 24—34.

¹⁵⁸ Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. С. 24.

¹⁵⁹ Пряхин А. Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993.

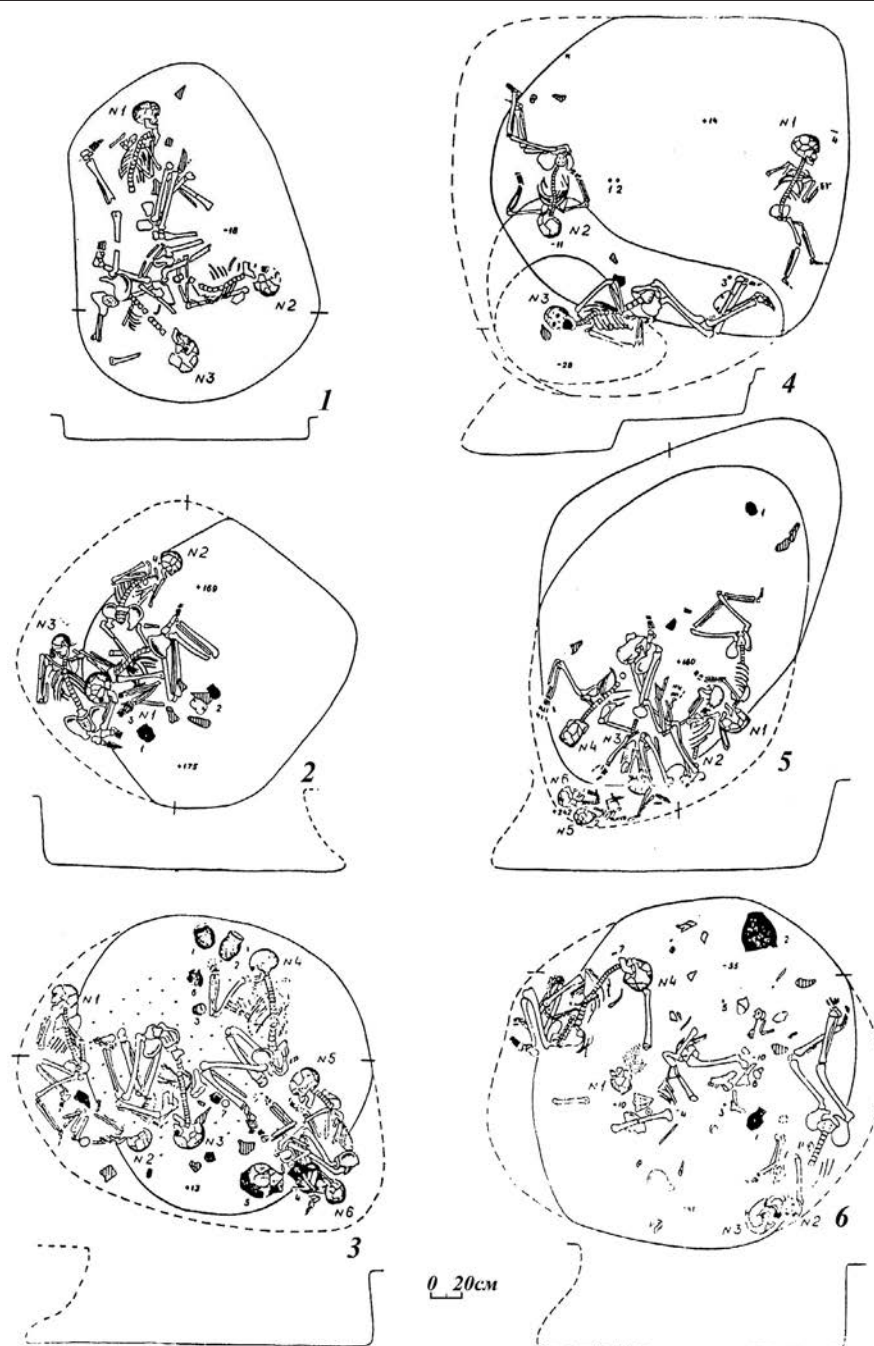

Рис. 108. Массовые захоронения людей на Семилукском городище:
1 — п. 1; 2 — п. 3; 3 — п. 6; 4 — п. 7; 5 — п. 9; 6 — п. 10

Захоронения находились в мусорных ямах (рис. 109, а) и котлованах заброшенных жилищ (рис. 109, б), большинство были «коллективными». Их отличает крайняя неустойчивость поз и ориентировок. Большинство скелетов лежали в той или иной степени скорченно, на правом или левом боку, на спине и даже ничком. Их позы объясняются тем, что погребаемым не придавалось определенное положение. Некоторые скелеты лежали друг на друге (рис. 109, а). В слое много находок отдельных частей скелетов и отдельных черепов.

В ряде случаев рядом с костяками находили лепные сосуды обычных городищенских типов. Их трудно связать с конкретными погребенными, но иногда они оказывались у их головы¹⁶⁰. Захоронения отличает исключительная бедность находок деталей

¹⁶⁰ Это не исключает возвращения на городище спустя какое-то время части уцелевших жителей, в спешке похоронивших останки погибших и совершивших какие-то ритуалы в виде установки перед некоторыми горшков с пищей и водой.

костюма, не говоря уже об украшениях. Складывается впечатление, что их хоронили без одежды. Среди костяков найдено около десятка наконечников стрел: бронзовых обычных скифских типов и по одному железному трехлопастному и плоскому. Скорее всего, некоторые из них застряли в телах убитых. Но, к сожалению, по этому набору стрел невозможно определить, кому принадлежало большинство из них. Определенно с защитниками

городища можно связать только пару железных наконечников стрел.

Не вызывает сомнений, что семилукские погребения принадлежали последним обитателям городища. Но это не обычный могильник, а свидетельство какого-то чрезвычайно события, оборвавшего жизнь поселения. Судя по единичным находкам фрагментов античной керамики, это событие вряд ли могло произойти ранее рубежа IV—III вв. до н. э.

Рис. 109. Семилукское городище. Останки убитых жителей городища, сброшенных в хозяйственные ямы (а) и в котлованы жилищ (б) (фото Ю. Д. Разуваева)

Авторы раскопок с самого начала рассматривали массовые захоронения на Семилукском городище как особый тип погребального обряда, затем высказали гипотезу об эпидемии. Но нам представляется, что причина гибели населения целого городища в другом — набег и его разорение врагом. На это косвенно указывают результаты антропологического анализа — среди погребенных на городище оказалось очень мало мужчин боеспособного возраста, как, впрочем, девушек и женщин до 30 лет (детородного возраста). Первые в момент трагедии, скорее всего, находились вне пределов городища — в поле, где они погибли в сражении с врагом, вторых захватили и увели в полон, а детей (58 % костяков) и стариков (30 %) просто перебили. Обращает на себя внимание тот факт, что на Семилукском городище предметов вооружения среднедонских типов найдено больше, чем на всех остальных поселениях Среднего Дона. В свете всех приведенных данных причину гибели населения Семилукского городища следует искать не в области медицины (эпидемия) или какого-то особого погребального обряда, а среди трагических событий рубежа IV—III вв. до н. э.

Тем более что Семилукское городище — не уникально. Харьковский археолог В. Е. Радзиевская исследовала Коломакское городище на р. Ворскла, где открылась еще более страшная картина разгрома поселения того же времени¹⁶¹. В слое и постройках обнаружено не менее 50 его последних обитателей в позах, в которых их застала смерть. В их костяках застряли бронзовые и железные наконечники стрел. Совсем недавно Ю. Д. Разуваев раскопал под Задонском городище Верхнее Казачье¹⁶². На нем также обнаружены следы пожара и человеческие костяки, а в старый колодец были сброшены тела четырех мужчин без каких-либо деталей одежды¹⁶³. И хотя автор традиционно пытается реконструировать здесь сложный погребальный ритуал, кажется, нужды в этом нет. Все обстояло примерно так же,

как на Семилукском городище. Более того, сейчас выявлены следы разрушений по всей оседло-земледельческой периферии Скифии, в том числе вокруг античных городов¹⁶⁴. Значит, и причину этого явления нужно искать не в узколокальных событиях или особых погребальных ритуалах, а в явлении, затронувшем весь Юг Восточной Европы.

Приведенные материалы не могут быть интерпретированы иначе, как результат вторжения в лесостепное Подонье нового воинственного населения, каковым, скорее всего, были *сарматы* (в греческой традиции — *савроматы*). Сохранилось сообщение историка I в. до н. э. Диодора Сицилийского о вторжении савроматов в Скифию: «*Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню*» (Историческая библиотека: II, 43, 7). Известно, что Диодор был добросовестным компилятором (он списывал целые фрагменты у своих предшественников), а главное — хорошо разбирался в событиях в Причерноморье.

И все же его сообщение — это рассказ о далеком прошлом, отстоявшем от времени писателя на два с лишним века. Поэтому последнюю точку над *i* о исторической реальности вторжения сарматов в Причерноморье поставило новое прочтение Ю. Г. Виноградовым херсонесского декрета о т. н. «несении Диониса», датированного около 280 г. до н. э.¹⁶⁵ Из него явствует, что херсонеситам во время сбора урожая угрожало рабство, так как в это время совершили вторжение полчища «*сарм...*». Остальные буквы надписи на камне не сохранились, но и этого достаточно, чтобы прочесть имя сарматов. Именно в их вторжении мы видим главную причину гибели Скифии и среднедонской культуры. Она не затухала медленно в течение III в. до н. э., а стремительно пала в результате сильного удара с востока. На полях сражений погибла скифская и связанная с ней элита других племен. А вместе с ней исчезла та элитарная культура, которая определяла ее облик (звериный стиль, осо-

¹⁶¹ Радзиевская В. Е. Основные итоги раскопок Коломакского городища // История и археология Слободской Украины. Харьков, 1995. С. 177—179.

¹⁶² Разуваев Ю. Д. Городище у села Верхнее Казачье: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 209—231.

¹⁶³ Там же. С. 213—214, рис. 5, 1.

¹⁶⁴ Масленников А. А. Скифия и Боспор в III—I вв. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 60—61.

¹⁶⁵ Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE F343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1995. № 1. С. 104—124.

бый вид вооружения и снаряжения боевого коня и пр.). Такой ход событий подтверждает вся последующая история кочевых образований на Юге Восточной Европы¹⁶⁶. И в данном случае мы имеем дело с проявлением универсального закона «пульсации степей», выражавшемся в периодическом продвижении кочевых орд с востока на запад при конечном военно-политическом преобладании восточных кочевников над западными¹⁶⁷.

С этого времени на Среднем Дону происходит довольно быстрое изживание традиций скифской эпохи. Скорее всего, в бурных событиях начала III в. до н. э. погибли или покинули родную землю основные носители «скифского культурного комплекса». Тогда пресеклись роды, погребавшие своих сородичей в курганах типа Частых и Мастюгинских, а значит, распались те «вождества», на которых держалась вся структура среднедонского этнополитического образования. В результате исчезла социальная среда, которая питала культуру местной знати с ее внешне скифским обликом, разорвались связи с античными городами Причерноморья. Впоследствии это обстоятельство сыграло важную роль в широком распространении в нашем крае культурных новаций, связанных с другим степным этносом — сарматами.

И последнее. Вопреки мнению В. И. Гуляева, Средний Дон, как и некоторые другие лесостепные области, судя по всему, не входил во владения скифских царей. Но из статьи в статью московский исследователь повторяет одну и ту же мысль о «Единой Скифии», «Великой Скифии», частью которой якобы был наш регион. Здесь не место вступать в научные дискуссии, но могу сказать определенно, что никакой «Великой Скифии», объединившей Степь и Лесостепь в духе представлений М. И. Ростовцева столетней давности, ни в V, ни IV в. до н. э. не было¹⁶⁸.

Дело в том, что «Великая Скифия» — это недавно ставшее весьма популярным понятие — не имеет под собой никаких исторических и археологических оснований. Оно впервые появилось лишь у позднеантичных авторов VI в. н. э., в частности, у Иордана (Гетика, 63), выходца из провинции «Малая Скифия», как ее антитеза, а по сути — искусственный конструкт, когда Скифии как этнополитической реальности почти тысячу лет уже не существовало. Использовать этот псевдонаучный фантом в серьезных научных исследованиях для обоснования своей концепции — дело безнадежное, искажающее реальные масштабы скифского феномена и связанных с ним этнокультурных образований.

¹⁶⁶ Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Москва, 1982. С. 127—144.

¹⁶⁷ Мачинский Д. С. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья // Кочевники Евразийских степей и Античный мир. Новочеркасск, 1989. С. 21.

¹⁶⁸ Медведев А. П. «Великая Скифия» (критический анализ одного из понятий современной скифологии) // Скифия: Образ и историко-культурное наследие : мат. конф. Москва, 2015. С. 62—67.

РАЗДЕЛ 4. САРМАТСКАЯ ЭПОХА

Глава 1. САРМАТЫ И ИХ ВРЕМЯ

Одним из древнейших народов нашей страны, имя которых сохранила история, были сарматы. После завоевания Скифии в глазах греков и римлян сарматы стали самым могущественным народом северо-восточной части античной ойкумены. Действительно, более полутора тысячелетия этот степной ираноязычный народ играл ведущую роль не только в военно-политической, но и культурной жизни Юга Восточной Европы. Поэтому не случайно по его имени выделен сарматский период в истории нашего края (II в. до н. э. — IV в. н. э.). Скорее всего, именно благодаря им мы имеем современные названия главных восточноевропейских рек — *Дона*, *Днепра*, *Днестра*, в которых сохранилась древняя иранская основа *Danu* со значением «вода», «река».

Сарматы, а чуть позже их младшие современники — *аланы* — принимали участие во многих событиях древней истории и поэтому рано привлекли пристальное внимание греческих и римских авторов. Они внесли немалый вклад

в культуру и этногенез народов нашей страны. На Северном Кавказе далекие потомки сармато-аланских племен — осетины — живут и поныне. Не случайно они не так давно переименовали свою республику в Северную Осетию — Аланию.

Современные научные представления о сарматах связаны со степью, где сосредоточена основная масса оставленных ими памятников, прежде всего курганов. И это вполне понятно — по господствующему хозяйственно-культурному типу сарматы были подвижным степным народом кочевников. Однако в последние десятилетия сарматские курганы были открыты и в лесостепи: в Башкирии, Подонье, Поднепровье и Поднестровье. С каждым годом появляется все больше данных, свидетельствующих о длительном пребывании сарматов в различных лесостепных районах, об их устойчивых и разнообразных контактах с местным оседлым населением. Это в полной мере демонстрирует археология воронежской земли (рис. 110).

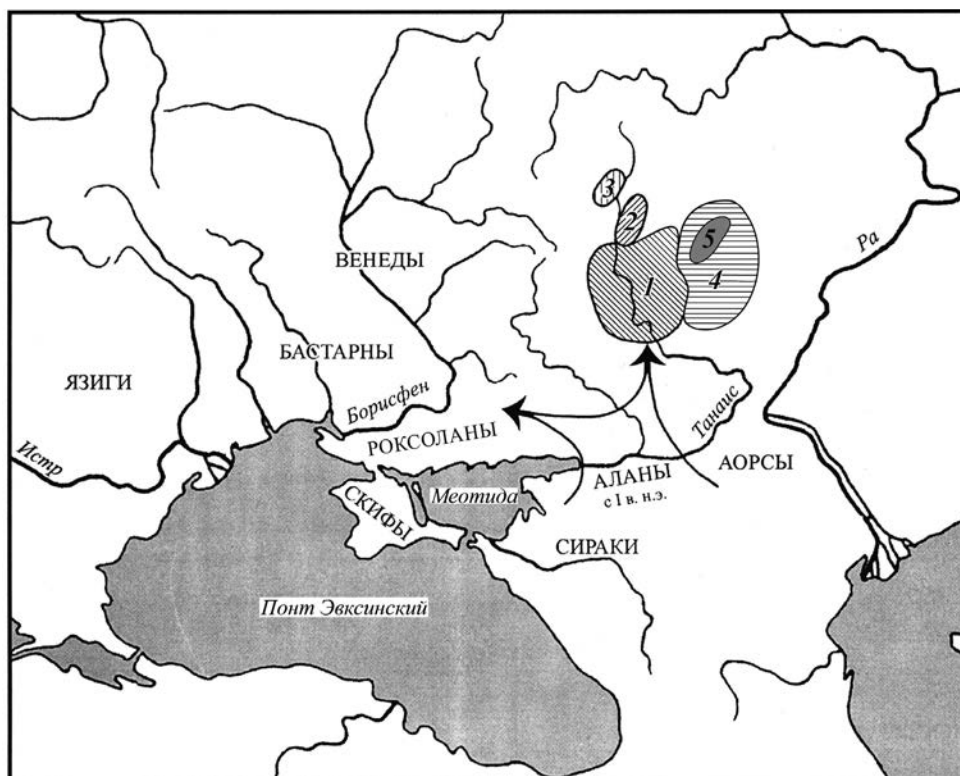

Рис. 110. Этнокультурная ситуация на Юге Восточной Европы в начале н. э. и районы концентрации памятников сарматского времени в лесостепном Подонье: 1 — среднедонской; 2 — воронежский; 3 — верхнедонской; 4 — среднехоперский; 5 — памятники инясевского типа

Поскольку дальше речь пойдет о сарматах в лесостепи, главным образом Воронежской и отчасти Липецкой области, нужно хотя бы несколько слов сказать о природе этой зоны в сарматскую эпоху. Повторим, что это типичная среднерусская лесостепь, где наиболее полно проявилось все своеобразие лесостепных ландшафтов. Однако две тысячи лет назад они существенно отличались от современных, прежде всего, по природно-климатическим условиям. С III в. до н. э. наступает теплый засушливый период, который продолжается до начала III в. н. э. Своего апогея он достигает в I—II вв. н. э. Климатические перемены про-

явились в значительном повышении температуры воздуха при одновременном понижении влажности. В результате границы природных зон сильно сместились к северу. Это привело к появлению в лесостепи обширных остепненных пространств, что создало благоприятные условия для распространения на север традиций номадизма. В археологии отражением этих процессов является распространение больших курганных могильников на север вплоть до северной границы Липецкой и юго-востока Тульской областей¹. Никогда в истории кочевники не продвигались в поисках пастбищ так далеко на север, как в сарматскую эпоху.

Рис. 111. Константин Федорович Смирнов

Хотя первые случайные находки сарматских вещей в Воронежской губернии стали известны в конце XIX в., они долго не привлекали внимания специалистов. Целенаправленное изучение сарматских древностей лесостепного Подонья началось лишь в конце 1970-х годов Скифо-Сарматским отрядом археологической экспедиции Воронежского госуниверситета под руководством **Александра Павловича Медведева**. Следует отметить, что инициатором их изучения был выдающийся исследователь культуры сарматов **Константин Федорович Смирнов**, прочитавший весной 1978 г. спецкурс по сарматской археологии на кафедре истории древнего мира Воронежского университета (рис. 111). Он и предложил молодому преподавателю заняться сарматскими памятниками лесостепного Подонья, которых к тому времени было известно очень немного.

Весной того же года в качестве основного объекта исследования избирается только что открытый А. П. Медведевым I Чертовицкий могильник на р. Воронеж в Рамонском районе Воронежской области. Его раскопки продолжа-

лись в 1979—1980 гг. и дали целую серию хорошо датированных сарматских погребений. В 1979 г. на р. Воронеж исследованы еще два могильника — II Чертовицкий и Писаревский, которые также содержали интересные сарматские захоронения. В 1980 г. А. П. Медведевым доисследован Ново-Никольский могильник в Липецкой области (ранее частично раскопанный В. П. Левенком и Р. Ф. Ворониной). Тогда же начаты раскопки Вязовского могильника в Ефремовском районе Тульской области. В результате этих работ за несколько лет Скифо-Сарматский отряд экспедиции ВГУ исследовал свыше 130 погребений сарматского времени. Впервые был получен массовый и разнообразный материал по культуре сарматского населения лесостепного Подонья в I—III вв. н. э. Итогом этой работы стал выход в свет первой книги по истории сарматов в лесостепи². Так благодаря архе-

¹ В настоящее время сарматские могильники и городища на р. Воронеж заросли лесом.

² Медведев А. П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.

ологии в истории нашего региона был открыт еще один древний народ — сарматы.

Однако в процессе дальнейшего исследования все острее стал ощущаться дефицит археологических материалов по поселениям этого времени. Необходимо было найти памятники оседлости — городища и поселения, синхронные сарматским курганам. Весьма трудоемкая работа по их поиску и раскопкам проводилась археологами в 90-е годы прошедшего века. В результате на Воронеже и Верхнем Дону рядом с некоторыми сарматскими могильниками были открыты городища с культурным слоем I—III вв. н. э. Появился новый источник, позволяющий изучить другую сторону жизни сарматов и их взаимодействие с местным оседлым населением.

Ни один античный автор не оставил нам подробного изложения истории сарматов, подобного знаменитому «Скифскому рассказу» Геродота. Римские писатели записывали лишь сведения об отдельных событиях, в первую очередь о войнах, в которых принимали участие сарматы. Тем не менее их сведения все же дают возможность наметить основные вехи истории сарматов, а археология позволяет воссоздать особенности и эволюцию их культуры.

Современному звучанию древнего этнонима «сарматы» мы обязаны античным авторам. Изначально он явно относился к отдельному народу. Мы уже писали о разгроме Скифии сарматами (савроматами), который описал Диодор Сицилийский. После этого Скифия стала называться Сарматией, а к рубежу эр имя сарматов стало уже собирательным. Впервые это засвидетельствовал их современник — римский ученый Плиний Старший. В «Естественной истории» (VI, 19) он пишет о сарматах: «Сами же они разделяются на многие племена».

Наиболее яркую характеристику сарматам дал римский географ I в. Помпоний Мела: «Народ [Сарматии] образом жизни и вооружением наиболее близок парфянскому, но нравы у них более суровые, как и более суров климат. У них нет городов и даже постоянных мест жительства. В зависимости от пастбищ, а также от наступления или отступления врага, они передвигаются, живя постоянно в своих лагерях и перевоза с собой все свое имущество. [Народ] воинственный, свободолюбивый, необузданный и до того дикий и свирепый, что даже женщины у них воюют вместе с мужчинами...» (Хорография: III, 3, 33—34)³.

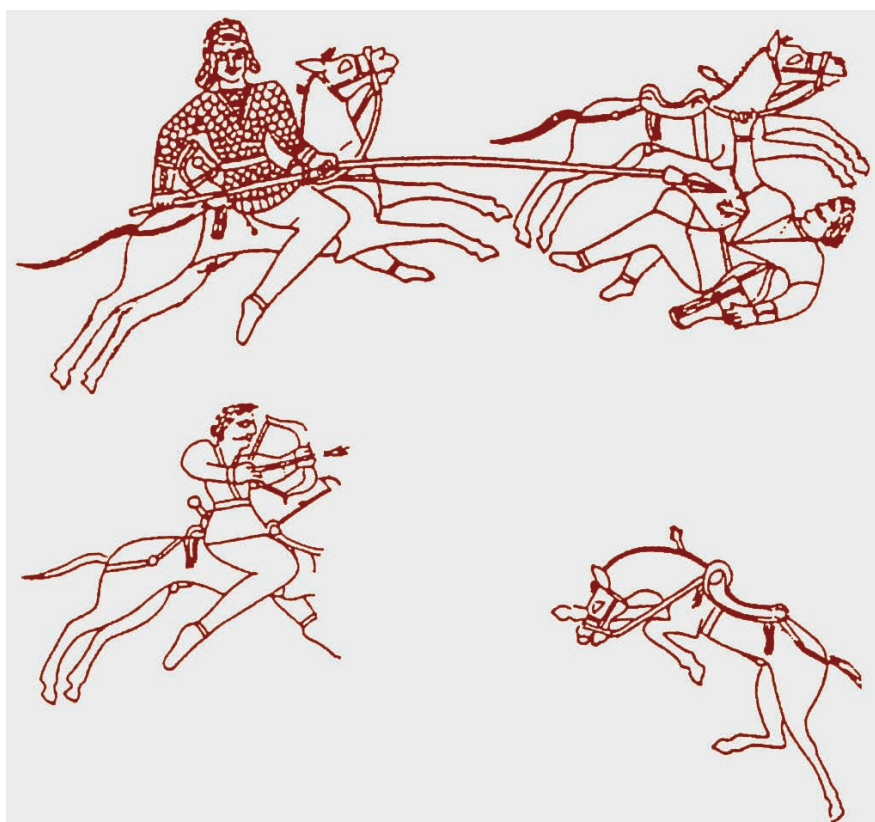

Рис. 112. Сцена сражения сарматов на серебряном сосуде из Косики (по В. В. Дворниченко).

³ Помпоний Мела. Хорография / ред. А. В. Подосинов. Москва, 2017. С. 301.

Римляне и другие древние народы хорошо знали сарматов, поскольку многократно сталкивались с ними на полях сражений (рис. 112). Сарматы были людьми европеоидной расы, лишь отдельные обнаруживают некоторую монголоидную примесь. Сотни их имен с иранскими основами сохранились у античных авторов и в надписях из античных городов Причерноморья.

В античную эпоху сарматов чаще всего связывали с рекой Танаис. Начиная с Геродота классические авторы помещали «за Танаисом» *савроматов*, позже обитателями его Правобережья стали *сирматы*, упомянутые авторами IV в. до н. э. Эвдоксом и Псевдо-Скилаком. В «Землеописании» Псевдо-Скимна Хиосского (II в. до н. э.) со ссылкой на более раннего писателя Деметрия Калатийского мы впервые встречаем подлинное имя сарматов: «*На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, — первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий...*»⁴ (Азия: 874—875). По Страбону (География: XI, 5. 8) вверх по течению Танаиса обитали аорсы — одно из самых могущественных сарматских племен. Плиний Старший со ссылкой на своего предшественника Артемидора писал: «*Вокруг Танаиса по направлению к северу живут сарматские племена*» (Естественная история: II, 246). Именно река Танаис была главной торговой артерией Сарматии. По свидетельству Страбона, основанный боспорскими царями город в устье одноименной реки быстро превратился в «общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро (Меотиду — А. М.) с Боспора, с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода» (География: XI, 2. 3).

Для нашей темы важно, как античные авторы представляли Сарматия. Помпоний Мела знал, что «*Сарматия более широкая внутри, чем по морскому берегу*» (Хорография: III, 4, 33). По «Географическому руководству» Клавдия Птолемея, составленному в середине II в. н. э., Сарматия простиралась вглубь до самых отдаленных пределов мате-

рика и ограничивалась на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу (Балтийскому морю), а восточнее — неизвестной землей на широте 63° (III, 5, 1; V, 8, 1). Эти свидетельства не оставляют сомнений, что Сарматия не ограничивалась лишь степной зоной, заселенной собственно сарматами. Из подробного перечня народов у Птолемея становится ясно, что на обширных пространствах Сарматии проживали и несарматские народы. Но разобраться в «этнокартах» Европейской и Азиатской Сарматии Птолемея невозможно без привлечения независимых данных других источников. Сейчас основную массу сведений о сарматах дает археология. Это в полной мере относится к тем сарматам, которые кочевали не только в нижнем течении Танаиса, но и достигали его верховий где-то у самого рубежа ойкумены.

Среди наиболее воинственных сарматских племен греческие и римские авторы называют *роксоланов, сираков, язигов, аорсов, алан* и др. (рис. 110). К рубежу н. э. за названиями этих сарматских этносов у античных авторов уже скрывались не племена как таковые, а крупные этнополитические объединения. Некоторые из них достигли стадии ранней государственности. Так, судя по Мангупской надписи, аорсам в I в. удалось создать в причерноморских степях Аорсию, во главе которой стояли свои «*великие цари*».

К началу XXI в. археологическая наука накопила богатую информацию о сарматах Среднего и Верхнего Дона. Сейчас в нашем крае известно более ста памятников сарматского времени, в том числе не менее 40 курганных могильников, где раскопано свыше двухсот погребений (рис. 113). Их изучение позволило выделить четыре периода в истории сарматов Донской лесостепи:

1-й период — раннесарматский — II—I вв. до н. э.;

2-й период — среднесарматский — I — нач. II в. н. э.;

3-й период — позднесарматский — вторая пол. II — сер. III в. н. э.;

4-й период — постсарматский — IV в. н. э.

Исследование сарматов, оставивших курганные могильники в лесостепи и синхронные им городища на протяжении длительного периода — со II в. до н. э. по IV в. н. э., позволяет довольно детально изучить историю их взаимодействия на протяжении столетий.

⁴ В современных мерах длины примерно 400 км.

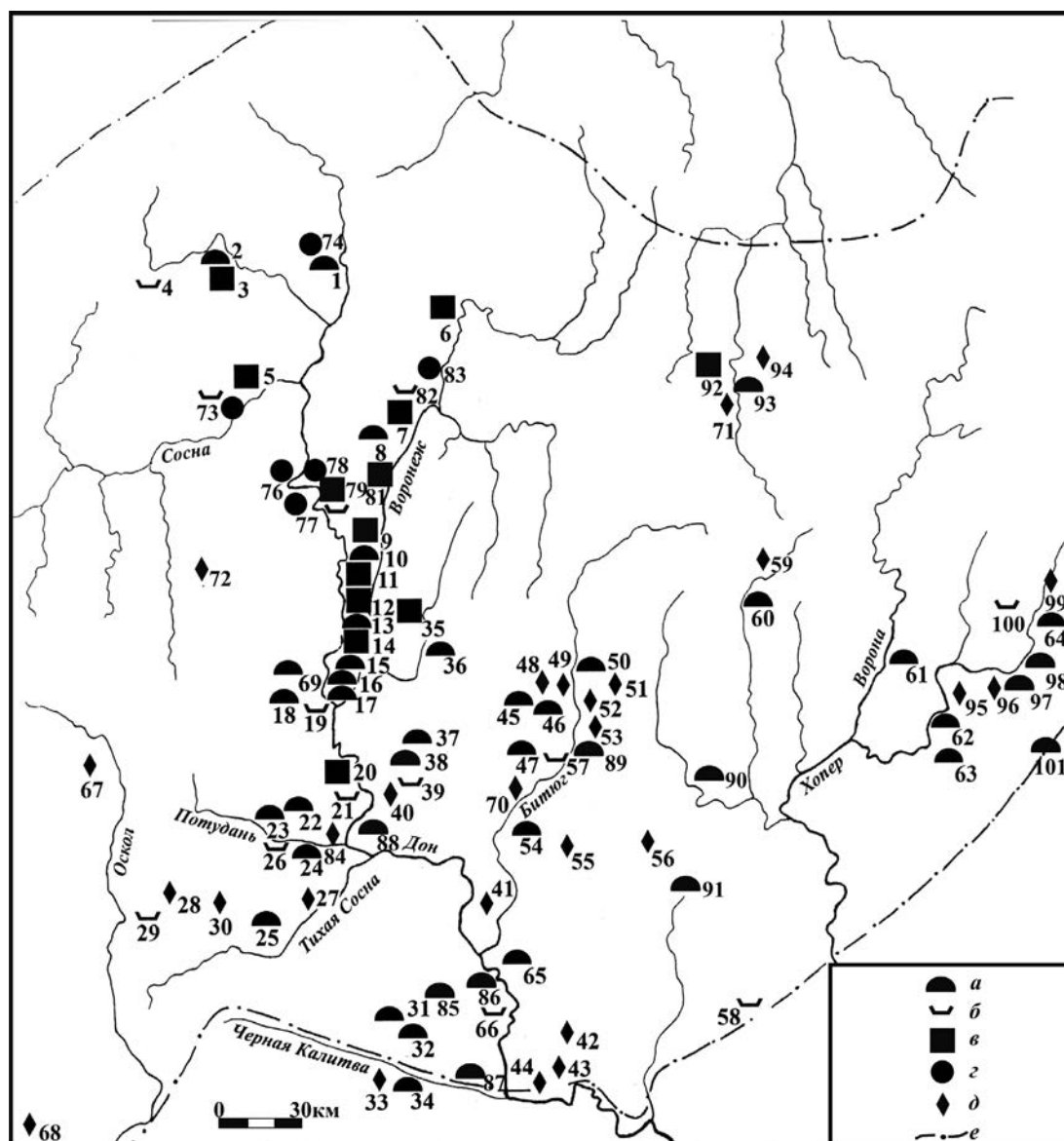

Рис. 113. Основные памятники сарматского времени лесостепного Подонья:

а — курганы, *б* — грунтовые могилы, *в* — городища, *г* — поселения, *д* — случайные находки, *е* — границы лесостепи

1 — Ново-Никольский могильник; 2 — Вязовский могильник; 3 — Ишутинское гор.; 4 — Кличино; 5 — Паженское гор.; 6 — Гудовское гор.; 7 — Сырское гор.; 8 — Княжеское погребение у южной окраины г. Липецка; 9 — Подгорное гор. и могильник; 10 — Писаревский могильник; 11 — Пекшевское гор., 12 — Животинное гор.; 13 — II Чертовицкий могильник; 14 — III Чертовицкое гор.; 15 — I Чертовицкий могильник; 16 — Белая Гора; 17 — Сады; 18 — Богоявленское; 19 — Девица; 20 — Большое Сторожевое гор.; 21 — Давыдовский клад; 22 — Рубцов; 23 — Заречье; 24 — Сасовка; 25 — Дуровка; 26 — погребение на Репьевском гор.; 27 — Острогожск; 28 — Веселый; 29 — Мандрово; 30 — Расховец; 31 — Караяшник; 32 — Россошь; 33 — Базы; 34 — Архиповка; 35 — Каверинское гор.; 36 — Усманский курган; 37 — Каширский; 38 — Левая Россошь; 39 — Ермолвка; 40 — Давыдовка; 41 — Антиповский клад; 42 — Русская Журавка; 43 — Нижний Мамон; 44 — Гороховка; 45 — Левашовка; 46 — Старая Тойда; 47 — Шишовка; 48 — Николаевка (Аннинская); 49 — Анна; 50 — Большие Ясырки; 51 — Островки; 52 — Моховое (Студенец); 53 — Новый Курлак; 54 — Красный-2; 55 — Бутурлиновка; 56 — Сериково; 57 — Монастырка; 58 — Манино; 59 — Туголуково; 60 — Жердевка; 61 — Власовка; 62 — Третьяки; 63 — Ильмень; 64 — Таптулино; 65 — Александровка Донская; 66 — Верхний Карабут; 67 — Николаевка (Старооскольская); 68 — Клименковка; 69 — Дальние Солонцы; 70 — Липовка; 71 — Тамбов; 72 — Спасское; 73 — Целиковка 2 пос. и могильник; 74 — Пионерлагерь Солнечный 4; 75 — Сковарово 1; 76 — Каменка 1; 77 — Ксизово 17, 19; 78 — Нижнее Казачье 5; 79 — Верхнее Казачье гор.; 80 — Подгорное, могильник; 81 — Крутогорье гор.; 82 — Липецк (Петровский Спуск), мог.; 83 — Большая Кузьминка; 84 — Ездочное (шлем); 85 — Луговой; 86 — Белогорье; 87 — Голубая Криница; 88 — Лосево; 89 — Новая Чигла; 90 — Сорокинский 3; 91 — Березовка; 92 — Голдым гор.; 93 — Пичаево; 94 — Сосновка; 95 — Старый Хопер; 96 — Большой Мелик; 97 — Ключи; 98 — Машевка; 99 — Елань; 100 — Турки; 101 — Радущинка.

По особенностям культуры в лесостепном Подонье выделены четыре группы памятников сарматского времени, в целом совпадающие с делением лесостепи на южную, типичную и северную подзоны.

1. Среднедонской район — самый обширный. Он включает памятники южной части донской лесостепи, непосредственно граничащие со степью (рис. 110, 1). Здесь известны погребения всех четырех хронологических групп

II в. до н. э. — IV в. н. э. (рис. 114). На Среднем Дону практически отсутствуют остатки син-

хронных могильникам поселений, но много случайных находок.

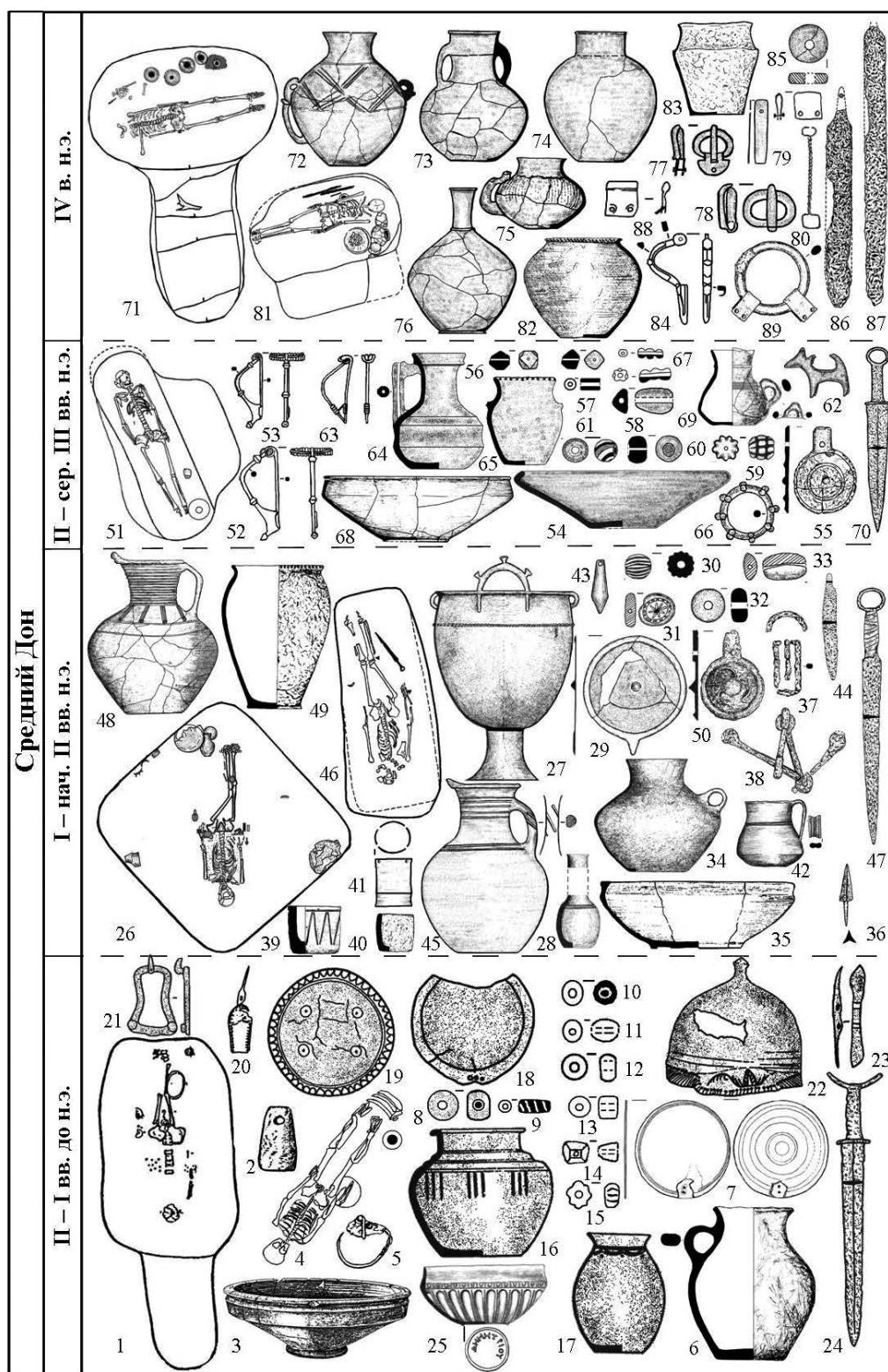

Рис. 114. Сарматские памятники Среднего Дона II в. до н. э. — конца IV в. н. э.

II—I вв. до н. э.: 1—3 — Дуровка, к. 13; 4—15 — Лучистое; 16 — Сасовка, к. 8, п. 3; 17 — Монастырка; 18 — Левашовка; 19—20, 22 — Антиповский клад; 21 — Левороссошанский клад; 23 — Усманский курган; 24 — Гороховка; 25 — Белогорье.

I — нач. II в. н. э.: 26—47 — Новая Чигла: 26—33 — к. 5, п. 1; 34—36 — к. 5, п. 2; 37, 38 — к. 26, п. 2; 39, 40 — к. 27, п. 2; 41—43 — к. 9, п. 2; 44 — к. 14, п. 2; 45 — к. 10, п. 1; 46, 47 — к. 1, п. 7; 48 — Архиповка, к. 4, п. 1; 49, 50 — Голубая Криница: 49 — к. 4, п. 1; 50 — к. 3, п. 1. II — сер. III в. н. э.: 51—62 — Березовка, к. 4, п. 1; 63—65 — Архиповка, к. 5, п. 1; 66 — Сасовка, к. 3, п. 2; 67—69 — Ивановка, к. 30: 69 — насыпь, 67, 68 — погребение 1; 70 — Новый Курлак.

IV в. н. э.: 71—80 — Лосево, к. 3, п. 1; 81—89 — Березовка: 81—88 — к. 9, п. 1; 89 — к. 8, насыпь

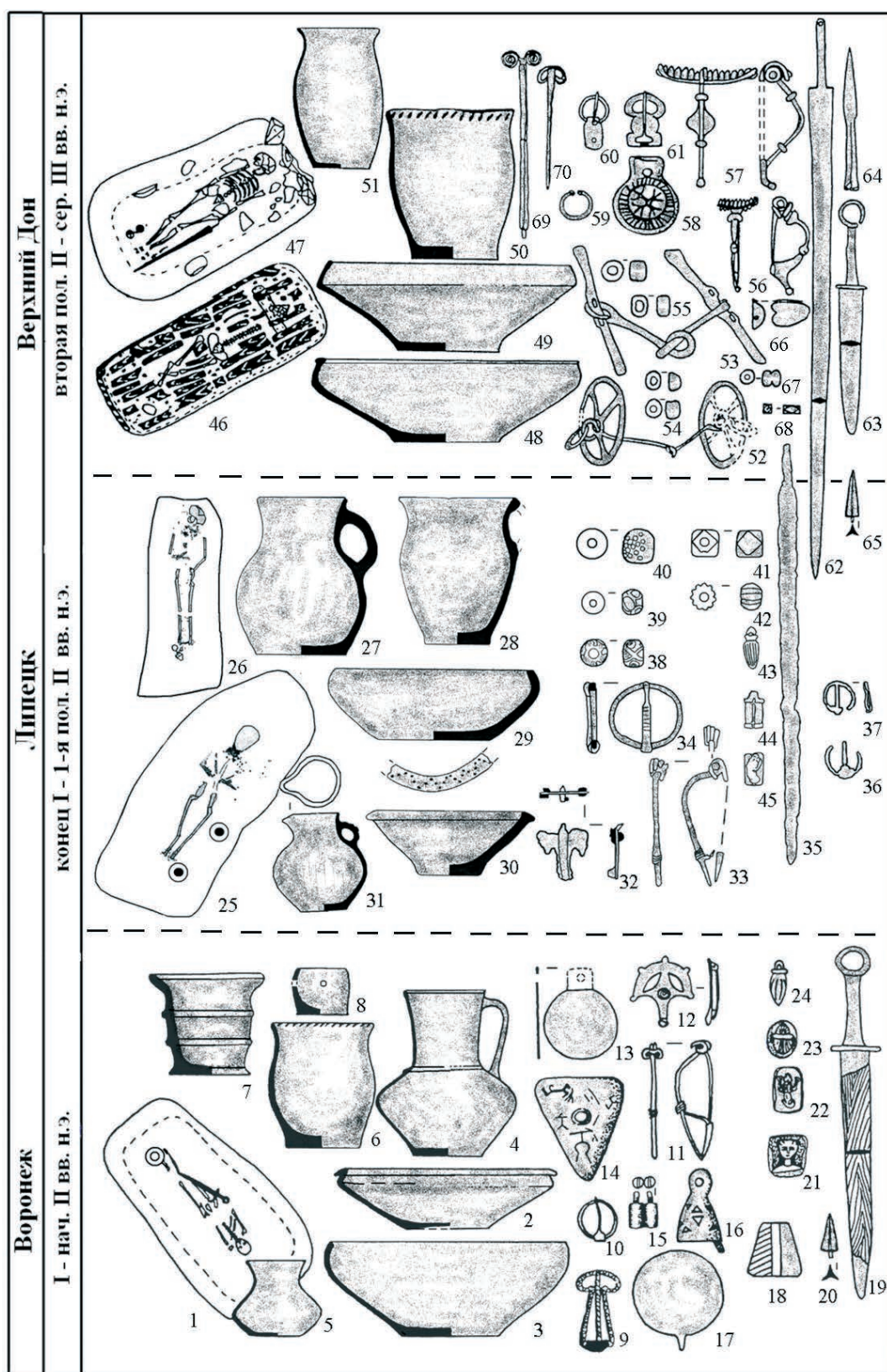

Рис. 115. Сарматские памятники нижнего (I — нач. II в. н. э.) и среднего (кон. I — сер. II в. н. э.) течения р. Воронеж, а также Верхнего Дона (второй пол. II — сер. III в. н. э.)

Низовья Воронежа: 1 — I Чертовицкий: к. 32/3; 2, 21—24 — к. 5/40; 3, 5, 6 — к. 3/42; 4 — к. 11/15; 7, 8, 17 — грунт. погр. 2; 9 — к. 27/7; 10, 14 — к. 6/11; 11, 15, 18 — к. 2/41; 12 — к. 24/17; 16 — II Чертовицкий, к. 13; 19, 20 — I Чертовицкий, к. 13/32.

Среднее течение: Липецкий курган, грунтовый могильник в Липецке.

Верхний Дон: 46, 56, 63—65 — Новоникольский м-к, к. 53; 47, 52, 55 — Вязовский м-к, к. 78; 48 — Вязовский м-к, к. 4, п. 2; 49 — Вязовский м-к, к. 28; 50—68 — Новоникольский м-к, к. 48. п. 2; 53, 54 — к. 29; 56, 58 — Новоникольский м-к, к. 48. п. 2; 59, 66 — Новоникольский м-к, к. 46; 60 — Новоникольский м-к, к. 47; 61 — ВМ, к. 47; 70 — Новоникольский м-к, к. 45,а

2. **Воронежский район** объединяет памятники типичной лесостепи по нижнему и среднему Правобережью р. Воронеж (рис. 110, 2). Они представлены второй и третьей хронологическими группами (рис. 115). Здесь находятся большие курганные могильники. Помимо их по берегам р. Воронеж выявлены городища и поселения со свидетельствами присутствия сарматов.

3. **Верхнедонской район** расположен в северной лесостепи в Липецкой и на юго-востоке Тульской обл. (рис. 110, 3). Он включает курганные могильники, городища и поселения второй и третьей хронологических групп

(рис. 115). Известен по раскопкам как курганных могильников, так и городищ.

4. **Среднехоперский район** (рис. 110, 4) занимает лесостепное Прихоперье примерно от г. Ртищево до г. Новохоперска. Здесь известны курганные могильники второй, третьей, четвертой хронологических групп. Они окружают инокультурный анклав — памятники иняевского типа, определенно имеющие иные, западные истоки (рис. 110, 5).

Как проявлялись в различных подзонах лесостепи во времени особенности культуры различных групп сарматов, показывают таблицы на рисунках 114 и 115.

Глава 2. НАЧАЛО САРМАТСКОЙ ЭПОХИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

К началу III в. до н. э. практически все среднедонские городища прекратили свое существование. К этому времени перестали использоваться и связанные с ними некрополи типа Частых и Мастюгинских курганов. Как уже говорилось ранее, скорее всего, эти перемены носили для среднедонского населения катастрофический характер и были вызваны разрушительными набегами кочевников. Некоторые из городищ были уничтожены или покинуты населением, искавшим спасения в глухих лесистых районах Верхнего Подонья.

Следует отметить, что наступление новой эпохи в истории нашего края начинается далеко не сразу после исчезновения среднедонской культуры скифского времени. В результате сарматских набегов наш регион, видимо, запустевает примерно на столетие. Во всяком случае, археологам неизвестны памятники III в. до н. э. Кстати сказать, такая же картина наблюдается по всему Степному Причерноморью, за исключением небольшого района на Среднем Днестре (Тираспольская группа). В результате в нашем крае почти начисто оборвались вековые традиции яркой скифоидной культуры. Как уже было установлено, в III в. до н. э. на Среднем Дону исчезла та социальная среда, которая питала субкультуру местной знати. Это обстоятельство сыграло определяющую роль в широком распространении в донской лесостепи новаций, связанных с другим степным этносом — сарматами.

В то же время имеющиеся на сегодняшний день данные указывает на то, что гибель в III в. до н. э. среднедонских городищ не сопровождалась сразу заселением опустевших лесостепных пространств сарматами. Отдель-

ные их группы начали кочевать на Среднем Дону не ранее II в. до н. э. одновременно с началом освоения причерноморской степи.

Первые свидетельства появления в нашем крае сарматов относятся не ранее чем ко II в. до н. э., скорее всего, ко второй его половине. Совсем не случайно они представлены предметами вооружения, отличающегося от скифского. Это мечи с характерным серповидным навершием (рис. 116, 1—5; 118, 1), а также шлемы римско-италийского производства: один найден у хут. Антиповка (рис. 116, 6) вместе с деталями конской упряжи, включая серебряные фалары (рис. 118, 6), другой — недавно у с. Ездочное Острогожского района Воронежской области (рис. 116, 7)⁵. Оба датируются II в. до н. э. Такие шлемы у сарматов не редкость, их известно более 30 экземпляров. Исследователи спорят о причинах их появлении на Юге Восточной Европы. Одни связывают распространение подобных кельто-италийских шлемов у сарматов с их активным участием в Митридатовых войнах 1-й трети I в. до н. э.⁶ или с еще более ранним событием — войной Фарнака I Понтийского 183—179 гг. до н. э.⁷ Как

⁵ Ворошилов А. Н. Новые находки античных шлемов на северной периферии сарматского мира // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Москва — Киев, 2010. Вып. 1. С. 267—269.

⁶ Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR. Intern. Series. 278. Oxford, 1986. P. 87—88.

⁷ Марченко И. И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 71.

бы то ни было, начало сарматской эпохи отмечено находками предметов вооружения, что весьма показательно. Видимо, начало проник-

новения сарматов вверх по Дону шло далеко не мирным путем.

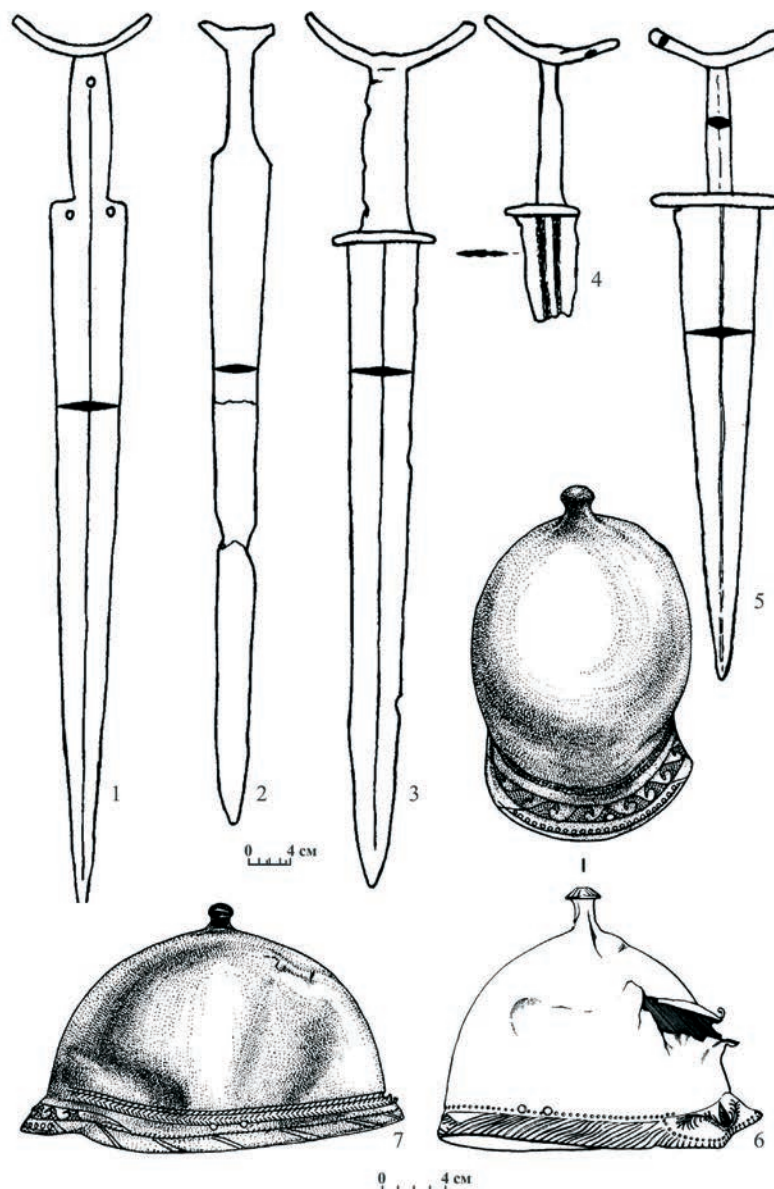

Рис. 116. Находки раннесарматских мечей и римских шлемов:

1 — Острогжск; 2 — Веселый; 3 — Гороховка; 4 — Липовка; 5 — Тамбов; 6 — Антиповка; 7 — Ездочное

Другие раннесарматские древности также немногочисленны. Это шесть погребений, три клада и случайные находки. К эталонным погребениям можно отнести захоронение Луговое, впущенное в естественное возвышение (рис. 117, а)⁸. Погребенная лежала на спине, головой на юг с небольшим откло-

нением к западу, руки вдоль туловища. В ногах положены кости грудины крупного животного. Оно сопровождалось бронзовым зеркалом большого диаметра, украшенным по тыльной стороне концентрическими кругами (рис. 117, 1), одноручным лепным кувшином (рис. 117, 2), массивным железным острием (рис. 117, 3), набором стеклянных разноцветных бус, в том числе, бус с внутренней позолотой (рис. 117, 5), а также золотой львиноголовой серьгой (рис. 117, 4). Такие серьги не выходят за пределы II в. до н. э.

⁸ Медведев А. П. Раннесарматское погребение у хут. Луговой на Среднем Дону // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж, 2011. С. 228—236.

Рис. 117. Луговое. Инвентарь погребения:
1 — бронза; 2 — глина; 3 — железо; 4 — золото; 5 — стекло

Другое раннесарматское погребение открыто в катакомбе кург. 13 могильника у с. Дуровка⁹. Этот курган располагался особняком от насыпей скифского времени. В катакомбе II типа погребена женщина на спине, вытянуто, головой на юг (рис. 114, 1). Комплекс характерного сопровождающего инвентаря — сероглиняная лощеная миска на поддоне (рис. 114, 3), бронзовое зеркало (во фрагмен-

тах) типа зеркала из Лугового, подвеска-молоточек из мергеля (рис. 114, 2), мелкие нашивные золотые бляшки и пронизки от обшивки краев рукавов позволяют атрибутировать данное захоронение как раннесарматское. Скорее всего, оно было совершено в пределах II в. до н. э., так как к концу этого столетия катакомба как один из типов погребальных сооружений сарматов исчезает¹⁰.

⁹ Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). Москва : Индрик, 2001. С. 193—194.

¹⁰ Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 38.

Рис. 118. Находки ранне- и среднесарматского времени на Среднем Дону: 1 — Гороховка; 2 — Аверино; 3 — Левая Россошь; 4 — Березовка; 5 — Белогорье; 6 — Антиповка (масштаб разный).
1 — железо; 2—4 — бронза; 5 — глина; 6 — серебро

Остальные погребения бедны инвентарем. Встречаются керамика, украшенная так называемыми «полотенцами» (рис. 114, 16), бронзовые зеркала с валиком по краю диска (рис. 114, 18). В то же время серия случайных находок свидетельствует, что начиная со II в. до н. э. некоторые сарматы имели иной, более высокий уровень благосостояния, включая античный импорт. На это указывает находка в Аверинском кургане пары котлов из листовой меди. Три десятилетия назад мы датиро-

вали их более ранним временем по большому котлу, но этот тип имеет широкий диапазон бытования начиная с VIII в. до н. э.¹¹ Однако малый котел определенно принадлежит к так

¹¹ *Трейстер М. Ю.* Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии // *Scripta antiqua: Альманах*. Москва, 2019. Т. 8. С. 167—171. Авторы выражают признательность М. Ю. Трейстеру за качественные фотографии вещей из Третьяков и других сарматских могильников, а также их датировку.

называемому жутовскому типу¹², что и заставляет омолодить этот комплекс до II—I вв. до н. э. (рис. 118, 2). Кованый котел из «клада» у с. Левая Россошь, концы ручек которого входили в гнезда Т-образной основы, завершающейся атташем в виде лапы хищника, относится к типу, появляющемуся в Греции еще в VI в. до н. э. и бытующему в IV в. (рис. 118, 3)¹³. Однако он каким-то образом попал в состав «клада» не только с деталями конской упряжи, но и вместе с бронзовой литой пряжкой с прямоугольной, чуть прогнутой рамкой, неподвижным язычком на одном конце и двумя приливами на другом (рис. 114, 21). Она не позволяет датировать этот комплекс раньше I в. до н. э.¹⁴ Попадание ранних античных котлов из Авериного и Левого Россоши к сарматам могло произойти во время войн Митридата Великого с Римом, на стороне которого они сражались, грабили святилища в Северной Греции или Македонии. А захваченные трофеи привозили с собой на «родину». При земляных работах в с. Белогорье Павловского района разрушено раннесарматское погребение, откуда происходит находка «мегарской» чаши II в. до н. э. с клеймом ΔΝΜΗΤΡΙΟΥ (рис. 118, 5)¹⁵.

Небольшое количество раннесарматского материала пока не позволяет надежно связать

тот или иной памятник с конкретным сарматским племенем. Погребения в катакомбе с южной ориентировкой соответствуют традициям племени аорсов, остальные раннесарматские захоронения с ориентацией погребенных в северную половину круга могли принадлежать роксоланам.

Малочисленность и характер раннесарматских древностей лесостепного Подонья указывает не столько на постоянное пребывание, сколько на начало проникновения сарматов во II в. до н. э. в Донскую лесостепь. Подобные памятники характерны для той стадии развития кочевников, когда они вступают на путь завоевания и освоения новых земель¹⁶. Видимо, и в данном случае мы имеем дело с археологическими свидетельствами проникновения отдельных групп сарматов в лесостепное Подонье не ранее начала II в. до н. э. К этому времени какая-то часть лесостепного скифоидного населения была уже уничтожена, другая — вытеснена за пределы Среднего Подонья в северные лесные районы Верхнего Дона и Воронежа. Сарматское население принесло на Средний Дон свою культуру, сложившуюся далеко за пределами нашего края.

Глава 3. СРЕДНЕСАРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА НА СРЕДНЕМ ДОНУ И ХОПРЕ

По-видимому, вплоть до конца I тыс. до н. э. сарматское население среднедонской лесостепи было малочисленным и нестабильным. Картина разительно меняется с начала нашей эры, когда на Среднем Дону появляются сарматские погребения, образующие небольшие курганные могильники. Их возникновение свидетельствует о начале нового этапа в истории нашего края.

Последнее десятилетие ознаменовалось открытием на Среднем Дону серии среднесарматских погребений (свыше 50). Среди них

наибольший интерес представляет Новочигольский курганный могильник, раскопанный практически полностью. Здесь В. Д. Березуцкий открыл не менее 17 сарматских погребений¹⁷. Курганы не отличаются большими размерами (высота до 1 м, диаметр не более 20 м). Они содержали как основные, так и впускные погребения. Погребальными сооружениями служили подквадратные ямы с расположением скелета по диагонали — шесть погребений (рис. 119, а), широкие прямоугольные — четыре, овальные — пять, узкие — три погребения, один подбой. Умершие ориентированы в основном головой на юг. Из 20 погребенных шесть — мужчины, 10 — женщины и четыре ребенка. Такое непропорциональное соотношение погребений мужчин и женщин, возможно, объясняется тем, что

¹² Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Ленинград, 1975. С. 138, рис. 52, 2.

¹³ Трейстер М. Ю. Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии. С. 167—171.

¹⁴ Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. Москва, 2008. С. 20.

¹⁵ Березуцкий В. Д. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 26—29.

¹⁶ Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Москва, 1982. С. 14—17.

¹⁷ Березуцкий В. Д. Новочигольские курганы. Воронеж, 2021.

павших во время походов воинов хоронили вдали от родины. В новочигольских погребениях найдено сравнительно немного оружия: два коротких меча с кольцевым навершием (рис. 114, 47) и два боевых ножа, хотя известны случайные находки среднесарматских ме-

чей с кольцевым навершием и прямым перекрестием. При одном мужском погребении находился колчан со стрелами и железные удила (рис. 114, 38). Железные трехлопастные наконечники стрел встречены в каждом пятом погребении (рис. 114, 36).

а

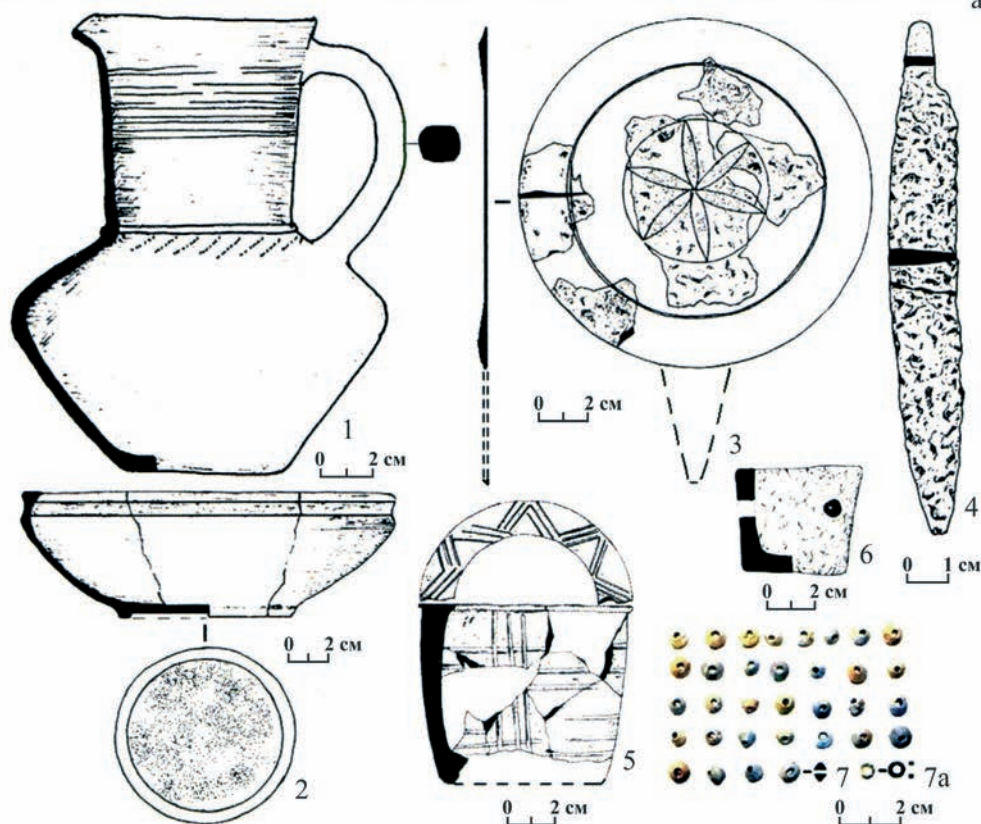

Рис. 119. Новая Чигла. Погребение в кургане 11:

а — общий вид погребения; 1—7а — инвентарь: 1, 2, 5, 6 — глина; 3 — бронза; 4 — железо; 7—7а — стекло

Почти все женские и детские погребения сопровождала гончарная сероглиняная керамика: кувшины, миски, кубышки с петельчатыми ручками, кружки и др. (рис. 114, 28, 34, 35, 42, 48). Лепная посуда представлена высоким горшком с венчиком, покрытым защипами (рис. 114, 49). При женских погребениях встречались парные курильницы для окуривания могилы и погребенного благовониями (рис. 119, 5—6). В малую курильницу помещали благовония, ее вставляли в большую, заполненную горячими углями. Вместе с ними клали бронзовые зеркала, в соответствии с сарматской традицией, разбитые (рис. 119, 3), а также глиняные или меловые пряслица. В двух женских погребениях найдены небольшие бронзовые литые котелки, при этом в одном случае сразу два (рис. 114, 27). В этом погребении находились также медный таз, гончарный красноглиняный кувшин античного производства, глиняный бальзамарий (рис. 114, 28), зеркало (рис. 114, 29), железные удила, большое количество бус из горного хрусталя, янтаря, гагата, сердолика, египетского фаянса, цветной пасты (рис. 114, 30—32, 33). Здесь же найден единственный в женских погребениях железный наконечник стрелы.

Как по обряду, так и по инвентарю Новичинский курганный могильник является типичным среднесарматским и может быть датирован I — началом II в. н. э. По типам погребальных сооружений, основным обрядовым признакам и набору сопровождающего инвентаря он не выделяется среди массы более южных степных погребений Волго-Донского междуречья.

К тому же типу относится и могильник у с. Третьяки Борисоглебского района Воронежской области, раскопанный в 80-х годах К. Ю. Ефимовым¹⁸. Он расположен на высоком правом берегу Хопра. Из 80 насыпей исследовано 15, содержащих сарматские погребения, большинство из которых (13) были в курганах основными и единственными. В Третьяках выявлен практически тот же набор типов погребальных сооружений и погребальный ритуал, что и в Новой Чигле. Из серии рядовых погребений явно выделяется женское захоронение в кургане 16, совершенное в квадратной яме по диагонали¹⁹. Его сопровождал богатый ин-

вентарь, как сарматского происхождения, так и разнообразный импорт.

К сарматскому инвентарю относятся: бронзовый котел, украшенный по венчику двумя литыми фигурками куланов, смотрящими в противоположные стороны (рис. 120, 1), ниже венчика располагались горизонтально расположенные ручки, а посередине тулова нанесен рельефный веревочный орнамент; 12 золотых нашивных на одежду бляшек в виде шестилепестковых розеток и еще четыре полусферических (рис. 120, 5); золотая оковка венчика деревянного сосуда; пара лепных курильниц; каменный пест с отверстием для подвешивания и др.

Из всех сарматских курганов это погребение выделял набор импортных изделий, представляющих практически всю Евразию: краснолаковый античный кувшин (рис. 120, 3), бронзовый ковш италийского производства типа Эггерс 140 (рис. 120, 4) и китайское бронзовое зеркало эпохи династии Хань типа Zhaoming (рис. 120, 2). На нем имеется иероглифическая надпись: «Расплавлена хорошая бронза. Так [зеркало показывает] ясно и четко, и по этой причине на зеркале оставляем надпись: Будет хозяин этого зеркала жить долго. Не будет беды»²⁰. Эта находка свидетельствует о том, что и до нашего края с I в. н. э. доходил Великий шелковый путь. По нему в Европу поступал не только шелк, но и другие китайские диковинки.

К среднесарматскому времени относится находка римского литого котелка, обнаруженного у с. Березовка Воробьевского района (рис. 118, 4)²¹. Он принадлежит к типу «дебельт». Вероятным временем распространения таких котелков является вторая половина II—I в. н. э. Их изредка находят в сарматских погребениях, принадлежащих местной элите.

Как видно из краткого анализа погребального инвентаря, основная масса среднесарматских погребений на Среднем Дону принадлежала рядовым кочевникам. Однако, судя по находкам импортов, и особенно золотых и серебряных вещей, входивших в состав Давыдовскогоклада 1939 г., здесь кочевала и сарматская элита²². Достаточно напомнить, что

²⁰ Перевод доктора исторических наук университета г. Пусан (Корея) Ли Джи Ин.

²¹ Березуцкий В. Д. Медный котел из донского лесостепного Левобережья // КСИА. 2019. № 255. С. 202—208.

²² Смирнов А. П. Новый сарматский могильник в Воронежской области // ВДИ. 1940. № 3—4. С. 363—366.

¹⁸ Ефимов К. Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Сер.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 19—35.

¹⁹ Там же. С. 20—22, рис. 4.

в клад входили изделия в так называемом золото-бирюзовом стиле, а также серебряная чаша, из которой был сделан давидовский фалар. На его дне вырезана тамга царя Фарзоя.

Материалы среднесарматских курганных могильников и отдельные находки свидетельствуют, что с I в. н. э. берега Среднего Дона и Хопра прочно вошли в ареал сарматских кочевий.

Рис. 120. Третьяки. Курган 16, погребение 1. Римский и китайский импорт:
1, 2, 4 — бронза; 3 — глина; 5 — золото

Глава 4. САРМАТСКИЕ МОГИЛЬНИКИ НА Р. ВОРОНЕЖ

Иная ситуация сложилась к этому времени в глубинных районах лесостепи, прежде всего в низовьях р. Воронеж. Не позже начала I в.

н. э. новая сарматская волна докатилась до центральных районов лесостепного Подонья. Вскоре сарматами была освоена большая его часть,

включая нижнее и среднее течение р. Воронеж. Об этом свидетельствуют материалы воронежской группы памятников, где помимо курганных некрополей исследованы городища первых веков н. э., синхронные курганам (рис. 113, 9—17). Здесь раскопаны четыре сарматских могильника: I и II Чертовицкие, Писаревский (раскопки А. П. Медведева), «Сады» (раскопки Ю. Д. Разуваева). В них исследовано свыше 60 погребений.

В низовьях р. Воронеж сарматы предпочитали устраивать свои некрополи на новых местах. По всем признакам здесь они достигли ста-

дии «обретения родины». Их курганы располагались на высоких, ныне покрытых лесом мысах правого берега р. Воронеж. Особенностью воронежских могильников является высокая концентрация насыпей на весьма ограниченной площади. Так, в I Чертовицком могильнике 54 курганные насыпи (раскопано 34 и четыре грунтовых захоронения) располагались на 1,5 га (рис. 121). Компактность лесостепных сарматских могильников по сравнению со степными может рассматриваться как свидетельство более оседлого образа жизни населения, оставившего эти курганы.

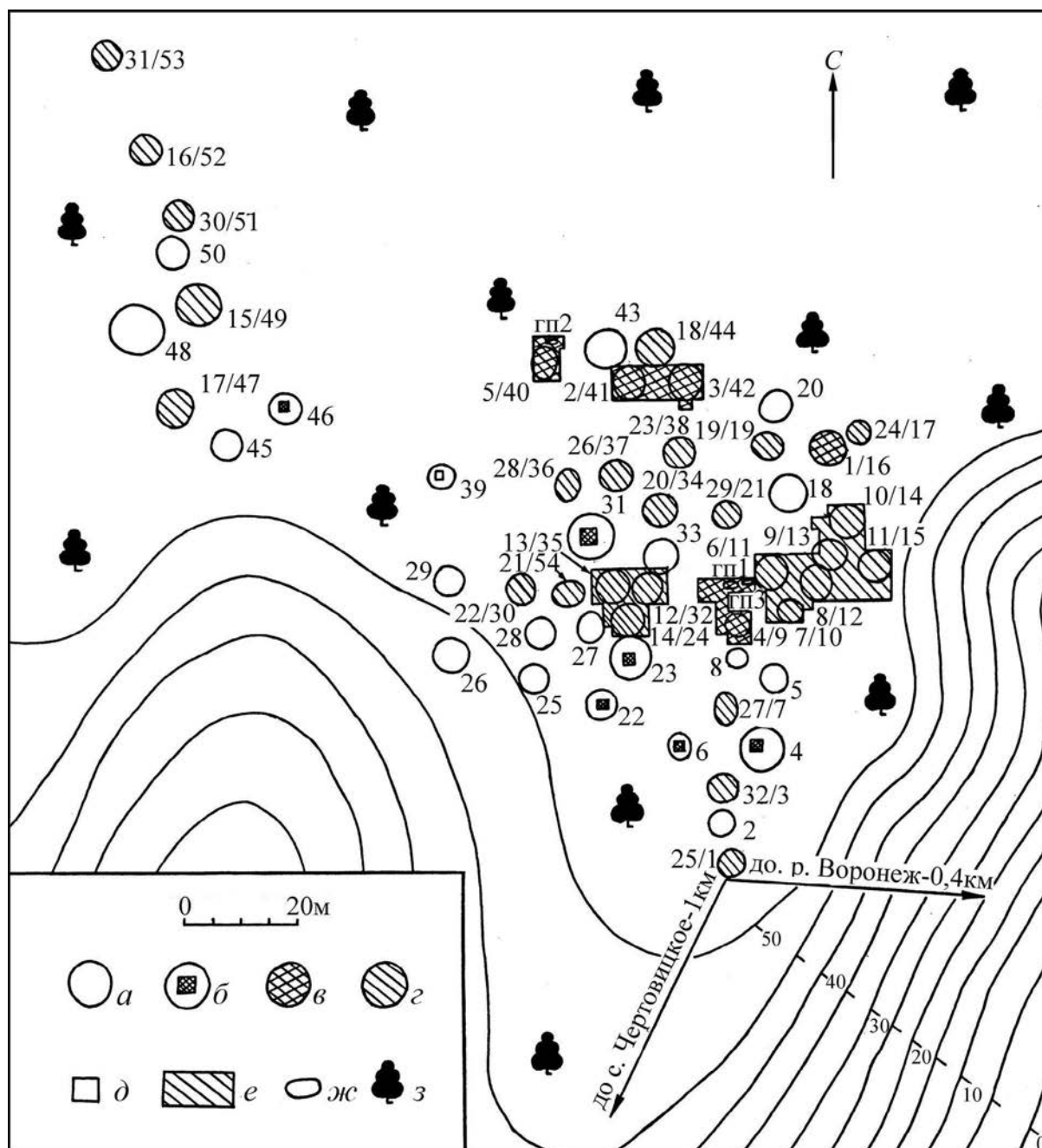

Рис. 121. I Чертовицкий могильник. План: а — нераскопанные курганы; б — ограбленные курганы; в — курганы, раскопанные в 1978 г.; з — курганы, раскопанные в 1979—1980 гг.; д — шурфы; е — раскопы; ж — грунтовые погребения; з — деревья

На р. Воронеж большинство захоронений отмечалось небольшими округлыми насыпями диаметром 5—10 м, высотой 0,2—0,5 м. При этом курган всегда содержал одно погребение, что характерно для среднесарматской эпохи. Насыпи сложены из земли, взятой тут же на площади могильника. Помимо могильного выкида, иногда специально уложенного полукольцом вокруг могилы, никаких дополнительных структур в них не отмечено, если не считать скоплений углей да находок костей животных, в том числе конских черепов, являющихся остатками погребальных тризн.

Во II Чертовицком могильнике (30 насыпей) наряду с обычными круглыми выделяются курганы с длинными насыпями эллипсоидной формы (рис. 122). Погребения в них совершались всегда под южной полой насыпи, видимо, чтобы скрыть захоронение от грабителей. Все длинные курганы сосредоточены в центральной части могильника и образуют единую цепочку вдоль склона мыса. На северной и южной его окраине расположены обычные круглые насыпи. Поиск аналогий длинным курганам II Чертовицкого могильника не дал каких-либо результатов. Вопрос о их происхождении остается открытым.

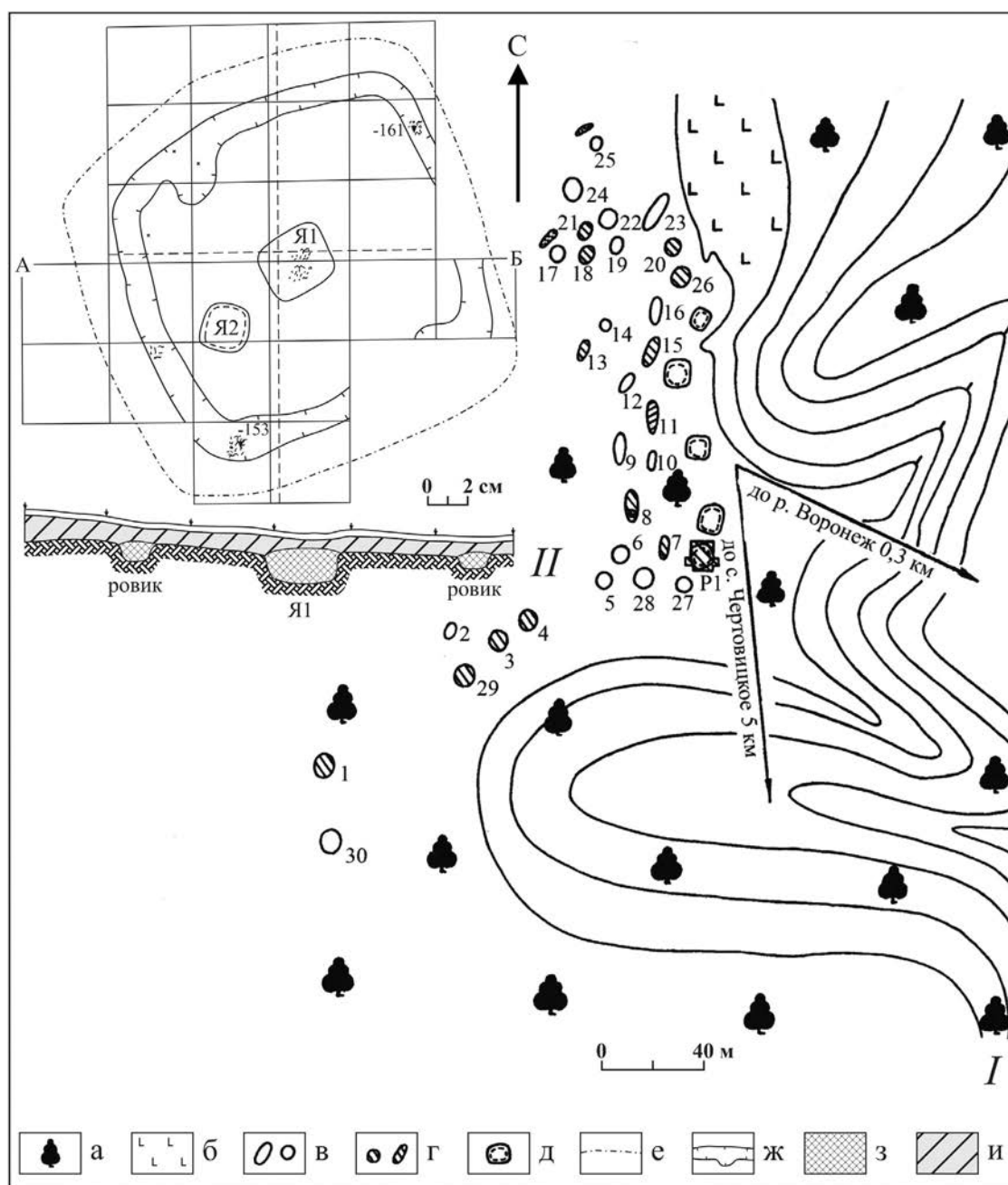

Рис. 122. II Чертовицкий могильник: I — план; II — план квадратного ровика.
а — деревья; б — вырубка; в — нераскопанные курганы; г — раскопанные курганы; д — западины от ровиков; е — границы западин; ж — ровик; з — заполнение ровика; и — заполнение западины

Курганы на р. Воронеж содержали лишь погребения с труположениями. Основной и, по сути дела, единственный тип погребальных сооружений — прямоугольные, иногда с закругленными углами ямы, ши-

рина которых равна или несколько больше половины их длины (рис. 123, I; II; 124, II; 125, II). Подобный тип могил получил широкое распространение у сарматов первых веков нашей эры.

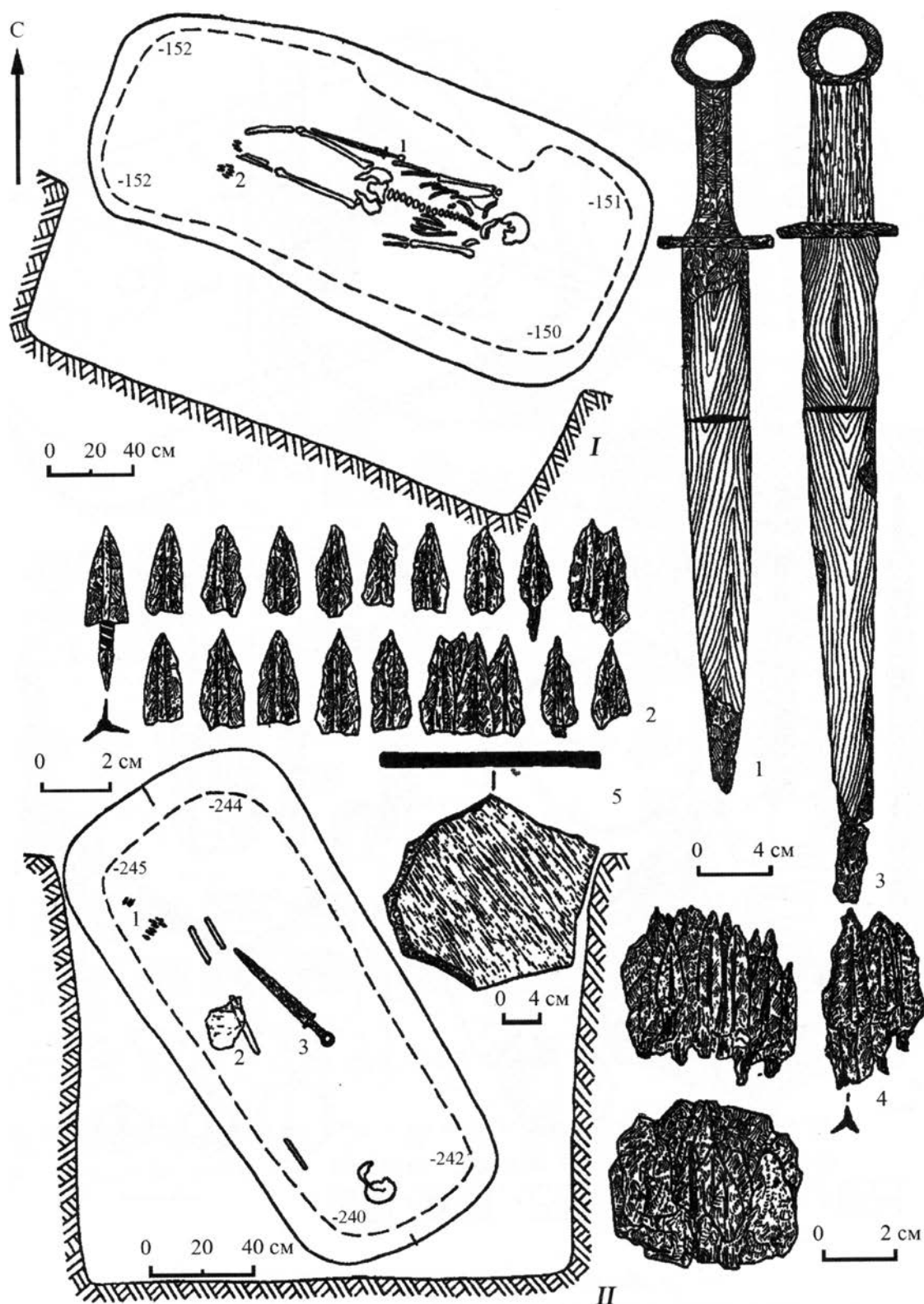

Рис. 123. I Чертовичский могильник. Курганы 12/32 и 13/35: I — погребение к. 12/32: 1—2 — инвентарь; II — погребение к. 13/35: 3—4 — инвентарь

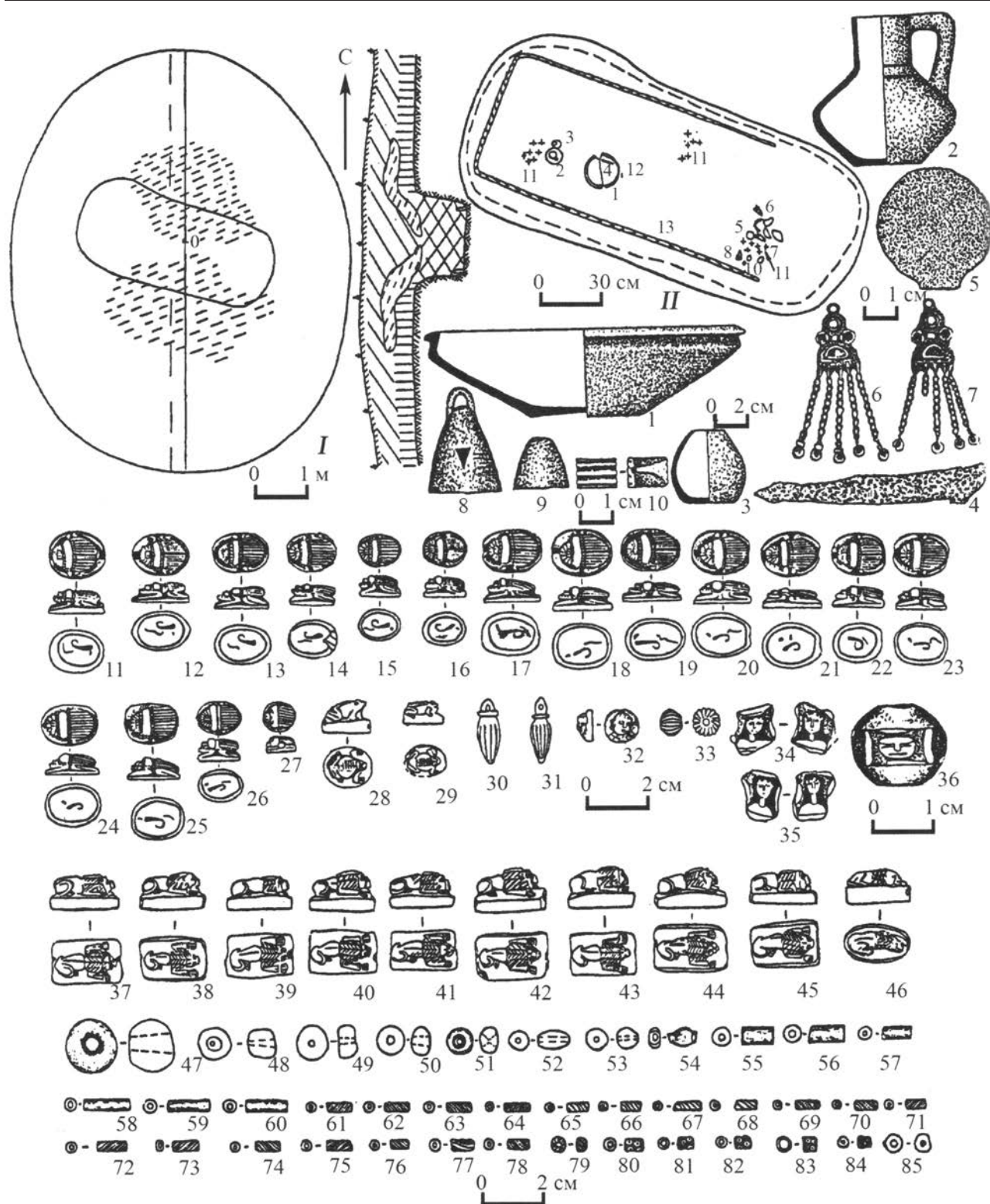

Рис. 124. I Чертовичский могильник. Погребение курган 5/40:

I — план и профиль кургана; II — погребение.

1—85 — инвентарь: 1—3 — глина; 4 — железо; 2 — гагат; 5—6 — глина; 5, 8 — бронза; 6—7 — золото; 10 — серебро; 11—33, 37—46 — египетский фаянс; 34—36, 61—85 — многоцветное стекло; 47 — горный хрусталь; 48—53 — сердолик; 54—60 — стекло

Однако в это время в степях он не являлся единственным, а сосуществовал с квадратной ямой, ямой с заплешиками, подбоем. В централь-

ных районах лесостепи в силу каких-то этнографических особенностей населения погребальные сооружения иных типов не возводились.

Как правило, в погребениях I Чертовицко-го могильника не сохранялось следов каких-либо внутримогильных конструкций. Лишь два захоронения имели остатки деревянных прямоугольных гробов из досок (рис. 124, II).

Наиболее распространенная поза погребенных — на спине с вытянутыми вдоль ту-

ловища руками и прямыми ногами. Однако известны захоронения, когда ноги скрещены в щиколотках (рис. 125, II), а кисть руки лежит на нижней части живота (рис. 127, II), что является признаком меото-сарматского погребального ритуала. В одном погребении руки сложены на груди (рис. 126, I).

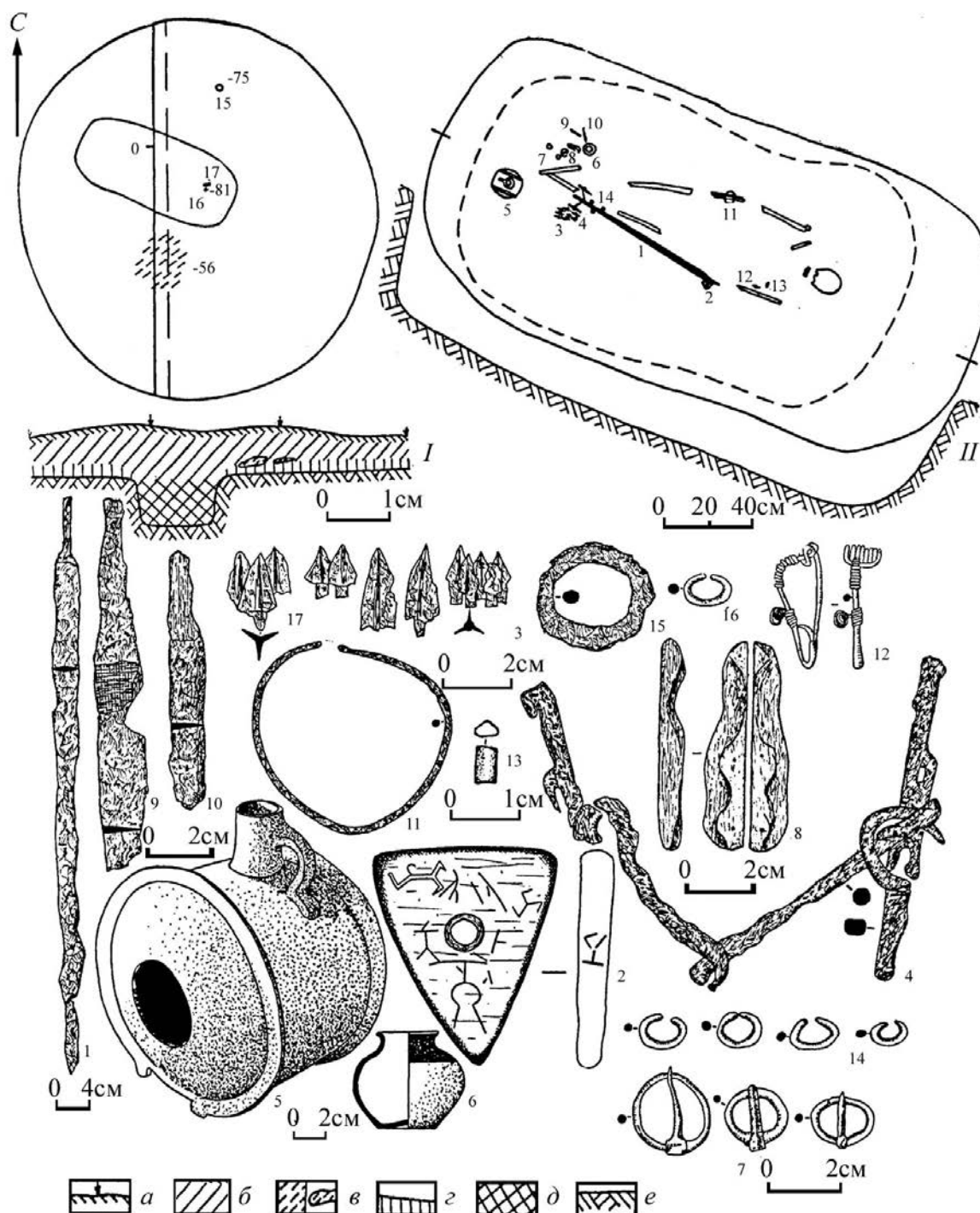

Рис. 125. I Чертовицкий могильник. Погребение курган 6/11:

I — план и профиль кургана: 15—17 — находки в насыпи;

II — погребение: 1—14, 16 — инвентарь: 1, 3, 4, 9, 15 — железо; 2 — гагат; 5—6 — глина;

7, 11, 12 — бронза; 8 — дерево; 13 — золото.

a — дерн; б — насыпь; в — выкид; г — погребенная почва; д — заполнение могилы; е — материк

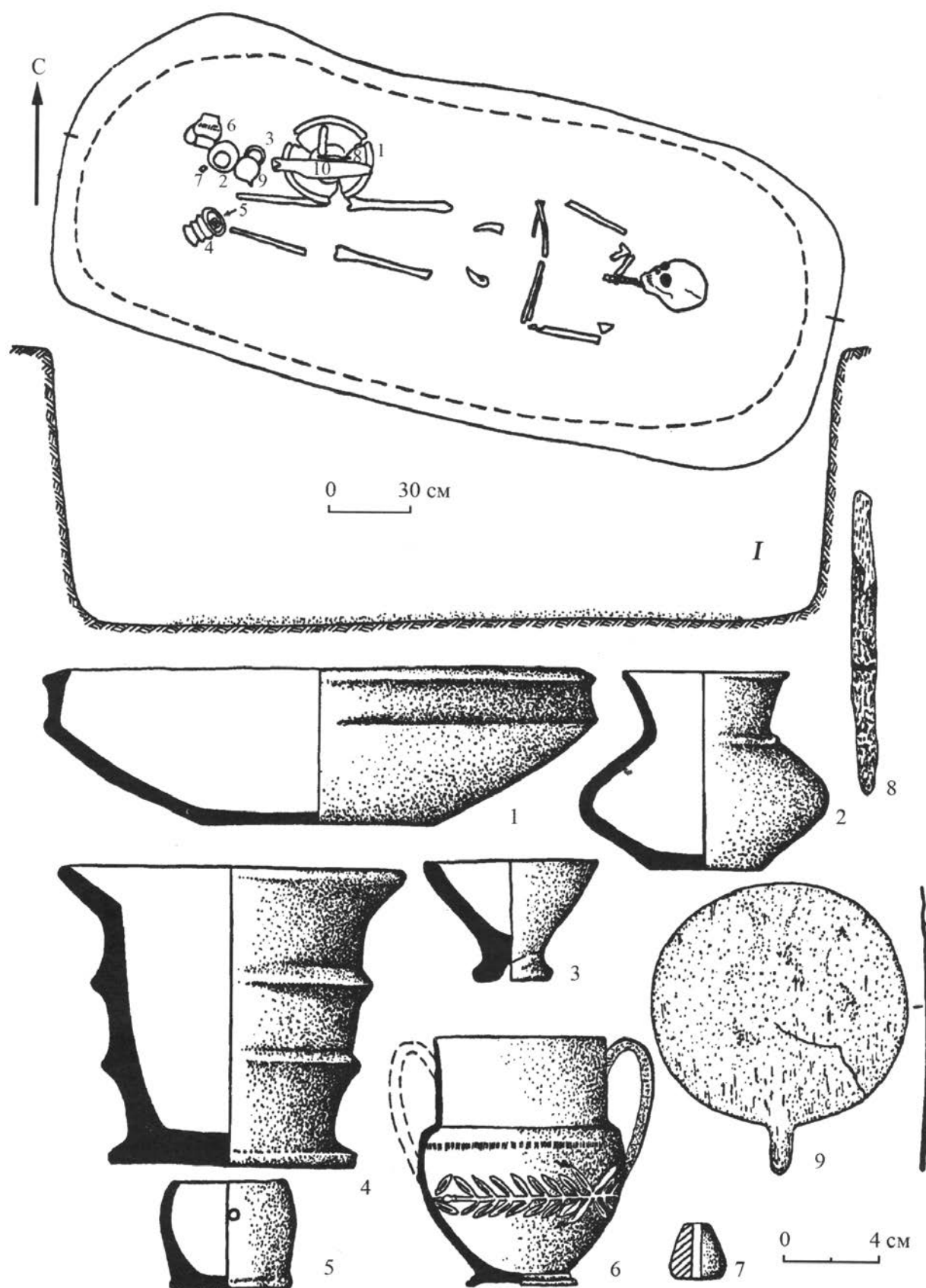

Рис. 126. I Чертовицкий могильник. Грунтовое погребение 2:

I — план и профиль погребения.

1—9 — инвентарь: 1—7 — глина; 8 — железо; 9 — бронза

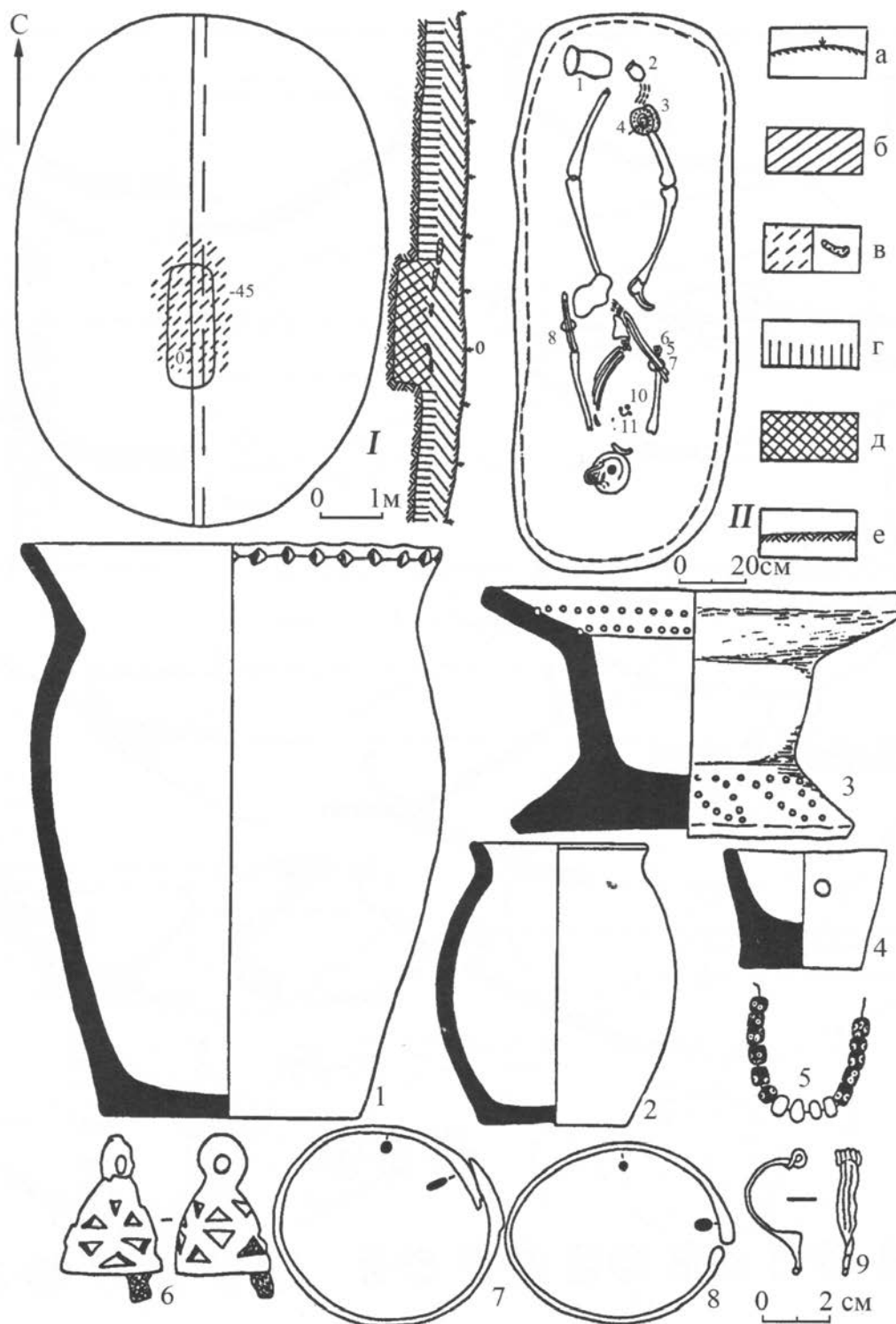

Рис. 127. II Чертовицкий могильник. Погребение курган 13:

I — план и профиль кургана:

а — дерн; б — насыпь; в — выкид; г — погребенная почва; д — заполнение могилы; е — материк.

II — погребение:

1—9 — инвентарь: 1—4 — глина; 5 — стекло; 6—9 — бронза

В то же время следы применения огня в погребальном обряде прослеживаются слабо, обычно в виде скоплений углей в насыпях курганов и лишь в одном случае — в самой могильной яме. В двух погребениях I Чертовицкого

могильника встречены куски кремня, скорее всего, являющиеся остатками огнив, символизирующие огонь. Подобные находки хорошо известны в сарматских погребениях. Во II Чертовицком могильнике огненный ритуал был

вынесен за пределы курганного пространства и совершался рядом с некоторыми погребениями в специальных сооружениях, окруженных квадратными ровиками (рис. 122, II). Они являются наиболее ранними из всех курганных могильников на Юге Восточной Европы с ровиками, так как рядом с ними совершались погребения с фибулами I в.

Поскольку, как и скифы, сарматы представляли потусторонний мир по аналогии с «миром живых», умершего в «загробное царство» сопровождал разнообразный инвентарь. Причем он всегда точно соответствовал половой принадлежности погребенного. У сарматов происходит явная дифференциация культуры на мужскую и женскую, что проявлялось в наборах инвентаря.

Керамика. Одну из наиболее многочисленных категорий находок в сарматских погребениях составляла керамика, встречающаяся главным образом в женских погребениях (рис. 128). Она включает как круговую (51 %), так и лепную (49 %) посуду, причем среди последней большую часть составляла ритуальная керамика, которую лепили сами сарматы. Среди коллекции круговой посуды в I Чертовицком могильнике преобладают сероглиняные острореберные миски — 12 экз. (рис. 128, 1) и кувшины (рис. 128, 3), привезенные с Нижнего Дона и Кубани. Там подобную посуду изготавливали меотские гончары. Но ее не хватало, и тогда местные мастера лепили миски с плавно загнутым внутрь краем и округлобоким туловом (рис. 128, 2; 129, 7—10), а иногда острореберные в подражание привозной посуде — восемь экз. Причем даже имитировали под венчиком желобки, характерные для гончарной керамики (рис. 129, 11). Эта традиция продолжится и в позднесарматских могильниках на Верхнем Дону (рис. 129, 12). В погребения ставили небольшие кубышки с биконическим туловом и раструбовидным верхом (рис. 128, 5), а также горшки грушевидной и яйцевидной формы (рис. 128, 7), характерные для сарматов.

Среди гончарной керамики выделяется серолощенный бочкообразный сосуд с горизонтальным цилиндрическим туловом, охваченным по бокам вертикальными налепными валиками (рис. 125, 5; 128, 4). У него невысокое прямое горло. Тулово и горло соединяет небольшая петлевидная ручка. В одном из боков имеется круглое отверстие,

в которое вставлялся и вынимался керамический кружок. Скорее всего, это — маслобойка. Петельчатая ручка служила для привязывания веревки, а отверстие в боку бочонка — для извлечения комка масла. Ближайшая аналогия этой находке происходит из катакомбы кургана 32 «Золотого кладбища» на Кубани²³. Недавно в могильнике на западной окраине г. Ростова найден еще один такой же сосуд. Их далекими прототипами являются деревянные долбленые бочонки из могильников Тувы и Саяно-Алтая гунно-сарматского времени.

Античный керамический импорт немногочислен. Он представлен красноглиняной и краснолаковой столовой посудой. Среди последней выделяется краснолаковый канфар в стиле «барботин» начала I в. н. э. (рис. 126, 6; 128, 11). В кургане 11/15 встречен красноглиняный бальзамарий. В таких сосудах поступали в верховья Дона драгоценные благовония.

Среди лепной посуды обращает на себя внимание серия небольших, довольно высоких горшков с насечками по краю венчика (рис. 127, 1; 128, 10; 129, 1—4). Как по форме, так и орнаментации они заметно отличались от других типов посуды, свойственных степным сарматам. Этот тип керамики восходит к местным лесостепным традициям скифского времени. Прямые аналогии этим горшочкам обнаружены при раскопках соседнего III Чертовицкого и других городищ первых веков нашей эры. Они переживут среднесарматскую эпоху — в верхнедонских могильниках позднесарматского времени они станут доминирующим типом погребальной посуды (рис. 129, 5—6).

Практически полное совпадение типов круговой посуды у степных сарматов и их лесостепных соседей свидетельствует о том, что как те, так и другие пользовались продукцией одних и тех же производственных центров Нижнего Дона и Кубани. В то же время присутствие в Чертовицких курганах серии лепных горшочков с насечками по венчику, а также округлобоких мисок местного производства придает своеобразие их керамическому комплексу.

²³ Гущина И. И. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. Санкт-Петербург, 1994. Табл. 43, 383.

Рис. 128. Сарматская керамика I Чертовицкого могильника:

- 1 — сероглиняная гончарная миска; 2 — лепная лощеная миска; 3 — сероглиняный кувшин;
4 — сероглиняный бочонок; 5 — сероглиняная чернолощеная кубышка;
6 — «вазочка» на поддоне; 7 — гончарный горшочек; 8—9 — курильницы;
10 — лепной горшок; 11 — краснолаковый римский канфар

Помимо утилитарных вещей в некоторые женские могилы ставили сосуды, специально изготовленные для погребения. Для Чертовицких могильников характерно использование парных курильниц в обычном для среднесарматской культуры сочетании малой внутри большой (рис. 126, 4—5; 127, 3—4; 128, 8—9). При этом массивные курильницы служили в качестве жаровен — в них насыпали горячие угли, а затем внутрь помещали

малые курильницы с благовониями. Под действием жара углей благовония испускали дым и запах, который должен был очистить могилу от всякой нечисти. Отметим, что в Чертовицких могильниках все они принадлежали женщинам, возможно, исполнявшим жреческие функции в рамках семьи. Кроме курильниц иногда применяли ритуальные сосудики в виде небольших вазочек на полой поддоне (рис. 128, 6).

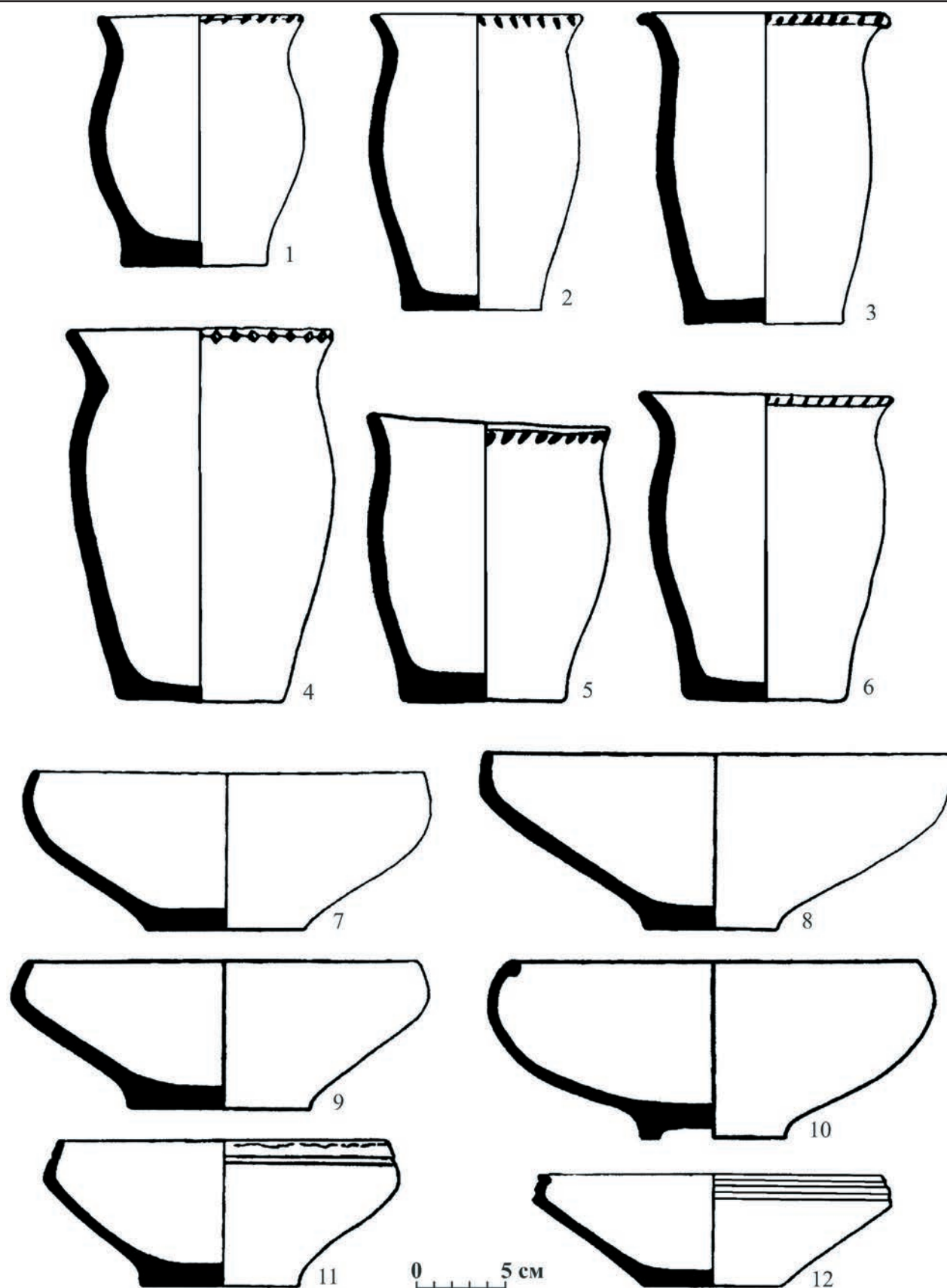

Рис. 129. Керамика местного производства из курганных могильников средне- (1—4, 7—11) и позднесарматского (5, 6, 12) времени.

І Чертовицкий могильник: 1, 7 — к. 3/42; 2 — к. 7/10; 3 — гр. погр. 4; 8 — к. 30/51; 9 — к. 32/3; 10 — к. 26/37; 11 — к. 18/44; ІІ Чертовицкий могильник: 4 — к. 13; Ново-Никольский могильник: 5 — к. 31; Вязовский могильник: 6 — к. 48; 12 — к. 12

Чертовицкие могильники выделяются обилием находок оружия (рис. 130). Оно представлено только наступательными видами вооружения: мечами, кинжалами и наконечниками стрел.

Мечи. Их найдено 13 экз. Среди них преобладают находки коротких мечей и кинжалов с прямым перекрестием и кольцевым навершием (рис. 130, 1—6). На остатках их деревянных ножен нередко сохранялись следы красной краски. К другому типу принадлежат три длинных меча с рукоятью-штырем без метал-

лического навершия, причем два имели металлические перекрестия: бронзовое (рис. 130, 7) и железное (рис. 130, 8). Они отличаются большой длиной — до 104 см. У самого длинного меча из кург. 4/9 сохранилось навершие в виде серебряного колпачка, в верхней части которого имела бирюзовая вставка (рис. 130, 8). Под рукоятью длинного меча из кургана 6/11 лежало изделие из гагата треугольной формы, покрытое сарматскими знаками (рис. 125, 2; 130, 9). Оно служило амулетом при темляке или рукояти меча. О нем речь пойдет ниже.

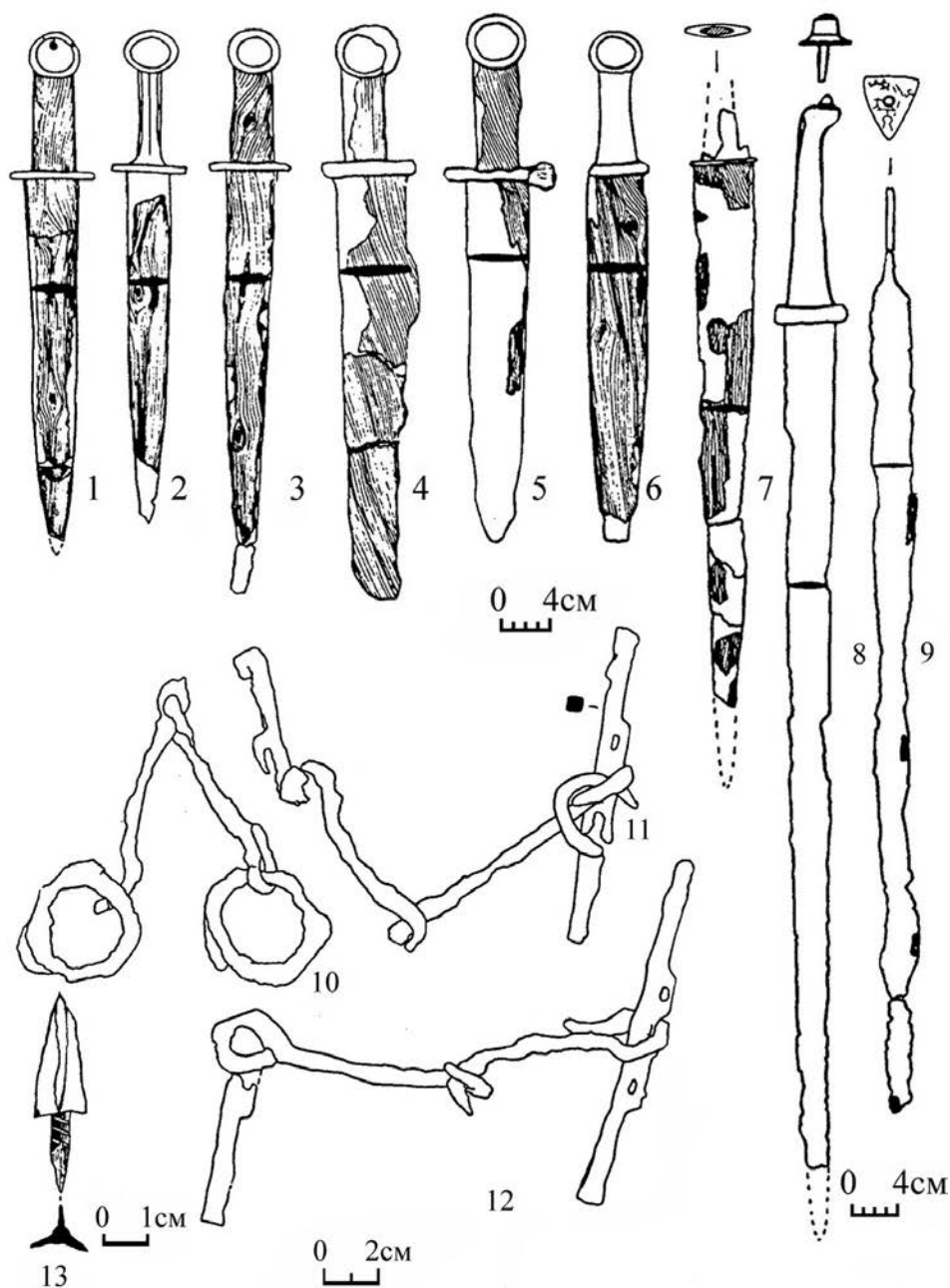

Рис. 130. I Чертовичский могильник. Вооружение и снаряжение коня:
1, 10 — к. 9/13; 2, 13 — к. 12/32; 3 — к. 13/35; 4 — к. 14/24; 5 — к. 7/47; 6, 12 — к. 19/19;
7 — к. 1/16; 8 — к. 4/9; 9, 11 — к. 6/11. 1—6, 8—12 — железо; 7 — железо и бронза

Наконечники стрел встречаются в 12 погребениях, как правило, вместе с мечами. Их найдено около 360 экз. Они входили в колчаные наборы по 30—60 штук, спекшиеся из-за коррозии в единую массу. Все наконечники железные, черешковые трехлопастные вытянутой формы высотой 2,5—3 см. Края лопастей обычно срезаны под прямым углом к черешку. На некоторых сохранившихся черешках видны следы обмотки для крепления древка (рис. 130, 13). По типу наконечников они использовались на стрелах для луков «скифского типа».

Снаряжение коня представлено удилами и псалиями — 6 экз. (рис. 130, 10—12). Удила обычные, состоят из двух звеньев. Их концы загнуты в петли, к которым крепятся кольца (рис. 130, 10) или стержневидные псалии с двумя петлями (рис. 130, 11—12). Эти находки указывают, что примерно половина погребенных мужчин были конными воинами.

И мечи, и наконечники стрел, и удила идентичны среднесарматским I — начала II в. н. э. Они свидетельствуют, что военное дело лесостепных сарматов находилось на том же уровне, что и степных. В целом захоронения с оружием и снаряжением коня встречаются в 37,2 % курганов I Чертовицкого могильника, что значительно выше, чем в степных сарматских курганах.

Орудия труда. Как и в скифское время, в разительном контрасте с богатым набором вооружения находятся редкие находки орудий труда. Значительными сериями представлены только железные ножи (рис. 126, 8) и глиняные пряслица обычной для сарматов усеченно-конической формы (рис. 126, 7). Очень близкий по составу набор орудий характерен для большинства погребений ранних кочевников, особенно сарматов. Возможно, он свидетельствует, что собственно производственная деятельность не входила в число престижных занятий кочевников. Большинство найденных в Чертовицких могильниках ножей лежали вместе с остатками мясной напутственной пищи и в данном случае использовались в качестве обычных «столовых приборов». Наоборот, находки пряслиц весьма показательны. Так или иначе, они отражают древнюю индоевропейскую культурную традицию — добропорядочная женщина все свободное время должна заниматься пря-

дением. По-видимому, у сарматов эта традиция распространилась даже на загробную жизнь женщин.

Детали одежды представлены металлическими пряжками и фибулами. Пряжки от поясов и портупей имели подвижные язычки. Помимо обычных бронзовых пряжек с круглой рамкой — 4 экз. (рис. 131, 3) — интересны находки пряжек с фигурной рамкой, так называемых «маркоманских» — в виде вытянутой трапеции, завершающейся овальной головкой (рис. 131, 2). Подобные пряжки изредка встречаются у сарматов и их соседей I в. н. э. Они свидетельствуют о принятии сарматами отдельных элементов центрально-европейской моды.

В сарматское время происходят существенные перемены в верхней одежде. В Чертовицких погребениях найдено семь фибул-застежек. Их распространение указывает на появление нового типа распашной верхней одежды, которая скреплялась такой фибулой. Четыре бронзовые фибулы являются лучковыми с подвязным приемником первого-второго вариантов (рис. 131, 5), одна фибула-брошь без эмали (рис. 131, 4), одна шарнирная римская фибула типа «Авцисса» (рис. 131, 6) (вторая найдена на III Чертовицком городище (рис. 131, 7)), и также одна фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника (рис. 127, 9). Набор подобных пряжек и фибул типичен для сарматов I в. н. э.

Зеркала. Ни у одного древнего народа нашей страны зеркала не играли в погребальном обряде столь важной роли, как у сарматов. Поэтому неудивительно, что и в Чертовицких курганах зеркала также встречались весьма часто. Они принадлежали разным типам (рис. 124, 5; 126, 9), но преобладали небольшие зеркала-подвески с гладкой неорнаментированной поверхностью (рис. 131, 1). У сарматов зеркала играли не только утилитарную, но и магическую роль. Все они были искусственно повреждены. Исследователи видят в этом обычае отражение представлений о зеркале какместилище души. Когда умирала сарматка, полагалось разбить или испортить принадлежащее ей зеркало. Это отличительный признак сарматской погребальной обрядности, проявлявшийся практически на всех этапах ее развития.

Рис. 131. I Чертовичский могильник. Предметы туалета, детали одежды, украшения, амулет:
1—7, 16—18, 20, 21 — бронза; 8 — египетский фаянс; 9 — сердолик, халцедон, гагат, стекло;
10—13 — разноцветное стекло; 14—15 — золото, 19 — гагат

Украшения. Как и повсюду в сарматском мире, женские погребения на р. Воронеж выделялись обилием украшений. Особым разнообразием отличались наборы бус: из египет-

ского фаянса в виде священных жуков-скарабеев, на обратной стороне подставки которых почти всегда был иероглиф в картуше (рис. 124, 11—27; 131, 8), львы на подставке (рис. 124,

37—46; 131, 8), лягушки (рис. 124, 28—29; 131, 8), голова младенца Гора (рис. 124, 32), подвески-амфорки (рис. 124, 30—31), округло-ребристые (рис. 124, 33), а также мозаичные бусы многоцветного стекла (рис. 131, 10, 13), в том числе с пастовыми вставками в виде женского лица (рис. 124, 34—35; 131, 11—12), стеклянные глазчатые, с глазчато-крестовидным и спиральным орнаментом (рис. 131, 9), а также простые пастовые. Бусы из полудрагоценных камней не очень многочисленны (рис. 124, 47—53; 131, 9). Они изготовлены из гагата, сердолика, халцедона, горного хрусталя. Как правило, из них состояли ожерелья. Отметим, что у сарматок низовьев р. Воронеж бусы для обшивки краев одежды не использовались.

Вместе с бусами в ожерелья входили бронзовые колокольчики в виде простых колпачков (рис. 124, 9) и более массивные с ажурными прорезями (рис. 124, 8; 131, 20), а также амулетницы в виде «спаренных» ведерок (рис. 131, 21). В них вставлялись кусочки ткани, пропитанной благовониями. Так что сарматские дамы привлекали мужчин не только своей красотой, яркой раскраской, запахом благовоний, но и мелодичным звоном колокольчиков. Для макияжа сарматки широко использовали мел и румяна красного, пунцового и алого цвета. Их полный набор встречен вместе с дорогими украшениями в погребении кург. 5/40 I Чертовицкого могильника.

Прочие металлические украшения представлены серебряной гривной (рис. 131, 17) и бронзовыми браслетами (рис. 131, 16, 18), серебряным перстнем (рис. 124, 10), золотым

височным кольцом (рис. 131, 14) и парой золотых фигурных сережек с разноцветными стеклянными вставками (рис. 124, 6—7; 131, 15). Набор украшений из курганов на р. Воронеж полностью соответствует моде, утвердившейся в сарматском мире в начале нашей эры.

Амулет с тамгами. Для изучения культуры и мировоззрения населения бассейна р. Воронеж большое значение имеет предмет из погребения кург. 6/11 I Чертовицкого могильника, найденный рядом с рукоятью длинного меча (рис. 125, 2; 131, 19). Он изготовлен из гагата в форме равнобедренного треугольника со сторонами 7,1×7,3×5,5 см и круглым отверстием в центре. Скорее всего, такие изделия служили не только деталями портупеи, но и магическими амулетами. На это указывает наличие на его внешней поверхности четырех знаков и еще одного на одной из боковых сторон. Они процарапаны уже после изготовления амулета. Их принадлежность сарматским тамгам сомнений не вызывает. При этом знак в верхнем левом углу близок царской тамге Аспурга — основателя так называемой «сарматской» династии боспорских царей. Эта находка дает ключевой аргумент в пользу сарматской принадлежности населения в бассейне р. Воронеж. Они знали, понимали и умели наносить сарматские тамги, а значит, по своему мировоззрению были сарматами. В то же время в обрядности и инвентаре Чертовицких могильников проявляется локальное своеобразие, позволяющее уточнить конкретную племенную принадлежность лесостепных сарматов.

Глава 5. САРМАТЫ-КОНЕЕДЫ

Помимо вещей в погребальном ритуале сарматов важное место занимала заупокойная мясная пища. По этому важному показателю между сарматами-степняками и сарматами лесостепного Подонья заметны существенные различия. Если сарматы-кочевники первых веков нашей эры. использовали в качестве жертвенной пищи чаще всего лопатку барана в естественном сочленении с костями ноги, то их лесостепные соседи предпочитали оставлять в тризнах и погребениях черепа лошадей. Они встречены в шести насыпях и трех погребениях, а кости барана — лишь в одном. Эти находки, скорее всего, могут указывать на преобладание в стаде сарматов, обосновав-

шихся по берегам р. Воронеж, лошади. Скорее всего, природно-климатические особенности региона способствовали складыванию в Донской лесостепи особой модели скотоводческого хозяйства, в которой определяющую роль играло разведение лошадей.

Как свидетельствует весь накопленный к настоящему времени этнографический и археологический материал, скотоводы, получавшие ковыльно-разнотравные участки, занимались преимущественно разведением лошадей, мелкотравчатые степи использовались для выпаса овец, а сухие степи — для верблюдов²⁴.

²⁴ Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. С. 37.

Если исходить из этой зависимости, то становится понятно, почему в стаде лесостепных сарматов возобладали лошади.

Однако одного благоприятного фактора для столь существенной перестройки в хозяйстве кочевников было недостаточно. Сарматы, как и все номады, крепко держались за свои степные традиции, за привычный состав стада. Нарушить их мог, по-видимому, только сильный неблагоприятный фактор. В лесостепном Подонье им мог быть более высокий, чем в степи, снежный покров. Его толщина к концу зимы составляла 12—14 см, а в Подворонежье иногда достигала до полуметра²⁵. Поэтому в условиях донской лесостепи подвижное экстенсивное скотоводство могло развиваться лишь при наличии в стаде большого количества лошадей. Лошадь — единственное домашнее животное средней полосы Евразии, способное зимой из-под снега добывать корм. В нашем регионе коневодческий уклон в полной мере проявился уже в хозяйстве среднедонского населения скифского времени²⁶.

Здесь необходимо учесть, что на рубеже эр климат на Юге России был несколько иной — более жаркий и менее влажный с малоснежными зимами²⁷. Недавние палеопочвенные исследования в нагорной части долины р. Воронеж, в том числе на памятниках у с. Чертовицкое, показали, что в сарматское время здесь имело место восстановление степных условий на участках, занятых сейчас лесом²⁸. Это не могло не способствовать распространению полукочевого хозяйства на север — в глубинные районы лесостепи. Археологическим отражением этих процессов являются большие курганные могильники, возникшие на Воронеже, а затем на Верхнем Дону во II—III вв. н. э.

Появление в лесостепных районах Подонья больших курганных могильников свидетельствует о прочном освоении степняками этой ландшафтной зоны и обретении ими здесь новой родины. Комплексный анализ их мате-

риалов позволил выявить некоторые существенные трансформации, которые сарматы претерпели в лесостепи в результате вынужденной адаптации к новым природным условиям. Их материальная культура имела выраженный среднесарматский облик — вплоть до использования сарматских тамг. В то же время экологические условия лесостепного Подонья способствовали сложению у перекочевавших сюда сарматов *особой модели скотоводческого хозяйства*. В их хозяйственном укладе прослеживаются явные признаки развитого коневодства, что нашло отражение в характере жертвенной пищи.

Именно в связи с описанными выше хозяйственными и ритуальными особенностями нужно искать решение вопроса о племенной принадлежности населения, оставившего воронежские могильники I — нач. II в. н. э. Необходимые сведения по древней этногеографии интересующего нас региона содержит «Географическое руководство» греческого географа из Александрии Клавдия Птолемея. Лишь у него мы находим сообщение о стране, включавшей в себя современное лесостепное Подонье. Как известно, Птолемей разделит Восточную Европу на Европейскую и Азиатскую Сарматии. Границей между ними он положил реку Танаис. Если сопоставить карту Птолемея с территорией, занятой лесостепным Подоньем, то его Левобережье попадает в Азиатскую Сарматия. Поэтому если принять во внимание, что интересующие нас сарматские памятники I — начала II в. находятся в Левобережье, то и соответствующий им этноним следует искать в пределах Азиатской Сарматии.

Азиатская Сарматия включала все Волго-Донское междуречье и полосу земель в Заповолжье²⁹. У Птолемея ее этногеографическое описание сводится к перечислению населяющих ее племен, начиная от крайних северных пределов обитаемого мира и кончая областями, прилегающими к Кавказу. Нас, естественно, будут интересовать лишь те, которые локализируются только в ее северной половине — выше сближения Танаиса (Дона) и Ра (Волги). Птолемей называет их в следующей последовательности: «Сарматия занимают в мест-

²⁵ Шипчинский А. Снежный покров в Воронежской губернии. Воронеж, 1926.

²⁶ Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. С. 62.

²⁷ Демкин В. А., Лукашев А. В. Почвенно-ландшафтные условия Северо-Западного Прикаспия // РА. 1993. № 4. С. 51.

²⁸ Чендев Ю. Г. Почвы и природная среда бассейна реки Воронеж во второй половине голоцена // Почвоведение. 2002. № 4. С. 389—398.

²⁹ Скрипкин А. С. О географическом положении Азиатской Сарматии и ее населении // Культура древних народов Степной Евразии и феномен протгородской цивилизации Южного Урала. Челябинск, 1994. Кн. 2. С. 84—87.

ности, прилегающей к неизвестной земле, сарматы-гипербореи, ниже их — сарматы царские, народ модоки и сарматы-гиппофаги, а еще ниже их — закаты, свардены и асэи, затем вдоль северного поворота реки Танаиса — многочисленный народ перизрбиды...» (Географическое руководство: V, 8, 16). По своему местонахождению явно не подходят мифические сарматы-гипербореи на крайнем севере Азиатской Сарматии и перизрбиды, которые локализуются где-то в степной части Среднего Дона. Из птолемеевского списка обращает на себя внимание лишь этноним **сарматы-гиппофаги** — буквально «конееды».

В свете выше выявленной специфики коневодческого уклада под этим этнонимом, скорее всего, могли скрываться сарматы центральных районов Донской лесостепи, оставившие могильники на р. Воронеж. «Только в тех случаях, когда нам достаточно подробно известны все обстоятельства возникновения иноназвания, может оно дать нам сколь-нибудь ценную этногенетическую информацию»³⁰. Кажется, этим требованиям отвечает вопрос о сарматах-гиппофагах.

Сарматы-гиппофаги — не самоназвание, а иноназвание («прозвище»), но этнографически обусловленное. Степные сарматы не могли не заметить существенной особенности их северных соседей, проявлявшейся в составе стада, а значит, и в пище, в том числе ритуальной. Подобный способ образования названий соседей по особенностям пищевого рациона широко распространен в античном мире («галактофаги», «ихитофаги», «ситофаги» и др.).

Таким образом, проведенное выше сопоставление, с одной стороны, результатов сведений античного автора, а с другой — данных современной археологии, в конечном итоге позволило получить новое знание, которое невозможно было бы извлечь из тех же источников при их анализе порознь. Археология дает возможность точно локализовать владения сарматов-конеедов. По данным археологии, они представляли отдельную этнографическую группу, входившую в мир сарматских народов, обитавших по р. Танаис. О их облике и обычаях дает некоторое представление рисунок 132.

Рис. 132. Сцена из жизни сарматов-гиппофагов (реконструкция Я. П. Мулкиджаняна)

³⁰ Дьяконов И. М. К методике исследования по этнической истории. С. 91.

Глава 6. ГОРОДИЩА САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА Р. ВОРОНЕЖ

Однако сарматы-гиппофаги не были единственными обитателями центральных районов лесостепи в первые века нашей эры. На правом берегу реки Воронеж рядом с курганными могильниками находились синхронные им городища. Сравнительное исследование материалов курганов и городищ позволяет изучить характер взаимовлияния культур пришлого кочевого и оседлого местного населения.

Слои с материалами сарматского времени открыты не менее чем на десятке верхнедонских городищ и более чем в сотне поселений (рис. 113). Их картографирование свидетельствует о том, что на Среднем Дону, плотно заселенном в скифское время, к началу нашей эры практически не оказалось следов оседлости — здесь известны только сарматские курганы. Она «переместилась» на север, в глубь лесостепи, где, судя по всему, сохранилось много лесов. Да и сейчас самое крупное городище сарматского времени — Каверинское в Левобережье Воронежа — находится в центре большого леса — Воронежского биосферного заповедника.

Среди поселений первых веков нашей эры наиболее исследованным памятником является III Чертовицкое городище (рис. 133, 1). Здесь в 80—90-х годов проводила раскопки Скифо-Сарматская экспедиция Воронежского университета³¹. Городище занимает высокий вытянутый мыс коренного берега Воронежа, примерно в 0,5 км к северу от I Чертовицкого могильника. От него оно отделено глубокой балкой. Городище выделяется наличием мощной системы укреплений общей протяженностью около 1,5 км, состоящей из рвов и валов. Въезд на городище защищали две линии укреплений с высотой вала 6—7 м (рис. 133, 2).

Исследование системы укреплений III Чертовицкого городища показало, что здесь около рубежа нашей эры были проведены огромные по объему земляные и строительные работы. Возведение явно в спешке столь сложных и трудоемких дерево-земляных укреплений нельзя объяснить иначе как *сарматским*

синдромом — резко возросшей к началу нашей эры угрозой вторжения кочевников. В начале XXI в. во внутреннем валу найден железный наконечник сарматской стрелы. Такие же сарматские черешковые трехлопастные наконечники стрел обнаружены в валах и слое других верхнедонских городищ: Вертячьего, Сырско-го, Каверинского и др. Но даже мощные укрепления III Чертовицкого городища не помогли его жителям устоять перед сарматами — в начале I в. н. э. рядом с городищем начинают сооружаться сарматские курганы I Чертовицкого могильника. Хорошо известно, что скопление курганов кочевников обычно указывает на то, что поблизости располагался их зимник. Находки на III Чертовицком городище свидетельствуют, что, скорее всего, сарматы пребывали на нем в самое трудное для кочевников время — поздней осенью и зимой.

В разительном контрасте с внушительными укреплениями находится культурный слой городища мощностью всего до 0,4 м, весьма слабо насыщенный находками. На этом и других городищах среди лепной керамики присутствуют небольшие горшки с довольно высоким, иногда слегка раздутым в средней части туловом и плавно отогнутым наружу венчиком, край которого орнаментирован косыми насечками (рис. 134, 1—3). Это тот самый тип лепных горшков, который чаще всего встречался в сарматских погребениях Чертовицких могильников (рис. 129, 1—4).

Однако на верхнедонских городищах преобладали не они, а более крупные горшки с прямым раструбовидным венчиком, орнаментированным косыми насечками, мелкими ромбическими вдавлениями, реже без орнамента (рис. 134, 4). Как и первый тип горшков, он формируется у лесостепных племен на основе более ранней местной скифоидной традиции в последние века I тыс. до н. э., а с рубежа нашей эры он доминирует на городищах от Дона до Днестра. Гораздо реже на городищах первых веков нашей эры встречались горшки сарматских типов с характерным яйцевидным туловом (рис. 134, 5—7). Кроме горшков в слое и жилищах найдены округлобокие лепные миски того же типа, что и в I Чертовицком могильнике (рис. 134, 8), а также крышки сосудов (рис. 134, 17), которые раньше не встречались, и небольшие вазочки на полых поддонах.

³¹ Медведев А. П. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. С. 42—84.

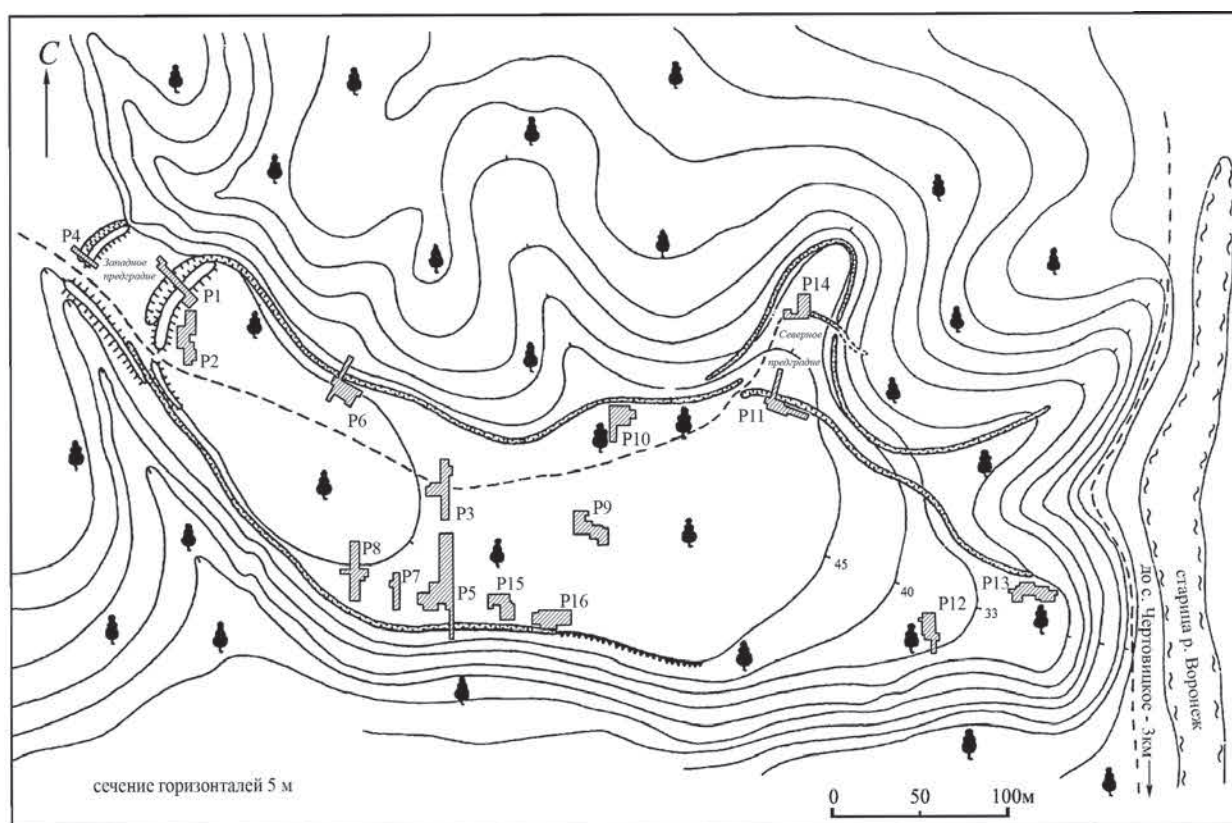

Рис. 133. III Чертовицкое городище:
1 — план; 2 — внутренний вал и ров (фото с запада)

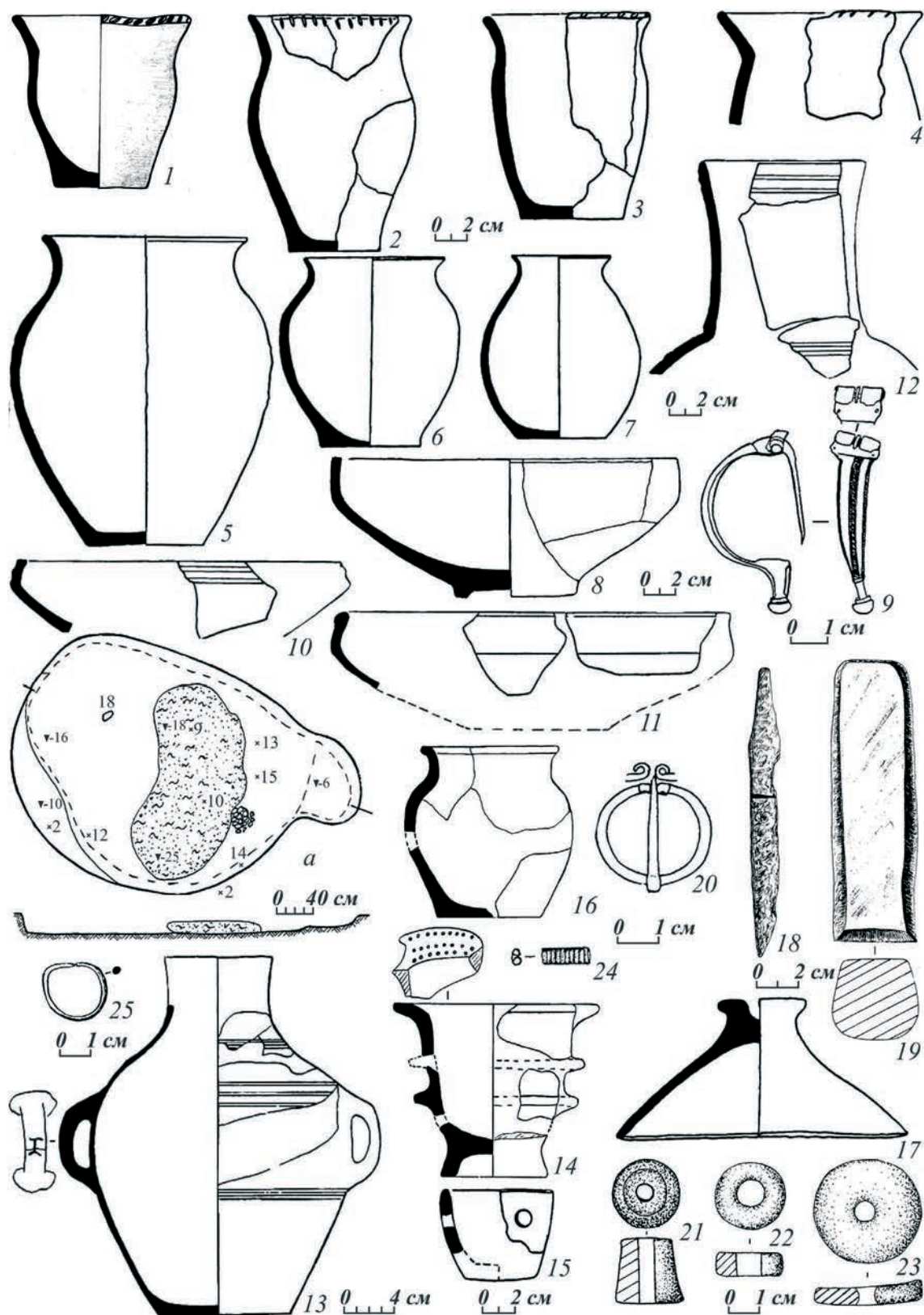

Рис. 134. Материалы городищ сарматского времени на р. Воронеж. III Чертовичское городище, находки из построек: № 3 (а, 13—14, 16) и № 8 (8, 9); из слоя (1—4, 10—12, 15, 17—24). Животинное городище, постройка № 1 1982 г. (5—7)

На III Чертовичском и других городищах в небольшом количестве попадалась гончарная керамика: фрагменты сероглиняных ми-

сок (рис. 134, 10—11) и кувшинов (рис. 134, 12). Ее набор практически тот же, что и в погребениях Чертовичских могильников. Но там она

представляет почти половину керамического инвентаря, тогда как на городище — лишь 13,6 %.

На этом городище впервые открыты остатки сарматских наземных построек округлой формы (не менее четырех), что-то вроде легких юрт, отапливаемых очагами. Они резко отличались от прямоугольных столбовых жилищ лесостепной традиции. Скорее всего, они свидетельствуют о проживании сарматов на городище в холодное время года. Наиболее интересные материалы содержала слегка углубленная постройка 3 размерами 3,2×4 м (рис. 134, а). Рядом с большим очажным пятном расчищен развал высокого сероглиняного двуручного кувшина центральнокавказского производства (рис. 134, 13). На его ручке имелась сарматская тамга. На полу постройки собраны фрагменты сарматской ребристой курильницы (рис. 134, 14). Фрагменты малой курильницы с отверстием в стенке найдены в культурном слое (рис. 134, 15). Из постройки 8 происходит округлобокая миска (рис. 134, 8) и фибула Авцисса (рис. 134, 9).

Датирующий материал III Чертовицкого городища немногочислен, но весьма показателен. В слое найдено несколько фрагментов античных амфор второй половины III в. — первой половины I в. н. э. Их находки свидетельствуют о продолжении жизни на городище в последние века I тыс. до н. э., то есть еще до появления здесь сарматов. Но редкость античного импорта указывает на то, что жизнь на поселении в то время еле теплилась. К началу I в. н. э. здесь появляется характерная для сарматов сероглиняная керамика и хорошо датирующиеся находки, такие как римская фибула «Авцисса» (20—70-е г. I в.), найденные в постройке 8. Сарматы оставили на городище и другие следы: железные ножи с прямым лезвием (рис. 134, 18), точильные бруски из сероголубоватого камня (рис. 134, 19), бронзовую пряжку-сюльгаму (рис. 134, 20), пряслица усеченно-конической формы (рис. 134, 21) и плоские (рис. 134, 22—23).

Хронологический анализ погребений I Чертовицкого могильника показал, что сарматы-гиппофаги пребывали по соседству с III Чертовицким городищем как минимум 60—80 лет, то есть в течение жизни примерно двух-трех поколений. За это время вполне могли установиться прочные культурные, хозяйственные и брачные связи между двумя различными группами населения. Именно от обитателей

городища к сарматам попадали некоторые типы местной керамики. Это округлобокие лощенные миски и небольшие горшки, орнаментированные по венчику косыми насечками. Оказалось, что захоронения, содержащие эту керамику, принадлежали женщинам. Но любопытно, что они совершались по сарматскому ритуалу и сопровождались характерным для сарматов инвентарем: курильницами, зеркалами и т. п. (рис. 127). Скорее всего, эти погребения оставлены представительницами коренного населения, включенными в сарматские семейно-родовые группы в результате брачных контактов.

Открытые в последнее время следы пребывания сарматов на многих лесостепных городищах, с одной стороны, и наличие местной лепной керамики в сарматских погребениях — с другой, а также близкое расположение сарматских могильников и лесостепных городищ может свидетельствовать о начавшихся процессах миксации сарматов-гиппофагов и коренных обитателей Донской лесостепи. Вышеописанные материалы отражают начальный этап интеграции пришлого сарматского и автохтонного лесостепного населения в бассейне р. Воронеж. Нет сомнений, что ее «инициаторами» выступали воинственные сарматы. Если привлечь сравнительный этнографический материал о взаимодействии кочевых и оседлых обществ, в том числе и в сарматскую эпоху, то отношения обитателей городищ с сарматами-гиппофагами, скорее всего, сводились к каким-то формам зависимости, покровительства, данничества. Возможно, на это указывает полное отсутствие в I Чертовицком могильнике орудий производства при обилии находок оружия. Здесь почти 40 % погребений принадлежало воинам со стандартным набором среднесарматского вооружения.

С начала нашей эры властелинами Донской лесостепи стали выходцы из степи — сарматы, а затем и их потомки от браков с местными женщинами. Видимо, в первые века нашей эры на р. Воронеж в какой-то степени повторилась этнополитическая ситуация, существовавшая на Среднем Дону в скифское время. Только теперь роль хозяев Донской лесостепи играли сарматы, а затем и их потомки от смешанных браков с местными женщинами. Эти процессы получили дальнейшее развитие во II—III вв., когда на Верхнем Дону появились курганные могильники с местными лесостепными и позднесарматскими чертами.

Глава 7. ПОГРЕБЕНИЕ ЛИПЕЦКОЙ «ЦАРИЦЫ»

В течение трех десятилетий археологические памятники сарматов были известны лишь в низовьях р. Воронеж. Однако в 2005 г. при проведении охранных работ экспедицией Воронежского университета в кургане у с. Ленино Липецкого района Липецкой области открыто сарматское погребение самого высокого социального ранга. Оно обозначилось в насыпи мощным могильным выкидом из суглинка, лежавшим чуть выше погребенной почвы. Сарматское захоронение было впущено в небольшую насыпь кургана эпохи бронзы и получило название «погребение 2». После его совершения насыпь была досыпана. К началу раскопок ее высота составляла 3,5 м при диаметре до 50 м.

Погребение 2 находилось в большой грунтовой прямоугольной яме размерами 3,5×5,5 м с сильно скругленными углами (рис. 135). Могила, скорее всего, была перекрыта сверху на-

катом, поверх которого уложен материковый выкид. При зачистке могильного пятна от него по всему периметру осталась полоса суглинка шириной до 20 см. Могила ориентирована продольной осью по линии ЮВ — СЗ. Уже при зачистке могильного пятна стали попадаться обрывки золотой и серебряной фольги, а также фрагменты краснолакового кувшина и тарелки (рис. 136, а).

Захоронение оказалось почти начисто ограбленным, причем вскоре после его совершения, а затем в XVIII—XIX вв. Древние грабители, вероятно, вытащили останки погребенной вместе с одеждой и дорогими украшениями наружу, поэтому в могиле никаких следов ее скелета не обнаружено. Но и того немногого, что осталось от погребения, вполне достаточно, чтобы оценить его культурную принадлежность и определить социальный ранг.

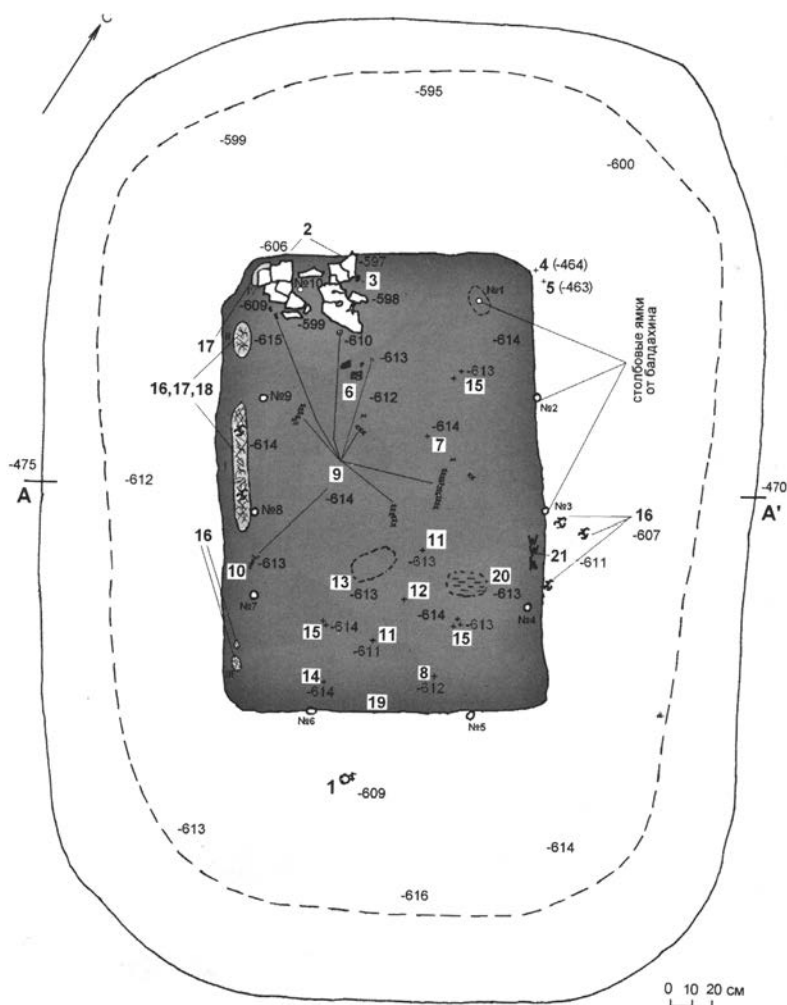

Рис. 135. План погребения 2 Липецкого кургана

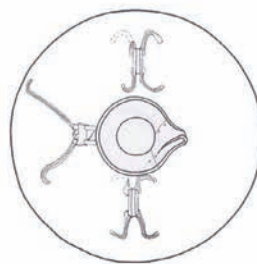
Отметим, что в центральной части пол могилы был покрыт слоем коры и бересты, окрашенной в красный цвет. На нем сохранились сотни находок, из которых укажем наиболее важные.

В юго-восточной части могилы на уровне пола лежало литое бронзовое кольцо с фигур-

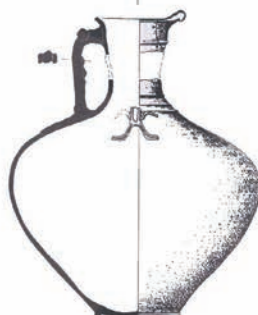
кой горного козла (рис. 136, 1). Вторая фигурка, симметрично располагавшаяся на другой половине кольца, отломана в древности. Это деталь снаряжения коня (псалия), аналогии которой изредка встречаются в элитарных сарматских погребениях начала нашей эры³².

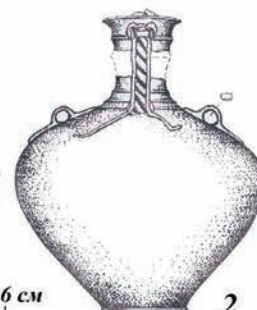
a

3

0 6 см

2

Рис. 136. Липецкий курган. Погребение 2: *a* — могильная яма в процессе расчистки; 1 — бронзовое кольцо с фигурой горного козла; 2 — большой сероглиняный кувшин; 3 — краснолаковый амфориск

³² Засецкая И. П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. 1979. Вып. XX. С. 97, 110—111, рис. 14.

В северо-западной части могилы находился развал *большого сероглиняного кругового кувшина* (рис. 136, 2). Сосуд необычен. Его поверхность светло-серого цвета с вкраплениями слюды. Тулово кувшина округлобкое, плавно сужается ко дну с невысоким поддоном. Венчик имеет носик-слив. У кувшина три ручки. Большая ручка в виде плетенки из двух жгутов, по бокам ее зажимали две плоские пластины. Сверху к ручке прикреплен налп, имитирующий шарнир, а снизу примыкает налпной орнамент в виде «усов». Еще две небольшие петлевидные ручки, украшенные парой канелюр, прикреплены к плечикам кувшина. Вокруг петлевидных ручек снизу и сверху имеются жгутовые налпы, составляющие тщательно изготовленные рельефные тамги в виде буквы *χ* (рис. 136, 2а). Под развалом сероглиняного кувшина найдены *две бронзовые фибулы* плохой сохранности. Они относятся к ранней группе сильнопрофилированных фибул причерноморских типов второй половины I в. — начала II в.³³ Восточнее развала сероглиняного кувшина найдены фрагменты раздавленного *краснолакового амфориска* I в. н. э. (рис. 136, 3).

На полу могилы расчищен настил из коры, окрашенной в красный цвет. Он имел прямоугольную форму размерами 1,4×2 м. На настиле сохранились остатки ткани с золотым узорчатым шитьем — *китайской парчи* (рис. 137, 1). Здесь собраны тысячи золотых нитей от парчевой ткани, а также золотые бляшки, оставшиеся от расшивки погребальной одежды, — 242 экз. (рис. 138). Они изготовлены из тонкого золотого листа путем штамповки и представляют не менее 10 типов. Бляшки находят полные аналогии в сарматских курганах «царского» ранга³⁴.

Помимо бляшек на полу найдено *золотое украшение* (рис. 137, 2). Оно состояло из ряда золотых четырехлистников с эмалевыми вставками, соединенных двойными рубчатыми золотыми пронизками. Подобные украшения известны в сарматских погребениях «царского» ранга, в частности, в кургане Хох-

лач на Нижнем Дону³⁵ и Соколовой могиле на Южном Буге³⁶.

В южной части настила лежали *две золотые обоймочки-оковки* (рис. 137, 3). Обе изготовлены из тонкой прямоугольной пластинки размерами 0,7×1,2 см, согнутой вдвое. В одной оковке сохранился золотой стержень, расклепанный по краям, при помощи которого она крепилась к венчику сосуда из дерева. Такие небольшие сосуды-кубки с золотыми оковками по венчику неоднократно встречались в богатых среднесарматских погребениях, в том числе в кург. 16 могильника Третьяки.

На настиле пола могилы находился серебряный сосуд, разбитый на мелкие фрагменты, который не удалось собрать, бусины, бисер, фрагменты краснолаковой миски, обломки тарелок красного и синего стекла. В южной части настила встречены куски румян пунцового и розового цвета. Судя по находкам кусков румян и украшений, в могиле была погребена знатная женщина.

Помимо перечисленных находок на полу могилы в большом количестве встречались обрывки серебряной фольги. После того, как могила была расчищена, стало ясно ее назначение. Над погребенной был возведен балдахин из дорогой пурпурной ткани сине-фиолетового цвета. Он держался на десяти шестах, обернутых серебряной фольгой как спиралью. От них сохранились небольшие ямки с серебряной фольгой по краям.

Ткань балдахина была украшена золотыми зооморфными аппликациями, скорее всего, крепившимися на ее внутренней стороне так, что они находились перед «взором» погребенной. Фигурки были наклеены на ткань, о чем свидетельствуют остатки коричневатой массы на их внутренней стороне, и лишь некоторые (олени) имели мелкие отверстия для прикрепления. Грабители смяли и сбросили этот покров в сторону (видимо, легкое золото их не заинтересовало), поэтому большая часть золотых аппликаций лежала вдоль западной и отчасти северной стенки могилы. Они представляли три вида животных, выполненных в одном и том же художественном стиле.

³³ Сергацков И. В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 109.

³⁴ Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. Санкт-Петербург, 2011. С. 197—211, рис. 102а.

³⁵ Там же. С. 203, илл. 103.

³⁶ Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986. С. 66, рис. 69.

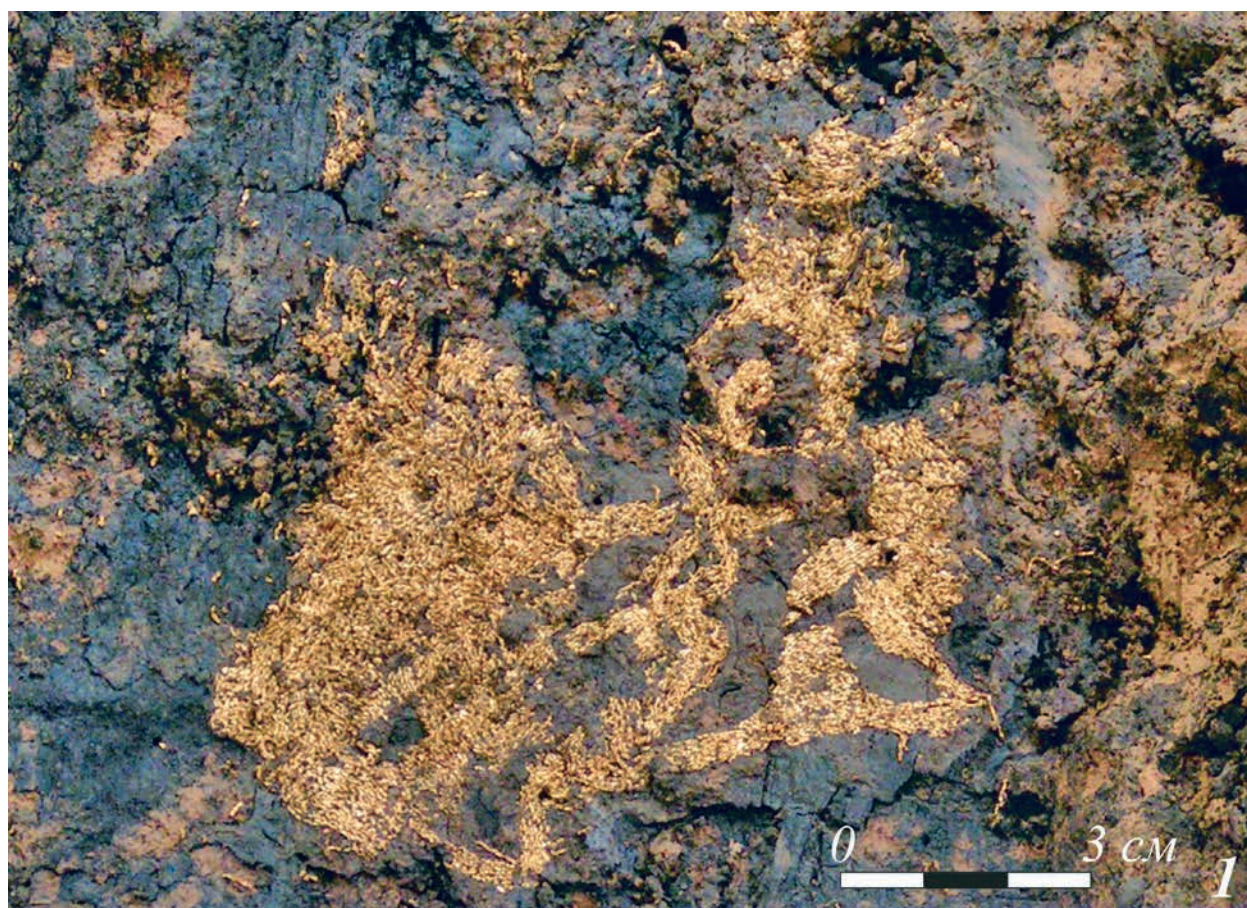

Рис. 137. Липецкий курган. Погребение 2: 1 — остатки китайской парчи на настиле пола; 2 — золотое украшение из четырехлистников и рубчатых пронизок; 3 — золотые обоймочки-оковки

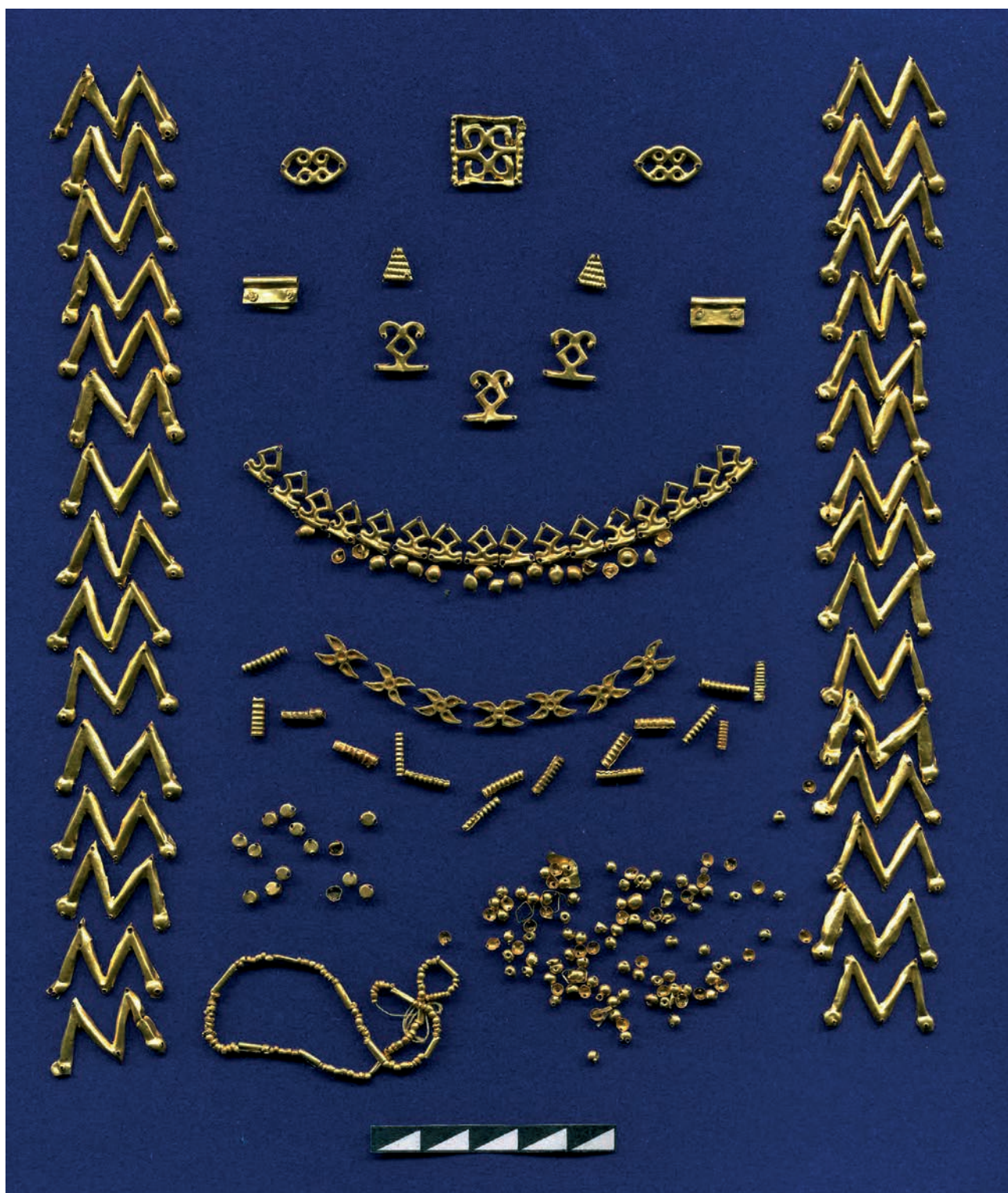

Рис. 138. Липецкий курган. Погребение 2. Золотые бляшки и украшения

1. Олени — 4 целых и по фрагментам рогов еще не менее 5 экз. (рис. 139, 1). У них тонкие длинные шеи, высоко поднятая голова, увенчанная парой симметричных ветвистых рогов, заостренное ухо опущено к шее. Туловище непропорционально «худое», поджарое, копыта подчеркнута острые. Длина фигурок оленей 11,5 см, высота от кончиков рогов до ко-

пыт 14,5 см. В сарматском искусстве изображения оленей встречаются не так часто, как в скифском. Ближе всего липецкие аппликации к вырезанным из золотой фольги фигуркам оленей из погребения кургана 10 Кобяково на Нижнем Дону. Но кобьяковские олени уступают по размерам и качеству исполнения липецким.

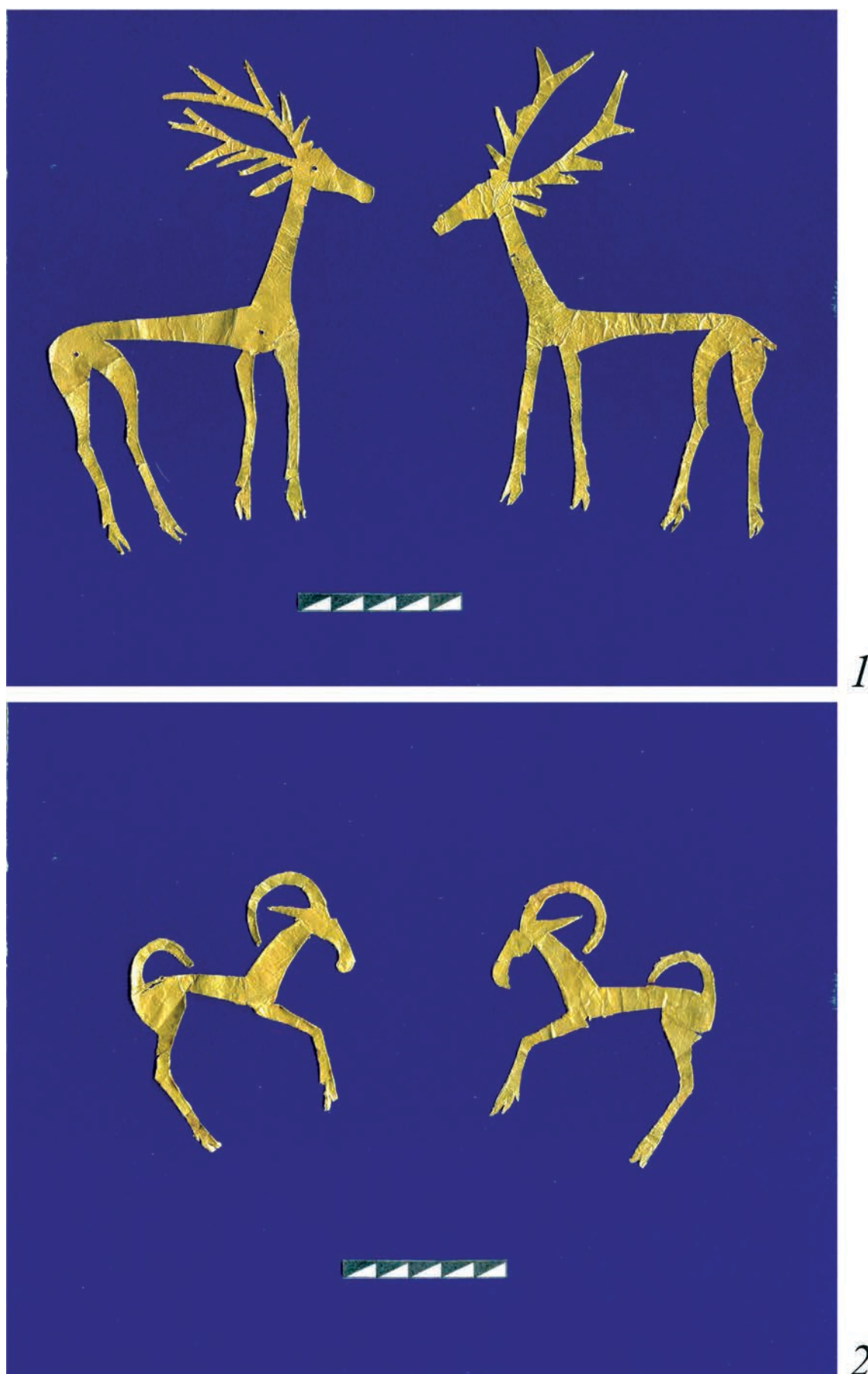

Рис. 139. Липецкий курган. Погребение 2. Золотые аппликации:
1 — олени; 2 — горные козлы

2. *Горные козлы* — не менее 12 целых экзепляров и еще несколько во фрагментах (рис. 139, 2). Представляют практически идентичные профильные силуэты, вырезанные по одному шаблону из тонкого листового золота, но зеркально — одни стоят головой вправо, другие — влево. Длина фигурок козлов — около 7 см, высота от концов рогов до копыт — 7,5 см. Следует отметить, что их силуэты практически повторяют фигуру животного на литом бронзовом кольце. Аппликации передают спокойное движение животных — их ноги слегка согнуты в коленях, хвост и рога дугообразно загнуты, а концы почти касаются спины. Морды животных вытянуты и отличаются подчеркнутой «горбоносостью». Подобный стилизационный прием характерен для сарматского звери-

ного стиля, не стремившегося абсолютно точно передать вид животного. Липецкие козлы точных аналогий не имеют. Они обнаруживают отдаленные аналогии на головном уборе из кург. 46 станицы Усть-Лабинской³⁷.

3. *Орел*. Балдахин украшала золотая фигура могучей хищной птицы, скорее всего, орла (рис. 140). Его фрагменты в виде двух скопленных золотой фольги обнаружены ближе к западной стенке могилы в сильно поврежденном виде рядом с фигурками козлов и оленей³⁸. Полотно балдахина вместе со всеми аппликациями оказалось сложенным грабителями в несколько слоев. Большинство деталей аппликации орла найдены оторванными и смятыми. Однако Л. Ю. Гончаровой удалось из фрагментов собрать практически всю птицу³⁹.

Рис. 140. Липецкий курган. Погребение 2. Золотой орел

Орел изображен стоящим анфас с широко распростирытыми крыльями. Их размах достигает 57 см. Фигура птицы выполнена в ажурной технике, ее туловище представляет собой сетку из золотых параллельных и скрещивающихся полос, оставляющих полые ячейки между ними. Крылья также ажурные, верхняя их часть состоит из двойных дуг, соединенных в центре перемычкой, что вместе образует Х-образные фигуры. Верхнюю часть крыла от нижней отделяет прямая горизонтальная полоска, нижнюю часть составляют спускающиеся вниз полоски, изображающие перья. Хвост веерообразной формы повернут вправо. Он выполнен из таких же полосок. Лапы птицы мощные, с загнутыми вниз когтями, сзади заметны шпоры. На лапах сохра-

нилось по паре отверстий для прикрепления к ткани балдахина. Шея орла передана параллельно расположенными полосками-дугами. Голова, к сожалению, не сохранилась, но, судя по расположению хвоста, она была повернута вле-

³⁷ Засецкая И. П. О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля // ВДИ. 2006. № 2. Рис. 8.

³⁸ Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. С. 121.

³⁹ Гончарова Л. Ю. Первичная реставрация золотых аппликаций из Липецкого кургана // Археологическое изучение Центральной России : тез. Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка. Липецк, 2006. С. 231—233.

во. Нет сомнений, что ключевой фигурой на сарматском балдахине был именно золотой орел.

Золотой орел из Липецкого кургана не имеет точных аналогий ни в сарматской, ни в других древних культурах. Но его образ широко представлен в иранской иконографии. Орлы неоднократно встречались на произведениях сарматского искусства, но, как правило, не в геральдической позе, подобной липецкой птице. По иконографии более определенно просматривается круг восточных аналогий, где известны изображения хищных птиц с распростертыми крыльями. Из причерноморских древностей назовем лишь монеты царя Фарзоя I в. н. э., на которых чеканилось изображение орла с распростертыми крыльями.

Весьма характерный набор зверей и стиль их изображения делает возможным интерпретацию зооморфных образов Липецкого кургана в рамках степной иранской традиции. Они были наполнены для сарматской элиты глубоким религиозно-мифологическим содержанием. Нет сомнений, что ключевой фигурой на балдахине был орел. Сарматы — древние иранцы по языку и этносу. Поэтому золотой орел, скорее всего, мог быть воплощением священного сияющего «Фарна». По мифологическим представлениям древних иранцев, Фарн являлся символом и воплощением власти, залогом удачи, славы, богатства, гарантом процветания народа и стабильности государства⁴⁰. Человек, завладевший Фарном, становился царем, обладателем необычайной силы и могущества. В священной книге иранцев «Авесте» царский Фарн имел облик хищной птицы Варагн — «ширококрылой и могучей». Если правитель совершал грех, то говорили: «Фарн покинул его». Хорошо известна история утраты Фарна, а значит, и харизмы правителя первоцарем Йимой (Замйяд-яшт: V, 35).

Эта необычная находка заставляет поднять ранг Липецкого погребения до уровня «княжеского», а может быть, и «царского». Уже при самом беглом взгляде на роскошный балдахин, на величественного золотого орла в окружении горных козлов и оленей, наконец, на необычно большие размеры могильной ямы не остается сомнений в принадлежности погребенной здесь дамы к правящему роду, который недавно овладел этой частью Сарматии. Поэтому вполне правомерно отнести это погребение к группе захоронений высшей сарматской

знати уровня Соколовой могилы, Кобяково 10 и Дачи на Нижнем Дону. Вероятно его принадлежность не просто сарматам, а аланам, которые к середине I в. стали господствующим этносом в степях Подонья. Даже та часть инвентаря погребенной в Липецком кургане аристократки, которая дошла до нас, демонстрирует высочайший уровень жизни сарматской элиты за тысячи километров от центров, где производились эти предметы сарматской роскоши.

Липецкий грунтовый могильник. Десять лет открытая в Липецком кургане знатная дама оставалась единственным свидетельством присутствия сарматов в среднем течении р. Воронеж. Ситуация изменилась лишь в 2016 г., когда в центре г. Липецка при охранных работах на склоне коренного берега р. Воронеж неожиданно был открыт грунтовый могильник⁴¹. В нем исследовано шесть захоронений, совершенных по сарматскому обряду. За исключением одного, пять имели северную ориентировку. Судя по всему, по времени могильник занимал промежуточное положение между среднесарматскими Чертовицкими и позднесарматскими верхнедонскими могильниками второй половины II — первой половины III в. (Ново-Никольский, Вязовский). Их сопровождающий инвентарь еще имел во многом среднесарматский облик. Обращает на себя внимание обильная расшивка бусами верхней части одежды — один из важных этнографических признаков сарматского костюма. Найденные с погребенными фибулы датируют липецкие погребения второй половиной I — первой половиной II в. н. э., то есть временем между погребением липецкой «княжны» и появлением верхнедонских курганных могильников. Скорее всего, это были ее подданные.

Открытия археологов в центре Липецка еще на сотню километров продвинули на север ареал распространения среднесарматских древностей. Их дальнейшее изучение может пролить свет на характер весьма сложных процессов, которые проходили в верховьях Дона в первые века нашей эры⁴².

⁴¹ Клюкоить А. А. Охранные раскопки в исторической части города Липецка (Петровский проезд, д. 1) // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. Липецк, 2017. С. 116—118.

⁴² Здесь мы не рассматриваем верхнедонские курганные могильники позднесарматского времени II—III вв., поскольку они расположены на севере Липецкой и юго-западе Тульской областей и выходят за пределы изучаемой территории.

⁴⁰ Авеста в русских переводах (1861—1996). Санкт-Петербург, 1997. С. 467.

Глава 8. СРЕДНЕЕ ПОДОНЬЕ В ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

История нашего края на исходе Древности наполнена противоречивыми явлениями и процессами, вызванными усложнением этнического состава населения в результате миграций, что обычно происходит на закате эпохи. С середины II в. н. э. на Среднем Дону получает развитие позднесарматская культура. Она представлена в двое меньшим числом погребений, нежели в среднесарматскую эпоху, что указывает на сокращение населения. При этом большинство погребений относятся к переходной эпохе от среднесарматской к позднесарматской культуре (середина II в.). Это проявляется в типах погребальных сооружений: в квадратных ямах с «диагональным» положением умерших (среднесарматская традиция) и в подбоях, характерных для поздних сарматов, в смене южной ориентировки погребенных на северную, появлении погребений с прижизненной искусственной деформацией черепов, новациях в сопровождающем инвентаре (рис. 114, 51—70).

Такие погребения открыты в могильниках Третьяки, Березовский, Ивановка 7 и др. В последнем в 2019 г. А. П. Медведевым исследовано захоронение в квадратной яме с «диагональным» положением погребенного, более характерным для среднесарматской культуры (рис. 141, а). Но он уложен головой на северо-запад, в соответствии с позднесарматской обрядностью. Его сопровождали: острореберная чернолощенная миска (рис. 141, 1), большой (рис. 141, 2) и малый кувшин с полый ручкой (рис. 141, 3), фрагменты клинка меча (рис. 141, 5) и набор железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (рис. 141, 6). Особо следует отметить находку железного тесла с остатками дерева во втулке, при помощи которого, скорее всего, была вырублена могила (рис. 141, 4).

В отличие от среднесарматских большинство позднесарматских погребений впускные и сравнительно бедные. Редко встречаются мужские погребения с оружием. Среднедонские курганы второй половины II — первой половины III в. с уверенно-

стью можно отнести к «классической позднесарматской культуре»⁴³.

Финал сарматской эпохи на Среднем Дону. Однако в последние годы в Воронежской области открыты более поздние памятники.

В кург. № 3 у с. Лосево Павловского района в 2010 г. В. Д. Березуцким исследовано погребение в глубокой катакомбе с дромосом с пятью ступеньками (рис. 142, а, б). На дне вдоль южной стенки камеры стояло пять глиняных сосудов (рис. 142, 1—5), в том числе с зооморфными ручками (рис. 142, 1—2). Здесь же на шелковой ткани лежали две серебряные накладки наконечников ремней (рис. 142, 12), крупная бусина из непрозрачного стекла (рис. 142, 7), золотое украшение, состоящее из обоймочки и витой проволоочки с золотой накладкой (рис. 142, 8), железный нож (рис. 142, 11), а в районе пояса — бронзовая пряжка (рис. 142, 9). Другая пряжка меньших размеров того же типа найдена на шелковой ткани у северной стенки (рис. 142, 10). Обе пряжки обладают признаками, получившими распространение со второй половины IV в. н. э., но встречающимися и в начале гуннского времени⁴⁴. По обряду и сопровождающему инвентарю погребение у с. Лосево идентично Т-образным катакомбам Нижнего Подонья IV в. н. э. По месту и времени подобные погребения связывают с аланами-танайтами, упомянутыми Аммианом Марцеллином при его описании нашествия гуннов⁴⁵. Скорее всего, лосевское погребение также могло принадлежать алану-танайту, откочевавшему в глубинные районы лесостепного Подонья, еще незатронутые гуннским вторжением.

⁴³ Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 226.

⁴⁴ Малашев В. Ю. Периодизация ременной гарнитуры позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 196, 203, рис. 1, II, 11.

⁴⁵ Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. Москва, 2008. С. 284—301.

а

Рис. 141. Могильник Ивановка 7. Курган № 25.
Погребение и сопровождающий инвентарь: 1—3 — глина; 4—7 — железо; 8 — кость

Рис. 142. Лосево. Курган № 3. Катакомбное погребение IV в. и сопровождающий инвентарь:
1—5 — глина; 6 — бронза; 7 — стекло; 8 — золото; 9, 10 — бронза; 11 — серебро

В 2017 г. В. Д. Березуцкий открыл в Березовском могильнике подбойное погребение (рис. 143, а). Его сопровождал длинный меч и кинжал с широкими клинками (рис. 143, 4—5), а также пять сосудов, изготовленных в двух различных традициях. Это горшок (рис. 143, 1) и миска (рис. 143, 2), внутри которой находились кости овцы, — гончарные, скорее всего, центральнокавказского производства. Однако в том же погребении

присутствовал груболепной горшок с подчеркнутыми плечиками в месте перехода в тулово (рис. 143, 3). По форме и характеру грубой обработки поверхности он весьма близок некоторым сосудам из памятников Среднего Прихоперья группы Инясево — Шапкино⁴⁶, обычно датируемых более ранним временем.

⁴⁶ Хреков А. А. Древности Прихоперья. Балашов, 2004. С. 125.

Однако березовский комплекс более поздний. На это указывает бронзовая фибула черняховского стиля конца IV в. (рис. 143, 6)⁴⁷. Другой

березовский курган — № 8 — содержал подбойное погребение с набором деталей конской упряжи IV в. н. э.⁴⁸

Рис. 143. Березовка. Курган 9. Погребение 1 и его сопровождающий инвентарь:
1—3 — глина; 4—5 — железо; 6 — бронза; 7 — серебро; 8 — мел; 9 — камень

⁴⁷ Петраускас О. В. Фібули «військового типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) // Археологія Правобережної України. Київ, 2010. С. 194.

⁴⁸ Медведев А. П. О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 3. С. 140—141, рис. 40.

В связи с последними открытиями встал вопрос: как теперь называть памятники типа Березовского могильника. По времени они весьма далеки от классической позднесарматской культуры, да и имеют от нее ряд существенных отличий. В то же время в них нет никаких собственно гуннских признаков, хотя хронологически они, скорее всего, относятся к началу гуннской эпохи. В них еще сохранился некий позднесарматский компонент (подбой, ориентировка, некоторые типы посуды). Но, судя по всему, не он определял этнокультурный облик этого населения. К тому же ни один античный автор на Юге Восточной Евро-

пы в IV в. сарматов уже не упоминает. К этому времени их военно-политическая активность сместилась далеко за запад — на Средний Дунай, а затем и в Галлию. Поэтому памятники березовского типа можно назвать «постсарматскими», чтобы показать некую преемственность и в то же время существенное отличие от «классической позднесарматской культуры» в понимании А. С. Скрипкина⁴⁹. Они, собственно, и завершают эпоху раннего железного века в нашем крае. Но еще раньше на эту территорию стали проникать племена с запада, имеющие совершенно иные истоки и историю, уходящую в Средневековье.

⁴⁹ Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград, 2017. С. 226.

РАЗДЕЛ 5. НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

До конца XX века одной из самых «темных» страниц в истории лесостепного Подонья была переходная эпоха от Древности к Средневековью. Хорошо были изучены лишь сарматские курганные могильники и синхронные им городища, на которых заканчивалась эпоха раннего железного века¹. Лишь в 90-е годы удалось обнаружить памятники, практически полностью закрывающие эту лакуну. Оказалось, что на Верхнем Дону, Воронеже и Хопре уже со II в. н. э. наряду с доминиру-

ющими сарматскими появляются древности иного — западного и юго-западного — происхождения. Они неоднородны и представлены тремя различными культурно-хронологическими группами: памятниками круга выемчатых эмалей, основной ареал которых сосредоточен в лесной зоне Восточной Европы; поселениями типа Каширки — Седелки на Верхнем Дону; поселениями и городищами типа Чертовицкое III — Замятино на Воронеже и Верхнем Дону².

Глава 1. ПАМЯТНИКИ С ИЗДЕЛИЯМИ КРУГА ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ И ВЕНЕТЫ В БАССЕЙНЕ ДОНА

Наиболее ранний горизонт представляют так называемые бронзовые изделия круга выемчатых эмалей. Они получили свое название по характерной ажурной геометрической орнаментации, в которой широко использовались эмалевые вставки разной окраски, чаще всего красного, реже синего, голубого, белого, зеленого и желтого цветов (рис. 144). Как правило, в ячейке помещается эмаль одного цвета, но бывают и исключения, когда эмали двух и трех цветов заполняют одну ячейку без каких-либо перегородок между ними. Ажурность и геометричность являются одними из характерных признаков данного типа изделий. Основным техническим приемом изготовления бронзовой основы изделия было литье по выплавляемой модели, но есть изделия, собранные из деталей, сделанных разными способами, например ковкой. Набор эмалей оказался весьма устойчив и включает: украшения (гривны, браслеты, разнообразные подвески, нагрудные цепи), детали одежды (фибулы, пряжки и пр.), а также шпоры.

На памятниках бассейна Дона выемчатые эмали выявлены лишь в последние десятилетия в результате археологических исследований А. М. Обломского, А. А. Хрекова, И. В. Зиньковской и др. (рис. 145). Боль-

шая часть изделий представлена относительно крупными украшениями, декорированными вставками не только красного, но и других цветов (голубого, белого, желтого), с прорезной орнаментацией и кольцами. Следует сказать, что большинство из них найдено случайно. Но в тех случаях, когда они происходят из археологических раскопок и находились в жилых комплексах или культурном слое, не вызывает сомнений их связь с постзарубинецкой культурой. Их можно отнести к 1-й и 2-й стадиям развития восточноевропейских выемчатых эмалей, то есть ко времени от сер. II в. до сер. III в.³

По времени распространения они оказались синхронными позднесарматским памятникам — верхнедонским курганным могильникам типа Новоникольского и городищам автохтонного населения. Да и расположены они в меремешку с последними. Но удивительный факт — ни в позднесарматских верхнедонских погребениях сер. II — сер. III в., ни на 200 синхронных го-

² Медведев А. П. Лесостепное Подонье накануне Средневековья // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Москва — Иерусалим, 2007. Вып. II. С. 11—24.

³ Зиньковская И. В. Бронзовые выемчатые эмали в бассейне Дона. Воронеж, 2021. С. 140.

¹ Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. Москва, 2008. С. 99—102.

родищах и поселениях (30 из них исследовано раскопками) изделия круга эмалей обнаружены не были. Нет их и на поселениях типа Каширки — Седелки середины III — начала IV в. н. э., которые к настоящему вре-

мени хорошо изучены. Видимо, к этому времени на Верхнем Дону они выходят из употребления или их носители покидают эту территорию.

Рис. 144. Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей:
1 — Ездочное 1; 2 — Паниковец 1, клад; 3, 4 — Терновое; 5 — Звягинцево

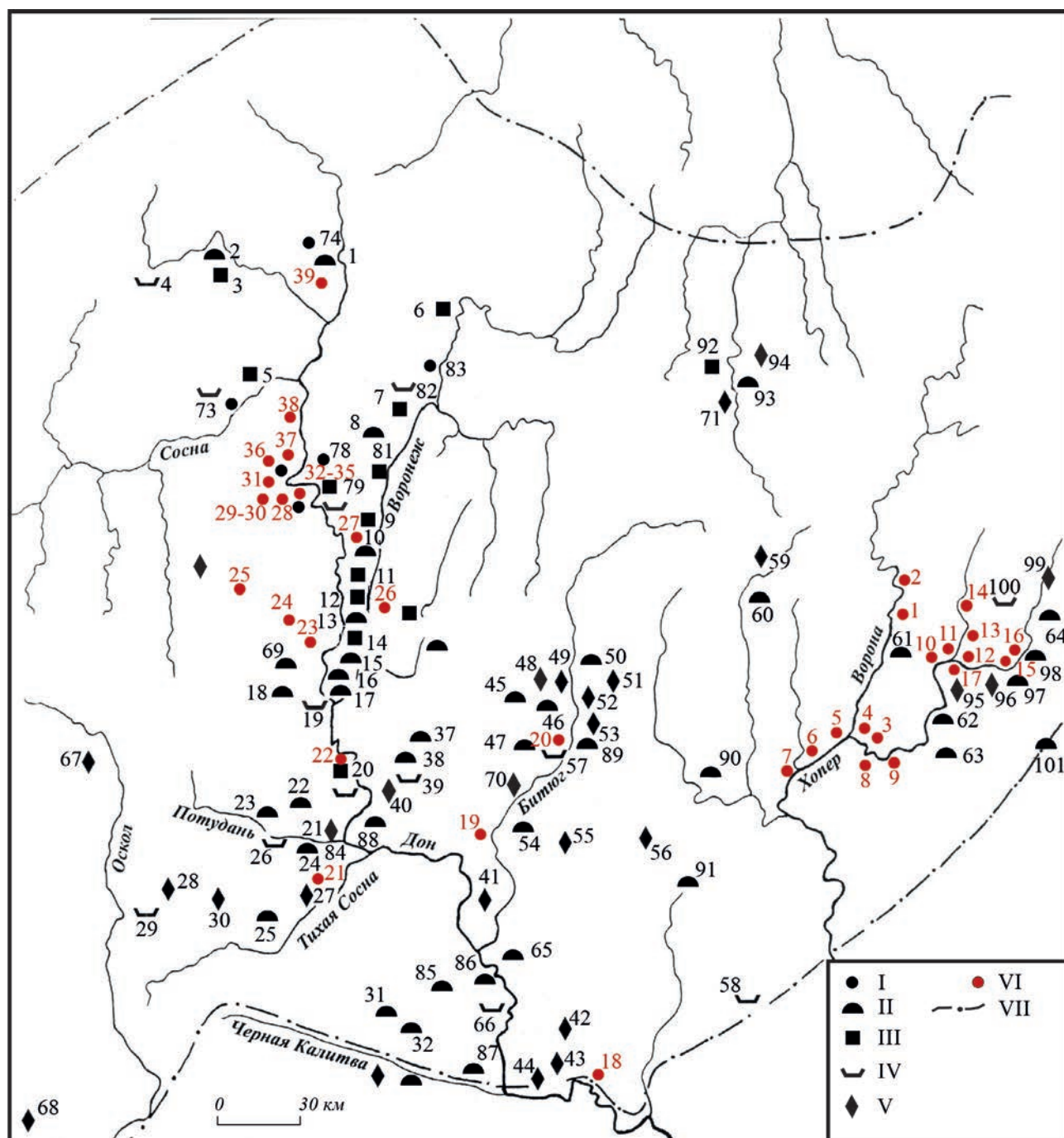

Рис. 145. Находки эмалей в бассейне Верхнего Дона и Хопра и сарматские памятники:
I — поселения; II — курганы; III — городища; IV — грунтовые могилы; V — случайные сарматские находки; VI — памятники с эмалью и случайные находки; VII — границы лесостепи.

Изделия с эмалью (1—39): 1 — Шапкино-1; 2 — Шапкино-2; 3 — Борисоглебское-4; 4 — Малык; 5 — Нижний Карачан; 6 — Пески; 7 — Инясево; 8 — Разнобрычка; 9 — Богатырка; 10 — Рассказань-3; 11 — Подгорное-II; 12 — Духовое; 13 — Репное; 14 — Борисоглебск; 15 — Васильевка; 16 — Звягинцево; 17 — Красноармейский; 18 — Журавка (Лукьянчиков); 19 — Бобровский р-н; 20 — Аннинский р-н; 21 — Труд; 22 — Сторожевое; 23 — Семилуки; 24 — Терновое; 25 — Нелжа; 26 — Землянк; 27 — Конь-Колодезь; 28 — Затишье; 29 — Замятино-5; 30 — Замятино-Юрьево; 31 — Мухино-2; 32 — Мухино-9; 33 — Ксизово; 34 — Ксизово-17; 35 — Ксизово-18; 36 — Ксизово-19; 37 — Нижнее Казачье-10; 38 — Паниковец-1; 39 — Красивая Меча-1

Примечание: сарматские памятники имеют черную окраску и ту же нумерацию, что и на рис. 113; выемчатые эмалы — красную и нумерацию, указанную в подписи к рисунку (1—39)

Находки вместе с эмалью вещей центрально-европейского круга (шпоры, поясные пряжки, фибулы, булавы, лощеная столовая

керамика), римских монет, а также бронзового слитка, соответствующего римскому весовому стандарту (Паниковец-1), указывают на связи

носителей постзарубинецких древностей с Европейским Барбарикумом. В связи с этим можно предположить, что эмали на Дону являются маркерами продвижения постзарубинецкого населения с запада на восток, для которого Верхнее Подонье служило, по-видимому, транзитной территорией⁴.

Исследователи спорят об этнической принадлежности населения, которое по всей лесостепной и отчасти лесной зоне Восточной Европы во второй половине II—III вв. разнесло эти яркие изделия, почти не оставив иных следов. В отечественной литературе этот вопрос так или иначе увязывался с этногенезом славян. Но для столь раннего времени в письменных источниках славяне еще неизвестны. С другой стороны, по данным археологии, они не доживают до самых ранних достоверных славянских памятников — пражской и паньковской культур. Поэтому некоторые современные исследователи в носителях постзарубинецких древностей и выемчатых эмалей видят *венетов* (венедов). Под этим именем их знали германцы, в частности готы. Их этноним изредка встречается у римских авторов с I в. и изначально связывался с районами Юго-Восточной Прибалтики и бассейном р. Висла.

Наиболее ценные сведения о венетах оставил историк Корнелий Тацит, служивший в Германии в самом конце I в. офицером и хорошо знавший ее население⁵. Он упоминает их у восточных границ «Германии»: *«Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю... Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами.... Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и причем с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»* (Германия: 46). Тацит подходит к описанию венедов, двигаясь с запада на восток, поэтому его сведения в основном относятся к западной части венедской территории⁶. Но в своих набегах они достигали земли феннов, ко-

торые еще использовали костяные наконечники стрел. Эта важная этнографическая деталь, скорее всего, указывает на дьяковские племена, заселявшие в то время центральные лесистые районы Европейской России и пользовавшиеся еще стрелами с костяными наконечниками. Для нашей темы важно, что Тацит описал образ жизни венедов и указал их отличительные черты: *сооружают дома, носят щиты, передвигаются пешком с большой быстротой*.

Известно, что во второй половине II в. начинается массовое продвижение северных варваров, вызванное последствиями Маркоманнских войн 166—180-х гг. Около 160 г. Клавдий Птолемей относит венетов уже к *«великим народам»* «Европейской Сарматии» (Географическое руководство: III, 5, 7). Находившиеся в состоянии брожения отдельные группы постзарубинецкого населения распространили имя венетов на всех обитателей лесной и отчасти лесостепной зоны, поэтому венеты и оказались *«великим народом»*⁷. Часть их могла быть вытеснена не только за Днепр, на берега Донца, но и далее на восток вплоть до бассейна Хопра.

Крайняя восточная область распространения постзарубинецких групп с эмалами, видимо, совпадает с юго-восточной зоной расселения венетов. Стремительные по меркам того времени миграции носителей постзарубинецких традиций на восток соответствуют информации Тацита о далеких передвижениях венедов — *«передвигаются пешими, и причем с большой быстротой»*.

Так благодаря археологии в истории нашего края появился еще один древний народ — *венеты/венеды*, не имевший местных корней. Современные исследователи считают их остатками некогда многочисленного населения, которое с давних пор заселяло Западную и Центральную Европу. Готский историк Иордан в VI в. писал о *«многолюдном племени венетов»* (Гетика: 34). К этому времени это имя у соседних народов перешло на те этнические группы, которые заняли их бывшие территории и стали известны как склавены и анты. *«Венеты... ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов»*, — записал готский историк Иордан в середине VI в. (Гетика: 119). В этом смысле венеты, видимо, опосредованно связаны с изначальной историей славян, но не ранее середины I тыс.

⁴ Зиньковская И. В. Бронзовые выемчатые эмали в бассейне Дона. С. 155.

⁵ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит: Время. Жизнь. Книги. Москва, 1981. С. 79.

⁶ Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI вв. // АСГЭ. 1976. № 17. С. 87—91.

⁷ Шукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). Санкт-Петербург, 2005. С. 69.

Глава 2. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В ИСТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Эпоха Великого переселения народов явилась переломным событием в истории многих народов, в первую очередь народов Европы. Она как бы провела незримую грань между Древностью и Средневековьем. Великое переселение народов продолжалось с III по VII в. н. э. и охватило практически всю степную и лесостепную Евразию, а позднее и территорию бывшей Западной Римской империи. Затронуло оно и лесостепное Подонье. Древности этой эпохи в нашем крае были обнаружены на рубеже 1980—1990-х гг. Вначале они не привлекли широкого внимания ученых, хотя, как теперь представляется, это было наиболее крупное открытие в археологии и истории нашего региона конца прошлого века.

В 90-х годах самым исследованным памятником этого переходного периода было III Чертовичское городище на р. Воронеж (раскопки А. П. Медведева)⁸. В его верхнем слое и ряде построек обнаружена не только кера-

мика, но и вещи конца IV — первой половины V в. Они были близки сейминско-донечкому варианту киевской культуры, в носителях которой видят предков ранних славян. Все это позволило А. П. Медведеву поставить вопрос о появлении славян на Дону в более раннее время, чем это считалось ранее, а именно уже в III—V вв. н. э.⁹ Практически одновременно А. Н. Бессуднов, а затем и А. М. Обломский начали также исследовать в Липецкой области памятники этого времени. Уже через несколько лет А. М. Обломский разделил их на две группы: раннюю назвал типа Каширки — Седелки, и позднюю — типа Чертовичское — Замятино¹⁰.

Культурные истоки обоих типов верхнедонских древностей близки и лежат преимущественно в пределах Левобережья Днепра в широком географическом понимании этого региона. Тем не менее конкретное культурное наполнение их существенно отличается.

2.1. Поселения типа Каширки — Седелки

Большая их часть выходит за пределы изучаемого региона (северо-запад Липецкой, юго-восток Тульской обл.), но они встречаются по Дону и ниже Задонска до широты г. Воронежа¹¹. Поселения располагаются главным образом на пологих склонах рек и ручьев. Среди них известны только селища без признаков внешних укреплений, могильники не обнаружены. Усадьбы включали комплекс жилых и хозяйственных построек, расположены на

некотором расстоянии друг от друга. Жилища представлены как наземными домами, так и углубленными полуземлянками. Наземные постройки каркасные, глинобитные, поэтому их обожженная глиняная обмазка является ярким признаком этих поселений. Отапливались жилища открытыми очагами, реже — глинобитными печами.

На поселениях встречена гончарная сероглиняная посуда, но не в большом количестве (обычно несколько процентов от керамического комплекса). По происхождению она черняховская, как с шероховатой, так и с лощеной поверхностью (рис. 146, 1—3). Она представлена горшками, мисками, фрагментами кувшинов и пифосов. Малое количество такой керамики указывает на то, что в Верхнем Подонье она не производилась, а являлась импортной. К импорту относятся фрагменты античной тары: верх амфоры типа Зеест-73, венчики и ручки светлоглиняных амфор типов D и F. Однако основную массу составляет лепная грубая керамика киевской культуры, с бугристой поверхностью (рис. 146, 4—12). Преобладают округлобокие сильнопрофилированные горшки, известны миски и другие формы (рис. 146, 13).

⁸ Медведев А. П. III Чертовичское городище (материалы 1-й половины I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. С. 42—84.

⁹ Медведев А. П. О времени появления славян на Дону // Археология и история Юго-Востока Руси. Воронеж, 1993. С. 24—26.

¹⁰ Обломский А. М. О памятниках лесостепного Подонья позднеимперского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 122—140.

¹¹ Обломский А. М. Хронология памятников типа Каширки — Седелок на Дону и некоторые проблемы их изучения // Між Сходом та Заходом (Inter Orientem et Occidentem). Серія: Остроготика. Харків, 2020. Т. 3. С. 122—140.

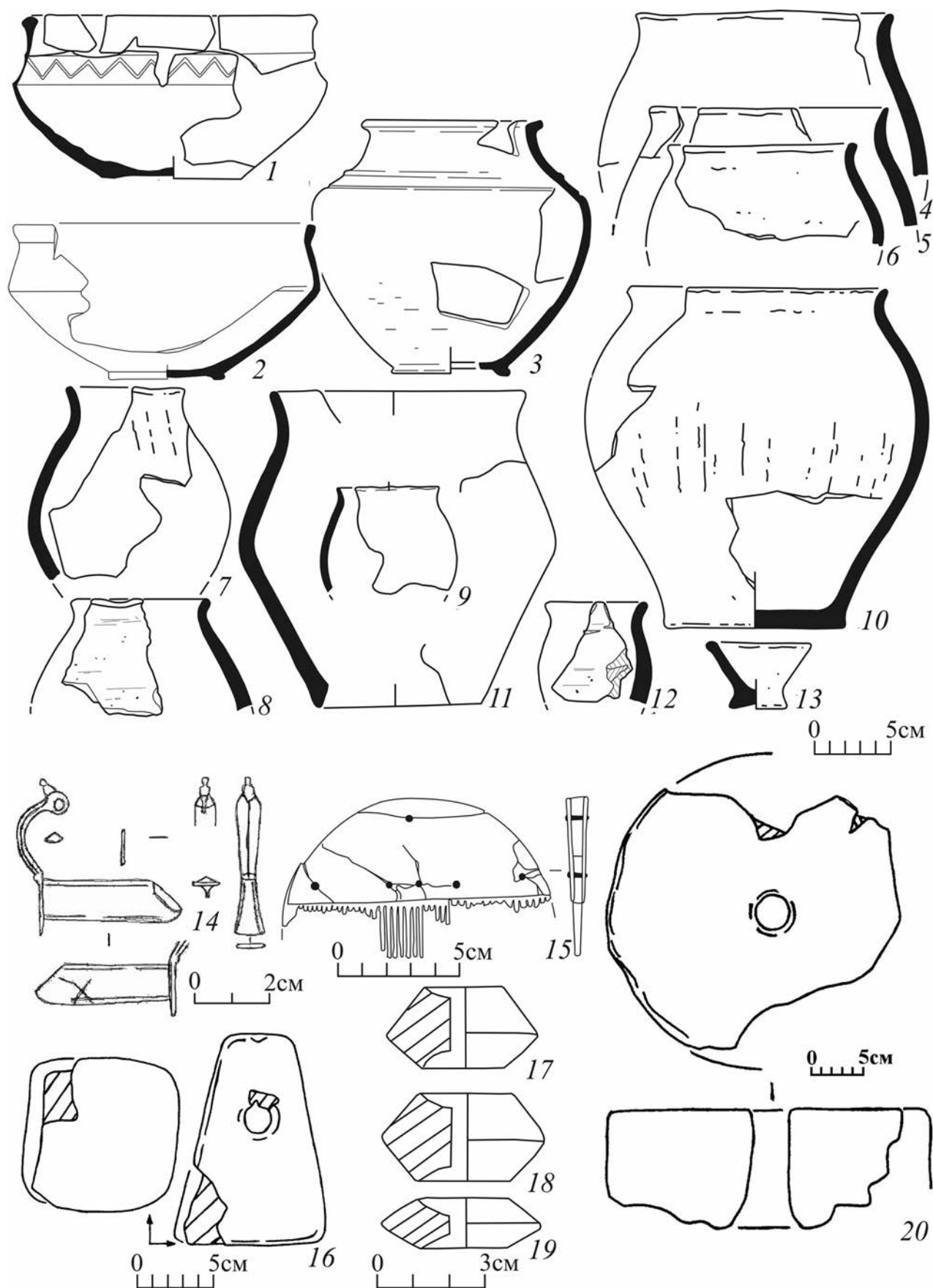

Рис. 146. Памятники типа Каширки — Седелки (III — нач. IV в.):
1—3 — гончарная посуда; 4—13 — лепная посуда; 14 — фибула; 15 — гребень; 16 — грузило;
17—19 — прясла; 20 — жернов

Среди орудий труда наиболее многочисленны пряслица биконической формы с воронковидными основаниями (рис. 146, 17—19). Также известны пирамидальные грузила для ткацкого стана (рис. 146, 16). Обнаружены орудия, опосредованно связанные с земледелием, в том числе камни жерновов (рис. 131, 20). Надо отметить, что они впервые появляются в Верхнем Подонье именно в это время. В жилищах и культурном слое не редки украшения и предметы личного убора: костяные гребни с полукруглой спинкой (рис. 146, 15), железные подвески в виде невысоких ведерок, характерные для черняховской культуры, железные и серебряные пряжки с овальными рамками, застёжки-фибулы с очень высоким приемником (рис. 146, 14), бусы и др.

Из оружия известны находки двух наконечников копий: небольшого наконечника в большом сгоревшем жилище поселения Малая Трещевка-2 и крупного наконечника с лавролистным пером с поселения Ксизово-17¹². Скорее всего, с этим горизонтом связаны два монетных клада из окрестностей Ельца и единичные находки римских монет.

Памятники типа Каширки — Седелки появляются после того, как около середины III в. прекращают использоваться верхнедонские позднесарматские могильники. На основании датировок фибул Альмгрен VII (исследователи датируют их по-разному — от 250—270-х до 320-х гг.) и небольшого количества амфорного импорта, а также нескольких радиоуглеродных дат А. М. Обломский в последнее время пришел к заключению, что начальный период существования этих памятников приходится на вторую треть III — начало IV в. Сейчас он допускает их существование до середины IV в., хотя надежно датированных вещей этого времени нет.

Появление этих памятников на Верхнем Дону могло быть вызвано распространением населения из области киевско-черняховских контактов Днепровского Левобережья¹³. Иную точку зрения на появление этих древностей высказал М. В. Любичев. Он приводит доказательства их происхождения от памятников типа Боромля Днепровского Левобережья и Северского Донца, непосредственно пред-

шествующих черняховским¹⁴. Кто из них прав, покажут дальнейшие исследования.

Ученые спорят об этнической принадлежности жителей поселений типа Каширки — Седелки. Большинство склоняются к их славянской (скорее, еще праславянской) этнической принадлежности на том основании, что его ядро составляли носители киевской культуры, которую принято считать славянской. Пришельцы освоили берега правых притоков Дона, но дальше на восток продвинуться не смогли. Вероятнее всего, им могло помешать местное оседлое население, прочно закрепившееся с I в. н. э. на многочисленных, хорошо укрепленных городищах по правому берегу р. Воронеж.

Финал поселений типа Каширки был одинаков — все они погибли в огне пожара и были покинуты жителями. По этой причине их остатки ныне представляют скопления обожженной глиняной обмазки, оставшейся на месте обрушившихся каркасных домов, а также минимум вещей. До сих пор не установлены виновники пожаров: то ли это были враги, уничтожившие эти поселения, то ли сами жители перед лицом нависшей угрозы сожгли свои жилища и покинули эту территорию.

Готскую версию гибели поселений типа Каширки попытался обосновать А. М. Обломский¹⁵. Он обратился к известному рассказу о походе остроготского короля Эрманариха (Германариха) на венетов (Иордан, Гетика: 119). Вслед за другими исследователями он связывает с венетами племена постзарубинецкой и киевской культуры, что вполне вероятно. Однако гипотеза А. М. Обломского не согласуется с хронологией¹⁶. Установлено, что Эрманарих унаследовал королевскую власть между 347 и 351 гг.¹⁷ Но он не сразу отправил-

¹⁴ Любичев М. В. О культурной принадлежности памятников поздне римского времени типа Каширки — Седелки // Верхнедонской археологический сборник. 2010. Вып. 5. С. 51—69.

¹⁵ Обломский А. М. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. Вып. 1. С. 142—162.

¹⁶ Акимов Д. В. Поселения поздне римского времени у с. Малая Трещевка // Древности эпохи Средневековья евразийской лесостепи. Воронеж, 2008. С. 21—32.

¹⁷ Щукин М. Б. Готский путь. С. 207.

¹² Обломский А. М. Хронология памятников типа Каширки — Седелки на Дону. Рис. 5, 5—6.

¹³ Обломский А. М. О расселении ранних славян на восток в римское время // РА. 2017. № 3. С. 78—84.

ся в поход против венетов, а вначале пошел войной на герулов и окончательно покорил их, на что потребовалось какое-то время. То есть между гибелью верхнедонских поселений не позже 20—30-х годов IV в. (самая поздняя радиоуглеродная дата — 320—334 гг.¹⁸) и походом Эрманариха на венетов остается хронологическая лакуна минимум в четверть века.

2.2. Памятники гуннского времени на Верхнем Дону

В археологической литературе за ними закрепилось название памятников типа Чертовицкое — Замятино. Они тяготеют к главным рекам — Дону и Воронежу, к господствующим береговым высотам. Они представлены главным образом неукрепленными поселениями. Изредка новые жители использовали заброшенные городища (III Чертовицкое, Верхнее Казачье), но иногда возводили укрепления заново (Крутогорье). Жилища — чаще всего полуземлянки квадратной и прямоугольной формы с длиной стен в 3—4 м. Помимо обычных очагов характерной чертой интерьера жилища гуннского периода являются печи-камины — в стенке из материковой глины делалась ниша, в которой разводили огонь. В пределах усадеб обычно находилось много ям, служивших различным хозяйственным целям. На поселениях Ксизово-19 и Мухино-2 открыты постройки округлой формы, интерпретированные авторами раскопок как стационарные юрты.

В отличие от древностей типа Каширки, где погребальные памятники неизвестны, на городищах (Животинное) и поселениях (Мухино-2, Ксизово-17, Ксизово-19 и др.) раскопаны могильники. Почти все они представляют ингумации в ямах разной глубины и формы. Ориентировка погребенных различная, обрядность — неустойчивая, что само по себе свидетельствует о неоднородности верхнедонского населения этого времени.

На площади Животинного городища обнаружено несколько захоронений, среди которых выделяется погребение 4, где похоронен воин с длинным мечом, кинжалом, набором поясной гарнитуры, указывающими на его до-

К тому же Иордан нигде не сообщает, что Эрманарих пошел со своей дружиной на северо-восток, в сторону далекого Верхнего Дона, как показано на карте на рисунке 6 в статье А. М. Обломского. Поэтому до получения более надежных материалов вопрос о судьбе населения, оставившего древности типа Каширки — Седелки, лучше оставить открытым.

вольно высокий статус¹⁹. Наиболее богатое погребение обнаружено на поселении Мухино-2 прямо у входа в жилище, но оно принадлежит девушке, судя по украшениям и инвентарю, не гуннской степной, а причерноморской традиции²⁰.

Несколько могильников этого времени исследовал А. М. Обломский на территории Острой Луки в районе Задонска, содержащих в основном десятки бедных погребений с еще не устоявшейся погребальной традицией²¹. Лишь на III Чертовицком городище открыт небольшой могильник с кремациями в ямах, остающийся предметом оживленных споров между исследователями, так как время и культурная принадлежность его остаются не определенными.

Основные типы лепной посуды близки керамике киевской культуры, хотя А. М. Обломский выделяет группы керамики иного происхождения (рис. 147, 1—8). Помимо горшков известны глиняные сковородки с бортиком (рис. 147, 13) и без такового. Изредка встречается гончарная сероглиняная посуда, например кувшин из погребения 4 III Чертовицкого могильника²², а также местного производства. Обнаружены горны для ее обжига. Лощеная посуда находит аналогии в более северных регионах относительно Подонья (рис. 147, 15, 16).

¹⁹ Медведев А. П. Лесостепное Подонье накануне Средневековья // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Москва-Иерусалим, 2007. С. 15, рис. 5, 1—14.

²⁰ Мاستыкова А. В. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 200—222.

²¹ Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V в.). Москва, 2015. С. 30—74; 181—201.

²² Медведев А. П. Лесостепное Подонье. Рис. 5, 4.

¹⁸ Обломский А. М. Хронология памятников типа Каширки — Седелки на Дону. С. 274.

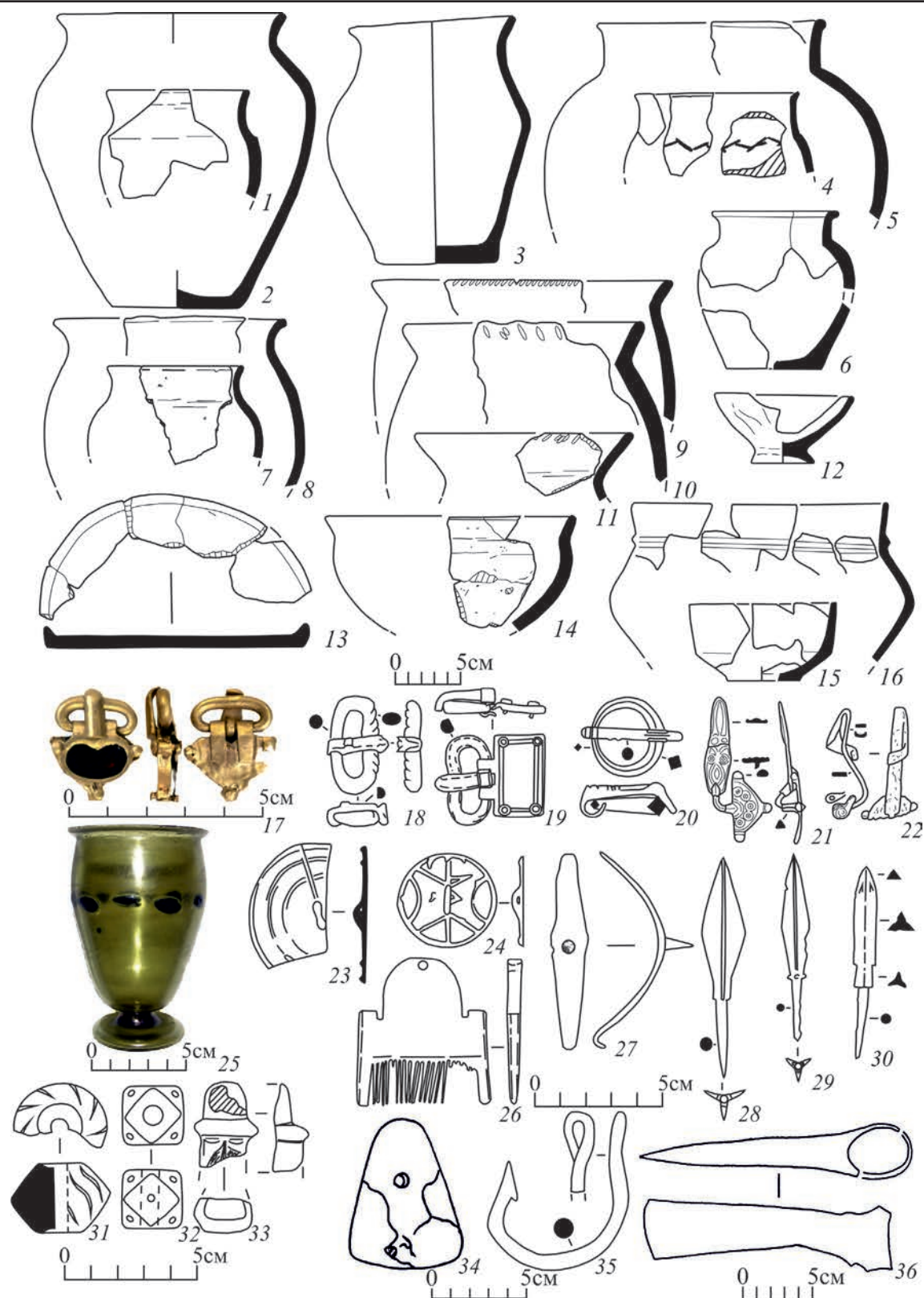

Рис. 147. Памятники типа Чертовиковское — Замятино. Вещевой комплекс:

- 1—14 — лепная посуда; 15, 16 — лощеная посуда; 17 — золотая пряжка с красной стеклянной вставкой; 18—20 — бронзовые пряжки; 19 — серебряная пряжка; 21, 22 — бронзовые фибулы; 23, 24 — бронзовые зеркала; 25 — стеклянный кубок; 26 — костяной гребень; 27 — железная шпора; 28—30 — железные наконечники стрел; 31, 32 — глиняные пряслица; 33 — фрагмент фигурки из глины; 34 — глиняное коническое грузило; 35 — железный рыболовный крючок; 36 — железный топор.
- 1—16 — керамика; 17 — золото с красной стеклянной вставкой; 18, 20, 22, 27—30, 35, 36 — железо; 19 — серебро; 21, 23, 24 — бронза; 25 — стекло; 26 — рог; 31—34 — глина

На поселениях встречались пряслица не только широко распространенной биконической формы, но также граненые, фигурные с канелюрами черняховских типов (рис. 147, 31, 32). Часто находят грузила для ткацкого стана, только теперь они иной конической формы со скругленной верхней частью (рис. 147, 34). В постройке 17 III Чертовицкого городища находился полный комплект таких грузил — 36 экз., а также 20 пряслиц.

В слое и постройках найдены железные орудия труда: очень крупные рыболовные крючки (рис. 147, 35), узколезвийные проушные топоры (рис. 147, 36), серпы, ножи. На Крутогорье обнаружены намеренно поломанные глиняные фигурки — вероятно, свидетельства каких-то ритуальных действий (рис. 147, 33).

Украшения и предметы личного убора более разнообразны, нежели в предшествующее время: костяные гребни с высоко выступающей вверх спинкой позднечерняховского типа (рис. 147, 26), золотые, серебряные и железные пряжки, часто имеющие зооморфное оформление язычка и металлические накладки, изредка со стеклянными вставками (рис. 147, 17—20), браслеты с зооморфными окончаниями, металлические зеркала с центральной петлей на обороте (рис. 147, 23, 24), застёжки-фибулы разных типов (рис. 147, 21, 22), характерные для конца IV — V в., бусы и многое другое. Обитатели Острой Луки имели связи с позднеантичными городами Причерноморья. На поселении Ксизово 19А в распашке найден клад боспорских медных статеров последней четверти III — первой трети IV в. — более 170 монет. Следует отметить находку целого стеклянного стакана византийского производства из погр. 19 могильника Ксизово 17А (рис. 147, 25).

Особого внимания заслуживают предметы воинского снаряжения, прежде всего черешковые трехлопастные наконечники стрел гуннского типа, в основном происходящие с поселений (рис. 147, 28—30). На поселении Ксизово-16 найдены костяные детали лука «гуннского» типа. В погребении лошади на поселении Ксизово-17 сохранился фрагмент железного наконечника копья, застрявшего меж ее ребер. Двумя находками представлено снаряжение всадника — железная шпора с поселения у с. Шилово в черте Воронежа (рис. 147, 27) и железный псалий из коллективного погребения (объекта 1) на поселении Ксизово-19. В то же время обращает на себя внимание практи-

чески полное отсутствие предметов вооружения в грунтовых могильниках Острой Луки.

Не вызывает сомнений оседлый земледельческий характер населения, оставившего памятники типа Чертовицкого — Замятино²³. Выращивали прежде всего просо, затем пшеницу, на третьем месте шел ячмень, в небольшом количестве представлен овес и бобовые. О развитом земледелии свидетельствуют не только находки злаков в слое, постройках и хозяйственных ямах, но и остатки овинов для сушки снопов (поселение Мухино-2), железные серпы, а также камни от ручных жерновов (поселение Ксизово-17).

По многочисленным находкам памятники типа Чертовицкого — Замятино сейчас датируют от последней трети IV до начала VI в.²⁴ Их появление на территории Верхнего Подонья так или иначе связано с последствиями гуннского нашествия 375 г. и последующими за ним событиями.

В культуре этого явно неоднородного населения О. М. Обломский выделяет несколько традиций: раннеславянскую (по лепной керамике и типам жилищ, характерным для киевской культуры), окскую (бронзовые украшения, некоторые типы керамики), причерноморскую (гончарные печи и их продукция, детали одежды и украшения), черняховскую (постройки каркасно-плетневой конструкции, мастерские костерезов по изготовлению гребней с высокой спинкой, керамика, пряслица), степную (юртообразные постройки, черешковые трехлопастные наконечники стрел, некоторые типы лепных горшков, несколько погребений с искусственно деформированными черепами и признаками монголоидности, антропологически близкими поздним сарматам)²⁵. Не исключено участие в формировании этнокультурного образования на территории Острой Луки предшествующего насе-

²³ Антипина Е. Е. Структура сельского хозяйства у населения Острой Луки Дона в середине I тыс. н. э. (археобиологическая реконструкция) // Верхнедонской археол. сб. Липецк, 2007. Вып. 3. С. 313—329.

²⁴ Обломский А. М. Хронология верхнедонских памятников середины I тыс. н. э. // Острая Лука в древности. С. 292—295.

²⁵ Обломский А. М. Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения) // Там же. С. 296—308.

ления, оставившего древности типа Каширки. Они встречены на поселениях Ксизово 17 и Ксизово 19 с хорошим датирующим материалом догуннского времени²⁶. Наконец, А. М. Обломский нигде не упомянул еще один компонент, принадлежащий местному населению городищ, представленный находками лепной керамики с раструбовидным верхом и косыми насечками (рис. 82, 9—11). Она встречается на большинстве поселений этого времени, в том числе в жилищах (Чертовицкое III гор. постр. 14).

Но при всей сложности этнического состава этого населения не вызывает сомнений явное преобладание потомков обитателей Днепровского Левобережья. Его основу составили переселившиеся на Дон носители второй волны сейминско-донецкого варианта киевской культуры, испытавшей сильное воздействие культуры черняховской²⁷. Ими могли уже быть ранние славяне, известные под именем антов. Впервые они упоминаются в связи с событиями самого конца IV в., когда им пришлось столкнуться с остроготами Винитария (Иордан, Гетика: 246). К этому времени население, оставившее древности типа Чертовицкого — Замятино, уже захватило Верхнее Подонье. После разгрома Винитария гуннами Баламбера анты могли оказаться в вассальной зависимости от этого правителя.

По мнению А. М. Обломского, в Верхнем Подонье в V в. сложилось полиэтническое протогосударственное образование во главе с гуннами, которое он уподобляет каганату. Однако на памятниках Острой Луки до сих пор не выявлены археологические следы образования такого ранга. В исследованных им могильниках не открыто ни одного мужского погребения даже «княжеского» ранга (мухинское захоронение принадлежало женщине, да еще и погребенной у порога обычного жилища). Вряд ли резиденцией местного «кагана» могла быть юрта обычных размеров на поселении Ксизово-19, на которой неоднократно акцен-

тировал внимание А. М. Обломский. На ее площади не обнаружено ни одной вещи «престижа» гуннского времени²⁸.

Несколькими годами позже А. М. Обломский скорректировал свою гипотезу и сейчас главную причину образования агломерации поселений на территории Острой Луки связывает с промежуточным пунктом торговли по Дону, исходный пункт которой находился в позднеантичном г. Танаисе²⁹. На этой основе возникла раннегосударственная структура, которая была частью гуннской державы, хотя и несколько обособленной. Сейчас А. М. Обломский видит в населении Верхнего Подонья *акациров*, упомянутых Приском Панийским в середине V в. и Иорданом веком позже³⁰. Но этому препятствует кратко описанный Иорданом хозяйственно-культурный тип этого явно степного племени: «*Не ведающее злаков, но питающихся от скота и охоты*» (Гетика: 37). Эта характеристика никак не соответствует оседлому образу жизни и основному занятию земледелием обитателей Острой Луки в V в.

Альтернативную гипотезу выдвинул Д. В. Акимов³¹. Она во многом повторяет «гуннскую» А. М. Обломского с той лишь разницей, что во главе этнопотестарного образования на Острой Луке он поставил не гуннского «кагана», а аланского или германского вождя, который после разгрома гуннами алан и остроготов короля Эрманариха с родом своим и верной дружиной отступил к северу по течению реки Дон и основал свою ставку в районе Острой Луки. Постепенно ему подчинилось все окрестное население, а с северными лесными соседями

²⁸ Обстоятельный критический разбор гипотезы А. М. Обломского о «гуннском каганате» на Верхнем Дону дан в рецензии Д. В. Акимова и А. П. Медведева на кн. «Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени». Москва: Ин-т археологии, 2004. 330 с. (Раннеславянский мир. Вып. 6) // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2006. № 1. С. 108—110.

²⁹ Обломский А. М. Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время. С. 395.

³⁰ Там же. С. 307—308.

³¹ Акимов Д. В. Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 163—179.

²⁶ Обломский А. М. Поселение поздне римского и гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V в.). Москва, 2015. С. 76—79, рис. 120—121.

²⁷ Гавритухин И. О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово. С. 233.

установились торгово-обменные и семейно-брачные связи. Но и эта гипотеза пока не имеет весомых аргументов: в могильниках на территории Острой Луки не обнаружено ни одной Т-образной катакомбы, которые являются диагностическим признаком погребений алан-танаитов IV в., а находки зеркал с центральной петлей относятся к женской субкультуре, к тому же в массе своей они более позднего времени, нежели время возможного исхода беглецов с Нижнего Дона от гуннской опасности в конце IV в.³²

О дальнейшей судьбе верхнедонского населения с центром в донской излучине Острая Лука что-либо определенное сказать трудно, пока не будут открыты памятники следующего VI в. Но на сегодняшний день представляется, что они не имели продолжения в истории нашего региона. Дальнейшая его история связана с новыми пришлыми группами разноэтничного населения, памятники которого только начинают изучаться.

Глава 3. РАННИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

3.1. Раннеславянские и близкие им древности

Еще в конце 60-х годов при раскопках поселения у с. Ярлуково на берегу р. Матыра близ Липецка были открыты остатки большой полужемлянки, содержащей три развала высоких слабопрофилированных сосудов³³. Один из них, крупный тюльпановидный горшок высотой 38 см, имел узкое днище с закраинами. Весь керамический комплекс К. И. Комаров отнес к колочинской культуре, ранее известной в более западных районах. Одни исследователи связывают ее с ранними славянами, а другие отрицают эту связь и склоняются к их балтской принадлежности.

В последние годы поселения этой культуры на р. Польной Воронеж (Тамбовская область) успешно изучает А. М. Обломский. Он выделил верхневоронежскую группу памятников второй половины V — VII в.³⁴ В материалах ее поселений отмечены черты раннеславянских колочинской и пеньковской культур, но также встречается глиняная по-

суда рязано-окского круга. Территория лесостепного Подонья в раннем Средневековье представляла собой район колонизации различных групп славянского и финского населения. В Центральном Черноземье памятники пеньковской культуры известны в Белгородской области, колочинской — в Курской.

В Воронежской области подобных памятников пока не обнаружено. Но с раннеславянскими древностями VII в. определенно связана находка клада женских украшений у г. Острогожска³⁵. В составе клада две бронзовые литые фибулы: с маскообразной головкой днепровского типа (рис. 148, 1) и пальчатая (рис. 148, 2), а также шесть умбоновидных бронзовых подвесок (рис. 148, 3—5), фрагменты бронзовых браслетов, бронзовая подвеска, стеклянные бусины. Найденные под Острогожском фибулы традиционно связываются с древностями славян-антов. Клад последней трети — конца VII в., скорее всего, принадлежал носителям раннеславянской пеньковской культуры, хотя поселения этой культуры на территории в нашем крае не выявлены. Так что пока в этих находках мы имеем лишь первые бесспорные свидетельства появления славян-антов на Среднем Дону.

³² *Березуцкий В. Д.* Погребение алана-танаита на Среднем Дону // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 2. С. 283—287.

³³ *Комаров К. И.* Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону // КСИА АН СССР. 1972. Вып. 129. С. 47—49.

³⁴ *Обломский А. М.* Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности. Исследования. Проблемы : сб. статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинев — Тирасполь : Stratum plus, 2018. Рис. 1.

³⁵ *Березуцкий В. Д.* Острогожский клад (последняя треть — конец VII в. н. э.) // РА. 2017. № 1.

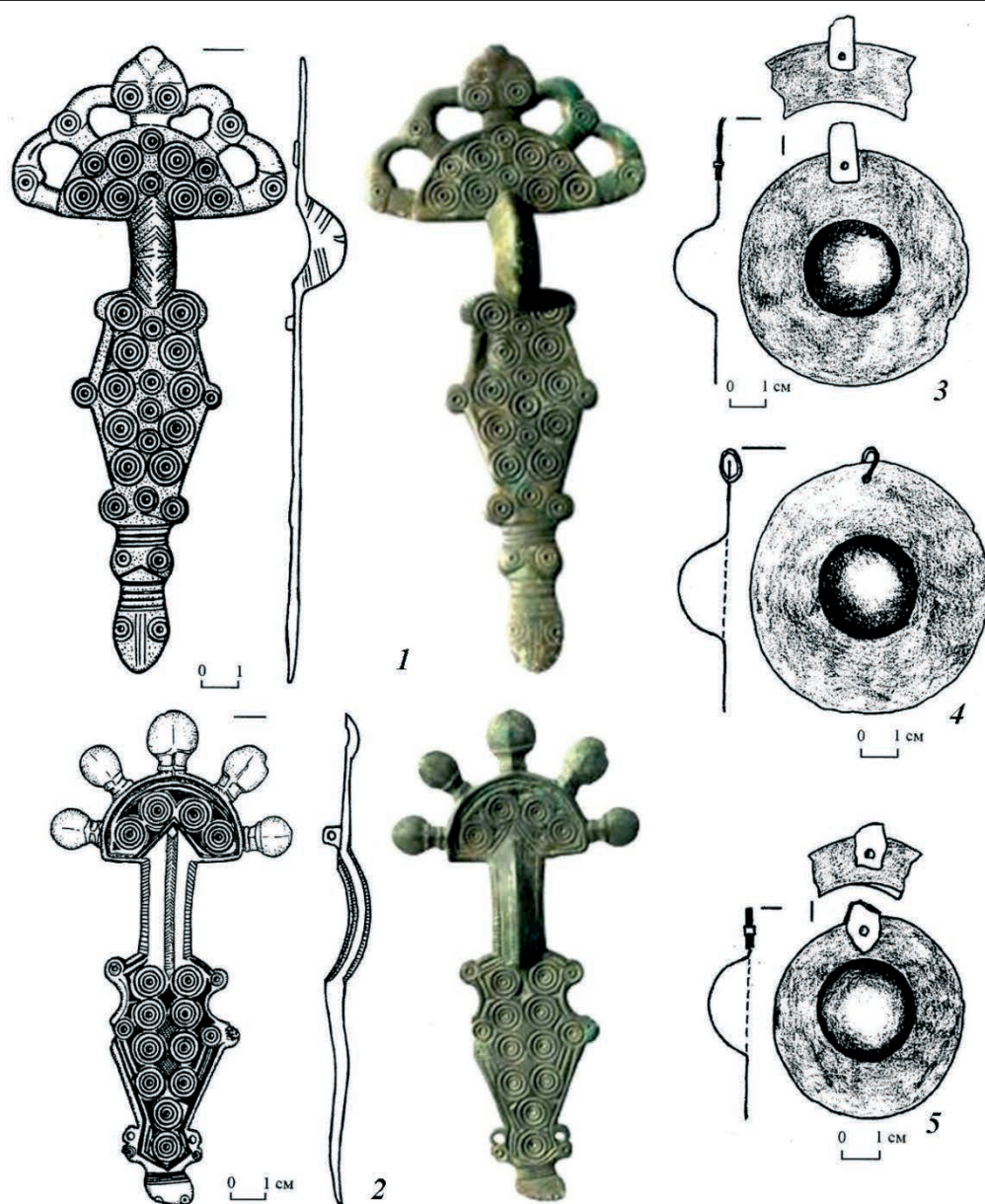

Рис. 148. Острогожский клад (по В. Д. Березуцкому, 2017)

3.2. Погребения раннесредневековых кочевников

К югу от первых раннеславянских поселений в степной зоне обитали кочевники, выходцы из районов Центральной Азии — тюркоязычный народ булгары. Они появились здесь вместе с конгломератом племен Великого переселения народов. В VII в. в Приазовье возникло сильное военно-политическое объединение булгар (праболгар), известное как «Великая Болгария». Своего расцвета оно достигло в 630—660-х гг. Его владения достигали Среднего Дона.

На территории Воронежской области известны отдельные погребения кочевников VI—VII вв. Одно из них изучено на дюне «Те-

решковский вал». Оно совершено в яме размерами 2,1×7 м и глубиной 1,3 м. Умерший положен на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-восток. Над погребенным находилось чучело коня — обычай, характерный для тюркских кочевников. Две пряжки (одна из них в геральдическом стиле) позволяют датировать погребение VII в., а возможно, и несколько ранее³⁶.

³⁶ Синюк А. Т. Гуннское погребение на юге Воронежской области // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.

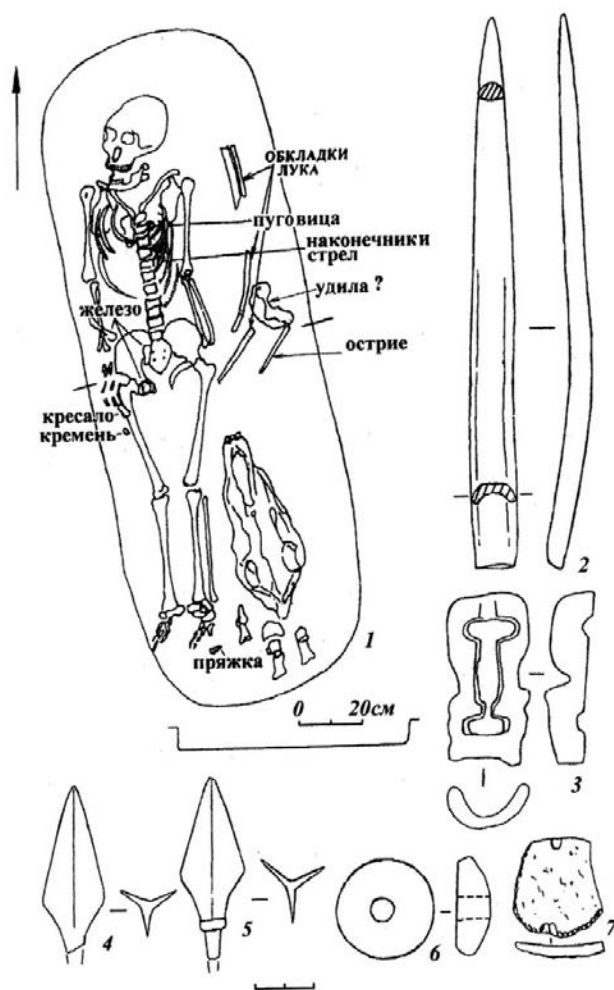

Рис. 149. Таганский могильник. Погребение раннесредневекового кочевника

Два погребения этого времени выявлены на грунтовом Таганском могильнике у с. Лосево в Павловском районе Воронежской области³⁷. Одно из них совершено в неглубокой удлиненной яме овальной формы, размерами 0,75×2,15 м. На дне могилы, вдоль ее западной стены, лежал скелет взрослого человека, захороненного вытянуто, на спине, головой на ССЗ, руки уложены вдоль туловища (рис. 149, 1). По определению М. В. Добровольской, погребенный — мужчина 30—40 лет. Уплощенное лицо, слабо выступающие кости носа, широкие скулы позволяют судить о том, что этот индивид относился к монголоидной расе. На его черепе выделяются следы кольцевой искусственной деформации, которая была достигнута путем наложения тугой повязки вокруг головы. В южной части ямы у ног умер-

шего были уложены череп лошади и кости ног, отчлененные по первый сустав. Вдоль левой руки находились костяные обкладки сломанного пополам лука. Полностью сохранился комплект обкладок рукояти лука. В погребении найдены изделие из кости, костяные пуговица и подпружная пряжка, несколько железных наконечников стрел (рис. 149, 4, 5). Два из них, сохранившиеся лучше других, трехлопастные, у одного частично сохранился черешок. Большой научный интерес представляет комплект из восьми роговых накладок лука — три срединных (рис. 150, 6—8), пять концевых (рис. 150, 1—5). Накладки принадлежат луку «тюрко-хазарской» традиции, время бытования — вторая половина VII — начало VIII в. Подробный анализ этой находки проведен Е. В. Кругловым³⁸.

³⁷ Матвеев Ю. П. Таганский грунтовой могильник. Воронеж, 2004; Цыбин М. В. Погребения кочевников VII—VIII вв. в Среднем Подонье // Дивногорский сборник. Воронеж, 2016. Вып. 6.

³⁸ Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего Средневековья // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2005. Т. 4. С. 83—84. Рис. 15—18.

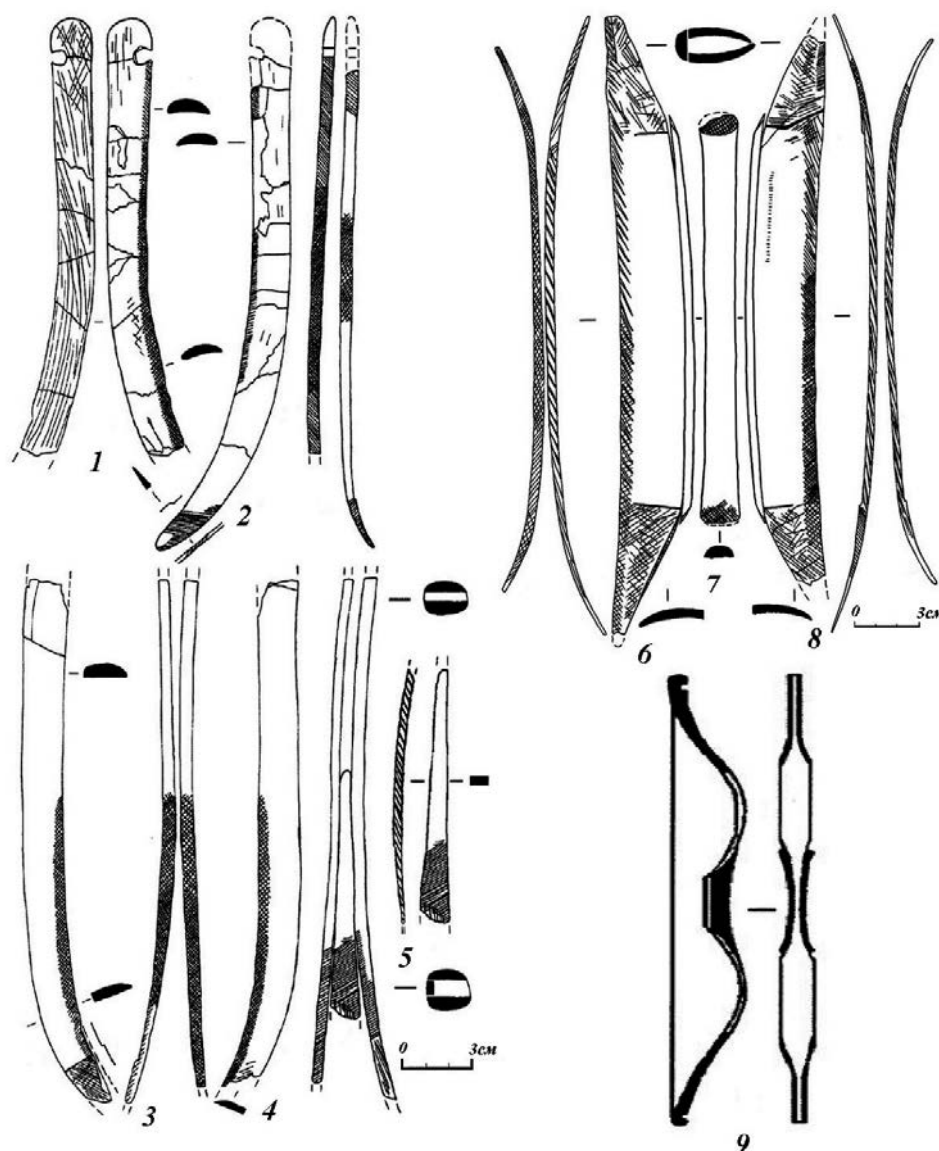

Рис. 150 Таганский могильник.

Роговые накладки на лук из погребения раннесредневекового кочевника

Еще в одном погребении Таганского могильника находились череп и кости конечностей лошади (отчленены по второй сустав), уложенные, видимо, на ступеньке без анатомического порядка по линии юго-запад — северо-восток. Ниже к северо-западу от останков лошади находился скелет взрослого человека, захороненного вытянуто на спине, головой на северо-восток, с положенными вдоль туловища руками. По определению М. В. Добровольской, погребенный — мужчина 40—50 лет. Профилированное лицо, относительно неширокие скулы, выступающий нос позволяют судить о принадлежности этого индивида к европеоидной расе. На черепе следы искусственной деформации явственно прослеживаются на лобной и височной ко-

стях. Под черепом человека находился череп особи мелкого рогатого скота, а отдельные кости скелета этого животного лежали у колена левой ноги умершего. Судя по обряду погребения (чучело коня слева от погребенного, его положение вытянуто на спине головой в северную половину круга) оно может быть отнесено к тому же времени, что и первое погребение.

Погребения Таганского могильника находят ближайшие аналогии среди памятников так называемого авиловского типа (VII—VIII вв.). По мнению Е. В. Круглова, они могут быть интерпретированы как протовенгерские или как угро-тюрко-хазарские. Подобные погребения рассматриваются в контексте выделения ранних памятников праболгар

в степях Восточной Европы³⁹. Если это так, то мы имеем дело с начальным этапом проникновения этого населения в левобережную Донскую лесостепь. Стоит отметить, что истоки культур тюркоязычных кочевников раннего Средневековья на юге Восточной Европы находятся к востоку от этого региона — на территории Тюркского каганата. Но состав кочевых объединений был неоднородным в этническом отношении, о чем могут свидетельствовать признаки европеоидной и монголоидной рас у погребенных в Таганском могильнике.

В 660-е годы «Великая Болгария» была разгромлена хазарами — на ее месте возникает Хазарский каганат, занимающий обшир-

ные пространства степей между Волгой и Доном, включая Предкавказье. Одна часть болгар во главе с ханом Аспарухом откочевала далеко на запад, в Подунавье, покорила местных славян и дала начало государству Болгария, где возобладал язык побежденных. Другая часть ушла на Среднюю Волгу, где вскоре возникнет государство Волжская Булгария. Но, видимо, значительная, если не большая, часть кочевников-булгар расселилась по степям между Азовским морем и Северским Донцом, где они оставили многочисленные могильники. Наконец, какая-то часть болгар уцелела и вошла в состав Хазарского каганата. Об этом речь пойдет ниже.

³⁹ Рашев Р. О возможности выделения ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы // Татарская археология. 1998. № 2 (3).

Часть 4
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Средневековьем принято называть историческую эпоху, следующую за Древностью и предшествующую Новому времени. Это принципиально новое время в истории нашей страны и нашего края. Оно ознаменовалось сложными явлениями, процессами и взаимодействиями на территории всей Евразии, которые неизмеримо расширили территорию цивилизованной ойкумены. Обычно ее датируют V—XVII вв. За нижнюю границу для истории Юга Восточной Европы принимается историческое событие — вторжение гуннов в 375 г. на Нижний Дон и далее по степям к Дунаю. Они разгромили и подчинили себе и алан, и готов-грейтунгов, владивших на Нижнем Дону и территории современной Украины с III в. Гуннское вторжение вывело на арену истории новые народы: германские, славянские, тюркские и др., а старые ираноязычные народы или вошли в состав новых потестарных образований гуннов или их преемников, или укрылись глубоко в горах, как поступила часть алан — предков осетин. В духовном преобразовании бывшего римского мира огромную роль сыграло христианство, а затем ислам, постепенно распространившиеся среди новых европейских народов. Не было здесь и той «роскоши феодализма» (термин П. С. Уварова), который позволял западноевропейским народам, прикрытым восточноевропейским щитом (Русь, Литва), использовать людские и материальные ресурсы, прежде всего, на созидание, в отличие от степных образований, которые тратили едва ли не большую их часть на войну и оборону.

Но раннесредневековые кочевники, помимо войн и разорений, внесли свой вклад в историю цивилизаций. Именно в их среде не позднее середины I тыс. н. э. появились такие нововведения, как стремена и седло, во многом изменившие характер сражений и на первых порах давшие им явные преимущества над оседлыми народами и даже империями.

Историкам в первую очередь в глаза бросаются крупные исторические события, попавшие на страницы летописей и хроник: передвижения восточных кочевых орд, которые с удивительным постоянством накатывались на Европу. По степи регулярно двигались караваны с товарами, которые приносили с собой изделия далеких восточных цивилизаций. Но главное не это. Как показывают многочисленные археологические исследования, в сте-

пи и лесостепи шла обычная повседневная жизнь, время от времени прерываемая большими и малыми войнами.

В Восточной Европе становление раннеклассового общества, государственности и цивилизации шло более замедленными темпами, нежели в Западной Европе, где сохранились многие элементы римской цивилизации. После падения Западной Римской империи европейский мир стал быстро изменяться. Именно в эту эпоху славянские племена начали активно расселяться по Восточно-Европейской равнине, южному побережью Балтийского моря и проникать на Балканы. На рубеже VIII—IX веков отдельные их группы ушли на восток и заселили берега Дона и Воронежа.

К этому времени на Юго-Востоке Европы появились два крупных государственных образования — Хазарский каганат и Древняя Русь. Более века они соперничали за власть над бескрайними пространствами восточно-европейских степей и лесостепей. Поэтому ученые не без основания относят начало средневековой истории в Восточной Европе ближе к IX в. С верхним хронологическим рубежом интересующей нас эпохи тоже не все так просто. Обычно для истории России Новое время начинают с конца XVII в., с воцарения Петра I, весьма радикально изменившего траекторию развития нашего государства. Но для Воронежского края не меньшим, а может быть, даже более важным рубежом был XVI в., когда бывшее ничейное «Поле» прочно вошло в состав Московского царства под защитой только что срубленных городов-крепостей типа Воронежа (1586 г.).

Отличительной чертой развития Восточной Европы в средневековую эпоху, в том числе русской, была прерывистость ее истории. Особенно ярко она проявлялась на ее окраинах, каким был наш донской край. Главная причина — близкое соседство с воинственным кочевым миром степей, который неоднократно включал в свой состав или просто грабил оседлое население по берегам Дона. Практически все нашествия кочевых орд на Русь и далее в Европу прокатывались по нашему краю, что никак не способствовало стабильности и поступательному развитию населения, оказавшегося на крайнем восточном рубеже славянского мира. С другой стороны, какие только народы не проживали в нашем крае: восточные славяне, русские — подданные ря-

занских и черниговских князей, хазары, древние болгары, печенеги, половцы, аланы-ясы, венгры (угры), монголы. Они оставили нам историю, наполненную самыми разными драматическими событиями, а также богатейшее археологическое наследие. Как и для предшествующих периодов, без археологии, опираясь только на скудные сообщения иноземных авторов да фрагментарные известия летописей, было бы невозможно написать историю нашего края VI—XV вв.

До конца прошлого века одной из «темных» страниц в истории воронежского края была эпоха начала раннесредневековых славянских культур. Для этого времени не было ни письменных, ни археологических источников, чтобы выделить ранние достоверные славянские древности. Лишь в начале нового столетия удалось обнаружить памятни-

ки, частично освещающие исторические процессы, которые происходили в нашем крае в VI—VII вв.

Как мы показали в предшествующем разделе, начало эпохи Средних веков не отмечено какими-то резкими переменами в жизни и культуре лесостепного Подонья второй половины V — VII в. По существу, она явилась продолжением тех историко-культурных процессов, которые начались еще в III—V вв. Они сводились к расселению в Среднем и Верхнем Подонье, а также по р. Воронеж различных групп преимущественно оседло-земледельческого происхождения — выходцев из более западных лесостепных районов Днепро-Донского междуречья, а также из Поочья. Лишь ареал этих явлений существенно расширился и достигал верховий р. Воронеж и среднего течения Дона.

РАЗДЕЛ 1. ДОНСКИЕ СЛАВЯНЕ VIII—XI ВВ.

Проблема освоения славянами бассейна Дона весьма сложна и не решена до конца до сих пор. Мы не будем здесь рассматривать весьма дискуссионную тему о появлении на берегах Дона отдельных групп ранних славян («праславян») в более раннее время, о чем речь шла в предыдущем параграфе. Во второй половине I тысячелетия н. э. славянские племена начали активно расселяться по Восточно-Европейской равнине, продвигаясь в северном и восточном направлении.

В результате к VIII в. здесь сложился целый славянский мир, состоящий из нескольких десятков племен. По мере продвижения в лесную зону они вступали в тесные контакты с балтскими и финскими народами, издревле жившими на берегах Верхнего Днепра и его левобережных притоков, Верхней Волги, Оки и в более северных районах. На рубеже VIII — IX веков восточнославянские племена заселили берега Дона и Воронежа (рис. 151).

Глава 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Первые полевые исследования, проведенные более 100 лет назад на Большом Боршевском городище и могильнике **А. А. Спицыным** положили начало целенаправленному исследованию памятников донских славян¹. В конце 20-х гг. XX в. раскопки экспедиции ГАИМК под руководством **П. П. Ефименко** на Боршевских городищах и могильнике широкими площадями, а также других памятников на р. Воронеж, яви-

лись серьезным прорывом в славянской археологии².

Продолжение полевых исследований памятников донских славян связано с именем **Анны Николаевны Москаленко** (рис. 152). Масштабные раскопки, проведенные ею на Титчихинском городище в 1954—1962 гг., дали исключительно важный материал для освещения истории и культуры славянского населения Донского региона³.

¹ Спицын А. А. Новые сведения о городищах Дьякова типа // Записки отделения русской и славянской археологии ИРАО. Санкт-Петербург, 1905. Т. 7. Вып. 1.

² Ефименко П. П. Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8.

³ Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

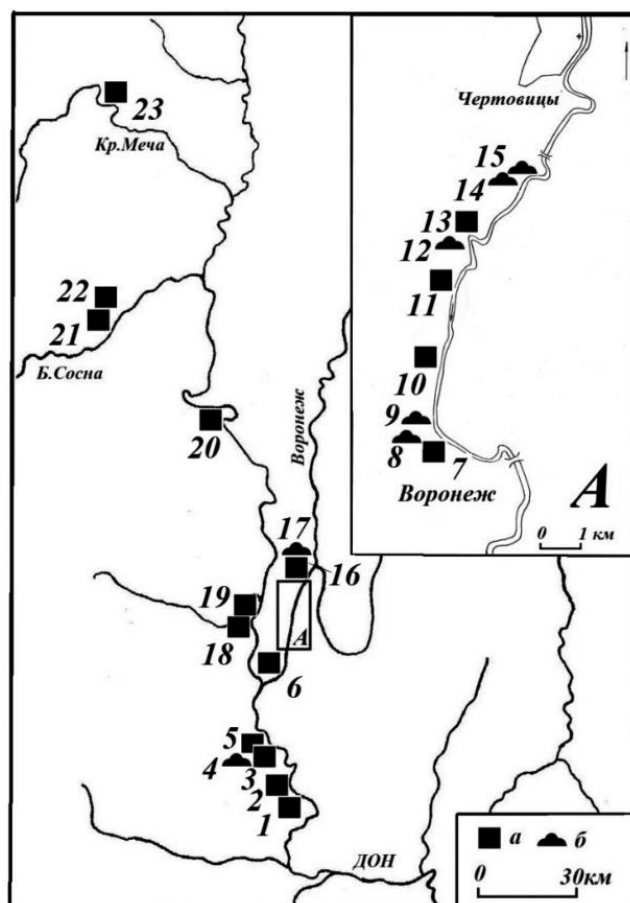

Рис. 151. Карта основных археологических памятников донских славян:

a — городище, *б* — курганный могильник

- 1 — Титчиха; 2 — Архангельское; 3 — Малое Боршевское; 4 — Боршевский мог.;
 5 — Большое Боршевское; 6 — Шиловое; 7 — Кузнецовское; 8 — Кузнецовский мог.;
 9 — Лысогорский мог.; 10 — Михайловский кордон; 11 — II Белогорское;
 12 — I Белогорский мог.; 13 — I Белогорское; 14 — II Белогорский мог.;
 15 — III Белогорский мог.; 16 — Животинное; 17 — Животинный мог.;
 18 — Семилукское; 19 — Чернышева гора; 20 — Ксизовское; 21 — Воргольское;
 22 — Паженьское; 23 — Дубики.

Рис. 152. Анна Николаевна Москаленко

Рис. 153. Анатолий Захарович Винников

Начиная со второй половины 60-х гг. XX в. полевые исследования в области славянской археологии были перенесены на р. Воронеж. Раскопки велись под руководством **Анатолия**

Захаровича Винникова (рис. 153) на четырех курганных могильниках и ряде городищ: Михайловский кордон, I и II Белогорские, Животинное⁴.

Глава 2. ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ СЛАВЯН

По реке Воронеж, на высоком правом берегу, изрезанном балками и логами, нетрудно и сейчас заметить следы древних поселений. Хорошо видны округлые ямы — остатки жилищ, различных хозяйственных построек. Для защиты от неприятеля использовались не только естественные крутые склоны мысов, но и специально сооруженные со стороны плато валы и рвы. Они отделяли само поселение от прилегающей территории⁵.

Такие городища известны у санатория им. М. Горького (Кузнецовское городище), на дачным поселком Рыбачье — городище у Михайловского кордона. На его площади насчитывается несколько сот округлых западин от древних жилищ. Вверх по течению реки на Белой Горе — еще одно городище. Севернее находится древнее славянское поселение у с. Староживотинное. В центре г. Липецка в X веке также располагалось славянское городище, к настоящему времени полностью поглощенное городом. В черте современного г. Воронежа еще в довоенный период сотрудниками Воронежского областного краеведческого музея были зафиксированы остатки нескольких славянских поселений конца I тыс. н. э.⁶

На Среднем Дону известны городища Большое и Малое Боршевские у с. Борщево, городище у с. Архангельское Хохольского района и городище у хут. Титчиха Лискинского района — самое южное славянское поселение на Дону.

Территория, освоенная донскими славянами во второй половине VIII — начале IX в., представляла собой окраинный район сла-

вянского мира. Их поселения и могильники известны как памятники *боршевской культуры*⁷. Район расселения донских славян с юга и юго-запада граничил с северо-западными рубежами Хазарского каганата (памятники *салтово-маяцкой культуры*)⁸, с северо-востока — с финноязычными народами⁹, с запада примерно на расстоянии 150—200 км находились памятники летописных северян (*роменская культура*)¹⁰. Уже само географическое расположение славян донской группы памятников свидетельствует об определенной изоляции от других районов славянского мира, что не могло не отразиться на их культуре.

Славянские городища всегда расположены на высоких труднодоступных мысах Дона или Воронежа. Искусственные укрепления строились обычно со стороны поля в местах, доступных для противника. Они представляли сложные дерево-земляные укрепления.

Археологическая экспедиция Воронежского университета подвергла раскопкам валы и рвы на многих городищах донских славян. Деревянные оборонительные конструкции на городищах представлены двумя типами. Первый — деревянные стены, поставленные или на специально подготовленную небольшую подсыпку, или на вал предшествующего времени. С внутренней стороны они поддерживались короткими перпендикулярными стенками, соединенными со стеной рубкой «в обло», с наружной — присыпались землей примерно на высоту насыпи вала.

На некотором расстоянии перед стеной выкапывался ров, почва из которого и шла на

⁴ Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984 ; *Его же*. Славяне лесостепного Дона в раннем Средневековье (VIII — начало XI века). Воронеж, 1995 ; *Его же*. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XI в. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж, 2014.

⁵ Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981.

⁶ Валукинский Н. В. Разведка в Воронеже (1935 г.) // Советская археология. Москва — Ленинград, 1937. № 4. С. 304—312.

⁷ Москаленко А. Н. Славяне на Дону. Свое название эта культура получила от местного произношения села как «Боршево».

⁸ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. Москва, Иерусалим, 1999.

⁹ Воронина Р. Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши: конец IX — начало XI века. Москва, 2007.

¹⁰ Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.

присыпку стены. Таким образом, эти укрепления представляли собой трехстенные срубы, возможно, даже перекрытые сверху деревом.

Такие конструкции имели укрепления Малого Боршевского, I Белогорского городищ и ряда других поселений.

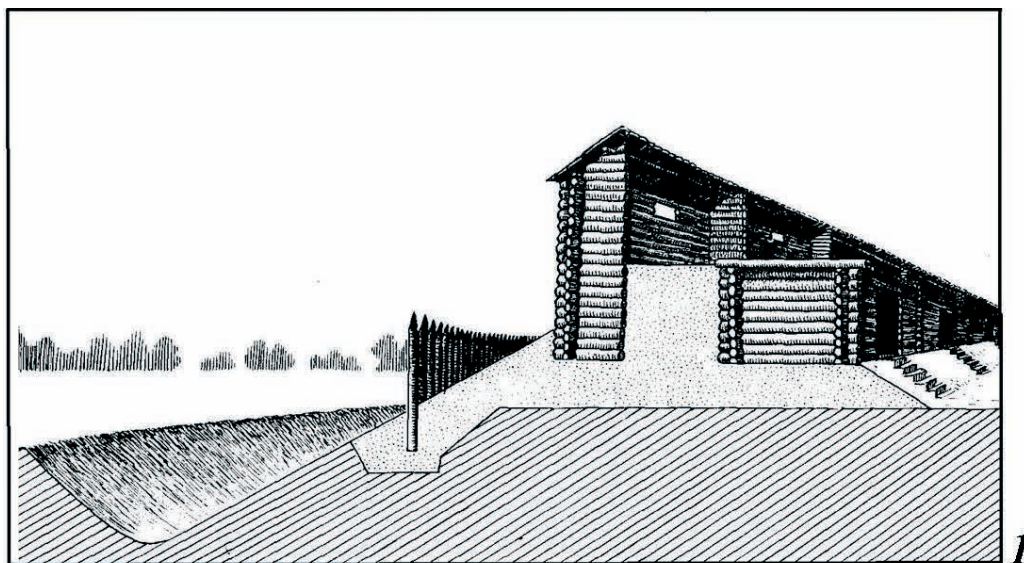

Рис. 154. Укрепления городища Титчиха: 1 — разрез укреплений; 2 — реконструкция укреплений с внутренней стороны (автор Я. П. Мулкиджанян)

Второй тип деревянных оборонительных конструкций — четырехстенные срубы, забитые землей. Обнаружены на хорошо известном Титчихинском городище, расположенном на самых юго-восточных рубежах славянского мира. Они опоясывали поселение со стороны плато в виде вала длиной 130 м. Клинии оборонительных срубов, заполненных землей, с внутренней

стороны примыкали деревянные сооружения также в виде срубов, но уже без земляной засыпки, сверху перекрывавшиеся деревянной крышей. Они не являлись постоянными жилищами. Возможно, именно в этих наземных срубных постройках укрывались женщины, дети, старики, а все взрослое мужское население должно было стоять наверху срубов и защищать поселение.

В мирное время постройки служили местом, где останавливались иноземные купцы со своими товарами (рис. 154).

Поселение с очень близкими по конструкции оборонительными сооружениями расположено на р. Воронеж — Животинное городище, которое и по своему социальному статусу стоит в одном ряду с городищем Титчиха. Расположено оно на мысу правого берега реки, в 3,5 км от с. Староживотинное Рамонского района Воронежской области¹¹. Аналогичные по конструкции оборонительные сооружения выявлены на городище «Михайловский кордон» (р. Воронеж)¹². К городищам обычно примыкали селища, расположенные за пределами укрепленной части. Иногда они непосредственно примыкали к городищу, иногда находились на значительном удалении.

Для большинства городищ VIII—X вв., которые являлись общинными центрами, характерны сооружения в виде стен, с внешней

стороны укрепленных насыпными откосами, а с внутренней — срубами-опорами (первый тип). Второй тип укреплений выявлен на Титчихинском, Животинном городищах, городище «Михайловский кордон», которые связываются в более западных районах славянского мира с княжескими крепостями, а на донской окраине — это, вероятно, общеплеменные административные центры. Таким образом, различные типы деревянных оборонительных сооружений соответствуют различным статусам того или иного поселения.

За оборонительными стенами укрывался славянский поселок. Попробуем перенестись более чем на 1000 лет назад. Жители поселка, купцы и просто путники могли пройти на территорию поселения только через специально сооруженные ворота или въезды с напольной стороны мыса. Через рвы перекидывались мосты, которые в случае опасности разрушали, а потом вновь восстанавливали.

Глава 3. ЖИЛИЩА ДОНСКИХ СЛАВЯН

Славянские городища в бассейне Дона имели по несколько десятков или даже сотен жилищ, которые сейчас видны в виде так называемых «западин». Они изучались практически на каждом славянском поселении, где велись полевые раскопки. Авторы первых исследований отстаивали тезис о наличии у донских славян жилищ, соединяющихся между собой крытыми переходами¹³. И лишь исследования А. Н. Москаленко на Титчихинском городище, а также раскопки других памятников в донском регионе позволили доказать, что и для донских славян, как и для восточнославянского мира в целом, характерны отдельно стоящие постройки, что отражало обособление отдельных семей и распад старых родовых отношений.

подавляющее большинство котлованов построек имеют квадратную или приближающуюся

к квадрату форму. Их площадь — 12—16, реже до 25 м². Они углублены в землю до 1,5 метра, но чаще всего — меньше. Стены котлована обшивали деревом, деревянная конструкция продолжалась и выше, переходя в крышу, которая чаще всего была двухскатной и покрывалась соломой, землей, а иногда обмазывалась глиной, которую слегка обжигали.

На основании многочисленных раскопанных поселений сложилось мнение, что в восточнославянских полужемляночных жилищах VIII—X вв. представлены два типа деревянных конструкций: срубная и столбовая, причем к западу от Днепра сохранялись традиции срубной конструкции, а к востоку — полностью господствует столбовая конструкция стен. Этот тезис не всегда подтверждается конкретными данными. И на Дону имеются жилища со срубной конструкцией. На славянских поселениях Среднего Дона выделяются два типа полужемляночного жилища: с каркасно-столбовой облицовкой стен и срубной (рис. 155, 1, 2). В полу жилищ каркасно-столбовой конструкции расчищены столбовые ямки, идущие вдоль стен и по углам. Деревянные конструкции в постройках практически сохранились лишь на Титчихинском городище, где в ряде построек прослежены остатки горелого дерева.

¹¹ Винников А. З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XI вв. (Животинное городище на р. Воронеж).

¹² Винников А. З. Славянское городище у «Михайловского кордона» на р. Воронеж // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2017. Вып. 8.

¹³ Ефименко П. П. Древнерусские поселения на Дону.

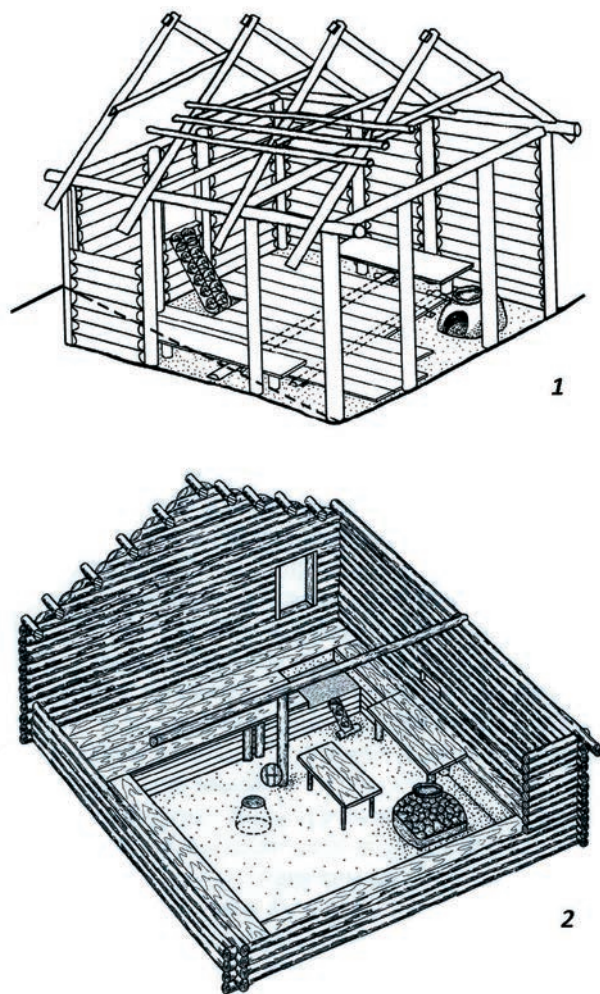

Рис. 155. Реконструкция жилищ Животинного городища (по В. В. Енукову, О. Н. Енуковой)

Наиболее вероятной конструкцией стен в жилищах Животинного городища были горизонтально положенные плахи, закрепленные в вертикальных пазах столбов-стояков. Только такая конструкция стен возможна в жилищах со сравнительно неглубоким котлованом. От характера деревянной облицовки стен зависела и конструкция наземной части жилищ. Именно путем закладки в вертикальные пазы столбов-стояков горизонтальных плах можно поднять стены жилищ на любую высоту. Пространство между бревнами и внутри котлована, и в наземной части построек промазывали глиной. Снаружи такая конструкция в месте перехода от углубленной части к наземной, вероятно, могла в ряде случаев частично на очень небольшую высоту присыпаться землей, чтобы еще более утеплить жилище, образуя нечто подобное «завалинке».

Обязательная принадлежность славянского жилища — печь, которая служила и для обогрева дома, и для приготовления пищи. Она всегда находилась в одном из углов жи-

лища. Печи делали из камня, глины, а иногда из материкового останца, который оставляли при выкапывании котлована постройки. Независимо от места расположения печи во всех жилищах ориентация ее устья и входа сохраняется очень устойчивая, выражающаяся, во-первых, в правостороннем расположении печи относительно входа, во-вторых, устье печи всегда ориентировано на вход. Полуземлянки отапливались по-черному, дым выходил через дверь. Если бы печь была рядом со входом, то вместе с дымом уходило бы и тепло.

В ряде построек кроме основной печи имелись и открытые очаги, расположенные на значительном расстоянии от печей. Ни в одном из славянских жилищ не было только открытого очага. В некоторых постройках в районе печей имеются небольшие выемки в материковой стене. Возможно, это своеобразные дымоходы.

Арабоязычный писатель Ибн Руста в своем труде «Книга драгоценных ожерелий» писал: «В земле славян холод бывает до того силен,

что каждый из них выкапывает себе в земле род погребца, который покрывает деревянной остроконечною крышею, какие видим у христианских церквей, и на крышу эту накладывают земли. В такие погребца переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне докрасна. Когда же раскаляются камни до высшей степени, поливают их водой, отчего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают уже одежду. В таком жилье остаются до самой весны»¹⁴.

О чем писал средневековый писатель? Вероятно, в описании Ибн Руста нашли отражение в совокупности и жилое сооружение, и баня, которые, безусловно, были у восточных славян. И в сознании средневекового наблюдателя-иноземца и те, и другие постройки соединились в одно целое.

Жить в славянском жилище, вероятно, было не очень просто. Низкая крыша, земляной пол, редко покрывавшийся деревом, дым и копоть, теснота: вместе с людьми зимой находился молодняк скота — таков был повседневный быт славянского населения. Правда, в летнее время становилось легче. Рядом с домом под легким навесом сооружали временные печи из камня, в доме стены очищали от сажи, копоты, осевшей толстым слоем за долгие зимние месяцы, вход в дом был открыт, внутри сухо, светло. Пройдет еще не одно столетие, пока полуземлянки сменятся просторными наземными срубными домами, появятся дымоходы, более удобные печи и многие другие усовершенствования славянского жилища. А до тех пор полуземлянка на протяжении многих веков верой и правдой служила славянам.

Глава 4. ХОЗЯЙСТВО ДОНСКИХ СЛАВЯН

Оценка уровня развития хозяйственной деятельности славянского населения лесостепного Дона в конце I тысячелетия получила в литературе неоднозначное освещение. Одно время существовало мнение

об архаичности и примитивности культуры донских славян. Однако в работах второй половины XX в. хозяйство донских славян представляется как высокоразвитое и разностороннее.

4.1. Земледелие

Земледелие составляло основу хозяйства. Прежде всего необходимо отметить находки зерна на славянских поселениях. Около 36 кг обугленных зерен пшеницы было обнаружено на Кузнецовском городище в специальных помещениях — амбарах. На Титчихинском городище в полуземлянках обнаружены зерна ячменя, ржи, проса, гороха. Значительная коллекция зерна происходит с Животинного городища, где обнаружены зерна пшеницы, проса, чечевицы, ячменя, гороха, льна.

Важным показателем степени и качества развития земледельческого хозяйства являются орудия труда. К сожалению, их обнаружено мало: наральники для обработки почвы, серпы, коса для уборки урожая. Одним из показателей земледельческого хозяйства являются также орудия размола зерна — жернова. Они встречены на Титчихинском, на Большом

и Малом Боршевских городищах, их обломки — на Животинном городище. Кроме жерновов в хозяйстве донских славян широко использовались зернотерки и песты. О земледельческом хозяйстве донских славян свидетельствуют и находки больших круглых или квадратных глиняных противней, служивших для просушки зерна. Они обнаружены на Титчихинском городище, на Большом Боршевском и других памятниках.

Подтверждением наличия земледельческого хозяйства у донских славян являются так называемые глиняные хлебцы, встреченные на Животинном городище в виде круглых или овальных лепешек. На одном глиняном хлебце остались даже отпечатки от зубов. «Хлебцы» имели культовое значение.

Обмолоченное зерно хранилось в специальных амбарах. Оба амбара на Кузнецовском городище имели квадратную форму площадью около 2 м² и глубину в материке 0,6—1,05 м. Аналогичные зернохранилища обнаружены на Животинном городище. Сте-

¹⁴ Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. Санкт-Петербург, 1869. С. 32—33.

ны амбаров облицованы деревом и обмазаны обожженной глиной.

В материалах раскопок славянских памятников бассейна Дона отсутствуют какие-либо данные, раскрывающие систему земледелия у донских славян. Но необходимо отметить, что почвоведы Б. П. и А. Б. Ахтырцевы, исследуя погребенные почвы под курганными насыпями Лысогорского могильника, обратили внимание на то, что они некоторое время обрабатывались славянским населением, которое предварительно истребило лес, росший на этой площади¹⁵. На мысу, где расположен Лысогорский могильник, выявлен небольшой славянский поселок, предшествовавший мо-

гильнику, датируемый приблизительно VIII в. Вероятно, первые славянские поселенцы, обрабатывая землю вблизи своих поселений, вынуждены были расчищать леса, применяя подсеку. Эта система земледелия широко использовалась ранними славянами. Исследования Животинного городища дали возможность говорить и возделывании донскими славянами озимых хлебов, прежде всего ржи.

Кроме производства зерна донские славяне выращивали и огородные культуры. Обнаружены железные мотыжки и железные наконечники деревянных орудий (лопат?). Они встречены и на славянских поселениях на р. Воронеж.

4.2. Животноводство

При раскопках славянских поселений в большом количестве встречаются кости животных. Особенный интерес представляют кости животных, найденные или на полу жилища, или в печах. По ним определяют, какое мясо и в каком количестве употребляли жители конкретного жилища. Славяне разводили преимущественно крупный рогатый скот:

коров, быков, волов, но численно преобладали коровы. Молочная пища играла немалую роль. Обнаружены толстостенные сосуды с отверстиями для приготовления творога. Кроме того, в хозяйстве имелись овцы, козы, свиньи и лошади, которые служили не только в качестве тягловых животных, конину употребляли и в пищу.

4.3. Охота и рыболовство

Со времени раскопок Малого и Большого Боршевских городищ (1928—1929 гг.) и публикации их материалов в литературе распространилось мнение о значительной роли у донских славян охоты в ущерб животноводству. Раскопки Титчихинского городища в какой-то степени подтвердили эту точку зрения (количество особей диких животных составляет 58,4 %, домашних — 41,6 %). Но современные методы изучения остеологического материала внесли некоторые коррективы: на Титчихе особи домашних животных составляли 55 %, а диких — 45 %; на Большом Боршевском соответственно 53,5 и 46,4 %.

Несколько иная картина вырисовывается на славянских поселениях по берегам р. Воронеж, где сохраняется большая разница между домашними и дикими особями: на Кузнецовском городище домашних — 47,6 %, диких — 52,4 %; на Животинном — домашних

около 40 %, диких около 60 %. Совершенно очевидно, что для этих поселений роль охоты была значительно выше по сравнению со среднедонскими. Физико-географические условия в низовьях р. Воронеж, где произрастали леса, была заболоченная пойма, создавали благоприятные условия для охоты. Здесь получение мяса, шкур путем охоты было, вероятно, более выгодно, чем разведение домашних животных. Охотились на лосей, кабанов, косуль и других животных, мясом которых питались. Занимались промыслом пушных зверей: бобров, лисиц, белок, зайцев. Пушнина могла служить главным товаром в торговле с иноземными купцами.

Дон, Воронеж и другие реки были богаты рыбой. Кости рыб и чешуя встречаются на всех славянских поселках в бассейне Дона. Ловили щук, лещей, сомов до 1,5 м, а также стерлядей и севрюг. В одной из ям на Большом Боршевском городище сохранился слой чешуи 16 судаков, 25 лещей, 11 жерехов, четырех вырезубов, одной красноперки. Крупная рыба требовала и соответствующей рыболовной снасти. Рыболовные крючки

¹⁵ Ахтырцев Б. П. Лесные палеопочвы Лысогорского могильника конца I тысячелетия н. э. // Археологические памятники эпохи железа восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1987.

поражают своими размерами — 8—13 сантиметров (рис. 156, 2, 3)! Кроме крючков для ловли крупной рыбы использовались остроги (рис. 156, 1). Практиковали и подледный способ добычи рыбы, о чем свидетельствуют находки пешней — массивных втульчатых наконечников для пробивания льда (рис. 156, 7).

Кроме крючков и острог ловлю рыбы осуществляли при помощи сетей. На поселениях донских славян обнаружены глиняные грузила, но их очень немного (рис. 156, 4). Вероятно, в большей мере использовались каменные грузила, которые прикреплялись к сети непосредственно у водоема и на поселении не встречены.

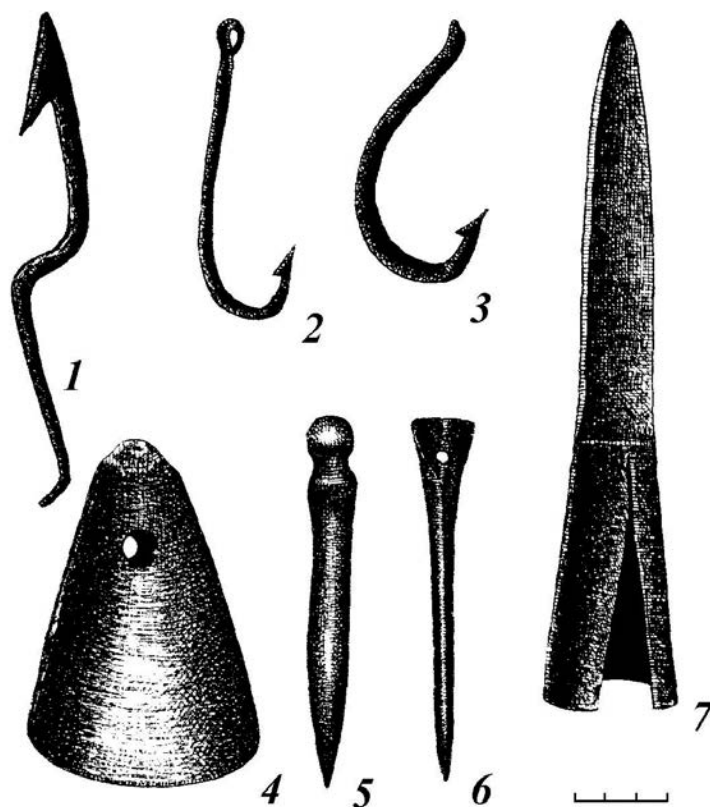

Рис. 156. Орудия рыболовства

Зато на поселениях найдены в большом количестве костяные иглы-кочедыки (обычно в комплекте 3—5 штук) для плетения сетей (рис. 156, 5, 6). Рыболовство средневековых славян являлось наряду с земледелием, животноводством и охотой важнейшей отраслью добычи пропитания.

Хозяйственная жизнь древних славян в нашем крае была трудной, сложной и разнообразной. Использовали и природные богатства, и то сырье, которое давали ведущие отрасли. Занимались прядением

и ткачеством, о чем свидетельствуют обнаруженные на Титчихинском городище ножницы для стрижки овец, многочисленные глиняные пряслица от веретен. Обработывали кожу, из которой шили одежду и обувь. Из кости изготавливали ручки для ножей, гребни, украшения и многое другое. Широко применяли дерево, особенно при строительстве жилищ и оборонительных укреплений. Видимо, была и деревянная посуда, но, к сожалению, об этом можно только догадываться.

4.4. Керамическое производство

Основная посуда изготавливалась из глины: горшки различных форм, в которых готовилась пища и хранились различные припасы (рис. 157, 1—3); столовые миски, сковородки,

на которых пекли хлебные лепешки; большие квадратные или округлые противни с высокими бортами, применявшиеся для сушки зерна перед помолом.

Рис. 157. Глиняная посуда донских славян

Славянские сосуды отличались грубо обработанной поверхностью. Они имели незатейливый орнамент: по самому краю на сосудах делались различные вдавления (пальцем, ножом, палочкой), верхняя часть тулова сосуда украшалась своеобразным орнаментом — вдавлениями штампа, образованного веревочкой или ниткой, намотанной на палочку. Этот орнамент больше характерен для донских славян и славян, обитавших в левобережье Днепра и на Верхней Оке. Изготавливали посуду без гончарного круга исключительно женщины для своих нужд. Как правило, она была невысокого качества, сделанная на скорую руку. Обжигали сосуды в обычных печах

или в открытых очагах вне постройки. Славянская керамика была очень хрупкой, легко билась и требовала постоянного пополнения.

Следует отметить, что к концу X в. практически у всех славянских племен, вошедших в состав Древнерусского государства, посуда уже изготавливалась на гончарном круге, тогда как донские славянки упорно продолжали придерживаться традиции изготовления керамики старым ручным способом. Гончарный круг у них не привился, хотя на отдельных поселениях гончары, слепив вручную горшок, придавали ему большую стройность, слегка подрабатывая на примитивном гончарном круге.

4.5. Metallurgy and metalworking

Одной из важнейших отраслей хозяйства донских славян являлись металлургия и металлообработка, т. е. изготовление изделий из металла, прежде всего из железа. О местной металлургии железа свидетельствует, прежде всего, большое количество железного шлака, встреченного на всех без исключения раскопанных поселениях. Сырьем служила болотная руда, которая в нашем крае встречается в значительном количестве.

Специальные металлургические печи-домницы, в которых плавилась руда, встречены лишь на двух поселениях: Кузнецовском и Животинном. Вероятно, чаще практиковали плавку железа в горшках. Поэтому иногда куски шлака повторяли форму глиняных горшков. Плавку в горшках осуществляли в жилищах жители Титчихинского городища. На Животинном городище выявлен комплекс специальных сооружений, предназначенный для

плавки руды в горшках. А. Л. Монгайт отмечал, что «варка» железа в горшках в домашней печи была «древнейшим и простейшим способом» его производства¹⁶. Кроме «варки» железа в горшках славянским населением Дона использовался и сыродутный способ получения железа в специальных горнах, широко распространенный у восточных славян в конце I тысячелетия н. э. Горны располагались, как правило, ближе к сырью, за пределами или на самой окраине поселений. На сыродутный способ получения железа указывает находка на Животинном городище обломка сопла, край которого сильно ошлакован. Обломок другого сопла найден на Титчихинском городище. О сыродутном способе получения железа ярко свидетельствует массивная крица весом 2,8 кг, обнаруженная на I Белогорском городище.

В 1994 году на II Белогорском городище за пределами укреплений был исследован производственный комплекс для сыродутного получения железа. Найдено более 20 фрагментов сопел, большое количество шлака, куски

губчатого железа весом по 0,6—0,8 кг. Это первый и пока единственный такого рода комплекс, открытый на славянских памятниках бассейна Дона¹⁷.

Доменное и кузнечное дело находились в древнерусской деревне в руках одних и тех же мастеров. Производственные помещения, открытые на некоторых поселениях, в частности на Кузнецовском городище, также свидетельствуют о совмещении производства металла и кузнечного дела. Не исключено, что и в тех жилищах, в которых зафиксирована «варка» железа в горшках, занимались и кузнечным делом.

У донских славян были и специализированные кузнечные мастерские. Одна из них была исследована на I Белогорском городище. Кузница почти наземного типа имеет несколько неправильную прямоугольную форму размером 2,6×2,85 м. В северо-западном углу постройки расчищено небольшое углубление, в котором стояла каменная наковальня весом 28 кг. Рядом с наковальней лежали кузнечные клещи длиной 0,55 м (рис. 158, 1).

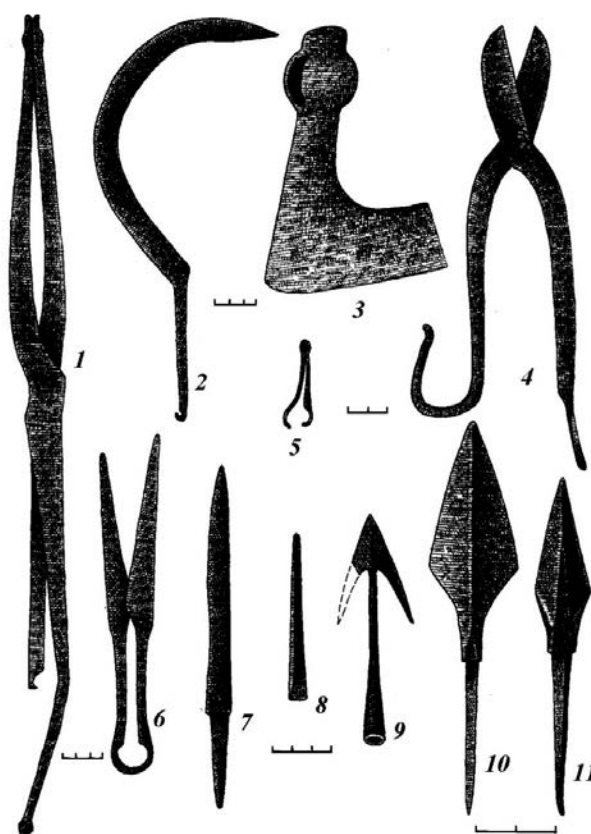

Рис. 158. Металлические изделия донских славян

¹⁶ Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА. 1955. № 49. С. 98—99.

¹⁷ Пряхин А. Д. Железоплавильный комплекс на II Белогорском городище конца I тысячелетия н. э. // На юго-востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. Воронеж, 1996.

Кроме наковальни и клещей на полу обнаружены точильный камень, пробойник. На других поселениях найдены ножницы по металлу (рис. 158, 4), зубила, необходимые в кузнечном деле. Уровень развития металлургии и металлообработки у донских славян обеспечивал их необходимым количеством железных изделий.

Славянские кузнецы владели различными технологическими приемами. Для улучшения рабочих качеств железные орудия подвергались цементации, то есть мягкому железу в его рабочих местах придавали большую твердость путем науглероживания. На некоторых изделиях наблюдается сварка железа и стали, требовавшая достаточно высокой квалификации. Это свидетельства зарождения профессионального ремесленного производства.

На славянских городищах найдена разнообразная коллекция бытовых предметов. Среди них: ножницы для стрижки овец (рис. 158, 6), кресала, трубочки для фитиля, замок и ключ, дужки от ведер, скобы, ушки от деревянной посуды и в большом количестве ножи (рис. 158, 7). Славянские кузнецы

снабжали сородичей необходимым военным снаряжением. На славянских поселениях Дона встречено двадцать пять наконечников стрел (рис. 158, 10, 11). На Титчихинском городище обнаружены обрывки железной кольчуги, обломки мечей. На городище «Михайловский кордон» найден наконечник сулицы. На поселениях донских славян выявлен ряд предметов, связанных с конской упряжью.

Обрабатывался донскими славянами и цветной металл: бронза и серебро. О том, что плавка цветных металлов осуществлялась непосредственно на поселениях донских славян, указывают находки глиняных и каменных тиглей и льячек. О местной плавке цветных металлов свидетельствуют и обломки литейных формочек, обнаруженные на Титчихинском и Большом Боршевском городищах. Раскопаны остатки мастерских по изготовлению изделий из цветных металлов. На полу одного из жилищ Животинного городища найдено скопление бронзовой стружки и бронзовая серьга. Основным сырьем для изготовления славянских украшений служили арабские серебряные монеты-дирхемы.

4.6. Торговля

У донских славян к концу I тысячелетия вряд ли существовал в развитом виде внутренний обмен. Ни на одном поселении не выявлено каких-либо крупных производственных комплексов, позволяющих заявлять о наличии специалистов-ремесленников, живших только за счет своего ремесла. Но при этом нужно отметить, что отрицать вообще внутренний обмен также нет оснований. Кузнецы, ювелиры, другие мастера хотя полностью и не оторвались от земледельческого и скотоводческого хозяйства, тем не менее за свою продукцию, которую изготавливали на заказ, получали плату в виде различных натуральных продуктов.

Больше оснований мы имеем говорить о внешней торговле донских славян. Занимая окраинное положение в восточнославянском мире в конце I тысячелетия н. э., живя непосредственно у границ Хазарского каганата и являясь по существу первыми славянскими племенами на сухопутных и водных путях купеческих караванов из Волжской Булгарии, из Средней Азии и Арабского халифата в Киев и другие древнерусские го-

рода, донские славяне, естественно, не могли остаться в стороне от той обширной торговли, в которую были втянуты многие народы в эпоху Средневековья. Да и сама река Дон — одна из крупнейших в Восточной Европе — являлась естественной торговой артерией, ведущей из восточнославянского мира в Хазарию и далее — в Среднюю Азию и на Передний Восток.

О развитии торговли свидетельствуют привозные вещи, которые встречаются на всех поселениях. Это прежде всего украшения: стеклянные бусы из мастерских Ближнего Востока, бусы из сердолика среднеазиатского производства. В небольшом количестве найдена посуда, изготовленная в Херсонесе и в других южных ремесленных центрах. Вероятно, в сосудах везли с юга вина и масла. А славяне могли предложить взамен меха, кожи, возможно, мед и воск. О бортничестве славян мы знаем из древнейшего свода русских законов — «Русской правды». Арабский путешественник Абу Хамид писал: *«И когда я прибыл в их (славян) страну, я увидел страну обширную, богатую*

медом, пшеницей, ячменем и крупными яблоками...»¹⁸. Из сообщений арабских авторов мы знаем, что одним из самых ходовых товаров были люди. В арабских источниках их называют ас-сакалиба — т. е. «славяне». Их тысячами продавали на рабских рынках Ближнего Востока и Средиземноморья¹⁹.

Ярким показателем торговли с восточным миром являются монеты — арабские дирхемы, находки которых археологи считают для себя большой удачей. На Титчихинском городище найдено несколько кладов с арабскими дирхемами. При этом некоторые монеты служили украшениями в ожерельях славянских женщин, так как имели специально пробитые отверстия. На Малом Боршевском городище найден клад из 106 монет (рис. 159), причем большинство из них оказались подделками того же времени²⁰.

В 1939 году у с. Девица на р. Девица, в 5 км от ее впадения в р. Дон и примерно в 15 км к югу от Титчихинского городища,

обнаружен клад из 299 целых арабских монет и 14 обломков. Он содержал, по мнению его исследователя А. А. Быкова, 86 «очень странных монет», изучение которых дало ему право сделать вывод о возможной чеканке их где-то на территории Хазарского каганата²¹.

Приведенные материалы свидетельствуют, что славянское население Дона в IX—X вв. было втянуто в орбиту активной экономической жизни. Но до сих пор остается предметом дискуссии вопрос о торговых путях, по которым осуществлялась торговля восточных славян с Востоком, и роли р. Дон и донских славян во внешнеэкономических связях славянского мира. Безусловно, р. Дон являлась в IX—X вв., возможно, вплоть до конца существования Хазарского каганата в 60-х годах X века, одной из важнейших торговых артерий, во всяком случае, в его нижнем и среднем течении до границ самого каганата и славянских среднедонских городищ²².

Рис. 159. Малое Боршевское городище.
Дирхем

¹⁸ Цит. по: Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в Русские земли в 1150—1153 гг. // История СССР. 1950. № 1. С. 175.

¹⁹ Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем Средневековье. Москва, 2002.

²⁰ Пряхин А. Д. Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1980.

²¹ Быков А. Я. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Москва, 1974. Т. III.

²² Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

Не нужно забывать, что поселения донских славян стояли и на пути караванной сухопутной торговли Руси с Востоком²³. Много внимания этому вопросу в своих работах уделил Б. А. Рыбаков²⁴. Он реконструировал сухопутный караванный путь из Булгара в Киев, в котором славянские поселения на Дону оказались в «самом начале пределов славянских», где, по мнению Б. А. Рыбакова, и располагался неоднократно упоминаемый арабскими авторами город Вантит. В его названии, по мнению академика, нашло отражение племенное имя вятичей. Б. А. Рыбаков предложил отождествить его с городищем «Михайловский кордон» в низовьях р. Воронеж. Однако известный востоковед Т. М. Калинина, проанализировав практически весь известный корпус восточных источников по Вантиту, пришла к выводу, что «...никаких прочных оснований для идентификации конкретных вятических археологических памятников именно близ Воронежа с городом славян Вантитом просто нет»²⁵. Тем не менее А. Д. Пряхин, развивая мысль академика, высказал предположение, что восточные авторы под понятием «Вантит» имели в виду не отдельно взятый населенный пункт, а целый микрорегион, охватывающий серию славянских городищ к северу от г. Воронежа (Кузнецовское, «Михайловский кордон», I и II Белогорские) и даже заметно оторванное от них Животинное городище²⁶. Еще раньше А. Н. Мо-

скаленко предположила, что восточные авторы городом Вантитом могли называть Титчихинское городище²⁷. Известно, что на Титчихе найдены кости верблюда — значит, восточные караваны доходили до Среднего Дона.

Проблема сухопутных торговых путей, связывающих Киев и Булгар, привлекла к себе внимание как украинских, так и татарских археологов. В течение трех лет (1989—1991) работала совместная экспедиция (рук. А. Х. Халиков и А. П. Моця) по поиску возможного караванного пути из Булгара в Киев²⁸. Итоги исследования подведены в их книге²⁹. В ее заключении отмечается, что Вантитом (Вагнитом) могло быть не только Животинное городище, но и «Михайловский кордон», и Титчихинское городище. Так что к сколь-нибудь определенному мнению о маршруте этого торгового пути исследователи не пришли до сих пор. Поэтому пока следует согласиться со словами Е. А. Шинакова о том, что Вантит, расположенный на востоке славянских земель, «мог находиться только в земле донских славян», точная его локализация «в данном случае значения не имеет»³⁰.

Независимо от того, как может быть решена проблема идентификации Вантита с тем или иным конкретным памятником, можно констатировать, что славянские поселения на р. Воронеж и на Дону находились в сфере сухопутной караванной дороги Булгар — Киев (и наоборот).

Глава 5. ЯЗЫЧЕСТВО И СЛАВЯНСКИЕ КУРГАНЫ

Обратимся к источникам, которые могут пролить свет на изучение духовной жизни славян. Как известно, в 988 году князь Владимир начал крещение Руси. Этот про-

цесс растянулся на многие годы, десятилетия и даже столетия. В X в. многие славяне, особенно на окраинах Древнерусского государства, продолжали оставаться язычниками.

²³ Кропоткин В. В. Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности. Москва, 1973. С. 226—230.

²⁴ Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. Москва, 1969. С. 189—196.

²⁵ Калинина Т. М. Вантит средневековых арабских писателей: попытки идентификации // Восточная Европа в древности и Средневековье. Историческая память и формы ее воплощения: XII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 2000. С. 198—207.

²⁶ Пряхин А. Д. Археология... Наследие. Воронеж, 1988.

²⁷ Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем Средневековье. С. 72.

²⁸ Моця А. П. Общие закономерности торгово-экономических взаимоотношений Киева и Булгара в IX—XII вв. // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. С. 6—12.

²⁹ Моця А. П. Булгар—Киев. Пути—связи—судьбы. Киев, 1997.

³⁰ Шинаков Е. А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. Санкт-Петербург, 2000. С. 331.

5.1. Амулеты и святилища

О религиозных представлениях донских славян свидетельствуют курганы, святилища, находки амулетов-оберегов.

Что такое амулеты? Это определенные предметы, которые должны приносить удачу и охранять владельца от несчастий. Большинство амулетов донских славян изготовлено из костей животных, на которых они охотились. Амулеты носили, подвешивая их к поясу, или в ожерельях на шее вместе с украшениями.

Особенно интересны амулеты из астрагалов бобра. Именно с бобрами связывают происхождение некоторых образов языческой религии, в том числе таких персонажей, как водяные. Амулеты из астрагала косули встречаются очень часто, их носили взрослые и дети. Немало амулетов из клыков медведя (рис. 160, 7), лисицы. Почитание медведя — царя русских лесов — не случайно: вся жизнь древних славян связана с лесом, с его животным миром.

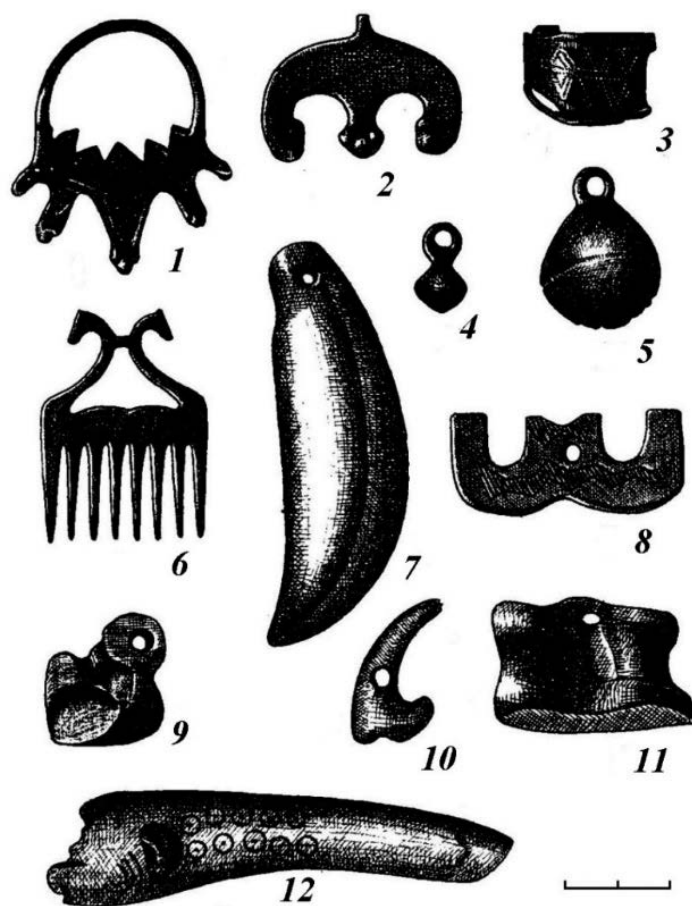

Рис. 160. Украшения и амулеты донских славян

Любопытны так называемые солнечные амулеты. Один из них найден на I Белогорском городище. Это маленький серебряный гребешок, украшенный двумя головками лошадей, повернутыми в противоположные стороны (рис. 160, 6). Конь считался священным животным, связанным по своей семантике с солнцем. Он воспринимался как символ счастья, добра, благополучия.

Славянские языческие святилища — места особенно почитаемые, где собирались люди не одного поселения, а, возможно, со

всей округи для совершения различных обрядов, молений. Здесь разжигали костры и приносили жертвы языческим богам. К сожалению, пока найдено единственное культовое сооружение в земле донских славян — святилище у с. Нижний Воргол в Елецком районе Липецкой области (рис. 161). На высокой горе археологами обнаружена площадка из обожженной глины размером 6×12 м. Примерно в центре ее — яма, а вблизи ямы остатки кострищ; у края — часть скелета лошади, наконечники стрел и некоторые дру-

гие предметы. Вокруг площадки было несколько ям с золой, углями, отдельными вещами (керамика, пряслица, серьги и другие предметы).

В яме посередине площадки стоял деревянный идол, возможно, один из главных языческих богов Перун — бог грома и молний. Вокруг него на площадке в дни праздников и особых торжеств зажигались костры,

а в ямах, окружавших площадку, костры, вероятно, горели если не постоянно, то очень долго. Языческому богу приносили жертвы: животных, отдельные вещи. Именно такие «храмы» имел в виду киевский князь Владимир, когда после официального принятия христианства на Руси *«...приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры»*³¹.

Рис. 161. Славянское святилище на Воргольском городище (рисунок А. Т. Синюка)

В языческую эпоху у славян ни в чем так ярко и многолико не проявилось их мироощущение, как в погребальной обрядности. Огонь — вот что почиталось, перед чем преклонялись; ничто не могло уравниваться с его силой! Огонь горел в самых священных местах. Арабский путешественник Ахмед ибн-Фадлан, наблюдая в X веке похороны руса (существует мнение, что так называли восточных славян, хотя описанный им обряд скорее варяжский), поинтересовался, почему они сжигают

умерших, и один из русов ему ответил: *«Действительно, вы берете самого любимого вами из людей и самого уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай... По любви господ к нему, он послал ветер, так что он возьмет его в течение часа»*³². А потом, сообщает ибн-Фадлан, был сооружен круглый холм, и в середине поставили деревянный столб, начертав на нем имя погребенного.

5.2. Славянские курганы

В настоящее время славянские могильники довольно редки. Но Воронежскому краю в этом отношении повезло. У села Борщево на Дону, где имеются неоднократно упоминаемые нами городища, есть и могильник,

еще недавно насчитывавший около 80 курганов (рис. 162, 1).

³¹ Повесть временных лет. СПб., 2012. С. 280.

³² Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956. С. 145—146.

1

2

Рис. 162. Боршевский курганный могильник:
1 — современный вид на курганы: 2 — реконструкция обряда языческого жертвоприношения предкам
(Автор — Я. П. Мулкиджанян)

На реке Воронеже могильников гораздо больше. На хорошо известной многим воронежцам Лысой горе (сразу за санаторием имени М. Горького) можно заметить крутобокие насыпи диаметром 6—12 метров и высотой 1—2 метра. Сейчас здесь осталось около 200 насыпей, а еще каких-то 80 лет назад было намного больше. Берег обваливается, а вместе с ним осыпаются курганы. Само название — Лысая гора — тоже необычное. Это широко распространенное у славян название ритуальных возвышенностей, гор, холмов.

Два курганных кладбища обнаружены и у Белой горы. Одно из них (52 кургана) вплотную подходит к городищу, второе располагается на мысу в километре вверх от него по течению р. Воронеж и насчитывает более 500 курганов. Раскопки славянских курганов в бассейне Дона дали ценные сведения не только о языческих представлениях людей, но и об их происхождении.

Так, Боршевский могильник расположен на высоком плато правого берега р. Дон у с. Борщево в Хохольском районе Воронежской области (рис. 162, 1). Высота курганов — от 0,7 до 2,15 м при диаметре 9—14 м. Все курганы сложены из чернозема с меловой щебенкой. Землю для насыпки курганов брали не только из окопурганов ровиков, но и с окружающей площади, в том числе, вероятно, и с территории Большого Боршевского городища. Исследование ровика в одном из курганов показало, что в материк он почти не углублен. В нем выявлены пять костровых ям, располагавшихся на расстоянии 5,5—6,7 м друг от друга. Ровик является своеобразным культовым сооружением.

В насыпях ряда курганов выявлены площадки из обожженной глины. Эти площадки специально сооружались для ритуальных костров. В некоторых курганах встречены камни, но лишь в одном из них камни лежат по всей площади кургана, образуя своеобразную площадку.

Одной из интересных особенностей Боршевских курганов является наличие в них де-

ревянных конструкций, которые представлены погребальными камерами и круговыми оградками. Погребальные сооружения в виде деревянных ящиков располагались, как правило, в северо-восточном секторе. Размеры их — длина 1,3—2,32 м, ширина 0,8—1,4 м, высота 0,3—0,6 м. Форма камер различна: от почти квадратной до вытянутой прямоугольной. Длинной осью почти все камеры ориентированы по линии северо-восток — юго-запад. Камеры имеют три стены: северо-западную, юго-восточную и юго-западную, четвертая стена — та, которая обращена к полю кургана, — в большинстве случаев отсутствует. У входа в камеру в ряде курганов вкопаны в материк два столбика, которые составляют конструкцию входа в нее. В большинстве из них имеется деревянная крыша, сооруженная из трех-четырех продольных плах. В ряде курганов полом служит сама площадка из обожженной глины. На месте камеры жгли костер — освящалось место будущего погребения. Стенки камер сооружались, как правило, из бревен, расколотых вдоль пополам, а крыша и пол делались из досок. Задняя стенка камеры, которая была ближе к центру кургана и, естественно, испытывавшая большее давление насыпи, сооружалась иногда из более массивных плах, чем боковые стенки.

Одним из обязательных элементов погребальных сооружений почти всех Боршевских курганов является круговая ограда, которая сохранилась на высоту 0,3—0,7 м (рис. 162, 2). Диаметры кольцевых оградок 5,5—10,5 м. Оградки несли двойную функцию: культовую и конструктивную. Во всех курганах — там, где это удалось проследить, — оградки прерывались в северо-восточном секторе напротив входа в погребальную камеру. Почти во всех курганах, кроме двух, оградки не имеют следов огня. В ряде курганов прослежены остатки столбов, которые стоят в центре или почти в центре курганов. Не исключено, что столбы присутствовали и в других курганах, но были поставлены в самой верхней части и не сохранились.

5.3. Погребальный обряд

Так на основе археологических материалов представляются погребальные сооружения славянского населения Среднего Дона. Письменные источники, этнографические сведения существенно дополняют наши представления и дают возможность, хотя и с опреде-

ленными оговорками, но достаточно полно реконструировать и сам погребальный обряд, и последовательность его выполнения.

Ибн Руста писал о погребальном обряде славян: *«Когда умирает кто-либо из них, они сжигают труп его. Женщины их, когда случа-*

ется у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На следующий день по сожжении покойника отправляются на место, где оно происходило, собирают пепел и кладут его в урну, которую ставят затем на холм»³³. Сожжение умершего — очень важное событие, оно сопровождалось большим стечением народа и, как пишет Ибн Руста, шумным весельем, радостью по поводу милости, оказанной умершему богом. А еще один средневековый арабский путешественник — Гардизи — дополняет: «И на струнных инструментах они играют при сжигании мертвых»³⁴.

На месте будущего захоронения, там, где предполагается насыпать курган, готовились принять остатки кремации. Сооружали деревянную камеру. Она ставилась, как отмечалось, не в центре, который был уже намечен для будущего кургана, а в его восточной половине, чаще в северо-восточной части, причем открытой стороной максимально ближе к предполагаемому краю насыпи. Затем уже по периметру будущего кургана ставилась деревянная столбовая оградка, которая прерывалась там, где она подходила к открытой стороне камеры. Лишь после этого с погребального костра собирали остатки перегоревших костей человека и животных и, очистив их от золы, пепла, а может быть, даже и помыв, помещали в глиняный сосуд (горшок, миску) и ставили в погребальную камеру. В подавляющем своем большинстве погребальные урны специально изготавливались для погребений. Они, как правило, плохо обожжены, очень хрупкие, не имеют никаких следов употребления в хозяйстве. Сюда же приносили сосуды с пищей и питьем. Затем наступал момент сооружения кургана. Насыпали его не только члены семьи умершего, а, вероятно, «всем миром».

Одной из характерных черт Боршевского могильника является почти полное отсутствие, кроме керамики, инвентаря в погребениях, не считая отдельных находок: бляшка, оплавленные стеклянные бусины (хрустальная 14-гранная и сердоликовая призматическая), а также сильно коррозированный железный нож и другой нож с обломанным лезвием. Эти отдельные находки вряд ли являются результатом преднамеренного ритуала класть

вещи в погребения. Они попали сюда случайно вместе с кальцинированными костями.

В раскопанных курганах Боршевского могильника были встречены сосуды, различные по форме, по обработке, по глиняному тесту, из которого они изготовлены. Некоторые сосуды не имеют в своем заполнении пережженных человеческих костей. Эти сосуды, по-видимому, были предназначены для ритуальной пищи.

Во время насыпки курганов посуда специально билась и разбрасывалась на различных глубинах по всей площади насыпи. Разбрасывались обломки от одного или нескольких сосудов, причем намеренно разбивали только горшки. Обычай разбивать горшки во время свершения погребального ритуала неоднократно отмечали различные исследователи славянских — и не только славянских — курганов. А. Котляревский обращал внимание на наличие рассматриваемого обряда при захоронении и в более позднее время у русского населения. Он отмечал, что при выносе покойника из дома «жена хватала новый горшок и разбивала его о землю...», и высказал предположение, что данный обряд может быть символическим выражением мысли, «что домашняя собственность не переживает своего хозяина, или что усопший разорвал свою связь с хозяйством»³⁵. Землю сыпали внутрь столбовой оградки, которая как бы обрамляла курганную насыпь. Погребальная камера с прахом умершего не присыпалась вся, край ее оставался свободным от земли, а открытый вход закрывался большим камнем или толстой деревянной плахой. Собственно, в древности курган был не таким, каким он нам сейчас представляется. Это было своеобразное погребальное сооружение из дерева и земли. Вокруг кургана образовывался неширокий ровик, из которого брали землю. По окончании работы приносили хворост, поджигали, отдавая дань огню. В ровике зажигали костры в память о покойнике. Завершался ритуал похоронной трапезой, или, по летописному, «стравой». А когда в семье умирал еще один ее член, все повторялось сначала, с той лишь разницей, что камера уже готова, курган насыпан, осталось только отодвинуть камень или плаху от входа, поставить новый сосуд с костями и в память о новом захоронении зажечь новый костер на кургане

³³ Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. С. 29.

³⁴ Древнерусское государство и его международное значение. Москва, 1965. С. 395.

³⁵ Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. Москва, 1868. С. 200.

и в ровике вокруг него. Добавим к этому поражающее своей полнотой описание погребального языческого обряда, содержащееся в летописи Нестора: «...и аще кто умъряше, творяху тризну над ним, и по сем творяху кладу велику и возложашуть и на кладу, мертвеца сожъжашу, и посемь собровше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне»³⁶. И еще одна очень важная деталь имеется в летописи: «творять вятичи и ныне». Значит, речь идет о вятичах, значит, можно назвать племя, которое насыпало курганы с деревянными ящиками и оградой? Точно такие же курганы, действительно, обнаружены в земле вятичей, которую летописец помещает на Верхней Оке³⁷. Оказывается, вятичи жили и на Среднем Дону, хотя в летописи об этом не сказано.

Но соглашаясь с концепцией о переселении вятического населения с верховьев Оки в Донской бассейн, необходимо отметить, что она верна только для населения, освоившего берега Среднего Дона (Титчиха, Малое и Большое Боршевские и другие городища). Вероятно, сюда переселилась какая-то группа населения, уже вполне этнически сложившаяся, с устоявшимся погребальным обрядом. Это переселение произошло не ранее IX в., а возможно, даже его второй половины.

Несколько иная картина погребальной обрядности прослежена у славянского населения, освоившего р. Воронеж. Курганных могильников конца I тысячелетия н. э. на р. Воронеж известно семь, и все они связаны с конкретными городищами: Шиловский, Кузнецовский, Лысогорский, Белогорский I, Белогорский II, Белогорский III, Животинный.

В могильниках на р. Воронеж деревянные погребальные камеры и кольцевые оградки встречаются значительно реже, но те, которые выявлены на этих могильниках, во многом отличны от боршевских. Камеры эти сооружены, как правило, из одного венца бревен, в ряде случаев, возможно, заранее обожженных; они значительно меньше донских по размерам; содержат, как правило, по одному захороне-

нию. Ни в одном из курганов на р. Воронеж не встречены оградки, аналогичные оградкам Боршевского могильника.

Курганы могильников на р. Воронеж содержат четыре разных типа погребений. Среди них преобладают (более 60 %) трупосожжения на стороне с помещением остатков кремации в восточной половине на уровне погребенной почвы, иногда в неглубокие ямки в сосуде или без сосуда. Подобный погребальный обряд прослежен в ряде районов восточнославянского мира в VIII—IX вв. (дреговичи, кривичи, северяне — единичные погребения, встречаются в вятической земле)³⁸. Но по многим важным признакам курганы этой группы значительно ближе к курганам Днепровского Правобережья, чем к курганам других регионов восточнославянского мира³⁹. Таким образом, истоки славянской миграции на р. Воронеж необходимо искать в материалах Днепровского Правобережья — поздних памятниках раннеславянской культуры Корчак и наиболее ранних — культуры Лука — Райковецкая. Незначительная серия гончарной лощеной посуды (волынцевской) дает право говорить о появлении здесь населения и из Днепровского Левобережья.

Проникновение славян из Днепровского бассейна не ограничивалось только пределами р. Воронеж. В 1983 г. у хут. Ендовский в Волгоградской области на р. Хопер Г. Е. Афанасьев обнаружил бескурганное погребение по обряду трупосожжения в сосуде, форма которого близка керамике донских славян⁴⁰. Поселение со славянской керамикой конца I тысячелетия обнаружено К. Ю. Ефимовым в 1983 г. на р. Карачан у с. Васильевка в Грибановском районе Воронежской области⁴¹. Интересные славянские материалы были получены во время раскопок поселения Дрониha на р. Битюг (раскопки А. Т. Синюка)⁴².

³⁸ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 1970. № 163. С. 85, 127.

³⁹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. Москва, 1982. С. 142.

⁴⁰ Афанасьев Г. Е. О культуре населения донского левобережья середины VIII — нач. X в. // Проблемы археологии и этнографии. Ленинград, 1985.

⁴¹ Ефимов К. Ю. Работы по р. Карачан // Археологические открытия 1983 года. Москва, 1985.

⁴² Винников А. З. Средневековые материалы с поселения Дрониha // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

³⁶ Повесть временных лет. С. 15.

³⁷ Бессарабова З. Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. Ленинград, 1973. Вып. 15. С. 65—82.

Итак, заселение славянами бассейна Лесостепного Дона проходило из разных регионов восточнославянского мира. Среднедонской район осваивался в основном выходцами из Верхнеокского вятического мира, Верхний Дон (р. Воронеж) заселялся славянами из раз-

личных регионов Правобережья Днестра и Днепровского Левобережья. На определенном этапе здесь появились незначительные группы алано-болгар — выходцев из ареала салтовомаяцкой культуры — культуры Хазарского каганата, о которой речь пойдет ниже.

Глава 6. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ДОНСКИХ СЛАВЯН

6.1. О хронологии славянских памятников на Дону и Воронеже

Одной из ключевых проблем в освещении истории донского славянства является вопрос хронологии, а точнее, время начала освоения славянами этого региона и оставления ими своих поселений. Эта проблема была в свое время предметом довольно острых дискуссий. П. П. Ефименко по результатам раскопок Боршевских городищ и могильника в конце 20-х гг. XX в. датировал эти памятники VIII—X вв. Б. А. Рыбаков попытался удревить эту хронологию до VI—VII вв., но не получил поддержки у исследователей. В монографии П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова и в работах И. И. Ляпушкина дата VIII—X вв. вновь прозвучала достаточно аргументированно. А. Н. Москаленко уточнила данную хронологию, несколько ее сузив — до IX—X вв.⁴³ Эта датировка приемлема лишь для среднедонской вятической группы, но никак не может являться универсальной для всего донского региона, и прежде всего для памятников на р. Воронеж, где встречается более ранняя волынцевская керамика. Исследование этих памятников дало возможность внести некоторые коррективы в хронологию славянских древностей бассейна Дона. Мы имеем определенные основания считать время пребывания славян на р. Воронеж со 2-й половины VIII в. до начала — первой половины XI в. Нижнюю дату подтверждают находки волынцевской керамики в курганах на р. Воронеже, в частности в Лысогорском могильнике. Но в 2019 г. здесь сотрудницей Археологического музея ВГУ Н. Е. Арсеновой раскопан крупный курган № 85 с остатками кремации индивидов разных половозрастных групп, горшком пастырского типа, а также костяными накладками с зооморфными

изображениями и подвесками⁴⁴. Под насыпью обнаружены объекты более раннего славянского поселения. Это открытие может стать первым камнем новой концепции появления славян на р. Воронеж, в частности, существенно раньше, чем было принято считать до настоящего времени.

Естественно, возникает вопрос, как рассматриваемый регион соотносился с набравшим силу Древнерусским государством и входила ли территория Верхнего и Среднего Дона в конце I тыс. в государственную территорию. А. Н. Москаленко рассматривала бассейн Дона как «глухие, отдаленные районы» вне пределов древнерусской государственности⁴⁵. Б. А. Рыбаков рассматривал памятники донских славян как самые южные поселения вятичей, которые представляли политическое объединение, независимое от власти киевских князей, вплоть до 2-й половины X в.⁴⁶ На карте Б. А. Колчина и А. В. Кузы территория Древнерусского государства с востока ограничена памятниками Днепровского Левобережья (северяне). Лишь к 70-м гг. бассейн Верхнего Дона (р. Воронеж) и частично Среднего включается в территорию Древнерусского государства⁴⁷.

⁴⁴ Арсенова Н. Е. Лысогорский могильник конца I тыс. н. э.: первые результаты междисциплинарных исследований // КСИА. 2021. Вып. 262.

⁴⁵ Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону // Вопросы истории славян. Воронеж, 1966. Вып. 2. С. 132—134.

⁴⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв. Москва, 1982. С. 258.

⁴⁷ Колчин Б. А. Археологические источники и методика исследования // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. Москва, 1985. С. 32—33.

⁴³ Москаленко А. Н. Славяне на Дону. С. 22, 102—113.

Таким образом, славянское население Лесостепного Дона до 60-х гг. X в. было вне пределов Древнерусской государственности. Отметим еще раз, что донские славяне платили дань хазарам, что исключало их одновременное подчинение власти киевского князя. Лишь после похода Святослава на Хазарию в 964—966 гг. можно ставить вопрос о включении этого региона в состав Древнерусского государства.

6.2. Донские славяне и кочевники

Кто же они — кочевники, наводившие ужас на славян — земледельцев и ремесленников и заставлявшие их укреплять свои поселки высокими стенами? Это, прежде всего, печенеги, от которых страдали многие народы, населявшие Восточную Европу. Византийский император Константин VII Багрянородный советовал своему наследнику Роману II желать мира с печенегами и посылать к ним каждый год посланников с дарами. В своем сочинении «Об управлении государством» он писал, что когда нет мира у печенегов с русами, то они грабят Русь, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб. Как смерч налетали печенежские отряды на небольшие древнерусские поселения, которым и откупиться было нечем. Делали они это чаще всего ранней осенью, когда урожай уже убран, но еще не ссыпан в закрома, и домашний скот, откормленный на летних пастбищах, стоял в хлевах.

Огузо-печенежские погребения известны в Среднем Подонье и Приосколье. Ярким инвентарем отличалось печенежское погребение у хут. Гаевка Валуйского уезда Воронежской губернии, случайно обнаруженное в начале XX в. (рис. 163). В погребении воина с верховой лошастью был найден парадный конский убор, как отмечал А. Н. Кирпичников, «лучший и роскошнейший из всех до сих пор выявленных в раннесредневековой Европе»⁴⁸.

Погребение датируется по золотой византийской монете императоров Василия II и Константина VIII первой четвертью XI в. Уздечный набор состоял более чем из двухсот украшений и включал решмы, крестовины, наконечники, разделители ремней, бляхи.

Славянские поселения в бассейне Дона в конце X в., а некоторые — несколько позже пустеют, жизнь на них замирает. Ни деревянные мощные стены, ни рвы, защищавшие поселения, — ничто не могло гарантировать спокойную мирную жизнь. Участились набеги кочевников, буквально заполонивших южнорусскую степь, ставших ее фактическими хозяевами.

«Эффект рассматриваемых украшений, — писал А. Н. Кирпичников, — строился на сочетании позолоченных углубленных частей, заполненных рубчатым поребриком, и светлого серебряного растительного узора, контурированного чернью. Весь набор <...> выполнен твердой опытной рукой, исполнен высокого профессионализма и безупречного вкуса. Речь идет о шедевре международного класса, точное место изготовления которого гадательно»⁴⁹.

Еще до печенежских набегов донские славяне столкнулись с венграми (угро-мадьярами), которые появились в бассейне Дона, вероятно, в начале IX в., в период освоения славянами этой территории. Двигались венгры из Зауралья, возможно, степей Южного Урала через Среднее Поволжье, где есть археологические памятники, оставленные ими⁵⁰. Исследователи предполагали, что венгры в IX в. могли кочевать и на территории современной Воронежской области⁵¹. Некоторые археологические находки на территории Воронежской области могут быть связаны с древними венграми.

⁴⁹ Там же. С. 27.

⁵⁰ Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграций. Budapest, 2018.

⁵¹ Москаленко А. Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. Москва, 1972. С. 189—196 ; Эрдели И. Венгры на Дону // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Москва, 1984. С. 20—25 ; Юрасов М. К. Следы древних венгров на Воронежской земле // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. 2016. № 4. С. 91—94.

⁴⁸ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. Е1—36. Ленинград, 1973. С. 26.

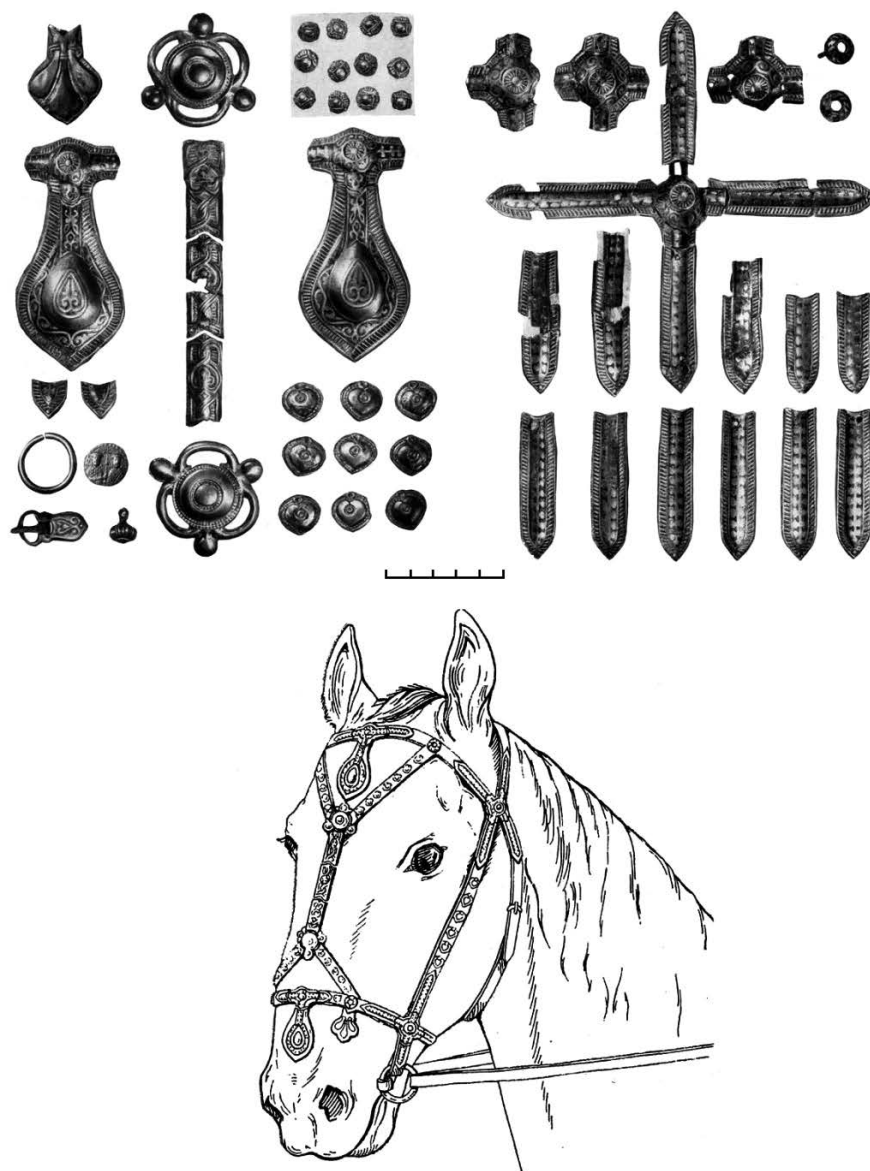

Рис. 163. Гаевка. Уздечный набор и реконструкция оголовья по А. Н. Кирпичникову (1973, табл. VIII, IX, рис. 12)

Еще в 1895 году у слободы Воробьевки Богучарского уезда Воронежской губернии при строительстве железной дороги было обнаружено погребение человека, сопровождавшееся костями лошади. В архиве Института истории материальной культуры РАН сохранилось письмо воронежского губернатора от 29 мая 1895 г. в Императорскую археологическую комиссию, содержащее перечень вещей, найденных в погребении, и их фотографии. В настоящее время они экспонируются в Государственном историческом музее (зал 8, витрина «Русь и печенег»).

В состав погребального инвентаря входили: сабля (рис. 164, 3), две серебряные оковки скоб ножен (рис. 164, 11), стремя (рис. 164, 2), удила с гвоздевидными псалиями (рис. 164, 1),

семь железных наконечников стрел (рис. 164, 4—10), петля от колчана, железное кольцо, серебряный перстень со вставкой из темного камня и четырьмя захватами (рис. 164, 18), поясной набор — серебряные пряжка (рис. 164, 13) и наконечник ремня (рис. 164, 12), девять серебряных бляшек трех типов (рис. 164, 14—16); бубенчик (рис. 164, 17), а также 22 фрагмента тонких серебряных пластин разного размера (до 7×6 см) и фрагмент серебряной пластины с орнаментом.

В упомянутом письме воронежского губернатора в составе погребального инвентаря названы два наконечника копья, но их изображений нет в архивном деле. Скорее всего, наконечниками копий ошибочно названы два наиболее крупных наконечника стрел.

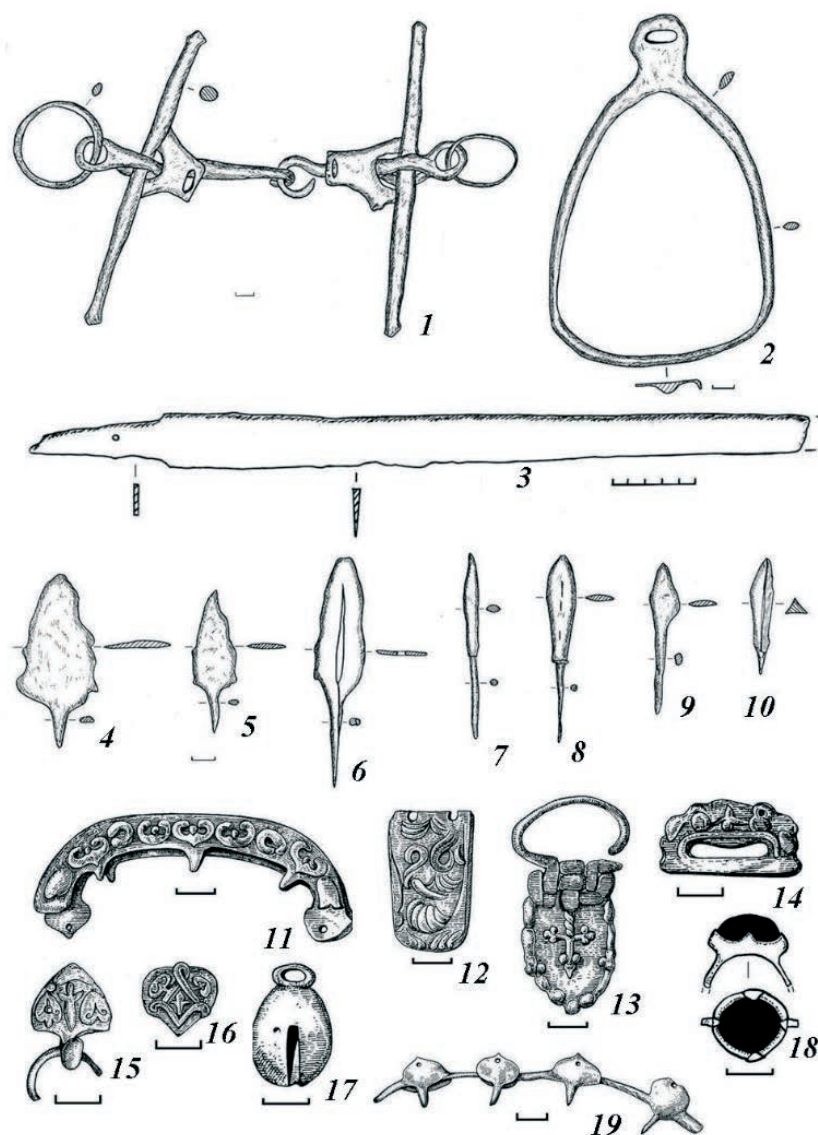

Рис. 164. Воробьевское погребение. Инвентарь

Это погребение с начала XX в. постоянно упоминается в работах исследователей по проблеме поиска прародины венгров⁵². Одни исследователи Воробьевское погребение связывают с древними венграми, другие рассматривают его как салтовское. Е. А. Халикова отмечала большое сходство вещей из Воробьевского погребения с вещами из Больше-Тиганского могильника на территории Татарстана⁵³. Погребение датировалось IX в., то есть

тем временем, когда древние венгры, продвигаясь по южнорусским степям, пытались «обрести родину».

А. Н. Москаленко предполагала наличие контактов донских славян и древних венгров. Она высказала мысль о том, что первые укрепления на городище Титчиха в IX в. «появились в связи с венгерской опасностью»⁵⁴. На донских славянских городищах были найдены и некоторые вещи «мадьярского круга».

Так, на Архангельском городище обнаружены две круглые бронзовые с позолотой бляхи с изображением «древа жизни»,

⁵² Цыбин М. В. Среднее Подонье в IX—X вв. Археологический контекст Воробьевского погребения // III Международный Мадьярский симпозиум, Будапешт, 6—10 июня 2016 г. Budapest, 2018. С. 335—346.

⁵³ Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. № 3. С. 155.

⁵⁴ Москаленко А. Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона. С. 196.

которое окаймлялось двойным бордюром⁵⁵ (рис. 165, 1, 2). На Большом Боршевском городище в полуземлянке найдена бронзовая

с позолотой бляшка (рис.165, 3), имеющая аналогии в венгерских памятниках⁵⁶.

Рис. 165. Вещи «мадьярского круга»:
1, 2 — Архангельское городище; 3 — Большое Боршевское городище;
4—6 — с. Русская Буйловка

Венгерский археолог Иштван Эрдели обратил внимание на найденные у с. Русская Буйловка Павловского района орнаментированные роговые пластины, хранящиеся

в Воронежском областном краеведческом музее⁵⁷. Эти находки ученый предположи-

⁵⁵ Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. // КСИИМК. 1956. Вып. 62. Рис. 37.

⁵⁶ Ефименко П. П. Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8. С. 55. табл. IX, 11, рис. 22.

⁵⁷ Эрдели И. Венгры на Дону С. 22, 23 ; Erdélyi I. Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei. Budapest, 2008. Fig. 48.

тельно связывает с древними венграми (рис. 165, 5, 6).

Помимо археологического, возможно, древние угры за время кратковременного пребывания все же оставили небольшой топонимический след на воронежской земле. Он звучит в названиях привычных нам рек, таких как Токай и Чигла⁵⁸ и др.

В IX—X вв. Среднее Подонье являлось контактной зоной разных этносов: славян, хазар, алан, болгар, мордвы и пр., о которых речь пойдет ниже. В этом районе проходил оживленный торговый путь Булгар — Киев, маршрут которого учитывал наиболее удобные ландшафтные условия местности. Не исключено, что примерно по этой линии в раннем Средневековье могла осуществляться и миграция различных кочевых народов с востока на запад, в европейские степи. Продвигаясь по этому пути, они неминуемо проходили через земли донских славян или чуть южнее. По заключению А. Х. Халикова, «знали этот путь, очевидно, и древние венгры»⁵⁹.

Но на славянских поселениях Дона нет следов разгрома и разорения, какие можно было увидеть, например, во время раскопок Новотроицкого городища в Сумской области на Украине, где открыта впечатляющая картина борьбы и гибели поселения. Скелеты погибших в схватке с печенегами мужчин, женщин и детей, прятавшихся в жилищах, наспех зарытые клады украшений, которые не были востребованы истинными владельцами, следы огромного пожара не оставляют сомнений, что поселение подверглось опустошительному набегу. Видимо, донские славяне не стали испытывать судьбу. Собрав свое имущество, включая и глиняные сосуды, и тяжелые каменные жернова — все необходимое для жизни, и погрузив на телеги, двинулись на новые места. Но в каком направлении? Некоторые ученые высказали мнение, что ушли славяне из бассейна Дона на Среднюю Оку, где в XII веке

существовало сильное древнерусское Рязанское княжество. Отмечаются следы донского славянства и на Волге в районе Волжской Булгарии.

Оставление славянами-вятичами среднедонских поселений (Большое и Малое Боршевские, Титчихинское и другие городища) во второй половине X в. может быть связано с походом Святослава на хазар в 965—966 гг., когда киевский князь, разгромив Хазарский каганат, в том числе его крепости на Нижнем Дону, включая Саркел, и поднявшись вверх по Дону, столкнулся с донскими вятичами и своей властью частично переселил их в бывшие хазарские крепости. После этих событий наблюдается приток славянского (боршевского) населения в Саркеле — Белой Веже⁶⁰. Но какую-то часть славян он оставил на месте, обложив данью, и они продолжали жить, как и ранее, еще более полувека.

Славянские поселения на р. Воронеж были оставлены населением несколько позже — в первой половине XI в., вероятно, под натиском новой силы — половцев, которые к середине XI в. подошли к границам Древней Руси⁶¹. Скорее всего, половецкой угрозой можно объяснить прекращение жизни славян — носителей боршевской культуры на Воронеже и Верхнем Дону. После долгого запустения (не менее 70—80 лет) сюда придут русские люди с другой культурой и христианской верой и вновь заселят заброшенные славянские городища⁶². Об этом речь пойдет в другом разделе.

Отсутствие сведений о донских славянах в «Повести временных лет», на наш взгляд, связано со временем ее написания — начало XII в., когда бассейн Дона действительно был покинут славянами, а древнерусское население только начинало вновь осваивать Донской район. Поэтому при описании географии расселения восточных славян наш край оказался вне поля зрения великого летописца.

⁵⁸ Юрасов М. К. Следы древних венгров на Воронежской земле. С. 92—93.

⁵⁹ Халиков А. Х. Торговые пути Булгарии в IX—XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. С. 17.

⁶⁰ Плетнева С. А. О заселении славянами Саркела — Белой Вежи // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Сер.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2000. Вып. 14.

⁶¹ Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. Москва, 1975.

⁶² Винников А. З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XIII в. С. 224.

РАЗДЕЛ 2. ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ И МАЯЦКАЯ КРЕПОСТЬ

К середине VII в. в степях Юго-Восточной Европы появилось новое государство, созданное переселившимися с востока хазарами. Это был кочевой тюркский народ, выделившийся из Западнотюркского каганата, заявивший о себе на Юге Европы в начале VII в. Созданное им государство получило в литературе название «Хазарский каганат». В то далекое время Средний Дон представлял собой северо-западную окраину могущественного каганата, занимавшего огромные пространства в Восточ-

ной Европе не менее трех веков. Это государство отличалось от других степных каганатов тем, что его элита приняла иудаизм и поддерживала связи с иудейским миром не только Причерноморья, но и Средиземноморья. Оно оказалось южным соседом донских славян. На Юго-Востоке Европы — в степи, лесостепи, предгорьях — оно оставило множество самых разнообразных археологических памятников, которые составляют салтово-маяцкую культуру (рис. 166).

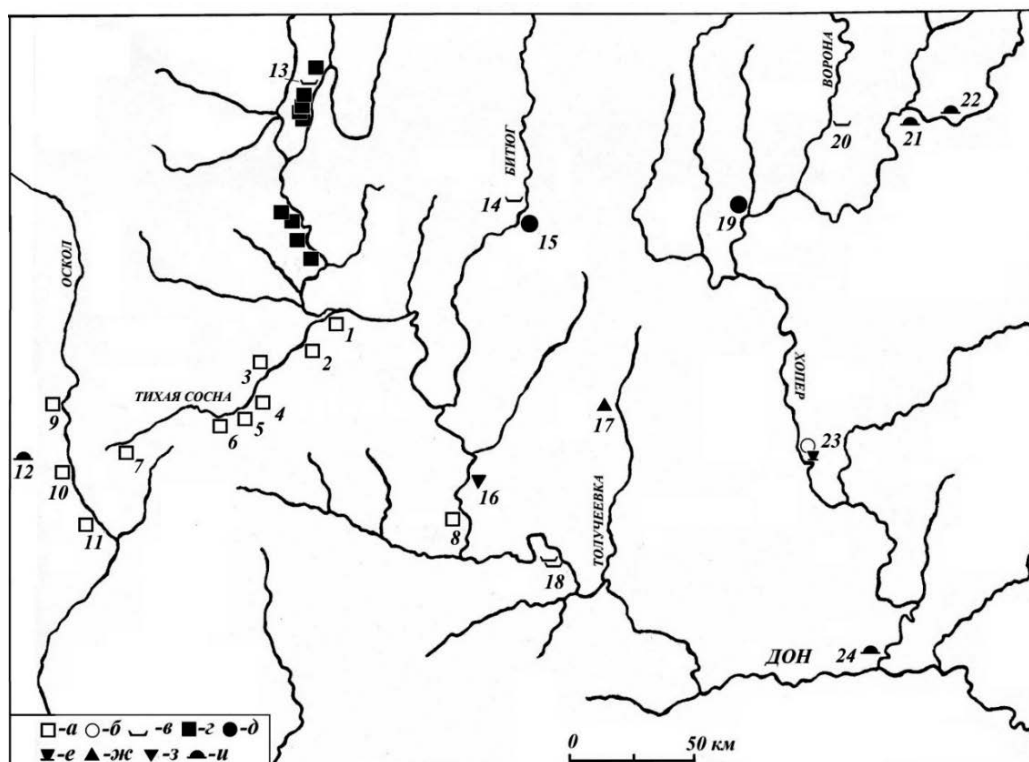

Рис. 166. Карта памятников салтово-маяцкой культуры и других культур в Среднем Подонье:

a — городище салтово-маяцкой культуры; *b* — селище салтово-маяцкой культуры; *v* — ямное погребение салтово-маяцкой культуры; *z* — городище славянской боршевской культуры; *d* — селище славянской боршевской культуры; *e* — славянское трупосожжение; *ж* — Воробьевское погребение; *з* — случайная находка вещей «мадьярского круга»; *и* — погребение печенежско-огузского круга.

1 — Маяцкое; 2 — Павловское; 3 — Верхнеольшанское; 4 — Мухомудеровское; 5 — Колтуновское; 6 — Алексеевское; 7 — Красное; 8 — Карабут; 9 — Ютановское; 10 — Поминово; 11 — Яблоновское; 12 — Гаевка; 13 — погребение на III Чертовицком городище; 14 — с. Старая Тойда, урочище Монастырка; 15 — поселение Дрониha; 16 — с. Русская Буйловка; 17 — Воробьевское погребение; 18 — хут. Тихий Дон; 19 — с. Васильевка; 20 — с. Власовка; 21 — с. Лесное (Свинуха); 22 — д. Никольевка; 23 — хут. Ендовский; 24 — ст. Букановская

Такое название она получила не случайно — по **Салтовскому археологическому комплексу** (у с. Верхний Салтов Волчанского района Харьковской области Украины) и **Маяцкому археологическому комплексу** в Воронежской области. Последний является в нашем крае наиболее

ярким ее археологическим памятником, включающим крепость, примыкающее к ней обширное селище и могильники. Комплекс находится на территории природно-археологического музея-заповедника «Дивногорье» (хут. Дивногорье Лискинского района Воронежской области).

Глава 1. ПИСЬМЕННЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О НАСЕЛЕНИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

1.1. Письменные источники о хазарах и их подданных. В середине X в. приближенный кордовского халифа Хасдай Ибн-Шафрут, который вел свое происхождение из знатного еврейского рода Андалузии, получил информацию о существовании далеко на востоке иудейского государства, во главе которого стоит царь Иосиф¹. Хасдай обратился через специальных посланников к Иосифу с просьбой ответить на ряд вопросов. Иосиф дал ответы на заданные ему вопросы, хотя не на все и не в полном объеме.

До современных исследователей дошло два варианта ответа (пространный и краткий). В этих источниках, написанных на еврейском языке, содержится много интересных сведений о Хазарии и ее соседях, иногда сомнительных. Поэтому многое из того, что сообщает царь Иосиф, нуждается в проверке другими источниками, прежде всего археологическими².

Сами хазары — небольшой по численности народ, кочевники-скотоводы. На территории современного Дагестана обнаружены и изучены первые хазарские города-крепости Беленджер, Семендер и другие. Хазары сумели объединить в рамках своего государства различные тюркские народы, некогда входившие в состав Тюркского каганата. Самыми многочисленными и сильными среди них были болгары, которые кочевали со своими стадами на Тамани, в Приазовских степях. Ослабленные внутренней борьбой, болгарские ханы вынуждены были подчиниться хазарам, но один из них, Аспарух, со своей ордой откочевал далеко на запад и там основал новое государство — Дунайскую Болгарию. А хазары, расширив границы каганата, увеличили его население за счет родственных им по языку болгар.

В составе Хазарского каганата одной из крупных этнических групп были и ираноязычные аланы — потомки могущественных сарматов, занявших в первых веках I тыс. н. э. предкавказские степи, а после гуннского нашествия конца IV в. укрывшиеся в ущельях Кавказа. Аланы оказали большое влияние на историю Хазарского каганата, а также наро-

дов Восточной Европы и Кавказа. Он был полиэтничным степным государством, в составе которого помимо собственно хазар важную роль играли аланы и болгары.

Хазарский каганат, как и все кочевые «империи», на первых порах представлял сильное воинственное государство. Он известен бесчисленными набегами на ближайшие народы, походами в Закавказье и даже на владения Византийской империи. Неоднократно византийские императоры заигрывали с хазарскими каганами, стремясь заручиться их поддержкой в борьбе с арабами. В этом были заинтересованы и сами хазары, чувствовавшие угрозу со стороны арабских завоевателей, которые рвались на Северный Кавказ.

В течение почти полувека — с конца VII до 30-х годов VIII в. — арабо-хазарские войны шли с переменным успехом. Многие хазарские города неоднократно подвергались арабскому разорению, но каждый раз Хазария находила в себе силы оправиться и вновь заявить о себе. Но для алан Северного Кавказа эти войны закончились трагически. Обосновавшиеся после гуннского вторжения IV в. в кавказских предгорьях аланы к этому времени стали оседлым народом и не могли противостоять стремительным набегам арабской конницы. Один из таких набегов вынудил алан оставить свои давно хорошо обжитые районы и уйти в более безопасные, но неведомые земли — вдоль Дона на север. В стремительное бегство были втянуты отдельные группы болгар Приазовья³. Некоторые исследователи допускают и иную причину — насильственное переселение алан хазарским каганом на северную окраину своих владений с целью заселения и охраны пограничных районов. Как бы то ни было, аланы оказались на Среднем Дону, в центре будущей Воронежской области.

Река Тихая Сосна стала тем рубежом, на котором остановились аланы и их союзники болгары. По ее берегам они сооружали крепости. Самой крупной из них оказалась крепость в месте впадения Тихой Сосны в Дон. Со временем она обросла большим селищем. Эта крепость и есть Маяцкое городище.

Аланы, как пишет С. А. Плетнева, «осели на удобных, напоминающих родные горы, высо-

¹ Плетнева С. А. Хазары. Москва, 1976. С. 12.

² Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Ленинград, 1932.

³ Плетнева С. А. Указ. соч. С. 38.

ких прибрежных холмах в верховьях Дона и его притоков». Так в первой половине VIII в. весьма существенно изменилась география этой территории. Поселения, крепости, могильники, оставленные аланами и болгарами на Дону, Тихой Сосне, Северском Донце и его притоках, известны в науке под названием *салтово-маяцкой археологической культуры*. Аланы и увлеченные ими болгары, подчиненные кагану, устремились на север, навстречу славянам, которые почти одновременно начали движение с Поднепровья на восток, в бассейн Дона, точнее, реки Воронеж. А чуть позже сюда же, на Дон, пришли с Верхней Оки и славяне-вятичи.

С этого времени хазары устанавливают свое господство в виде дани над восточнославянскими племенами. Об этом неоднократно упоминает «Повесть временных лет». Под 859 г. летописец записал: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех. А казари имаху на поленех, и на северех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма»⁴.

1.2. Вопрос о хазарской дани. Сейчас стали известны археологические свидетельства пребывания хазарских сборщиков дани среди славян низовий р. Воронеж⁵.

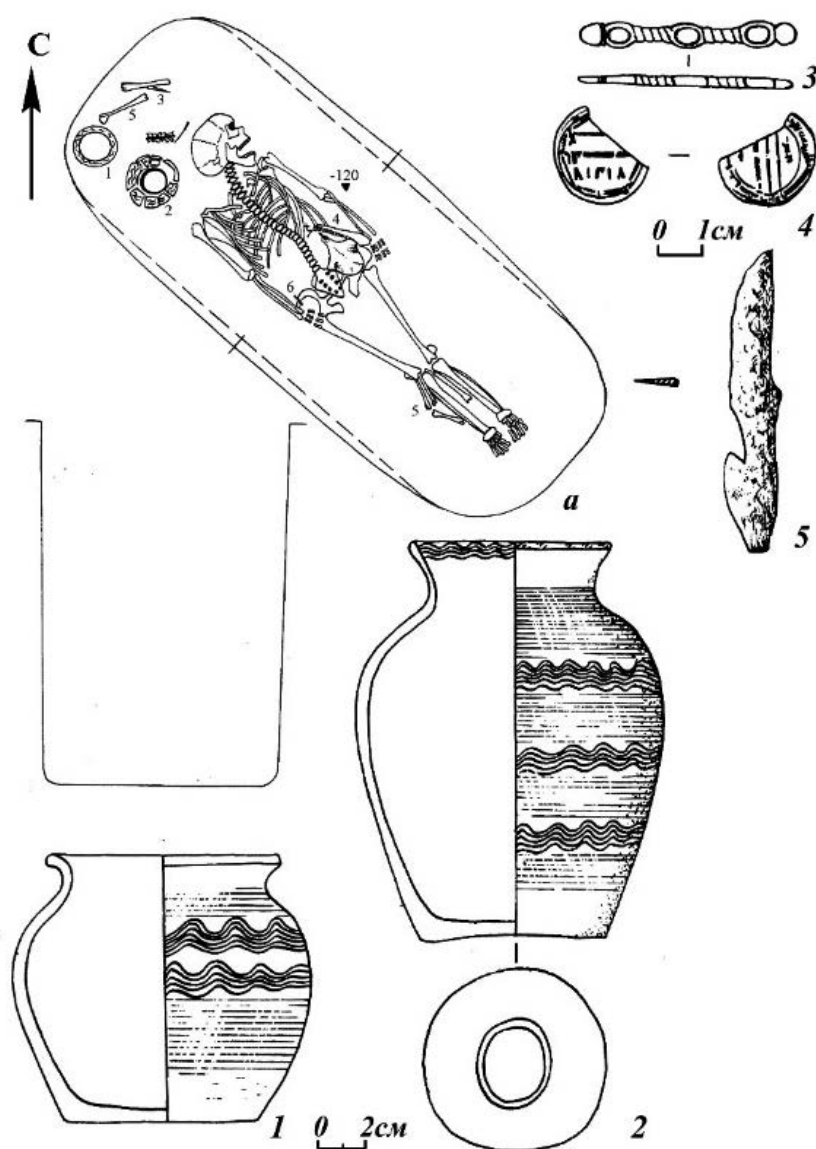

Рис. 167. Погребение салтово-маяцкой культуры на III Чертовичском городище

⁴ Повесть временных лет. С. 18.

⁵ Медведев А. П. Салтовское погребение на р. Воронеж // Дивногорский сборник : тр. музея-заповедника «Дивногорье». Археология. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 83—89.

В 1993 г. на III Чертовицком городище А. П. Медведевым открыто салтовское погребение (рис. 167)⁶. По заключению С. А. Плетневой, погребение — салтовское, болгарское. В состав его инвентаря входил серебряный дирхем африканского чекана, датируемый 783 или 785 г. (рис. 167, 4). А. В. Фомин считает, что большинство дирхемов этого чекана находились в обращении в Восточной Европе в конце VIII — первой четверти IX в. Это погребение можно рассматривать как прямое археологическое свидетельство пребывания какого-то отряда салтовцев внутри «славянского мира» на р. Воронеж. Скорее всего, это и были сборщики хазарской дани, менее вероятно — купцы, так далеко зашедшие в земли славян. По пути один из них умер, и спутники похоронили его по салтовскому обряду, снабдив типичным для болгар инвентарем.

Но постепенно крепнувшее Древнерусское государство освобождалось от хазарской дани. Первыми перестали платить дань хазарам племена, вошедшие в состав «Русской земли»: северяне, радимичи. Но еще долго продолжали платить хазарам дань вятичи — племя, отдаленное от центра Древнерусского государства. Они освободились от дани лишь с упадком и гибелью самого Хазарского каганата в результате похода князя Святослава в середине X в.

В течение почти ста лет хазарские наместники, построившие свои крепости на Тихой Сосне, Северском Донце, контролировали торговые пути по восточноевропейским рекам, взимая огромные пошлины за товары и периодически посылая отряды в славянские земли для сбора дани. Такой пограничной заставой и центром сбора дани на Среднем Дону могло быть Маяцкое городище.

Глава 2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАЯЦКОЙ КРЕПОСТИ

В 1648 г. в строельной книге города Коротояка при определении коротоякским казакам земель впервые упоминается «Маяцкое старинное городище»⁷. Причины, по которым в XVII в. городищу дали имя «Маяцкое», остаются неясными и по сей день. Никаких следов от маяка не сохранилось, а местные жители не помнят названия мыса «Маяцкое».

Городище расположено на величественном мысу у хут. Дивногорье Лискинского района Воронежской области при слиянии речки Тихая Сосна с Доном. Здесь по склонам мыса высятся красивые меловые столбы, получившие название «дивы». Игнатий Смольнянин, один из спутников митрополита Пимена, плившего по Дону в 1389 году на пути в Царьград (Константинополь), писал: *«...приплыхом к Тихой Сосне и видехом столпы камены белы, дивно же и красно стоят рядом, яко стози малы, белы же и светли зело,*

*над рекою над Сосною»*⁸. В начале XX в. известный российский археолог Н. Е. Макаренко писал: «Маяцкое городище принадлежит к тем остаткам прошлого на берегах Дона, которым суждено неоднократно служить материалом для археологических статей, заметок и рефератов»⁹. История изучения памятников, входящих в Маяцкий комплекс, подробно изложена Е. Ю. Захаровой¹⁰. Поэтому кратко остановимся лишь на основных вехах исследования.

Впервые находки с памятника попали в руки археологов в 1890 г. Это были обнаруженные в катакомбе лощеный приземистый с высоким горлом кувшин и серебряный перстень с камешком, который держали четыре выпуклые «лапки». Они были присланы Воронежским губернским статистическим комитетом в Императорскую археологическую комиссию. За этим последовали попытки проведения раскопок на Маяцком

⁶ Медведев А. П. Салтовское погребение на р. Воронеж. С. 83—89.

⁷ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. Маяцкое городище // ИАК. Санкт-Петербург, 1911. Вып. 43. С. 5.

⁸ ПСРЛ. Т. 11. С. 96.

⁹ Макаренко Н. Е. Указ. соч. С. 1.

¹⁰ Захарова Е. Ю. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения). Воронеж, 2011. (Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 2).

городище (Д. М. Струков, Л. М. Савелов, М. П. Трунов). К сожалению, об этих работах на Маяцком комплексе какой-либо конкретной информации не сохранилось, как нет и самих материалов, полученных в результате раскопок.

Первым серьезным исследователем Маяцкого комплекса можно считать А. И. Милютину, проводившего раскопки на нем в 1906 г.¹¹ По его инициативе был снят план берегового участка, включавший не только собственно Маяцкий мыс с окружающими его громадными оврагами, но и соседние участки берега. На плане обозначено расположение крепости и, что весьма существенно, предполагаемые границы поселения рядом с крепостью. А. И. Милютин первым заметил на поверхности вокруг развалин крепости небольшие «вмятины», или «западины», логично предположив, что это следы бывших здесь построек. Помимо общего плана был сделан более подробный, включавший только часть мыса, на которой расположена крепость, и участок поселения с разбросанными на нем раскопками-шурфами, заложенными над западинами. В каждой из западин были обнаружены котлованы жилищ, могилы, хозяйственные ямы. Среди них открыта постройка, которую Милютин назвал «четырёхугольной могилой». В его трех стенах были выдолблены катакомбы. В двух были одиночные захоронения, в одной — двойное. Кроме того, А. И. Милютиным в этом районе были выявлены одиночные захоронения в ямах и расчищено несколько отдельно стоящих катакомб.

Через год на Маяцкий мыс прибыла экспедиция одного из крупных археологов России того времени — **Николая Емельяновича Макаренко**, работавшая на этом памятнике и в 1909 г.¹² Он фактически все свое внимание обратил на крепость, заложив внутри нее раскопы для исследования предполагаемых стен цитадели, расположенной внутри крепости и двух западин, в которых им были раскрыты котлованы синхронных крепостным стенам жилищ. Кроме того, на стенах, на двух углах крепости и у воротного проема были разбиты раскопы, открывшие значительные участки цитадели и рва. Про-

веденные работы позволили Н. Е. Макаренко дать достаточно подробное описание исследованного памятника, сопроводив его десятком чертежей, большим количеством фотографий открытых стен и отдельных блоков с начерченными на них рисунками и руническими надписями. Н. Е. Макаренко помимо работ в крепости провел небольшие исследования и на селище, усеянном, как он писал, едва заметными ямками. Н. Е. Макаренко заложил шурфы над 10 западинами, большинство из которых оказались остатками построек или хозяйственными ямами. Ученый дал их подробные описания, некоторые сопровождалось чертежами.

Основным исследователем Маяцкого комплекса памятников во второй половине XX в. была **Светлана Александровна Плетнева** (рис. 168). В 1962—1963 гг. археологический отряд С. А. Плетневой (Институт археологии АН СССР) провел разведки по берегам Дона, снял новый план крепости и собрал подъемный материал с распахиваемой тогда восточной части селища¹³. Но только в 1975 г. появилась возможность провести раскопки на этом уникальном памятнике. По инициативе Академий наук СССР и Венгрии была создана Советско-Венгерская экспедиция, руководимая С. А. Плетневой. С 1978 г. в работах экспедиции начали принимать участие и болгарские археологи. В результате экспедиция сформировалась окончательно как Советско-Болгаро-Венгерская (руководитель С. А. Плетнева). Вместе с ней Маяцкую крепость исследовал Г. Е. Афанасьев. Кроме того, в работе принимали участие К. И. Красильников, Ф. Х. Арсланова, руководившие большими группами студентов-практикантов Луганского пединститута, Тверского университета. На Маяцком могильнике основные работы проводил В. С. Флеров. В его изучении принимали участие и другие квалифицированные специалисты: В. К. Михеев — профессор Харьковского университета, сотрудники Института археологии АН СССР В. Е. Нахапетян, А. Г. Атавин, сотрудница Эрмитажа А. П. Покровская, антрополог Т. С. Кондукторова (Институт антропологии МГУ) и др.

¹¹ Милютин А. И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 153—163.

¹² Макаренко Н. Е. Археологические исследования ... С. 47—76.

¹³ Винников А. З. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998. С. 8.

Рис. 168. Светлана Александровна Плетнева

Основным исследователем Маяцкого селища был А. З. Винников. Кроме того, полевые работы на этом объекте проводились и другими археологами — членами экспедиции (С. А. Плетневой, Ф. Х. Арслановой, К. И. Красильниковым). Кроме российских ученых в работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в разные годы принимали участие венгерские археологи: Иштван Эрдели, Ласло Ковач, Балаш Эрдели, Янош Сабо, Л. Шугар, палеозоолог Янош Матольчи, а также ряд исследователей из Болгарии: Станчо Ваклинов, Стефан Бояджиев, Д. Василева, Рашо Рашев. Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция работала в 1975, 1977—1982 гг.

В последующие годы охранные раскопки были проведены на Маяцком могильнике М. И. Лыловой (1987 г.). В 1994—1995 гг. объектом изучения стало Маяцкое селище, где работами руководили Г. Е. Афанасьев и Д. С. Коробов (Институт археологии РАН). Раскопки на селище проводились в 2008 г. В. А. Сарапулкиным (Белгородский университет), в 2013 г. — Е. Ю. Захаровой (Воронежский университет).

Накопленный огромный материал позволяет не только дать историко-археологическую характеристику Дивногорского комплекса памятников, но и изучить исторические процессы, протекавшие на пограничье славяно-хазарского миров, в южных районах Воронежского края в конце I тыс. н. э.

Глава 3. МАЯЦКОЕ ГОРОДИЩЕ

Если подняться на верх мыса по узкой тропинке и лестнице от железнодорожной площадки «143-й километр» в хуторе Дивногорье мимо пещерной церкви конца XVII в. и пройти вперед несколько сот метров, мы не минуем древней крепости с расплывшимися земляными валами и глубоким рвом (рис. 169).

3.1. Маяцкая крепость. Укрепления крепости производят впечатление довольно мощных сооружений. Современная высота валов — более 2 метров, ширина — 10—15 метров, глубина рва — 2—2,5 метра при ширине до 7 метров. Площадь, огороженная валом и рвом, незначительна —

80×95 метров. В середине юго-западной стены имеется неширокий въезд в крепость, а через ров идет перемычка. Крепость защищали крутые склоны правого берега р. Тихая Сосна.

Внутри крепости хорошо просматриваются остатки прямоугольного сооружения площадью 27 х 47 метров. Оно раскапывалось еще до революции Н. Е. Макаренко, о чем мы выше упоминали. Это своеобразная цитадель — последняя опора защитников на случай штурма крепости. При раскопках стен Маяцкой крепости открылись остатки средневекового замка. Его стены строились из двух щитов: внутреннего и внешнего, со-

оруженных из больших меловых блоков, вырубленных теслами из рва. В настоящее время стены сохранились на высоту не более 1,5 метра, при ширине между щитами 6 метров. Щебеночная забутовка, мел, камни, находившиеся между щитами, в процессе разборки

стен рассыпались, образуя вал, который быстро задерновывался, создавая впечатление земляных укреплений. Специальные расчеты показывают, что в момент функционирования крепости высота стен была 5—6 метров и ширина также 6 метров.

Рис. 169. Маяцкая крепость (современный вид с воздуха)

3.2. Конструкция стен и план крепости.

Стены Маяцкой крепости были аккуратно сложены из крупных меловых блоков, вырубленных или выпиленных в меловых обнажениях. В 1981 году в работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции приняла участие болгарский археолог, специалист по раннесредневековой каменной архитектуре Д. Василева, которая предложила достаточно аргументированный план реконструкции Маяцкой крепости¹⁴.

По ее заключению, перед тем, как начать строить крепость, на местности был намечен ее план: стены, башни, ворота и т. д. Затем строители выровняли почву под будущими стенами крепости. На подготовленную таким образом площадку внутреннего и внешнего панциря стены вплотную друг к другу поперек линии стены укладывали доски для ниве-

лировки первого ряда блоков. На доски настился тонкий слой меловой щебенки, на который уже устанавливался без раствора первый ряд хорошо обработанных меловых блоков, тщательно подогнанных друг к другу.

Как пишет Д. Василева, вероятно, оба щита строили одновременно на высоту двух-трех рядов блоков. Затем пространство между щитами засыпали слоем глины с целью его выравнивания, после этого в этом пространстве клались деревянные балки — основание будущих деревянных клетей (решетки), причем эти клетки не подходили вплотную с двух сторон к меловым стенам, в промежутках оставалось свободное пространство 0,4—0,5 м, заполнявшееся меловой щебенкой. Клетки также заполнялись меловой щебенкой. Верх стены представлял собой площадку, на которой размещались воины — защитники крепости. С внешней стороны площадка была огорожена зубчатым парапетом из больших меловых блоков, в верхней части стесанных как треугольники (рис. 170, 1).

¹⁴ Васильева Д. Конструкция и техника стройки стен Маяцкой крепости // Маяцкий археологический комплекс : Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. Москва, 1990.

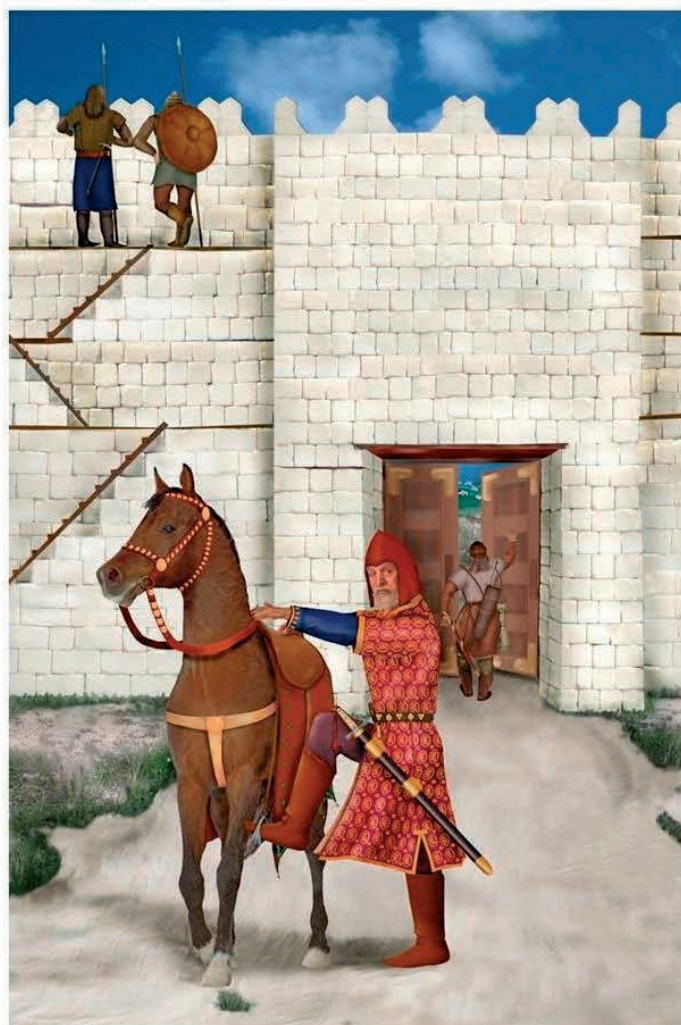

Рис. 170. Маяцкая крепость: 1 — реконструкция стены А. Н. Кириллова;
2 — реконструкция внутреннего вида въезда и ворот крепости Я. П. Мулкиджаняна

Ров был выкопан от оборонительной стены на расстоянии около 8 м. Как показали раскопки, ширина его по верху 7,5 м, по низу — 5,6 м, глубина — 2,5—3,5 м. Ров прерывался и оставлялась перемычка напротив въезда в воротный проем в крепость. Это был своеобразный материковый «мост» шириной около 3 м. На нем обнаружено две колеи шириной 0,1 м, расстояние между которыми около 1 м. Это следы телеги или арбы.

Воротный проем в крепость является очень важным элементом крепостного сооружения (рис. 170, 2). При раскопках обнаружены остатки ворот, позволяющие говорить, что они располагались на расстоянии около 4 м от внешнего панциря крепостной стены, открывались внутрь, а над воротным проемом, вероятно, располагалась специальная площадка (настил), на которой находились защитники крепости.

Тем не менее раскопки Маяцкой крепости, построенной с учетом требований средневековой фортификационной архитектуры, вызывали определенное недоумение отсутствием башен по углам крепости, которые были абсолютно необходимы (рис. 171). Г. Е. Афанасьев высказал мысль о существовании здесь в древности если не классических башен, то хотя бы «башенных выступов». Археологический материал старых раскопок начала XX в. Н. Е. Макаренко и новые, более масштабные исследования Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции 70—80-х годов прошлого века дали возможность для таких предположений¹⁵. По поводу архитектурных традиций, воплощенных в Маяцкой крепости, С. А. Плетнева писала: «Исследуемая нами Маяцкая крепость была построена в конце IX в. под непосредственным влиянием болгарских зодчих, создавших еще в начале IX в. белокаменные дворцы Плиски»¹⁶. Г. Е. Афанасьев обращал внимание на византийское влияние на архитектурное дело Хазарии¹⁷.

¹⁵ Афанасьев Г. Е. Исследование южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище. Москва, 1984.

¹⁶ Плетнева С. А. Итоги работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции // Всесоюзная конференция «Советская археология в XI пятилетке»: тез. пленарных докладов. Москва, 1983.

¹⁷ Афанасьев Г. Е. Эволюция теоретико-методологического подхода к изучению Маяцкого городища // Дивногорский сборник: тр. музея-за-

3.3. Против кого строилась Маяцкая и другие крепости по р. Тихая Сосна? Ее сооружение требовало не только большого технического мастерства, но и огромных физических затрат большого коллектива людей. Прежде всего, необходимо обратить внимание, что Маяцкая крепость является лишь одной из ряда крепостей, расположенных на Тихой Сосне, очень близких друг к другу и по времени, и по архитектурным особенностям, и по технике сооружения, и, вероятно, по назначению и способу использования. Г. Е. Афанасьев высказал мысль, что Маяцкая крепость и другие аналогичные сооружения на Тихой Сосне строились, прежде всего, для обороны от противника, продвигавшегося из Верхнего Придонья, то есть против донских славян, якобы представлявших угрозу для северо-западной (среднедонской и донецкой) периферии Хазарского каганата¹⁸.

Но С. А. Плетнева справедливо заметила, что в IX в., когда строилась эта крепость, донские славяне еще платили дань хазарам, и нелогично обороняться от своих данников¹⁹. Кроме того, сама крепость была очень мала для того, чтобы вместить население большого селища, примыкавшего к крепости, в случае военной опасности. Значит, и Маяцкая крепость была поставлена с иными целями.

Конечно, крепости выполняли и какие-то военные функции. Это были своеобразные замки, внутри располагались военные предводители — наместники кагана — со своими домочадцами, службой. Крепости были и местом складирования и хранения на какой-то период дани, собираемой с подвластных народов, в том числе и славян. Крепости должны были контролировать и водные, и сухопутные дороги. И, кроме того, белокаменные крепости — это символы власти, господства, могущества Хазарского каганата, и уже одним своим видом, архитектурой на фоне степных просторов должны были это демонстрировать.

поведника «Дивногорье». Воронеж, 2012. Вып. 3. С. 117.

¹⁸ Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Москва, 1993. С. 148—149.

¹⁹ Винников А. З. На северных рубежах ... С. 38.

Рис. 171. Маяцкая крепость
(реконструкция, музей-заповедник «Дивногорье»)

Кем и как была заселена крепость? За все годы ее археологических раскопок исследована довольно значительная площадь, в том числе и на так называемой цитадели, хотя далеко не полностью. Выяснилось, что на раскопанной территории крепости жилых построек в виде полуземляночных было исключительно

но мало — не более шести, да и то они неодновременные. Но это не означает, что крепость была «пуста» — не заселена. Вероятно, на ее территории стояли юрты, в которых обитали владелец крепости, его родственники, домочадцы, возможно, рабы. Следов юрт без раскопок почти невозможно заметить.

Глава 4. РИСУНКИ И НАДПИСИ НА СТЕНАХ КРЕПОСТИ

Много интересного поведали стены крепости, покрытые рисунками и надписями на меловых блоках. Их несколько сотен, и они разные — от маловыразительных отдельных частей животных (ноги, головы, рога, уши, хвосты и т. д.) до великолепных жанровых сцен военного или культового содержания.

4.1. Рисунки. На блоках рисовали воины, которые несли службу на Маяцкой крепости. Большинство знаков нанесено на внешний панцирь стены, а также на внутреннем углу, именно в том месте, где могла быть башня или башенный выступ — южный угол. Именно здесь нес службу кара-

ул — воины, которые «чертили и рисовали на стене незамысловатые фигуры»²⁰. Рисунки и знаки являются ценным источником для изучения мировоззрения, религиозных представлений, системы ценностей обитателей крепости.

На блоке, извлеченном из завала у юго-западной стены в 1980 г., на одной из граней изображена вполне законченная сцена битвы конного вооруженного всадника с пешим лучником (рис. 172).

²⁰ Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. Москва, 1984.

Рис. 172. Рисунок на стене Маяцкой крепости

Но, наверное, не только воины наносили рисунки. Высокие, ровные меловые стены, как огромный мольберт, привлекали к себе всех, у кого было стремление проявить свои художественные навыки. Рисовали, прежде всего, коней — вечных спутников степняков (рис. 173, 1). Кроме лошадей рисовали коз, верблюдов, которые здесь появлялись с торговыми караванами. Но не только рисунки от-

дельных животных составляют предмет гордости Маяцкой «картинной галереи».

Внимание посетителей Эрмитажа привлекает один меловой блок из раскопок Маяцкой крепости Н. Е. Макаренко, к сожалению, не полностью сохранившийся. На нем нарисован всадник, гордо, с большим достоинством восседающий на лошади (рис. 173, 2).

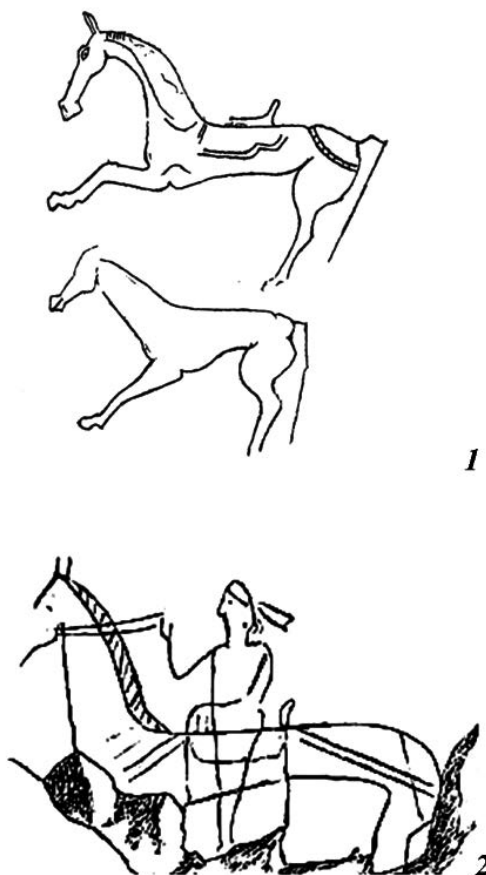

Рис. 173. Маяцкая крепость: 1 — рисунки коней; 2 — изображение всадника

Средневековый историк Моисей Каганкатвацци донес до нас интересные сведения о народах Хазарского каганата. Очень живо и выразительно он описал ритуальные пляски-битвы в честь верховного бога Тенгри: «*Барабаны и звоны... битвы на мечах... муж с мужем и толпа с толпой боролись в нагом*

состоянии»²¹. Этот отрывок является прекрасным комментарием еще к одному чрезвычайно любопытному рисунку, на котором изображена сцена ритуальной пляски обнаженных мужчин с оружием, в масках (рис. 174).

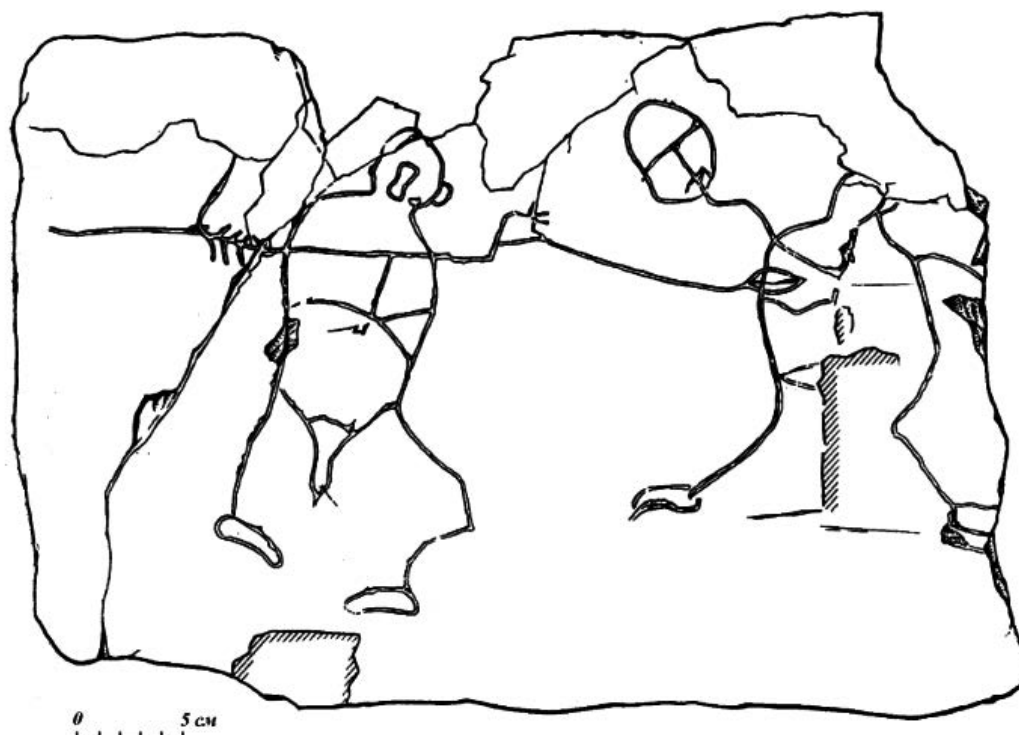

Рис. 174. Маяцкое городище.
Сцена ритуальной пляски с оружием

Подобные средневековые рисунки на камнях, сосудах, костяных изделиях встречаются на огромных пространствах евразийской степи и лесостепи. Но особенно яркое сходство маяцкие рисунки имеют с рисунками на стенах крепостей Дунайской Болгарии. Тут нет ничего удивительного — ведь создавали памятники народы, родственные и в этническом, и в культурном отношении.

В одной из своих последних работ С. А. Плетнева отмечает, что рисунки на стенах имеют и ритуальное значение. Стены, по ее мнению, были священными, и изображение тамги (родовые знаки, передающиеся по наследству) на них являлось как бы своеобразным молением — просьбой о приросте стада, о победе над врагом, о собственном величии и о ритуальных битвах — возможно, иудейского реше-

ния поисков справедливости (прав бывал победивший)²².

4.2. Рунические надписи. Маяцкая крепость подарила археологам еще одну замечательную находку. Это было в июле 1978 года. Студенты Воронежского университета разбирали завал блоков во рву у юго-западной стены. На одном из них была обнаружена надпись (рис. 175).

И раньше Н. Е. Макаренко находил на Маяцкой крепости камни с надписями, они прочтены. Одна из них гласит: «Элчи и Атач и Бука — трое их», другая — «Ума и Ангуш — наши имена».

²¹ История агван Моисея Каганкатвацци, писателя X века. Санкт-Петербург, 1861. С. 193.

²² Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 122.

Надпись на блоке из раскопа 1978 года — настоящая археологическая сенсация. К сожалению, она до сих пор не прочитана. А хотелось бы узнать и древнее название крепости, когда и кем построена, на каком

языке говорили ее жители (хотя есть предположение, что это был один из тюркских языков, воспринятый даже ираноязычными аланами).

Рис. 175. Маяцкая крепость.
Надпись на меловом блоке из рва

Всего обнаружено на стенах Маяцкой крепости 18 рунических надписей. Все они вырезаны на меловых каменных блоках и внутреннего, и внешнего панцирей стены. Как отмечал И. Л. Кызласов, «Маяцкое городище — уникальный по числу надписей археологический памятник лесостепной зоны Восточной Европы. Не может быть сомнений в широком распространении грамотности

среди жившего здесь в IX в. населения... Думается, что это были не только жители самой крепости, но и обитатели ближайших окрестностей, прежде всего примыкавшего к укреплениям селища»²³.

²³ Кызласов И. Л. Рунические надписи Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Москва, 1990. С. 28.

Глава 5. ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Широкомасштабные раскопки Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции пролили новый свет на жизнь обитателей Маяцкой крепости и населения, проживавшего вне стен на селище.

5.1. Характеристика Маяцкого селища. Внутри Маяцкой крепости жил со своими домочадцами и слугами наместник кагана из числа алан или болгар, а вокруг на селище проживали в полуземлянках и в юртах воины, охранявшие крепость, а также земледельцы, скотоводы, ремесленники, которые их обслуживали. Селище раскинулось на всей площади мыса в 30 га²⁴. В меловой материк врезаны основания полуземляночных жилищ и хозяйственных сооружений, от которых остались хорошо заметные западины. Наиболее значительные их скопления прослежены в центральной части поселения²⁵. В результате составления топографического плана западин на всей территории мыса удалось очертить местность, занятую поселением.

Несмотря на довольно большую раскопанную площадь (более 5000 м²), было вскрыто примерно 1,5—2 % всей территории поселения. На ней обнаружено и исследовано 55 жилых и хозяйственных построек, три общественных здания (святилища?), а также ката-

комбные погребения, жертвенники, тризны, хозяйственные ямы.

Культурный слой селища тонкий, слабо насыщенный находками, так как для сбора мусора использовали чаще всего старые заброшенные хозяйственные ямы. Местами в нем выделялись остатки зольных куч, расплывшихся на поверхности в зольные пятна диаметрами в 5—7 м, толщиной в центре до 0,3 м, с находками в них скоплений битой посуды и костей. Остались неисследованными более 230—240 зафиксированных западин, которые, конечно, относятся не только к котлованам жилищ, но и другим сооружениям различного назначения.

5.2. Постройки. Почти все маяцкие жилища имеют какие-то специфические особенности. Но, тем не менее, можно заметить то общее, что определяет характер жилых построек Маяцкого поселения в целом.

Основание полуземлянок выдалбливалось в материковом мелу на глубину до 1 м так называемыми мотыжками — одним из самых распространенных орудий труда на всей территории салтово-маяцкой культуры. На меловых скальных стенах котлованов четко видны следы мотыжек, по ним можно определить их размеры. Площадь углубленных котлованов жилых построек — 15—45 м² (рис. 176).

Рис. 176. Маяцкое селище. Котлован жилища

²⁴ Винников А. З. На северных рубежах ...

²⁵ Там же. С. 8, рис. 4.

Полы в них ровные, обрабатывались довольно тщательно, без какой-либо дополнительной подмазки или покрытия. В полу вдоль стен и по углам котлованов расчищены столбовые ямки, в которые ставились столбы — основа деревянной конструкции облицовки стен и крыши построек. В некоторых котлованах вместо ям вдоль стен были выдолблены желоба, в которые укладывались нижние венцы деревянной облицовки стен.

Деревянные конструкции были в полуземлянках не только жилого характера, но и хозяйственного назначения и, прежде всего в погребях, причем в них деревянная конструкция была более массивной, ибо они должны выдержать большую массу земли, которой перекрывались эти постройки для сохранения внутри в любое время года микроклимата.

В некоторых полуземляночных постройках вдоль стен оставлены материковые останцы, предназначенные для каких-то хозяйственных нужд (в них имеются округлые углубления для установки сосудов), или использовавшиеся, возможно, в качестве своеобразных ремесленных площадок, или, в конечном счете, просто лежанок. Во многих постройках в полу расчищено значительное число небольших столбовых ямок, располагавшихся довольно хаотично и связанных, по всей видимости, с установкой различной мебели в доме.

Вход в жилище предваряется коридором, который нередко выполнял хозяйственные

функции. К некоторым жилищам примыкают специальные хозяйственные пристройки для зимовки в них молодняка скота. В отдельных полуземлянках выдалбливались ямы-хранилища для различных продуктов.

Кроме полуземлянок на Маяцком селище есть и наземные или слегка углубленные в материк жилища, напоминающие юрты — неизменные спутницы кочевников. Но население Маяцкого селища, конечно, оседлое, и довольно капитальные строения полуземлянок, предназначенных для длительной жизни на одном месте, — тому подтверждение.

5.3. Очаги. Полуземлянки у алан и болгар, живших на Маяцком селище, появились в результате освоения ими холодных по сравнению с их далекой южной родиной районов. Более суровые условия лесостепи требовали теплого жилища, и алано-болгары, не без влияния славян, очень быстро научились строить полуземлянки. Но они не копировали полностью многовековые славянские традиции: отличительной особенностью их жилищ является расположение очага в центре, а не в углу, как у славян. И даже в тех постройках, где, вероятно, под влиянием соседей-славян сооружались печи в одном из углов, традиции строительства очагов сохранялись. Очаги тщательно чистили — не обнаружено ни одного очага, заполненного золой. Зола складывали в специальных местах, и она была предметом почитания и поклонения²⁶.

Рис. 177. Глиняный котел с ушками

²⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142. С. 57—58.

Очаг в центре — не просто устойчивая традиция. Она обусловлена типом посуды, в которой готовилась пища. Если у славян — горшки, которые ставили в печь или на печь, то у алано-болгар — котлы с ушками, за которые они подвешивались над очагом (рис. 177).

У многих современных народов Кавказа еще недавно широко бытовали открытые очаги с надочажной цепью, которая считалась семейной святыней. С ней связывали различные верования, ей приносили жертвы. Человек, спасаясь от преследования, мог вбежать в дом, и если он успевал схватиться за надочажную цепь, то был вне опасности. Таким путем он мог избавиться даже от кровной мести, находясь в доме им убитого. Старые цепи никогда не выбрасывали, не обменивали и не продавали. Может быть, этим можно объяснить, что на Маяцком селище ни в одном случае не обнаружена ни цепь, ни ее звенья²⁷.

Жилища-полуземлянки Маяцкого поселения большей площади (более 20 м²), более просторные и удобные для проживания, принадлежали, по всей видимости, привилегированной части жителей поселения. К таким можно отнести и полуземляночные постройки в крепости.

Значительное место в жизни поселения занимали наземные хозяйственные постройки, служившие в качестве вспомогательных помещений. В одной из них располагалась ручная мельница. В ней стояло мельничное устройство, на что указывают куски разбито-

го жернова. Тарелкообразный очаг с сильно прокаленной поверхностью мог служить для просушки зерна перед помолотом. В постройке располагалась огромная зерновая яма колоколовидной формы, глубиной 2,68 м, диаметр по верху 1,3—1,6 м, по дну — 2,45 м, в которую можно было поместить не одну тонну зерна. После прекращения функционирования по своему прямому назначению она была использована в качестве дромоса — в ней была выдолблена довольно массивная катакомба для захоронения. Зерно хранилось и в хозяйственных ямах обычной грушевидной формы.

Еще одна наземная постройка использовалась жителями Маяцкого поселения в качестве домашней гончарной мастерской.

Особенностью Маяцких построек, по какой-то причине заброшенных, является устройство в некоторых из них катакомбных погребений. Этот обычай выявлен при исследовании хозяйственных построек типа погребов, квадратных или прямоугольных в плане и разделенных перегородкой, как правило, на две равные части. Такой комплекс был раскопан А. И. Милютиным. Поэтому у исследователей сложилось тогда представление, что ими был открыт Маяцкий могильник. Но только работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции позволили установить, что это не специальные погребальные сооружения, а приспособленные под них хозяйственные постройки.

Глава 6. ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ МАЯЦКОГО СЕЛИЩА

6.1. Сельское хозяйство. Аланы, основное население Маяцкого селища, на своей родине в Предкавказье заселяли места, удобные для занятия сельским хозяйством, с наличием воды и хороших пастбищ для скота. Всем этим условиям и соответствует расположение Маяцкой крепости и селища.

О развитии земледелия у народов Хазарского каганата мы знаем из письменных источников. Арабский путешественник Ал-Истахри писал: «Летом они выходят на пашни... для посевов, собирают хлеба частью над

рекой, а частью в степи, и перевозят хлеба свои на повозках и рекою на судах»²⁸.

Данные археологии дополняют сообщение средневекового автора. Правда, на самом Маяцком селище не найдено никаких земледельческих орудий. На других же алано-болгарских поселениях обнаружены и лемехи, и тяжелые мотыги, применявшиеся в земледельческом хозяйстве. На Маяцком селище найдены серпы, которыми убирали урожай, жернова, которыми растирали зерно, получая муку. Как уже указывалось, на Маяцком селище раскопано помещение с большой ямой, где могла храниться не одна тонна зерна.

²⁷ Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. Москва, 1982. С. 128—133.

²⁸ Цит. по: Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 144.

Жители Маяцкого селища наряду с земледелием занимались и скотоводством. Причем скотоводство их заметно отличалось по составу стада от чисто кочевнического. Подавляющее большинство костей (94,6 %) принадлежит домашним животным и лишь 6 % составляют кости диких животных. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, свиней и мелкий рогатый скот (коз, овец). Значительные размеры свиноводства (23 %) свидетельствуют о прочной оседлости населения — совершать даже недалекие перекочевки с этими животными невозможно²⁹. Из орудий для ухода за скотом найдены только путы для лошади, а в погребениях — ботала. Жители Маяцкого селища занимались рыболовством. Близость Тихой Сосны и Дона давала для этого все возможности, хотя костей рыб и чешуи на селище немного.

6.2. Металлургическое и кузнечное производство. На Маяцком комплексе немногочисленны свидетельства металлообработки и ювелирного ремесла, а сами изделия обнаружены главным образом в погребениях как инвентарь, сопровождавший умершего в иной мир. Не найдено и железных шлаков, которые всегда свидетельствуют о местной металлургии. В районе Маяцкого городища нет выходов болотной железной руды — необходимого сырья для получения железа. Может быть, жители Маяцкого селища получали черный металл уже в готовом виде или приобретали готовые железные изделия из какого-либо ремесленного центра?

Один из предполагаемых металлургических центров открыт у села Поляны недалеко от села Верхний Мамон на левом берегу Дона. Здесь обнаружены десять сыродутных горнов, один из которых раскопан. Он представлял собой яму диаметром около метра и такой же глубины, заполненную железным шлаком, прокаленным песком³⁰. Довольно крупные металлургические комплексы были открыты в Волоконовском районе Белгородской области А. Н. Николаенко. Все они сооружены по одной схеме. Выкапывалась шахта, глубина которой в материке достигала более 1 м, в ко-

торую помещалась глиняная колба для выплавки железной руды. С двух противоположных сторон колбы находились два отверстия для сопел³¹.

6.3. Гончарное производство. В отличие от обработки металлов на Маяцком селище обнаружены многочисленные свидетельства гончарного производства (рис. 178). Почти вся посуда изготовлена на гончарном круге в специальных мастерских ремесленниками, хорошо знающими свое дело. Керамическое производство Хазарского каганата, впитавшее традиции и опыт позднеантичных центров Причерноморья, кавказских, византийских мастеров и кочевых народов Евразии, было передовым в Восточной Европе того времени.

Салтовская посуда очень высокого качества: хорошо промешанное тесто из специально подобранной глины, лощеные поверхности коричневого, черного, серого, желтого цветов. В отличие от славянской боршевской керамики маяцкая посуда ярко свидетельствует о более высокой стадии производства и разделении труда, свойственных уже цивилизации.

Наличие ремесленных центров по производству керамики отнюдь не исключало ее домашнего изготовления, но даже такая посуда отличается и стандартностью форм, и неплохим качеством. Но все-таки господствующей была керамика ремесленного производства. И именно такой центр был изучен на Маяцком селище, на его северо-восточной окраине. В одной из ложин было обнаружено огромное скопление обломков разнообразной керамики. Раскопки открыли небольшой поселок гончаров³². Здесь были вскрыты и исследованы четыре гончарные мастерские и остатки четырех гончарных печей. Рядом с мастерскими сооружались гончарные печи. Это обычные гончарные печи, весьма широко распространенные в Восточной Европе в конце I — начале II тысячелетия н. э.: двухъярусные, круглые в плане. Изолированность гончарной слободы от основного поселка может свидетельствовать о выделении этого ремесла в самостоятельную производственную отрасль, специализировавшуюся на изготовлении товарной продукции, продававшейся как на самом поселении, так и в округе.

²⁹ Матолчи Я. Кости животных с городища, селища и могильника (1978—1979 гг.) // Маяцкое городище. Москва, 1984.

³⁰ Винников А. З. Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). Воронеж, 2012. С. 100.

³¹ Там же.

³² Плетнева С. А. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Москва, 1990. С. 92—139.

Рис. 178. Глиняная посуда: 1 — горшок; 2 — кружка; 3 — кувшин; 4 — пифос

У многих даже современных народов представители «огненных» профессий, какими были, например, металлурги, считались людьми, обладающими магической силой. Нередко они внушали страх другим членам племени, так как, по поверьям, общались с таинственными духами огня и земли. Они заботились о сохранении секретов профессии и нередко свои плавильни и мастерские

устраивали в стороне от поселений. К этой же категории мастеров-ремесленников, которые держали в секрете свое производство, передавая его по наследству в рамках замкнутого клана, могли принадлежать и гончары. На некоторых алано-болгарских поселениях встречены специальные захоронения гончаров вдали от основного кладбища, в заброшенных жилищах.

Глава 7. ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ И КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ

7.1. Письменные источники о верованиях народов Хазарского каганата. Народы Хазарского каганата, в том числе и жители Маяцкого городища, придерживались языческих воззрений на мир, природу. Лишь господствующая верхушка — каган и его окружение приняли иудейскую религию, но рядовое население оставалось язычниками. Яркое проявление язычества — амулеты, которые изготавливали из костей, зубов животных: лисицы, собаки, волка и т. п. Некоторые амулеты, изображавшие животных, отливались из бронзы. Изображения почитаемых животных

можно видеть на различных предметах: поясных наборах, оружии, колчанах, на бытовой утвари.

Верили и в различные божества. Ибн-Фадлан, арабский путешественник, побывавший в земле хазар, писал: «*Ворование их таково, что у дня и ночи, и ветра, и дождя, и земли, и неба — у каждого в отдельности — есть «бог», но «бог» неба больший, чем остальные*»³³.

³³ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана ... С. 156.

А вот сведения о религии народов каганата, содержащиеся в труде армянского историка VII века Моисея Каганкатваци. Он писал, что они «приносили жертвы огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными»³⁴. Может быть, для жителей Маяцкого селища и крепости такими «удивительными творениями» были «Дивы» — каменные столбы, может быть, именно под их покровительством и строилась крепость?

Одним из главных божеств у населения Хазарского каганата был Тенгри-хан — великий бог неба и света. Это о нем писал Моисей Каганкатваци: «...чудовищный, громадный герой», ему «посвящали деревья, строили капища, приносили в жертву коней, кровь которых поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья», и «вся страна... поклонялась... и получала благие дары от идолов, капищ и от поклоняемых деревьев...»³⁵. Возможно, такое капище и было сооружено на Маяцком селище.

7.2. Культовое сооружение на селище.

В центральной части одного из мысов поселения находилась «западина» — остатки углубленной в материк большой полуземляночной постройки, хорошо прослеживаемой по столбовым ямам. Она была ориентирована углами по сторонам света (рис. 179, 1). Ее размеры 6,34×8,3 м. Юго-восточная стена углублена в материк на 0,28 м, в северо-западном направлении углубленная часть постройки из-за наклона материка сходит на нет, здесь она фактически приобрела наземный характер. По углам постройки расчищены ямы от столбов глубиной 0,4—0,8 м и диаметром 0,18—0,32 м, в которых встречались мелкие древесные угольки. Между угловыми ямами шли столбовые ямы, но меньшей глубины. Они являются остатками деревянных несущих конструкций.

Почти в центре северо-западной стены к сооружению примыкала небольшая пристройка, где располагался вход. Ее размеры 0,7×1,7 м. Рядом с ней, несколько к северо-западу, обнаружены черепа трех свиней. В момент использования постройки они были замурованы в стену и, вероятно, являлись закладной жертвой перед строительством данного сооружения.

В этот большой прямоугольник постройки вписан несколько меньший квадрат размерами 4×4,9 м, стены которого идут параллельно стенам основного сооружения (рис. 179, 2). Здесь у северо-западной стены расчищена каменная площадка (вымостка) размером 0,9×1,46 м, сложенная из отдельных меловых плиток. В южном углу этого квадрата располагалась большая округлая в плане яма диаметром 0,8 м, глубиной 0,57 м. По периметру дна вдоль стен расчищена небольшая канавка, служившая для установки нижнего венца деревянной обкладки стен ямы. Таким образом, эта яма представляла собой своеобразную бочку, выдолбленную в мелу. С северо-запада и юго-востока, напротив друг друга, у верхнего края ямы сделаны выемки по форме слива кувшина, возможно, для вентиляции воздуха внутри ямы.

В центральной части внутреннего квадрата открыто еще одно, почти квадратное углубление в материке (от 0,1 до 0,16 м), размерами 3,5×4 м, стенки которого отчетливо прослежены с юго-западной и юго-восточной сторон. В центральной части этого третьего углубления прослежены остатки большого кострища, от которого в материковом мелу образовалось бесформенное углубление размером 1,5×2 м, основание которого под действием огня потрескалось. В центре кострища расчищены три небольшие округлые ямки.

Что можно сказать о назначении данной постройки? Сразу отпала версия о ее жилом характере или хозяйственном назначении. И в ходе раскопок данного комплекса, и в последующем, когда обрабатывался полученный материал, возникло достаточно аргументированное предположение, что мы имеем дело с сооружением культового характера. Размеры, планировка концентрическими прямоугольниками, постоянно горевший огонь, каменная площадка, деревянный сосуд (бочка), три черепа свиней у входа — все это позволило высказать мнение о принадлежности данного сооружения культовым постройкам — святилищам. Некоторое дополнение и разъяснение о назначении данного сооружения дало изучение ряда комплексов, примыкающих к постройке и открытых в ходе раскопок³⁶.

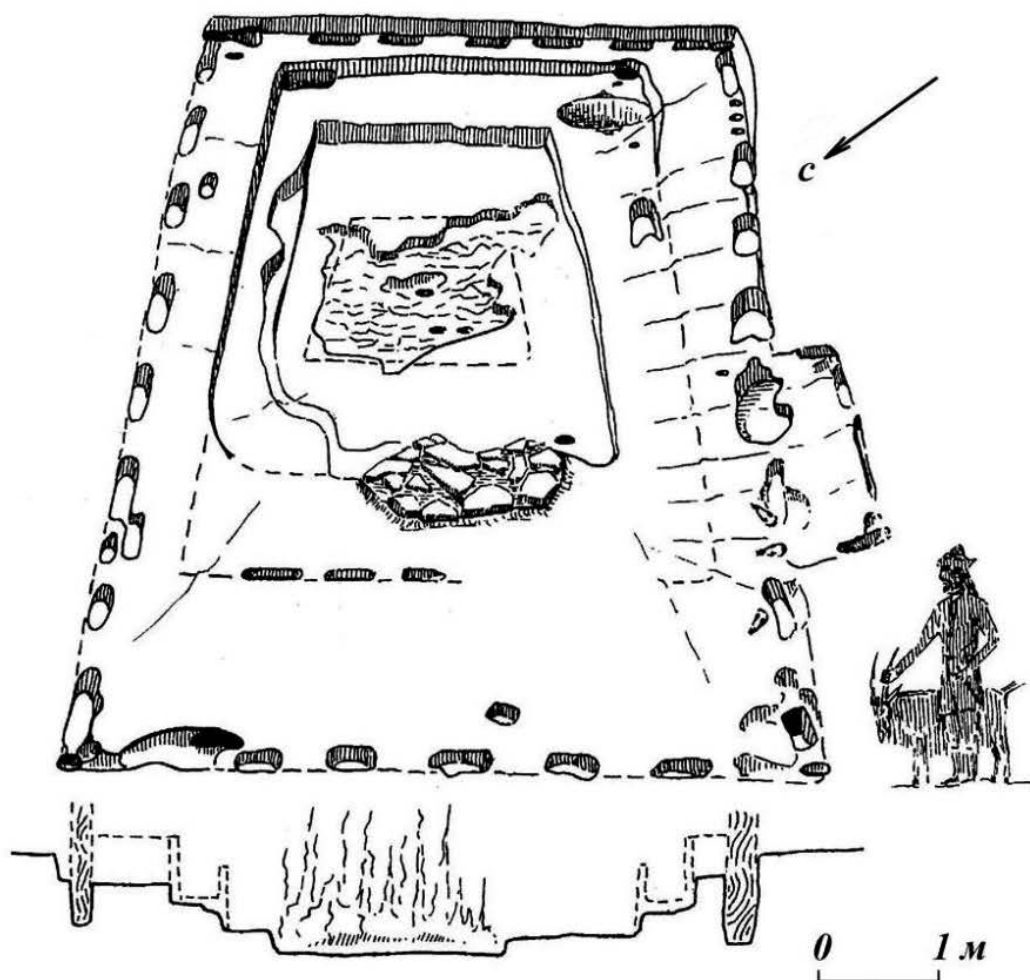
³⁴ История агванъ Моисея Каганкатваци, писателя X века. Санкт-Петербург, 1861. С. 193.

³⁵ Там же. С. 193.

³⁶ Винников А. З. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.

1

2

Рис. 179. Святилище на Маяцком селище:
1 — фотография во время раскопок;
2 — реконструкция С. А. Плетневой

7.3. Катакомбы и жертвенники вокруг культовой постройки. С запада и юго-запада к рассматриваемому сооружению примыкали пять катакомбных захоронений, четыре жертвенника, остатки тризны в виде нескольких глиняных сосудов, а также постройки, скорее всего, предназначенные для подготовки определенных ритуальных действий. Все это создает впечатление наличия

специального кладбища при святилище, которое по типу погребальных сооружений и богатому инвентарю отличалось от материалов могильника.

Из этих погребений по богатству инвентаря, тщательности совершенного погребального ритуала выделяется катакомба, расположенная в нескольких метрах к юго-западу от входа в святилище (рис. 180).

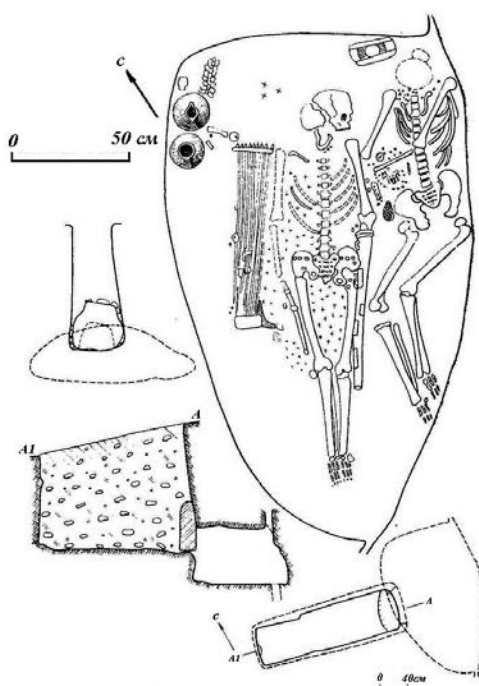

Рис. 180. Катакомбное погребение у святилища

В меловой скале выдолблен мотыжками дромос глубиной около 2 метров, длиной 2,7 метра, шириной около 0,6 метра. В центре южной стены у пола был вход в камеру катакомбы шириной 0,5 метра, высотой около 0,4 метра. Вход был закрыт меловой плитой, по периметру замазанной глиной и заложеной мелкими кусками известняка. Когда убрали плиту, закрывавшую вход в погребальную камеру, то открылась интересная картина. Камера была совершенно свободна от земли, все вещи лежали на своих местах, все в камере было так, как ее оставили люди более тысячи лет назад. На полу находились два погребения: мужчины 30—40 лет и женщины 30 лет, лежащих головами влево от входа. Скелет мужчины располагался в центре камеры вдоль ее длинной оси, вытянуто на спине на угольной подстилке. На костях скелета видны были остатки матерчатой и кожаной одежды, а также шапочки или шлема и кожаной обуви. С левой сторо-

ны рядом со скелетом лежала сабля в ножнах. Деревянные ножны обтянуты кожей, а с внешней, лицевой стороны дополнительно обклеены берестой. К ножнам крепились две деревянные, обложенные кожей и окантованные кожей обоймы с железными кольцами для ремней портупей. Сабля состояла из слабо изогнутого клинка длиной 0,84 м и шириной до 4 см, завершалась обоюдоострым концом. Деревянные обкладки рукоятки не сохранились. Справа от костяка находился железный шар кистеня. Под нижней челюстью погребенного найдены три стеклянные бусины, на левой руке — бронзовый витой браслет с остатками войлочной ткани. В левом переднем углу катакомбы лежали кости барана и стояли два узкогорлых кувшина. У правого бедра погребенного найдены деревянные ножны с железными ножами. Здесь же, справа от скелета, находился берестяной колчан с девятью трехлопастными наконечниками стрел. Древки круглые с выре-

зом для тетивы и берестяной обмоткой у основания наконечника. Длина стрел 0,75—0,8 м. На тазовых костях зафиксированы остатки кожаного пояса. Слева от входа в камеру лежали мотыжка и боевой топорик.

У задней стенки камеры вполоборота к мужчине лежал скелет женщины со слегка подогнутыми ногами. В районе черепа обнаружены бронзовые бубенчики с фрагментами ткани от головного убора. У правого плеча и локтя правой руки найдены бусы и большое количество бисера. Здесь же лежало небольшое зеркало, медная копоушка, деревянный футляр с растительным

орнаментом, нанесенным белой и темной краской, два совершенно одинаковых стеклянных перстня. Рядом была и бронзовая шумящая подвеска в виде лошадки с пятью подвешенными к ней «лапками»-ромбами (рис. 181).

Эта подвеска совершенно необычная для алаано-болгарских древностей. Она длительное время была в употреблении и подверглась ремонту, следы которого хорошо видны. Центр изготовления таких подвесок — восточнофинский мир, где-то в бассейне Оки. Попала она сюда или в результате торгово-обменных операций, или как трофей военных походов.

Рис. 181. Бронзовая коньковая подвеска

В районе таза погребенной лежал кожаный мешочек, отделанный внутри войлоком и тканью, в котором находилась бронзовая фибула-заколка. На костях скелета прослежены остатки одежды из кожи и ткани. Около головы выявлены фрагменты берестяной шкатулки, украшенной изогнутыми деревянными пластинами с трехцветным орнаментом: на желтом фоне растительная композиция, контуры которой выполнены черной, а заполнение красной красками. В шкатулке в кожаном футляре лежал двусторонний деревянный гребень. Рядом со шкатулкой в кожаном футляре с войлочной прокладкой лежало небольшое бронзовое зеркальце. Под этим погребением угольной подстилки не было.

Это погребение знатного воина, которого, вероятно, в загробный мир «сопровождала» рабыня-наложница. Рядом со святилищем совершен еще ряд катакомбных захоронений, но они значительно уступают первому по богатству инвентаря.

Жертвенники при святилище представляют ямы и, как правило, содержали черепа,

ребра, кости конечностей лошадей. Выделяется один из жертвенников, содержащий кости 17 коз. Обращает на себя внимание набор костных остатков в жертвенниках. Он свидетельствует о том, что все лучшие (мясные) части туши животных шли в пищу во время различных ритуалов, а все остальное приносилось в жертву богам.

С запада и юго-запада этот культовый комплекс ограничивают две незначительные постройки без следов жизни. Скорее всего, это так называемые «служебные помещения» при святилище. На раскопанной площади Маяцкого селища выявлено еще два культовых комплекса, к сожалению, плохо сохранившиеся и трудно интерпретируемые.

Святилища, близкие Маяцкому, раскопаны на Северном Кавказе³⁷ и в раннесредневековой Болгарии³⁸. Все они построены по принципу

³⁷ Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983. С. 45—48.

³⁸ Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура VI—XI век. София, 1977. С. 111.

«квадрат в квадрате», то есть внутри большого прямоугольного или квадратного сооружения имеется меньшее, также прямоугольной или квадратной формы, внутри которого горел костер. Это одна из характерных традиций тюркских культовых сооружений, в которых культ огня, солнца, света занимал большое место.

Уже говорилось о том, что во время раскопок Маяцкого селища были выявлены погребения и в заброшенных жилищах, и в хозяй-

ственных постройках. Конечно, и жилища, и хозяйственные постройки, и погребя уже не использовались по прямому назначению после того, как в них совершали захоронения. Трудно объяснить, почему людей хоронили в постройках, когда имелось специальное кладбище. Можно предположить, что эти захоронения принадлежали лицам привилегированного сословия, желавшим «остаться» на селище и после смерти.

Глава 8. МОГИЛЬНИКИ МАЯЦКОГО ГОРОДИЩА

Основной могильник населения, обитавшего на Маяцком городище и селище, находился в овраге, с юго-востока ограничивавшем селище. Вся информация о могильнике в данном разделе основана на результатах исследований и их публикации В. С. Флеровым³⁹. По его расчетам, площадь могильника составляла 3 га и могла содержать около 1000 погребений. Но раскопками изучено лишь 151 погребение. Кроме погребений, выявлены 24 тризны в виде целых и битых сосудов.

Маяцкий могильник, как и все аланские могильники, занимает склоны оврага. Такое расположение связано с традицией погребального сооружения алан на их родине. Аланская катакомба состояла из входа-дромоса, ведущего в погребальную камеру. Последние имели куполообразную форму, в них и помещали умерших. Размеры дромосов на Маяцком могильнике небольшие. Умершего сверху опускали в дромос, затем заносили через вход в катакомбу (рис. 182).

Рис. 182. Исследование катакомбного погребения на Маяцком могильнике

³⁹ Флеров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Москва, 1984 ; Его же. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.

Мужские захоронения совершались вытянуто на спине, в центре катакомбы, влево головой ко входу в камеру. Иногда ноги связывались в коленях с целью лишить покойника возможности передвигаться и вредить живым. Укладывались, возможно, на какие-то органические подстилки или тканевые покрытия. Находок в катакомбах встречено

очень мало: ножи, поясные пряжки, некоторые украшения, наконечники стрел. Сопровождая покойника в иной мир, ему клали в могилу все, что необходимо для нормального существования в «ином мире», все, чем он пользовался при жизни: орудия труда, оружие, бытовые предметы, украшения (рис. 183).

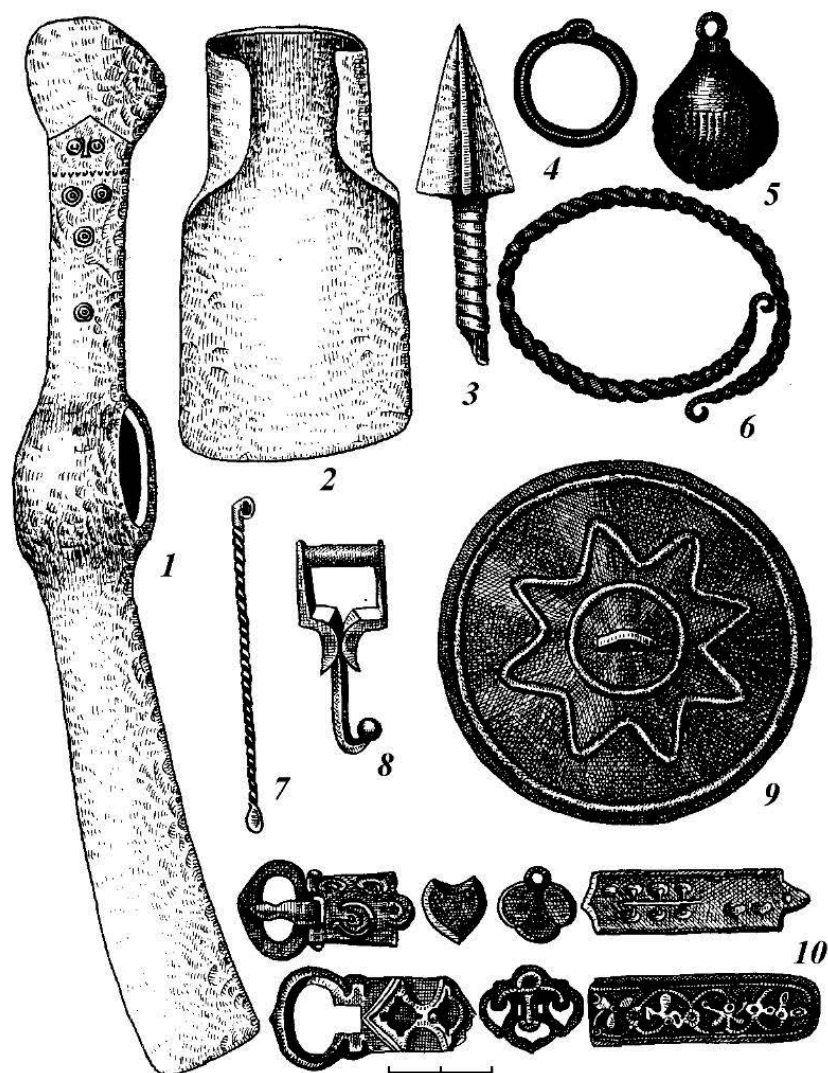

Рис. 183. Предметы материальной культуры алано-болгар

Женщин хоронили в скорченном положении на правом боку — обряд, свидетельствующий об их подчиненном положении по отношению к мужчинам. Хоронили ближе к задней стенке камеры, но лицом ко входу. В этих погребениях также не прослежены какие-либо настилы под погребенными, кроме подстилок растительного характера. Погребальный инвентарь также немногочислен: бронзовые зеркала, амулеты, бусы и другие украшения.

Этим маяцкие могильники разительно отличаются от других, например, могильника у села Дмитриевки на реке Короча, притоке Северского Донца⁴⁰.

Кроме одиночных захоронений на Маяцком могильнике есть и коллективные — как

⁴⁰ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.

правило, погребения мужчины и женщины. И здесь соблюдался сложившийся ритуал — женщины похоронены в скорченном положении на боку, мужчины — на спине вытянуто. После совершения захоронения вход в катакомбу закрывали или каменной плитой, или деревянными плахами, затем засыпали дромос землей и глиной.

Кроме погребений в катакомбах на Маяцком могильнике выявлено 10 погребений в ямах. Ямы прямоугольной формы, довольно узкие. Из них семь принадлежали детям или подросткам, а три — взрослым женщинам. В. С. Флеров считает, что присутствие на Маяцком могильнике ямных погребений, не характерных для местного аланского населения, является результатом семейно-брачных отношений или следствием пленения болгарских женщин, которые придерживались ямного обряда погребений. Это подтверждает и Т. С. Кондукторова, исследовавшая антропологические серии Маяцкого могильника. Ямные погребения не локализуются на какой-то отдельной территории, а размещаются между катакомбами.

Почти во всех маяцких катакомбах скелеты погребенных лежат в нарушенном состоянии, кости перемешаны и сдвинуты или разбросаны по камере. Малое количество вещей в погребениях отнюдь не означает, что родственники умершего «пожалели» для покойника какие-то вещи. Тут, вероятно, другое — большинство катакомб имеет следы проникновения в погребальную камеру спустя какое-то время после совершения захоронения. Возможно, это следствие ограбления.

Некоторые захоронения на Маяцком могильнике дают представление об еще одном ритуале. Скелеты покойников подвергали преднамеренному разрушению, возможно, те,

кто и совершал захоронения. Для этого через некоторое время после погребения вскрывали дромос, открывали вход в катакомбу и разрушали костяк. Кости не только разбрасывали, но и ломали, а в некоторых случаях выносили за пределы погребального сооружения. Здесь проявился присущий многим народам вечный страх перед покойником, стремление избавить живущих от его недобрых действий. Однако жители Маяцкого городища и селища последующему разрушению подвергали далеко не все скелеты. Чаще всего разрушали женские захоронения, что объясняется особым страхом перед женскими злыми духами-албастами⁴¹. После разрушения скелета дромос вновь засыпали землей, глиной. Погребальный обряд считался выполненным до конца. Между погребениями встречены скопления керамики — целая и битая посуда. Это остатки поминок, совершавшихся или сразу после погребения, или по прошествии определенного времени.

Интересную информацию о демографической ситуации на Маяцком селище дают результаты анализа половозрастного состава погребенных. В. С. Флеров обращает внимание на одинаковое число похороненных мужчин и женщин, выявленных на раскопанной части могильника. Отмечается наличие индивидов в возрасте свыше 60 лет, а также низкая смертность до 20 лет. Бросается в глаза «отсутствие на скелетах погребенных повреждений боевого происхождения, зато многие имели патологические изменения, связанные с различными хроническими заболеваниями». Можно отметить довольно низкую детскую смертность, в возрасте до 3 лет — всего пять случаев. Вероятно, демографической ситуации на Маяцком поселении способствовали благоприятные условия обитания в данном регионе в последних веках I тыс. н. э.

Глава 9. О ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБЕ НАСЕЛЕНИЯ МАЯЦКОЙ КРЕПОСТИ

9.1. Население Маяцкой крепости. Для обозначения этноса, который проживал на Маяцком поселении и в крепости, мы употребляем термин алано-болгары, подчеркивая его смешанный характер. В то же время необходимо еще раз подчеркнуть, что все-таки в основе он был аланским — потомки переселенцев с Северного Кавказа, вынужденно покинувших родину, скорее всего, из-за военной угрозы со

стороны арабов. Ощутимая примесь болгарского компонента в антропологическом облике погребенных в Маяцком могильнике, святилище, конструкция которого несомненно связана с тюркскими традициями, болгарская керамика, составляющая неотъемлемую часть кера-

⁴¹ Албаствы — от тюркского «басти» — придавил, задавил.

мического комплекса Маяцкого поселения, — все это позволяет уверенно говорить, что здесь в IX — первой половине X в. протекали весьма сложные этнические процессы, возможно, связанные с формированием нового этноса.

Раскопки Маяцкого селища не выявили следов разгрома и пожаров. Но в середине X века, а может быть, на одно-два десятилетия позже, жизнь здесь прекратилась. В этом, скорее всего, роковую роль сыграли печенеги, но решающий удар по каганату нанес киевский князь Святослав, который в 965 году совершил поход в Хазарию, разорив центры Хазарского каганата — Итиль на Волге и Саркел на Дону. Хазарский каганат как государство с 60-х годов X века уже не существовал⁴². Следовательно, и Маяцкая крепость потеряла свое значение как форпост на северо-западных рубежах Хазарского каганата.

Часть алано-болгарского населения бассейна Дона, вступив в борьбу с печенегами, затем с дружиной Святослава, погибла. Другая, увлекаемая печенежскими ордами, влилась в их ряды и вновь, как их далекие предки, перешла к кочевому образу жизни. Возможно, какое-то количество ушло в Волжскую Булгарию, где во второй половине X века наблюдается прилив населения. Но отдельные небольшие группы алано-болгар отступили на север в более безопасные районы — туда, где обитали донские славяне. Они не могли найти себе убежища на ближайших славянских поселениях на Дону. Алано-болгары нашли себе приют на славянских поселениях, расположенных на реке Воронеж. Исторические судьбы славянского населения юго-восточного пограничья и алано-болгар, находившихся в весьма лояльных отношениях друг к другу, оказались схожи, а в ряде случаев тесно переплелись.

9.2. Аланы и славяне на Дону и р. Воронеж. Проблема контактов двух этносов — восточных славян, обитавших в бассейне Дона, и их соседей — племен салтово-маяцкой культуры — поднималась различными исследователями: как теми, кто занимался изучением собственно славян, так и теми, кто исследовал памятники салтово-маяцкой культуры⁴³.

Рассматривая связи двух соседствующих этнических групп — донских славян и населения салтово-маяцкой культуры, прежде всего, необходимо отметить наличие торговых от-

ношений между ними. Но масштабы этой торговли или обмена, судя по количеству вещей салтово-маяцкой культуры, находимых на славянских памятниках в бассейне Дона, были незначительны. Это, главным образом, украшения и отдельные типы орудий труда.

Население салтово-маяцкой культуры (аланы и болгары) играло не последнюю роль в качестве посредников и в торговле донских славян с арабским миром, с причерноморскими городами. Об этом свидетельствуют и находимые на славянских памятниках арабские монеты, стеклянные бусы, амфоры и кувшины ближневосточного и южного, таманского, производства (рис. 184). Есть на славянских поселениях в бассейне Дона и тарная салтово-маяцкая керамика, свидетельствующая о наличии торговых отношений.

Массовое расселение восточных славян в лесостепном Подонье происходило тогда, когда северные и северо-западные границы салтово-маяцкой культуры в рамках Хазарского каганата уже обозначились. И с самого начала появления славян в этом регионе между ними и алано-болгарами установились, как отмечали многие авторы, дружественные отношения. И те, и другие в новых для себя условиях донской лесостепи в общении друг с другом взаимно вырабатывали некоторые необходимые элементы материальной культуры.

У донских славян в процессе таких контактов появились новые формы керамических изделий, в частности кувшины. Правда, они стали изготавливать их с учетом своих сложившихся традиций. В то же время общение с салтовцами не внесло каких-либо изменений в технологию изготовления донскими славянами основных типов собственной керамики.

Не только славяне испытывали определенное воздействие культуры своих южных соседей. Эти процессы носили взаимный характер. Влияние славян на население салтово-маяцкой культуры выразилось в появлении у последних полужемляночного жилища и глинобитных печей в углу. Та часть алан, которая переселилась в бассейн Среднего Дона, освоила в очень короткий срок новый для себя тип жилых построек, явно не без какого-либо участия славян. При этом необходимо отметить, что если даже идея полужемляночного жилища и появилась у алано-болгар под влиянием славян, то все же они не восприняли всего, что им предложила многовековая славянская традиция. В салтовской полужемлянке сочетались черты оседлой (славянской) и кочевнических культур.

⁴² Плетнева С. А. Хазары. С. 61—71.

⁴³ Винников А. З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром // СА. 1990. № 3. С. 124—137.

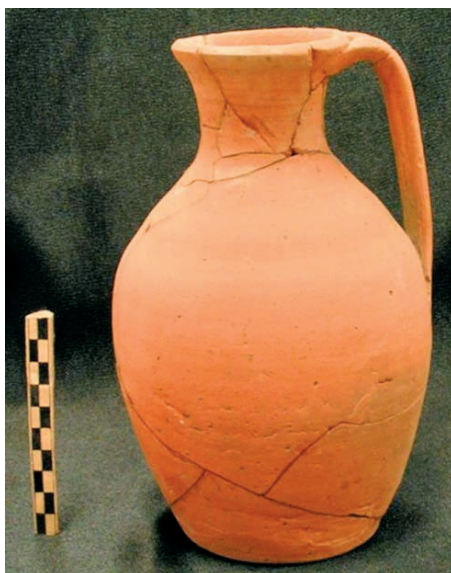

Рис. 184. Гончарный кувшин
из кургана славянского Лысогорского могильника

Интересные материалы, дающие возможность выявить новые аспекты во взаимоотношениях донских славян и алано-болгарского населения салтово-маяцкой культуры, дали раскопки ряда славянских памятников на р. Воронеж, и среди них в первую очередь I Белогорского городища. Имеются основания связывать полуземлянки с открытыми очагами с какими-то группами населения салтово-маяцкой культуры, жившими на славянском поселении на Белой горе.

Своеобразен и керамический комплекс, выявленный на I Белогорском городище. Наряду со славянской керамикой здесь встречается разнообразная посуда салтово-маяцкого типа, которая представлена как гончарными, так и лепными или правленными на круге кухонными горшками. При этом следует подчеркнуть, что рассматриваемые горшки являются предметом местного производства. Но общий их вид, фактура, орнаментация, техника изготовления свидетельствуют о том, что они создавались не славянскими мастерами, а, вероятно, носителями традиций салтово-маяцкой культуры, жившими на славянском I Белогорском городище. И курганы славянских могильников на р. Воронеж содержат наряду с обычной славянской посудой гончарную керамику салтово-маяцкой культуры, представленную кувшинами, горшками, кружками.

Итак, сейчас не вызывает сомнения тот факт, что в глубине территории донских сла-

вян на р. Воронеж, на уже существующих славянских поселениях появились примерно в первой половине — середине X в. отдельные группы салтово-маяцкого населения. Проживание на одном поселении двух различных этнических групп не должно быть для нас чем-то удивительным, известны многочисленные этнографические примеры.

В связи с этим интересно было бы попытаться вычленил среди раскопанных курганов (на р. Воронеж) те, которые можно связать с салтовским населением. В этом отношении заметно выделяется I Белогорский могильник. В большинстве курганов I Белогорского могильника (в восьми из двенадцати) встречается только салтовская и близкая к ней посуда.

Возможно, присутствие «хазарских» алан оставило след в местной топонимике. Топонимические следы пребывания «хазарского племени» отмечены на некоторых славянских поселениях на реке Воронеж, в том числе и на Кузнецовском городище. Не случайно даже в документах начала XVII в. оно называется «Козарское городище».

В степи какие-то группы донских алан, в том числе и живших на Маяцком селище, пережив тяжелое печенежское нашествие, остановились в малодоступных для кочевников местах и на условиях «мирного сосуществования» влились в новую кочевническую среду — половецкую.

РАЗДЕЛ 3. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПОРУБЕЖЬЕ РУСИ И ПОЛОВЦЫ

В XII — первой половине XIII в. Воронежский край вновь осваивается древнерусским населением. Северная его часть входила во владения Черниговского и Рязанского княжеств. Заселение Лесостепного Подонья шло с территории Днепровского Левобережья и бассейна Оки. К этому времени формируется общий контур юго-восточной границы Руси. Эта граница маркировалась городищами «донецкой оборонительной линии» (Донецкое, Хорошево, Мохнач, Гайдары (Украина), Крапивное, Холки (Белгородская область)) (рис. 185). Наиболее изученными являются городища Донецкое и Холки. На Дону информативным памятни-

ком на Юго-Востоке Руси является Семилукское городище. На р. Воронеж изучались Животинное городище в Воронежской области и Романово городище в Липецкой¹.

Непосредственная преемственность славянской боршевской культуры и древнерусской культуры XII — начала XIII в. на территории Воронежского края не прослеживается. На славянских памятниках в Воронежской нагорной дубраве материалы XII—XIII вв. не обнаружены. Лишь на Животинном после прекращения жизни славянского городища в первой половине XI в. позднее, уже в XII в., появился поселок древнерусского населения.

Глава 1. ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ И ВОРОНЕЖЕ

Археологические исследования Семилукского городища на р. Дон и Животинного городища на р. Воронеж позволяют охарактеризовать быт и хозяйство древнерусского населения на территории Воронежского края в XII — первой половине XIII в.¹

1.1. Древнерусские городища и поселения. Семилукское городище расположено в городе Семилуки Воронежской области, на правом берегу реки Дон. Площадка городища имеет длину до 200 м, ширину 65—70 м. С напольной стороны городище защищено валом и рвом. К городищу примыкает обширный посад, на котором изучены гончарные горны. В 1984—1993 гг. памятник исследовался археологической экспедицией ВГУ под руководством А. Д. Пряхина и М. В. Цыбина (раскопано около 3,5 тыс. кв. м)². В последующие годы

небольшие работы на комплексе проводились А. С. Саврасовым³ и Ю. Д. Разуваевым. Семилукское городище обозначало восточные рубежи Черниговской земли.

Животинное городище расположено у села Староживотинное Рамонского района Воронежской области, на правом берегу р. Воронеж. Размеры городища 30—120×520—540 м, имеются три линии укреплений с напольной стороны и одна — на стрелке мыса. Древнерусский поселок XII—XIII вв. локализуется примерно в центральной части мыса и ограничен первой линией укреплений. Городище исследовалось славянским отрядом археологической экспедиции ВГУ под руководством А. З. Винникова в 1976, 1977, 1982—1986 гг. (изучено около 2,5 тыс. кв. м). В 90-е годы памятник изучался В. Н. Ковалевским⁴. Древнерусский поселок на Животинном городище мог быть сторожевым пунктом на юго-западных рубежах Рязанского княжества.

¹ Литературу об упомянутых памятниках см.: Цыбин М. В. Юго-восток Древней Руси и кочевнический мир (к оценке современного состояния проблемы по археологическим данным) // Отечественная археология XX века. Воронеж, 2004. С. 114—121 (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 18); Его же. Юго-восточная граница Руси накануне монгольского нашествия (история развития идеи) // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Воронеж, 2000 (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14).

² Пряхин А. Д. Древнерусское Семилукское городище XII—XIII вв. на р. Дон (Итоги раскопок 1984—1986 гг.) // Археология славянского Юго-

Востока. Воронеж, 1991; Пряхин А. Д. Древнерусское Семилукское городище (Материалы раскопок 1987—1993 гг.) // На Юго-Востоке Древней Руси. Воронеж, 1996. С. 13—30.

³ Саврасов А. С. Семилукское поселение XII—XIII вв. в комплексе археологических памятников «Семилукское городище» // Filo Ariadne. 2018. № 1.

⁴ Винников А. З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XIII в. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж, 2014.

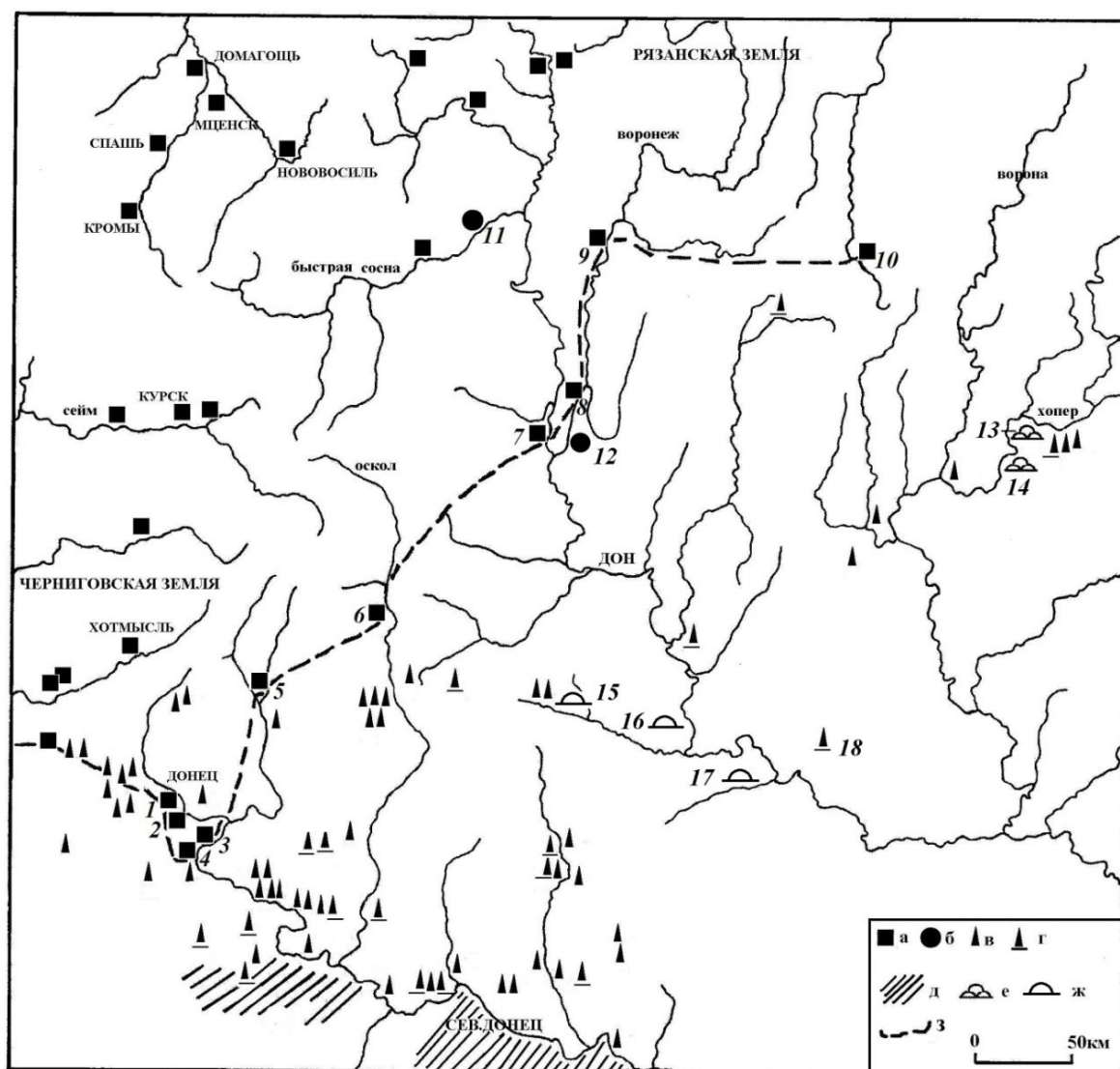

Рис. 185. Юго-восточное порубежье Руси во второй половине XII — первой трети XIII в.

а — древнерусское городище; б — древнерусское селище; в — половецкое каменное изваяние; г — изваяние, зафиксированное в месте первоначальной установки; д — район концентрации половецких каменных изваяний; е — кочевнический могильник; ж — кочевническое погребение; з — граница Руси.

1 — Донецкое; 2 — Хорошево; 3 — Мохнач; 4 — Гайдары; 5 — Крапивное; 6 — Холки; 7 — Семилукское; 8 — Животинное; 9 — Романово; 10 — Никольское; 11 — Лавское; 12 — Шиловское; 13 — Лесное; 14 — Третьяки; 15 — Ольховатка; 16 — Старая Калитва; 17 — Вербекова; 18 — Старая Криуша

1.2. Домостроительство. В XII—XIII вв. качественно изменяется домостроительство на Дону и Воронеже. Уходят в прошлое традиции полуземляночного жилища предшествующей боршевской культуры. Новые традиции домостроительства были принесены в наш край из Черниговского и Рязанского княжеств. Для домостроительства древнерусского населения были характерны наземные срубные дома с глинобитными печами, подпечными и подпольными ямами. Некоторые постройки могли иметь два уровня: нижний — хозяй-

ственный подклет, верхний — жилое отапливаемое помещение. Примером такого жилого комплекса является одна из построек Семилукского городища. В площади жилого дома находился большой углубленный подклет подквадратной формы размерами 3,2×3,3 м. Фиксировались следы деревянной обшивки его стен. Подклет был соединен с ямой-погребом «коридором» длиной около 2,7 м. Над этой хозяйственной частью дома находился жилой этаж. С него в подклет упали остатки глинобитной печи.

На Семилукском городище изучена и своеобразная жилая постройка с углубленной частью и глинобитной печью на материковой подушке (рис. 186). Полуземляночные жилища открыты на Шиловском поселении в низовьях р. Воронеж в черте современного города.

Материалы раскопок Семилукского городища свидетельствуют об одновременности изученных построек как на укрепленной площади, так и на посаде. По городищенскому мысу проходила улица, по обеим сторонам которой находились домовладения.

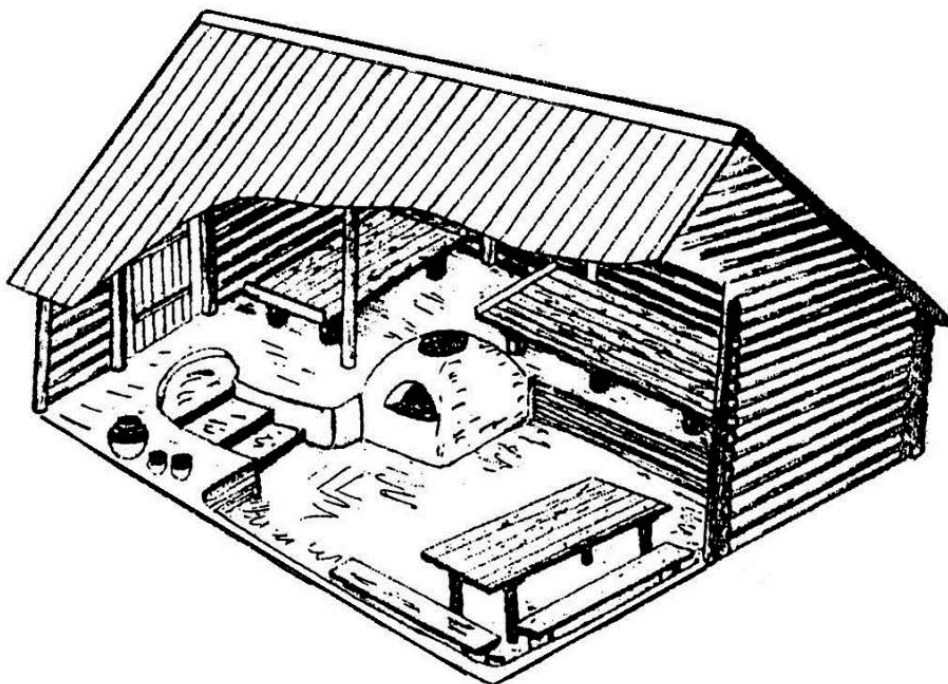

Рис. 186. Жилая постройка на Семилукском городище
(реконструкция В. И. Беседина)

1.3. Хозяйственная деятельность древнерусского населения основывалась на земледелии, животноводстве и промыслах. На Семилукском городище найдены зерна ржи и пшеницы. Для помола зерна использовался обнаруженный на памятнике каменный жернов. Остеологический анализ выявил характерный состав стада: крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот, свинья. Для заготовки кормов использовались косы-горбуши. Такая коса найдена на Животинном городище (рис. 187, 1). Большую роль в хозяйстве играли промыслы — рыбная ловля и охота. Многочисленные находки рыболовных крючков (рис. 187, 2—5), глиняных грузил для сетей говорят о том, что рыбный промысел мог иметь и специализированный характер. В одной из построек Семилукского городища найдено скопление глиняных грузил, помеченных знаком владельца (рис. 187, 6—9).

На Семилукском городище обнаружены костяные наконечники стрел для пушного промысла, а также кости лисицы, куницы, бобра, косули, кабана, лося, медведя, зайца. Интересна и находка на Семилукском городище бортного топора, свидетельствующего о существовании бортничества (рис. 187, 10).

1.4. Ремесленное производство на древнерусских поселениях представлено черной металлургией и металлообработкой, ювелирным и косторезным делом, а также гончарством. Ассортимент изделий из железа разнообразен. Это орудия труда, предметы быта — кресала (рис. 188, 10—11), ключи от замков, ножи (рис. 188, 5—8); предметы вооружения — наконечники стрел (рис. 189, 3—5), сулиц (рис. 189, 1—2), перекрестье сабли, топор. В Воронежском областном краеведческом музее хранится хорошо сохранившийся древнерусский меч (рис. 189, 9).

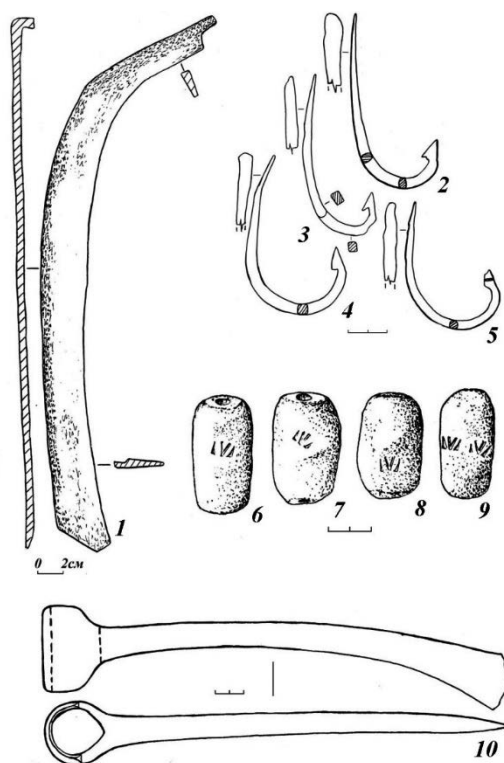

Рис. 187. Орудия труда: 1 — коса; 2—5 — рыболовные крючки; 6—9 — рыболовные грузила; 10 — бортный топор

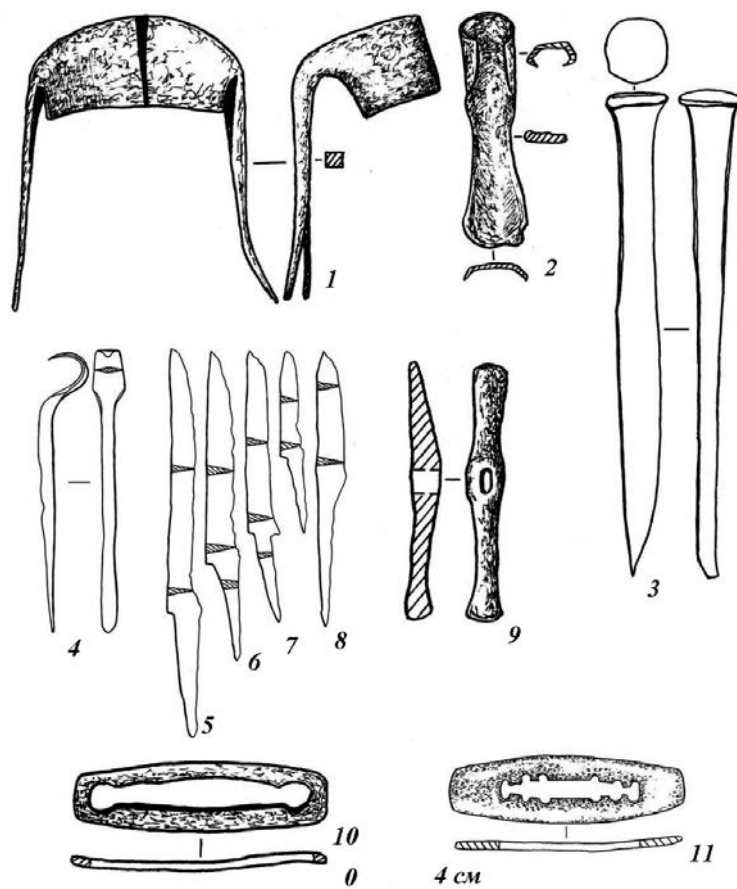

Рис. 188. Орудия труда (продолжение): 1 — скобель; 2 — тесло; 3 — долото; 4 — токарный резец; 5—8 — ножи; 9 — ювелирный молоточек; 10, 11 — кресала

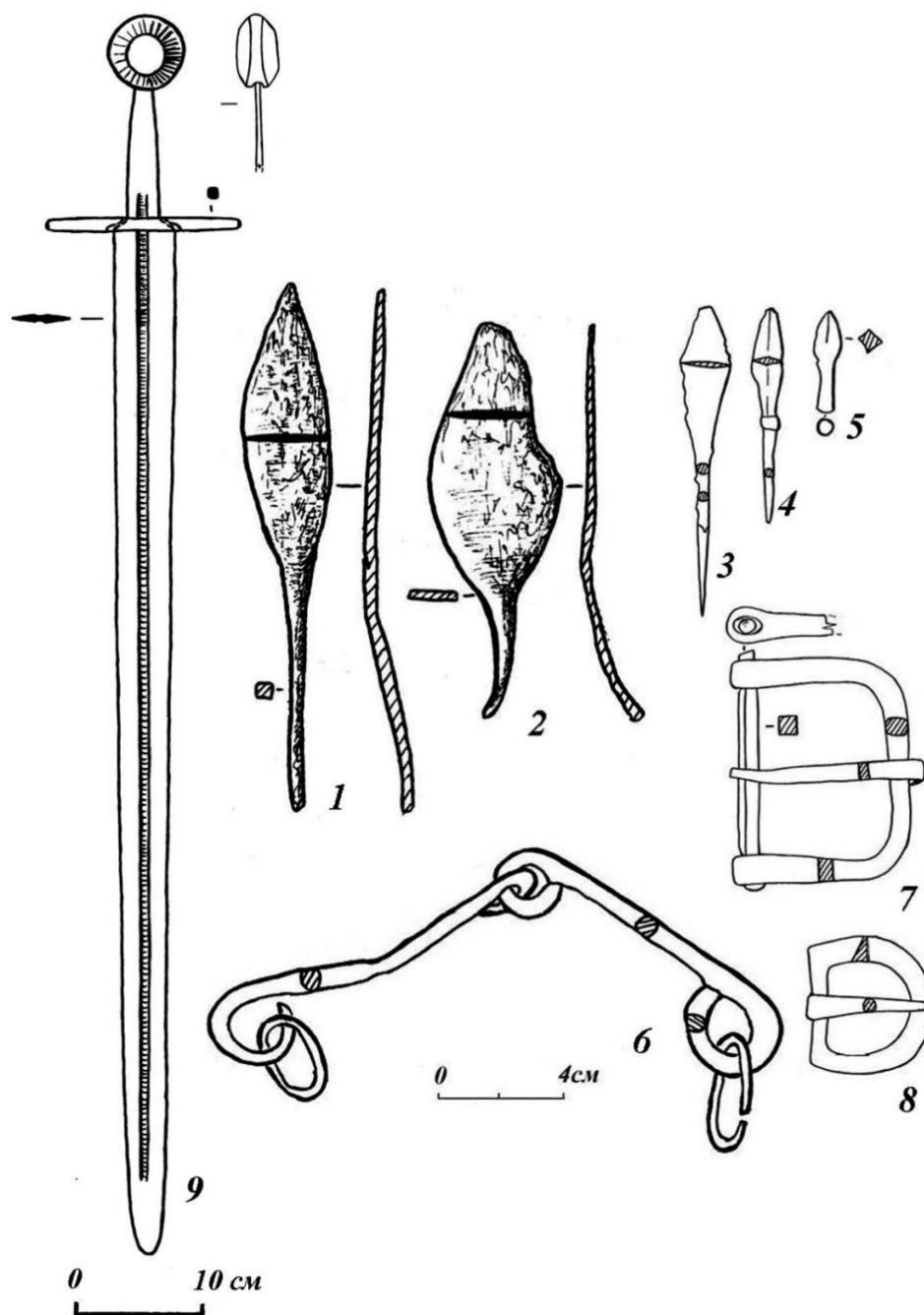

Рис. 189. Предметы вооружения и конской упряжи:
1, 2 — наконечники сулиц; 3—5 — наконечники стрел;
6 — удила; 7, 8 — пряжки; 9 — меч

Разнообразен комплекс ювелирных изделий, включающий витые и пластинчатые браслеты, решетчатые перстни, привески-бубенчики, височные кольца (рис. 190, 1—11). Наличие медного лома, находка литейной формочки, бракованных изделий говорят о том, что часть ювелирных изделий производилась на месте.

О развитии гончарства свидетельствует гончарная мастерская и остатки гончар-

ных горнов на Семилукском городище. В ассортименте продукции гончаров были горшки и крышки от них, миски, корчаги (рис. 191). Интересны разнообразные клейма на днищах горшков. Анализ материалов Семилукского городища позволяет говорить, что для этого поселения клейма являлись знаками мастеров, при допущении, что каждый мастер пользовался несколькими клеймами.

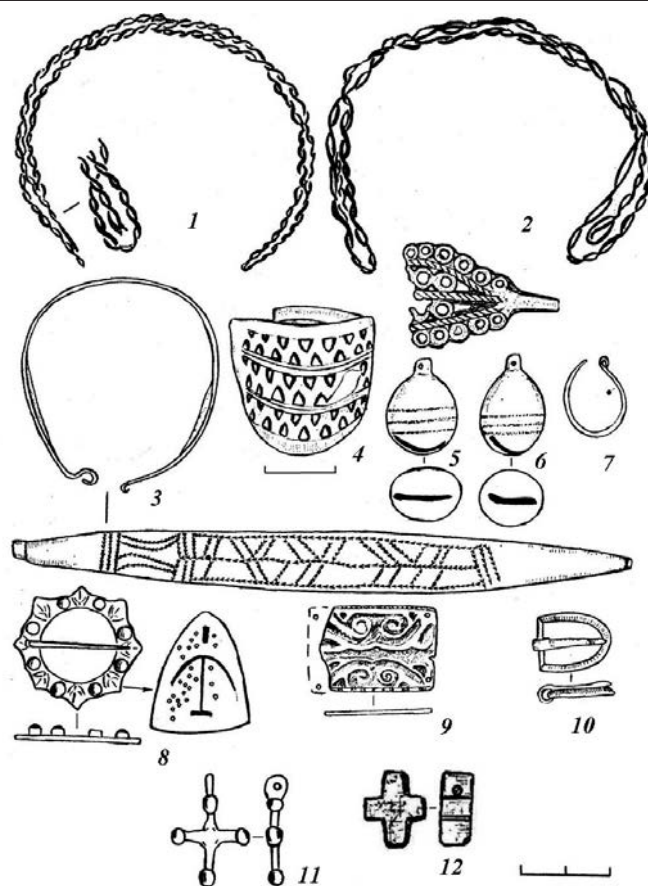

Рис. 190. Украшения, принадлежности одежды, нательные крестики

Рис. 191. Глиняная гончарная посуда

1.5. Торговля. В результате торговых связей на поселения Воронежского края попадали стеклянные браслеты (рис. 192, 1) и бусы древнерусского, византийского и западноевропейского производства; шиферные пряслица с территории Киевской земли (рис. 192, 2), свинцовые кольца (рис. 192, 3), поливная посуда и амфоры. Интересна находка на Семилукском городище железного наременного наконечника с золотой аппли-

кацией, изготовленного хакасами в Южной Сибири или хакасскими мастерами в Восточной Европе (рис. 192, 4). Исследователи отмечают активное функционирование Донского торгового пути. Семилукское городище, после прекращения жизни в Белой Веже в начале XII в., было самым южным древнерусским укрепленным поселением на этом пути.

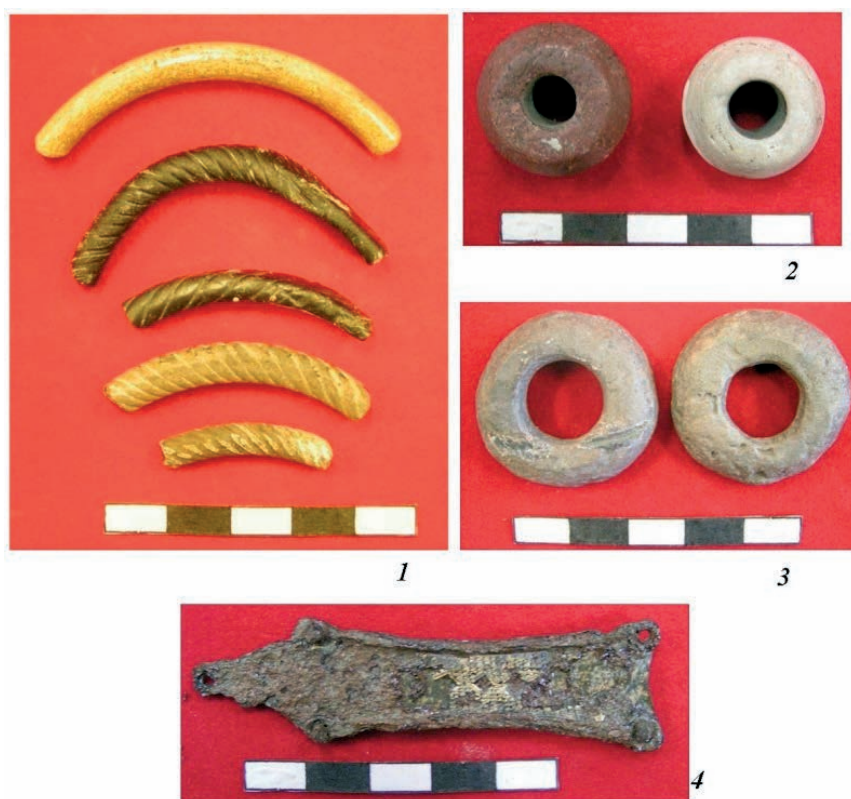

Рис. 192. Импортные изделия на Семилукском городище:
1 — фрагменты стеклянных браслетов; 2 — шиферные пряслица;
3 — свинцовые кольца; 4 — наконечник ремня

Среди древнерусского населения в XII—XIII вв. распространяется христианство, о чем свидетельствуют находки настоятельных медных крестиков на Семилукском городище (рис. 190, 11). На посадке исследовано грунтовое женское погребение с каменным наперсным крестиком и ожерельем из стеклянных и янтарной бус (рис. 190, 12). Постройка, в которой было совершено погребение, по предположению А. С. Саврасова, входила в культовый комплекс, возможно, притвор к деревянному храму или часовне. В постройке, кроме того, был найден фрагмент перстня из свинцово-оловянистого сплава с христианской символи-

кой⁵. Находки амулетов из костей животных говорят и о сохранении языческих верований.

Наряду с городищами в Воронежской области известны немногочисленные сельские древнерусские поселения. Одно из них — Шиловское — располагалось в г. Воронеже на левом берегу р. Воронеж⁶.

⁵ Саврасов А. С. Семилукское поселение XII—XIII вв. в комплексе археологических памятников «Семилукское городище». С. 94—108.

⁶ Пряхин А. Д. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

Глава 2. ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДИЩА И ВОПРОС О ЛЕТОПИСНОМ ВОРОНЕЖЕ

Исследования Семилуцкого городища в 1980—1990-е годы активизировали интерес к вопросу о возможности существования летописного Воронежа. Эта тема в 70-е годы подробно анализировалась В. П. Загоровским в книге «О древнем Воронеже и слове «Воронеж»: Историко-географическое исследование»⁷. Не исключалась возможность существования летописного Воронежа и его локализации, например, на Романовом городище в Липецкой области. Что дополнили исследования Семилуцкого и Животинного городищ в Воронежской области к этому вопросу? Они показали историческую реальность летописных известий. Древнерусская территория доходила до устья р. Воронеж. Здесь смыкались владения Рязанского и Черниговского княжеств. Древнерусские поселения XII—XIII вв., в том числе укрепленные, изучены по р. Воронеж и на семилуцком отрезке течения Дона.

Анализ летописных известий показывает, что с июня 1175 года до начала 1177 года Ярополк Ростиславич, с именем которого

связано первое упоминание Воронежа, находился в Рязанской земле. Он мог получить «в кормление» земли (волость) по р. Воронеж от рязанского князя Глеба.

После битвы на р. Колокше в начале 1177 года рязанцы, выполняя ультиматум владимирского князя Всеволода, точно знали, где находится беглый Ярополк: они «ехавше в Вороножь, яша его сами и приве-доша в Володимерь...» (рис. 193, 194)⁸. Необходимо отметить, что город-крепость Воронеж, основанный в 1586 г. и возможный летописный Воронеж непосредственно не связаны — ни исторически, ни географически. Раскопки Воронежского университета в 2011 г. на так называемом «Старом городище», где был основан город-крепость в 1586 г., культурного слоя и отдельных находок XII в. не выявили. Пока можно говорить лишь о преемственности процесса освоения низовой реки Воронеж славянским, древнерусским и русским населением на протяжении длительного периода.

Рис. 193. Битва на р. Колокше.
Миниатюра Радзивилловской летописи

⁷ Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж, 1971 (второе издание — 1977).

⁸ Лаврентьевская летопись, л. 130 об.

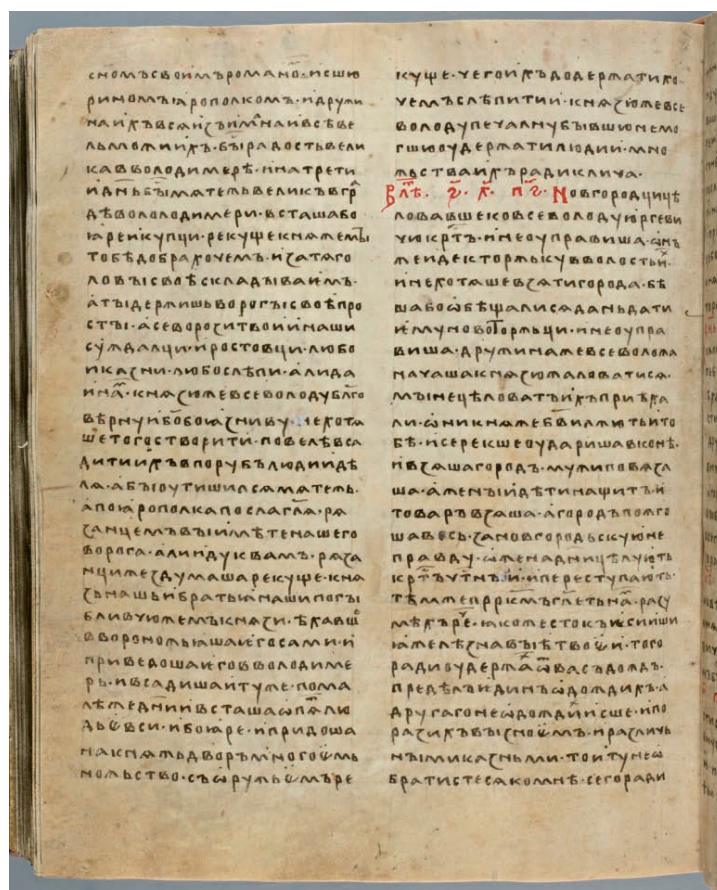

Рис. 194. Лист Лаврентьевской летописи 1377 г. с первым упоминанием Воронежа

Как уже отмечалось выше, общий контур юго-восточной границы Руси накануне монгольского нашествия определялся укрепленными городищами. Необходимо обратить внимание на тот факт, что Семилукское городище находилось на значительном удалении от ближайших городских центров Юго-Восточной Руси. Это обстоятельство характерно и для других поселений (Крапивное, Холки в Белгородской области). В этом плане представляет

ся весьма продуктивным подход к характеристике структуры юго-восточного пограничья Руси, в которой не было жесткой разделительной линии между русскими и половецкими владениями, а понятие «поле Половецкое» могло включать остепненные водораздельные территории, подходившие к участкам, более плотно заселенным древнерусским населением⁹. Представляется, что похожая ситуация была характерна и для XVI в.

Глава 3. ПОЛОВЦЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ И В ПРИХОПЕРЬЕ

В XII—XIII вв. большая часть территории Воронежского края входила в границы Половецкой земли. В середине XI в. половцы впервые появляются у границ Древней Руси. Первоначально ими осваивается Приазовье. Освоение половцами Среднего Подонья и бассейна р. Оскол происходит в 20—60-е гг. XII в. Именно в это время начинаются достаточно интенсивные контакты половцев с Рязанским княжеством. Под 1132 г. в Никоновской летописи приводится сообщение

о том, что «...крестися в Рязани Половецкий князь Амурат»¹⁰.

3.1. Русско-половецкое противостояние. В 1148 г. половцы совершают один из первых набегов на рязанские земли, но терпят поражение от рязанской дружины, воз-

⁹ Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. 158.

главляемой тысяцким Константином¹¹. Летописи сообщают, что в середине XII в. в Поосколье кочевали орды Отперлюеве и Токсобичи. Во второй половине XII в. этот район входит в территорию объединения половцев хана Кончака. О существовании половецких кочевий в Поосколье свидетельствует поход Ольговичей в этот район в 1191 г.: Игорь Святославич и другие князья «...ехаша до Оскола». Летописец сообщает, что «*половцем же быть вестъ на ня, и пустиша вежа назад, а сами совокупишася ждут их; Ольговичи же не могути ся с ними бити, заложившися ночью идоша прочь. Половцы же осветившися и не узреша их, и гонившися по них и не постигоша их*»¹².

На левобережье Среднего Дона половцы освоили степное междуречье Битюга и Савалы, степные участки Прихоперья. В середине XII в. в левобережье Среднего Подонья кочевала орда Ельтукови. В 1146 г. Ростислав и Андрей Юрьевичи (сыновья Юрия Долгорукого) выступили против Рязанского княжества. Князь Ростислав Ярославич «...выбеже из Рязаня в Половец к Ельтукови»¹³. Около середины XII в. половецкие становища появляются в бассейне Хопра. На реке Великая Ворона (современная река Ворона) половцы терпят поражения от рязанских князей. Так, под 1150 г. в Никоновской летописи имеется сообщение о том, что «...в Рязани на Великой Вороне побиша Половцев»¹⁴. В труде В. Н. Татищева есть подробности этого события: «Того ж году приходили половцы на пределы Резанские. Князи же резанские, собрав войска, пошли на них и, догнав на реке Большой Вороне, многих половцов побили и в полон взяли»¹⁵. В 1177 г. Роман Глебович Рязанский «...изби много Половец»¹⁶. У В. Н. Татищева это событие описано под 1178 г., причем он указывает, что встреча с половцами произошла на р. Большая Ворона: «Роман Глебович, как скоро мог собрать войска, пошел на половцов. И нашед оных в собрании на реке Большой Вороне, по жестком

сражении победил, многих побив и пленя, возвратился в Резань»¹⁷. Можно предположить, что Роман направил удар по тому объединению половцев, которое несколько раньше совершило грабительский поход на рязанские земли.

В 1160 году по инициативе Андрея Боголюбского был предпринят большой поход на половцев. Судя по тому, что в коалиции принимали участие дружины из Рязани, Муром и Пронска, удар был направлен на половецкую орду, располагавшуюся у границ Рязанского княжества в бассейне Дона: «...и идоша на Половцы в поле за Дон далеко, и съступишася на бой, и бысть брань велиа и сеча зла, и начаша одолевати Руссии князи...» Сражение шло с переменным успехом, «...но паки поможа Господь Бог и пречистая Богородица христианьскому воинству, и прогнаша Половцев»¹⁸. Видимо, в донскую лесостепь был направлен и поход Всеволода Большое Гнездо в 1199 г. С просьбой о походе на половцев к Всеволоду обратились рязанские князья. Большой поход, предпринятый в апреле-мае 1199 г., возглавляли сам Всеволод и его сын Константин. Половцы, узнав о приближении русских дружин, по сообщению В. Н. Татищева, «...ушли в степи и вниз по Дону»¹⁹. По Никоновской летописи, половцы «бежаша к морю». «Всеволод же Юрьевич ездив по зимовищем их подле Дон реку, и не обрете их, и возвратися в Володимерь»²⁰.

На Рязанское княжество нападали половцы, кочевавшие у его границ в доно-хоперском междуречье. Донские половцы во главе с ханом Кончаком (их вежи находились в бассейне Северского Донца) направляли свои набеги преимущественно на южнорусские земли, в том числе на Курское княжение.

Всего в письменных источниках отмечено шесть самостоятельных походов половцев на Рязанские земли и пограничный между Черниговом и Рязанью район Быстрой Сосны (1148, 1150, 1177, 1187, 1195 годы). Причем только три из них были успешными (1177, 1187, 1195 годы), остальные в конечном итоге закончились поражением кочев-

¹¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 178.

¹² Там же. Т. 2. С. 141.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ Там же. Т. 9. С. 184.

¹⁵ Татищев В. Н. История Российская. Москва — Ленинград, 1964. Т. 3. С. 26.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 6.

¹⁷ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 120.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 222.

¹⁹ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 166.

²⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 31.

ников. Любопытная ситуация отмечена для событий 1177 г. Рязанский князь Глеб выступил на Владимир при поддержке половцев. С этим событием, как отмечалось, связано упоминание летописного Воронежа. В битве на реке Колокше объединенное войско было разбито владимирцами, «...а поганые Половцы избиша оружием...» (рис. 195)²¹. В. Н. Тати-

щев сообщает, что «Половцы, уздав, что все их князи с войском, бывшие у Глеба, побиты и пленены и что Глеб и с сыном старейшим пленен, собрався, пришли с войском в область Резанскую, где, не имея никакого сопротивления, многие села пожгли и, поплня, возвратились»²².

Рис. 195. Избиение половцев и пленение рязанских князей в битве на р. Колокше. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рязанские князья, как уже отмечалось, практиковали использование военной силы половцев в междоусобных войнах. Так, в 1154 г. рязанский князь Ростислав использовал половцев для войны с Андреем Боголюбским и возвращения стола в Рязани. Юрий Долгорукий посадил в Рязани своего сына Андрея, а «...Рязанскаго князя Ростислава прогна в Половцы». Ростислав с половецким отрядом вернулся в Рязанское княжество, «...Ондрей же одва утече обь одномъ сапоге. А дружину его овехъ изби, а друга засунувъ в яму, а иные истопоша

въ реце...»²³. Как уже отмечалось, в 1177 году половцы принимали активное участие в войне рязанского князя Глеба против владимирского князя Всеволода. Рязанские войска учинили грабеж окрестностей Владимира, «...а жены и дети и товаръ да поганымъ на щить...». После разгрома рязанцев на р. Колокше половцев в плен не брали: «...а поганые Половци избиша оружием»²⁴.

В 1209 году половцы участвовали в осаде Пронска на стороне пронских князей Олега, Глеба, Изяслава Владимировичей и Миха-

²¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 384.

²² Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. С. 119.

²³ ПСРЛ. Т. 20, 1-я половина. С. 117.

²⁴ Там же. Т. 1. С. 162, 163.

ила Всеволодовича. Давыд Юрьевич, князь муромский, вынужден был оставить город²⁵. В 1217 г. Глеб Владимирович рязанский с братом Константином в селе Исады на пиру убили шестерых князей, в том числе и своего родного брата Изяслава. В избиении князей участвовали и нанятые половцы²⁶. После этого трагического события Глеб и Константин бежали к половцам и с их помощью попытались разбить войско рязанского князя Ингваря Игоревича, но потерпели поражение²⁷ и вновь нашли убежище в Половецкой земле. Видимо, против половцев, укрывших беглых князей, был направлен поход Ингваря с владимирской ратью в 1219 г. По одному из летописных известий, Глеб у половцев «...обезуме, тамо и скончаса»²⁸.

Как видно из приведенных летописных сообщений, связи рязанских и пронских князей с половцами были тесными. География событий позволяет предполагать, что в перечисленных событиях в основном участвовали половцы, кочевавшие в доно-хоперском междуречье.

В конце XII — начале XIII в. половцы прекращают нападения на Юго-Восточную Русь, что создало условия для более активного освоения древнерусским населением зоны половецкого пограничья. Отмечаются лишь единичные походы русских князей против половцев. В 1205 году «*ходиша князи Рязанскыя на половцы, и взяша веже их*»²⁹. В 1218/19 г., как упоминалось выше, рязанский князь Ингварь Игоревич попросил военной помощи против половцев у владимирского князя Юрия Всеволодовича и его брата Ярослава Всеволодовича. Они послали рязанцам свои полки. Объединенное войско выступило в поход. Половцы «*...слышавше их бежаша, а кои не уидоша, и тех избиша и возвратишася въ свояси*»³⁰. Что касается половцев, кочевья которых доходили до Оскола, то последние походы русских князей в этот район относятся к 1191 г. Игорь Святославович, герой «Слова о полку Игореве», в этом году совершил два похода. Первый был удач-

ным: «*и шедше ополонишася скотом и конми, и возвратишася восвояси*». Во втором походе объединенного войска Ольговичей, уже упоминавшемся выше, русские князья вынуждены были уклониться от сражения³¹. Примечательно, что половцы находились у Оскола зимой: летописец упоминает их вежи (кибитки, шатры) («*пустише вежи назад*»). Здесь стоит вспомнить, что район Поосколья был хорошо знаком русским князьям. Как предполагала С. А. Плетнева, на городище Холки (Чернянский район Белгородской области) могли объединиться полки Игоря и его брата Всеволода в походе 1185 г. на половцев³².

3.2. Половецкие каменные изваяния.

Наиболее показательным археологическим свидетельством освоения половцами указанных районов является факт появления в них каменных изваяний. Последние ставились в честь знатных половцев на высоких древних курганах, на которых устраивались святилища. Половецкие изваяния позволяют судить о местах их кочевий, зимниках и летниках. В общих чертах северная граница кочевий половцев во второй половине XII — первой половине XIII в. на правобережье Дона проходила от среднего течения р. Оскол несколько южнее р. Тихая Сосна. В доно-оскольском междуречье известны немногочисленные изваяния XII—XIII вв.

На территории Воронежского края половецких изваяний сохранилось немного. К сожалению, в редких случаях исследователи располагают точными данными о местах первоначальной установки статуй, что важно для изучения исторической географии Половецкой земли. Сведения о месторасположении отдельных изваяний нуждаются в проверке, особенно если речь идет о периферийных половецких территориях. Хорошо известно, что каменные изваяния снимались с мест первоначальной установки и перевозились на значительные расстояния (оказывались в помещичьих имениях, использовались как межевые камни, закладывались в фундаменты). Этот процесс характерен для XIX в. Так, например, две статуи,

²⁵ ПСРЛ. Т. 38. С. 163.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 186.

²⁷ Там же. С. 188 ; Т. 10. С. 81—82.

²⁸ Там же. Т. 7. С. 243.

²⁹ Там же. Т. 1. С. 179.

³⁰ Там же. Т. 25. С. 116.

³¹ Там же. Т. 2. С. 141.

³² Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА. 1964. № 99. С. 24—33.

находящиеся в Воронежском областном краеведческом музее³³, числятся происходящими из сл. Марьевка бывшего Острогожского уезда (рис. 196, 1, 2). Однако по данным архива П. С. Уваровой они были привезены бароном Шепиным из Бахмутского уезда (Екатеринославская губерния)³⁴. Еще одно изваяние из воронежского музея³⁵ происходит из сл. Нижние Лубянки Воронежской губернии (рис. 196, 3; 197). Оно и еще четыре из-

ваяния находились в помещичьем имении, но найдены были в болоте у сл. Голофеевка Бирюченского уезда Воронежской губернии³⁶. Единичные изваяния имеют примерный «адрес» первоначального нахождения. Лишь одно изваяние у с. Старая Криуша Петропавловского района Воронежской области до 1996 г. находилось на кургане³⁷. Сейчас оно экспонируется в Воронежском областном краеведческом музее.

Рис. 196. Половецкие каменные изваяния.
Воронежский областной краеведческий музей (по С. А. Плетневой)

³³ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. САИ. 1974. Вып. Е1-2. Статуи № 1242, 1243.

³⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 3, об.

³⁵ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. Статуя № 1244.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 2.

³⁷ Цыбин М. В. Половцы и Рязанская земля // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13. Рис. 5, 1. С. 138, прим. 37.

Рис. 197. Каменное половецкое изваяние
из Воронежского областного краеведческого музея
(фото А. Г. Яблокова)

3.3. Половецкие погребения. Половцам принадлежат и отдельные курганные захоронения на территории Воронежского края. Отметим, что их выделение представляет сложную научную задачу, поскольку погребения половецкого времени практически неотличимы от более ранних кочевнических. Как установлено, погребальный обряд кочевников южнорусских степей во второй половине XI — первой половине XIII в. имеет смешанный печенего-торко-половецкий характер, что и затрудняет атрибуцию собственно половецких комплексов.

В. Д. Березуцким изучено погребение половецкого времени в одном из курганов курганный группы у с. Вerveковка в Богучарском районе Воронежской области³⁸. Захоронение впущено в насыпь кургана эпохи бронзы. В могильной яме была обнаружена

деревянная колода с крышкой. Погребенный кочевник-мужчина уложен головой на восток (рис. 198, 2). У его ног найден гончарный горшок с отверстиями в стенке (может быть, сырница?) (рис. 198, 5), у тазовых костей — железный нож (рис. 198, 8), между голеньями — остатки берестяного колчана со стрелами (рис. 198, 11, 12). У левой ноги у таза лежала костяная пуговица с круглым отверстием в центре (рис. 198, 10), а у левого плеча и правого колена — две костяные петли для подвешивания колчана (рис. 198, 6, 7). Над погребением воина-кочевника под каменным завалом обнаружено сопутствующее захоронение взнузданного коня (рис. 198, 1). Между челюстями животного найдены железные удила (рис. 198, 3), а в районе брюха — железные стремяна (рис. 198, 4). Это погребение наиболее соответствует погребальному обряду половцев.

³⁸ Березуцкий В. Д. Древности Богучарского края. Воронеж, 2005. С. 30—35.

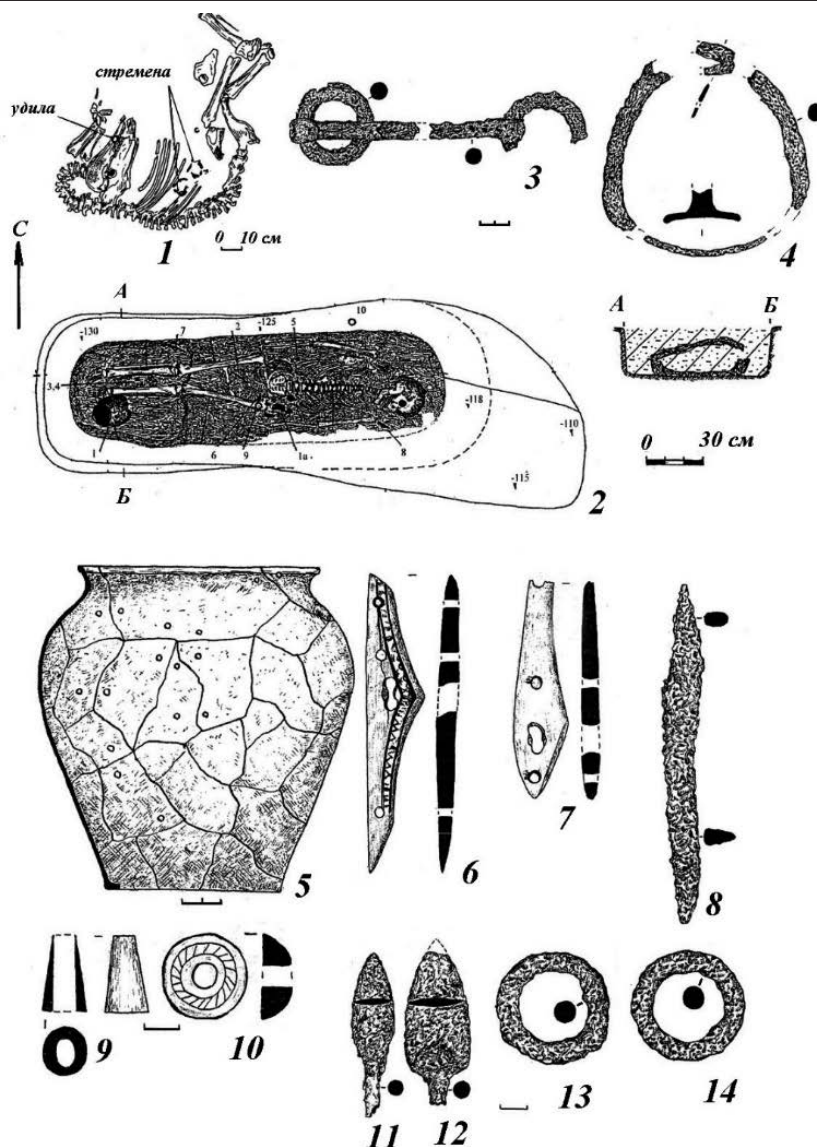

Рис. 198. Вerveковский могильник.
Половецкое погр. 4 в кург. 5 (по В. Д. Березуцкому, 2005)

Интересное половецкое погребение исследовано К. Ю. Ефимовым у с. Старая Калитва Россошанского района (рис. 199)³⁹. Впускное захоронение было совершено в облицованной деревом яме (2,25×0,8 м). С северо-восточной стороны на ступеньке лежали останки костяка лошади, ориентированной передней частью на юго-восток. На дне могильной ямы были обнаружены, как определил К. Ю. Ефимов, останки плоскодонной лодки размерами 0,5×1,94 м. Но не исключено, что это гробовище, лишь напоминавшее

по форме лодку. В ней головой на юго-восток была похоронена женщина. Среди погребального инвентаря стоит отметить гагатые, хрустальные, сердоликовые и янтарные бусины от ожерелья. А рядом с черепом найдены три нашивные бляшки от роговидного украшения головного убора, изготовленные из позолоченных серебряных пластин. Подобные головные уборы с «рогами» («очелья») изображены на половецких изваяниях (рис. 199, 16)⁴⁰.

Для погребений половцев характерно наличие сабли в погребальном инвентаре. Такое

³⁹ Ефимов К. Ю. Позднекочевническое захоронение в лодке у с. Старая Калитва // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999. С. 230—234.

⁴⁰ Швецов М. Л. О головном уборе половчанки // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1993. С. 104—114.

погребение было исследовано Ю. П. Матвеевым у с. Ольховатка Ольховатского района Воронежской области⁴¹. Погребенный воин лежал на дне могильной ямы вытянуто на спине, головой на юго-запад (рис. 200, 1). Слева от погребенного находилась сабля с брусковидным перекрестием и железным навершием с ушком для темляка, на лезвии сабли — остатки

деревянных ножен (рис. 200, 4). Общая длина сабли — 117 см, длина клинка — 102 см, ширина — 3,8 см, кривизна — 3,5 см. В области таза найдена костяная пуговица, украшенная резным орнаментом в виде лучей, расходящихся от центрального отверстия (рис. 200, 2). В ногах погребенного лежали железные удила (рис. 200, 3).

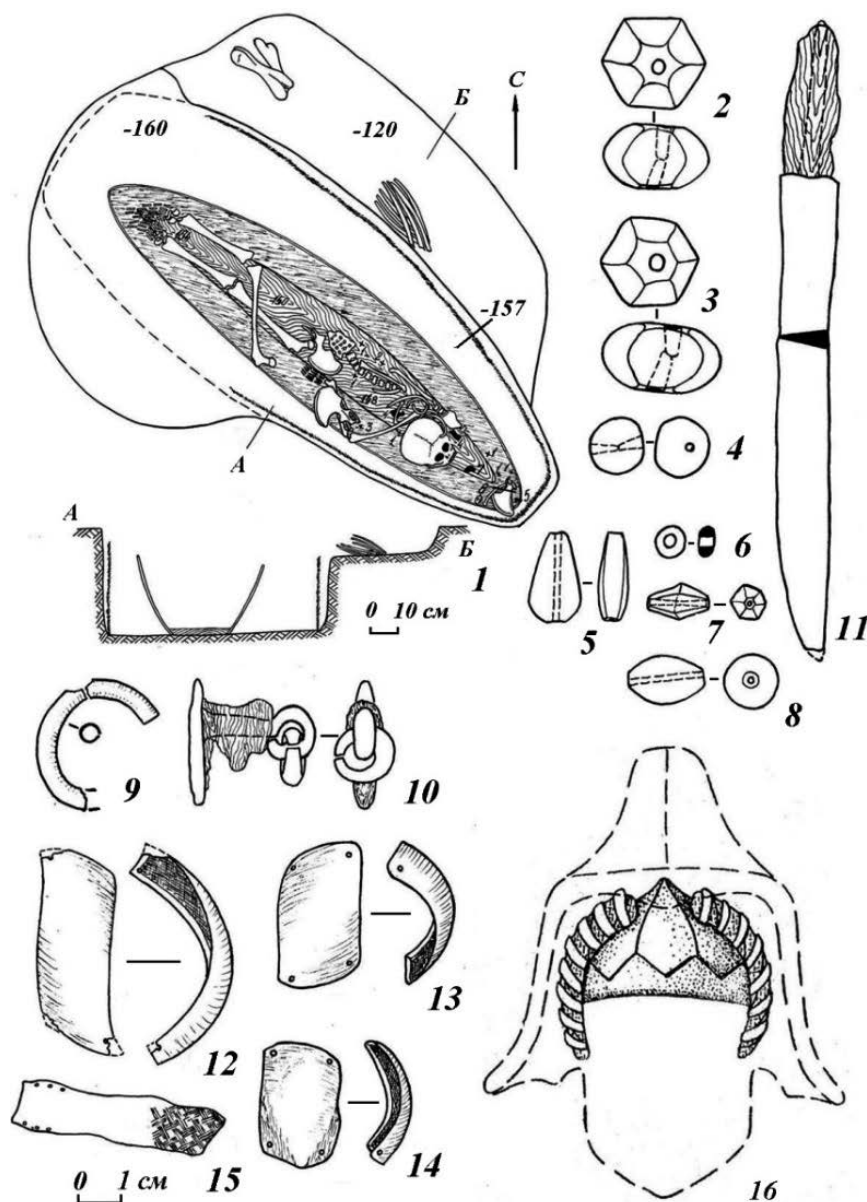

Рис. 199. Старая Калитва. Погребение половчанки в кургане 1, погр. 3:
1 — план погребения; 2—15 — погребальный инвентарь (2—8 — бусины; 9 — бронзовое кольцо;
10 — железное кольцо; 11 — железный нож; 12—14 — детали очелья (серебро с позолотой);
15 — фрагмент шелковой ленты (по К. Ю. Ефимову));
16 — реконструкция очелья половецкого головного убора (по М. Л. Швецову, 1993)

⁴¹ Цыбин М. В. Погребения средневековых кочевников X—XIV вв. в Среднем Подонье // СА. 1986. № 3.

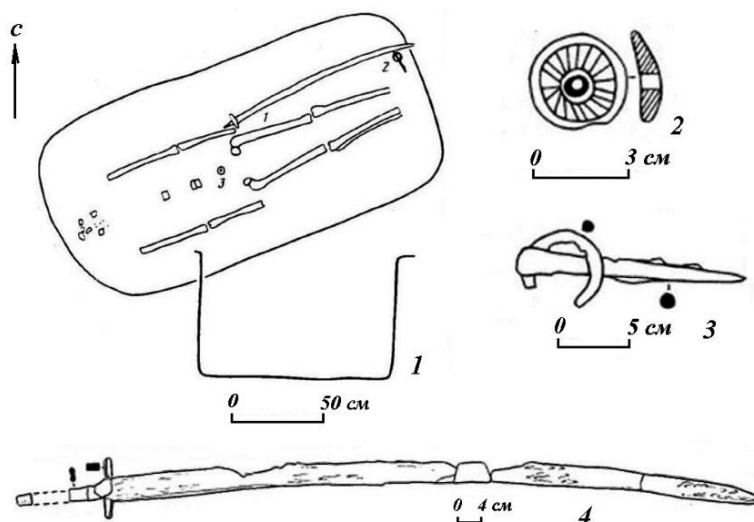

Рис. 200. Погребение у с. Ольховатка (раскопки Ю. П. Матвеева)

К половецкому времени можно отнести отдельные погребения в курганных могильниках в Прихоперье: у с. Третьяки Борисоглебского района Воронежской области и с. Лесное Балашовского района Саратовской области.

Археологами получены свидетельства пребывания древнерусского населения на территории Половецкой земли. Речь идет не только о Белой Веже, но и о небольших поселках, в том числе и на территории Воронежского края. С. А. Плетнева связывала их с *бродниками* — преимущественно древнерусским населением в степях⁴². Бродники участвовали вместе с половцами в междоусобных войнах русских князей. Обратимся к одному из эпизодов. В 1146 г. на Руси началась война между двумя группировками князей. Одну из них возглавлял Изяслав Мстиславич, князь волынский, занявший киевский стол, другую — Юрий Долгорукий, князь ростово-суздальский. На стороне последнего выступал князь новгород-северский и путивльский Святослав Ольгович. Во время военных действий в «земле вятичей» в бассейне Верхней

и Средней Оки, как сообщает Ипатьевская летопись, к Святославу Ольговичу «...придоша... Бродники, и Половцы придоша к нему мнози, уеве его»⁴³. Святослав в междоусобной войне 1146—1147 годов неоднократно прибегал к помощи своих дядьев («уев») — братьев своей матери-половчанки. Не исключено, что эти половецкие отряды были из орды Токсобичей. По Ипатьевской летописи, «Святослав же приде к Дедославлю, и ту придоша к нему друзии половцы, Токсобичи...»⁴⁴. Как выяснила С. А. Плетнева, орда Токсобичей кочевала в бассейне Оскола и Северского Донца⁴⁵. Интересен именно тот факт, что вместе с половцами к Святославу приходили и бродники, надо полагать, из района Подонья. Некоторые историки называют бродников предшественниками казачества.

Таким образом, археологические исследования в Среднем Подонье позволили конкретизировать картину древнерусско-половецкого пограничья в этом районе накануне монгольского нашествия, не нашедшую отражения в древнерусских летописях.

⁴² Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА. 1964. № 99. С. 24—33.

⁴³ ПСРЛ. Т. II. С. 30.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Плетнева С. А. Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. Москва, 1985. С. 267.

РАЗДЕЛ 4. МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РУСЬ И СИТУАЦИЯ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Монгольское нашествие на русские земли в 1237—1241 гг. привело к весьма радикальным изменениям этнокультурной ситуации на территории Воронежского края. В 1237 г. мон-

голы начали поход на Северо-Восточную Русь. Первым на их пути оказалось Рязанское княжество, владения которого доходили до низовий реки Воронеж.

Глава 1. МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ В ОТРАЖЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1.1. Письменные свидетельства. Река Воронеж упомянута в летописных источниках в связи с событиями самого начала монгольского нашествия. *«В то лето придоша иноплемьеници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множество бещисла, акы пружи; и первое пришедше и стаха о Нузле, и взяша ю, и стаха станом ту. И оттоле послаха послы своя, жену чародеицу и два мужа с нею, к князем рязанским, просяче у них десятины во всем: и в людех, и в князех, и в коних, во всяком десятое. Князи же Рязанстии Гюрги, Изворов брат, Олег, Роман Ингорович, и Муромскы и Пронскыи, не впусаяче к градом, выехаша противу им на Воронаж. И рекоша им князи: «Олна нас всех не будет, тоже все то ваше будет»¹.* Литературное изложение этих событий вошло в «Повесть о разорении Рязани Батыем».

О начальном этапе нашествия монголов сообщал и доминиканский монах Юлиан. В «Письме об образе жизни татар», составленном в начале 1238 года, он писал: *«Теперь же, пребывая на границах Руси, мы изведали истинное положение дел, что все войско татар, пришедшее в западные края, разделено на четыре части. Первая часть расположилась у реки Итиль на границах Руси, с восточной стороны от Суздаля. Другая же часть — уже на юге, на границах Рязани, другого княжества рутенов, на которое они никогда не нападали. Третья же часть располагается напротив реки Дон, рядом с крепостью Оргенхун, другим княжеством рутенов. Однако, как на словах нам сообщили те рутены, венгры и болгары, которые перед ними бежали; они ждут, пока ближайшей зимой замерзнут зем-*

ли, реки и болота, чтобы так всему их множеству было легче разграбить всю Русь, как и всю землю рутенов»².

Приступая в 1984 г. к раскопкам упоминавшегося Семилукского городища на р. Дон, исследователи предполагали обнаружить следы монгольского разгрома этой крепости. Но как выяснилось в ходе десятилетних раскопок, жизнь на Семилукском городище в конце 1237 года не прервалась, поселение существовало до середины XIII в., когда население покинуло обжитое место, забрав все необходимое. Логично предположить, что маршрут его движения пролегал на север. Но не исключено, что какая-то его часть обосновалась на Чернышевой горе примерно в восьми км выше по Дону. Здесь известно городище, с которого происходит серия русской керамики ордынского периода³. Эта керамическая серия близка керамике Семилукского городища. Высказано также мнение о том, что в XIV в. потомки жителей Семилукского городища вернулись на Чернышову гору из Рязанской земли⁴.

«Пименово хождение в Царьград» является одним из немногих письменных источников, содержащих сведения о Верхнем и Среднем

² Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. Источник № 79. С. 396.

³ Голотвин А. Н. Некоторые результаты археологического обследования памятника природы «Чернышева гора» на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2014. Вып. 6.

⁴ Скинкайтис В. В. Керамический комплекс золотоордынского времени с поселения Чернышева гора // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2014. Вып. 6. С. 586.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва — Ленинград, 1950. С. 74.

Подонье в конце XIV в. (рис. 201)⁵. Описание запустения по берегам Дона нередко привле-

калось историками для иллюстрации последствий монгольского нашествия:

Рис. 201. Плавание митрополита Пимена по Дону в 1389 г. (Лицевой свод XVI в. Всемирная история. Кн. 10. М., 2014. С. 256)

«Бысть же сие путное шествие печально и унылниво, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видениемъ места, точю пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точю пустыни велиа, и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жарави, и прочая; и бяше все пустыни великиа»⁶.

В «Хожении» упоминаются и другие географические ориентиры, относящиеся к Среднему Подонью: реки Тихая Сосна, Битюг, Похор (Хопер?), Медведица. Следовательно, у Игнатия Смольнянина во время

плавания по Дону были информаторы, знавшие географические названия на территории Воронежского края.

Обратимся еще к двум документам. В конце XIII — начале XIV в. при митрополитах Максиме (1283—1305 гг.) и Петре (1308—1326 гг.) между Сарайской и Рязанской епархиями возникает длительная тяжба о Червленом Яре — «переделе по Великую Ворону». В 1330 г. съезд епископов в Костроме вынужден был решать этот вопрос. Присутствовавший там сарайский епископ Софоний дал «отступную» грамоту с обязательством «...не вступатися в передел в Резанской по Велику от Ворону»⁷. Но спор двух епархий продолжался. В него были вовлечены митрополиты Феогност и Алексей. Сохрани-

⁵ Прокофьев Н. И. Хождение Игнатия Смольнянина. Археографическое вступление и текст // Литература Древней Руси. Москва, 1978. Вып. 2. С. 136.

⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 96.

⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Москва — Ленинград, 1964. Т. III. № 310.

лись списки двух грамот митрополита Феогноста (датируется ок. 1343—1352 гг.) и митрополита Алексея (ок. 1356 г.) властям, духовенству и православным жителям Червленого Яра о принадлежности его Рязанской епархии⁸. Как следует из этих документов, в Червленом Яре было достаточно многочисленное русское население. Грамоты адресованы ко «всем крестьяном», упомянуты баскаки, сотники, игумены, попы, дьяконы, бояре. Не исключено, что этот перечень не отражает реальной ситуации, а представляет собой форму, принятую для такого рода посланий. Вызывает вопрос упоминание городов Червленого Яра в грамоте Феогноста. Основная причина длительного спора епархий — право сбора церковной пошлины с населения Червленого Яра.

В грамотах митрополитов в качестве основного географического ориентира упоминается р. Великая Ворона, отождествляемая с современной рекой Вороной. Упоминается и река Хопер. Именно район Прихоперья с его притоками Савалой, Карачаном, Вороной, Караем географически может соответствовать Червленому Яру. Исторический контекст рассматриваемого сюжета изучался А. А. Шенниковым на основе анализа письменных источников⁹.

Следует оговориться, что для русских поселений рассматриваемой территории пока отсутствует узкая шкала датировки. На выявленных поселениях, как правило, присутствует золотоордынская неполированная керамика XIV в., на трех (Шиловское поселение, поселение Ромашки 1, поселение Инясево) — золотоордынские данги XIV — начала XV в. Поэтому применительно к схеме расселения мы должны оперировать этими достаточно широкими хронологическими рамками.

После монгольского нашествия какое-то русское население могло оставаться в бассейне Среднего и Нижнего Дона. Об этом свидетельствует фламандский монах-францисканец Гильом де Рубрук, который по поручению французского короля Людовика IX в 1253—1255 годах совершил путешествие к монголам. Двигаясь из Крыма, путешественники достигли реки Дон 22 июля 1253 года. В «Путешествии в восточные страны» Рубрук писал: «...до-

стигли большой реки Танаида, которая отделяет Азию от Европы, как река Египта Азию от Африки. В том месте, где мы пристали, Бату и Сартах приказали устроить на восточном берегу поселок (*casale*) Русских, которые перевозят на лодках послов и купцов. Они сперва перевезли нас, а потом повозки, помещая одно колесо на одной барке, а другое на другой; они переезжали, привязывая барки друг к другу и так гребя. Там наш проводник поступил очень глупо. Именно он полагал, что они должны дать нам коней из поселка, и отпустил на другом берегу животных, которых мы привезли с собою, чтобы те вернулись к своим хозяевам; а когда мы потребовали животных у жителей поселка, те ответили, что имеют льготу от Бату, а именно: они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно. Даже и от купцов они получают большую дань. Итак, там, на берегу реки, мы стояли три дня. В первый день они дали нам большую свежую рыбу — чебак (*borbotam*), на второй день — ржаной хлеб и немного мяса, которое управитель селения собрал, наподобие жертвы, в различных домах, на третий день — сушеной рыбы, имевшейся у них там в большом количестве. Эта река была там такой же ширины, какой Сена в Париже. И прежде чем добраться до того места, мы переправлялись через много рек, весьма красивых и богатых рыбою, но Татары не умеют ее ловить и не заботятся о рыбе, если она не настолько велика, что они могут есть ее мясо, как мясо барана. Эта река служит восточной границей России и начинается из болот Меотиды, которые простираются к северу до Океана. Течет же река к югу, образуя, прежде чем достигнуть моря Понта, некое великое море в семьсот миль, и все воды, через которые мы переправлялись, текут в те стороны. Упомянутая река имеет также на западном берегу большой лес. Выше этого места Татары не поднимаются в северном направлении, так как в то время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу; поэтому ниже есть другой поселок, где послы переправляются в зимнее время. Итак, мы были там в великом затруднении, потому что не находили за деньги ни лошадей, ни быков. Наконец, когда я доказал им, что мы трудимся на общую пользу всех христиан, они дали нам быков и людей; самим же нам надлежало идти пешком. В то время они жали рожь. Пшеница не родилась там хорошо, а просо имеют они в большом количестве. Русские женщины убирают головы так же, как наши, а платья свои с лицевой сто-

⁸ Акты ... № 312, 313.

⁹ Шенников А. А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. Ленинград, 1987.

роны украшают беличьими или горностаевыми мехами от ног до колен. Мужчины носят епанчи, как и Немцы, а на голове имеют войлочные шляпы, заостренные наверху длинным острием. Итак, мы шли пешком три дня, не находя народа, и когда сильно утомились сами, а равно и быки, и не знали, в какой стороне можем найти Татар, прибежали внезапно к нам две лошади, которых мы взяли с великою радостью, и на них сели наш проводник и толмач, чтобы разведать, в какой стороне можем мы найти народ. Наконец, на четвертый день, найдя людей, мы обрадовались, как будто после кораблекрушения пристали к гавани. Тогда, взяв лошадей и быков, мы поехали от становища к становищу, пока 31 июля не добрались до местопребывания Сартаха»¹⁰.

Таким образом, по Дону, как свидетельствовал Рубрук, в середине XIII в. существовали русские поселки, устроенные по повелению монгольских ханов и обеспечивавшие переправы.

В литературе высказывалось мнение, что переправа через Дон Рубрука и его спутников могла проходить в его среднем течении¹¹. Его

маршрут через Среднее Подонье показан на карте в издании «Путешествия» 1911 г. Для такого предположения есть основания. Монголы совершали меридиональные перекочевки, достигая примерно к середине лета северной границы маршрута кочевания. Ставка Сартака в конце июля находилась между Доном и Волгой. Картографирование погребений кочевников эпохи Золотой Орды свидетельствует о том, что Прихоперье входило в зону кочевания.

Кроме того, описывая местность за Танаисом, Рубрук говорит о реках и лесах и упоминает народы «моксель» (мордва-эрзя) и «мердас» (мордва), которые находились севернее его пути.

После посещения ставки Сартака Рубрук оказался в поселке русских и сарацинов, т. е. мусульман на берегу Волги. Из этого поселка на судне путники поднялись к ставке Бату, от которой до городов Волжской Булгарии было всего пять дней пути. Поэтому возможный путь Рубрука от Дона до Волги пролегал через территорию Воронежской, Волгоградской и Саратовской областей.

Глава 2. РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Русские поселения золотоордынской эпохи выделяются археологами по ряду специфических признаков русской культуры конца XIII — XIV в. На территории Воронежского края русские поселения зафиксированы в четырех районах: нижнее течение р. Воронеж, Костенковско-Борщевское Подонье; Донское Белогорье и Побитюжье, а также в Прихоперье (реки Хопер, Савала, Карачан, Ворона). Сейчас известно более шестидесяти поселений эпохи Золотой Орды (рис. 202)¹².

2.1. Русские поселения на Дону. Для рассматриваемой территории был характерен долинный (приречный) тип заселения. Русские поселения тяготели к районам, где еще

в XVI—XVII вв. располагались лесные массивы. По топографическому расположению поселения подразделяются на три группы: находящиеся в речной пойме; на местности надпойменно-террасового типа; на местности приречного склонового типа (на мысе или ровном участке коренного берега, на дне или террасе склона балки). Поселения второй группы составляют около 40 %, поселений первой и второй групп — примерно по 30 %. Площадь поселений, исследовавшихся раскопками, не превышает 0,4 га.

Значительный интерес представляют поселения, расположенные на павловском участке в Донском Белогорье. Здесь зафиксированы поселения всех трех групп. Особенностью этого региона является расположение некоторых поселений в балках правого берега Дона. Сейчас здесь нет практически ни одной выходящей к Дону крупной овражно-балочной системы, в устье которой не размещался бы населенный пункт. В этом отношении показателен хут. Коловерть, который расположен на террасе склона балки, где за-

¹⁰ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Москва, 1957. С. 109—110.

¹¹ Кожемякин А. В. Рубрук в Среднем Подонье // Из истории Воронежского края : тр. ВГУ. Вып. 64. Воронеж, 1966. С. 46—52.

¹² Цыбин М. В. Русские поселения на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье // Сельская Русь в IX—XVI веках. Москва, 2008. С. 101—107.

фиксированы поселения XIV и XVII—XVIII вв. И на других выявленных в балках русских поселениях этого времени есть материалы позд-

него Средневековья, что свидетельствует об устойчивости традиции в топографии этого типа поселений.

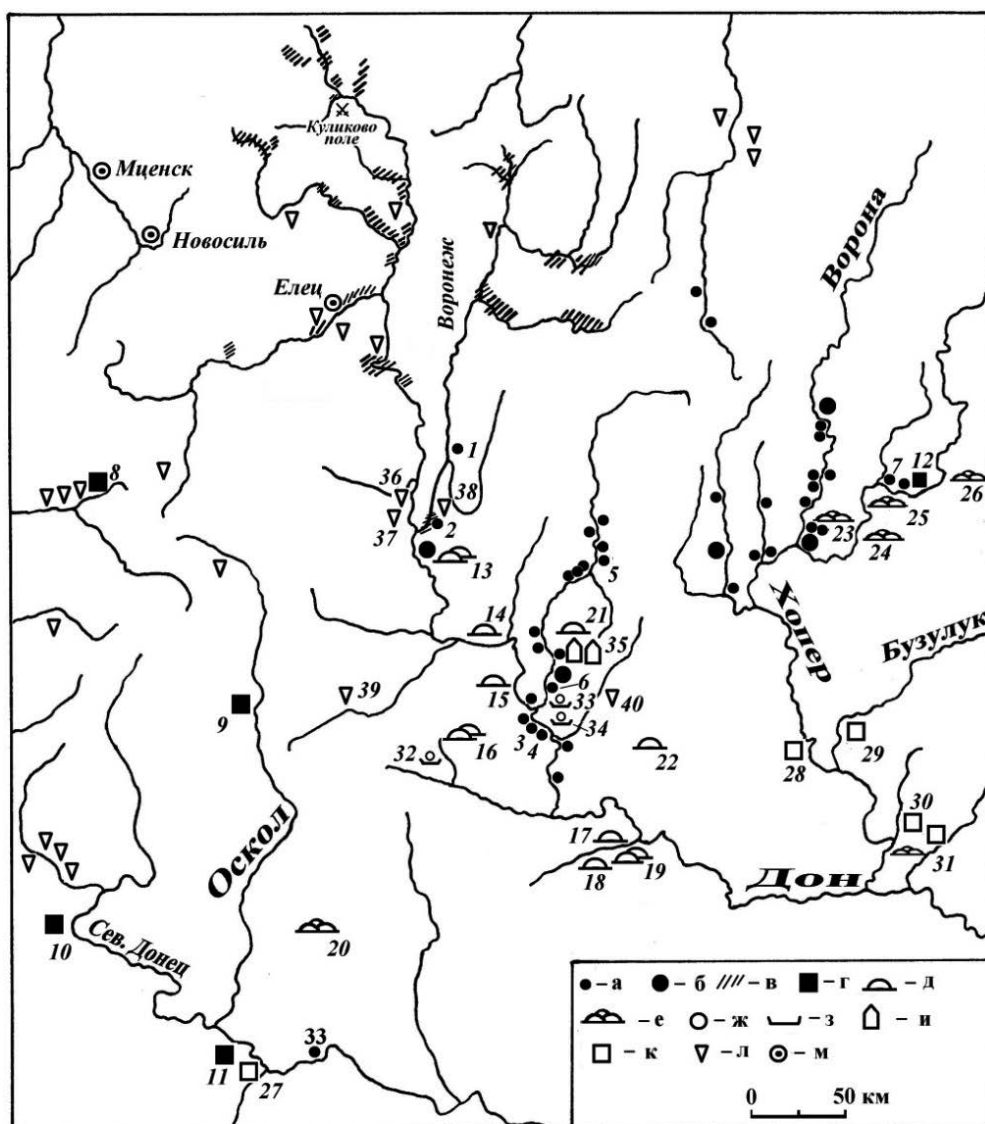

Рис. 202. Русско-золотоордынское пограничье:

- а — селище с русской керамикой; б — группа селищ с русской керамикой;
 в — участки концентрации русских селищ в Верхнем Подонье (по работам М. И. Гоняного, Н. А. Тропина, результатам исследований экспедиции Воронежского госуниверситета);
 г — поселение с русской и ордынской керамикой на городищах (комплексах) предшествующего времени;
 д — подкурганное кочевническое погребение; е — курганный кочевнический могильник;
 ж — поселение «золотоордынского круга»; з — грунтовой могильник «золотоордынского круга»;
 и — золотоордынский мавзолей; к — золотоордынское поселение с постройками из кирпича;
 л — клад золотоордынских монет; м — летописные города XIV в.
 1 — Ромашки 1; 2 — Шиловское; 3 — Верхнекарабутское-2; 4 — Верхнекарабутское-1; 5 — Дрониha;
 6 — Антиповка; 7 — Инясево; 8 — Ратский комплекс; 9 — Холки; 10 — Донецкое; 11 — Царино;
 12 — Никольевка; 13 — Олень-Колодезь; 14 — Лиски; 15 — Марки; 16 — Караяшник;
 17 — Вerveковка (II Богучарский могильник); 18 — Лофицкое; 19 — Дьяченково (Высокая Гора);
 20 — Нижняя Дуванка; 21 — Новый Буравль (Сафоновка); 22 — Новомеловатка; 23 — Власовский;
 24 — Третьяки; 25 — Лесное (Свинуха); 26 — Ключи; 27 — Казачья Пристань (Райгородок);
 28 — Тишанское; 29 — Дурновское; 30 — Кумылженское; 31 — Глазуновская; 32 — Новохарьковка;
 33 — Таганский; 34 — Затон 1; 35 — Красный; 36 — с. Семилуки; 37 — Девица; 38 — г. Воронеж, Отрожка;
 39 — Нижнепокровское; 40 — Воронцовка

Наиболее интересным на рассматриваемом участке является поселение Верхнекарабутское 1, исследовавшееся под рук. В. И. Погорелова в 1983 г. Оно расположено на дне балки у ее устья между двумя меловыми мысами, один из которых местные жители называют «Гора Татарка». В раскопе, заложенном на оконечности конуса выноса из балки,

открыта полуземляночная постройка неправильной формы, размерами 3,74×3,8 м, глубиной в материке 1,1 м. Вдоль северо-западной, западной и южной стен находились материковые останцы — «лавки». В заполнении котлована встречено большое количество кусков глиняной обмазки, возможно, от отопительного устройства.

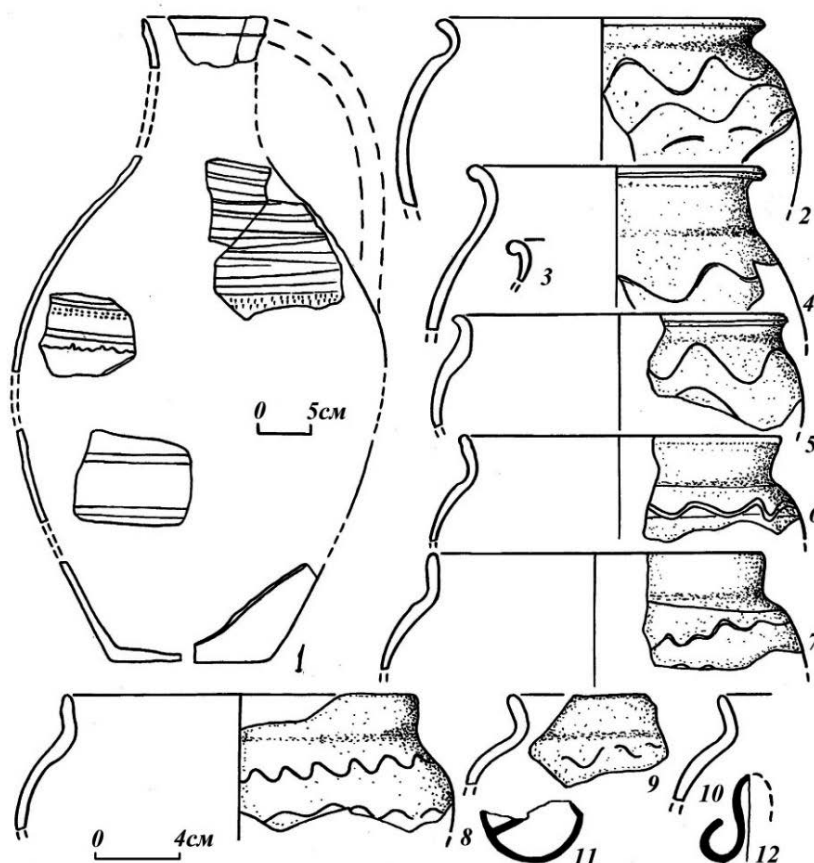

Рис. 203. Поселение Верхнекарабутское-1.
Керамическая посуда

Из находок в культурном слое стоит отметить бронзовый пластинчатый браслет и пряслице, изготовленное из стенки красноглиняного сосуда. В полу постройки находились две ямы. На «лавке» у юго-западного угла найдены каменные наковальня и точило. В заполнении обнаружены три костяные проколки, оселок, железный нож. Керамический комплекс включал как русскую керамику, так и керамику, изготовленную в золотоордынских центрах (рис. 203). На полу найден развал русского горшка. Найдены также два днища с клеймами. Золотоордынская керамика представлена развалом кувшина высотой около 60 см (рис. 203, 1). В постройке най-

дены кости крупного рогатого скота, лошади, мелкого рогатого скота, свиньи, лисицы и лося, а также кости рыбы. Рядом с постройкой находились две ямы. В их заполнении находок не было, но судя по конструктивным особенностям (наличие материковых приступок вдоль стен), они одновременны с постройкой.

Примерно в 0,5 км выше по течению Дона находится одновременное поселение Верхнекарабутское 2, исследовавшееся в 1983—1984 гг. под рук. В. И. Погорелова. В раскопе выявлены две хозяйственные ямы золотоордынского времени. В их заполнении, а также в слое встречены фрагменты русских и золотоордын-

ских сосудов. Количественно преобладает русская керамика.

Топографическое расположение поселений Верхнекарабутское I и 2 в балках было благоприятно для занятия земледелием. Этому способствовало относительно высокое плодородие намытых балочных днищ. В балках правого берега Дона до сих пор сохранились нагорные дубравы и байрачные леса. Плато правого берега Дона осваивалось кочевыми группами населения. Об этом свидетельствует погребение у с. Марки с дангом начала 60-х гг. XIV в.

Перспективным районом для изучения русских поселений является Побитюжье. Здесь выявлено около двадцати поселений, расположенных в основном на первой надпойменной террасе. Материалы золотоордынского времени получены на поселениях Мосоловском и Дронихе. Наиболее выразительны материалы последнего (раскопки А. Т. Синюка)¹³.

Поселение Дрониха занимает южную часть надпойменной террасы левого берега р. Битюг у с. Старая Тишанка Таловского района Воронежской области. Площадь поселения составляла примерно 0,3 га. К золотоордынскому времени относятся две полуземляночные постройки. Одна из них имеет подпрямоугольную форму размерами 4×6,5 м, глубиной в материке 0,5—0,65 м. В юго-восточном углу находились остатки отопительного устройства в виде круглой в плане площадки из обожженной глины и золы диаметром 0,4 м и толщиной 0,25 м. В материковом полу вдоль стен котлована расчищены пять столбовых ямок. Еще одна постройка имела почти квадратную форму размерами 4,3×4,35 м глубиной 0,25—0,3 м. У северо-восточной стены зафиксированы остатки печи. В заполнении котлована обнаружены фрагменты русских горшков и двух золотоордынских неполивных сосудов.

С поселения Дрониха происходит достаточно выразительная керамическая серия, прежде всего фрагменты венчиков русских горшков. Найдено несколько обломков днищ с клеймами. Следует отметить находки шести фрагментов от узкогорлых непо-

ливных сосудов золотоордынского производства.

В нижнем течении р. Битюг от с. Шестаково до с. Лосево разведками выявлена группа русских поселений золотоордынского периода. Небольшие раскопки были проведены на поселении у с. Антиповка. Наличие на поселении золотоордынской керамики позволяет уверенно относить его к XIV в. Примерно в двух километрах к юго-востоку находится Таганский грунтовой могильник и сопутствующее ему поселение золотоордынского круга¹⁴.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что в Среднем Подонье доминировал малодворный тип застройки. Кроме того, часть поселений могла иметь временный (сезонный) характер по типу сезонных поселков XVI в.

2.2. Русские поселения на р. Воронеж. Для низовий р. Воронеж наиболее показательным поселением является Шиловское (рис. 204)¹⁵. Это единственный памятник в Воронежском крае, на котором присутствуют два хронологических этапа: домонгольский и золотоордынский. Последний надежно датирован тремя золотоордынскими монетами конца XIV — начала XV в., а также золотоордынской керамикой (рис. 204, 1—3). Средневековое поселение изучено практически полностью (более 4500 м²), поэтому можно уверенно говорить о малодворном типе застройки.

Еще одно русское поселение (Ромашки 1) в настоящее время исследуется около с. Ступино Рамонского района Воронежской области (рук. В. И. Такмаков, А. Г. Яблочков). На нем изучены наземные постройки с углубленными подклетами (рис. 205, 1). В одном из жилищ найдена татарская монета (данг), чеканенная при хане Шадибеке в Кафе в 807 г. х., то есть в 1404—1405 гг. (рис. 205, 2). Она свидетельствует, что жизнь на поселении продолжалась и в это время.

¹⁴ Матвеев Ю. П. Таганский грунтовой могильник. Воронеж, 2004.

¹⁵ Пряхин А. Д. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 5—36.

¹³ Винников А. З. Средневековые материалы с поселения «Дрониха» // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 130—138.

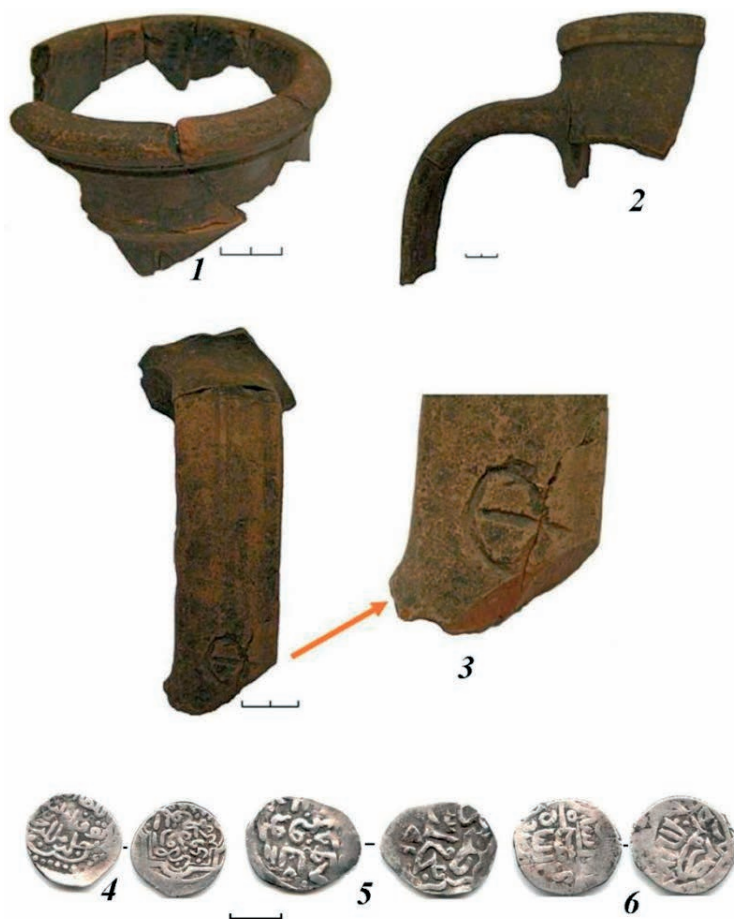

Рис. 204. Шиловское поселение:
1—3 — золотоордынская керамика; 4—6 — серебряные данги

Рис. 205. Поселение Ромашки 1.
Остатки русской постройки золотоордынского времени (1)
и монета из нее (2)

Особенно интересен найденный на поселении полный набор инструментов кузнеца с образцами его продукции (рис. 206). Этот комплекс включал две наковальни, два моло-

та, молоток, гвоздильню, три экземпляра клещей, несколько напильников, конус-наковальню (ригель), лопатку для угля, шесть навесных железных замков с медным покрытием¹⁶.

Рис. 206. Кузнечные инструменты и изделия с поселения Ромашки 1

Не исключено, что жители таких поселков могли обслуживать и водный торговый путь по р. Воронеж. Об этом свидетельствует находка серии золотоордынских серебряных дангов. Монеты ханов Джанибека и Бердибека относятся к середине XIV в. Как указывалось выше, для определения верхней границы существования поселка важна находка данга хана Шадибека чекана 1404/1405 г. Таким образом, поселение Ромашки 1, как и упоминавшееся Шиловское, продолжало существовать и в начале XV в., уже после бурных событий эпохи Куликовской битвы и разорения Москвы Тохтамышем.

2.3. Русские поселения в Прихоперье. Внимание исследователей неоднократно привлекал к себе район Прихоперья, упомянутый в грамотах митрополитов Феогнosta и Алексея к жителям Червленого Яра. Работами Воронежского госуниверситета, Воронежского педуниверситета, Балашовского музея краеведения в Прихоперье выявлено около 30 русских поселений золотоордынского периода. Они располагаются на первых надпойменных террасах, участках коренных берегов, возвышениях в пойме, у пойменных озер.

Хронология поселений определяется по находкам золотоордынской керамики. А на поселении у с. Инясево найдена монета хана Узбека, чеканенная в 1329 г.¹⁷ Правление Узбека и Джанибека в Золотой Орде было благоприятным периодом для заселения и хозяйственного освоения Прихоперья, как и Среднего Подонья, русским населением, что и нашло отражение в грамотах митрополитов. Этому способствовали и природные условия Прихоперья: обилие лесов в поймах, многочисленные пойменные озера, разнообразный животный мир.

Таким образом, в эпоху Золотой Орды русское население продолжает освоение территории Воронежского края. Этот процесс на-

¹⁶ Такмаков В. И. Клад кузнечных изделий со средневекового поселения Ромашки Рамонского района Воронежской области // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2014. Вып. 6. С. 614—622.

¹⁷ Хреков А. А. Средневековые памятники Прихоперья в XIII—XIV вв. К истории Червленого Яра // Археологическое наследие Саратовского края. 2019. Вып. 17. С. 171—227.

шел отражение в письменных источниках (грамоты митрополитов Феоноста и Алексея) и археологических материалах. Но с началом распада Золотой Орды в XV в. ситуация меняется и русский колонизационный процесс приостанавливается — эта территория запустевает и начинает превращаться

в «Поле», как ее стали называть письменные источники. Пока мы не имеем не только надежных археологических свидетельств, которые можно отнести к русской культуре в нашем крае второй половины XV — первой половины XVI в., но и погребений кочевников этого периода.

Глава 3. ОСЕДЛОЕ СТЕПНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ

Новую информацию об этнокультурной ситуации на территории Воронежского края в XIV в. дали исследования Новохарьковского, Таганского и других грунтовых могильников эпохи Золотой Орды.

3.1. Новохарьковский могильник открыт Т. Ю. Березуцкой. Он расположен у с. Новохарьковка Ольховатского района Воронежской области на дюнном всхолмлении в пойме правого берега р. Ольховатка. Раскопки проводились Т. Ю. Березуцкой (1994 г.) и А. З. Винниковым (1995—1997 гг.). На изученной площади (более 800 м²) исследовано 147 погребений. Комплексный анализ материалов могильника проведен группой археологов (А. З. Винников, М. В. Цыбин, И. В. Волков) и антропологов (Т. И. Алексеева, А. П. Бужилова, М. В. Козловская, М. В. Медникова, Г. В. Лебединская)¹⁸.

Погребения находятся в почвенном слое, на уровне материка и неглубоко в материке. На площади могильника они располагаются неправильными рядами. Ямы имели подпрямоугольную и овальную форму. Примерно в 30 % погребений отмечены внутримогильные деревянные конструкции — «рамы» из досок, плахи. Лишь два погребения парные. Большинство погребений (около 82 %) имеют западную ориентировку с отклонением к югу или северу. Для погребенных характерно положение на спине. Лишь в единичных случаях можно говорить о легком развороте погребенного на правый бок. Положение рук погребенных не отличается стабильностью: кисти рук лежали на животе, на костях таза, на груди, на плечах, обе руки могли быть вытянуты вдоль тела.

Погребальный инвентарь обнаружен лишь в половине погребений. В составе последнего, как ни странно, нет орудий труда (за исключением наперстка), предметов вооружения, конской упряжи. Найдены лишь украшения и детали одежды: витые и пластинчатые браслеты, перстни, подвески (округлые, округлые с петелькой на одном из концов, в виде знака вопроса), нашивные бляшки, подвеска в форме трехлистника, фрагмент подвески-медальона, обломки зеркал, амулетница (?), пуговицы, стеклянные бусины и бусины из горного хрусталя и сердолика, раковины каури (рис. 207, 1, 2).

Хронологические рамки функционирования могильника определяются временем существования Золотой Орды. Погребальный инвентарь находит широкие аналогии на золотоордынских памятниках, памятниках Волжской Булгарии, в кочевнических погребениях золотоордынского времени.

Для уточнения хронологических рамок могильника интересны материалы расположенного рядом с ним на берегу р. Ольховатки синхронного поселения. В разведочном раскопе получена серия золотоордынской керамики. По определению И. В. Волкова, в ней есть фрагменты сосудов (кувшинов, сосудов с ушками), изготовленных в золотоордынских поволжских центрах, Восточном Крыму, Маджаре, а также фрагменты амфор трапезундской группы. Датировка этой серии определяется XIV в. (видимо, не ранее 30-х гг.). Не противоречит такой датировке и инвентарь могильника. Наряду с золотоордынской керамикой на поселении встречена небольшая серия типичных древнерусских гончарных горшков, а также несколько фрагментов от лепных горшков, напоминающих средневековую кочевническую керамику.

Анализ антропологического материала Новохарьковского могильника выполнял-

¹⁸ Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.

ся группой антропологов во главе с академиком Т. И. Алексеевой. Оказалось, что мужское население являлось профессиональными всадниками, а скотоводство — ведущей отраслью хозяйства. Кроме того, речь идет о развитой хозяйственной инфраструктуре, неоднородности населения в хозяйственной жизни и профессиональных занятиях. Но в археологических материалах могильника нет находок, связанных со всадничеством (отсутствуют предметы конской упряжи, вооружения). Находка двух напер-

стков (одного на могильнике, второго — на поселении) согласуется с выводами антропологического анализа о занятиях населения шитьем с использованием грубых нитей. Дальнейшие раскопки синхронного могильника поселения могли бы дать материал для изучения хозяйственной деятельности населения. Пока лишь можно констатировать, что в материалах разведочного раскопа представлены находки, связанные с металлургическим производством (фрагменты сопел, шлаки).

Рис. 207. Новохарьковский могильник:
1, 2 — инвентарь погребений;
3, 4 — реконструкция внешнего облика погребенных по:
Новохарьковский могильник, 2002, рис. 52, 53

Рис. 208. Реконструкция внешнего облика «новохарьковцев» (автор Я. П. Мулкиджанян)

Следует особенно отметить вывод исследователей о том, что антропологические материалы Новохарьковского могильника (рис. 207, 3, 4; 208) имеют наибольшее сходство с материалами Дмитриевского аланского могильника салтово-маяцкой культуры эпохи Хазарского каганата (р. Короча, Шебекинский район Белгородской области). В качестве близкого примера можно привести могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье: население, оставившее его, по данным краниологического анализа, близко населению салтово-маяцкой культуры, аланским сериям Северного Кавказа¹⁹. Исследователи отмечают широкое расселение алан-асов на территории Золотой Орды, в том числе в степях Северного Причерноморья²⁰. Однако нужно учитывать что аланы-асы Средневековья оставили о себе память как о весь-

ма воинственном народе, что не согласуется с мирным обликом населения Новохарьковского могильника. Прослеженное антропологами сходство населения, оставившего этот могильник, и аланского населения бассейна Северского Донца хазарского времени не означает их этнической идентичности. Тем более что мы не знаем, на каком языке говорили «новохарьковцы» и к какому народу они себя относили.

3.2. Таганский грунтовой могильник. На левом берегу р. Битюг у с. Лосево Павловского района Воронежской области экспедицией ВГУ исследовался грунтовой могильник, получивший название по речке Таганке²¹. Помимо погребений эпохи бронзы и раннего Средневековья в площади трех раскопов на возвышенностях дюнообразного берегового вала получены материалы XIV в. На одном из раскопов были выявлены четыре хозяйственные ямы и остатки наземной постройки с очагом. В ямах найдены кости животных, золотоордынская и древнерусская керамика, нижняя

¹⁹ Ельников Е. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татарская археология. 2001. № 1—2 (8—9). С. 163.

²⁰ Бубенок О. Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.). Киев, 2004.

²¹ Матвеев Ю. П. Таганский грунтовой могильник. Воронеж, 2004.

часть каменного жернова (постав), фрагмент его верхней части, абразивы, заготовки для пряслиц и пряслица из стенок золотоордынских сосудов.

На двух раскопах зафиксированы пятнадцать погребений жителей поселка (рис. 209). Судя по хорошо сохранившимся костякам, погребенные лежали на спине головой на запад, руки — вдоль туловища или на груди. Погребальный инвентарь представлен перстнем

и двумя подвесками (одна — в виде знака вопроса). Погребальный обряд и немногочисленные вещи из погребений аналогичны Новохарьковскому могильнику. Но антропологические материалы не тождественны. По заключению А. А. Казарницкого, морфология мужского и двух женских черепов из Таганского могильника находит аналогии среди субстратных европеоидных популяций Восточной Европы²².

Рис. 209. Таганский могильник.
Погребения 7 и 8 в раскопе 3

Несколько южнее Таганского комплекса изучалось многослойное поселение Затон-1, расположенное на левом берегу р. Дон у с. Бабка Павловского района Воронежской области (раскопки С. Н. Гапочки в 2001—2002 гг.). На поселении выявлена золотоордынская и русская керамика, а также погребение с восточной ориентировкой и тремя монетами Токтамыша, одна из которых датирована 786 г. х. (1384/1385 г.).

Таким образом, на территории Воронежского края в эпоху Золотой Орды прожи-

вало разное в этническом и языковом отношении оседлое население. Это потомки половцев и других степных народов, подчинившиеся Золотой Орде. Но важно отметить присутствие на Среднем Дону русского населения. Результаты археологических исследований свидетельствуют о том, что после монгольского нашествия и вхождения Среднего Подонья в границы Улуса Джучи Воронежский край не стал ничейным «Полем».

Глава 4. ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ ЭЛИТА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Как и в домонгольский период, на территории Воронежского края в эпоху Золотой Орды фиксируются кочевые группы населения, включавшие половцев и разноплеменные группы кочевников, пришедшие в Вос-

точную Европу с монголами²³. Среди них были представители высшей кочевой аристокра-

времен до наших дней : Международная научная конференция (Донские антропологические чтения). Ростов-на-Дону, 2013. С. 82—87.

²² Казарницкий А. А. Краниологические материалы золотоордынского времени из Воронежской области // Население Юга России с древнейших

²³ Сводку погребальных памятников см.: Кравец В. В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005.

тии, погребения которой недавно открыли археологи.

4.1. Олень-Колодезь. Два погребения (мужское и женское) исследованы К. Ю. Ефимовым в 1996 г. у с. Олень-Колодезь Каширского района Воронежской области²⁴. Они выделяются особым богатством сопровождающего погребального инвентаря.

В мужском погребении (рис. 210, 1) найдены предметы вооружения: островерхий шлем (рис. 210, 2), золоченая кольчуга, бронебойное копье (рис. 210, 5), боевой нож (рис. 210, 6), удила (рис. 210, 13), пара стремян (рис. 210, 14) и колчан со стрела-

ми (рис. 210, 7), древки которых были обернуты золотой фольгой (рис. 210, 8—11). Последняя деталь говорит о многом. У тюркоязычных народов стрелы символизировали власть над воинской или административной единицей. Каган раздавал своим военачальникам по одной стреле в знак представления им властных полномочий²⁵. Но вместе с оружием найдена и золотая серьга в виде знака вопроса (рис. 212, 3), возможно, оставленная умершему его женой. Мужчины — представители монгольской элиты носили такие серьги, что нашло отражение в памятниках изобразительного искусства.

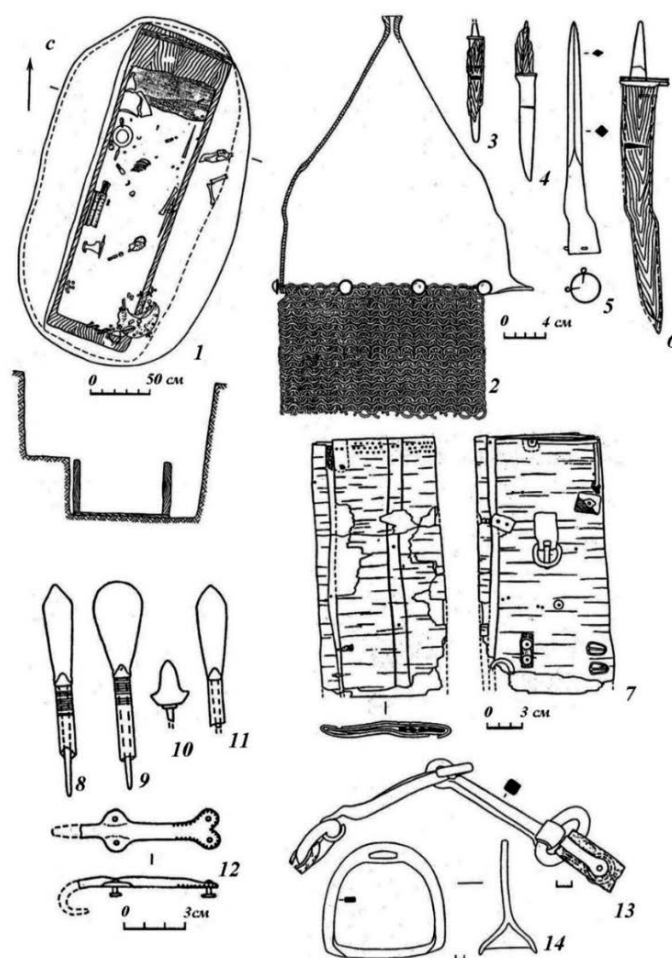

Рис. 210. Олень-Колодезь. Курган 7:
1 — план мужского погребения; 2—14 — погребальный инвентарь
(по К. Ю. Ефимову)

²⁴ Ефимов К. Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // РА. 2000. № 1. С. 167—182; Его же. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3—4. С. 93—108.

²⁵ Худяков Ю. С. О символике стрел древних кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2004. № 1.

Редчайшей находкой является поясной набор с серебряными с позолотой бляхами,

на которых изображены пантеры или барсы (рис. 211, 1—4; 213, 1).

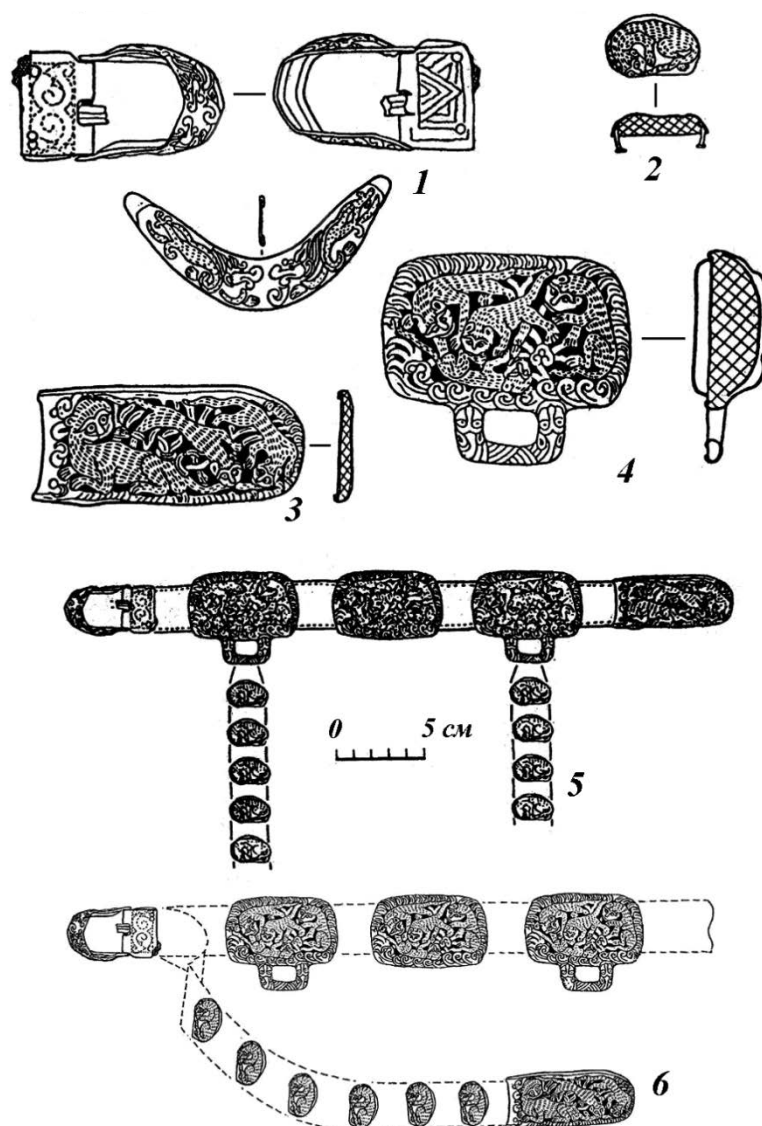

Рис. 211. Олень-Колодезь. Курган 7. Инвентарь мужского погребения:
1—4 — детали поясного набора; 5, 6 — реконструкции пояса
(5 — по К. Ю. Ефимову, 6 — по М. Г. Крамаровскому)

В него входят четырнадцать вещей: двухчастная пряжка с изображением двух драконовидных существ на рамке, поясной наконечник, две сабельные обоймицы с петлями для подвешивания ножен, одна «разделительная» обоймица и девять поясных накладок. Лицевые пластины наконечника и обоймиц декорированы прорезными изображениями резвящихся пантер (барсов?). Поясные накладки выполнены рельефом; на каждой из них — фигура свернувшейся пантеры (барса?), покрытая позолотой. Прямоугольный приемник пряжки украшен гравировкой в виде растительной пальметты на лицевой стороне

и геометрическим узором — на оборотной, овальный приемник украшен изображениями драконовидных существ²⁶. Специалистами предложены варианты реконструкции внешнего вида пояса (рис. 211, 5, 6)²⁷. М. Г. Крамаровский предполагает, что пояс изготовлен чжурчжэньским мастером из Приамурья. Этот

²⁶ Крамаровский М. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. Санкт-Петербург, 2001. С. 238.

²⁷ Ефимов К. Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Российская археология. 2000. № 1; Крамаровский М. Указ. соч. Рис. 15.

артефакт, несомненно, отражает принадлежность погребенного воина к высшей элите Золотой Орды.

Об этом же свидетельствует и серебряный поясной ковш с ручкой в виде протома дракона (рис. 212, 1; 213, 3). Он украшен чеканкой и гравировкой. На внешней стороне ковша у венчика — бордюр с изображением волнистого стебля с полупальметтами; внутри плоскость дна покрыта цветочными узорами в обрамлении узкой полосы, декорированной линейным точечным орнаментом. Голова дракона — со стилизованными рогами из серебряной проволоки со спиралевидными завитками²⁸.

Самой необычной для этого золотоордынского погребения явилась находка железного топорика, инкрустированного серебром и латунью (рис. 212, 2; 213, 2). На двух средних гранях обуха изображены стилизованные бегущие животные; на других гранях — геометрические узоры, а плоскости лезвия декорированы стилизованными изображениями лося. Исследователи выдвигают различные версии его попадания в золотоордынское погребение. Высказывалось предположение, что рассматриваемый топорик мог быть изготовлен прусским мастером, а затем в качестве трофея попал к немецким или польским крестоносцам: в 1254—1255 годах рыцари Тевтонского ордена под началом чешского короля Оттокара II во время крестового похода на Самбию воевали с язычниками-прусами. А к монгольскому военачальнику необычный топорик мог попасть как трофей в 1258 г. после победы в битве волынского князя Василька Романовича и его союзника, золотоордынского темника Бурундая над литовскими и польскими войсками. Но возможно, это произошло и раньше, во время похода монгольского войска в Центральную Европу в начале 40-х годов XIII в.

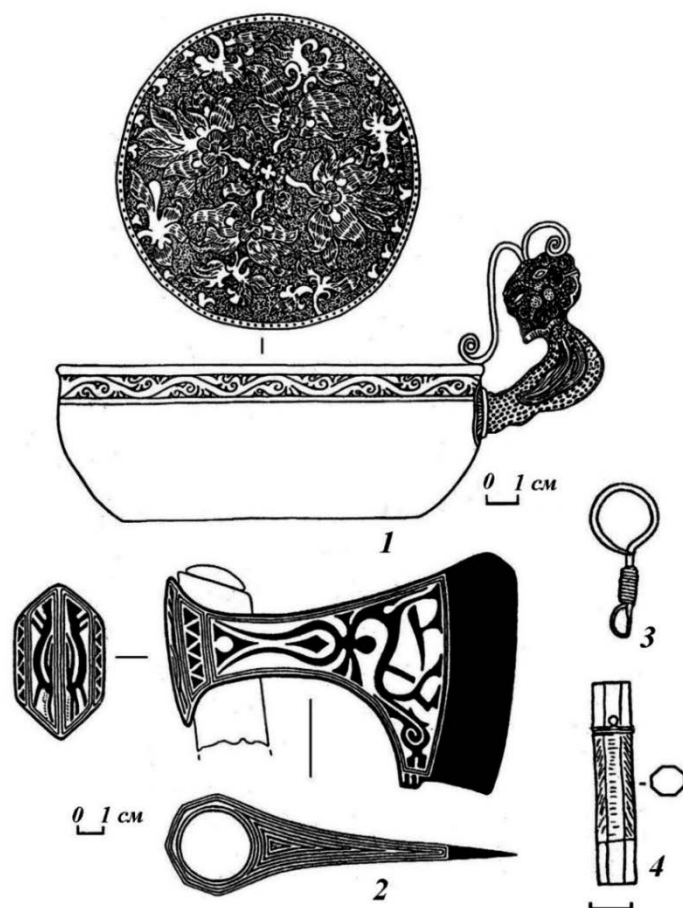

Рис. 212. Олень-Колодезь. Курган 7: 1 — серебряный ковш; 2 — топорик, инкрустированный серебром и латунью; 3 — золотая серьга; 4 — стеклянный «амулет» (по К. Ю. Ефимову)

²⁸ Крамаровский М. Золото Чингисидов ... С. 239.

Рис. 213. Олень-Колодезь. Курган 7:
1 — пояс; 2 — топорик; 3 — поясной ковш (по К. Ю. Ефимову)

Богатством и разнообразием инвентаря отличалось и погребение женщины (рис. 214, 1). Ей принадлежали украшения — два серебряных пластинчатых браслета (рис. 214, 4, 5), золотой перстень (рис. 214, 6), билоновое зеркало в парчовом футляре (рис. 214, 7), кожаная сумка, серебряная орнаментированная чаша (рис. 214, 3), медный казан (рис. 215, 1), ножницы в кожаном футляре (рис. 215, 2), а также остатки седла, удила (рис. 215, 3), пара стремян (рис. 215, 4, 5). Фрагменты парчи и шелковой ткани свидетельствуют о богатстве костюма погребенной и принадлежности ее к высшей монгольской знати.

Но наибольший интерес представляют остатки ее головного убора — «бокки» (рис. 214, 2). Бокка в монгольской империи, а затем и в Улусе Джучи — важный атрибут женского головного убора, знак принадлежности владелицы к чингисидской традиции. В рассматриваемом погребении достаточно

хорошо сохранились основа убора из бересты в виде «сапожка», фрагменты кожаных деталей, шелка, серебряной с позолотой фольги. Для украшения убора использовался обнаруженный в погребении стеклянный бисер голубого и синего цвета.

Такие признаки погребального обряда, как северная ориентировка, деревянная колода, наличие костей барана, характерны для монгольских погребений XIII—XIV вв. в Байкальском регионе. Исследователи связывают с монголами серьги в виде знака вопроса, головной убор-бокка, цилиндрические подвески-амулеты. Эти находки мы видим в захоронениях могильника «Олень-Колодезь». Но в нем нет характерных для монгольских погребений каменных конструкций. В качестве гипотезы можно предположить, что погребенные в этом могильнике принадлежали к элите ранних Джучидов монгольского происхождения.

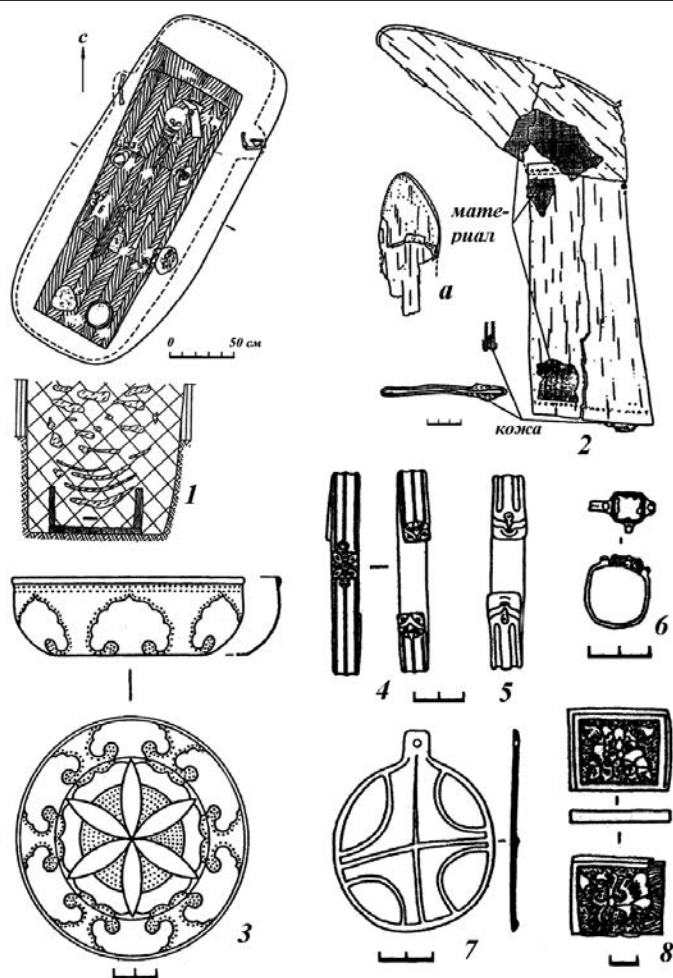

Рис. 214. Олень-Колодезь. Курган 9. Инвентарь женского погребения (по К. Ю. Ефимову)

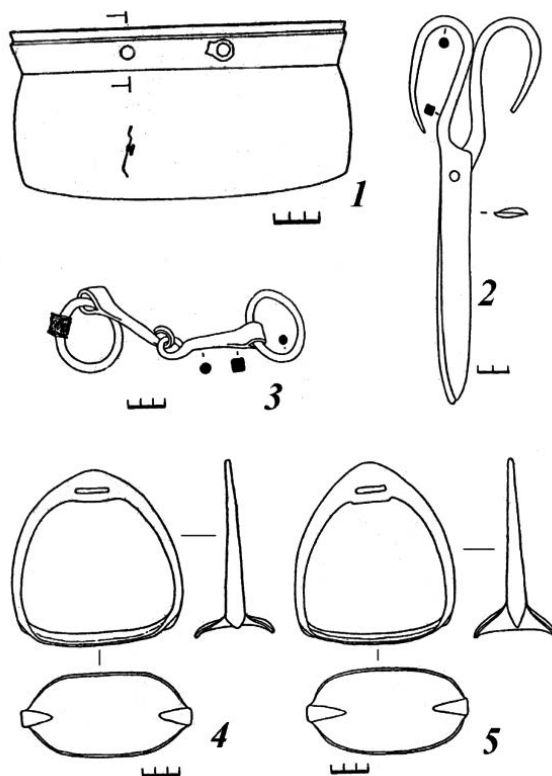

Рис. 215. Олень-Колодезь. Курган 9. Часть инвентаря женского погребения (по К. Ю. Ефимову)

Рассмотренный комплекс уникальных вещей из могильника «Олень-Колодезь» представляет выдающуюся научную ценность. Они выставлены в Государственном Эрмитаже и постоянно участвуют в международных выставках. Одна из последних выставок «Зо-

лотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингидской империи» прошла в Казани в 2019 г. Часть находок с этого памятника экспонируется в археологическом музее ВГУ. Художественная реконструкция погребений золотоордынской знати представлена на рисунке 216.

Рис. 216. Реконструкция внешнего облика золотоордынской элиты по материалам могильника Олень-Колодезь (автор Я. П. Мулкиджанян)

4.2. Высокая Гора. Еще два богатых погребения (мужское и женское) исследованы в 1990 г. А. А. Бойковым в курганный группе Высокая Гора у с. Дьяченково Богучарского района Воронежской области²⁹. В кургане 2 мужчина погребен в большой яме размерами 2,65×3,45 м (рис. 217, 1). По длинной оси она разделена деревянной перегородкой из вертикально поставленных плах на две камеры — восточную и западную. Западная камера никаких находок не содержала. Погребение совершено в восточной камере в деревянном гробу

без крышки. Мужчина 35—40 лет высокого роста был положен на спине головой на север. Важно отметить, что на черепе воина есть следы травмы, полученной, как можно предполагать, в военном столкновении. Северо-восточнее гроба была обнаружена кость ноги барана.

После засыпки могилы вокруг нее была устроена площадка овальной формы 18×25 м. По ее периметру сооружены десять кладок из песчаника. Самая крупная имела размеры 3×3,7 м. Между камнями и на них обнаружены следы костров. Между камнями самой большой кладки найдены кости животных. Затем из обожженного докрасна грунта была создана обваловка вокруг погребения. Над могилой фиксировались остатки сгоревшего шатрового перекрытия.

²⁹ Кравец В. В. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганный группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // Донская археология. 2000. № 3—4. С. 114—127.

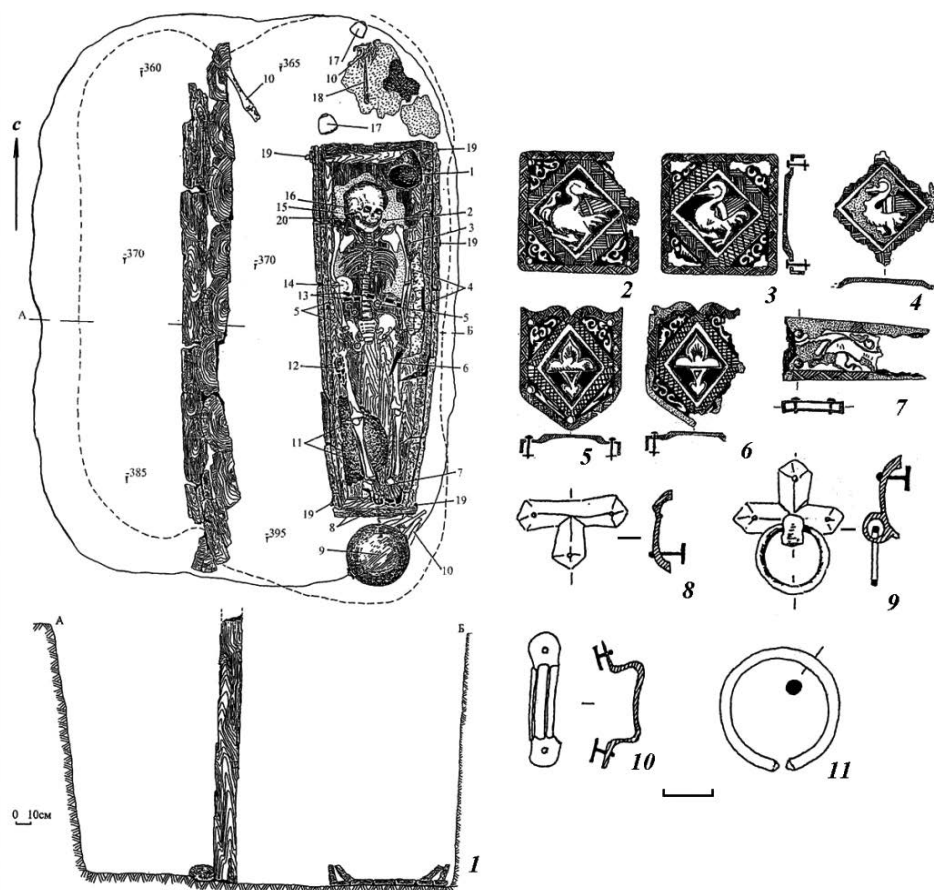

Рис. 217. Высокая Гора. Курган 2, погребение 1:
1 — план мужского погребения; 2—11 — инвентарь
(по: Кравец В. В., Березуцкий В. Д., Бойков А. А., 2000)

Сопровождающий инвентарь включал набор предметов вооружения: кольчугу, шлем с бармицей (рис. 218, 1), берестяной колчан со стрелами, в том числе фигурными (рис. 218, 2—4), кольцо из раковины для стрельбы из лука (рис. 218, 5), наконечник копья с насаженной на него птицей (рис. 218, 6), нож в деревянных ножнах с рукоятью, украшенной золотой фольгой. Найдены также железные стремяна и удила (рис. 218, 7, 8). Металлическая посуда представлена фрагментированным серебряным сосудом (рис. 218, 9) и медным казаном (рис. 218, 10). Кресало и кремь, двусторонний деревянный гребень составляли набор бытовых предметов. Сохранились куски ткани, прошитые золотой нитью, фрагменты сапога и матерчатой сумки.

Но самой выразительной находкой в этом захоронении является поясной набор, включавший серебряные с позолотой бляхи и наконечник ремня (рис. 217, 2—7). На трех бляхах — изображение птицы, еще на трех — изображение лотоса, а на наконечнике

ремня, сохранившемся частично — фигура животного. Все они нанесены гравировкой. У погребенного была золотая серьга в виде несомкнутого кольца (рис. 217, 11). О значении пояса как атрибута принадлежности к воинской элите Орды речь шла выше. Статус погребенного подчеркивал и сопровождавший его котел.

Другое погребение в кургане 3 принадлежало, скорее всего, родственнице (жене?) воина (рис. 219, 1). Ее возраст 20—25 лет. В погребении найдены разнообразные детали женского костюма. Под курганом зафиксирован кольцевой ров. Могила окружена ямами, обложенными камнями. Конструкция могилы аналогична конструкции, в которой погребен мужчина-воин. Ее размеры 2,45×2,6 м, глубина 1,75 м, она также разделена деревянной перегородкой на две части. В восточной части стояло деревянное гробовище из досок, скрепленных железными гвоздями, скобами с кольцами, железными полосками. И это захоронение имело северную ориентировку.

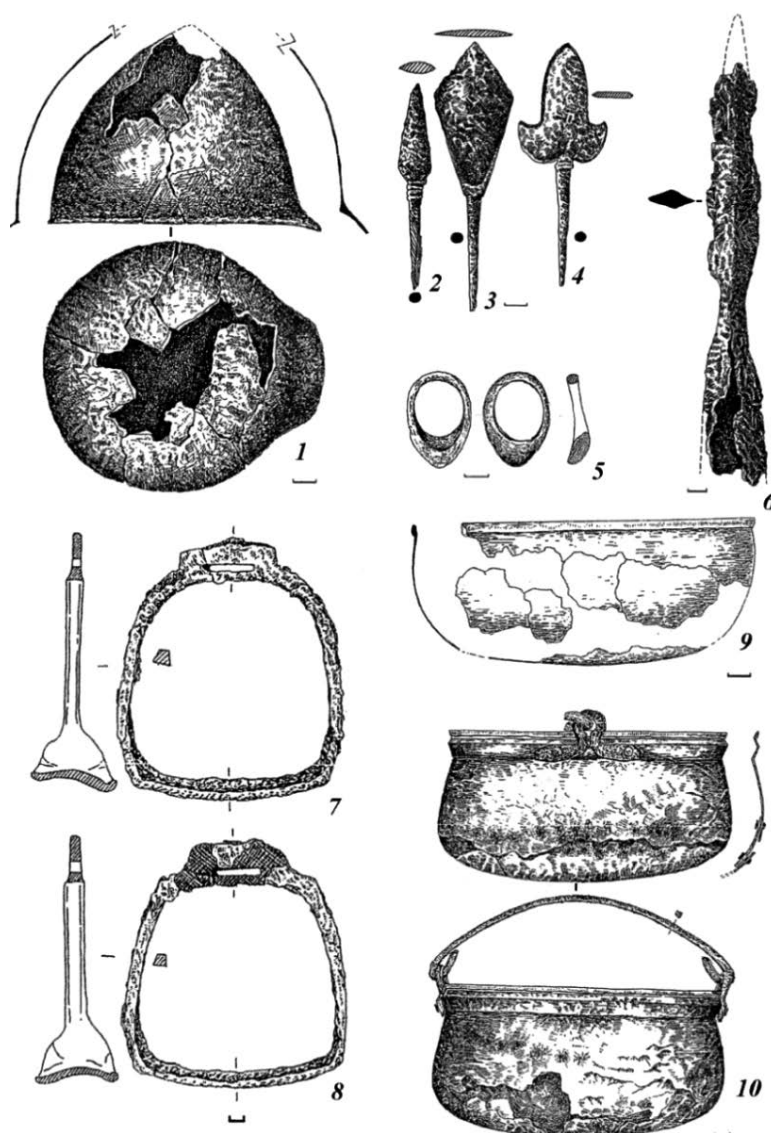

Рис. 218. Высокая Гора. Курган 2, погребение 1.
Инвентарь мужского погребения
(по: Кравец В. В., Березуцкий В. Д., Бойков А. А., 2000)

На погребенной женщине была шелковая одежда, на обшлагах — тонкая серебряная нить и бисер. Сохранились серебряные с позолотой крючки для застегивания. В погребении найдены разнообразные детали костюма и украшения. Перечислим их: билоновое зеркало с центральной петлей на обороте (рис. 220, 1), три золотые в виде броши нашивки на одежду со вставками из стекла (рис. 220, 2—4), квадратная брошь со стеклянной вставкой (рис. 220, 10), крупная нашивка в виде квадрата со вставками из стекла (рис. 220, 11), две проволочные золотые подвески и виде знака вопроса (рис. 220, 16, 17), золотой перстень (рис. 220, 14), золотые бляшки (рис. 220, 5—9), три золотые цилиндрические подвески (рис. 220, 18—20), деревянный гребень, серебряный браслет (фрагментирован), две янтарные бусины (рис. 220, 21, 22), две квадратные вставки из стекла (рис. 220, 12, 13).

Погребение сопровождалось металлической посудой: серебряной чашей в кожаном чехле и бронзовым казаном (рис. 219, 2, 3). Обилие инвентаря позволило Р. Р. Каримовой осуществить реконструкцию костюма погребенной женщины (рис. 221³⁰).

Погребение сопровождалось металлической посудой: серебряной чашей в кожаном чехле и бронзовым казаном (рис. 219, 2, 3). Обилие инвентаря позволило Р. Р. Каримовой осуществить реконструкцию костюма погребенной женщины (рис. 221³⁰).

³⁰ Каримова Р. Р. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань, 2013. Рис. 42.

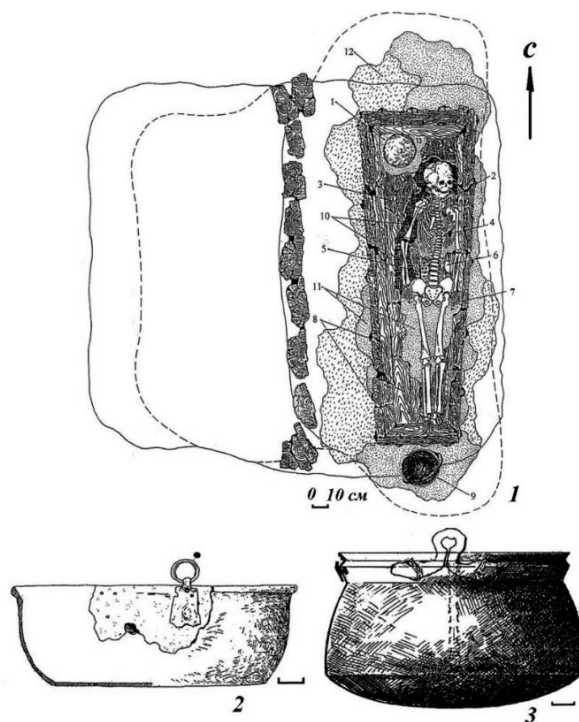

Рис. 219. Высокая Гора. Курган 3, погребение 2:
1 — план женского погребения; 2, 3 — инвентарь (по: Кравец В. В., Березуцкий В. Д., Бойков А. А., 2000)

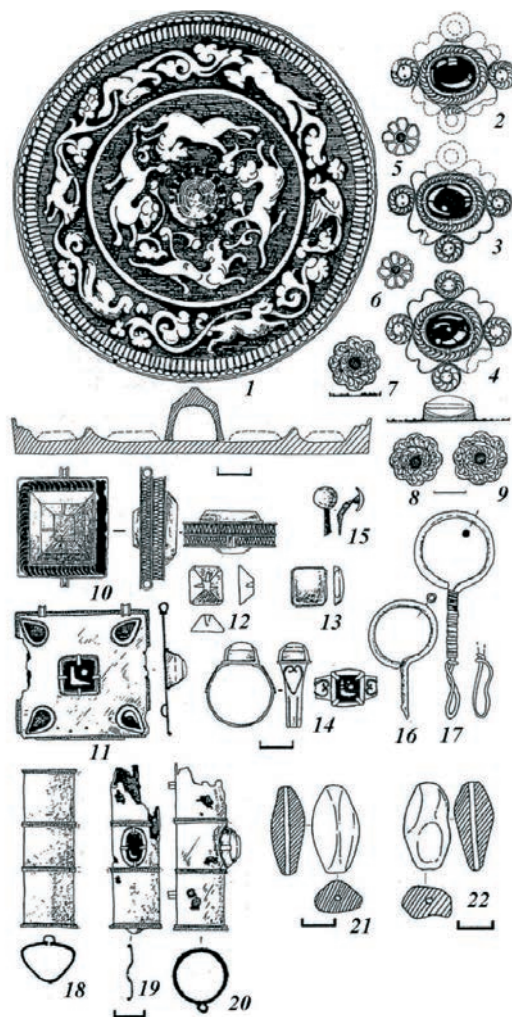

Рис. 220. Высокая Гора. Курган 3, погребение 2. Инвентарь (по: Кравец В. В., Березуцкий В. Д., Бойков А. А., 2000)

Рис. 221. Высокая Гора. Курган 3, погребение 2.
Реконструкция костюма женщины
(Каримова Р. Р., 2013, рис. 42)

Погребения из могильника Высокая Гора можно датировать концом XIII—XIV в. Исследователи этого памятника предполагают истоки его погребального обряда, в частности конструкции могильной ямы, в тюркской среде Алтая.

В список погребений кочевой знати в Среднем Подонье можно включить одно из захоронений Власовского могильника в Грибановской районе Воронежской области³¹. В Бобровском районе Воронежской об-

ласти у с. Новый Буравль (Сафоновка), в нескольких километрах севернее золотоордынских мавзолеев, о которых речь пойдет ниже, в начале XX в. М. П. Труновым было раскопано богатое кочевническое подкурганное погребение. В фондах Воронежского областного краеведческого музея сохранились серебряная чаша, медный котел и фрагмент ткани из этого комплекса.

³¹ Березуцкий В. Д. Новые данные о поздних кочевниках на левобережье Среднего Дона //

Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988. С. 152—165.

4.3. Золотоордынские погребения в Прихоперье. Концентрация погребений кочевников отмечается в Прихоперье. Среди них выделяется курганный могильник у с. Третьяки, исследованный К. Ю. Ефимовым в первой половине 80-х годов прошлого века. Им открыто десять средневековых курганов, в девяти из них находились захоронения золотоордынского времени³². Ряд погребений могильника у с. Лесное Балашовского района Саратовской области (раскопки Н. К. Арзютова 1931 г.) относится к тому же времени³³. Очевидно, в золотоордынский период Прихоперье являлось зоной постоянного кочевания одного из улусов Золотой Орды. Этому способствовало наличие обширных остепненных водораздельных пространств. Преимущественно зоной расселения кочевников было левобережье Хопра, где расположены могильники Ключи, Лесное, Третьяки. Но необходимо отметить наличие Власовского могильника в правобережье Хопра, в бассейне Вороны — в зоне распространения русских поселений.

Этот могильник по социальному статусу явно уступает элитарным погребениям из Олень-Колодезя и Высокой горы. Но в погребении 3 кургана 15 Власовского могильника найден поясной набор (двусоставная пряжка, наременный наконечник, три узкие рамки, три обоймы подпрямоугольной формы (две из них с петлями для крепления сабельных ножен), двадцать две бляшки в форме лунниц), правда, не такой роскошный, как вышеупомянутые³⁴. Обоймы, наконечник, лунницы декорированы изображениями

драконов³⁵. Воинские пояса с драконовидной геральдикой, по мнению М. Г. Крамаровского, бытуют в культуре ранних Джучидов во второй половине XII — первой половине XIII в., окончательно исчезают в самом начале XIV в.³⁶

Погребение в кургане 1 могильника Ключи, в котором найден золотоордынский кувшин³⁷, может быть отнесено к XIV в., когда начинается массовое производство красноглиняной посуды в Орде.

Обращает на себя внимание и факт различий в погребальном обряде кочевников в Прихоперье. Прежде всего, это касается ориентировки погребенных. В трех погребениях Власовского могильника отмечена северная, северо-восточная и южная ориентировка. В могильнике Третьяки для погребений ордынского времени (курганы 1, 4, 7, 20) характерна северо-восточная и северная ориентировка погребенных³⁸. В двух погребениях могильника Ключи отмечена западная и северная (с отклонением к северо-востоку) ориентировка. В могильнике Лесное из пятнадцати золотоордынских погребений одиннадцать имеют западную с отклонением к югу ориентировку, три — восточную, одно — северо-восточную. Памятники отличаются по особенностям могильных ям и внутримогильных конструкций, наличию или отсутствию частей скелета лошади, кострища под курганом. Это объясняется смешанным характером кочевого населения в Прихоперье, среди которого были и половцы, и пришедшие вместе с монголами восточные кочевники. В могильниках Ключи, Лесное, Власовском погребения кочевников в курганах — основные, что указывает на весьма долговременный характер освоения ими этой зоны. По наблюдению А. А. Хрекова, кочевникам могли принадлежать кратковременные стоянки, на которых найдена золотоордынская керамика. Таковой является стоянка у с. Инясево Романовского района Саратовской области. Вместе с фрагментами красноглиняной посуды здесь были найдены две монеты Узбе-

³² Винников А. З. Погребения средневековых кочевников в могильнике у с. Третьяки // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж, 1993. С. 91—102.

³³ Гарустович Г. Н. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX — начала XV века). Уфа, 1998. С. 195—203. О других памятниках этого района см.: Хреков А. А. Археологические памятники средневековых кочевников на территории лесостепного Прихоперья (Червленого Яра) // Золотоордынскому городу Увеку семь с половиной столетий. Саратов, 2003. С. 53—58.

³⁴ Березуцкий В. Д. Новые данные о поздних кочевниках на левобережье Среднего Дона. С. 152—165.

³⁵ Крамаровский М. Г. Новые материалы по истории ранних Джучидов. С. 40.

³⁶ Там же. С. 56.

³⁷ Хреков А. А. Указ. соч.

³⁸ Винников А. З. Указ. соч.

ка 20-х гг. XIV в.³⁹ К таким памятникам исследователь относит и стоянку Шапкино I в Мучкапском районе Тамбовской области.

Прихоперье, как и все донское Левобережье в пределах Воронежской области, первоначально входило в Улус Сартака (Сартаха), брата хана Батыя. Пастбищно-кочевая система этого, как и других золотоордынских улусов, подробно охарактеризована А. И. Ракушиным⁴⁰. В зимнее время кочевники улуса находились в низовьях Волги, а к лету перекочевывали в Среднее Подонье, рассредотачиваясь по его многочисленным левым притокам. В местах летовок появлялись стационарные могильники (например, Власовский, Третьяки, Лесное). Как отмечал Рубрук, «...около начала августа они (татары — М. Ц.) начинают возвращаться к югу». В «Пименовом хождении в Царьград» путники в конце мая застали стада кочевников в районе Переволоки: «...стада же Татарския видехом толико множество, якоже ум превосходящ: овцы, козы, волю, верблюды, кони»⁴¹. В это время перекочевка осуществлялась в северном направлении.

Благоприятные природно-климатические условия Прихоперья в золотоордынский период, а также наличие здесь русских поселений, например, в окрестностях Власовского могильника, могли позволять отдельным кочевым группам населения в случае необходимости зимовать в этом районе.

Некоторые погребения кочевников содержат серебряные данги, что позволяет их более точно датировать. Так в кургане у с. Марки Каменского района Воронежской области (раскопки А. Я. Кожевникова в 1872 г.) в основном погребении с западной ориентировкой и воинским инвентарем (остатки седла, стремени, удила, наконечник копья,) найдена монета 1361—1362 г. В одном из двух кочевнических погребений в кургане 2 Вервеевского могильника встречена монета 1342—1343 гг.⁴² Серебряный данг Узбека второй половины 1330-х годов обнаружен в основном погребении кургана у с. Новомеловатка Калачеевского района Воронежской области⁴³. Таким образом, известные нам кочевнические погребения с дангами приходятся на вторую треть XIV в., то есть в основном на время до «Великой замятни» в Орде.

Следует обратить внимание на то, что это были последние погребения на Среднем Дону, над которыми еще возводились курганные насыпи. Со второй половины XIV в. курганный обряд захоронения, господствовавший в степи и лесостепи около пяти тысячелетий, постепенно исчезает, так как в Орде даже среди рядового населения распространяется ислам. На смену курганам приходят грунтовые могильники с погребениями по мусульманскому обряду, а над захоронениями золотоордынской элиты возводятся мавзолеи.

Глава 5. ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ МАВЗОЛЕЙ В ЦЕНТРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В Золотой Орде при Узбеке и Джанибеке в первой половине XIV в. распространяется ислам. Его принимают и представители кочевой элиты, в том числе на Среднем Дону. Свидетельством этого процесса являются два мавзолея, располагавшихся на р. Мечеть у пос. Красный Бобровского района Воронежской области. Это самый северный по Дону

комплекс архитектурных золотоордынских памятников. Он включал остатки двух мавзолеев, поселения, горна для обжига кирпичей⁴⁴. Для его обозначения в научной литературе фигурировал неточный термин «городище Краснохуторское»⁴⁵.

³⁹ Хреков А. А. Археологические памятники средневековых кочевников на территории лесостепного Прихоперья (Червленого Яра). Рис. 4, 1—9.

⁴⁰ Ракушин А. И. Монголы на Волге (обретение новой родины: от завоевания к ассимиляции). Саратов, 2016. Рис. 1

⁴¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 96.

⁴² Кравец В. В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Рис. 35.

⁴³ Там же. С. 117, рис. 35.

⁴⁴ Цыбин М. В. Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Казань — Кишинев: Stratum, 2019. С. 509—520.

⁴⁵ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. Москва, 1985. С. 91, рис. 2.

5.1. История открытия мавзолея. Остатки золотоордынских мавзолеев у пос. Красный Бобровского района Воронежской области впервые были описаны в отчете Ивана Жолобова, который в 1685 г. возглавлял военно-топографическую экспедицию, обследовавшую берега рек Битюг, Осередь, Дон. *«Повыше того броду, — говорится в отчете, — с левой стороны с Нагайской степи пришла и впаля в Битюк реку речка Мечеть. А лесов по ней нет. А в верху той речки на левой стороне стоит татарская мечеть каменная. А от того броду до мечети по сказке того ж воронежца Ивана Дрозжигина с товарищи версты с четыре. А по досмотру та мечеть стоит на степь в вышину сажени четыре, а около той мечети — сажени с десять. А своды вверху у той мечети розвалились»*⁴⁶. Обращает на себя внимание и название речки Мечеть, связанное с золотоордынским архитектурным памятником.

Остатки золотоордынских кирпичных зданий были обследованы в 1901 г. членом Воронежской ученой архивной комиссии М. П. Труновым. Тогда это были земли крестьян с. Мечетка Бобровского уезда Воронежской губернии (поселок Красный возник в 20-е гг. XX вв.). Он отмечал, что два «каменных» кургана представляют собой развалины кирпичных построек (один «курган» имел в диаметре 50 аршин, высоту — 3—4 аршина, второй соответственно 40 и 3 аршина). Наряду с кирпичами на их поверхности встречены изразцы, которые М. П. Трунов с помощью консультации специалистов правильно отнес к золотоордынскому периоду. Большой «курган» находился внутри четырехугольника, ограниченного валом незначительной высоты (длина четырехугольника 80 аршин, ширина — 65)⁴⁷.

В 1947 г. сотрудница ГИМ В. П. Левашева проводила разведочные работы в этом районе. Она осмотрела развалины зданий и в об-

рыве р. Мечеть нашла остатки горна для обжига кирпичей. В 1948 г. В. П. Левашева полностью исследовала остатки горна и заложила раскоп на одном из холмов (первый курган, по М. П. Трунову). К сожалению, в 40-е годы прошлого века жители поселка Красный устроили кладбище на одном из холмов. Именно этот холм и стал объектом исследования В. П. Левашевой⁴⁸.

Она отмечала, что по внешнему виду этот холм похож на курганный насыпь высотой 1,6 м, диаметром 35 м. Южная и центральная части холма уже были заняты кладбищем. Раскоп В. П. Левашевой имел площадь 64 м² в виде двух траншей и раскопа в северо-северо-западном секторе центральной части памятника. Полностью сохранившихся частей стен исследовательнице обнаружить не удалось. В. П. Левашева открыла северо-восточный угол фундамента здания. Местами прослежен пол мавзолея из кирпичей. Внутри здания были зафиксированы четыре погребения (два изучены полностью). Как пишет В. П. Левашева, погребения совершены в кирпичных склепах прямоугольной формы длиной 2—2,3 м, шириной 1—1,4 м, впущенных в материк на глубину до 0,5 м. Ориентировка склепов — запад-восток. Опорные стенки выложены в один кирпич (сохранилось до семи рядов). Пол в двух склепах выложен кирпичом. Покойники были захоронены в деревянных гробах в вытянутом положении на спине головой на запад. В могиле № 3 фиксировался разворот лица покойника к югу. Единственная, но весьма информативная вещь найдена в могиле № 2. Это сердоликовый амулет-печать в виде прямоугольной пластинки с арабской надписью: «Во имя Аллаха справедливого милостивого Победа от Аллаха и одоление близ[кое], и... правоверных»⁴⁹. Размеры амулета — всего лишь 2,3×1,7×0,4—0,5 см. И за пределами мавзолея было исследовано погребение.

5.2. Мавзолей в свете последних раскопок в начале XXI в. В конце прошлого века возникла необходимость продолжения исследований этого комплекса. Площадь остатков мавзолея, который исследова-

⁴⁶ «Доезд» жильца Ивана Жолобова 1685 года: описание незаселенных территорий по рекам Битюг, Цна, Осередь и Дон, «мочно ли по тем рекам... построить города и слободы, и поселить села и деревни...» (публикация и предисловие А. И. Гамаюнова, А. Я. Яблонского) // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Липецк, 2006. Вып. V. С. 16.

⁴⁷ Трунов М. П. Раскопки в Бобровском уезде. Труды ВУАК. 1902. Вып. I. С. XXX—XLIV.

⁴⁸ Левашева В. П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37. С. 175—185.

⁴⁹ Левашева В. П. Там же. Рис. 2, 2.

ла В. П. Левашева (назовем его мавзолеем 1), находилась под действующим кладбищем. Площадь второго здания (мавзолеем 2) постоянно распаивалась. По словам местного населения, из остатков второго здания неоднократно добывался кирпич, при этом использовался бульдозер. Проведенные в конце 80-х годов разведочные раскопки второго мавзолея показали, что, несмотря на практически полное разрушение здания, сохранились фрагменты кирпичной фундаментной кладки. В 2002 г. в связи с начавшимися на площади мавзолея 2 строительными работами он был полностью исследован экспедицией кафедры археологии и истории Древнего мира Воронежского государственного университета под рук. М. В. Цыбина.

Стены мавзолея не сохранились. Фундамент здания не был углублен в материковое основание. Нижний ряд кирпичей укладывался на материковый суглинок на глиняном растворе. Ширина фундамента достигала 1,8 м. При строительстве здания использованы квадратные кирпичи высокой прочности размерами 23,5—24 × 23,5—24 × 5—6 см. Использовались также прямоугольные кирпичи шириной 10—12,5 см. Кирпичи изготавливались на месте. Для их обжига использовалась большая печь, устроенная в склоне берега р. Мечеть.

Фундаментная кладка сохранилась фрагментарно. Однако фиксировалось направление и конфигурация фундаментной траншеи, размеры и конфигурация участков погребенной почвы, отпечатки кирпичей фундаментной кладки на материковом основании.

Мавзолей имел общие размеры 21,5×10,5 м и был ориентирован по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 222, 1, 2). Это один из самых крупных мавзолеев на территории Орды. Его основу составляло прямоугольное помещение размерами около 14,5×10,5 м, разделенное стеной на две камеры: усыпальницу («гур-хана») и место оплакивания («зийарат-хана»). Размеры «гур-ханы» по внутреннему контуру около 6,8×7 м, «зийарат-ханы» — 3,5×7 м.

5.3. Погребения в мавзолее. В «гур-хане» мавзолея находился полностью ограбленный склеп, имевший размеры 4,5×4,6 м и углубленный в материк до 1,5 м. В склеп вел вход-коридор, по которому прошла юго-восточная стена здания. Из-за полного огра-

бления не ясно количество погребений, которые находились в склепе. Отметим лишь, что подобные сооружения в мавзолеях Золотой Орды достаточно редки⁵⁰.

Рядом со склепом выявлены два вторичных погребения. Одно из них, полностью разрушенное, перерезало стену котлована склепа, что говорит о достаточно долгом функционировании мавзолея. Второе сохранилось полностью и позволяет судить об исламской погребальной обрядности. Над погребением фиксировалось кирпичное перекрытие. Это двускатный свод, образованный тремя рядами кирпичей, стоящих на ребре между тычком и постелью. В черноземе, видимо, была ступенька, в которую упирались нижние концы кирпичей боковых рядов. Верхние концы кирпичей боковых рядов опирались на кирпичи центрального замкового ряда.

Могильная яма имела подпрямоугольную форму длиной 2,36 м, шириной до 0,6 м. Глубина в материковом основании — до 0,22 м, а от уровня, с которого копалась яма, — около 0,6 м. Как уже говорилось выше, могла быть ступенька вдоль длинных сторон ямы. Погребенная женщина 25—35 лет (определение А. А. Казарницкого) лежала в деревянном гробу из досок вытянуто на спине головой на ЗСЗ. Череп был развернут влево. Кисть левой руки находилась в области живота, правой — на бедре. У черепа лежала кость животного. От гроба сохранился древесный тлен, железные скобы, скреплявшие его, и гвозди. Гроб был оббит кожей, которая могла крепиться небольшими гвоздями. По подсчетам Д. В. Васильева, среди погребений в мавзолеех около 35 % были совершены в гробах. В данном погребении положение рук также не является канонически правильным для мусульман. Рядом с погребением найдена бусина из сердолика.

⁵⁰ Васильев Д. В. Захоронения в золотоордынских мусульманских мавзолеех (опыт статистической обработки) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне : тез. докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931—2000). Москва, 2006. С. 117—118.

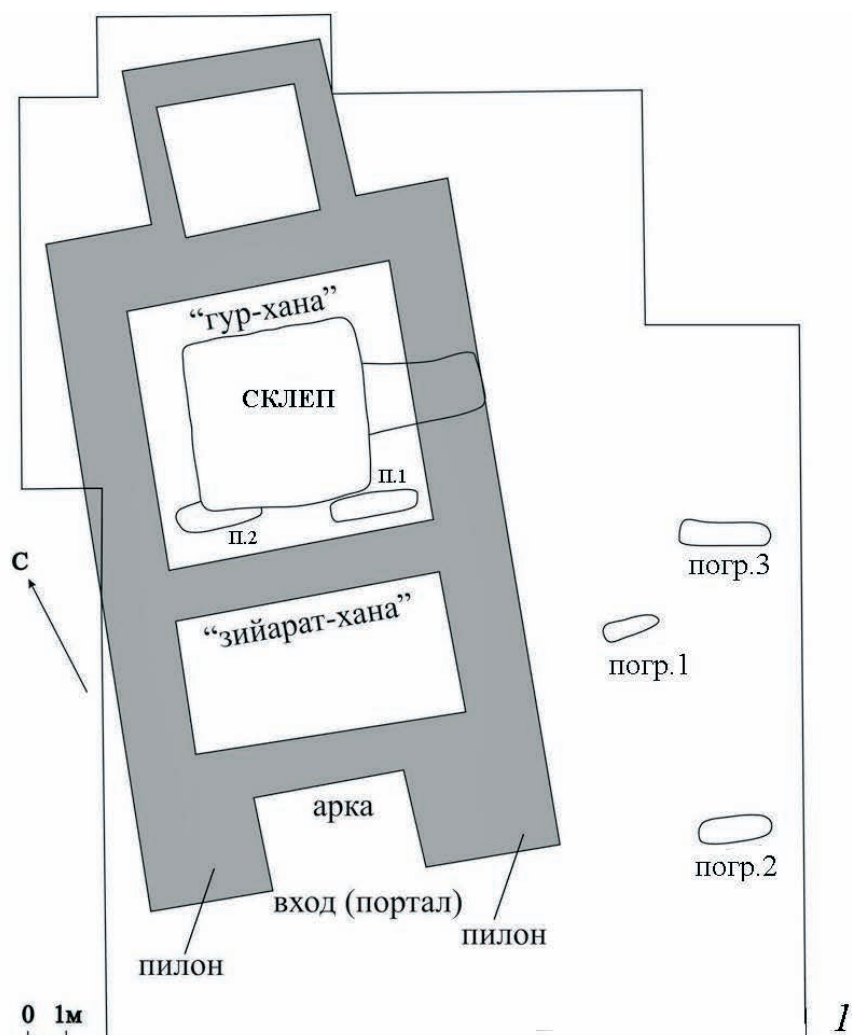

Рис. 222. Мавзолей у пос. Красный: 1 — план мавзолея и расположение погребений; 2 — реконструкция мавзолея (автор — Я. П. Мулкиджанян)

С ССВ стороны к «гур-хане» было пристроено прямоугольное помещение размерами по внутреннему контуру около 3,5×3,7 м. Судя по находкам костей человека и двух бронзовых бубенчиков с железными шариками внутри, здесь также совершались захоронения, впоследствии разрушенные.

5.4. Архитектурный декор мавзолея.

Длинные стены мавзолея с ЮЮЗ оканчивались пилонами шириной 3,2 и 3,6 м. Вход, видимо, перекрывался аркой, которая вместе с пилонами образовывала портал, украшенный мозаикой на кашине. Значительный интерес представляет архитектурный декор мавзолея (рис. 223). Были найдены элементы мозаики на кашине (всего более 13600 целых и обломков таких элементов). Элементы мозаики на кашине имели различную геометрическую форму (рис. 223, 1). Сохранились фрагменты мозаичных панно с геометрическим орнаментом; с изображениями цветов; фрагментом надписи (рис. 223, 3—8). Цвета поливы элементов мозаики следующие: ультрамариновый — около 40 % элементов мозаики; бирюзовый — 26 %; белый — 25 %; красно-коричневый — 4 %; желтый — 0,5 %; зеле-

ный — 0,1 %. Примечателен факт использования в декоре элементов, покрытых золотой фольгой по белой поливе (около ста экземпляров). Элементы мозаики скреплялись гипсовым раствором (его толщина 3—5 см).

Встречены большие кашинные изразцы с продольными боковыми пазами, представленные преимущественно фрагментами (рис. 223, 9, 10). Эти изразцы покрыты только поливой бирюзового цвета. Изразцы имеют различные размеры. Большая их часть, судя по сохранившимся обломкам, имела длину около 19 см, ширину — около 6 см, толщину — около 5—6 см. Изразцы большего размера представлены единичными экземплярами. Один из них сохранился почти полностью (длина — 24 см, ширина — 9,2 см, толщина — 6 см).

Из других элементов архитектурного декора можно отметить два фрагмента штампованных терракотовых плиток, покрытых поливой бирюзового цвета (рис. 223, 11), и фрагмент изразца в технике майолики (рис. 223, 12). Судя по скоплению изразцов у входа в мавзолей, именно портал был украшен мозаикой (рис. 222, 2).

Рис. 223. Мавзолей у пос. Красный. Элементы архитектурного декора

Если кирпичи для строительства мавзолеев изготавливались на месте, то элементы архитектурного декора привозились из Поволжья. Их производство было налажено в городах Орды, в частности в Сарае (Астраханская область). Столь дорогостоящее строительство мог позволить себе только представитель рода Чингисидов, владения которого были в Среднем Подонье. Расстояние по прямой от золотоордынских мавзолеев у пос. Красный до Селитренного городища в Астраханской области, где мы видим прямые аналогии в архитектурном декоре, составляет около 700 км.

Исследованный мавзолей относится к двухкамерным прямоугольным в плане с широким пештаком (портал-вход в общественных мусульманских зданиях). Двухкамерные мавзолеи в сводке Д. В. Васильева составляют около трети всех учтенных мавзолеев на территории Золотой Орды⁵¹. С учетом всех особенностей планировочной организации мавзолея у пос. Красный можно назвать лишь одно аналогичное здание — это мавзолей на Водянском городище (золотоордынский город Бельджамен в Волгоградской области)⁵². Но отметим, что, в отличие от последнего, у мавзолея из Воронежской области есть пристроенное с ССВ стороны помещение, а в «гур-хане» — большой углубленный в материковое основание склеп.

Мусульманское кладбище было и у стен мавзолея. Изучено три погребения. Для них характерны узкие могильные ямы с кирпичными надгробиями (сохранились частично). Погребенные (подросток, мужчина 25—35 лет, женщина 35—45 лет) уложены на спине головой на ЗСЗ. В погребении женщины найдены пять серебряных дангов. Все монеты Токтамыша конца XIV в. По мнению Е. Ю. Гончарова, эти монеты могли попасть в погребение в начале XV в. Грунтовые погребения совершены позднее времени возведения здания, а возможно, связаны с окончанием его функционирования. Скорее всего, сам мавзолей был возведен около середины XIV в.

⁵¹ Васильев Д. В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. 2003. С. 110—119.

⁵² Егоров В. Л. Мавзолеи Водянского городища // СА. 1980. № 1. Рис. 6.

5.5. Об этнической принадлежности погребенных в мавзолее. По заключению антрополога А. А. Казарницкого, ближайшие аналогии мужскому черепу из грунтового погребения возле мавзолея с уплощенным лицом и слабо выступающим носом обнаруживаются среди городского населения Золотой Орды, тюркских кочевников доно-волжских и казахстанских степей и погребенных в Ханской усыпальнице и культурном слое Булгара. Женские черепа (погребение в мавзолее и погребение возле мавзолея) расположились среди серий южносибирского облика⁵³.

Погребения в мавзолее и за его пределами, несомненно, связаны с пришлым мусульманским населением. Склеп в мавзолее, судя по размерам здания и архитектурному декору, предназначался для погребения кочевой аристократии Орды. Видимо, им же могли принадлежать и вторичные погребения.

Как уже отмечалось, сохранившееся погребение в мавзолее не соответствует в полной мере каноническим требованиям ислама. Находки колокольчиков из разрушенных погребений свидетельствуют о наличии доисламских элементов в верованиях у людей, погребенных в мавзолее. Также с домусульманской традицией связаны обычай оставления покойнику монет⁵⁴ и положение одного из погребенных вверх лицом. Отступления от канонических требований ислама можно объяснить удаленностью мавзолеев у пос. Красный от центров Золотой Орды. Среднедонские мавзолеи маркировали крайний кочевой улус, среди населения которого доисламские верования сохранялись и во второй половине XIV в.

До работ археологической экспедиции ВГУ высказывалось предположение о наличии у пос. Красный крупного поселения, возможно, городского типа. Небольшое поселение действительно было выявлено. На нем могли проживать строители мавзолеев

⁵³ Казарницкий А. А. Краниологические материалы золотоордынского времени из Воронежской области // Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения). Ростов-на-Дону, 2013. С. 86.

⁵⁴ Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань, 2007. С. 141.

и те, кто обслуживал этот культовый центр. Остается сожалеть, что второй мавзолей, на котором провела небольшие по площади раскопки В. П. Левашева, недоступен для научного исследования. По иронии судьбы

на нем расположено современное христианское кладбище, а рядом — мусульманское кладбище турок-мехетинцев. Так в одном месте причудливо переплелись нити истории.

Глава 6. КОНЕЦ ВЛАДЫЧЕСТВА ОРДЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

С началом периода «великой замятни» в Орде относительно стабильная ситуация в Среднем Подонье начинает меняться. В 70—80-х гг. XIV в. ордынцы совершили несколько крупных нападений на Рязанскую землю (1373, 1378, 1382, 1388 гг.). Пути этих походов проходили по территории Среднего и Верхнего Подонья. Затронули Среднее Подонье и события 1380 г., как перед Куликовской битвой, так и, скорее всего, после нее. Как уже отмечалось, река Воронеж неоднократно упоминается в памятниках Куликовского цикла. Нестабильность ситуации в этом районе со времени «великой замятни» в Орде, видимо, привела к выпадению кладов ордынских дангов. Они были обнаружены у с. Воронцовка Павловского района, в Семилуках, Отрожке, в с. Девица Семилуцкого района Воронежской области. Безусловно, население Воронежского края (или скорее, его часть) пострадала во время похода Тамерлана, дошедшего до Ельца в 1395 г.

Для понимания последующих процессов в Подонье следует принимать во внимание начало неблагоприятных климатических условий второй половины XIV в. — наступал малый ледниковый период, апогей которого придется на следующие века. В летописях сохранились явные свидетельства его начала, характеризующегося резкими природно-климатическими колебаниями. Так, например, с 1360 по 1389 гг. для всей территории Руси отмечено семь засушливых лет, восемь — голодных и четыре года, когда были эпидемии⁵⁵. Эти негативные факторы могли привести к значительному снижению степени заселенности нашего края, что и нашло отражение в описании берегов Дона в «Пименовом хождении в Царьград» в 1389 г. Но в начале XV в. русские поселения еще существовали в нашем регионе, в частности в низовьях

р. Воронеж: поселения Шиловское, Ромашки, о чем речь шла выше. В это время мог еще существовать центр кочевого улуса у пос. Красный в Бобровском районе. А вот для периода второй половины XV — первой половины XVI в. в настоящее время отсутствует информативный корпус письменных и археологических источников. С распадом Золотой Орды ситуация на юге Восточной Европы дестабилизировалась. После татарского погрома 1414 г. прекращают существование город Елец и Елецкое княжество, владения которого доходили до семилуцкого участка течения Дона. Территория Воронежского края на время входит во владения Большой Орды, которая с 30-х годов XV в. была своего рода «правопреемницей» Орды Золотой. Центром Большой Орды был город Сарай в Нижнем Поволжье. Неоднократные походы татар Большой Орды на Московское и Рязанское княжества проходили через Центральное Черноземье, для которого в письменных источниках с этого времени все чаще стал использоваться термин «Поле», подчеркивая его незаселенность⁵⁶.

Татары Большой Орды могли эпизодически вести кочевое хозяйство на территории Воронежского края. Итальянский дипломат и путешественник Иосафат Барбаро, по торговым делам отправившийся в Тану в 1436 г. и остававшийся там 16 лет, описывает существовавшую у татар своеобразную форму земледелия⁵⁷. Судя по его свидетельству, татары Большой Орды, утратив былую мощь, начинают переходить к третьей стадии кочевания и заниматься в степи земледелием, выращивая не только пшеницу урожайностью до сам 50. Барбаро подробно описывает этот процесс — от посева в мар-

⁵⁵ Борисенков Е. П. Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII вв. Ленинград: Гидрометеиздат, 1983.

⁵⁶ Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

⁵⁷ Барбаро и Контарини о России. Ленинград, 1971. С. 150.

товское новолуние до уборки, причем замечает, что за посевами наблюдает сам хан, пока хлеба не созреют⁵⁸. О таких татарах он сообщает: *«Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду»*. Это важное свидетельство перехода кочевников к новому укладу, явно вынужденное и изменениями природно-климатической обстановки в сторону похолодания, но главным образом отказом от привычного для кочевников паразитического существования за счет поборов и грабежа соседних народов. К тому же появился новый претендент на владычество в степи — Крымское ханство. Оно не включало наши земли в свои владения, а использовало как проходной коридор для нападения на русские города и селения, лежавшие севернее.

В то же время на Среднем Дону продолжалась хозяйственная деятельность отдельных предприимчивых русских людей. На реке Воронеж они занимались бортничеством, рыбной ловлей весь XV в. Об этом свидетельствует договорная грамота рязанского князя Ивана Васильевича с братом Федором Васильевичем (1496 г.). В ней упоминаются «бортники с оброки» на р. Воронеж⁵⁹. Для дипломатических поездок и торговли использовался водный путь по Дону. Суда для этого строились на р. Красивая Меча⁶⁰.

В 1501 г. татары Большой Орды в последний раз упомянуты на территории Среднего Дона у устья р. Тихая Сосна⁶¹. Далее эта территория, судя по всему, становится «ничейной» вплоть до последней четверти XVI в. С этого времени она все прочнее входила в состав Русского государства, а значит, и в российскую историю.

⁵⁸ Барбаро И. Путешествие в Тану // Каспийский транзит. Москва, 1996. Т. 2. § 35.

⁵⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Москва ; Ленинград, 1950. С. 334, 335.

⁶⁰ Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья ... С. 30—31 ; Сборник Императорского Русского Исторического общества. Санкт-Петербург, 1884. Т. 41. С. 280, 403.

⁶¹ Загоровский В. П. Указ. соч. С. 34.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы бегло обозрели современную археологию Центрального-Черноземья России по берегам Среднего Дона. Этот обзор показал не только многообразие археологических культур и памятников, но и уникальность нашего региона по сравнению с другими. И дело не в том, что в Воронежской области находятся такие не имеющие аналогов памятники, как Костёнки или Дивногорье. На нашей территории открыты археологические культуры, которые в соседних регионах *вместе* не представлены. Например, с одной стороны, среднедонская культура скифского времени и сарматские памятники всех трех сарматских культур, а с другой — крепости Хазарского каганата, разновременные славянские, древнерусские и золотоордынские памятники, включая курганные погребения монгольской элиты и даже мусульманский мавзолей. Видимо, р. Дон была тем географическим рубежом, за которым начиналась Азия в широком смысле этого слова. До Дона и Хопра доходили (но редко переходили) народы с запада — из Поднепровья и более западных областей. Среднее Подонье было открыто для миграций скотоводов-кочевников с юга и юго-востока, которые приносили сюда артефакты и традиции из глубин Азии. Видимо, благодаря этому стыку, где постоянно проходили не только столкновения, но и диалог народов и культур, Донское пограничье и породило то богатейшее археологическое наследие, которое мы имеем.

Выяснилось, что за 40 тысяч с лишним лет существования на берегах Дона оставили свои следы не менее полутора сотен тысяч поколений людей. Миллионы памятников археологии до нас не сохранились или еще не найдены. Но в Государственный реестр историко-культурного наследия Российской Федерации на август 2021 г. поставлено всего... 3306 объектов археологии Воронежской области. Причина проста — сплошными разведками обследована едва ли десятая часть ее территории. При этом более половины из открытых памятников составляют курганные могильники.

В то же время по проведенным археологами ВГУ в Новохоперском районе сплошным разведкам 2012—2017 гг. выяснилось, что из-за его малонаселенности, а значит, более слабого антропогенного давления на археологические объекты, уцелело до 90 % кур-

ганных групп, нанесенных на карту съемки 1963 г., еще до начала глубокой тракторной распашки. В результате на ограниченной территории низовий р. Елань удалось найти не менее 600 сохранившихся в той или иной степени курганных насыпей. Так, по нашим подсчетам, в Правобережье Елани на 1 км² приходится четыре кургана, в Левобережье на водоразделе — не более одного кургана¹. Видимо, эти цифры достаточно близки к бывшей археологической реальности.

Конечно, новохоперские данные нельзя механически экстраполировать на всю Воронежскую область (54 200 км²). Мы возьмем лишь ту ее часть, где древние могли возводить курганы. Прежде всего, это черноземные степи — 84 % (43 859 км²) и пойменные луга — 4,6 % (2400 км²), итого 88,6 % площади области. На степных водоразделах в Донской лесостепи теоретически могло разместиться не менее 44 000 курганов, а в широких поймах рек, на лугах — 24 000 курганов². Как указывалось, в кургане могло быть одно погребение, но в эпоху бронзы под насыпью, как правило, находились помимо основного еще несколько захоронений (до 70 и более). При этом, судя по сопровождающему инвентарю, основная их масса (за исключением скифской эпохи), как правило, принадлежала рядовым скотоводам.

Все эти цифры — сугубо расчетные и, разумеется, существенно меньше числа курганов, насыпанных в древности с III тыс. по XIV в. н. э. Но в любом случае они противоречат основополагающему тезису А. Т. Синюка, что курганная традиция была свойственна лишь погребальному ритуалу вождей и их приближенных, а также жрецов³. Основную же, многократно более многочисленную массу рядового скотоводческого населения погребали

¹ Медведев А. П. Курганы в низовьях реки Елань. Воронеж, 2020. С. 257.

² По расчетам А. И. Гея, в Правобережье Кубани (район Кирпелей) на площади 2400 км² могло быть 2666 курганов в основном эпохи средней бронзы, что близко нашим результатам. См.: Гей А. И. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы (на примере новотитаровской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 78—97.

³ Синюк А. Т. Бронзовый век Дона. Воронеж, 1996. С. 16.

ли, по его мнению, без курганных насыпей. Но тогда где их останки? Если бы это было действительно так, то за более чем столетие раскопок воронежские археологи рано или поздно наткнулись бы на бескурганные могильники рядовых скотоводов, которых должно быть значительно больше, чем вождей и представителей культа. А этого до сих пор не произошло, если не считать единичных случаев открытия грунтовых могильников, обычно на поселениях, насчитывающих, как правило, несколько рядовых захоронений.

По мнению А. Т. Синюка, если на Среднем Дону в курганах эпохи бронзы погребалось бы все население, включая массу рядовых скотоводов, то количество курганов должно было превысить один миллион⁴. Он признает, что эта цифра в 15—20 раз превышает реальное количество курганов со всеми допусками на степень их разрушаемости, что в принципе совпадает с приведенными выше нашими расчетами. Но это не аргумент, что курганный обряд захоронения тогда был свойственен лишь представителям формирующейся социальной элиты, ее окружения и жречества. Это пример исторической интерпретации археологических источников, когда увлеченный исследователь находит в них информацию, которую сами эти источники в общем-то не содержали, а выводы а priori получены при помощи ряда допущений и предположений, недостаточно надежных.

Наш опыт раскопок целых курганных могильников бронзового века на р. Елань убеждает, что и в катакомбной, абашевской, и тем более в срубной культурах под курганными насыпями покоились в основном останки рядового населения, включая и детей⁵. И лишь единичные погребения имели признаки принадлежности к формирующейся военно-аристократической элите.

Для читателя, наверное, более интересно число археологических культур, за которыми всегда стоят некие человеческие сообщества, которые в разное время существовали на берегах Дона. По нашим, явно неполным подсчетам (процесс выделения новых культур не завершился, а продолжается и в наше время) количество только хорошо известных культур (без локальных вариантов и типов памят-

ников) перевалило за полусотню. Некоторые из них, в частности в верхнем палеолите, существовали тысячи лет. Изучены их отличительные черты, время бытования, хронология, установлено место в системе синхронных культур Европы. В результате выстроилась последовательная колонка археологических культур, которая, по существу, составляет хребет донской истории последних 40 тысяч лет — от появления здесь человека современного типа до начала XVI в.

Сейчас уже никто не осмелится говорить, что археология — это вспомогательная историческая наука. Кому она «помогает», если истории в классическом значении этого слова для территории Среднего Дона просто не было до XII в.? Вернее, она не попала на страницы письменных источников, в том числе летописей, в силу удаленности нашего региона от княжеских центров. Да и позднее мы, как правило, имеем единичные, «по случаю» упоминания отдельных эпизодов из истории нашего края вплоть до конца XVI в.

Здесь уместно еще раз напомнить выражение А. Клэфема: *«Археология начинается там, где кончается живая память»*. Мир недавнего прошлого сохраняется в нашей памяти, а вот мир всего доступного человечеству прошлого находится в руках археологов. До появления письменных источников примерно 5 тысяч лет назад история как наука просто не могла существовать (да и потребности в ней не было) из-за отсутствия источников информации о прошлом. Ее заменял миф, позднее — героический эпос. Ниже этого рубежа, а для большинства стран и позже, царствует археология вместе с антропологией, к которой в последние годы присоединилась и семимильными шагами идет историческая генетика. Для этих и других естественных наук раскапываемые археологами курганы и поселения представляют своего рода контейнеры самой разнообразной информации о прошлом, погребенной под насыпями и валами, о чем мы уже писали.

На наших глазах происходит становление качественно новой системы археологического знания, опирающейся не только на собственные методы, но, прежде всего, методы и данные естественных и точных наук. В этом смысле информативные возможности археологических источников оказываются практически неисчерпаемы, причем не только для археологов. Мы считаем, что многие

⁴ Синюк А. Т. Бронзовый век Дона. С. 290.

⁵ Медведев А. П. Курганы в низовьях реки Елань. С. 266, 269.

спорные проблемы, затронутые в этой книге, возникшие на основе анализа традиционных источников, будут сняты уже следующим поколением ученых в результате всестороннего привлечения данных естественных наук, в первую очередь — палеогенетических исследований человеческих останков, и... породят новые проблемы. Таков закон развития современной науки.

Если вернуться на нашу грешную землю, то первостепенная задача археологов (и государственных чиновников из органов охраны историко-культурного наследия) — сплошное археологическое обследование всей территории, о которой идет речь в нашей книге, или хотя бы территории Воронежской области. Во введении мы уже говорили о том, что археологические памятники — это *уходящая натура*. Наша страна очень богата нефтью, газом, другими ценными полезными ископаемыми. Их продают за доллары и евро. Не менее богата Россия и памятниками археологии. Но вся их беда в том, что они бесценны в прямом смысле этого слова. Лет тридцать назад Государственная дирекция по охране историко-культурного наследия Воронеж-

ской области попыталась разработать своего рода «ценник» на каждый тип памятников археологии с практической целью — юридически пресечь деятельность только что появившихся «черных» археологов. В нем содержались размеры штрафов за урон, нанесенный археологическим объектам, исходя из исторической ценности памятника и реального ущерба, выражающегося в степени его разрушения и разграбления. Но при полном равнодушии власть имущих это дело быстро завяло.

Между тем в любой западноевропейской, да и не только, стране давно осознали духовную и эстетическую ценность своего (и не только) археологического наследия. В Западной, да и Центральной Европе все памятники археологии давно поставлены на учет и отмечены специальными табличками — *что это за объект*. Они широко используются в туристической, образовательной и просветительной деятельности, на них регулярно проводят школьные уроки. Так приобщают детей к своим корням, что только и может стать источником не показного, лозунгового, а истинного патриотизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ

Авеста: Избранные гимны ; Из Видевдата / Пер. И. Стеблин-Каменского. — Москва : Дружба народов, 1993. — 205 с.

Аммиан Марцеллин. Римская история / Аммиан Марцеллин ; пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. — Санкт-Петербург, 1994.

Геродот. История в девяти книгах / Геродот ; пер. Г. А. Стратановского. — Ленинград : Наука, 1972. — 600 с.

Доватур А. И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Текст, перевод, комментарии / А. И. Доватур, Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. — Москва : Наука, 1982. — 455 с.

Зверев С. Е. Рукописный отчет о исследовании кургана с. Мазурки / С. Е. Зверев // Архив ЛОИА. — Фонд ИАК, 1899. Д. 66.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Иордан ; вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 512 с.

Коллекция Филипповских курганов из фондов музея археологии и этнографии ИЭУ УФИЦ РАН. — Уфа : Китап, 2018. — 395 с.

Плиний Старший. Естественная история // Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий / пер. и коммент. А. В. Подосинова, М. В. Скржинской. — Москва : Индрик, 2011. — 502 с.

Помпоний Мела. Хорография / Помпоний Мела ; ред. А. В. Подосинов. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — 512 с.

Псевдо-Скимн Хиосский. Землеописание. Азия / Псевдо-Скимн Хиосский ; пер. И. И. Бережкова // ВДИ. — 1947. — № 3. — С. 310—313.

Клавдий Птолемей. Географическое руководство / Клавдий Птолемей ; пер. А. И. Малеина // ВДИ. — 1948. — № 3. — С. 232—256.

Ригведа. Мандалы IX—X / Пер. Т. Я. Елизаренковой. — Москва : Наука, 1999. — 559 с.

Страбон. География : в 17 кн. / Страбон ; пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского. — Москва, 1994. — 943 с.

Стефан Византийский. Этника // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. — 1948. — № 3. — С. 583—593.

Стефан Византийский. Этника / Стефан Византийский ; пер. М. М. Холода // М. М. Холод, Г. Е. Лебедева, М. А. Морозов. Страницы из византийской лексикографической литературы: Стефан Византийский [«Этника»: Е] // Клио. — 2003. — № 2 (21). — С. 166—184.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии : сочинения : в 2 т. / Корнелий Тацит ; пер. А. С. Бобовича, ред. М. Е. Сергеев. — Москва, 1993. — Т. 1. — С. 353—373.

II. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. : [в 3 т.] / отв. ред. Б. Д. Греков. — Москва : изд-во АН СССР, 1964.

Барбаро и Контарини о России / И. Барбаро, А. Контарини ; ред. и пер. Е. Ч. Скржинской. — Ленинград : Наука. 1971. — 274 с.

Барбаро И. Путешествие в Тану / И. Барбаро // Каспийский транзит. — Москва : изд-во Дик-Дик (М), 1996. — Т. 2. — С. 125—180.

Де Рубрук Гильом. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук ; пер. А. И. Малеина. — Москва : Гос. изд-во географической литературы, 1957. — 270 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Отв. ред. С. В. Бахрушин. — Москва ; Ленинград : изд-во АН СССР, 1950. — 585 с.

Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста / Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн-Даста ; пер. Д. А. Хвольсон. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1869. — 199 с.

Каганкатвацци Моисей. История агванъ / Моисей Каганкатвацци. — Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1861. — 376 с.

Материалы для истории Воронежской и соседних губерний / под. ред. Л. Б. Вейнберга. — Воронеж : Тип. Губ. правления, 1891. Т. 2. — 203 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ред. А. Н. Насонов. — Москва ; Ленинград : изд-во АН СССР, 1950. — 642 с.

Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева. — Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. — 507 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. — Санкт-Петербург : Тип. Эдуарда Праца, 1846. — 267 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. — Санкт-Петербург : Тип. Эдуарда Праца, 1843. — 377 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 7. VII. Летопись по Воскресенскому списку / Под ред. А. С. Норова. — Санкт-Петербург : Тип. Эдуарда Праца, 1856. — 345 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 9. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. А. Ф. Бычкова. — Санкт-Петербург : Тип. Эдуарда Праца, 1862. — 256 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. А. Ф. Бычкова. — Санкт-Петербург : Тип. Министерства внутренних дел, 1885. — 244 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Под ред. С. Ф. Платонова. — Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1897. — 254 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 20. 1-я половина. Львовская летопись. Ч. 1 / Под ред. С. А. Адрианова. — Санкт-Петербург : Тип. М. А. Александрова, 1910. — 418 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 20. 2-я половина. Львовская летопись. Ч. 2. / Под ред. С. А. Адрианова. — Санкт-Петербург : Тип. М. А. Александрова, 1914. — С. 420—686.

Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века / Под ред. М. Н. Тихомирова. — Москва — Ленинград, 1949. — 464 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 38. Радзивилловская летопись / Изд. подг. М. Д. Приселковым. — Ленинград : Наука, 1989. — 177 с.

Сборник Императорского Русского Исторического общества. — Санкт-Петербург : тип. О. Елеонского и Ко. — Т. 41. — 638 с.

III. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия. Основы иранского языкознания : в 5 кн. / В. И. Абаев. — Москва : Наука, 1979. — С. 272—364.

Абаев В. И. Геродотовские skythai-georgoi / В. И. Абаев // ВЯ. — 1990. — № 2.

Акимов Д. В. Поселения позднеимского времени у с. Малая Трещевка / Д. В. Акимов, А. П. Медведев // Древности эпохи средневековья евразийской лесостепи. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 2008. — С. 21—31.

Акимов Д. В. Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы / Д. В. Акимов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов : мат. конференции. — Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 2012. — С. 163—179.

Акимов Д. В. Рец. на кн. «Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени». Москва : Ин-т археологии, 2004. — 330 с. (Раннеславянский мир ; вып. 6) / Д. В. Акимов, А. П. Медведев // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. — 2006. — № 1. — С. 108—110.

Александровский А. Л. Палеоэкология восточноевропейской лесостепи в голоцене по данным междисциплинарного анализа новых археологических памятников / А. Л. Александровский, А. А. Гольева // Научная конференция, посвященная М. П. Трунову : тез. докл. конф. — Липецк, 1995. — С. 34—35.

Алексеев А. Ю. Скифская хроника / А. Ю. Алексеев. — Санкт-Петербург : Петербургкомстат, 1992. — 206 с.

Алексеев А. Ю. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность / А. Ю. Алексеев, Н. К. Качалова, С. Р. Тохтасьев. — Санкт-Петербург : Институт Ермаков, 1993. — 123 с.

Алексеев В. П. Некоторые вопросы антропологической динамики древнего населения среднего течения Дона / Алексеев В. П. // Поселения срубной общности. — Воронеж, 1989. — С. 172—197.

Алексеева Т. И. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т. И. Алексеева, Л. П. Бужилова, А. З. Винников [и др.]. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. — 193 с.

Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья / А. Е. Алихова // МИА. — 1962. — № 113. — С. 86—129.

Аникович М. В. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии / М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин, Л. Б. Вишняцкий. — Санкт-Петербург : Нестор-история, 2007. — 336 с.

Аникович М. В. Человек и мамонт в палеолите Европы / М. В. Аникович, С. Н. Лисицын, Н. И. Платонова, В. В. Попов, А. Е. Дудин, И. В. Федюнин // Днепро-донская историко-культурная область. Ч. II. — Санкт-Петербург : ARS LONGA, 2019. — 388 с.

Антипина Е. Е. Археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону / Е. Е. Антипина // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : тр. Донской (Потуданской) археол. экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг. — Москва : ИА РАН, 2004. — С. 157—170.

Антипина Е. Е. Структура сельского хозяйства у населения Острой Луки Дона в середине I тыс. н. э. (археобиологическая реконструкция) / Е. Е. Антипина, Е. Ю. Лебедева // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2007. — Вып. 3. — С. 313—329.

Арсенова Н. Е. Лысогорский могильник конца I тыс. н. э.: первые результаты междисциплинарных исследований / Н. Е. Арсенова, Е. А. Клещенко, Д. В. Киселева // КСИА. — 2021. — Вып. 262. — С. 295—313.

Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до IV в. до н. э.) / М. И. Артамонов. — Ленинград : изд-во ЛГУ, 1974. — 156 с.

Афанасьев Г. Е. Исследование южного угла Маяцкой крепости 1977—1979 гг. / Г. Е. Афанасьев // Маяцкое городище : тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. — Москва : Институт археологии АН СССР, 1984. — С. 26—57.

Афанасьев Г. Е. О культуре населения донского левобережья середины VIII — нач. X в. / Г. Е. Афанасьев // Проблемы археологии и этнографии. — Ленинград : ЛГУ, 1985. — Вып. 3. — С. 85—93.

Афанасьев Г. Е. Донские аланы / Г. Е. Афанасьев. — Москва : Наука, 1993. — 184 с.

Афанасьев Г. Е. Эволюция теоретико-методологического подхода к изучению Маяцкого городища / Г. Е. Афанасьев // Дивногорский сборник : тр. Музея-заповедника «Дивногорье». — Воронеж, 2012. — Вып. 3. — С. 93—122.

Ахтырцев Б. П. Лесные палеопочвы Лысогорского могильника конца I тысячелетия н. э. / Б. П. Ахтырцев, А. Б. Ахтырцев // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи / ред. А. Д. Пря-

хин. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1987. — С. 67—77.

Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднееримской эпохи в нижнедонских степях / С. И. Безуглов ; отв. ред. М. Г. Мошкова // Проблемы современной археологии. — Москва : Таус, 2008. — С. 284—301.

Березуцкая Т. Ю. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты / Т. Ю. Березуцкая. — Воронеж, 2003. — 92 с.

Березуцкий В. Д. Новые данные о поздних кочевниках на левобережье Среднего Дона / В. Д. Березуцкий // Исследование памятников археологии Восточной Европы. — Воронеж : Воронежский гос. пед. ин-т, 1989. — С. 152—165.

Березуцкий В. Д. Очерки по археологии и древней истории Подонья / В. Д. Березуцкий. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 2003. — 162 с.

Березуцкий В. Д. Курганы на юге Воронежской области (курганный могильник II у пос. Дубрава) / В. Д. Березуцкий. — Воронеж : Воронежский гос. пед. ун-т, 2015. — 151 с.

Березуцкий В. Д. Медный котел из донского лесостепного Левобережья / В. Д. Березуцкий // КСИА. — 2019. — № 255. — С. 202—208.

Березуцкий В. Д. Новочигольские курганы / В. Д. Березуцкий. — Воронеж : изд-во «Научная книга», 2021. — 224 с.

Березуцкий В. Д. Древности Богучарского края / В. Д. Березуцкий, В. В. Кравец, Н. Л. Новиков. — Воронеж : Кварта, 2005. — 130 с.

Березуцкий В. Д. Россошанские курганы / В. Д. Березуцкий, А. М. Гринев. — Воронеж : ООО «Пресса ИПФ», 2008. — 174 с.

Березуцкий В. Д. Погребение алана-танаита на Среднем Дону / В. Д. Березуцкий, А. П. Медведев // тр. IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. — Казань : Отечество, 2014. — Т. 2. — С. 283—287.

Березуцкий В. Д. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону / В. Д. Березуцкий, В. В. Кравец // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. — 2016. — № 2. — С. 26—29.

Березуцкий В. Д. Острогжский клад (последняя треть — конец VII в. н. э.) / В. Д. Березуцкий, П. М. Золотарев, Е. А. Куцев // РА. — 2017. — № 1. — С. 131—140.

Березуцкий В. Д. Новые материалы древнеямной культурно-исторической общности в Нижнем Побитюжье / В. Д. Березуцкий, А. М. Скоробогатов // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. — 2018. — № 1. — С. 51—62.

Беседин В. И. Воронежская культура эпохи бронзы / В. И. Беседин // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1984. — С. 60—77.

Бессарабова З. Д. Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупопожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы / З. Д. Бессарабова // АСГЭ. — 1973. — Вып. 15. — С. 65—82.

Бессуднов А. А. Древнейший «верхний» палеолит Русской равнины: возраст и длительность существования стрелецкой культуры в Костёнках / А. А. Бессуднов, Р. Диннис, А. А. Сеницын, Н. Рейнольдс, А. Е. Дудин, А. А. Артюшенко, А. Р. Лада // тр. VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. 1. — Самара : СГСПУ, 2020. — С. 13—15.

Бессуднов А. А. Замятнинская археологическая культура поздней поры верхнего палеолита — миф или реальность? / А. А. Бессуднов // Camera Praehistorica. Археология и антропология. — 2019. — № 1 (2). — С. 36—69.

Бессуднов А. А. Костёнки 17 (ст. Спицына): новые данные о стратиграфии, хронологии и условиях залегания культурных слоев / А. А. Бессуднов, А. А. Сеницын, Р. Диннис, А. А. Артюшенко, А. Р. Лада, К. Н. Степанова, А. А. Малютина, М. А. Бессуднова, Е. А. Петрова, Е. Дука // Stratum plus. — 2021. — № 1. — С. 163—198.

Бессуднов А. Н. К вопросу о свидаерских и аренсбургских традициях в охотничьем вооружении населения каменного века лесостепного Подонья / А. Н. Бессуднов // Елец и его окрестности : тез. научной конференции. — Елец : изд-во Елецкого гос. ун-та, 1991. — С. 83—85.

Бессуднов А. Н. Некоторые результаты исследований палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону (2007—2011 гг.) / А. Н. Бессуднов, А. А. Бессуднов [и др.] // КСИА. — 2012. — № 227. — С. 144—154.

Бессуднов А. Н. К вопросу о переходе от палеолита к мезолиту на Верхнем и Среднем Дону / А. Н. Бессуднов, А. А. Бессуднов // Самарский научный вестник. — 2019. — № 3 (28). — С. 99—112.

Биджиев Х. Х. Хумаринское городище / Х. Х. Биджиев. — Черкесск : Ставропольское кн. изд-во, 1983. — 168 с.

Боковенко Н. А. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья / Н. А. Боковенко // Древние памятники Кубани : мат. семинара. — Новочеркасск : изд-во Краснодарского крайисполкома, 1990. — С. 166—174.

Борисенков Е. П. Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII вв. /

Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. — Ленинград : Гидрометеиздат, 1983. — 240 с.

Борисенков Е. П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. — Москва : Мысль, 1988. — 522 с.

Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона / П. И. Борисковский. — Москва—Ленинград : АН СССР, 1963. — 231 с.

Бочкарев В. С. Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве / В. С. Бочкарев // Преемственность и инновации в развитии древних культур : мат. методол. семинара Лен. отдел. Ин-та археологии. — Ленинград, 1981. — С. 22—27.

Бубенок О. Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.) / О. Б. Бубенок ; НАНУ, Ин-т востоковедения им. А. Крымского. — Киев : Истина, 2004. — 324 с.

Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии / Е. П. Бунятян. — Киев : Наук. думка, 1985. — 227 с.

Быков А. Я. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. / А. Я. Быков // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / ред. А. С. Тверитинова. — Москва : [Б. м.], 1974. — Т. III. — С. 26—71.

Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура VI—XI век / С. Ваклинов. — София : Наука и изкуство, 1977. — 461 с.

Валукинский Н. В. Разведка в Воронеже (1935 г.) / Н. В. Валукинский // Советская археология. — Москва — Ленинград. — 1937. — № 4. — С. 304—312.

Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы / С. Б. Вальчак. — Москва : Таус, 2009. — 291 с.

Васильев Д. В. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации / Д. В. Васильев // Ученые записки Астраханского государственного университета. — 2003. — С. 110—119.

Васильев Д. В. Захоронения в золотоордынских мусульманских мавзолеях (опыт статистической обработки) / Д. В. Васильев // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне : тез. докладов III Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931—2000). — Москва : Нумизматическая литература, 2006. — С. 117—118.

Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование) / Д. В. Васильев. — Астрахань : изд-во Астраханского ун-та, 2007. — 191 с.

Васильев С. В. Особенности строения скелета ребенка из погребения на стоянке Костенки 18 / С. В. Васильев [и др.] // Древнейший палеолит Костенок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе) : мат. межрегиональной научно-практической конференции. — Воронеж, 2019. — С. 97—102.

Васильева Д. Конструкция и техника стройки стен Маяцкой крепости / Д. Васильева // Маяцкий археологический комплекс : мат. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. — Москва : Ин-т археологии АН СССР, 1990. — С. 218—233.

Васильев И. Б. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи / И. Б. Васильев, А. Т. Синюк. — Куйбышев : изд-во КГПИ им. В. В. Куйбышева, 1985. — 117 с.

Веклич М. Ф. Основы палеоландшафтоведения / М. Ф. Веклич. — Киев: Наук. думка, 1990. — 189 с.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона / А. З. Винников. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1984. — 192 с.

Винников А. З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром / А. З. Винников // СА. — 1990. — № 3. — С. 124—137.

Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем Средневековье (VIII — начало XI века) / А. З. Винников. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1995. — 161 с.

Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XIII в. (Животинное городище на р. Воронеж) / А. З. Винников. — Воронеж : Кварта, 2014. — 395 с.

Винников А. З. Культовые комплексы Маяцкого селища / А. З. Винников, Г. Е. Афанасьев. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. — 190 с.

Винников А. З. Погребения средневековых кочевников в могильнике у с. Третьяки / А. З. Винников, К. Ю. Ефимов, М. В. Цыбин // Археология Доно-Волжского бассейна. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 1993. — С. 91—102.

Винников А. З. Средневековые материалы с поселения «Дрониha» / А. З. Винников, А. Т. Синюк, М. В. Цыбин // Средневековые памятники Поволжья / отв. ред. Г. И. Матвеева. — Самара : Самарский ун-т, 1995. — С. 130—138.

Винников А. З. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнева. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. — 214 с.

Винников А. З. Древние металлурги Поосколя (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры) / А. З. Винников, А. В. Степовой. — Воронеж : изд. полигр. центр ВГУ, 2012. — 229 с.

Винников А. З. Славянское городище у «Михайловского кордона» на р. Воронеж / А. З. Винников, М. В. Цыбин // Верхнедонской археологический сборник. — 2017. — Вып. 8. — С. 80—93.

Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE F343 и вторжение сарматов в Скифию / Ю. Г. Виноградов // ВДИ. — 1995. — № 1. — С. 104—124.

Воеводский М. В. Городища Верхней Десны. По исследованиям Деснинской экспедиции / М. В. Воеводский // КСИИМК. — 1949. — Вып. XXIV. — С. 67—77.

Воронина Р. Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши: конец IX — начало XI века / Р. Ф. Воронина. — Москва : Наука, 2007. — 162 с.

Воронежский телеграф / ред. Н. И. Коробка. — 1911. — № 76.

Ворошилов А. Н. Новые находки античных шлемов на северной периферии сарматского мира / А. Н. Ворошилов // SUMBOLA. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. — 2010. — Вып. 1 — С. 265—270.

Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов / Н. А. Гаврилюк. — Киев: Наук. думка, 1989. — 109 с.

Гавритухин И. О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово / И. О. Гавритухин // Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV—V в.) / А. М. Обломский [и др.] — Москва : ИА РАН, 2015. — С. 233.

Гак Е. И. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н. э. в лесостепном Подонье / Е. И. Гак. — Москва : Новый взгляд, 2019. — 169 с.

Гак Е. И. Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории Степного Предкавказья и на юго-востоке Русской равнины. Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V—II тыс. до н. э.) / Е. И. Гак // Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко : мат. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 74—79.

Гарустович Г. Н. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX — начала XV века) / Г. Н. Гарустович, А. И. Ракушкин, А. Ф. Яминов. — Уфа : Гилем, 1998. — 335 с.

- Гей А. И. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы (на примере новотитаровской и катакомбной культур Степного Прикубанья) / А. И. Гей // КСИА. — 1990. — Вып. 201. — С. 78—97.
- Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен / В. Ф. Генинг // СА. — 1977. — № 4. — С. 53—73.
- Генинг В. Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV—III вв. до н. э. по археологическим данным / В. Ф. Генинг // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. — Киев : Наук. думка, 1984. — С. 124—153.
- Герасимова М. М. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания (иллюстрированный каталог палеоантропологических находок в России и на смежных территориях) / М. М. Герасимова, С. Н. Астахов, А. А. Величко. — Санкт-Петербург : Нестор-история, 2007. — 240 с.
- Гиндин Л. А. Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа (Геродот, кн. IV) / Л. А. Гиндин // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. — Москва : Наука, 1984. — С. 36—41.
- Голотвин А. Н. Некоторые результаты археологического обследования памятника природы «Чернышева гора» на Верхнем Дону / А. Н. Голотвин // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2014. — Вып. 6. — С. 546—583.
- Гончарова Л. Ю. Первичная реставрация золотых аппликаций из Липецкого кургана / Л. Ю. Гончарова // Археологическое изучение Центральной России : тез. Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка / отв. ред. А. Н. Бессуднов. — Липецк, 2006. — С. 231—236.
- Горбунов В. С. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии / В. С. Горбунов, Р. Б. Исмаилов // СА. — 1976. — № 3. — С. 229—247.
- Горелик А. Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) / А. Ф. Горелик // Материалы каменного века на территории Украины. — Киев : Наук. думка, 1984. — С. 4—23.
- Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России / В. А. Городцов // Отчёт Российского исторического музея в Москве за 1914 г. — Москва : Синодальная типография, 1915. — С. 121—228.
- Граков Б. Н. Скифы / Б. Н. Граков. — Москва : изд-во Московского гос. ун-та, 1971. — 170 с.
- Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э. А. Грантовский. — Москва : Наука, 1970. — 396 с.
- Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии / Э. А. Грантовский. — Москва : Восточная литература, 1998. — 343 с.
- Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев. — Тула : Гриф и К, 2000. — 263 с.
- Грищенко М. Н. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона / М. Н. Грищенко. — Москва : Наука, 1976. — 226 с.
- Грязнов М. П. Курганы как архитектурный памятник / М. П. Грязнов // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1960 г. — Москва : Наука, 1961. — С. 22—25.
- Гуляев В. И. «Амазонки» на Среднем Дону (новые находки в скифских курганах Воронежщины) / В. И. Гуляев // Природа. — 1995. — № 5. — С. 32—42.
- Гуляев В. И. «Золотой» курган скифского времени на Среднем Дону / В. И. Гуляев // Сибирь в панораме тысячелетий. — Новосибирск : изд-во Сиб. отдел. РАН, 1998. — Т. 1. — С. 157—164.
- Гуляев В. И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени / В. И. Гуляев // Археология Среднего Дона в скифское время : тр. Потуданской археол. экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг. — Москва : ИА РАН, 2001. — С. 28—29.
- Гуляев В. И. «Амазонки» на Среднем Дону / В. И. Гуляев // Археологические памятники Восточной Европы : сб. статей. — Воронеж : Воронежский гос. пед. ун-т, 2002. — С. 125—134.
- Гуляев В. И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов) / В. И. Гуляев. — Москва : ИА РАН, 2010. — 342 с.
- Гуляев В. И. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание / В. И. Гуляев. — Москва : ИА РАН, 2016. — 104 с.
- Гуляев В. И. Будиния или Скифия на Среднем Дону / В. И. Гуляев // Археологія і давня історія України. — 2019. — Вип. 2 (31). — С. 33—66.
- Гуляев В. И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону / В. И. Гуляев, Е. И. Савченко // РА. — 1995. — № 1. — С. 115—132.
- Гущина И. И. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье / И. И. Гущина, И. П. Засека. — Санкт-Петербург : Фарн, 1994. — 172 с.

Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи / М. Н. Дараган. — Киев : КНТ, 2011. — 848 с.

Дебец Г. Ф. Черепа из курганов Среднего Подонья / Г. Ф. Дебец // МИА. — 1969. — № 151. — С. 38—40.

Демещенко С. Венера из Костёнок: загадки палеолита / С. Демещенко // National Geographic. — 2009. — № 66 (март). — С. 56—62.

Демкин В. А. Почвенно-ландшафтные условия Северо-Западного Прикаспия / В. А. Демкин, А. В. Лукашев // РА. — 1993. — № 4. — С. 43—53.

Диннис Р. Древнейший «верхний» палеолит Русской равнины: возраст и длительность существования стрелецкой культуры в Костенках / Р. Диннис, А. А. Сеницын, А. Е. Дудин [и др.] // Труды VI (XXII) Всерос. АС в Самаре I : мат. конференции. — Самара, 2020. — С. 13—14.

Древнерусское государство и его международное значение / А. П. Новосельцев [и др.]. — Москва : Наука, 1965. — 476 с.

Добровольская М. В. К антропологии Среднего Дона в скифское время / М. В. Добровольская // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : тр. Донской (Потуданской) археол. экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг. — Москва : ИА РАН, 2004. — С. 69—106.

Добровольская М. В. Травматические повреждения на скелетных останках людей из курганных некрополей Среднего Дона / М. В. Добровольская // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : тр. Донской археол. экспед. ИА РАН, 2004—2008 гг. — Москва : ИА РАН, 2009. — С. 186—197.

Дудин А. Е. Третий костно-земляной жилой комплекс стоянки Костенки 11/1а / А. Е. Дудин, И. В. Федюнин // Человек и мамонт в палеолите Европы. Ч. II. Днепро-донская историко-культурная область. — Санкт-Петербург : ARS LONGA, 2019. — С. 221—235.

Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») / И. М. Дьяконов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). — Москва : Наука, 1981. — С. 90—100.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. / В. Л. Егоров. — Москва : Наука, 1985. — 245 с.

Егоров В. Л. Мавзолеи Водянского городища / В. Л. Егоров // СА. — 1980. — № 1. — С. 74—89.

Ельников М. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы / М. Ельников //

Татарская археология. — 2001. — № 1—2 (8—9). — С. 142—187.

Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей / В. В. Енуков. — Курск : Учитель, 2005. — 352 с.

Ефименко П. П. Древнерусские поселения на Дону / П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков // МИА. — 1948. — Вып. 8. — 128 с.

Ефименко П. П. Значение женщины в ориньякскую эпоху / П. П. Ефименко. — [Москва] : ОГИЗ, 1931. — 73 с.

Ефименко П. П. Первобытное общество (очерки по истории палеолитического времени) / П. П. Ефименко. — Киев : АН Укр. ССР, 1953. — 664 с.

Ефимов К. Ю. Работы по р. Карачан / К. Ю. Ефимов // АО. — 1983. — Москва, 1985. — С. 55.

Ефимов К. Ю. Позднекочевническое захоронение в лодке у с. Старая Калитва / К. Ю. Ефимов // Проблемы археологии бассейна Дона. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 1999. — С. 230—234.

Ефимов К. Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» / К. Ю. Ефимов // РА. — 2000. — № 1. — С. 167—182.

Ефимов К. Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» / К. Ю. Ефимов // Донская археология. — 1999. — № 3—4. — С. 93—108.

Ефимов К. Ю. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки / К. Ю. Ефимов // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. (Археология восточноевропейской лесостепи). — 1998. — Вып. 12. — С. 19—35.

Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж» / В. П. Загоровский. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1977. — 102 с.

Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В. П. Загоровский. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. — 269 с.

Замятнин С. Н. Раскопки у села Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) / С. Н. Замятнин // Известия ГАИМК. — 1935. — Вып. 118. — 63 с.

Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910—1915 гг.) / С. Н. Замятнин // Советская археология. — 1946. — Вып. VIII. — С. 9—50.

Засецкая И. П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье / И. П. Засецкая // ТГЭ. — 1979. — Вып. XX. — С. 87—113.

- Засецкая И. П.* О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля / И. П. Засецкая // ВДИ. — 2006. — № 2. — С. 97—130.
- Засецкая И. П.* Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад / И. П. Засецкая. — Санкт-Петербург : изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. — 328 с.
- Захарова Е. Ю.* Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы / Е. Ю. Захарова. — Воронеж : ЦЧКИ, 2000. — 163 с.
- Захарова Е. Ю.* Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) / Е. Ю. Захарова, С. К. Кондратьева // Труды музея-заповедника «Дивногорье». — Воронеж : Кварта. 2011. — № 2. — 215 с.
- Зиньковская И. В.* Бронзовые выемчатые эмали в бассейне Дона / И. В. Зиньковская, А. Ю. Колесникова. — Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2021. — 184 с.
- Золотарев П. М.* Находки долбленых лодок на территории Верхнего и Среднего Дона / П. М. Золотарев // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 2005. — Вып. 11. — С. 80—81.
- Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / А. И. Иванчик. — Москва : Палеограф, 2001. — 324 с.
- Ильинская В. А.* Скифия VII—IV вв. до н. э. / В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин. — Киев : Наук. думка, 1983. — 379 с.
- Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья / В. А. Ильинская. — Киев : Наук. думка, 1968. — 203, [65] с.
- Казарницкий А. А.* Краниологические материалы золотоордынского времени из Воронежской области / А. А. Казарницкий // Население Юга России с древнейших времен до наших дней : Междунар. науч. конф. (Донские антропологические чтения). — Ростов-на-Дону, 2013. — С. 82—87.
- Калинина Т. М.* Вантит средневековых арабских писателей: попытки идентификации / Т. М. Калинина // Восточная Европа в древности и Средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. — Москва : ИВИ, 2000. — С. 198—207.
- Кашина Е. А.* Археологические находки долбленых лодок на территории Восточной Европы (иллюстрированный каталог) / Е. А. Кашина, А. В. Огороков, Е. И. Гак // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. — Москва : Институт Наследия, 2021. — Т. 1. — С. 61—109.
- Кашина Е. А.* Долбленая лодка с Дона в экспозиции Государственного исторического музея: история находки и проблема датировки / Е. А. Кашина // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2017. — № 1. — С. 76—82.
- Кеппен П. И.* О курганах / П. И. Кеппен // Изв. Таврич. Уч. архив. комиссии. — 1908. — № 42. — С. 1—41.
- Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. / А. Н. Кирпичников // САИ. Вып. Е1-36. — 1973. — 138 с.
- Клейн Л. С.* Время кентавров. Степная прародина греков и ариев / Л. С. Клейн. — Санкт-Петербург : Евразия, 2010. — 496 с.
- Клюкойть А. А.* Охранные раскопки в исторической части города Липецка (Петровский проезд, д. 1) / А. А. Клюкойть // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2016. — Липецк, 2017. — С. 179—180.
- Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит: Время. Жизнь. Книги / Г. С. Кнабе. — Москва : Наука, 1981. — 206 с.
- Кобычев В. П.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. / В. П. Кобычев. — Москва : Наука, 1982. — 195 с.
- Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана / А. П. Ковалевский. — Харьков : Изд-во Харьковского ун-та, 1956. — 347 с.
- Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге / Г. Т. Ковпаненко. — Киев : Наук. думка, 1986. — 149 с.
- Ковпаненко Г. Т.* К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье / Г. Т. Ковпаненко, С. А. Скорый // СА. — 1988. — № 2. — С. 73—83.
- Кожемякин А. В.* Рубрук в Среднем Подонье / А. В. Кожемякин // Из истории Воронежского края. — Воронеж, 1966. — Вып. 64. — С. 46—53.
- Козинцев А. Г.* Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение / А. Г. Козинцев // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2007. — № 4 (32). — С. 143—157.
- Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке / П. К. Коковцев. — Ленинград : изд-во АН СССР, 1932. — 134 с.
- Колчин Б. А.* Археологические источники и методика исследования / Б. А. Колчин, А. В. Куза // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. — Москва : Наука, 1985. — С. 29—38.

Комар А. История и археология древних мадьяр в эпоху миграций / А. Комар. — Budapest, 2018. — 424 с.

Комаров К. И. Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону / К. И. Комаров // КСИА. — 1972. — Вып. 129. — С. 47—49.

Котляревский А. О. О погребальных обычаях языческих славян / А. О. Котляревский. — Москва : К. А. Попов, 1868. — 252 с.

Кравец В. В. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганный группе «Высокая гора» на юге Воронежской области / В. В. Кравец, В. Д. Березуцкий, А. А. Бойков // Донская археология. — 2000. — № 3—4. — С. 114—127.

Кравец В. В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды / В. В. Кравец. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 2005. — 225 с.

Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения / Н. Н. Крадин // Ранние формы политической организации / отв. ред. В. А. Попов. — Москва : Восточная литература, 1995. — С. 11—61.

Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды / М. Г. Крамаровский. — Санкт-Петербург : Славия, 2001. — 363 с.

Крамаровский М. Г. Новые материалы по истории ранних Джучидов (Источниковедческие аспекты) / М. Г. Крамаровский. — Казань : Мастер Лайн, 2002. — С. 43—81.

Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство лесной полосы Восточной Европы / Ю. А. Краснов. — Москва : Наука, 1971. — 165 с.

Кропоткин В. В. Караванные пути в Восточной Европе / В. В. Кропоткин // Кавказ и Восточная Европа в древности. — Москва : Наука, 1973. — С. 226—230.

Круглов Е. В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего Средневековья / Е. В. Круглов // Степи Европы в эпоху Средневековья. — Донецк, 2005. — С. 73—142.

Кузнецова Т. М. Скифские цари и номархи — «держатели котлов» // Stratum plus. — 2018. — № 3. — С. 17—56.

Кузнецова Т. М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) / Т. М. Кузнецова // Проблемы современной археологии. — Москва, 2008. — С. 173—198.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Е. Е. Кузьмина. — Москва : МГП «Калина», 1994. — 463 с.

Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг / Е. Е. Кузьмина. — Москва : Летний сад, 2008. — 558 с.

Кулланда С. В. Скифы: язык и этногенез / С. В. Кулланда. — Москва : Русский фонд образования и науки, 2016. — 232 с.

Кызласов И. Л. Рунические надписи Маяцкого городища / И. Л. Кызласов // Маяцкий археологический комплекс. — Москва : ИА РАН, 1990. — С. 10—40.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / В. В. Латышев // ВДИ. — 1948. — № 3.

Лебедева Е. Ю. Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время / Е. Ю. Лебедева // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : тр. Донской (Потуданской) археол. экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг. — Москва : ИА РАН, 2004. — С. 188—195.

Левашева В. П. Золотоордынские памятники в Воронежской области / В. П. Левашева // Труды ГИМ. — Москва, 1960. — Т. 37. — С. 175—185.

Левенок В. П. Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры / В. П. Левенок // МИА. — 1966. — № 126. — С. 88—98.

Левенок В. П. К вопросу о новом районе городищ культуры / В. П. Левенок, В. Г. Мионов // СА. — 1976. — № 2. — С. 15—32.

Левенок В. П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. П. Левенок. — Ленинград : ЛОИА, 1969. — 19 с.

Лелеков Л. А. Скифский рассказ Геродота: фольклорные элементы и историческая информативность / Л. А. Лелеков, Д. С. Раевский // Народы Азии и Африки. — 1979. — № 6. — С. 68—78.

Либеров П. Д. Статуэтка собаки из кургана у с. Мастюгино / П. Д. Либеров // КСИА. — 1962. — № 89. — С. 60—65.

Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / П. Д. Либеров // САИ. Вып. Д1-31. — Москва, 1965. — 112 с.

Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных / П. Д. Либеров // МИА. — 1969. — № 151. — С. 5—26.

Либеров П. Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время / П. Д. Либеров // МИА. — 1971. — № 177. — С. 103—115.

Либеров П. Д. Древняя история населения Подонья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / П. Д. Либеров. — Москва, 1971. — 57 с.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира» / Б. А. Литвинский. — Москва : Наука, 1972. — 269 с.

Любичев М. В. О культурной принадлежности памятников поздне римского времени типа Каширки—Седелок / М. В. Любичев // Верхнедонской археологический сборник. — 2010. — Вып. 5. — С. 51—69.

Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 годов / Н. Е. Макаренко // ИАК. Вып. 43. — Санкт-Петербург : Гл. управление уделов, 1911. — 130 с.

Максименко В. Е. Сарматы и сарматы на Нижнем Дону / В. Е. Максименко. — Ростов-на-Дону : изд-во Ростовского ун-та, 1983. — 224 с.

Максименко В. Е. Сарматы: античная традиция и археологические данные / В. Е. Максименко // Доклад, прочитанный на I Смирновских чтениях 27.XI.1995. — Москва, 1995.

Малашев В. Ю. Периодизация ременной гарнитуры познесарматского времени / В. Ю. Малашев // Сарматы и их соседи на Дону. — Ростов-на-Дону : Терра, 2000. — С. 194—217.

Малов Н. М. Золото и серебро в срубной культурно-исторической области / Н. М. Малов // Поволжский край. Проблемы истории и археологии саратовского Поволжья. — 2000. № 11. — С. 27—53.

Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам собрания Государственного Эрмитажа / А. П. Манцевич // АСГЭ. — 1973. — № 15. — С. 12—46.

Мароньский С. Гелоны Геродота — не пруско-литовский народ / С. Мароньский // Приложение к кн. Семенович В. Н. Гелоны и мордва. Вып. 1. — Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1913. — 256 с.

Марченко И. И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани) / И. И. Марченко. — Краснодар : изд-во Кубанского гос. ун-та, 1996. — 336 с.

Массон В. М. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи / В. М. Массон // Элитные курганы степей Евразии : сб. статей (Археологические изыскания. Вып. 18). — Санкт-Петербург, 1994. — С. 1—8.

Мастыкова А. В. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону / А. В. Мастыкова, Г. Л. Земцов // КСИА РАН. — 2014. — Вып. 234. — С. 200—222.

Матвеев Ю. П. Поселение эпохи бронзы Рыкань-2 / Ю. П. Матвеев, Ю. Г. Екимов // Ар-

хеология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1980. — С. 94—102.

Матвеев Ю. П. История населения среднедонской катакомбной культуры : дис. ... канд. ист. наук / Ю. П. Матвеев. — Москва : ИА АН СССР, 1982. — 246 с.

Матвеев Ю. П. Курганы у с. Губари / Ю. П. Матвеев // Археологические исследования высшей педагогической школы (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета) : мат. конференции. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 1996. — С. 130—147.

Матвеев Ю. П. Таганский грунтовой могильник / Ю. П. Матвеев, М. В. Цыбин. — Воронеж : изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. — 78 с.

Матолчи Я. Кости животных с городища, селища и могильника (1978—1979 гг.) / Я. Матолчи // Маяцкое городище : Тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / ред. С. А. Плетнева. — Москва : Наука, 1984. — С. 237—260.

Махортых С. В. Культура та історія киммерійців Північного Причорномор'я / С. В. Махортых. — Киев : ІА НАН України, 2008. — 380 с.

Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—VI вв. / Д. А. Мачинский // АСГЭ. — 1976. — № 17. — С. 82—100.

Мачинский Д. С. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья / Д. С. Мачинский // Кочевники Евразийских степей и Античный мир. — Новочеркасск, 1989. — С. 7—30.

Медведев А. П. К вопросу об идентификации р. Танаис по данным Птолемея / А. П. Медведев // Историческая география Черноземного центра России : сб. статей. — Воронеж, 1989. — С. 149—156.

Медведев А. П. К предыстории среднедонской культуры скифского времени / А. П. Медведев // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1989. — С. 84—85.

Медведев А. П. Сарматы и лесостепь: по материалам Подонья / А. П. Медведев. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1990. — 220 с.

Медведев А. П. Посульские и среднедонские курганы скифского времени / А. П. Медведев // Историко-культурна спадщина Глухівщини. — Глухів, 1992. — С. 71—73.

Медведев А. П. Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени / А. П. Медведев // Античная цивилизация и варварский мир : мат. конференции. — Новочеркасск, 1992. — С. 127—137.

Медведев А. П. О направлениях миграций древнего населения в Подонье в раннем железном веке (в связи с изменением природно-климатических условий) / А. П. Медведев // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке : тез. научной конференции. — Тула, 1993. — С. 47—49.

Медведев А. П. О времени появления славян на Дону / А. П. Медведев // Археология и история Юго-Востока Руси : тез. конф. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1993. — С. 24—26.

Медведев А. П. Об атрибуции «жреческих» погребений у ираноязычных номадов II—I тысячелетия до н. э. / А. П. Медведев // Исторические записки. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 165—171.

Медведев А. П. Новые находки скифо-сарматского времени на Среднем Дону / А. П. Медведев, Н. В. Душутин // Древности Волго-Донских степей. — Вып. 6. — Волгоград, 1998. — С. 64—69.

Медведев А. П. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н. э.) / А. П. Медведев // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. — Воронеж, 1998. — С. 42—84.

Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. / А. П. Медведев. — Москва : Наука, 1999. — 158 с.

Медведев А. П. К проблеме этнокультурной принадлежности населения срубной общности / А. П. Медведев // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. — Воронеж, 2000. — С. 35—39.

Медведев А. П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени / А. П. Медведев // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2001. — Вып. 2. — С. 4—14.

Медведев А. П. Курган скифского времени у с. Абрамовка / А. П. Медведев, К. Ю. Ефимов // Археология Среднего Дона в скифское время : тр. Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг. — Москва : ИА РАН, 2001. — С. 202—210.

Медведев А. П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону: проблемы этнокультурной интерпретации / А. П. Медведев // ВДИ. — 2002. — № 3. — С. 154—167.

Медведев А. П. «Степная цивилизация» или «степная альтернатива цивилизации»? / А. П. Медведев // Исторические записки. — 2003. — Вып. 9. — С. 101—114.

Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии : монография / А. П. Медведев. — Воронеж : Истоки, 2004. — 143 с.

Медведев А. П. О «скифах» на Среднем Дону / А. П. Медведев // Скифы и сарматы в VIII—III вв. до н. э. : 2-я Международная конференция, посвященная памяти Б. Н. Гракова : тез. докл. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 26—31.

Медведев А. П. К оценке савромато-сарматских элементов в среднедонской культуре скифского времени / А. П. Медведев // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : 1-я Международная Нижневолжская археологическая конференция, Волгоград, 1—5 ноября 2004 г. : тез. докладов. — Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2004. — С. 159—163.

Медведев А. П. Новый аспект этногеографии Древней Скифии (меланхлены и будины) / А. П. Медведев // Исторические записки. — 2005. — № 11. — С. 92—103.

Медведев А. П. Лесостепное Подонье накануне Средневековья / А. П. Медведев // Средневековые древности Дона : материалы и исследования по археологии Дона. — Москва—Иерусалим : Гешарим, 2007. — С. 11—24.

Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса / А. П. Медведев. — Москва : Таус, 2008. — 235 с.

Медведев А. П. Салтовское погребение на р. Воронеж / А. П. Медведев // Дивногорский сборник. Археология. — Воронеж, 2009. — Вып. 1. — С. 83—89.

Медведев А. П. Раннесарматское погребение у хут. Луговой на Среднем Дону / А. П. Медведев, В. Н. Ковалевский // Восточноевропейские древности скифской эпохи. — Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2011. — С. 228—236.

Медведев А. П. Курганы в лесостепи: итоги и перспективы исследования (по материалам Среднего Подонья) / А. П. Медведев // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. — 2014. — № 2. — С. 12—19.

Медведев А. П. «Великая Скифия» (критический анализ одного из понятий современной скифологии) / А. П. Медведев // Скифия: Образ и историко-культурное наследие : мат. конференции. — Москва : ИВИ, 2015. — С. 162—167.

Медведев А. П. О начале раннего железного века на Среднем Дону / А. П. Медведев, Р. С. Берестнев // Археологія і давня історія України. — Київ, 2019. — Вып. 2. — С. 92—101.

Медведев А. П. О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону / А. П. Медведев, В. Д. Березуцкий // Вестник

ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2018. — № 3. — С. 138—152.

Медведев А. П. Об одном из источников золотодобычи на р. Елани в позднем бронзовом веке (импактиты) / А. П. Медведев, А. В. Жабин // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. — 2019. — № 3. — С. 5—20.

Медведев А. П. Курганы в низовьях реки Елань / А. П. Медведев. — Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2020. — 340 с.

Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке / О. Н. Мельниковская. — Москва : Наука, 1967. — 195 с.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов / А. И. Мелюкова // САИ. Вып. Д1-4. — Москва : Наука, 1964. — 91 с.

Меркулов А. Н. Хозяйственная деятельность скифоидного населения Пекшевского городища / А. Н. Мекулов // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. Номер журнала посвящен 70-летию юбилею профессора Александра Павловича Медведева. — 2020. — № 1 (3). — С. 224—227.

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья / Н. Я. Мерперт. — Москва : Наука, 1974. — 151 с.

Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР / Ф. Н. Мильков. — Москва : Мысль, 1977. — 293 с.

Мильков Ф. Н. Среднерусское Белогорье / Ф. Н. Мильков. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1985. — 239 с.

Милютин А. И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище / А. И. Милютин // ИАК. — 1909. — № 29. — С. 153—163.

Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем Средневековье / Д. Е. Мишин. — Москва : ИВ РАН; Крафт+, 2002. — 364 с.

Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у лесостепу Східної Європи / О. Д. Могилов. — Київ; Кам'янець Подільський : ІА НАНУ, 2008. — 439 с.

Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в Русские земли в 1150—1153 гг. / А. Л. Монгайт // История СССР. — 1950. — № 1. — С. 169—181.

Монгайт А. Л. Старая Рязань / А. Л. Монгайт // МИА. — Москва : АН СССР, 1955. — Вып. 49. — 228 с.

Моргунова Н. Л. Памятники древнейшей культуры на Илеке / Н. Л. Моргунова, А. Ю. Кравцов. — Екатеринбург : Наука, 1994. — 151 с.

Моруженко А. А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья

Днепра и Дона скифского времени / А. А. Моруженко // СА. — 1989. — № 4. — С. 25—40.

Москаленко А. Н. Городище Титчиха / А. Н. Москаленко. — Воронеж : изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1965. — 310 с.

Москаленко А. Н. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. / А. Н. Москаленко // КСИИМК. — 1956. — Вып. 62. — С. 84—94.

Москаленко А. Н. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население Среднего и Верхнего Дона / А. Н. Москаленко // Проблемы археологии и древней истории угров. — Москва, 1972. — С. 189—196.

Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Боршевская культура) / А. Н. Москаленко. — Воронеж : изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1981. — 161 с.

Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону / А. Н. Москаленко // Вопросы истории славян. — Воронеж, 1966. — Вып. 2. — С. 114—144.

Моця А. П. Общие закономерности торгово-экономических взаимоотношений Киева и Булгара в IX—XII вв. / А. П. Моця // Путь из Булгара в Киев // [мат. науч. конф., 26—27 февр. 1991 г. / Сост. и отв. ред. А. Х. Халиков]. — Казань : Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова, 1992. — С. 6—12.

Моця А. П. Булгар — Киев. Пути — связи — судьбы / А. П. Моця, А. Х. Халиков. — Киев : ИА НАНУ, 1997. — 192 с.

Мурзин В. Ю. Девичьи дружины у савроматов и скифов / В. Ю. Мурзин, Е. Е. Фиалко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1999. — С. 206—209.

Народы Австралии и Океании / С. А. Токарев [и др.]. — Москва : АН СССР, 1956. — 852 с.

Нейхард А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии / А. А. Нейхард. — Ленинград : Наука. Ленинградское отд., 1982. — 240 с.

Никольская Т. И. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. / Т. И. Никольская // МИА. — Москва : изд-во АН СССР, 1959. — № 72. — 152 с.

Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т. И. Алексеева, А. П. Бужилова, А. З. Винников [и др.] ; отв. ред. А. Д. Пряхин. — Воронеж : изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — 193 с.

Обломский А. М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени / А. М. Обломский // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк : изд-во ЛГПУ, 2001. — Вып. 2. — С. 122—140.

Обломский А. М. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германика на восток / А. М. Обломский // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. — Тула : Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2008. — Вып. 1. — С. 142—162.

Обломский А. М. Этнокультурные и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения) / А. М. Обломский // Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V вв.). — Москва : ИА РАН, 2015. — С. 296—308.

Обломский А. М. О расселении ранних славян на восток в римское время / А. М. Обломский // РА. — 2017. — № 3. — С. 78—84.

Обломский А. М. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье / А. М. Обломский // Древности. Исследования. Проблемы : сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Stratum plus, 2018. — С. 335—387.

Обломский А. М. Хронология памятников типа Каширки — Седелок на Дону и некоторые проблемы их изучения / А. М. Обломский // Між Сходом та Заходом (Inter Orientem et Occidentem). Серія: Остроготика / ред. М. В. Любичев и К. В. Мызгин. — Харків : ХНУ, 2020. — Т. 3. — С. 122—140.

Обломский А. М. Поселение позднеримского и гуннского времени Ксизово-19 / А. М. Обломский, И. А. Козмирчук // Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V вв.). — Москва : ИА РАН, 2015. — С. 76—79.

Ольховский В. С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным / В. С. Ольховский // СА. — 1978. — № 4. — С. 83—97.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.) / В. С. Ольховский. — Москва : Наука, 1991. — 253 с.

Онайко Н. А. Аполлон Гиперборейский / Н. А. Онайко // История и культура Античного мира. — Москва : Наука, 1977. — С. 153—159.

Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V вв.) / А. М. Обломский [и др.]. — Москва : ИА РАН, 2015. — 659 с.

Патрушев В. С. У истоков волжских финнов / В. С. Патрушев. — Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1989. — 99 с.

Петраускас О. В. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) / О. В. Петраускас // Археологія і давня історія України. — Київ, 2010. — Вып. 2. — С. 191—207.

Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. / В. Г. Петренко. — Москва : Наука, 1978. — 141 с.

Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время / С. А. Плетнева // КСИА. — 1964. — № 99. — С. 24—33.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева // МИА. — Москва : Наука, 1967. — № 142. — 198 с.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния / С. А. Плетнева // САИ. Вып. Е1-2. — 1974. — 199 с.

Плетнева С. А. Половецкая земля / С. А. Плетнева // Древнерусские княжества X—XIII вв. — Москва, 1975. — С. 260—300.

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья / С. А. Плетнева. — Москва : Наука, 1982. — 188 с.

Плетнева С. А. Средневековые «амазонки» в европейских степях / С. А. Плетнева // Археологические памятники степного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. — Воронеж, 1983. — С. 9—20.

Плетнева С. А. Итоги работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / С. А. Плетнева // Советская археология в XI пятилетке : Всесоюзная конференция : тез. пленарных докладов. — Москва : ИА АН СССР, 1983. — С. 220—222.

Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища / С. А. Плетнева // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. — Москва, 1984. — С. 57—94.

Плетнева С. А. Донские половцы / С. А. Плетнева // «Слово о полку Игореве» и его время. — Москва, 1985. — С. 249—281.

Плетнева С. А. Хазары / С. А. Плетнева. — Москва : Наука, 1976. — 89 с.

Плетнева С. А. На славянско-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / С. А. Плетнева. — Москва : Наука, 1989. — 285 с.

Плетнева С. А. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса / С. А. Плетнева, К. И. Красильников // Маяцкий археологический комплекс. — Москва, 1990. — С. 92—139.

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнева. — Москва : Мосты культуры, 1999. — 239 с.

Плетнева С. А. О заселении славянами Саркела — Белой Вежи / С. А. Плетнева // Евразийская степь и лесостепь в эпоху Средневеко-

вья. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14). — Воронеж, 2000. — С. 82—98.

Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате / С. А. Плетнева // Хазарский альманах. — Харьков, 2002. — Т. 1. — С. 110—124.

Погребова М. Н. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod. IV. 22) / М. Н. Погребова, Д. С. Раевский // ВДИ. — 1989. — № 1. — С. 40—65.

Погребова М. Н. Ранние скифы и Древний Восток / М. Н. Погребова, Д. С. Раевский. — Москва : Наука, 1992. — 263 с.

Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону / Г. В. Подгаецкий // КСИ-ИМК. — 1946. — Вып. XIII. — С. 134—137.

Полин С. В. Про «сарматське» завоювання Північного Причорномор'я / С. В. Полин // Археологія. — 1984. — Вып. 75. — С. 24—34.

Попов В. А. Концепт плем'я или етнічність и потестарність «в одному флаконі» / В. А. Попов // Петербургські слов'янські і балканські дослідження. — 2015. — № 2. — С. 14—15.

Поселения срубной общности / А. Д. Пряхин [и др.]. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1989. — 196 с.

Праслов Н. Д. История изучения палеолита Костенковско-Борщевского района и сложение костенковской школы / Н. Д. Праслов // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879—1979. Некоторые итоги полевых исследований. — Ленинград : Наука, 1982. — 285 с.

Праслов Н. Д. А. Н. Рогачев и костенковская модель развития верхнего палеолита / Н. Д. Праслов // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур : мат. Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. Н. Рогачева. — Санкт-Петербург, 2002. — С. 26—29.

Праслов Н. Д. О времени появления лука и стрел / Н. Д. Праслов // Археологическое изучение Центральной России : тез. Межд. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (г. Липецк, 13—16 ноября 2006 г.). — Липецк, 2006. — С. 39—41.

Прокофьев Н. И. Хождение Игнатия Смольянина. Археографическое вступление и текст / Н. И. Прокофьев // Литература Древней Руси. — Москва, 1978. — Вып. 2. — С. 136—145.

Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности / А. Д. Пряхин. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1976. — 166 с.

Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники / А. Д. Пряхин. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1977. — 168 с.

Пряхин А. Д. Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь / А. Д. Пряхин // Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1980. — С. 7—31.

Пряхин А. Д. Археология... Наследие / А. Д. Пряхин. — Воронеж : ЦЧКИ, 1988. — 182 с.

Пряхин А. Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы / А. Д. Пряхин. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1993. — Кн. 1. — 104 с.

Пряхин А. Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы / А. Д. Пряхин. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. — Кн. 2. — 175 с.

Пряхин А. Д. Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон / А. Д. Пряхин, А. З. Винников // Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 1980. — С. 132—158.

Пряхин А. Д. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж / А. Д. Пряхин, А. З. Винников, М. В. Цыбин // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 1987. — С. 5—36.

Пряхин А. Д. Курганы эпохи бронзы Побитужья / А. Д. Пряхин, Ю. П. Матвеев. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1988. — 206 с.

Пряхин А. Д. О выделении воронежской археологической культуры / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин // СА. — 1988. — С. 21—36.

Пряхин А. Д. Древнерусское Семилукское городище XII—XIII вв. на р. Дон: Итоги раскопок 1984—1986 гг. / А. Д. Пряхин, М. В. Цыбин // Археология славянского Юго-Востока. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. — С. 93—106.

Пряхин А. Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) / А. Д. Пряхин, Ю. Д. Разуваев // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья / отв. ред. В. П. Челябинов. — Рязань : НПЦ по охране и использ. памятников истории и культуры, 1993. — С. 13—30.

Пряхин А. Д. Древнерусское Семилукское городище: Материалы раскопок 1987—1993 гг. / А. Д. Пряхин, М. В. Цыбин // На юго-востоке Древней Руси. — Воронеж, 1996. — С. 29—62.

Пряхин А. Д. Железоплавильный комплекс на II Белогорском городище конца I тысячелетия н. э. / А. Д. Пряхин, Ю. Д. Разуваев, М. В. Цыбин // На юго-востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования. — Воронеж, 1996. — С. 78—107.

Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона / А. И. Пузикова // МИА. — 1969. — № 151. — С. 41—81.

Пузикова А. И. Вуздечкові набори в Воронезьких курганів / А. И. Пузикова // Археологія. — Київ, 1980. — Вип. 35. — С. 38—52.

Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье VI—V вв. до н. э. / А. И. Пузикова. — Москва : Наука, 1981. — 121 с.

Пузикова А. И. Скифы Среднего Дона (Воронежская и Белгородская области) / А. И. Пузикова. — Москва : Практика-А, 1995. — 29 с.

Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов) / А. И. Пузикова. — Москва : Индрик, 2001. — 272 с.

Пустовалов С. Ж. Деякі близкосхідні елементи в ідеології катакомбного населення Північного Причорномор'я / С. Ж. Пустовалов // Археологія. — 1993. — № 1. — С. 24—34.

Путь из Булгара в Киев // [мат. науч. конф., 26—27 февр. 1991 г. / Сост. и отв. ред. А. Х. Халиков]. — Казань : Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова, 1992. — 132 с.

Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале / А. Х. Пшеничнюк. — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. — 280 с.

Радзиевская В. Е. Основные итоги раскопок Коломакского городища / В. Е. Радзиевская // История и археология Слободской Украины : тез. Всеукраинской конференции, посвященной 90-летию XII Археологического съезда. — Харьков, 1995. — С. 177—179.

Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея / Д. С. Раевский // СА. — 1970. — № 3. — С. 90—101.

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифосакских племен / Д. С. Раевский. — Москва : Наука, 1977. — 222 с.

Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры / Д. С. Раевский. — Москва : Наука, 1995. — 256 с.

Раевский Д. С. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля / Д. С. Раевский, С. В. Кулланда, М. Н. Погребова. — Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2013. — 273 с.

Разуваев Ю. Д. Городище у села Верхнее Казачье: три среза скифской эпохи на Верхнем Дону / Ю. Д. Разуваев // Археологическое наследие. — 2020. — № 1 (3). — С. 209—231.

Ракушин А. И. Монголы на Волге (обретение новой родины: от завоевания к ассимиляции) / А. И. Ракушин. — Саратов : Техно-Декор, 2016. — 96 с.

Рассадин С. Е. Геродотовы негры в позднеантичной традиции / С. Е. Рассадина // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья : сб. статей. — Запорожье, 1989. — С. 128—129.

Рашев Р. О возможности выделения ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы / Р. Рашев // Татарская археология. — 1998. — № 2 (3). — С. 244—247.

Рогачев А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону / А. Н. Рогачев. — Москва—Ленинград : изд-во АН СССР, 1955. — 164 с.

Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине / А. Н. Рогачев // МИА. — 1957. — № 59. — С. 9—134.

Рогачев А. Н. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма / А. Н. Рогачев, М. В. Аникович // Археология СССР : Палеолит СССР. — Москва : Наука, 1984. — С. 162—271.

Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд / М. И. Ростовцев // МАР. — 1914. — № 34. — С. 79—93.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературных и археологических / М. И. Ростовцев. — Ленинград : Тип. 1-й Ленингр. труд. арт. печати, 1925. — 621 с.

Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I / С. И. Руденко // САИ. ДЗ-9. — Москва—Ленинград, 1962. — 52 с.

Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев / Б. А. Рыбаков // Древности Восточной Европы. — Москва : Наука, 1969. — С. 189—196.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1979. — 147 с.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1982. — 590 с.

Рябова В. А. Металлические кубки из скифских курганов / В. А. Рябова // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. — Киев, 1986. — С. 138—149.

Савелов Л. М. Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении / Л. М. Савелов. — Москва : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1905. — 12 с.

Саврасов А. С. Семилукское поселение XII—XIII вв. в комплексе археологических памятников «Семилукское городище» / А. С. Саврасов // Filo Ariadne. — 2018. — № 1. — С. 94—108.

Савченко Е. И. Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1» (погребальный

обряд) / Е. И. Савченко // Археология Среднего Дона в скифское время : Тр. Потуданской археол. экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг. — Москва : ИА РАН, 2001. — С. 53—143.

Сарапулкина Т. В. Поосколье в скифское время / Т. В. Сарапулкина, А. А. Костылева // Археологическое наследие. — 2020. — № 1 (3). — С. 234—248.

Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / В. В. Седов // МИА. — 1970. — № 163. — 200 с.

Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. / В. В. Седов // Археология СССР. — Москва : Наука, 1982. — 327 с.

Семенов Ю. И. О стадильной типологии общины / Ю. И. Семенов // Проблемы типологии в этнографии : сб. статей. — Москва, 1979. — С. 75—92.

Сергацков И. В. К хронологии средне-сарматской культуры Нижнего Поволжья / И. В. Сергацков // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. — Краснодар, 2004. — С. 107—116.

Серебрянников Б. А. История мордовского народа по данным языка / Б. А. Серебрянников // Этногенез мордовского народа : мат. научной конференции. — Саранск, 1965. — С. 237—256.

Синицын А. А. Конкретно-исторический подход А. Н. Рогачева. Современное состояние / А. А. Синицын // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур : мат. Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. Н. Рогачева. — Санкт-Петербург, 2002. — С. 33—41.

Синицын А. А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики / А. А. Синицын // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. — Санкт-Петербург : Кунсткамера, 2016. — С. 320—337.

Синицын А. А. Раскопки нижнего культурного слоя Костенок 14 (Маркина гора) на западном участке памятника / А. А. Синицын, А. А. Бессуднов, Г. В. Синицына, А. А. Артюшенко // АО. — 2017. — С. 194—197.

Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона / А. Т. Синюк. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1983. — 192 с.

Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита / А. Т. Синюк. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 1986. — 178 с.

Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона / А. Т. Синюк. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 1996. — 353 с.

Синюк А. Т. Гуннское погребение на юге Воронежской области / А. Т. Синюк, В. В. Кравец // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий : тез. докл. науч. конф. — Липецк, 1999. — С. 141—143.

Синюк А. Т. Мостищенский комплекс древних археологических памятников (эпоха бронзы — ранний железный век) / А. Т. Синюк, В. Д. Березуцкий. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 2001. — 192 с.

Скинкайтис В. В. Керамический комплекс золотоордынского времени с поселения Чернышева гора / В. В. Скинкайтис // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2014. — Вып. 6. — С. 584—588.

Скоробогатов А. М. Хронология неолитических памятников лесостепного Подонья / А. М. Скоробогатов, Р. В. Смольянинов, А. В. Сурков, М. Ойнонен, Г. Посснерт // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII—III тыс. до н. э. : кол. моногр. Смоленск : Свиток, 2016. — С. 244—260.

Скоробогатов А. М. Исследование грунтового могильника мариупольского типа на юге Воронежской области / А. М. Скоробогатов // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2016. — Липецк ; Воронеж : Новый взгляд, 2017. — С. 70—71.

Скоробогатов А. М. Стоянка Черкасская-5 и ее место в раннем неолите Среднего Дона / А. М. Скоробогатов // Самарский научный вестник. — 2018. — Т. 7, № 3 (24). — С. 176—189.

Скорый С. А. Про скифский этнокультурный компонент у населения Днепровского лесостепового Правобережья / С. А. Скорый // Археология. — 1987. — № 60. — С. 36—47.

Скорый С. А. Курган Пере'пятиха / С. А. Скорый. — Київ : Наук. думка, 1990. — 123 с.

Скорый С. А. К истории взаимоотношений населения степи и лесостепи в V—IV вв. до н. э. / С. А. Скорый // Киммерийцы и скифы : мат. конференции. — Мелитополь, 1992. — С. 88—90.

Скорый С. А. Киммерийцы в украинской лесостепи / С. А. Скорый. — Киев; Полтава : Археология, 1999. — 136 с.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект / А. С. Скрипкин. — Саратов : изд-во Саратовского гос. ун-та, 1990. — 298 с.

Скрипкин А. С. О географическом положении Азиатской Сарматии и ее населении / А. С. Скрипкин // Культура древних народов

Степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. — Челябинск, 1994. — Кн. 2. — С. 84—87.

Скрипкин А. С. Сарматы / А. С. Скрипкин. — Волгоград : изд-во ВолГУ, 2017. — 293 с.

Смирнов Ю. А. К теории отражения социального статуса умершего в погребальном обряде / Ю. А. Смирнов // Теория и прикладные методы в археологии. — Саратов, 1994. — С. 16—24.

Смирнов А. П. Новый сарматский могильник в Воронежской области / А. П. Смирнов // ВДИ. — 1940. — № 3—4. — С. 363—366.

Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии / К. Ф. Смирнов. — Москва : Наука, 1984. — 184 с.

Соболевский А. И. Некоторые местные названия Воронежской губернии / А. И. Соболевский // Изв. Воронежского краевед. о-ва. — Воронеж, 1927. — № 3—5. — С. 12—14.

Сорокин С. С. О хронологических формулах и значении термина «могильник» / С. С. Сорокин // Успехи среднеазиатской археологии. — Ленинград, 1975. — № 3. — С. 17—22.

Спицын А. А. Новые сведения о городищах Дьякова типа / А. А. Спицын. — Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1905. — 12 с.

Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей / А. А. Спицын // ИАК. — 1918. — № 65. — С. 87—143.

Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи : мат. Международной научной конференции / ред. А. Д. Пряхин. — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. — 204 с.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха / отв. ред. М. Г. Мошкова. — Москва : ИА РАН, 1994. — 223 с.

Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства / А. Д. Столяр. — Москва : Искусство, 1985. — 298 с.

Стрижак О. С. Етнонімія Геродотової Скіфії / О. С. Стрижак. — Київ : Наук. думка, 1988. — 221 с.

Сурков А. В. Многослойная стоянка Ямное (материалы исследований) / А. В. Сурков, А. М. Скоробогатов. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 2012. — 120 с.

Сурков А. В. Памятники финальной бронзы в среднем Подонье / А. В. Сурков, И. Е. Сафонов // тр. VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. — Самара, 2020. — Т. 1. — С. 348.

Такмаков В. И. Клад кузнечных изделий со средневекового поселения Ромашки Рамонского района Воронежской области / В. И. Такмаков, В. Н. Ковалевский, А. Г. Яблоков // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2014. — Вып. 6. — С. 614—622.

Татищев В. Н. История Российская : в 7 т. / В. Н. Татищев / Вступ. статья А. И. Андреева [и др.]. — Москва ; Ленинград : изд-во АН СССР, 1964. — Т. 3. — 333 с.

Тереножкин А. И. Киммерийцы / А. И. Тереножкин. — Киев : Наук. думка, 1976. — 223 с.

Трейстер М. Ю. Импортные бронзовые кованные котлы Азиатской Сарматии / М. Ю. Трейстер // Scripta antiqua : Альманах. — Москва, 2019. — Т. 8. — С. 147—207.

Тропин Н. А. Рец.: А. З. Винников. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII — нач. XIII в. (Животинное городище на р. Воронеж). — Воронеж : Кварта, 2014. — 395 с. / Н. А. Тропин // РА. — 2016. — № 4. — С. 171—173.

Трунов М. П. Раскопки в Бобровском уезде / М. П. Трунов // Труды ВУАК. — 1902. — Вып. I. — С. XXX—XLIV.

Федюнин И. В. Мезолитические памятники Среднего Дона / И. В. Федюнин. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 2007. — 142 с.

Федюнин И. В. Палеолит и мезолит Южного Подонья / И. В. Федюнин. — Воронеж : изд-во ВГПУ, 2010. — 201 с.

Федюнин И. В. Мезолит лесостепного Подонья в ретроспективе и перспективе исследования / И. В. Федюнин // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2015. — № 1. — С. 16—27.

Фиалко Е. Е. Амазонки во времени и пространстве / Е. Е. Фиалко // Археологія і давня історія України. — 2015. — Вип. 4 (17). — С. 46—99.

Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии: Маяцкий могильник / В. С. Флеров [и др.] — Волгоград : Перемена, 1993. — 142 с.

Хазанов А. М. Социальная история скифов / А. М. Хазанов. — Москва : Наука, 1975. — 336 с.

Хазанов А. М. Кочевники и окружающий мир / А. М. Хазанов. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 512 с.

Халиков А. Х. Торговые пути Булгарии в IX—XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) / А. Х. Халиков // Путь из Булгара в Киев [мат. науч. конф., 26—27 февр. 1991 г. / Сост. и отв. ред. А. Х. Халиков]. — Казань : Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова, 1992. — С. 12—22.

Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья / Е. А. Халикова // СА. — 1976. — № 3. — С. 141—156.

Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны»: Антология ранних латинский сведений о татаро-монголах / Р. Хаутала. — Казань : Ин-т истории Ш. Марджани АН РТ, 2015. — 495 с.

Хотинский Н. А. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена / Н. А. Хотинский // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. — Москва, 1982. — С. 142—148.

Хреков А. А. Археологические памятники средневековых кочевников на территории лесостепного Прихоперья (Червленого Яра) / А. А. Хреков // Золотоордынскому городу Увеку семь с половиной столетий : мат. научно-практической конференции. — Саратов : изд-во Саратовской губернской торгово-промышленной палаты, 2003. — С. 53—58.

Хреков А. А. Средневековые памятники Прихоперья в XIII—XIV вв. К истории Червленого Яра / А. А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. — 2019. — Вып. 17. — С. 171—227.

Хреков А. А. Древности Прихоперья / А. А. Хреков. — Балашов : Николаев, 2004. — 200 с.

Хронология неолитических памятников лесостепного Подонья / А. М. Скоробогатов [и др.] // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII—III тыс. до н. э. — Смоленск : Свиток, 2016. — С. 244—260.

Худяков Ю. С. О символике стрел древних кочевников Центральной Азии / Ю. С. Худяков // Этнографическое обозрение. — 2004. — № 1. — С. 102—113.

Цалкин В. И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону / В. И. Цалкин // МИА. — 1969. — № 151. — С. 128—136.

Цыбин М. В. Погребения средневековых кочевников X—XIV вв. в Среднем Подонье / М. В. Цыбин // СА. — 1986. — № 3. — С. 257—266.

Цыбин М. В. Половцы и Рязанская земля / М. В. Цыбин // Археология восточно-европейской лесостепи. — Воронеж, 1999. — Вып. 13. — С. 130—139.

Цыбин М. В. Юго-восточная граница Руси накануне монгольского нашествия (история развития идеи) / М. В. Цыбин // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14). — Воронеж : изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. — С. 130—137.

Цыбин М. В. Русские поселения на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье / М. В. Цыбин // Сельская Русь в IX—XVI веках. — Москва, 2008. — С. 101—107.

Цыбин М. В. Погребения кочевников VII—VIII вв. в Среднем Подонье / М. В. Цыбин // Дивногорский сборник. — 2016. — Вып. 6. — С. 332—338.

Цыбин М. В. Среднее Подонье в IX—X вв. Археологический контекст Воробьевского погребения / М. В. Цыбин // III Международный Мадьярский симпозиум, Будапешт, 6—10 июня 2016 г. — Budapest : Martin Opitz Kiadó, 2018. — С. 335—346.

Цыбин М. В. Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области / М. В. Цыбин, Н. М. Савицкий // Генуэзская Газария и Золотая Орда. — Казань — Кишинев : Stratum, 2019. — С. 509—520.

Чендев Ю. Г. Погребенные почвы курганов и климат голоцена южной окраины Среднерусской возвышенности / Ю. Г. Чендев // Археология Среднего Дона в скифское время : тр. Потуданской археол. экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг. — Москва : ИА РАН, 2001. — С. 168—169.

Чендев Ю. Г. Почвы и природная среда бассейна реки Воронеж во второй половине голоцена / Ю. Г. Чендев, А. Л. Александровский // Почвоведение. — 2002. — № 4. — С. 389—398.

Чернай И. Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры / И. Л. Чернай // СА. — 1981. — № 4. — С. 70—85.

Черненко Е. В. Скифские лучники / Е. В. Черненко. — Киев : Наук. Думка, 1981. — 168 с.

Черненко Е. В. Курганы воинов-дружинников Скифии / Е. В. Черненко // Киммерийцы и скифы : тез. II Междунар. конф., посвященной памяти А. И. Тереножкина. — Мелитополь, 1992. — С. 101—102.

Чернопицкий М. П. Курганная группа как архитектурный ансамбль / М. П. Чернопицкий // Скифо-сибирское культурно-историческое единство : мат. конференции. — Кемерово : изд-во Кемеровск. ГУ, 1980. — С. 176—186.

Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР / Е. Н. Черных. — Москва : Наука, 1976. — 301 с.

Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР / Е. Н. Черных // СА. — 1978. — № 4. — С. 53—82.

Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии / Я. В. Чеснов. — Москва : Гардарики, 1998. — 400 с.

Членова Н. Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье / Н. Л. Членова // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология. — Москва : Наука, 1984. — С. 259—267.

Шафарик П. И. Славянские древности. От Геродота до падения Гуннской и Римской держав. 456 г. до н. э. — 469—476 гг. н. э. / П. И. Шафарик ; пер. О. М. Бодянского. — Т. 1. — Москва : Унив. тип., 1848. (2-е изд.: Академическая практика, 2013. — 476 с.).

Швецов М. Л. О головном уборе половчанки / М. Л. Швецов // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1993. — С. 104—114.

Шевченко А. А. Новые материалы к изучению могильника скифского времени Колбино I / А. А. Шевченко // Труды Донской археологической экспедиции РАН, 2004—2008 гг. — Москва : ИА РАН, 2009. — С. 26—111.

Шенников А. А. Червлёный Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. / А. А. Шенников. — Ленинград : Наука, 1987. — 139 с.

Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья / В. П. Шилов. — Ленинград : Наука, 1975. — 208 с.

Шинаков Е. А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства / Е. А. Шинаков // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. — Санкт-Петербург, 2000. — С. 34—93.

Шипчинский А. В. Снежный покров в Воронежской губернии / А. В. Шипчинский. — Воронеж : [б. и.], 1926. — 27 с.

Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии / А. И. Шкурко // Скифосибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — Москва : Наука, 1976. — С. 90—105.

Шоков А. Ф. Скифы на Среднем Дону / А. Ф. Шоков. — Воронеж : Воронежское обл. кн-во, 1952. — 40 с.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. — Харьков : изд-во Харьковского ун-та, 1962. — 404 с.

Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии / Б. А. Шрамко // МИА. — 1971. — № 177. — С. 92—102.

Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон / Б. А. Шрамко // Скифский мир. — Киев : Наук. думка, 1975. — С. 94—132.

Шрамко Б. А. Фридрих Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии / Б. А. Шрамко // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. — Киев, 1984. — С. 218—230.

Шрамко Б. А. Культовые скульптуры Гелона / Б. А. Шрамко // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. — Курск, 1985. — С. 3—39.

Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) / Б. А. Шрамко. — Киев : Наук. думка, 1987. — 180 с.

Шрамко Б. А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе: доскифский период / Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев // СА. — 1977. — № 1. — С. 57—74.

Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура) / М. Б. Щукин. — Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ, 2005. — 575 с.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1989. — 222 с.

Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников / В. Р. Эрлих. — Москва : Наука, 2007. — 430 с.

Эрдели И. Венгры на Дону / И. Эрдели // Маяцкое городище : тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. — Москва : Наука, 1984. — С. 20—25.

Юрасов М. К. Следы древних венгров на Воронежской земле / М. К. Юрасов // Вестник ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология. — 2016. — № 4. — С. 91—94.

Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии / В. П. Яйленко // СЭ. — 1983. — № 1. — С. 54—65.

Krause J. A Complete mtDNA Genome of an Early Modern Human from Kostenki, Russia / J. Krause, A. W. Briggs, M. Kircher, T. Maricic, N. Zwyns, A. P. Derevianko, S. Pääbo // Current Biology. — Vol. 20. — P. 231—236.

Dinnis R. Eastern Europe's «Transitional Industry»: Deconstructing the Early Streletskian / R. Dinnis, A. Bessudnov, N. Reynolds [et al.] // Journal of Paleolithic Archaeology. — 2021. — Vol. 4. — Is. 1. — No. 6. — 46 p.

Erdélyi I. Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei / I. Erdélyi. — Budapest, 2008. — 243 p.

Leroi-Gourhan F. L'histoire sans texts: ethnologie et préhistoire / F. Leroi-Gourhan // L'histoire et ses methods. — Paris : Fayard, 1961. — 384 p.

Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin / B. A. Raev // BAR. — Intern. Series 278. — Oxford, 1986. — 135 p.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВГПИ — Волгоградский государственный педагогический институт
ВГПУ — Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ — Воронежский государственный университет
ВДИ — Вестник древней истории
ВолГУ — Волгоградский государственный университет
ВУАК — Воронежская Ученая архивная комиссия
ВЯ — Вопросы языкознания
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИБ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук
ИВИ — Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ УФИЦ РАН — Институт истории, языка и литературы Уфимского Федерального исследовательского центра Российской академии наук
ИЭ АН СССР — Институт этнографии Академии наук СССР

КГПИ — Куйбышевский государственный педагогический институт
КГУ — Краснодарский государственный университет
КСИА — Краткие сообщения ИА РАН
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГПУ — Липецкий государственный педагогический университет
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Императорской археологической комиссии
ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОПИ ГИМ — Отдел полевых исследований Государственного исторического музея
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РСМ — Раннеславянский мир
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
УФИЦ РАН — Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
ХНУ — Харьковский национальный университет
ЦЧКИ — Центрально-Черноземное книжное издательство
ІА НАНУ — Інститут археології Національної академії наук України

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ (ДОН)

Коллективная монография

Под редакцией А. П. Медведева

Издание публикуется в авторской редакции
и авторском наборе

Подписано в печать 28.10.2022. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 45,57. Тираж 500 экз. Заказ 165.

ООО Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308
Тел. +7 (473) 200-81-02, 229-78-68
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5
Тел. +7 (473) 229-32-87
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: nautyp@yandex.ru